ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ОКТЯБРЬ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

4248

МОЯ ДОЧЬ

ИЗЪ ПОВѢСТИ ДНЕЙ МОИХЪ.

Передъ тѣмъ, какъ идти спать,—ахъ! уже слипаются глазенки!—Наташа тихо, на цыпочкахъ, являлась въ кабинетъ и, не подходя ко мнѣ, забиралась въ уголокъ дивана. Здѣсь, положивъ голенькій локоть на твердую кожаную подушку, она устраивалась поудобнѣе и ждала. Ждать ей приходилось недолго. Если я въ это время ставилъ точку, то это было лишь случайностью; обычно я обрывалъ свою рукопись на запятой или на начатой фразѣ. Иногда я заранѣе бросалъ работу, поджидая, когда явится моя сонная дѣвочка; откинувшись на спинку кресла, я смотрѣлъ на полки книгъ, на бѣлѣющую въ полумракѣ статуэтку эсквилинской Венеры, на большой портретъ женщины, строгой и задумчивой, которую я когда-то любилъ... Все, что я любилъ, все, что ушло,—вновь окружало меня. И это мертвое должно было сейчасъ оживиться при входѣ милаго ребенка, умнаго, какъ эти книжныя полки, изящнаго, какъ эта статуэтка, и такъ похожаго, такъ похожаго на этотъ портретъ.

Однако установившійся у насъ этикетъ требовалъ, чтобы Наташа заставала меня за работой и чтобы оба мы терпѣливо ждали этой самой блаженной нашей минуты. Требовалось даже проявленіе нѣкотораго равнодушія.

Но вотъ я заслоняю зеленымъ экраномъ свѣтъ лампы и подхожу къ дивану.

Полагалось по этикету, чтобы Наташа вставала на диванѣ во весь ростъ, обвивала мою шею своими тонкими теплыми ручками и прятала голову на моемъ плечѣ. Это было ея послѣд-

нимъ энергичнымъ движеніемъ за сегодняшній день. Она уже не мѣняла положенія, въ то время какъ я усаживался на ея мѣсто въ затѣненномъ уголкѣ дивана. И начиналось то, что мы звали нашей маленькой тайной, нашей сказкой...

. . . . . .

Я пишу эти строки и вслушиваюсь въ темноту ночи. Я жду шороха дѣтскихъ ножекъ, звука повернутой дверной ручки, жду зоркаго взгляда усталыхъ глазокъ изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ. Жду напрасно... Жду напрасно...

. . . . . .

И она шепчетъ мнѣ на ухо:

— Разскажешь про елочки и про бѣлый снѣжокъ?

— Что же тутъ разсказывать, Тука,—упрямлюсь я.—Я уже все тебѣ разсказалъ, больше ничего не знаю.

Тука пробуетъ шевелиться, но не очень энергично. Знаетъ, что все равно добьется своего. Для вѣрности поглубже прячетъ головку у меня на груди. На рукѣ моей теплое дѣтское дыханье.

— Дѣло въ томъ, Тука, что елочки, о которыхъ я тебѣ разсказывалъ, растутъ очень далеко. И не елочки, а большія, высокія ели съ колючими зелеными иголками. Большіе, безконечные лѣса, гдѣ дышать легко-легко, гдѣ воздухъ душистый-смолистый, а между деревьями разостланы богатые ковры бархатнаго мха. Тутъ же, на полянкахъ, въ густой зеленой травѣ, мелькаютъ головки красной кашки, желтаго лютика, и щавель цвѣтетъ красноватыми деревцами. А сколько птичекъ, Тука, слышишь? Слышишь, какъ онѣ повсюду щебечутъ и поютъ? Слышишь, Тука родная?

Тука поднимаетъ голову, слушаетъ. Оба мы слушаемъ. И внимательно-внимательно Тука смотритъ мнѣ въ глаза.

— Теперь мы съ тобой далеко отсюда, мы въ родныхъ лѣсахъ, среди родной хвои, подъ нашимъ, хоть и хмурымъ, русскимъ небомъ...

— Почему оно хмурое?

— Оно ласковое, но не радостное, Тука. Тѣмъ, кто счастливъ, небо кажется свѣтлымъ и радостнымъ, и солнце тѣмъ улыбается. А у насъ, среди нашихъ лѣсовъ, счастье—рѣдкій гость, горе же—полный хозяинъ. У насъ, Тука, люди смѣются грустно и плачутъ негромко, про себя. Ты понимаешь?

Не отвѣчаетъ. Только глубже зарываетъ головку. И дышетъ глубже.

— Поймешь потомъ, Тука, если теперь тебѣ это еще не

ясно. Пойдемъ-ка лучше на рѣчку. Это, Тука, не бѣда, что рѣчка наша маленькая; за то какая она свѣтлая!

— И за то рыбки,—шепчетъ моя дѣвочка.

— Да, за то рыбокъ сколько! Рыбки, положимъ, тоже маленькія. Но вѣдь мы не ловить ихъ пришли, а только посмотрѣть, какъ онѣ играютъ.

— Во что?

— Играютъ въ перегонки, гоняются другъ за дружкой. И ловятъ жучковъ на водѣ. А тамъ, на днѣ, видно, какъ ползаютъ тоненькія палочки; это въ нихъ червячки живутъ, Тука, это они и ползаютъ. Нарочно сдѣлали себѣ домики, чтобы никто ихъ найти не могъ. А дальше, Тука, за мостикомъ, въ заводи, лиліи около береговъ плаваютъ, большія бѣлыя водяныя лиліи. Похоже на фарфоровыя чашечки.

— Только безъ ручки,—сквозь первый сонъ подсказываетъ Тука.

— Да. Есть и красныя. Только бѣлыя красивѣе!

— Лучше пускай всѣ будутъ бѣлыя. Какъ снѣжокъ. Разскажи про снѣжокъ!

— Снѣжокъ, Тука, зимой выпадетъ. И какъ выпадетъ первый снѣгъ, мы съ тобой пойдемъ на лугъ. Все бѣлое-бѣлое, даже елки кругомъ бѣлыя. И бѣлая шубка на тебѣ. И такъ блеститъ на солнцѣ первый снѣгъ. Тебѣ тепло ли, дѣвочка?

Тука совсѣмъ спитъ, и все же бормочетъ:

— Тепло; снѣжокъ теплый...

— Снѣжокъ-то не теплый, а вотъ шубка у тебя теплая, заячья. Щечки у тебя красныя, а чтобы носикъ не побѣлѣлъ—его можно потереть рукавичкой. Ты спишь, Тука?

Молчанье.

— Дѣвочка ты моя милая... Все это ты увидишь когда-нибудь. Вся наша сказка, бѣлая сказка сѣверная, для тебя сбудется. А мнѣ удастся ли? Тоже вѣрно удастся, только когда? Еще много лѣтъ пройдетъ, много зимъ убѣжитъ, много снѣжинокъ въ волосахъ прибавится... Въ родные края ты, Тука, свободной явишься; я научу тебя любить заочно и елочку, и рѣчку, и пушистый снѣжокъ. Все—для тебя, Тука, весь міръ для тебя созданъ, и я лишь для тебя живу, родная моя дѣвочка.

Дышетъ мѣрно, но ручки цѣпко держатъ меня.

Счастье! Это ли не счастье! Маленькое живое существо, маленькое живое сердечко, которое такъ быстро и ровно бьется. Темнѣющіе волосы, мягкіе и нѣжные, какъ тончайшія нити шелка. Радость ты моя! Тепло ты мое! Маленькій деспотъ, не

велящій мнѣ уходить изъ жизни. Я нуженъ тебѣ? Нуженъ для сказокъ про елочки и снѣжокъ? Хорошо, буду жить для тебя. А выростешь—бросишь, отца бросишь... Но еще долго ждать... Еще много сказокъ ты потребуешь отъ меня, прежде чѣмъ скажешь:

— Довольно! Теперь я хочу жить. Теперь пойду въ жизнь сама. Безъ опоры; мнѣ не нужна опора; во мнѣ много силъ непочатыхъ.

А пока...

Пока я отнесу тебя спать. Ну же, Тука, отпусти рученки. Пойдемъ спать, моя дѣвочка. Что это? Я слабѣю, или ты съ каждымъ днемъ становишься тяжелѣе?

Кончена наша сказка на сегодня. Тука, спи покойно!

Есть чуткій, вѣрный сторожъ твоего сна. Твоя няня уже дремлетъ на стулѣ; но еще долго будетъ бодрствовать въ комнатѣ рядомъ твой отецъ.

И думать, думать...

Пусть я пишу—мнѣ такъ легче...

Пусть родятся вновь прежнія картины, пусть встаютъ передъ памятью, гаснутъ, смѣняютъ одна другую. Молодость, горе, одиночество, счастье, любовь, тоска по утраченномъ и радость новыхъ откровеній.

Однажды, раннимъ утромъ, когда море еще спало, а проснулась лишь яркая звѣздочка бѣлаго паруса, я смотрѣлъ въ бинокль. Все поле зрѣнія занялъ кружокъ мелкихъ волнъ, и, какъ подъ микроскопомъ, я увидалъ среди нихъ рыбачью лодку и въ ней двухъ рыбаковъ. Одинъ сидѣлъ у руля, другой старался наладить снасти. Я видѣлъ, собственно, только двухъ муравьевъ, копошащихся въ крупной дождевой каплѣ, цѣпляясь за лепестокъ черемухи... А вѣдь и это была жизнь, были двѣ жизни. И можетъ быть каждая изъ этихъ жизней была богата и содержательна. Но вотъ парусъ поставленъ, и мчится лодка въ кружкѣ моего бинокля—куда? Зачѣмъ? Къ берегу или въ открытое море? Къ пристани или къ новымъ опасностямъ?

Такъ все мелко въ отдаленьи... Мелко, цѣльно и ясно, какъ въ кругѣ дорогого бинокля, направленнаго на далекій горизонтъ.

И прошлыя волны могутъ казаться легкой рябью. А вѣдь съ ними нужно было бороться, ихъ надо было побѣждать! Я плылъ, я быстро заносилъ руку, я смѣло толкалъ впередъ тѣло, при-

влекая холодную волну; и сердито хмурился, когда гребень ударялъ мнѣ въ лицо.

Или—тихое море... Тогда ложился на спину и тихо покачивался, глядя въ синеву неба. Видно было только небо... Только небо, а на немъ легкое облачко и ни признака грозовой тучи.

Пусть волна за волной прибиваетъ былое къ берегу памяти. Пусть встанутъ призраки; они близки мнѣ,—вѣдь я былъ имъ близокъ! Моя маленькая Тука, не бойся призраковъ! Это только кажется, это только „будто бы", это только было. Или и ты—только призракъ былого?

Тяжело падаетъ на грудь голова. Только было... Только призраки... Одиночество, мое вѣчное отнынѣ одиночество...

А у меня была богатая жизнь; любовью богатая. Святой любовью богатая и святой ненавистью, и грѣхомъ любви святой и благомъ святой ненависти. Былъ молодъ и силенъ, и не зналъ, что значитъ кланяться опасности и бѣжать отъ переживаній.

Все ушло, и какъ-то сразу. Будто отрѣзало. Какъ листъ, оторванный въ тотъ моментъ, когда все дерево въ цвѣту.

Боже, какимъ вѣтромъ меня не носило!

Дулъ трамонтано, холодный сѣверный сквознякъ; сердце холодилъ. Какимъ-то оно нечувствительнымъ, деревяннымъ дѣлалось. И мысль, вчера безпокойная, вчера ищущая,—застывала, уставала, отставала. И было все равно: адъ или рай, кровь или вода или ядовитый напитокъ. И было все равно: смерть или жизнь, или призракъ жизни, или ея отрицанье.

Или дулъ сирокко. Сушилъ влагу жизни, обвѣвалъ нечистымъ жаромъ. Страсть разгоралась, неспособная насытиться, и сжимались кулаки, и сухимъ гнѣвомъ горѣли глаза, и голосъ въ горлѣ застывалъ въ сухомъ, жесткомъ проклятьи. Проклятье тѣмъ, кто отрываетъ молодые листы отъ цвѣтущаго дерева.

А то, рѣдко правда!—теплый, мягкій вѣтеръ съ моря дулъ. Все прощалось, все щадилось; ради дѣтей отцамъ простить хотѣлось; и глупыя, сентиментальныя слезы говорили: ну, хорошо, мы подождемъ; мы будемъ литься, но такъ, что это никого не будетъ безпокоить. Это не отъ горя, а отъ теплаго вѣтра. Отъ теплаго вѣтра, отъ влажнаго вѣтра съ моря...

И тамъ—и здѣсь, и въ родныхъ хвойныхъ лѣсахъ—и среди чужихъ оливъ и пальмъ, всегда я жилъ полно и нужно. Жилъ, пока былъ молодъ. И хотѣлъ всегда остаться молодымъ и всегда жить. Но этого было нельзя. Пришлось уступить мѣсто другимъ, молодымъ годами и свѣжимъ вѣрой. Тогда я сталъ любить

молодость въ другихъ, и для начала полюбилъ дѣтскость Наташи; хотя она была не дочь мнѣ, т.-е. по плоти не дочь... вы знаете?

А теперь у меня нѣтъ моей радости. Экранъ отъ лампы бросаетъ тѣнь на уголокъ дивана. Уголокъ дивана пустъ. Я попрежнему сижу за столомъ... Совершенно одинъ.

Тихо-тихо мы съ Ольгой проходимъ въ „дѣтскую“. Я горжусь тѣмъ, что въ моей маленькой квартирѣ есть особая дѣтская — царство Туки. Няня спитъ тутъ же за пологомъ, спитъ крѣпко.

Стѣнная лампочка съ бѣлымъ шарикомъ-абажуромъ освѣщаетъ Тукину кровать. На лицѣ Туки дѣловое, немножко нахмуренное выраженіе. Она лежитъ, крѣпко прижавъ къ подушкѣ правую щечку; ея носикъ, правильный и красивый, немножко смялся и кажется курносымъ. Тука во снѣ—самая смѣшная и курьезная дѣвочка на свѣтѣ! Ручка выбилась изъ подъ одѣяла, и ямочка на локтѣ очаровательна безконечно! Это—не ручка, это—не ямочка на локтѣ; это—сама поэзія, это—ninna-nanna, колыбельная пѣсня, симфонія дѣтской радости, сказка про царевну-крошку въ странѣ лилипутовъ.

— Оля! Ты видишь? Вѣдь это—больше чѣмъ восторгъ! Оля, это—моя гордость; немножко больше, чѣмъ счастье, немножко лучше, чѣмъ любовь.

Ольга растрогана. Она такъ любитъ меня и все мое... Но мой восторгъ не горитъ въ ея глазахъ. Скорѣе я читаю въ нихъ затаенную боязнь и что-то вродѣ ревности. Но Ольга слишкомъ добра и умна, чтобы ревновать меня къ этому маленькому человѣческому явленью, которое зовутъ Тукой.

— Подожди, я покажу тебѣ живыя картины! Подожди, Оля, ты увидишь нѣчто совершенно, совершенно...

Бѣгу на ципочкахъ въ кабинетъ. У меня тамъ на полкѣ лежатъ экраны изъ цвѣтной бумаги. Я самъ склеилъ рамки и самъ затянулъ ихъ бумагой. Это смѣшно — но я такъ люблю Туку!

На ципочкахъ со свѣчкой возвращаюсь. Ольга вздрагиваетъ; она сейчасъ пристально смотрѣла на мою дѣвочку; пристально, пристальнымъ взглядомъ. Теперь откинулась — испуганно взглянула на меня.

— Ревнуешь?

Довѣрчиво кладетъ руки мнѣ на плечи:

— Нѣтъ, Гриша; но, конечно, не спокойна. Хочу полюбить ее...

И весело добавляетъ, откинувъ волосы:

— Хочу полюбить больше, чѣмъ тебя, больше, чѣмъ ты ее, больше, чѣмъ она тебя!

И начинаются живыя картины. Вотъ она сбоку, освѣщенная розовымъ свѣтомъ. Вотъ—ласковый, бѣлый, разсѣянный свѣтъ; вотъ ярко-красный—какъ щечки запылали! Теперь, Оля, смотри отсюда; нужно смотрѣть издали, только на волосы и кроватку; на лицо зеленый свѣтъ бросать не нужно. Тука блѣдной кажется. Теперь еще желтый — будто бы луной освѣщена. Нравится? Это я придумалъ! Это мои „живыя картины“.

— Гриша...

Оля становится на колѣни; какая она странная, восторженная... Говоритъ:

— Гриша... какъ умѣешь ты такъ любить? Гриша, скажи, ты святой? Гриша, нужно быть тебя достойной?

И плачетъ, точно она грѣшница. Чѣмъ я могъ оскорбить ее? Я ее поднимаю, говорю ей, смѣясь:

— Что ты? Я просто—художникъ! И потомъ я—узкій собственникъ. Вѣдь это—моя дѣвочка, пойми!

Говорю:

— Склонись надъ ней, Оля. Вотъ такъ! Теперь...

А самъ освѣтилъ ихъ обѣихъ краснымъ экраномъ. Двѣ красоты...

Говорю:

— Оля! Эту картину я вижу впервые!

И она уже смѣется. Мы оба склонились рядомъ, и оба слушаемъ теплое дыханіе спящей Туки. Въ нашемъ общемъ это былъ лучшій моментъ.

Если ты, Оля, слышишь меня,—скажи: правда ли, что это было лучшей минутой среди многихъ прекрасныхъ? Ты не бойся, что это было наивно, сентиментально, смѣшно со стороны. Вообще, Оля, хорошаго не нужно стыдиться, оно никогда не пошло.

Мы съ Наташей были большими охотниками до кличекъ другъ другу. Такъ, я звалъ ее: „мое любопытное явленье“, „мое все“, „носительница прекраснаго локона“, „дѣвочка-топоталка“, „сказочка въ башмачкахъ“. Чаще звалъ ее:

— Родная моя, любимая моя, радость дней моихъ...

Тука была консервативнѣе въ кличкахъ; обычно она назы-

вала меня „ученый господинъ папа“, — когда изволила безпокоить меня въ кабинетѣ, и „мой дорогой другъ“,—когда ласкалась ко мнѣ въ дѣтской.

На этотъ разъ, расписавшись въ полученіи почтовой посылки, я направляюсь въ дѣтскую. Тука сидитъ въ мечтательной позѣ посреди игрушекъ, которыя ей надоѣли окончательно.

Зову ее:

— Маленькая пожирательница картинокъ! Не хотите ли пожаловать на вскрытіе посылки съ книжками?

Еще бы! Этотъ звѣренышъ готовъ сбить меня съ ногъ. Чрезвычайно трудно пріучить Туку къ этикету.

Однако, безъ особыхъ формулъ, напоминающихъ немного разговоры индѣйцевъ по Майнъ-Риду въ плохомъ переводѣ, мы обходимся рѣдко, только въ минуты исключительной серьезности.

— Ну же, ну!—теребитъ меня Тука.

— Пожиратель картинокъ!—увѣщеваю я ее. — Необходимо быть болѣе терпѣливой. Сначала мы положимъ этотъ свертокъ на столъ и полюбуемся на него издали; затѣмъ осторожно подрѣжемъ нитки, снимемъ холстъ и бумагу; когда вынемъ книжки, будемъ потихоньку разсматривать одну за другой. Согласна?

У Туки лицо опечаленное. Но она не увѣрена, серьезно ли я говорю, или шучу. Поэтому она встаетъ на стулъ, дотягивается до моего уха и говоритъ:

— Не очень согласна!

Добираемся до книжекъ. Это—дѣтскіе журналы и журналы воспитательные. Первые поступаютъ въ полное распоряженіе Наташи, вторыми пытаюсь заняться я. Конечно, это мнѣ не удается, такъ какъ между нами возникаетъ оживленнѣйшая бесѣда по поводу одногорбаго и двугорбаго верблюда. Затѣмъ доходимъ до святочной елки, и я принужденъ долго объяснять моей дѣвочкѣ то, что въ Россіи знаетъ каждый ребенокъ.

— Какъ же она растетъ въ комнатѣ?—спрашиваетъ Тука.

— Родная моя, ты спрашиваешь большой вздоръ! Дѣвочка моя, ты осрамила мои сѣдины! Конечно, рождественскую елку приносятъ изъ лѣсу; помнишь, я разсказывалъ тебѣ про елки, бѣлыя отъ снѣгу, про пушистаго зайчика, у котораго одно ухо торчитъ, а другое опущено, и отъ того вся рожица кажется кривой и смѣшной?

— И про бѣлочку, которая всегда задрала хвостикъ и грызетъ орѣхи.

— Да, и прыгаетъ съ дерева на дерево, съ елки на елку. Такъ вотъ, Тука, передъ Рождествомъ въ этотъ лѣсъ приходятъ

крестьяне, выбираютъ елки покрасивѣе, рубятъ ихъ подъ самый корень и отвозятъ въ городъ. А здѣсь ихъ у крестьянъ покупаютъ, приносятъ домой, ставятъ въ комнатѣ, украшаютъ свѣчками, блестящими шариками, игрушками и всякими штуками. Вечеромъ зажигаютъ на елкѣ свѣчи, приводятъ дѣтей, танцуютъ, веселятся. Понимаешь? Вотъ какъ тутъ, на картинѣ.

Тука молча перевертываетъ страницу, а потомъ совсѣмъ закрываетъ книгу. Я вижу, что она недовольна.

— Тука, тебѣ не нравится?

Молчитъ.

— Не хочешь больше смотрѣть?

— Мнѣ довольно скучно,—уклончиво отвѣчаетъ моя дочка.— Картинки очень плохія. Про елочку тоже совсѣмъ не интересно.

Что это значитъ? Я хорошо знаю Туку и вижу, что она что-то думаетъ. Неужели ей, какъ всякому ребенку, захотѣлось видѣть елку съ игрушками и яркими свѣчами? Но, Боже мой! Я добуду, я сдѣлаю все, чего захочетъ моя дѣвочка!

— Тука, отчего тебѣ скучно?

Она уже плачетъ, она уже горько рыдаетъ у меня на колѣняхъ. И, громко всхлипывая, утирая слезы кулачками, говоритъ порывисто:

— Зачѣмъ они... зачѣмъ они ее подъ корешокъ рубятъ! Зачѣмъ подъ корешокъ!

И съ безнадежнымъ отчаяніемъ прибавляетъ:

— Всѣ наши елочки въ лѣсу вырубили, всѣ елочки вырубили! И ту, которая бѣлая!

Что съ ней? Никогда она не была такой нервной. Стараюсь утѣшить. Увѣряю, что елокъ въ лѣсу много, сто тысячъ тысячъ, а можетъ быть еще больше. Если мы пойдемъ посмотрѣть, мы и не замѣтимъ, что ихъ рубили. Конечно—жалко, и поплакать слѣдуетъ. Но очень много плакать не стоитъ, такъ какъ заболятъ глазки. И слезокъ тоже жалко, онѣ могутъ на что-нибудь пригодиться.

Понемногу Наташа успокаивается. Сначала теребитъ меня за пуговицу пиджака, потомъ тихонько гладитъ мнѣ бороду. Потомъ смотритъ однимъ глазомъ, но не прямо въ глаза мнѣ, а немного пониже глазъ. По этикету я въ такихъ случаяхъ долженъ сказать:

— А у тебя носикъ не совсѣмъ красный, Тука! Дождикъ прошелъ?

— Да.

— Теперь солнце выглянетъ?

— Да.

— Послѣ дождя всегда лучше бываетъ. Пыли меньше, не такъ скучно.

— Да. Только голова болитъ.

Ужъ не больна ли? Щупаю головку — горячая. То-то я замѣтилъ, что она сегодня съ утра задумчива! Но, можетъ быть, жару нѣтъ, это она отъ слезъ такъ разгорячилась.

— Мой дорогой другъ,—вдругъ говоритъ Тука,—мнѣ что-то не хочется, чтобы она сегодня приходила!

— Кто она, Тука?

— Та тетя, которая Оля.

Уже не въ первый разъ говорила мнѣ это Тука, и съ болью сердечной я слышалъ ея слова. Я не знаю, почему Ольга не сумѣла сойтись съ моей дѣвочкой. Когда онѣ бывали вмѣстѣ, Ольга казалась смущенной и теряла свою обычную молодую веселость. Наташа при Ольгѣ очень важничала и слишкомъ надувала губки, но никогда не плакала. Въ эти минуты она даже меня рѣдко удостаивала разговоромъ. А Ольгѣ обычно, лишь при настойчивыхъ ея вопросахъ, отвѣчала односложно и разсѣянно, въ бесѣды же съ нею никогда не вступала, предпочитая какую-нибудь одинокую игру. И достаточно мнѣ было взять Ольгу за руку, чтобы Тука, эта крошечная женщина, начинала проявлять свою ревность.

Ревность она проявляла, напримѣръ, такъ. Садила на подушку плюшеваго модвѣженка, а куклу съ отбитымъ носомъ садила у ножки кровати. Потомъ гладила медвѣженка и кричала на куклу:

— Уходи! Намъ тебя не нужно! Нельзя сюда! Мишка хочетъ спать! Слышишь?

И будто нечаянно задѣвала куклу ногой. Та падала.

Если и это на насъ не дѣйствовало, — Тука молча брала безносую куклу, клала ее ничкомъ на полъ посрединѣ комнаты и ставила на нее вагонъ игрушечной желѣзной дороги. Это было самымъ жестокимъ проявленіемъ ея ревности. Послѣ этого она уходила подальше отъ насъ, забивалась куда-нибудь въ уголъ и ломала тамъ игрушки.

— Такъ ты не хочешь видѣть тетю Олю?

— Нѣтъ.

— Почему, Тука? Тетя Оля очень хорошая, она тебя очень любитъ, и меня очень любитъ.

— Не очень хорошая.

Помолчавъ, говоритъ:

— Когда она приходитъ, ты со мной не любишь играть.

— Родная моя, я съ тобой часто бываю, а съ тетей Олей рѣже. Мнѣ хочется съ ней поговорить. Я очень люблю тетю Олю, Тука.

— А меня тоже очень любишь?

— Милая ты моя дѣвочка, ну, конечно, больше всего на свѣтѣ люблю тебя, потомъ опять тебя, потомъ снова тебя...

— А потомъ?

— А потомъ всегда тебя, мой волшебный голосокъ! Ты полярная звѣздочка, да? Или ты наименьшая изъ стрекозинокъ?

Вдругъ Тукѣ весело. Она спрыгиваетъ съ колѣнъ, прыгаетъ на одной ножкѣ и заявляетъ:

— Стрекозинка пойдетъ стрекозиться, а ученый папа будетъ учиться!

Это у насъ—тоже по этикету. Я пріучилъ Туку соблюдать порядокъ въ нашей жизни. Такъ, напримѣръ, она должна сама догадываться, что долго безпокоить папы нельзя, что ему нужно заниматься. Я никогда не прогоняю ее изъ кабинета, даже въ обычный часъ занятій. Посидѣвъ немного, она произноситъ условленную фразу о стрекозинкѣ и ученомъ папѣ и упрыгиваетъ въ дѣтскую.

. . . . . .

А къ ночи моя родная, моя нѣжно любимая дѣвочка металась въ кроваткѣ въ бреду. Щеки ея пылали отъ жару, въ глазахъ, устремленныхъ на свѣчку, было видно страданье маленькой птички, которую зачѣмъ-то мучатъ, которая хотѣла бы лучше весело играть... Дѣтская болѣзнь, одна изъ тѣхъ злыхъ болѣзней, которыя выдуманы злымъ духомъ для терзанія маленькихъ ангеловъ, — схватила ее, сжала ея нѣжное тѣло, вонзила въ него когти. Проклятье, проклятье этому злому міру, созданному такъ дико и нелѣпо, по безумному адскому плану; міру, гдѣ даже ребенокъ не можетъ быть всегда радостнымъ, гдѣ даже его на каждомъ шагу подстерегаетъ капканъ болѣзни и страданій!

И въ бреду она плакала и умоляла кого-то съ недѣтской тоскою:

— Зачѣмъ подъ корешокъ! Зачѣмъ ее рубятъ подъ самый корешокъ!

Плакалъ и я, который долженъ былъ сберечь для нея силы и спокойствіе духа...

На плечо мнѣ легла легкая, милая дружеская рука.

— Оля, это ты?

Я долженъ отойти отъ прошлаго еще въ глубь. Я сѣдъ не по годамъ, я темпомъ жизни добылъ это серебро. Въ то время я былъ еще молодъ, въ лучшемъ возрастѣ сильнаго мужчины.

Я жилъ въ провинціи, она въ Москвѣ. Она—та, что смотритъ на меня съ портрета, мать моей Туки, моя духовная жена.

Вамъ, нынѣшнимъ, даже самое это слово должно казаться смѣшнымъ. Я же о нашемъ тайномъ, безплотномъ бракѣ мыслю, какъ о великой мистеріи. И не потому, что теперь я старъ. Вѣдь тогда-то я былъ молодъ, полонъ жизни, всегда готовъ къ увлеченіямъ и далеко не безгрѣшенъ. А она, моя Елена, была прежде всего и больше всего женщиной.

Теперь многое задернулось для меня дымкой сказочности. Легкое облако на памяти. Но ея первый пріѣздъ помню. И первую встрѣчу помню. Самая обычная и, въ то же время, странная встрѣча. И странно вообще: часто въ жизни первый взглядъ на женщину, первая встрѣча съ ея взглядомъ — были для меня рѣшающимъ моментомъ. Я уже зналъ дальнѣйшее, зналъ общую страницу нашей судьбы. Зналъ—и вѣрить не хотѣлъ. Такъ было съ нею; такъ, впослѣдствіи, было и съ Ольгой.

Встрѣтились мы на маленькой мѣстной выставкѣ. Былъ художникъ С., его и теперь еще помнятъ на Уралѣ, хотя онъ давно умеръ. Онъ объѣхалъ весь горный хребетъ, и лучше всего понялъ краски сѣвера. Его красивый талантъ нашелъ на палитрѣ и чащу хвои, и покровъ снѣга, и голубыя проталины весенней поляны. И рѣчка была, и чутко стояла въ туманѣ рыбачья лодка; небольшое полотно, полное настроенія. Передъ этой картиной она и стояла съ видомъ знатока, слушая болтливый шопотъ подруги. Съ ея подругой я былъ знакомъ давно и хорошо.

Мы познакомились, и выставку я смотрѣлъ съ тѣмъ особымъ чувствомъ нервнаго подъема, которое порождается въ художникѣ образомъ красивой и умной женщины на фонѣ ряда колоритныхъ пейзажей. Правда—я былъ заурядnымъ диллетантомъ, но за то—я былъ мѣстнымъ уроженцемъ и всѣмъ сердцемъ любилъ краски сѣвера. Любилъ и люблю, тайно люблю и посейчасъ...

— У насъ нѣтъ этой красоты,—говорила мнѣ она.—У насъ снѣгъ грязный. Красивы березы, и сосны красивы. Но должно быть я по ошибкѣ родилась въ средней Россіи; мнѣ роднѣе вашъ сѣверъ. Если бы пріѣхать сюда зимой! Пріѣхать пожить и подышать...

— А въ Москвѣ мало воздуха?

Она посмотрѣла на меня внимательно, и серьезно сказала:

— Какъ для кого. Я бы хотѣла дышать глубже. А вы бывали въ Москвѣ?

— Много разъ. И жилъ подолгу.

Разсмѣялась:

— Легко дышали?

— Легко; какъ вездѣ, впрочемъ!

— Счастливый вы...

Мы встрѣтились и вечеромъ. Встрѣчались часто. Въ маленькомъ городѣ легко завязывается дружба. Мы думали, что стали друзьями. Обѣщали другъ другу видѣться въ Москвѣ. И когда, очень скоро, Елена уѣхала,—я заскучалъ.

Я заскучалъ. Потому ли, что полюбилъ ея красоту, ея умъ, ея скрытую грусть. Или потому, что на прощанье она сказала мнѣ:

— Здѣсь забылась, отдохнула. Теперь опять ѣду туда, гдѣ дышать трудно. Прощайте, счастливый!..

Я сталъ ждать Москвы, но вмѣсто Москвы попалъ далеко на сѣверъ. Тамъ было слишкомъ много снѣгу, даже для меня. Душѣ тамъ нечѣмъ было согрѣться. Я пробылъ тамъ два года, прежде чѣмъ сумѣлъ побороть судьбу и оказаться за границей. За это время Елена исчезла изъ моей памяти. Можетъ быть, и вспоминалась иногда, но лишь на опушкѣ хвойнаго лѣса или на рѣчкѣ въ туманный разсвѣтъ. Или когда неволя сжимала въ груди дыханье. О, тогда я уже не былъ такъ счастливъ!

Я получилъ отъ нея короткое письмо. Вспоминала, что знакомы, просила о какой-то справкѣ,—и ни слова о себѣ. А во мнѣ, на чужбинѣ, вспыхнула вновь память о нашей короткой встрѣчѣ, и письмо ея было мнѣ недосягаемо-мило. Маленькій, родной мнѣ конвертъ; коротенькое, родное мнѣ письмо... Какъ странно это было! Вѣдь даже лицо ея я плохо помнилъ. И не было въ памяти моей отзвука ея голоса. Только почеркъ, крупный и красивый, да ощущенье забытой встрѣчи.

Елена была красива. Вотъ ея портретъ передо мной. Непокорныя пряди темныхъ волосъ, строгая, но мягкая очерченность губъ, глаза, заслоненные думой. И было что-то въ этихъ глазахъ, что говорило: они не будутъ жить долго.

Я зналъ не мало женщинъ красивѣе ея; лица интереснѣе— не встрѣчалъ. Оно просилось на полотно, — но не моей недостойной кисти оно заслуживало. И все же я люблю эту лучшую вещь, какую мнѣ удалось написать,—портретъ Елены. Портретъ твоей матери, милая Тука! Да, это — лучшая и послѣдняя моя работа. Съ тѣхъ поръ я оставилъ краски.

Мы стали переписываться. Развѣ вспомнишь, развѣ пере-

дашь всю массу сказаннаго и недоговореннаго, которую приносила и уносила почта! И однако о любви мы никогда не говорили.

А моя жизнь? Она шла какъ бы стороной, какъ стороной шла и ея жизнь. То кипѣлъ я въ котлѣ дѣятельности, въ которую вѣрилъ, то жилъ анахоретомъ, то съ дрожащей любовью бросался къ искусству, горѣлъ, созерцалъ, пробовалъ творить, безпомощно и безнадежно опускалъ руки. То терялъ голову, гоняясь за мечтой, то напрасно мечталъ хоть на минуту потерять голову, съ горечью убѣждаясь, что старѣю и холодѣю, не во время становясь благоразумнымъ. То окружало меня такое тяжелое одиночество въ безсчетной толпѣ людей и призраковъ, что за первое слово сочувствія, за первое движеніе свободной ласки я готовъ былъ отдать все. Порою любилъ искренно и ненадолго, порою меня любили. И все это плыло мимо, уходило въ даль, въ вѣчной смѣнѣ, не отражаясь на нашей, казалось бы, искусственно, путемъ переписки, создавшейся связи.

— И вотъ мы вновь встрѣтились, и не случайно.

Она написала:

„Я пріѣду посмотрѣть на ваше небо! Наше слишкомъ сѣро и безцвѣтно. Боюсь сама стать сѣрой и безцвѣтной. А вы какой стали? Можетъ быть поучите меня писать? Или вы забросили искусство?“

Со спокойнымъ, смягченнымъ сердцемъ, съ дружескимъ ожиданьемъ, я встрѣтилъ ея поѣздъ и проводилъ ее до отеля. Она при встрѣчѣ сказала мнѣ:

— Вы измѣнились...

Смотрѣла такъ пытливо. А я подумалъ:

— Ты все та же! Все та же—Елена...

Нѣтъ, это не результатъ старости... Я и прежде никогда не могъ ровной нитью развивать клубокъ воспоминаній, клубокъ запутанныхъ нитей моей жизни. Родная, далекая, такъ рано ушедшая моя Елена! Въ этотъ первый твой пріѣздъ ко мнѣ я писалъ твой портретъ. Но, глядя на него, я вижу тебя такой, какой ты была позже, тамъ, въ швейцарской деревнѣ, незадолго до смерти; какой ты была въ то время, когда я тебя понялъ.

А здѣсь — здѣсь я не понялъ тебя. Зачѣмъ пріѣзжала ты? Затѣмъ, чтобы сказать мнѣ, что хочешь бросить вызовъ жизни, что хочешь побороть и себя и жизнь, согласовать счастье съ безумьемъ? Ты знаешь, я смотрѣлъ тогда на тебя, какъ худож-

никъ смотритъ на своего талантливаго собрата по переживаніямъ, женщину—но собрата. И я говорилъ тебѣ:

— Чего вы хотите? Что значитъ ваше: я хочу жить? Я не понимаю этого желанья въ его общности. Надо сначала найти цѣль, надо отграничить свой міръ отъ міра массы. По моему, жить — значитъ творить. Міръ художника — его студія, смыслъ жизни — его творчество. Вы думаете, что поэтъ созданъ для любви? Неправда! Онъ созданъ для работы. Его удѣлъ—отказъ отъ личныхъ переживаній, проникновеніе переживаніями ближняго и дальняго. Вы думаете творчество—веселье? Нѣтъ, творчество—страданье, которому утѣхой служитъ лишь творенье, и то — недолгой утѣхой; ибо истинный творецъ—мученикъ своей неудовлетворенности.

Я тогда писалъ ея портретъ и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мучился своимъ диллетанствомъ. И мнѣ кажется — въ то время я ощущалъ Елену не столько во плоти, сколько въ краскахъ... Она говорила:

— Я хочу жить, я хочу жить, я хочу жить...

Она твердила мнѣ это всегда, вездѣ, съ одной и той же ясной настойчивостью,—ясной для каждаго, кромѣ меня одного. Она говорила мнѣ это въ первый день, смотря на меня съ вызывающей довѣрчивостью. Она съ холодной усмѣшкой отвѣчала этими словами на мои разсужденія о высокой роли искусства, она съ глазами, полными слезъ и угасающей, послѣдней надежды, крикнула это мнѣ наканунѣ разлуки. Съ полными слезъ глазами, которыхъ она не хотѣла закрыть. Свѣтлѣе тѣхъ слезъ, лучистѣе тѣхъ глазъ я не видалъ у женщинъ, а изъ дѣтей—лишь у Туки, ея дочери, нашей общей дочери.

Только я могъ быть такъ слѣпъ, и я былъ слѣпъ. Я прозрѣлъ много позже.

Но неужели во мнѣ не было даже догадки? Я никого не любилъ тогда, и все же ближе всѣхъ, лучше всѣхъ была мнѣ Елена, моя недолгая гостья. Ближе и дороже всѣхъ.

Мы на вокзалѣ. Грустный, сѣрый дождливый день. Мы пріѣхали въ крытомъ экипажѣ.

— Какъ будете жить?—спросилъ я ее.

И вдругъ она голосомъ чужимъ, почти грубымъ, сказала мнѣ:

— Кому-нибудь брошусь на шею.

— Листикъ! Зачѣмъ вы говорите это?

Она позволила мнѣ звать ее этимъ нѣжнымъ именемъ. Но позволила лишь въ послѣдній день. Позволила, и тотчасъ пожалѣла; но потомъ прибавила:

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

— Впрочемъ—теперь все равно!

Теперь она стояла на площадкѣ вагона, я—внизу. Паровозъ свиснулъ; мы простились спѣшно, просто — за руку. Была напрасна эта поспѣшность. Поѣздъ стоялъ. Было томительно.

— Идите въ купе, Листикъ! Много сказать—некогда, мало сказать—не выскажешь. Такъ я, пожалуй, заплачу отъ разлуки съ вами! Скажите мнѣ что-нибудь на прощанье.

— Я хотѣла жить,—сказала она.—А теперь—теперь вы мнѣ скажите что-нибудь такое, что могло бы заставить меня остаться!

Что отвѣтилъ я Еленѣ тогда — не помню. Но знаю, что сказалъ бы я ей теперь на эту тревожную просьбу. Сказалъ бы...

Сказалъ бы ей: Возьми мою несознанную любовь, возьми мое сердце, не сумѣвшее понять, возьми мою жизнь, если она нужна для твоей жизни, возьми мою холодную мысль, согрѣй ее горячей простотой чувства и пылкой страстью тѣхъ минутъ, которымъ нужно было сбыться, но которыя не сбылись! Останься, Елена, вернись! Минутой позже—я буду достоинъ твоей любви, которой не понялъ, о которой не догадался въ тотъ моментъ, когда тронулся поѣздъ...

Въ повѣсти дней моихъ эти странички словно не вшиты въ общую книгу переживаній, словно носятся въ воздухѣ, влажномъ отъ поднявшагося отъ земли тумана. Влажныя, орошенныя слезами отца, онѣ никѣмъ еще не читаны, онѣ дѣвственны. Вотъ я отдаю ихъ вамъ; вамъ, которые умѣете чувствовать; вамъ, углубленнымъ страданіемъ; вамъ, сидѣвшимъ днями и ночами у дѣтской постели, слушая дыханье своего ребенка и не зная, куда ушелъ тайный ужасъ, когда вернется; вамъ, устами разорваннаго сердца спокойно и нѣжно говорившимъ: „спи, мой ангелъ, спи, моя голубка!“ говорившимъ: „больно? гдѣ больно? ничего, милочка, это пройдетъ“.

Въ повѣсть дней моихъ эти странички вписаны кровью сердца. Поймите—онѣ уже тѣмъ однимъ священны! Я бы не далъ ихъ, я бы удержалъ ихъ для себя, для себя одного! Но если бы могъ... А я не могу, я долженъ сказать, уже не подъ силу мнѣ одному нести эту тяжесть. Я былъ всю жизнь такъ одинокъ—найдется ли теперь кто-нибудь, кто бы понялъ?

Передо мной на столѣ лежали часы и тикали громче обычнаго, гораздо громче. Я ставни заперъ, чтобы ни одинъ самый слабый шорохъ въ сосѣдней комнатѣ, въ комнатѣ Туки, не ускользнулъ отъ слуха отца. Она въ первый разъ заснула такъ крѣпко. Въ первый разъ за пять дней. Я же не спалъ ни разу, ни на одну минуту; почти не отходилъ отъ ея кровати.

Съ портрета смотрѣла на меня мать Наташи. Я зналъ, что сейчасъ она заговоритъ со мной. Зналъ вопросъ ея. И, предупреждая этотъ вопросъ, я отвѣтилъ ей шопотомъ:

— Я сдѣлаю все, я не сдамся до конца, Листикъ! Ты видишь, я совсѣмъ бодръ послѣ ряда безсонныхъ ночей. Я не позволяю себѣ минутной слабости. Ты можешь быть покойна, Листикъ! Ты мнѣ всегда вѣрила.

Слышалъ въ отвѣтъ также шопотомъ:

— Гриша, она умретъ!

— Ты не должна такъ говорить,—горячо возражалъ я.—Не должна уже потому, что эта мысль лишитъ меня силы, а силы нужно много-много. Нѣтъ, ты не можешь знать и не должна пугать меня своимъ загробнымъ всевѣдѣніемъ! Ты вѣдь знаешь, я не вѣрю. Листикъ, ты не должна такъ смотрѣть!

— Она умретъ, Гриша!

— Ну хочешь, Листикъ, я стану на колѣни, буду умолять! Подожди, я подниму абажуръ... Пощади мои силы, пощади, Елена! Развѣ ты не знаешь, что на свѣтѣ не все возможно, что даже несчастью есть предѣлы. До такой жестокости ни одинъ палачъ не додумается! Ты съ твоими глазами, столько страдавшая, ты, духовная жена моя,—неужели ты повторишь еще...

— Гриша...

— Развѣ я нарушилъ клятву, которой клялся тебѣ? Развѣ Тука не была моимъ всѣмъ, моей душой, моимъ помысломъ и счастьемъ? За что-же?

Она говоритъ безшумно:

— Она моя дочь, Гриша! Она не можетъ быть съ вами и среди васъ. Она дала уже тебѣ такъ много счастья. Ты насытился? Да, ты насытился, ты уже ищешь другого... Но тогда ты доженъ отдать ее мнѣ, Гриша. Это такъ справедливо!

— Нѣтъ, Елена, это несправедливо! Ты думаешь только о насъ, эгоистично думаешь; ты забываешь о самой Тукѣ, о нашей духовной дочери. Зачѣмъ такъ рано отнимать у нея солнце; она такъ мало видѣла его! Знаешь, Листикъ, она, вѣдь, не видала еще ни снѣга, ни елокъ, ни пушистаго зайчика! Этой забавной мордочки, когда поднято только одно ухо, она не видала. Она могла быть счастлива, Листикъ... Я не говорю—навѣрное; но вѣдь можетъ быть! Намъ ли рѣшать ея судьбу?

— Счастлива не будетъ, нѣтъ! Счастлива—нѣтъ! Ни я, ни ты, ни она, никогда!

— Однако минутами... Елена, ты вѣдь помнишь наши раз-

говоры тамъ... когда ты была больна... помнишь? Минуты—вѣчность искупаютъ, развѣ неправда?

— Правда. Но тогда, въ тѣ минуты, ты любилъ меня, Гриша...

— И она полюбитъ и будетъ любима... наша добрая дѣвочка...

— Тогда ты меня любилъ, Гриша! Теперь ты любишь лишь одну память мою. А меня, живую, тѣлесную ты не любишь больше.

— Елена, зачѣмъ эти слова! У меня разсудокъ мутится отъ этихъ словъ!

— Да, Гриша, меня живую ты уже не любишь больше. Если бы я не умерла, Гриша, ты и тогда не любилъ бы меня. Мертвая—я дороже тебѣ и красивѣе. Теперь ты любишь лишь мою память и портретъ мой, и ищешь живое счастье въ другой. Или, думаешь ты, я примирилась?

Мой разсудокъ... Не заснулъ ли я? Нѣтъ, я не заснулъ...

— Елена, что̀ долженъ я сдѣлать?

— Родной мой, ты не мучь себя! Все равно—ты не творецъ своей жизни. Но смотри, Гриша, вѣдь это — сама судьба. Тука—моя дочь; она любитъ тебя, но васъ двоихъ она не полюбитъ.

— Елена, ты хочешь, чтобы я разстался съ Ольгой? Но зачѣмъ тебѣ это? Я усталъ, я такъ одинокъ, она такъ привязана ко мнѣ. Развѣ можетъ она, такая маленькая, простая, нѣжная, заслонить твою тѣнь, отнять у насъ наше прошлое? Ты знаешь, я для нея—все, внѣ меня у нея нѣтъ жизни, ничего нѣтъ! Не ты ли говорила мнѣ, что могла бы полюбить ту, которую люблю я?

Помолчавъ, Елена отвѣчаетъ:

— Это была неправда. Это невозможно для женщины. Но не въ томъ дѣло, другъ мой. Ты вѣдь не любишь Ольги.

— Люблю!

— Любишь и не любишь. И то и другое сразу. А это не любовь! Ты любишь мечту, она же—дѣйствительность. Ты очень несчастенъ! Бѣдняжка, ты усталъ!

. . . . . .

— Бѣдняжка, ты усталъ!

Я оборачиваюсь въ испугѣ. Передо мной Ольга.

— Ты спалъ, Гриша? Когда я вошла, ты говорилъ. Ты спалъ съ открытыми глазами, Гриша!

— Что̀ Тука? Ты заходила къ ней?

— Она спитъ. Жаръ меньше. Гриша! Ты долженъ лечь, нельзя не спать четыре ночи подрядъ!

— Я не хочу спать, дружокъ мой! Я пойду къ Тукѣ. Пойдемъ вмѣстѣ.

Въ комнатѣ полумракъ. Свѣча заслонена зеленымъ экраномъ, тѣмъ самымъ, который служилъ мнѣ для моихъ „живыхъ картинъ“. Пылающія щечки Наташи кажутся блѣдными.

Я сижу у ея кровати въ большомъ мягкомъ креслѣ. Такъ же точно сидѣлъ я когда-то въ Швейцаріи у постели умирающей Елены. И тѣ же черты лица...

. . . . . .

Елена знала, что умираетъ. Говорила о смерти рѣдко, но думала все время. Когда думала — была красива необычайно! Тогда она смотрѣла передъ собой удивленными глазами ребенка, полными взрослой доброты. Если я тихо окликалъ ее, чтобы отвлечь отъ этихъ мыслей, она смущенно повертывала голову и робко улыбалась мнѣ, словно говоря:

— Я знаю, не нужно, но вѣдь это такъ важно и такъ непонятно!

Однажды, когда боли оставили ее на время, она сказала мнѣ:

— Вотъ ты называешь меня Листикомъ. Странно! Листикъ, это—что-то маленькое, нѣжное; а я была большой, рѣшительной; я дерзко на жизнь смотрѣла. Я бы никому, кромѣ тебя, не позволила называть меня такъ! А вотъ ты зовешь—и мнѣ это пріятно... Я дѣйствительно начинаю себя чувствовать маленькой-маленькой, точно бы твоей дочкой. Понимаешь меня, Гриша?

— Понимаю.

Она продолжала:

— Положимъ, больные—всегда маленькіе. Я вотъ совсѣмъ безпомощная...

Помолчала; потомъ вдругъ улыбнулась такъ ярко, и смущенно сказала:

— Гриша, положи мнѣ руку на лобъ. Да, хорошо такъ. Знаешь, Гриша, я вотъ часто думаю, что я все-таки не безполезная. Ты не смѣйся, ты послушай! Всетаки у меня дѣвочка... Вчера акушерка говорила, что дѣвочка такая здоровая, какихъ она не видала. Мнѣ такъ это пріятно... Ты ее будешь любить, Гриша?

— Листикъ милый, конечно! Мы изъ нея вырастимъ такую прелесть, какъ ты сама.

— Нѣтъ, ты такъ не говори, Гриша! Меня не нужно обна-

деживать, я вѣдь знаю. Такъ говорить не нужно! Лучше, Гриша, будемъ оба крѣпкими и правдивыми совсѣмъ. Ты думаешь, я боюсь? Нѣтъ, Гриша! Мнѣ, конечно, странно, но, пожалуй, не жалко. Тебѣ тяжело, что я говорю объ этомъ?

— Тяжело, Листикъ, но ты говори, что хочешь.

— А зачѣмъ тяжело? А по моему это очень поэтично, что такъ случилось! Еслибы мы жили, было бы хуже какъ-то; можетъ быть, стали бы ссориться; я вѣдь такая нескладная; непокорная какая-то. А теперь у насъ самый лучшій бракъ, духовный... Очень ужъ красиво это, чисто, какъ-то особенно возвышенно! Я, Гриша, только въ одномъ еще не совсѣмъ увѣрена—ты прости меня. Вотъ правда ли, что ты можешь забыть про мое... ну ты понимаешь... что она не только моя дочь, но еще другого человѣка; т.-е. по плоти?

— Листикъ, она—твоя дочь, только твоя!

— Нѣтъ, и не такъ: моя и твоя! Да? Ты послушай, Гриша, я вѣдь его совсѣмъ не любила, совсѣмъ; я ни на минуту не заблуждалась, а вотъ такъ, хотѣла жизнь переломить... Ну, и переломила. Мнѣ только больно, что онъ, въ сущности, хорошій человѣкъ, даже очень хорошій. Онъ-то меня, пожалуй, любилъ... Тебѣ непріятно объ этомъ?

— Говори, Листикъ.

— Тебѣ не должно быть непріятно, потому что тебя-то я никогда не забывала. Вотъ ужъ ни на одну минуту! И когда я... когда узнала, что ребенокъ будетъ,—рѣшила сразу, что это не его, а только мой. И рѣшила сразу, что это не его, а только мой. И мечтала всегда, чтобы былъ на тебя похожъ. Я смѣшная?

— Ты хорошая!

— Скажи: „ты моя жена!“

— Ты моя жена, моя милая жена, моя нѣжная и маленькая.

— Да. Хорошо. И правда—вѣдь любовь и есть бракъ! А тамъ все остальное, это—условности.

— Листикъ, а тебѣ не слѣдуетъ говорить много!

— Ну, Гриша, зачѣмъ это! Мнѣ такъ пріятно сейчасъ; зачѣмъ изъ-за лишнихъ минутъ часы терять. Я сейчасъ такъ счастлива, какъ никогда! Вѣришь?

— Вѣрю, Листикъ!

— А ты?

— Если бы ты не страдала, Листикъ...

— Да я нисколько не страдаю! Мнѣ очень хорошо! Что за бѣда, Гриша! Ну—умру; но умру счастливой, тутъ будешь ты, будетъ наша дочка. Я прямо—блаженная, а не только

счастливая! Ты не смотри на слезы—это отъ счастья, Гриша! И твои слезы пусть будутъ не отъ горя, а отъ счастья.

Я кладу голову на подушку, рядомъ съ ея блѣднымъ похудѣвшимъ, святымъ лицомъ. Мы долго лежимъ такъ. Мнѣ кажется, что она задремала. Но она снова шепчетъ:

— А вѣдь красивое имя—Наташа... Какъ странно это вышло, Гриша! Я вѣдь тоже думала такъ назвать, если дочь будетъ. Но все-таки это ты, Гриша, назвалъ ее такъ. Да?

— Да, Листикъ! Оба назвали.

— Она тебя будетъ звать папой... ужасно хорошо! А ты зови ее Тука. Да?

— Да, Листикъ.

— Смѣшно какъ! Тука! И вдругъ она выростетъ, будетъ важной дамой... Ну какъ тутъ представишь? А правда она на меня похожа?

— По моему—очень!

— А я красивая, Гриша? То-есть не теперь, конечно, а была?

— И была и теперь, Листикъ. Ты сейчасъ красивѣе, чѣмъ когда-нибудь!

— Ну, ты это такъ... Я исхудала ужасно.

— Ты прекрасная, мой Листикъ, ты прямо неземной красоты!

Она съ улыбкой говоритъ:

— Вотъ то-то что неземной!..

Я искренно, не отрывая глазъ, любуюсь на мое умирающее счастье. Рядомъ въ комнатѣ раздается слабый плачъ ребенка.

— Гриша! Она плачетъ! Пусть ее принесутъ ко мнѣ! Почему ее такъ рѣдко приносятъ?

. . . . . .

Открываю глаза. Въ зеленоватомъ полумракѣ комнаты слабый стонъ моей бѣдной, страдающей дѣвочки томитъ и мучитъ мое сердце. Неужели я долженъ пережить еще и это? Чье грубое творчество внесло въ жизнь эту бездну ужасовъ? Какими проклятьями воздамъ я за то, что готовитъ мнѣ жизнь? Гдѣ граница? Гдѣ смыслъ? Кто еще смѣетъ говорить о логикѣ, о разумности мірозданья?

И я долженъ еще мучить этого ребенка, почти насильно вливая ему въ горло какое-то гадкое лѣкарство. Тука, я мучитель твой? Твой папа дѣлаетъ тебѣ больно? Но онъ долженъ спасти тебя, твою маленькую жизнь, въ которой смыслъ его жизни! Родная моя, всѣ мученья твои я взялъ бы на себя, стократъ взялъ бы, лишь за одну минуту твоей здоровой улыбки!

Въ болѣзни Туки наступило улучшеніе. Она уже не стонала какъ прежде, не металась на своей маленькой кровати. Раза два она улыбнулась мнѣ, давъ мнѣ столько радости, сколько я не зналъ за всю свою жизнь. Уже не такъ пылали ея похудѣвшія щечки, и на одѣялѣ появился ея любимецъ, плюшевый медвѣженокъ. Но въ маленькихъ ручкахъ не было силъ играть; она могла лишь гладить его изрѣдка. Да, въ это дѣтское тѣло жизнь медлила вернуться!

Но теперь была надежда. И, вмѣстѣ съ возвратомъ этой надежды, вмѣстѣ съ еще осторожной, еще крадущейся въ душу радостью, я почувствовалъ, что я безумно усталъ. Я уже не противился уговорамъ Ольги—прилечь отдохнуть. Она дала мнѣ слово разбудить меня, если Тукѣ хоть на минуту станетъ хуже.

Крѣпко, безъ сновъ, въ первый разъ за болѣзнь Наташи, все еще не рѣшившись раздѣться, я проспалъ нѣсколько часовъ подрядъ. Когда я проснулся—я долго не могъ прійти въ себя; долго еще лежалъ, въ чуткой и странной дремотѣ, напрасно стараясь что-то вспомнить и понять. Потомъ сознаніе вернулось какъ-то сразу и съ нимъ вернулось безпокойство. Я вскочилъ съ постели и поспѣшилъ въ дѣтскую.

Ночь прошла; свѣчка была уже потушена; Ольга спала въ креслѣ около Наташиной кроватки.

Я подошелъ на цыпочкахъ и увидалъ, что Тука уже не спитъ. Но она лежала отвернувшись и на мои шаги не повернула головки. Ея восковая ручка гладила медвѣженка. Я пощупалъ ея голову—жаръ за ночь сильно упалъ.

Шепотомъ спросилъ:

— Какъ мое солнышко поживаетъ сегодня?

Тука не отвѣтила. Перестала гладить плюшеваго любимца.

Я взглянулъ на Ольгу, которая, проведя въ креслѣ всю ночь, очевидно только-что крѣпко заснула.

Я никогда не видалъ ее спящей, и лицо ея показалось мнѣ чужимъ. Почему я не чувствовалъ къ ней никакой благодарности, къ ней, раздѣлявшей со мной всѣ заботы о моей дѣвочкѣ, приходившей съ утра, и лишь послѣ полуночи, когда Тука ненадолго засыпала покойнѣе, и послѣ долгой борьбы со мной, уходившей къ себѣ домой? Ольга помогала мнѣ во всемъ, ея женская рука была нужна вездѣ, но мнѣ не хотѣлось, чтобы она оставалась также ночью. Я говорилъ ей, что мнѣ довольно помощи старой няни, хотя въ дѣйствительности та ничѣмъ мнѣ не помогала. Съ моими думами, съ моими мученіями, съ моимъ безумнымъ страхомъ за дѣвочку—я хотѣлъ быть ночью одинъ,

вѣрной сидѣлкой своей дочери. Она знала, что убѣдить меня невозможно, что я не сдамся. И дѣйствительно, я сдался только тогда, когда миновалъ кризисъ дѣтской болѣзни и наступилъ кризисъ моихъ силъ.

Но почему, почему такимъ чужимъ показалось мнѣ ея лицо, блѣдное, усталое и красивое? Неужели потому, что ея молчаливое присутствіе—я чувствовалъ это ясно—лишало меня улыбки Наташи? Неужели это такъ?

Я вновь наклонился къ Тукѣ.

— Дѣтка моя, ты не спишь?

Кончиками губъ Тука отвѣчаетъ:

— Нѣтъ.

— Нигдѣ не больно?

— Нѣтъ.

— Папу любишь?

— Да.

— Онъ тебя долженъ поцѣловать?

— Да.

Теперь повернула головку. Но я вижу, что ей еще больно. Какъ измѣнилась моя бѣдняжка! Это—слабость мѣшаетъ ей улыбнуться мнѣ хорошо.

Проснулась Ольга. Испуганно вскочила:

— Что случилось, Гриша?

— Ничего. Чего ты испугалась, Оля?

— Ахъ, я нечаянно задремала... Я какой-то ужасный сонъ видѣла... А Тука проснулась?

Я не виноватъ, что въ моихъ словахъ послышался укоръ. Я не хотѣлъ обижать Ольги. Но я обидѣлъ ее больно-больно.

Тука поправлялась—но это была лишь тѣнь моей дѣвочки. Это была тонкая восковая фигурка, съ громадными темными глазами, которая смирно, почти не двигаясь, сидѣла въ кровати, едва касаясь новыхъ игрушекъ. Только изрѣдка она гладила любимаго медвѣженка, къ которому относилась уже не какъ къ пріятелю и любимому забавнику, а какъ-то по-матерински, съ нѣжной слабостью ласки.

Иногда я бралъ ее на колѣни, закутавъ одѣяломъ. Но у бѣдной дѣвочки не было силъ обнять меня. Она только смотрѣла снизу вверхъ и прозрачной ручкой проводила по моей бородѣ и усамъ. И улыбалась осторожной улыбкой.

Въ этотъ день докторъ впервые позволилъ ей встать на пол-

часа. Была Ольга. Я самъ одѣлъ Туку и поддержалъ ея первые шаги послѣ болѣзни. Невольно вспомнилъ то время, казавшееся мнѣ теперь какъ-то особенно далекимъ, когда я училъ Туку ходить. Какъ она была забавна! И какъ боялся я первое время, если няня не держала ее сзади за рубашку. Невольно вскрикивалъ, когда Тука, пройдя два шага на шатающихся ножкахъ, внезапно садилась на разостланный мягкій коверъ; при этомъ сначала она дѣлала удивленную рожицу и широко открывала ротъ, а потомъ заливалась отрывистымъ смѣхомъ, показывая первые молочные зубы, появленіе которыхъ я аккуратно отмѣчалъ на особой страничкѣ „Тукиной записной книжки“. Въ этой книжкѣ, вслѣдъ за датой дня рожденія, заносились всѣ замѣчательныя событія ея маленькой жизни, какъ радостныя, такъ и горестныя: первая сознательная улыбка, новый пріемъ барахтанья въ ваннѣ, паденіе съ кроватки, первое слово, успѣхи въ запоминаніи лицъ, позже — рядъ смѣшныхъ словъ, гдѣ-то ею подслушанныхъ и переиначенныхъ, клички игрушекъ, діалоги съ ними, разговоры со мной, однимъ словомъ—все. И эта книжка была самымъ цѣннымъ предметомъ въ „Тукиномъ музеѣ“, помѣщавшемся въ особомъ шкафчикѣ моего стола. А тамъ было много драгоцѣнныхъ реликвій, начиная отъ ея первой рубашечки, умѣщавшейся въ обычномъ почтовомъ конвертѣ, кончая необыкновенно сложнымъ и запутаннымъ рисункомъ, долженствовавшимъ изображать медвѣженка. Было и нѣсколько писемъ ко мнѣ, писанныхъ лишь намъ двоимъ понятными палочками и значками. Была и тетрадка съ рядомъ первыхъ буквъ, похожихъ на рядъ домиковъ, пострадавшихъ отъ землетрясенія.

На всѣ музеи міра,—о, конечно, никогда я не промѣнялъ бы этихъ безцѣнныхъ вещицъ! На всѣ музеи міра—никогда! Портретъ Елены и этотъ молчаливый шкафчикъ,—вотъ все, что я имѣю. Все остальное не цѣнно, со всѣмъ прочимъ я могъ бы разстаться.

Къ моему удивленію Тука довольно крѣпко стояла на ногахъ; даже не закружилась головка. На мою радость она отвѣтила мнѣ новой, появившейся у нея послѣ болѣзни, тихой и загадочной улыбкой. Улыбнулась и Ольгѣ и даже подошла къ ней и погладила ей руку. Это была ея первая ласка, и я видѣлъ, какъ радостно покраснѣла Ольга; за всѣ ея хлопоты, за безсонныя ночи, за долгое мученіе невниманіемъ и ревностью дѣвочки,—Ольга получила въ тѣ минуты лучшую награду. Но это было не все. Съ помощью Ольги, Тука пошла осмотрѣть свои владѣнія; отворила дверцу шкафа съ книжками, кубиками, вы-

рѣзными картинками, потомъ сама полила совсѣмъ засохшую землю въ банкѣ, гдѣ у нея росло худенькое деревцо, ею посаженное, наконецъ — отыскала безносую куклу, эту бѣдную, гонимую и унижаемую куклу, личнаго врага медвѣженка. Тука пригладила ей остатки волосъ, поправила платье, взяла ее на руки и понесла къ кровати.

Все это могло быть случайной дѣтской прихотью, но мы оба, я и Ольга, напряженно слѣдили за движеніями слабой отъ недуги дѣвочки. Если Тука положила куклу рядомъ съ плюшевымъ медвѣженкомъ, если медвѣженокъ не прогналъ своей непріятельницы,—это было, въ нашихъ глазахъ, полно глубокаго значенія! Что-то случилось, какое-то примиреніе должно войти въ нашу жизнь... Безъ словъ мы съ Ольгой понимали другъ друга.

Но сцена осталась незаконченной. У бѣдной дѣвочки отъ еще непривычнаго движенія закружилась голова, и Ольга едва успѣла ее поддержать. Мы снова уложили ее въ постель. Теперь она была совсѣмъ блѣдненькой... не слишкомъ ли рано докторъ позволилъ произвести этотъ первый опытъ?

Тука заснула. Мы перешли ко мнѣ, оставивъ дверь въ дѣтскую полуотворенной,—оба все еще подъ впечатлѣніемъ сцены съ куклой и медвѣженкомъ.

— Ну, Оля, что ты скажешь мнѣ?

— Ничего; мнѣ очень хорошо. Только жаль Туку, она такъ ослабѣла.

— Она къ тебѣ приласкалась сегодня...

Въ отвѣтъ Ольга приласкалась ко мнѣ. Отвѣтила уклончиво:

— Она вообще добрая дѣвочка...

— Но сегодня она особенно подчеркнула свое расположеніе къ тебѣ. Мнѣ это такъ пріятно, а то Тука — невозможно ревнивый ребенокъ!

Ольга разсмѣялась.

— Какъ это смѣшно вышло у нея съ куклой... Курьезная она у тебя дѣвочка!

— Почему, Оля, „у тебя“, а не „у насъ“?

Я сказалъ это раньше, чѣмъ взглядъ мой упалъ на портретъ матери Туки. Съ обычной грустью, но словно бы какъ-то холодно смотрѣла на меня Елена изъ дорогой рамки. Словно знакомая, но чуждая; словно у насъ размолвка.

Ольга не видала моего мимолетнаго взгляда; она сидѣла, опустивъ мнѣ голову на плечо. Потомъ сказала тихо:

— Гриша, ты меня уже не въ первый разъ такъ спраши-

ваешь. Ну что мнѣ сказать тебѣ... Ты знаешь, я люблю и тебя и Туку. Но мнѣ все кажется—что подѣлать съ этимъ ощущеніемъ!—что мы съ тобой совсѣмъ разные, неподходящіе. Вотъ Тука ревнуетъ меня къ тебѣ, ну, а я... я тебя къ Тукѣ ревную.

— Къ дѣвочкѣ, Оля, къ моей дочкѣ? Что тутъ общаго...

— Нѣтъ, она тебѣ не только дочь, а какъ-то... словомъ больше дочери! Ты въ ней любишь свое прошлое, одну яркую сказку въ прошломъ твоемъ. Развѣ неправда?

— Правда, Оля! Я не скрываю этого.

— Я знаю, что ты не скрываешь. Но вѣдь вотъ какой ты странный!.. Ты много жилъ, ты, конечно, встрѣчалъ много женщинъ, любилъ, тебя любили, а до сихъ поръ не понимаешь женщины. Ну какъ тебѣ объяснить... Ну вотъ у тебя виситъ портретъ матери Туки, прямо передъ столомъ виситъ...

— Оля, она давно умерла, ты вѣдь знаешь!

— Это ничего не значитъ, Гриша! Ну какъ тебѣ объяснить... Да нѣтъ, я не умѣю объяснять...

— Оля,—говорю я ей,—слушай. Я очень любилъ Елену, и мнѣ ея память дорога. Но вѣдь я—человѣкъ, я не могу жить одной памятью. Моя жизнь не исчерпана, во мнѣ не исчерпано чувство, я одинокъ, наконецъ. Вотъ я тебя полюбилъ, какъ-то сразу полюбилъ. Неужели ты думаешь, что воспоминаніе, хотя бы самое лучшее и глубокое, можетъ у меня всецѣло отнять меня самого? Вѣдь я еще не старъ, Оля? Это—два такихъ разныхъ чувства...

— Ну, можетъ быть, это я такая... несуразная, что готова равновать тебя даже и къ мертвой...

— Все это пройдетъ, Оля; вонъ видишь, Тука уже готова къ тебѣ привязаться!

— Ну, ты уже слишкомъ быстро заключаешь...

— Хочу, чтобы такъ было—потому и заключаю! Тука любитъ меня и все мое. А ты—моя, Оля?

Она, съ умиротворенной лаской отвѣчаетъ:

— Мнѣ кажется, что я уже не своя... У меня точно нѣтъ своей воли...

Я крѣпко прижимаю къ себѣ ея голову и шепчу ей:

— Оля, призраковъ не нужно бояться! Любится—люби, наскучитъ—бросишь!

Смѣется какъ-то горько:

— Это тебя-то бросишь?

— Не бросишь—тѣмъ лучше.

— Чѣмъ же лучше, Гриша? Тѣмъ хуже! Развѣ ты можешь

всегда быть моимъ? Въ тебѣ любви — на многихъ, на всѣхъ! Ты моимъ безраздѣльно никогда не будешь. Ты любишь искусство, пишешь; у тебя любимая дочь, которую ты воспиталъ съ колыбели; ты — человѣкъ общества, умѣешь всѣмъ интересоваться, умѣешь собой заинтересовывать. А у меня ничего нѣтъ... я одна... у меня есть только любовь моя. И если я ее отдамъ, я отдамъ навсегда!

Я знаю Ольгу, и знаю, что въ ея простыхъ словахъ больше истины, чѣмъ въ самыхъ горячихъ и искреннихъ моихъ увѣреніяхъ. Но вѣдь я люблю ее всей силой моего усталаго сердца! И неужели изъ-за призраковъ, только изъ-за призраковъ мы должны разстаться? Развѣ во мнѣ недостаточно силы, чтобы сказать этимъ призракамъ: уйдите! Развѣ ты, Елена, захочешь лишить меня моего счастья? Развѣ Тука не показала сегодня, что Ольга уже не стоитъ больше между нею и мной? Что близится тѣсная и вѣчная дружба медвѣженка и несправедливо гонимой куклы?

— Оля, каковъ бы ни былъ я — не нужно отталкивать! Чувство не хочетъ знать страховъ!

Опять та же грустная усмѣшка:

— Развѣ отталкиваю я тебя, Гриша! Ты вѣдь видишь — я совсѣмъ безвольная, совсѣмъ твоя...

И нѣжно, какъ умѣетъ только любящая, подается ко мнѣ.

— Оля!

Я съ любовью беру ея голову и приподнимаю. Ея глаза закрыты... Какъ знакомо мнѣ это выраженіе сладкаго и дремлющаго безволья женщины. Мнѣ кажется, что это уже было когда-то... Я склоняюсь къ ней и касаюсь ея тонкихъ, поблѣднѣвшихъ, почти безжизненныхъ губъ, чутко скрывающихъ столько непочатой жизни и ласки. Она не можетъ отдать мнѣ поцѣлуя, но въ едва ощутимомъ дрожаніи ея тѣла я самъ его чувствую, самъ беру...

. . . . . .

Я страшно вздрагиваю и весь холодѣю отъ звука скрипнувшаго дерева... Мой мозгъ пронизываетъ безумная мысль, что это скрипнула рамка портрета. Я вижу, какъ Ольга смотритъ на меня съ выраженіемъ ужаса, слышу, какъ колотится ея сердце, которое она сдерживаетъ рукой. Съ минуту мы недвижны, въ томъ страшномъ оцѣпенѣніи, котораго не разскажешь,—когда сердце отдѣлилось отъ разума, когда все возможно, когда оживаютъ призраки...

— Тука!!!

Тука, въ своей ночной рубашечкѣ, босая, съ распущенными волосами, съ глазами полными слезъ, вцѣпилась въ мой рукавъ тонкими, прозрачными пальцами. Въ ея глазахъ столько недѣтскаго, необъяснимаго выраженія горя и ревности...

— Тука! Зачѣмъ ты встала, родная моя дѣвочка? О чемъ ты плачешь, голубка?

Я беру ее на руки, стараюсь поцѣлуями согрѣть ея голыя ножки. Тука рыдаетъ слезами отчаянія... Кто успокоитъ мнѣ мою дѣвочку?

О, нѣтъ горя, чище и глубже дѣтскаго горя!

Я повертываюсь къ Ольгѣ, которая сидитъ въ прежнемъ оцѣпенѣніи. Ея лицо полно страданія, руки прижаты къ вискамъ. Она блѣдна, какъ смерть...

— Оля, ты бы... вышла на минуту...

Она вздрагиваетъ, поднимается и идетъ прямо, не оглядываясь.

— Оля! Пойми... надо успокоить эту дѣвочку...

— Да,—говоритъ Ольга чужимъ голосомъ.—Я ухожу...

И ушла...

А потомъ пришла вновь въ тотъ же день.

Я сидѣлъ у кровати Туки, которой стало хуже отъ пережитаго волненія. Ни кровинки не было въ лицѣ ребенка. Теперь она уснула крѣпко.

Я зналъ, что мы будемъ говорить, много говорить. Идя въ кабинетъ, куда прошла Ольга, я умолялъ себя быть добрымъ и чуткимъ къ дѣвушкѣ, которая меня любитъ и которую я люблю настолько, насколько способенъ. Только не винить ее! Только не сравнивать ея живую, реальную, прекрасную душу съ безплотной мечтой, съ той другой, живущей въ иномъ мірѣ, которая властно владѣетъ мной и моей Тукой! Только не оскорблять нѣжнаго безкорыстія Ольги отвѣтнымъ половиннымъ чувствомъ, не умѣющимъ понимать безъ словъ и цѣнить безъ разсужденій!

Я нашелъ Ольгу въ томъ уголкѣ дивана, гдѣ мы съ Тукой по вечерамъ переживали наши бѣлыя сѣверныя сказки. Подошелъ прямо къ ней, взялъ руку, сѣлъ рядомъ, сказалъ:

— Прости!

Устало спросила:

— За что?

Я былъ искрененъ въ своемъ „прости“, но не зналъ „за что?“

— За то, что тебѣ тяжело, Оля.

— Ты въ этомъ не виноватъ, какъ и я не виновата! Это, Гриша, жизнь...

Она была искренна, оправдывая меня. Этого было достаточно, чтобы я понялъ свою вину.

— Я былъ грубъ, Оля! Я думалъ въ ту минуту только о Тукѣ и оскорблялъ тебя просьбой уйти.

Вся пережитая сегодня сцена вновь встала въ нашей памяти. Я видѣлъ лицо пятилѣтняго ребенка, полное ревниваго отчаянья,—Ольга, я знаю, видѣла мое испуганное лицо, съ укоромъ говорившее ей: „ты бы ушла“... Это было такъ недавно и такъ тяжело.

Ольга откинула голову и прерывающимся голосомъ, съ не ея жесткостью, сказала:

— Да, ты меня выгналъ!

И съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— А вотъ я вернулась...

И въ ту же минуту у меня сжалось сердце. Чей это голосъ? Родной, страшный и знакомый? Все это было уже... Да, все это было когда-то давно-давно. Тѣ же слова, та же боль... И дальше будетъ то же... Будутъ слезы, укоры, усталое примиренье, минутная радость...

Много разъ въ жизни я переживалъ этотъ обманъ чувствъ. Почему обманъ? Быть можетъ—правда? Быть можетъ, пережито уже все, и нѣтъ новыхъ житейскихъ комбинацій? Не мной—другимъ, моимъ близнецомъ, моимъ предкомъ. Вѣрно лишь то, что мнѣ знакомы эти слова, знакома вся обстановка, и то, что есть сейчасъ, и то, что будетъ позже, быть можетъ — послѣ меня...

И вдругъ, въ одно мгновенье, во мнѣ исчезла жалость къ сидѣвшей рядомъ дѣвушкѣ, которую зовутъ Ольгой, которая зачѣмъ-то пришла, зачѣмъ-то страдаетъ, которая никогда не сможетъ разсѣять моего одиночества. Я ясно знаю,—да, я знаю ясно, что для нея закрыты двери въ мой міръ, гдѣ есть мѣсто только для меня и двухъ живыхъ призраковъ, двухъ идей моего одиночества: призрака умершей женщины, которая была для меня не плотью, а мечтой, и призрака дѣвочки, которая умретъ и также будетъ только мечтой. Мой міръ, недоступный пониманью чужого сердца. Мой міръ отнынѣ и навѣки!

Да, у меня застыло сердце. Мнѣ хотѣлось жестоко разсмѣяться. Но *насъ* было двое: я и не я. Одинъ изъ *насъ* смотрѣлъ со стороны—и видѣлъ все, и понималъ все; и рѣзко отличалъ мечту отъ дѣйствительности; другой былъ полонъ смущенья

и жалости, былъ до рыданія чуждъ логики и до робости человѣченъ. *Насъ* было двое: я и не я; но *мы* не боролись и не примирялись; въ ту минуту *мы* были чужды внутренняго договора. Кто изъ *насъ* двоихъ былъ мною цѣлымъ—я не знаю.

И я молчалъ.

Наблюдалъ съ холоднымъ безстрастіемъ ея мученья и ими безумно терзался. Хотѣлъ обнять ее, броситься къ ея ногамъ,—и сознательно не двигался съ мѣста, усмѣхаясь одинаково и своей страстности и своему равнодушію.

Была закрыта дверь въ дѣтскую. Тука спала. Противъ стола висѣлъ портретъ красивой женщины. Ни я ни Ольга не могли пошевелиться, такъ какъ это нарушило бы мертвую минуту, которая свершалась въ нашей жизни. И, страшно переживая близость ея страданья, я стремительно и отчетливо обдумывалъ одну пустяшную статью, которую разсѣянно прочелъ, сидя около Тукиной кровати. Быть можетъ, я ошибаюсь: быть можетъ, я мысленно твердилъ лишь ея заголовокъ.

Что свершалось въ душѣ Ольги? Не то же ли странное раздвоенье?

Она вскрикнула:

— Я не могу!..

Быстро въ комнатѣ метнулись тѣни, вихремъ промчались въ даль обрывки мыслей, согрѣлось холодное, слились два существа въ одно цѣлое... Мертвая минута была пройдена... И только на прощанье мой странный, скептическій двойникъ крикнулъ мнѣ:

— Это также было... Теперь слезы... Потомъ...

Я не разслышалъ, что будетъ потомъ. Я весь былъ полонъ вспыхнувшей дѣятельной любовью, жаждою утѣшить, чтобы утѣшиться самому. Теплая отъ соленыхъ слезъ, снова—близкая и прекрасная, а главное—живая, дорогая мнѣ, готовая отдать мнѣ себя, чтобы взять мени такимъ, каковъ я есть! Сестра, жена и дочь, взрослый ребенокъ, который можетъ такъ же радостно смѣяться, какъ горько плакать. И молодость ея, всепобѣждающая молодость, которой я такъ жажду и которой поклоняюсь! За этотъ день она приблизилась ко мнѣ такъ тѣсно и связывающе, что я жаждалъ лишь большей близости, лишь полнаго сліянія тѣла и души. И я вытиралъ ея слезы и поцѣлуями осушалъ ея покраснѣвшіе, блестѣвшіе влагой глаза.

Казалось — не было ничего. Казалось — была лишь жажда другъ друга и ненасытнаго поцѣлуя. И не казалось, что это уже было... Казалось новымъ, единственнымъ и неизбѣжнымъ, завершавшимъ всѣ этапы, пройденные чувствомъ. Казалось: вотъ мы

искали другъ друга и нашли, вотъ мы вдвоемъ! Слышалось: вотъ звучитъ аккордъ двухъ стройныхъ пѣсенъ, слившихся, наконецъ, въ одну! Желалось: о, еслибъ еще сильнѣе были руки, крѣпче объятья, рѣже дыханіе, мѣшающее губамъ не разставаться навѣки!.. Хотѣлось такъ умереть или, лучше, такъ перейти въ вѣчность...

Оля! За эту минуту прости мнѣ все! Я не могу просить о меньшемъ!.. Мнѣ же нечего прощать тебѣ...

. . . . . .

Въ сосѣдней комнатѣ не плакалъ ребенокъ. Тука спала крѣпкимъ сномъ. Спокойно и равнодушно смотрѣла съ портрета чуждая женщина, ушедшая въ могилу, не знающая страсти и безумія, не живущая. А гдѣ-то тамъ, за предѣлами нашихъ безполезныхъ, блуждающихъ думъ, опытная старушка—жизнь вязала новый узелъ на безконечной нити человѣческихъ переживаній.

Вязала и шептала безкровными губами:

— Пусть люди думаютъ, что всякій узелъ можно развязать или разрубить; ихъ вѣка хватитъ, чтобы жить и умереть въ этой обманчивой увѣренности. Уйдутъ они — придутъ на смѣну другіе, столь же довольные разрѣшимой загадкой, объяснимымъ вопросомъ. И будутъ жить отъ срока до срока, отъ надежды къ надеждѣ, вѣчные путники призрачныхъ странъ... Пусть наслаждаются: я исполню за нихъ черную работу, я, которая вяжу узлы ихъ общеній. Крѣпкіе, нерасторжимые узлы отнынѣ и довѣкъ, здѣсь и за гробомъ...

. . . . . .

То было за предѣлами нашихъ думъ. Здѣсь же мы были лишь вдвоемъ.

Насъ было двое: *я* и *она*...

Тука спала крѣпко; была уже ночь.

— Ты хочешь все-таки идти домой, Оля?

Ольга сначала удивленно взглянула, но сейчасъ же покраснѣла и разсмѣялась.

— Нѣтъ, я все-таки пойду домой! Поздно, Гриша, и неудобно... Это не должно ничего мѣнять въ порядкѣ нашей жизни. Какъ были, такъ и будемъ: свободные люди.

Потомъ прибавила съ задумчивой улыбкой.

— Странно... Сегодня утромъ я хотѣла совсѣмъ не возвращаться сюда, а вечеромъ... вошла въ твою жизнь...

Опять разсмѣялась, теперь уже по-дѣтски:

— Вотъ тутъ и разсчитывай! Ничего не угадаешь!

Мы простились нѣжно и спокойно, счастливые и умиротворенные. Была загадка — да! Но вѣдь все загадочно! Думалось, но думалось ласково. Страха не было—нѣтъ!

Я не сразу легъ. Сѣлъ въ кресло у стола, отодвинулъ въ сторону рукописи и книги, курилъ. Думалъ... О многомъ, но покойно...

Задремалъ.

Обѣ, Елена и дѣвочка, стояли передо мной. Тука боязливо прижалась къ матери. Я зналъ, что это—призраки.

— Мы уѣзжаемъ, Гриша, — говорила Елена. — Мнѣ очень жалко съ тобой разстаться! Ты не бойся, что Тука плачетъ; она скоро успокоится, утѣшится. Сегодняшній день былъ ей слишкомъ тяжелъ! Она такая нервная дѣвочка...

— Надолго вы ѣдете?—спрашиваю я спокойно и ласково.— Я буду скучать безъ васъ.

— Да, надолго. Навсегда, Гриша!

— Ты такъ хочешь, Елена? Почему?

— Мнѣ кажется, Гриша, что именно ты такъ хочешь. Согласись, другъ мой, что я не могу остаться здѣсь! Я возьму и свой портретъ изъ этой комнаты. Изъ сосѣдней я беру Туку. Остальное оставляю тебѣ; вѣдь остальное—твое!

— Да, Елена, ты права.

— Прощай же, Гриша! Ты, можетъ быть, хочешь поцѣловать мою дочь?

— Я не хочу будить ее; она, кажется, крѣпко заснула. Прощай, Листикъ, дай мнѣ руку!

Она протягиваетъ руку, но я не могу взять ее. Встаю съ кресла. Елена стоитъ совсѣмъ близко, но я не могу достигнуть ея руки. Это волнуетъ мое спокойствіе. Иду къ ней... Я никакъ не могу къ ней приблизиться, хотя она ждетъ меня съ протянутой рукой.

Мнѣ страшно... Я шопотомъ, чтобы не разбудить Туку, которая спитъ въ дѣтской, спрашиваю ее:

— Такъ будетъ долго, Листикъ?

Шепотомъ же отвѣчаетъ:

— Я вѣдь уже сказала тебѣ: всегда!

— Вѣчно итти?

— Да, вѣчно итти!

— Но куда же, Елена?

— Ко мнѣ, Гриша, искать живую въ могилѣ.

— Это называется любовью?

— Да, называлось раньше любовью. Теперь это называется мученьемъ.

— Такъ зачѣмъ же это?

— Какой ты странный! Развѣ спрашиваютъ: зачѣмъ? Такъ есть и будетъ всегда.

— Нельзя измѣнить это? Я бы хотѣлъ подойти къ тебѣ ближе, совсѣмъ близко...

— Нѣтъ, Гриша, этого нельзя. Понимаешь: сейчасъ нельзя! Ты не чистъ для меня! Но можно другое: я могу уйти совсѣмъ. Смотри—вотъ я ухожу!

— Листикъ, ты уводишь дѣвочку?

— Да, мы уходимъ вмѣстѣ и навсегда.

— Подожди же! Я долженъ еще видѣть и сказать...

Но женщина и ребенокъ, моя духовная жена и моя духовная дочь, уходятъ вглубь, хотятъ исчезнуть съ поля моего зрѣнья. Да, это—Елена, та Елена, которую я любилъ и которая умерла въ швейцарской деревнѣ, оставивъ мнѣ родившуюся дочь. Ея дочь—Наташа, моя родная крошка, мое сокровище...

И отвѣтъ моимъ мыслямъ доносится издали:

— Да, это я, Гриша, это я, твоя Елена, твоя жена навѣки!..

Другой голосъ звонко кричитъ мнѣ:

— Мой милый, ученый папа, мой дорогой другъ, это я, Тука, знаменитая пожирательница картинокъ, маленькое сокровище безъ цѣны!..

О! Тогда я долженъ догнать ихъ! Нельзя терять времени—я стремительно иду за ними. Я быстро обсуждаю на ходу, какъ, чѣмъ мнѣ заставить ихъ остаться. Елена, я знаю, будетъ упрямиться. Она, вѣроятно, скажетъ, что хочетъ броситься кому-нибудь на шею, что я ея не люблю. Но это неправда! Я ее люблю любовью вѣчной, такой высокой, такой горячей и безраздѣльной! Впрочемъ, она лишь шутитъ! Вѣдь она помнитъ законъ любви: кого соединила смерть — человѣкъ да не разлучаетъ! А Тука,—ну, Туку я знаю, она вернется по одному зову! Кстати я придумалъ, чѣмъ привлечь Туку.

И я кричу вслѣдъ уходящимъ:

— Листикъ! Я тебя люблю!

Нѣтъ отвѣта. Кричу:

— Тука, вернись! Если ты вернешься, я положу тебя въ боковой карманъ, поближе къ сердцу, а твою подушечку положу въ жилетный карманъ. Ты мнѣ скажешь: эй! подушечку! И я выну подушечку и дамъ тебѣ...

Нѣтъ отвѣта. Мнѣ этого не перенести.

— Я не перенесу этого!—говорю я Ольгѣ.—Безъ нихъ мой міръ пустъ, безъ нихъ моему одиночеству нѣтъ свѣта! Пойми, Оля, пойми, Оля, пойми!

Я стою на колѣняхъ передъ Ольгой, которая жесткимъ голосомъ, оправляя распустившуюся прическу и держа въ зубахъ роговую шпильку, говоритъ мнѣ:

— Ты меня выгналъ,—а вотъ я пришла! Вѣдь я же просила тебя повернуть лицомъ къ стѣнѣ этотъ портретъ; ты не захотѣлъ—и вотъ теперь всѣ знаютъ!

— Оля,—говорю я,—ну пускай портретъ; но какъ же дѣвочка? Я не могу жить безъ дѣвочки! Я—ея отецъ!

— Это ничего! — говоритъ Ольга прежнимъ голосомъ. Все это—мечты и призраки! Та дѣвочка давно умерла, какъ и Елена. Теперь у тебя будетъ другая дочь, настоящая, живая, плоть отъ плоти твоей. И мы назовемъ ее Тукой; мнѣ очень нравится это имя.

Что мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать? Только не это! Пусть будетъ другое имя, любое имя! Такъ много красивыхъ женскихъ именъ! Напримѣръ... напримѣръ...

Я не могу вспомнить ни одного имени... Всѣ усилія памяти напрасны... Нужно найти святцы, нужно найти святцы... Да, вспомнилъ, наконецъ-то вспомнилъ! Какъ я могъ забыть это имя!

И я просыпаюсь, съ радостью громко повторяя любимое, дорогое мнѣ имя:

— Наташа, Наташа!..

Странные мы, люди... Намъ словно бы мало нашихъ страданій! И мы стремимся увеличить, умножить ихъ, вновь перебравъ ихъ въ памяти, переживъ ихъ въ творчествѣ, сообщивъ ихъ міру, чтобы и онъ страдалъ, чтобы и онъ мучился еще и еще вмѣстѣ съ нами.

А я не знаю, зачѣмъ мысль зоветъ меня къ пройденному, съ особой, безжалостной яркостью повторяя тѣ этапы моего пути, гдѣ день больной смѣнялся днемъ спокойной грусти, гдѣ ночь безъ сна искупалась неясной бодростью сновидѣній. И гдѣ не было радости, гдѣ не было радости...

Радости ясной, полной радости не было. Стоялъ призракъ вопроса за тѣмъ, что мнилось простымъ рѣшеньемъ, вкрадчивая горечь мутила минуту душевной глади. Умъ хотѣлъ забыться, но дѣлилось сердце между бликомъ солнца и пугливостью тѣни...

Цѣплялся за жизнь... Вѣдь ушло то, что было нужно и дорого. Умъ говорилъ: ушло! Онъ говорилъ: уйдетъ и большее и не вернется! И чувству хотѣлось заснуть въ усталой дрёмѣ привычной грусти, отдаться навѣки тѣнямъ минувшаго... Навѣки отдаться, остаться съ ними... Но и чувство дѣлилось, напѣвая старый мотивъ, лучшій изъ напѣвовъ старушки жизни:

— Полно, полно,—напѣвало оно,—забудь о призракахъ, не бойся ночи! За нею слѣдуетъ новый день, и солнце рожденное разсѣетъ туманъ, разсѣетъ послѣдній призракъ тумана. А тамъ снова ночь, а тамъ снова день. Въ ихъ яркой смѣнѣ исчерпай малый запасъ человѣческой жизни, лишь малостью своей и цѣнный... Пока не придетъ послѣдняя ночь, безъ призраковъ, безъ сновидѣній и безъ жажды разсвѣта, котораго не будетъ...

То, что было, не уложится въ рамки простой повѣсти дней моихъ. Мнѣ нуженъ онъ, этотъ покой повѣствованія. Нуженъ брошенный внизъ желтоватый свѣтъ лампы, пламя которой закрыто отъ глазъ; нуженъ листъ бумаги, безстрастно ожидающій новыхъ строкъ, съ которыми разстанется память; нуженъ твой портретъ, Елена, — я для тебя пишу! Но развѣ ты, мой безмолвный слушатель, вѣчный спутникъ моихъ думъ и переживаній, не знаешь больше, чѣмъ знаю я? Тебѣ ли говорить о томъ, что было?

Тебѣ ли, властно сказавшей мнѣ:

— Такъ будетъ всегда, Гриша!

Сказавшей:

— Твоя Елена, твоя жена навѣки!

Но скажи, — мы будемъ говорить просто, откровенно и разумно!—скажи, Елена, могъ ли я поступить тогда иначе? Да и развѣ поступкомъ это было? Это было простымъ, естественнымъ проявленіемъ жизни, судебъ и этаповъ которой мы не вѣдаемъ. Во мнѣ былъ большой запасъ любви, еще не исчерпанной. Любовь не выноситъ накопленія,—она стремится къ раздачѣ! Я не скупой, я не могъ беречь чувства, которымъ былъ богатъ. Я не терялъ самъ, я лишь дарилъ вѣчно наростающій процентъ. И отъ щедрости своей становился все богаче чувствомъ. Почему я не долженъ былъ дѣлать этого?

А эта бѣдная крошка ..

. . . . . .

Тукѣ было все хуже... Она таяла, какъ восковая свѣчка. Я зналъ, что нельзя уже спасти ее, и хотѣлъ отдать все, чтобы спасти ее.

Когда Ольга ласкалась ко мнѣ, расцвѣтшая и страстная въ

новой фазѣ нашей любви, — я жадно искалъ въ ней печали и сочувствія моему близившемуся горю... и не находилъ. Безъ нея я смотрѣлъ на портретъ—и въ глазахъ матери видѣлъ тоску и страданье, которыхъ не было въ глазахъ Ольги.

И на вопросъ Ольги: „счастливъ ли я ея близостью?“ — я уже отвѣчалъ ей рѣзко:

— Для полнаго счастья мнѣ недостаетъ одного...

Она, испуганно:

— Чего, Гриша?

— Счастья, Оля!..

. . . . . .

— Папочка, — едва слышно шептала Тука, — папочка, она сейчасъ придетъ?

— Нѣтъ, Тука, сегодня тетя Оля не придетъ.

— А ты будешь скучать?

— Съ тобой, дѣвочка, мнѣ никогда не скучно!

— Со мной тебѣ весело?

— Да, когда ты смѣешься. И когда гладишь меня ручкой, вотъ какъ сейчасъ.

— Теперь я что-то не очень смѣшная,—задумчиво говоритъ Тука,—потому что въ кроваткѣ не весело!

— Скоро, Тука, ты не будешь лежать такъ много въ кроваткѣ. Мы поѣдемъ къ морю и будемъ лежать на солнышкѣ и собирать красивые камни.

— А она поѣдетъ?

— Ты все про тетю Олю, Тука? Зачѣмъ ты зовешь ее „она“! Зови ее тетей! Нѣтъ, Тука, она съ нами не поѣдетъ, здѣсь останется.

Тука отвертывается, но я вижу, что она улыбается. Мнѣ такъ мучительно видѣть это! Словно бы мы съ Тукой въ заговорѣ. Мнѣ особенно тяжело видѣть это теперь, послѣ нашей размолвки съ Ольгой.

Я не знаю, отчего это случилось. Но, конечно, виноватъ былъ только я. И мнѣ тяжело вспоминать...

Ничего не было сказано, но было понятно все. Было понято, что между нами огромная пропасть, и непроченъ мостъ, нами черезъ нее перекинутый. Гибкій, колеблющійся, всегда грозящій паденіемъ,—онъ ежеминутно будилъ въ насъ сомнѣнія и страхи. Цѣлуя, мы закрывали глаза. Поцѣлуи мы крали другъ у друга. Мы больше никогда не говорили „люблю“, боясь этого слова. А между тѣмъ лишь оно было бы въ нашихъ устахъ правди-

вымъ, вполнѣ правдивымъ. Я искренне любилъ Ольгу, она беззавѣтно была моей.

И мы расходились, страдая отъ этого, боясь этого, считая это неизбѣжнымъ. Чѣмъ меньше видѣлись мы, тѣмъ больше тянуло насъ другъ къ другу. Наши короткія встрѣчи дѣлались болѣзненно страстными, часы разлуки были ненужными. Я страдалъ, но больше страдала она. Въ своемъ страданьи я утѣшался близостью Наташи, глубокимъ взглядомъ ея матери, моими далекими грезами, возвратомъ въ сновидѣньяхъ былыхъ сказокъ. У Ольги не было этого.

Время шло медленно, но быстро протекало. Приблизился день нашего отъѣзда на море. Наканунѣ Ольга пробыла весь день, и эта длительность встрѣчи ослабила остроту прощанія. Я не зналъ, увидимся ли мы когда-нибудь. Все это было странно, ненужно, почти необъяснимо. Но неизбѣжно, неизбѣжно...

И когда, страстно обнимая Ольгу въ послѣдній разъ, я спросилъ ее съ насильной улыбкой:

— Ты вѣришь, что я люблю тебя? Ты ждешь нашего въ будущемъ, Ольга?

И когда она, пристально, спокойно, любовно взглянувъ на меня, просто, съ улыбкой долгой мысли, отвѣтила мнѣ:

— Я все равно взяла уже свое счастье, зачѣмъ его портить невѣріемъ.

Тогда я понялъ, насколько она, эта страдающая женщина, была выше и чище меня. И разумнѣе меня!

И я упалъ передъ ней на колѣни, какъ передъ Богомъ!..

Я веду Туку за руку. Всѣ солнечные дни мы проводили на пляжѣ; иногда искали красивые камушки, напримѣръ—камушки съ рисункомъ или очень интереснаго цвѣта, или длинные, какъ палочки, и отшлифованные до блеска. Дома ихъ у насъ было множество, нѣсколько коробокъ. Но отъ камушковъ устаютъ глаза. Поэтому мы часто просто сидѣли близъ самой воды на сложенномъ вдвое одѣялѣ и смотрѣли на бѣлую бахрому легкаго прибоя.

Тукѣ только недавно пошелъ шестой годъ. Маленькая тѣломъ, — она выраженьемъ лица напоминала теперь взрослаго, тяжко больного человѣка. Она почти никогда не смѣялась и даже улыбалась рѣдко; улыбалась только мнѣ и только ради меня. Уже не бывало между нами прежнихъ оживленныхъ бесѣдъ; бѣдной дѣвочкѣ было трудно говорить; она уставала. Но за то попреж-

нему и даже еще больше прежняго она любила слушать сказки, которыя я тутъ же для нея сочинялъ. Сказочками окружилъ я ея послѣдніе дни.

Выходили изъ воды маленькія русалочки съ зелеными лучистыми глазами. Наши русалочки не боялись дневного свѣта и не ждали сумерекъ и луны; онѣ подъ яркими лучами солнца были еще краше. И не было въ нихъ злой хитрости, и никого онѣ не сманивали въ море; онѣ были какъ рыбки, какъ красивыя, блестящія рыбки, и умѣли улыбаться съ такой лукавой добротой, что на душѣ становилось какъ-то особенно хорошо. Была среди нихъ одна, самая маленькая, въ поясѣ изъ морскихъ травъ, съ красными кораллами на шеѣ, съ волосами, унизанными жемчугомъ...

— Какъ звали ее, Тука, какъ ты думаешь?

Тука не можетъ догадаться.

— Быть можетъ ее звали Тукой?

Она отрицательно и грустно качаетъ головой. Нѣтъ! Этого не могло быть! Тука не умѣетъ плавать!

— Ну, тогда ее звали Ундиночкой.

— Это значитъ что?

— Ундиночка — значитъ дѣвочка изъ волнъ, морская дѣвочка.

— Ей всегда холодно?

— Нѣтъ, на солнышкѣ ей очень хорошо. Но ей и въ водѣ хорошо, она привыкла! Вѣдь она—какъ рыбка...

Морской дѣвочкѣ очень понравилось выходить на берегъ и сидѣть по цѣлымъ часамъ поближе къ тому мѣсту, гдѣ обычно сидѣла другая дѣвочка, но только земная. Ужъ эту-то дѣвочку навѣрное звали... какъ?

— Тука!

— Ну, конечно! Это наша съ тобой давнишняя пріятельница, у которой еще такой недобрый папа...

— Нѣтъ, хорошій папа! Самый лучшій!

Сказочка прерывается, такъ какъ у насъ маленькая нѣжная сцена. Отцы и матери! Завидуйте мнѣ! Торопитесь завидовать! Скоро я перестану быть вашимъ соперникомъ въ наслажденьи дѣтской любовью! Скоро этотъ прозрачный кусочекъ воска растаетъ на солнцѣ, скоро легкимъ облачкомъ, незамѣтнымъ для глаза, поднимется къ чистому небу испарившаяся росинка...

Морской дѣвочкѣ было очень скучно со своими взрослыми подругами. Земная дѣвочка ей нравилась больше. И вотъ однажды, чтобы привлечь ея вниманіе, она набрала глубоко на днѣ моря

прекрасныхъ мелкихъ раковинъ, много-много, цѣлую горсть, вынесла ихъ на берегъ и стала играть. Земная дѣвочка увидала раковины, но притворилась, будто не видитъ, и не подошла...

— Я думаю, Тука, она была хитрая очень, эта земная дѣвочка? Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, не хитрая! У нея, вѣрно, ножки болѣли.

— Почему ты такъ думаешь, Тука?

— Потому что земная дѣвочка все хворала...

— Нѣтъ, Тука, она только немного похворала, а потомъ выздоровѣла, стала веселой, стала бѣгать, хохотать, болтать маленькія глупости, теребить папу...

Въ этотъ день Тука сказала мнѣ, какъ-то особенно нѣжно и тихо ко мнѣ ласкаясь:

— А мнѣ очень скучно, что нѣтъ мамы!

Помню, что я замеръ отъ этихъ неожиданныхъ словъ; я не сразу понялъ ихъ смыслъ. И только новый вопросъ Туки заставилъ меня прійти въ себя.

— Почему мы ее не взяли съ собой? Ей тамъ на стѣнкѣ тоже очень скучно!

Въ сборахъ къ морю я взялъ съ собой только самыя необходимыя свои и Наташины вещи. Въ числѣ ихъ былъ, конечно, медвѣженокъ. Но портретъ Елены остался дома, въ моемъ кабинетѣ. Я скучалъ безъ него и со дня на день хотѣлъ его выписать, однако, все откладывалъ. Но я не думалъ, что услышу упрекъ изъ устъ моей дочки. Значитъ, она умѣетъ любить свою мать, которой никогда не знала, которую отожествляла съ самымъ портретомъ! Въ тотъ же день я выписалъ телеграммой портретъ Елены.

Недѣлю спустя онъ висѣлъ въ нашей свѣтлой столовой, лицомъ къ морю. Къ моему огорченію, Тука только сначала обрадовалась, но скоро забыла о портретѣ. Неясная мечта о матери смѣнилась какимъ-то новымъ капризнымъ желаньемъ, которое я спѣшилъ удовлетворить. Почти каждый вечеръ, когда въ ея слабое тѣльце вновь возвращалась болѣзнь, я долженъ былъ слушать ея тихія жалобы то на отсутствіе любимой кошки, то на то, что сказка неинтересна, то на кого-то большого и мохнатаго, кто хочетъ ее ударить. Съ каждымъ днемъ все безпокойнѣе становились наши ночи, и только яркое солнце возвращало намъ улыбку послѣдней радости. Тука таяла, и не было той силы, которая могла бы удержать ее для жизни. Моя крошка уходила все дальше, мое счастье догорало, потухалъ смыслъ моей жизни.

Насъ было трое въ этой маленькой виллѣ, окруженной оливами, сквозь которыя было видно безмятежное весеннее море: моя угасавшая дѣвочка, ея мать, грустно смотрѣвшая съ портрета, и я, пережившій слишкомъ много, чтобы не пережить еще большаго. Во всемъ мірѣ насъ было только трое! И вѣчной связью были связаны мы, вѣчной безплотной любовью, которая не знаетъ ни смерти, ни кровныхъ узъ, ни человѣческаго брака. Та, что ушла впередъ, звала къ себѣ другую, еще не начавшую жить; и обѣ онѣ обязали меня клятвой, что я и здѣсь и тамъ буду съ ними, буду только съ ними, что иной безплотной любви и иного духовнаго родства не будетъ у меня, одинокаго въ мірѣ, какъ одиноки были мы всѣ трое.

Такъ сбылось...

Она угасла на разсвѣтѣ яснаго, теплаго весенняго дня. Все было красиво въ этотъ день: легкія перистыя облака надъ самой головой, убѣгавшая вдаль дорожка морской ряби, рыбачья лодка, освѣщенная косымъ лучемъ восхода... Прекрасно было ея прозрачное, фарфоровое личико, окруженное прядями волосъ, отъ которыхъ я осторожно отрѣзалъ локонъ на память, на вѣчную память...

Я былъ спокоенъ и бодръ. Я чувствовалъ, что свершается великое, и помнилъ, что уже пережилъ разъ это великое. Гдѣ-то тамъ соединялись двѣ родныхъ души, и радостно звали меня взглянуть на ихъ счастье. Я былъ третьимъ, земнымъ въ ихъ надземномъ соединеніи, и ихъ вѣчной симфоніи я не нарушилъ крикомъ о помощи. Я только слушалъ музыку вѣчности и красоты, зная то, чего не знаютъ люди, переживая высшее, что было дано мнѣ пережить. Точно далекій колоколъ въ горахъ, точно разговоръ двухъ ясныхъ звѣздъ за часъ до разсвѣта... Легкое дуновеніе вѣтра жизни и смерти, ласкающее, гонящее грусть, зовущее улыбку...

Я зналъ, что она умирала, и не пропустилъ этой минуты. Не искалъ ошибки, не жаждалъ возврата невозможнаго, не звалъ на помощь. Помню—закрылъ ея глаза, невольно любуясь, расправилъ сжатые пальчики, сложивъ крестомъ обѣ мертвыя, голыя ручки... Поправилъ сползшее одѣяло и сбившуюся подушку. Спи, Тука! Спи, моя родная дочь!

Всталъ, но не могъ оторвать глазъ отъ ея красоты. Зналъ, что нужно что-то дѣлать, позвать кого-нибудь. Зачѣмъ это—не зналъ точно, и боялся нарушить сошедшій покой. И снова сѣлъ

рядомъ, и долго, долго смотрѣлъ на ушедшее. Въ моей тихой улыбкѣ не было слезъ.

Потомъ вспомнилъ, что такъ—эгоистично. Портретъ висѣлъ въ столовой. Снялъ его, принесъ, поставилъ въ ногахъ кровати, прислонивъ къ спинкѣ. Теперь все!

Подъѣхала неслышная тройка бѣлыхъ крылатыхъ коней. Бѣлымъ ковромъ было устлано сидѣнье... Онѣ вошли одновременно, обнявшись, привѣтливо кивая мнѣ. Стройна была Елена, но и она любовалась на легкое изящество нашей бѣлой и свѣтлой дѣвочки. Падалъ теплый снѣгъ, и исчезалъ, не тая. Тамъ, дальше, была безконечная сверкающая равнина, а на горизонтѣ—хвойной лѣсъ, казавшійся синимъ. И обѣ онѣ, обнявшись, неслышно смѣялись, глядя на зайчика съ курьезно поднятымъ ухомъ. И знакомый мотивъ далекой струны все приближался, словно для нихъ, чтобы отдалиться вмѣстѣ съ ними. Издали Тука махала мнѣ бѣлымъ платкомъ, и игралъ по вѣтру легкій шарфъ Елены. Онѣ уходили въ тайную даль вѣчной улыбки, куда скоро долженъ былъ уйти и я—для нашей встрѣчи и нашей радости. Мы не плакали при разлукѣ и были счастливы. Послѣ долгихъ думъ и блужданій, мы нашли, наконецъ, свое настоящее и долго жданное, которое, мы знали, зовется вѣчнымъ покоемъ въ снѣжномъ царствѣ бѣлыхъ, красивыхъ грезъ.

Когда ихъ не стало видно, я повернулся къ окну. Тамъ было видно спокойное море съ дрожащимъ на солнцѣ горизонтомъ, и та же даль, та же безконечная даль двухъ лазурей, сливающихся въ вѣчности, та же манящая даль, куда унесли ихъ бѣлые кони.

И тихо, какъ біеніе сердца, звучалъ тотъ же мотивъ, далекій и близкій, родной и еще невѣдомый...

Потомъ, медленно тая въ утреннемъ воздухѣ, угасла послѣдняя мелодія. Все закрылось голубой дымкой, которая скоро разсѣялась, разступилась, и легкой, воздушной рамкой окружила новую проснувшуюся для меня красоту: прозрачно-восковое личико моей дочери, угасшей на разсвѣтѣ яснаго, теплаго весенняго дня...

Хотѣлъ спрятаться отъ всѣхъ, сберечь лишь себѣ свои мысли. Уходилъ въ лѣсъ, что росъ надъ обрывами къ морю. Шелъ по самому краю обрыва, смотря внизъ. Вдругъ бы изъ воды, что сверху казалась сине-зеленой, прозрачной какъ стекло, вдругъ бы изъ воды вышла русалочка, маленькая, прозрачная русалочка-Наташа и крикнула бы:

— Ты скучаешь, ученый папа? Иди сюда!

Голоскомъ звонкимъ, какъ стальныя струны мандолины въ отдаленьи, чистымъ, какъ нечаянный ударъ брилліантомъ по хрустальному стакану, яснымъ, какъ воскресное утро въ апрѣлѣ, роднымъ, какъ степная пѣсня,—окрикнула бы меня моя дѣвочка:

— Мой дорогой другъ! Не роняй слезокъ! Онѣ могутъ на что-нибудь пригодиться! Дождикъ прошелъ? Выглянуло ли солнышко?

Ты, жизнь жестокая! Я молю тебя лишь объ одномъ! Только одно чудо дай мнѣ—и дальше мучь меня всѣми муками, я все вынесу! Одно маленькое чудо: пусть на минуту раздастся ея голосъ, пусть скажетъ онъ только это:

— Мой милый, ученый папа, мой дорогой другъ!

Только это,—а тамъ пусть будетъ вѣчное горе. Только эти слова!

Можетъ быть, чудо возможно, вѣдь мы ничего не знаемъ. Пусть, наконецъ, оно будетъ возможно только для меня и только одинъ разъ. На всѣ вѣка — лишь одинъ разъ! Я прошу такъ малаго!

Ложусь на краю обрыва лицомъ къ морю. Тише, море! Я буду слушать. Сейчасъ долженъ раздаться ея голосъ. Вотъ съ этимъ всплескомъ волны она подплыла... Вотъ — я слышу ясно!—струйки сбѣгаютъ съ ея намокшихъ кудрей... Вотъ сейчасъ... я закрою глаза... вотъ сейчасъ она скажетъ мнѣ эти слова... Тука! родная, я жду!..

Какъ дикій раненый звѣрь я бѣгу по лѣсу, цѣпляясь за сучья, взбираясь на крутые скаты, срываясь и страстно хватая стальными пальцами землю и колючую траву. Мои чувства ушли, я слышу только свой стонъ, который мучитъ и пугаетъ меня, точно стонъ чужого, точно близкій, сдавленный крикъ человѣка, котораго я задушилъ въ припадкѣ безумія. Я весь въ крови, я былъ бы страшенъ себѣ, еслибы только страхъ мнѣ былъ понятенъ. И вотъ я на вершинѣ, откуда виденъ весь южный горизонтъ открытаго моря и синія горы вправо и влѣво. И я, поднявъ вверхъ сжатые, истерзанные о камни и сучья кулаки, до хрипоты кричу всей грудью всѣ проклятья, какія знаю, какихъ не зналъ раньше, какихъ никто не смогъ бы придумать. Я проклинаю небесную лазурь, черту горизонта, и это море, и эти скалы, и этотъ страшный лѣсъ. Я проклинаю жизнь, и все, что было въ ней свято, молодо и лучезарно. Я шлю хулу и проклятье всѣмъ радостямъ, всѣмъ яснымъ улыбкамъ, и первымъ словамъ рождающагося чувства, и первымъ вздохамъ проснув-

шейся страсти, и всѣмъ несмѣлымъ намекамъ на то, что счастье было, есть и будетъ, что счастье возможно...

И падаю на землю съ тѣмъ воплемъ ужаса вѣчнаго и вѣчнаго горя, какого вамъ не услышать, какого никто не смѣетъ услышать, какого никто не издастъ. О, въ тѣ минуты я былъ несчастнѣе всѣхъ, рожденныхъ женщиной!.. И если тогда меня не убило небо,—то, значитъ, нѣтъ въ небѣ молній для тѣхъ, кто шлетъ ему проклятья!

Въ тѣ дни я посѣдѣлъ. Къ ночи возвращался изъ горъ въ свою квартиру. Подойдя къ двери, я долго слушалъ тишину; мнѣ казалось, что кто-то долженъ былъ ворваться и взять все, что мнѣ было дорого. Потомъ я вспоминалъ, что тѣни ходятъ безшумно, а вѣдь тамъ были сейчасъ только тѣни: одна гибкая, всегда ускользающая, другая — больная, дрожащая, съ испуганными лучистыми глазами. Онѣ всегда ждали меня у порога. Когда я входилъ, онѣ шли рядомъ со мной съ обѣихъ сторонъ вплоть до кресла. Потомъ одна говорила мнѣ шопотомъ:

— Не знаете ли вы, кто позвалъ насъ? Мы пришли... вы слышали объ этомъ?.. мы пришли, но здѣсь такъ безотвѣтно...

Потомъ шептала другая, и такъ тревожно:

— Какъ быть?—шептала она, неслышно ломая руки,—быть можетъ, тутъ была ошибка, но неужели теперь все кончено? Я ихъ упрашивала подождать, но они рубили... они рубили подъ самый корешокъ, подъ самый корешокъ...

Опять говорила первая:

— Придется подождать. Быть можетъ, онѣ еще вернутся! Тогда мы уйдемъ по направленію къ горизонту, по той же матовой дорожкѣ на поверхности моря, по которой пришли сюда. Это очень далекій путь!

— Какъ быть, — снова слышалъ я тревожный голосъ.— Теперь уже нельзя поправить! Напрасно не зарыли вмѣстѣ съ нею и ея медвѣженка! Если она поправится и вздумаетъ поиграть...

Я вскакивалъ и въ ужасѣ хватался за голову. Неужели правда? Неужели это моя вина? Какъ же я могъ забыть положить съ нею любимую игрушку! Но можетъ быть еще не поздно и сейчасъ. Но тогда не нужно медлить, иначе она проснется, и тогда... все будетъ кончено!

Метался по комнатѣ, не находя спичекъ. Больше всего боялся опоздать. Ахъ, да вѣдь спички въ карманѣ, какой я безпамятный! Такъ можно погубить все дѣло...

И дрожащій свѣтъ восковой спички освѣщалъ ея пустую

кроватку. Новыя, горькія, одинокія слезы отчаянія рождала моя проснувшаяся память. Я припадалъ горящимъ лицомъ къ ея одѣялу, цѣловалъ маленькія пуховыя подушки, въ которыхъ мнѣ чудилась еще теплота дѣтской головки. И утро заставало меня на полу, у кровати, смоченной слезами убитаго горемъ, полусумасшедшаго отца...

Эти дни я пережилъ... Зачѣмъ я пережилъ эти дни!

Начинался новый день.

Послѣ ночи, странной, полной неясныхъ сновъ, я вставалъ разбитымъ, неотдохнувшимъ. Зачѣмъ-то спѣшилъ одѣться, долго, по городской привычкѣ, выбиралъ воротничекъ и галстукъ. Въ эти минуты я что-то думалъ, но что — не помнилъ. Такъ же спѣшно я пилъ кофе, большими глотками, стоя, не касаясь хлѣба. Наконецъ хваталъ шляпу и палку и устремлялся къ выходу.

Да, но я что-то забылъ... Что-то обычное, установленное нашимъ давнимъ этикетомъ. Поцѣловать Туку? Но вѣдь ея нѣтъ, она умерла! Взять ее съ собой на пляжъ? Но вѣдь ея нѣтъ! Проститься взглядомъ съ портретомъ Елены? Но Елена можетъ спросить:

— Гдѣ наша дочь, Гриша?

— Ея нѣтъ, Листикъ, она умерла...

— Ты схоронилъ ее?

— Да, я ее похоронилъ на маленькомъ сельскомъ кладбищѣ, подъ кипарисомъ. Вѣдь ты спрашиваешь о Тукѣ?

— Да, о ней, о нашей дочери.

— Я уже сказалъ тебѣ, Елена, ея нѣтъ, она умерла!

— Гриша, а что же осталось?

— Ничего.

— А ты? Вѣдь ты живъ еще?

— Я? Нѣтъ, Елена, я также умеръ! Насъ, троихъ, уже нѣтъ! Мы, трое, умерли, Елена! Развѣ ты не видишь, какая пустота кругомъ? Нѣтъ никого! Съ тѣхъ поръ, какъ умерла дѣвочка, насъ болѣе нѣтъ, Листикъ! Ты не можешь въ этомъ сомнѣваться!

Этотъ разговоръ задержалъ меня у порога; тѣмъ болѣе я долженъ спѣшить! Я нервно смотрю на часы: уже десять! Обычно мы въ девять были уже на пляжѣ.

Тамъ, на мокромъ отъ вчерашняго прибоя мелкомъ гравіѣ, я внимательно разсматриваю слѣды. Еслибы только отыскать слѣдъ маленькой ножки—я бы еще могъ догнать ее! Но слѣдовъ вообще

нѣтъ. А вотъ, неподалеку, то мѣсто, гдѣ мы всегда сидѣли. Я не взялъ сегодня одѣяла, но это ничего, я могу сѣсть прямо на пескѣ, а дѣвочка, въ крайнемъ случаѣ, у меня на колѣняхъ. Я говорю о Тукѣ, хотя ея уже нѣтъ, она умерла; но это, конечно, не доказательство! Въ сущности — что такое смерть? Исчезновеніе видимой оболочки? Это не такъ ужасно, чтобы отъ этого плакать! Какое важное значеніе имѣетъ твердость духа! И затѣмъ—интеллектъ! Это тоже очень много значитъ! Взять, напримѣръ, меня, человѣка образованнаго, и, положимъ, вотъ того полуголаго рыбака. Какъ разно мы будемъ реагировать на одинаковыя переживанья! Онъ, потерявъ дочь, станетъ безсмысленно рыдать, я же, человѣкъ интеллекта, — совершенно спокоенъ и увѣренъ въ себѣ. Я разсуждаю такъ... однимъ словомъ... какъ я разсуждаю? Однимъ словомъ я разсуждаю такъ, что я... что я еще могу жить. Конечно, перемѣна большая и... очень важная перемѣна! Въ данную минуту я одинъ, тогда какъ раньше былъ во-первыхъ, я, во-вторыхъ, моя дочь, то-есть собственно даже не моя дочь, а дочь Елены, которая въ свое время также умерла. Елена похоронена въ Швейцаріи, Тука здѣсь, въ Италіи. Я самъ умру, положимъ, въ Россіи или въ Норвегіи. Громадная разница, прежде всего, въ климатѣ! Климатъ Норвегіи и климатъ итальянской Ривьеры! Огромная, огромная разница, даже смѣшно сравнивать! Есть такіе оригиналы, какіе-нибудь самолюбивые... какъ бы это сказать... патріоты что-ли, то-есть не столько патріоты, сколько па-трі-о-филы, ес-те-ро-фобы, оте-че-ство-любы...

Все это, въ сущности, не то, я отклонился отъ темы. Тутъ говорили, напримѣръ, объ интеллектѣ и... о рыбакѣ, однимъ словомъ, о прочемъ. Ну, такъ я отказываюсь возражать, такъ какъ не хочу возражать безплодно! Да и смѣшно: возражать кому-то, на что-то, на морскомъ берегу! Точно Демосѳенъ: камушки въ ротъ—и пошелъ, и пошелъ ораторствовать!

Меня смѣшитъ эта курьезная картина: Демосѳенъ, съ камнями во рту (и, вѣроятно, большіе камни!) болтаетъ всякій вздоръ на пляжѣ! Много было чепухи въ древности!

Солнце печетъ неимовѣрно. Надо будетъ Тукѣ купить соломенную шляпу. Опять вздоръ! Куда же ее дѣть? На могилу что-ли положить! Опять вздоръ! Всегда вздоръ! Всю жизнь вздоръ! И еще ужасъ: всю жизнь ужасъ и ужасъ! Вчера — ужасъ, сегодня — ужасъ, когда же конецъ? Боже мой! Когда же конецъ этой нелогичной логикѣ? Пре-зри-тельное от-но-шеніе къ жизни... Въ русскомъ языкѣ много длинныхъ и нелѣпыхъ слово-об-разованій... И все же, если я буду дальше безсмысленно болтать

вслухъ всякую чепуху, то тѣ два рыбака примутъ меня за сумасшедшаго. Предпочитаю молчать!

Меня клонитъ ко сну. Потомъ появляется маленькій призракъ. Цѣлуетъ, отходитъ и идетъ къ водѣ.

— Тука, осторожнѣе!

— Нѣтъ, ничего.

— Тука, тебя смоетъ волной!—кричу я въ ужасѣ.

А она уже издали, съ середины моря, съ горизонта, отвѣчаетъ мнѣ:

— Мой дорогой другъ, прощай!..

Я бросаюсь въ изступленьи за нею. Я въ ожесточеньи бью по головѣ рыбаковъ, которые держатъ меня съ двухъ сторонъ. Я бы убилъ ихъ, я бы убилъ ихъ, я бы не пожалѣлъ ихъ, еслибы они не впились мнѣ въ обѣ руки своими грубыми лапами!

— Вы съ ума сошли!—кричу я имъ.—Siete pazzi, voi,—перевожу этимъ олухамъ по-итальянски. — Вы трусы! Вы бури боитесь, а я не боюсь, я ее спасу! Къ заходу солнца я буду уже далеко, и къ восходу могу вернуться. Наконецъ мы возьмемъ корабль! Я человѣкъ очень сильный! Наконецъ—я могу заплатить вамъ! Послушайте—я бы заплатилъ вамъ! Сколько стоитъ? Часъ туда и часъ обратно? Четыре лиры восемьдесятъ и двадцать на вино...

Подбѣгаютъ еще трое. Съ пятерыми мнѣ, конечно, не справиться. Легкая побѣда выпадаетъ на ихъ долю. Въ сущности мнѣ ихъ жалко; вѣдь когда они поймутъ, что изъ-за нихъ все погибло, что Тука уже умерла, что Тука уже умерла...

Я рыдаю, но съ иронической усмѣшкой; къ моему горю примѣшивается большая доля веселости. И дѣйствительно: меня, человѣка почтеннаго, полусѣдого,—ведутъ пять полуголыхъ рыбаковъ, и при томъ еще галдятъ на діалектѣ! Прохожіе останавливаются, собирается толпа народа...

Наконецъ я не выдерживаю.

— Оставьте меня, — говорю я имъ по-итальянски, и приглаживаю волосы. — Спасибо вамъ за помощь, но теперь мнѣ уже легче. У меня былъ припадокъ, но уже прошелъ. Друзья мои!—говорю я имъ напыщенно, подражая итальянскимъ ораторамъ: — благодарю васъ во имя человѣчности и прогресса! Да здравствуетъ Третья Италія, да здравствуетъ Гарибальди!

Но меня снова подхватываютъ подъ руки и ведутъ. Тогда я вполнѣ довѣряюсь имъ,—да и не все ли равно? Вѣдь у меня нѣтъ никакого выбора! Днемъ раньше, днемъ позже—одинъ конецъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, легче идти, не приходится со-

ображать. Приведутъ—и все... И я повисаю на держащихъ меня рукахъ и стараюсь каблуками сбивать камушки, лежащіе на дорогѣ. Елена пойметъ, что я не пьянъ, а боленъ. И пойметъ, отчего боленъ,—отъ горя, отъ горя, отъ горя!

— Дочка у него умерла,—говорятъ въ толпѣ.

И я ласково киваю.

— Да, умерла-таки, моя бѣдняжка! Видали ее? Блѣденькая такая была, больная. Она еще въ городѣ захворала у меня. А раньше здоровая была, веселая! Красавица дѣвочка была, вся въ мать! Если хотите—могу вамъ портретъ показать. Мать звали Еленой, Elena, какъ вашу королеву. А дочку звали Наталья, а попросту—Тука.

Я встрѣчаю полное сочувствіе. Потомъ меня приводятъ домой и непремѣнно хотятъ, чтобы я легъ на постель. Тутъ и мѣстный докторъ. Я даю ему пощупать пульсъ и говорю:

— Простите, докторъ, за безпокойство! Я бы выпилъ немного воды или, еще лучше, вина. Со мной былъ припадокъ; я, кажется, хотѣлъ броситься въ море. Теперь прошло, увѣряю васъ! Теперь я ясно все понимаю. Я очень огорченъ, что такъ напугалъ васъ и всѣхъ! Вы не подумайте, что я—сумасшедшій; это только крайнее нервное потрясеніе. Въ моемъ положеніи это такъ понятно, вѣдь я перенесъ такое огромное горе, докторъ! Не бойтесь же, теперь я успокоился! Если хотите—приставьте кого-нибудь у дверей сторожить меня на случай новаго припадка, но только все уже прошло, даю вамъ слово,—я знаю себя...

Усталый, сажусь у стола, закрывъ лицо руками отъ любопытныхъ взглядовъ. Всѣ уходятъ. Не глядя по сторонамъ, мимо портрета и пустой кроватки, я прохожу къ себѣ, ложусь на постель и засыпаю мертвымъ сномъ, безъ памятныхъ сновидѣній...

. . . . . .

На утро я получилъ письмо отъ Ольги. Она, еще не зная о смерти Туки, сообщала мнѣ новость, не рѣшаясь назвать ее ни радостью, ни горемъ. Она писала мнѣ, что будетъ матерью...

. . . . . .

Долженъ ли я дальше диктовать перу повѣсть дней моихъ? Повѣсть, гдѣ тѣни минувшаго всегда гнали радость наступившаго дня и надежду дней грядущихъ? Повѣсть о томъ, какъ безплотное въ быломъ пережило всѣ желанья, какъ умершее разбило всѣ узы, разрушило всѣ связи міра живого?

Есть міръ, обширный міръ, полный жизни, простора и красоты,—чужой міръ, чуждый міръ.

И въ этомъ мірѣ есть одинокій. Я — этотъ одинокій. Я, окруженный людьми, любящими, преданными. Одинъ предлагаетъ мнѣ свою безкорыстную дружбу, другой протягиваетъ мнѣ руку помощи, третій съ лаской смотритъ мнѣ въ глаза, говоря:

— Смотри, сколько насъ, тебя любящихъ, въ тебя вѣрящихъ. Зачѣмъ ты чуждаешься насъ? Зачѣмъ ты не идешь къ намъ, какъ довѣрчивый братъ, къ намъ, въ нашу семью?

И я жму руки, и я отвѣчаю на ласковые взоры и сердечныя слова. И ужасъ пустоты гнететъ меня, и среди нихъ, любящихъ,—я еще больше одинокъ, чѣмъ наединѣ съ собой, чѣмъ въ кругу враговъ, чѣмъ въ могилѣ...

Мих. Осоргинъ (Ильинъ).

ОЧЕРКИ
СОЦІАЛЬНАГО БЫТА
ФРАНЦІИ

Кустари-крестьяне и фабричные рабочіе наканунѣ революціи *).

Франція XVIII-го вѣка—страна сельскаго хозяйства по преимуществу; но земледѣльческое производство, какъ мы видѣли, не въ состояніи было обезпечить заработокъ всему ея населенію. Есть мѣстности, въ которыхъ физическія условія (климатъ и почва), усиливая гнетъ соціальныхъ и экономическихъ,—ставятъ крестьянина въ необходимость искать добавочнаго труда. Часть жителей находитъ его въ отхожихъ промыслахъ, другая часть—въ домашней промышленности, снабжаемой необходимымъ капиталомъ частью купцами, частью предпринимателями мануфактуръ и заводчиками. Въ Ліонѣ, какъ мною указано въ I-мъ томѣ „Происхожденія Современной Демократіи“,—мы встрѣчаемся съ первымъ явленіемъ. Домашняя промышленность стоитъ въ зависимости отъ торговаго капитала. Три седьмыхъ жителей Ліона заняты шелковымъ производствомъ; 58 тысячъ человѣкъ обоего пола прядутъ и ткутъ шелковыя ткани. Руководительство этой важнѣйшею отраслью мѣстной промышленности сосредоточивается въ рукахъ 400 „мастеровъ-купцовъ“. Они дѣлаютъ заказы, поставляютъ шелкъ-сырецъ и рисунки и завѣдуютъ закупкою какъ матеріала, такъ и выдѣланныхъ тканей. Исполнителями труда,

*) См. августъ, стр. 204.

рабочими, въ строгомъ смыслѣ слова, являются тѣ десятки тысячъ прядильщицъ и ткачей, которые поселены въ городѣ и его предмѣстіяхъ, и работаютъ по заказу четырехъ тысячъ „мастеровъ-рабочихъ“; послѣдніе держатъ, каждый, опредѣленное закономъ число станковъ и распредѣляютъ между ткачами и ткачихами, прядильщиками и прядильщицами, поступающее отъ „мастеровъ-купцовъ“ сырье; ихъ роль, такимъ образомъ, посредствующая; на нихъ лежитъ отвѣтственность за качество товара и за своевременное выполненіе сдѣланныхъ „купцами“ заказовъ. Все только-что сказанное заимствовано изъ того описанія, какое, въ десятый годъ провозглашенія республики, даетъ департаменту Роны нѣкій „гражданинъ“ Вернинакъ. Его мемуаръ напечатанъ былъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, обстоятельную картину Ліонской промышленности, въ частности „большой фабрики“—терминъ, которымъ обнималось въ XVIII-мъ вѣкѣ все шелковое производство въ этомъ городѣ. Если шелковая промышленность Ліона какъ нельзя лучше иллюстрируетъ ту зависимость, въ которой домашняя промышленность, какъ городского, такъ и пригороднаго люда, стоитъ отъ торговаго капитала, то обработка шелка, шерсти, пеньки и хлопка, какъ въ самомъ городѣ Труа, такъ и въ сосѣднихъ къ нему мѣстечкахъ и селеніяхъ, можетъ-быть приведена, какъ образецъ домашней формы крупнаго производства, при которой не торговцы, а промышленники ставятъ простымъ исполнителямъ труда — сырье и вознаграждаютъ ихъ не поденной, а сдѣльной платой.

Въ противность Ліону, который еще до Кольбера занялъ выдающееся мѣсто въ мануфактурномъ подъемѣ Франціи,—Труа, съ окружающими его мѣстечками и селеніями, сдѣлался замѣтнымъ промышленнымъ центромъ только во второй половинѣ XVIII-го столѣтія.

Въ 1765-мъ году въ Труа имѣется всего-навсего девятьсотъ промышленныхъ заведеній для выдѣлки хлопчато-бумажныхъ тканей. Двадцать лѣтъ спустя ихъ насчитываютъ уже 2.700. Чулочное производство развивается еще съ большею быстротой. Въ 1754-мъ году въ Труа имѣется всего семь промышленныхъ заведеній этого рода. Въ 1786-мъ году—ихъ уже 400. Но текстильная промышленность сосредоточивается не въ одномъ Труа, а также частью въ городахъ и мѣстечкахъ его бальяжа, такъ напримѣръ, въ Арсисъ-на-Объ, насчитывающемъ триста самостоятельныхъ промышленныхъ заведенія, частью въ селахъ,

въ которыхъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, выдѣлка пеньковыхъ тканей [1]).

Съ каждымъ поколѣніемъ деревня все болѣе и болѣе вовлекается въ промышленное производство городскихъ центровъ, отнимая заработокъ у рабочаго населенія ихъ. Это явленіе находитъ строгую критику по преимуществу въ средѣ городскихъ цеховъ и организованныхъ по ихъ образцу либеральныхъ профессій, въ томъ числѣ адвокатской. Золотыхъ дѣлъ мастера города Труа жалуются, напримѣръ, въ своихъ наказахъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ селахъ развилось пряденіе и ткачество, города пустѣютъ, населеніе ихъ замѣтно убываетъ, такъ какъ ихъ промышленныя заведенія приходятъ въ упадокъ. Столь же невыгодны послѣдствія такого порядка и для селъ. Стоитъ только справиться у земельныхъ собственниковъ бальяжа Труа, какъ и у простыхъ „воздѣлывателей“ (cultivateurs), подъ которыми, по всей вѣроятности, разумѣется тотъ классъ лицъ, который въ другихъ мѣстностяхъ обозначается словомъ „laboureurs“,—и получится то убѣжденіе, что съ тѣхъ поръ, какъ въ селахъ развилась фабричная дѣятельность, имъ приходится увеличить вдвое издержки сельско-хозяйственнаго производства, часто даже не находить рабочихъ для уборки обильныхъ урожаевъ, которые поэтому иногда пропадаютъ даромъ. Въ подтвержденіе своей мысли мастера приводятъ слѣдующій примѣръ. Въ 1777-мъ году, въ сосѣднемъ къ Труа селеніи Планси насчитывалось 63 „пахаря“ (laboureurs), а въ 1788-мъ году ихъ осталось всего три; за то на лицо 63 „фабриканта“, (очевидно, имѣются въ виду ткачи). Благодаря такой перемѣнѣ значительная часть земли лежитъ безъ обработки. Мастера доказываютъ невозможность для промышленниковъ Труа вынести конкурренцію сельскихъ „фабрикантовъ“ тѣмъ соображеніемъ, что въ селахъ не имѣется цеховъ; нѣтъ, слѣдовательно, необходимости нести связанныхъ съ ихъ существованіемъ издержекъ, или платить что-либо за пріобрѣтеніе правъ мастера. Кромѣ того, промышленники имѣютъ возможность вербовать въ селахъ рабочихъ на несравненно болѣе легкихъ условіяхъ. Квартира и пропитаніе обходятся дешевле. Есть, слѣдовательно, возможность изготовлять ткани съ меньшими затратами. Если промышленники въ городахъ возстаютъ противъ развитія ткацкаго производства въ селахъ, то того же нельзя сказать о городскихъ торговцахъ. Они, наоборотъ, поддержи-

[1]) См. вступительный очеркъ Вернье, къ изданнымъ имъ „Наказамъ бальяжа Труа въ 1789 г.“, стр. XXXIX и XL.

ваютъ „сельскія фабрики“ и подаютъ свой голосъ за ихъ сохраненіе. Очевидно потому, что имъ открывается возможность закупать товары по меньшей цѣнѣ. Но насколько пострадала отъ сельской конкурренціи промышленность города Труа, можно судить по тому, что изъ 3.000 станковъ, доставлявшихъ раньше занятіе по меньшей мѣрѣ 30.000 душъ, въ 1789-мъ году осталось въ ходу всего-навсего половина [1]). Однохарактерныя жалобы предъявляютъ и мастера другихъ городскихъ цеховъ, торговцы пряностями, торговцы воскомъ и свѣчами. Ихъ въ этомъ отношеніи поддерживаютъ и подмастерья, которые въ своемъ наказѣ требуютъ, чтобы сельскимъ жителямъ запрещено было всякое занятіе промышленной дѣятельностью [2]).

Среднее сословіе города Труа вноситъ въ свой наказъ, что нѣкоторые изъ цеховъ требуютъ упраздненія „сельскихъ фабрикъ“ въ интересахъ цеховой промышленности, но что имѣются люди, которые настаиваютъ на полной свободѣ, а потому желали-бы видѣть цехи совершенно упраздненными. Такъ какъ обѣ стороны приводятъ въ свою пользу тѣ или иныя соображенія, то среднее сословіе не желало бы принять на себя рѣшенія этого вопроса и ждетъ его отъ Генеральныхъ Штатовъ. Въ то же время оно считаетъ возможнымъ повторить сказанное въ наказахъ промышленныхъ корпорацій и, ссылаясь на докладъ членовъ Исполнительной коммиссіи при Провинціальномъ собраніи отъ 1787-го года, приводитъ слѣдующія двѣ цифры, весьма наглядно устанавливающія фактъ паденія числа сельскихъ производителей въ Шампани. Въ 1774-мъ году ихъ насчитывалось болѣе 35 тысячъ, а теперь, въ 1787-мъ году, ихъ осталось всего 25 тысячъ. Чрезмѣрное обложеніе и рекрутскій наборъ—причины того,—полагаетъ составитель наказа средняго сословія,—что земледѣлецъ не находитъ болѣе достаточнаго обезпеченія въ сельскомъ хозяйствѣ и ищетъ для своихъ дѣтей занятія менѣе обременительнаго и болѣе доходнаго,—занятія, которое-бы приблизило ихъ къ городамъ. А такими является: ткачество, а также вязанье чулокъ, пряденіе на механическомъ станкѣ. Эти виды промышленности и распространяются въ селахъ по мѣрѣ упадка земледѣлія [3]). Въ сельскихъ наказахъ того-же бальяжа Труа мы не разъ встрѣчаемъ подтвержденіе тому, что обрабатывающая промышленность начинаетъ отнимать все большее и большее число рукъ отъ земледѣлія. Но это обстоятельство отнюдь не признается обще-

[1]) См. наказы города Труа, изданные Вернье, стр. 80, 81.

[2]) Ibid., стр. 90 и 185.

[3]) Ibid., стр. 286 и 217.

ственнымъ зломъ, съ которымъ законамъ надлежало бы бороться. Наоборотъ, въ нѣсколькихъ сельскихъ приходахъ, напримѣръ въ Аврэ — считали-бы желательнымъ устранить тѣ препятствія, какія этому росту промышленности ставитъ существованіе цеховъ; отсюда требованіе ихъ совершеннаго упраздненія [1]). Только-что разсмотрѣнные нами документы, какъ нельзя лучше, указываютъ на ту зависимость, въ какой передвиженіе промышленности изъ городовъ въ села — стояло отъ экономической необезпеченности земледѣльческаго населенія, вызываемой, какъ мы видѣли, цѣлымъ рядомъ причинъ столько-же экономическаго, сколько соціальнаго и политическаго характера.

Не въ одной Шампани кустарное производство селъ растетъ въ ущербъ цеховой промышленности городовъ. Тоже повторяется, напримѣръ, и въ Бретани, гдѣ, какъ показываютъ издатели наказовъ сенешальства Ренна, —недостаточность дохода сельскихъ производителей—причина развитія полотняннаго производства въ окрестностяхъ городовъ Витръ, Реннъ, Генганъ. Каждый изъ названныхъ центровъ имѣетъ свою спеціальность. Узкія полотна выдѣлываются въ Витрѣ, широкія и толстыя, годныя для парусовъ— въ Реннѣ; Генганъ же ставитъ на рынокъ ткани, изъ шерсти, пеньки и коровьяго волоса (poil de vaches). Онѣ извѣстны подъ наименованіемъ bélinges.

Обработка льна и пеньки сосредоточивается почти всецѣло въ рукахъ сельскихъ семей. Пряденіе и тканье занимаютъ собою,— первое—женскую ихъ половину, а второе—мужскую. Изъ другихъ производствъ — наиболѣе распространено въ деревняхъ — кожевенное. Но оно удовлетворяетъ одному мѣстному спросу. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ мѣстечко Комбургъ, работающее и для отдаленныхъ рынковъ [2]).

Въ Нормандіи шерстяное производство также постепенно завоевываетъ пригородныя селенія по мѣрѣ того, какъ ихъ жители все сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ нужду въ добавочныхъ заработкахъ. Въ селеніяхъ Конде и Ремаляръ — 2500 человѣкъ въ 1787-мъ году заняты были выдѣлкой изъ мѣстной шерсти такъ называемой этаминъ,—легкой ткани, окрашенной въ черную краску. Большой спросъ на нее предъявляли Италія, Испанія и Португалія. Окружавшія Лизье села занимались заодно съ нимъ выдѣлкой грубыхъ суконъ и фланели, пользовавшихся большимъ

---

[1]) Ibid., стр. 345.

[2]) Наказы сенешальства Ренна, въ 1789-мъ году. Томъ I-ый, изданіе 1909 г. Вступительный очеркъ, стр. XXI и XXII.

распространеніемъ среди жителей Бретани, Анжу и Мэна [1]). Съ домашнимъ сукнодѣліемъ мы встрѣчаемся также въ широкихъ размѣрахъ въ Оверни, въ частности въ селеніяхъ Жеводана. Здѣсь каждый дворъ,—пишетъ докладчикъ Комитета Общественнаго благосостоянія,—имѣетъ свой станокъ; нѣтъ члена семьи, который бы не находилъ при этомъ станкѣ какого-либо занятія. Время, свободное отъ земледѣлія, всецѣло посвящается валянью и тканью шерсти. Главнымъ образомъ выдѣлывается „саржа". Спросъ на нее обезпеченъ. И близъ лежащія селенія также слѣдуютъ примѣру Жеводана; находя занятія на дому, крестьяне не покидаютъ болѣе своихъ очаговъ [2]).

Такое же мелкое кустарное производство мы находимъ почти во всѣхъ частяхъ Франціи болѣе, или менѣе занятыхъ пряденіемъ и ткаными. Въ Лангедокѣ, въ сенешальствѣ Кастра, отдѣльные сельскіе приходы, какъ Монтъ-Ледье и Ронтъ-де-Лярмъ, заняты выдѣлкой мелкихъ шерстяныхъ тканей. Въ Верхней Гвіенѣ, по показаніямъ, сдѣланнымъ ея Провинціальному Собранію въ 1786-мъ году,—„неимовѣрное число" домашнихъ мануфактуръ занято выдѣлкой тѣхъ же тканей. Въ Па-де-Калэ, въ одномъ селеніи Отиль—можно было насчитать 200 ткачихъ въ средѣ мѣстнаго крестьянства. Въ окрестностяхъ Бетенвиль, въ Шампани, половина поселянъ пополняла недостатокъ въ своемъ годовомъ бюджетѣ выдѣлкой суконъ для промышленныхъ предпріятій, установленныхъ въ Реймсѣ [3]). Такимъ образомъ, бокъ о бокъ съ крупной промышленностью выросли мелкіе крестьянскіе промыслы, поощряемые частью запретами иностраннаго ввоза, когда рѣчь идетъ о товарахъ, однохарактерныхъ съ ими производимыми, частью высокими таможенными пошлинами, стѣснявшими иноземную конкуренцію; но причина причинъ, разумѣется, лежитъ не въ этомъ, а въ имущественной необезпеченности крестьянства; оно вызвало къ жизни кустарное производство, ставшее въ служебное отношеніе и къ промышленному, и къ торговому капиталу. Такимъ образомъ, во Франціи XVIII-го столѣтія, или точнѣе, второй его половины,—повторилось тоже явленіе, которое отмѣчено г. Туганъ-Барановскимъ въ его „Исторіи русской фабрики". Хотя мануфактурная промышленность и привилась въ Россіи—говоритъ онъ,—подъ вліяніемъ запретительной и покровительственой системы; но это не помѣшало тому, что кустарное производство,

[1]) См. „Происхожденіе современной демократіи". Изданіе 2-е. Томъ I, часть 1-я, стр. 528.

[2]) Ibid., стр. 541.

[3]) Ibid., стр. 541 и 542.

вызванное крестьянской нуждой, стало успѣшно конкурировать съ фабричнымъ, особенно въ первой половинѣ XIX-го столѣтія.

Въ Россіи эта домашняя форма крупной промышленности встрѣтила еще меньше препятствій, чѣмъ во Франціи, гдѣ цеховая система труда создавала монополію въ пользу ограниченнаго числа мастеровъ и подмастерьевъ. Реформа Тюрго унесла съ собою, правда на время, корпоративную организацію ремеслъ. Но съ паденіемъ министра-реформатора — прежніе порядки, съ нѣкоторыми только измѣненіями, указанными мною въ моемъ сочиненіи, — были возстановлены и продолжали держаться во Франціи до того момента, когда Учредительнымъ Собраніемъ приняты были законодательныя мѣры къ совершенной ликвидаціи средневѣковаго строя французской промышленности.

Но ошибочно было бы думать, что промышленныя предпріятія, центрами которыхъ были по преимуществу города [1]), вполнѣ отвѣчаютъ современному понятію не столько ману — сколько машино-фактуръ, и что, къ нимъ примѣнимо, поэтому, представленіе о крупной промышленности. Одно уже ограниченное число мастеровъ въ каждомъ производствѣ и запрещеніе мастеру принимать произвольное число учениковъ,—препятствовали расширенію промышленныхъ предпріятій. Прибавимъ къ этому, что та революція въ области техники, которая произошла въ Англіи въ третьей четверти XVIII-го столѣтія и прежде всего въ текстильной промышленности, благодаря открытіямъ Аркрайта и Уотта, — стала отражаться на судьбахъ французскихъ мануфактуръ лишь въ ближайшіе къ революціи годы. Мы находимъ доказательство тому, между прочимъ, въ слѣдующемъ фактѣ: въ наказахъ 1789-го года,— о прядильной машинѣ и ткацкомъ станкѣ, приводимомъ въ движеніе паромъ, упоминается, какъ о печальномъ новшествѣ, гибельно отражающемся на судьбѣ рабочаго люда и противъ котораго законодателю слѣдовало-бы принять запретительныя мѣры. Такъ, въ городѣ Труа, подмастерья въ особомъ наказѣ ходатайствуютъ объ истребленіи всѣхъ, какъ они говорятъ, „механическихъ приспособленій“ (mécaniques), размножившихся въ такомъ числѣ, что благодаря имъ, „женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ нѣтъ болѣе возможности заработать себѣ кусокъ хлѣба пряденьемъ и тканьемъ“. И тоже невѣроятное требованіе повторяется и подмастерьями въ чулочномъ производствѣ, причемъ изъ сдѣланнаго

---

[1]) Я имѣю въ виду, что стекляныя, фарфоровыя и фаянсовыя фабрики возникали обыкновенно по близости къ лѣсамъ и мѣстонахожденію глины.

ими сообщенія оказывается, что „три четверти ихъ товара изготовляется уже машиннымъ способомъ“ [1]).

О томъ, что крупныя предпріятія въ это время занимали сравнительно малое число рабочихъ, можно судить и по такимъ даннымъ, какъ слѣдующія: въ 1768-мъ году мастера плотники Дижона, организованные въ цехи, составляютъ мемуаръ для сообщенія его членамъ правительства. Цѣль, преслѣдуемая ими,— обратить вниманіе на то бѣдственное положеніе, въ какое ставятъ ихъ рабочіе чрезмѣрностью своихъ требованій и частымъ повтореніемъ стачекъ. Опредѣляя число участниковъ стачки, они говорятъ всего-навсего о шестидесяти лицахъ, работающихъ у разныхъ мастеровъ [2]). Въ тѣхъ немногихъ данныхъ, какія г. Тарле сообщаетъ о положеніи королевскихъ мануфактуръ до революціи,— мы узнаемъ, что въ мануфактурѣ такъ называемой Савонери, число рабочихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ бывало 20—23 человѣка, при 5—7 ученикахъ [3]). Оплата жалованья всѣмъ рабочимъ на Севрской мануфактурѣ обходилась въ годъ правительству всего-навсего въ 180.000 ливровъ или франковъ, что на тогдашніе рубли составляло не болѣе 45 тысячъ рублей. Поденная же плата равнялась отъ одного до двухъ франковъ. Если взять среднюю цифру— полтора, то это составитъ немногимъ болѣе 500 франковъ, въ виду праздничныхъ дней; раздѣливши на эту цифру 180.000 ливровъ, мы получимъ, что число всѣхъ рабочихъ было не болѣе 360, въ дѣйствительности же, вѣроятно, значительно меньше. А между тѣмъ выдѣлка Севрскаго фарфора, на ряду съ производствомъ гобеленовъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Бовэ,— было однимъ изъ тѣхъ предпріятій, которыя считались „національными“, носили титулъ „королевскихъ“ мануфактуръ и поддерживались казною даже въ ущербъ ея дохода. По нимъ, слѣдовательно, нельзя еще судить объ обычномъ размѣрѣ большихъ фабрикъ и заводовъ. Когда въ третьей четверти XVIII-го вѣка интенданты говорятъ о крупныхъ предпріятіяхъ, то подъ ними они разумѣютъ такія, которыя доставляютъ занятіе нѣсколькимъ десяткомъ рабочихъ. Исключеніе составляютъ только тѣ, которыя заняты выдѣлкой тканей, напр., мануфактура въ Вьенъ [4])—насчитывающая

[1]) Наказы бальяжа Труа, стр. 184, 192 и 193.

[2]) См. „Подмастерья Дижона въ XVII и XVIII вѣкахъ“. Документы, отпечатанные Гаузеромъ и собранные его слушателями въ Дижонскомъ университетѣ; стр. 174.

[3]) См. „Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи“. Стр. 66.

[4]) М. М. Ковалевскій. Т. I. Часть 1-я.

болѣе ста станковъ и болѣе двухъ тысячъ рабочихъ, включая въ это число и трудящихся на дому. До нѣкоторой степени можно повторить то же о нѣкоторыхъ видахъ металлическаго производства, напр., о выдѣлкѣ ножей, вилокъ, ложекъ, ножницъ, бритвъ и т. д.— въ Тьерѣ. Ему посвящаетъ свое время двѣ трети мѣстнаго населенія. Но они работаютъ у себя на дому; производство носитъ такимъ образомъ характеръ не столько кустарнаго, сколько домашней формы крупной промышленности, такъ какъ снабжается капиталомъ торговцами [1]). Бумажныя, фаянсовыя и фарфоровыя фабрики, какъ и стеклянныя мануфактуры, занимаютъ обыкновенно лишь незначительное число рабочихъ рукъ каждая. Объ этомъ можно судить по донесеніямъ, сдѣланнымъ интендантами промышленности Государственному Контролеру. Они не разъ указываютъ на то, что всѣ эти предпріятія носятъ еще характеръ мелкихъ; кустарное производство мѣшаетъ успѣху крупныхъ заводовъ, въ родѣ того, какой основанъ былъ въ Руанѣ нѣкіимъ Стерженомъ, затратившимъ всего навсего 4.000 ливровъ на постановку четырехъ печей [2]).

Общій выводъ, къ какому мы приходимъ о характерѣ французской промышленности въ послѣдней четверти XVIII-го в., тотъ, что, несмотря на протекціонную систему, она далеко не могла помѣриться значительностью своихъ предпріятій съ англійской. Это впечатлѣніе раздѣляемо было современниками и по ту сторону Ламанша, а именно тѣми, кто призванъ былъ участвовать въ заключеніи перваго торговаго договора, построеннаго на началахъ фритредерства. Въ своей перепискѣ съ членами англійскаго кабинета, они справедливо настаиваютъ на той мысли, что Англіи придется вывозить изъ Франціи попреимуществу сырье, тогда какъ англичане используютъ развившійся во французскомъ обществѣ вкусъ къ англійскимъ мануфактуратамъ. Справедливо, или нѣтъ,—англійскіе уполномоченные ставятъ этотъ фактъ въ зависимость отъ войны за освобожденіе американскихъ колоній, войны, въ которой многіе французы приняли участіе подъ знаменами Вашингтона. Хотя французы,—пишетъ 25-го октября 1786-го года лорду Кармартену англійскій комиссаръ Гельсъ,—и до войны и послѣ нея дѣлали все отъ нихъ зависящее для того, чтобы поставить свою промышленность въ возможность конкурировать съ нашей, хотя правительство не отказывало для этого въ своемъ поощреніи,—но вскорѣ оказалось, что какъ бы да-

[1]) Ibid., стр. 575.
[2]) Ibid., стр. 585 и 586.

леко не простиралась изобрѣтательность и способность къ подражанію,—французы не въ состояніи достигнуть ни равнаго съ нами совершенства, ни той дешевизны, какой отличаются англійскіе мануфактураты [1]).

Такъ же смотрятъ на дѣло и составители наказовъ 1789 г., обсуждая послѣдствія уже вошедшаго въ силу договора. Городъ Сансъ—въ наказѣ, впервые обнародованномъ Порэ въ 1908 г.,—слѣдующимъ образомъ выражаетъ свой протестъ противъ договора 1786-го года: „всегда ищущіе новизны французы давно уже набросились на то, что англичане ввозятъ въ наши порты. Хотя наши фабрикаты превосходятъ ихніе по совершенству работы, но ими пренебрегаютъ. Отсюда то послѣдствіе, что сбытъ ихъ затрудненъ и что фабрики поставлены въ необходимость сократить свои обороты и уменьшить число своихъ рабочихъ. Поощряемые преміями, какія англійское правительство даетъ за вывозъ производимыхъ въ странѣ мануфактуратовъ, британскіе подданные наводнили насъ съ 1786-го года своими товарами. Они продаютъ ихъ тѣмъ дешевле, что получаемая ими премія позволяетъ имъ нести нѣкоторые убытки. Что же касается до продуктовъ нашихъ фабрикъ, то они такъ стѣсняютъ ихъ ввозъ, что трудно надѣяться на ихъ широкое потребленіе на островѣ. Прибавимъ къ сказанному еще слѣдующее: англичане находятъ во Франціи 24 милліона человѣкъ, могущихъ сдѣлаться покупателями ихъ товаровъ, тогда какъ Франція имѣетъ въ Англіи страну съ несравненно меньшимъ числомъ жителей. Составители наказа заявляютъ, что однохарактерныя соображенія представлены и торговой палатой Нормандіи, и торговцами Труа и Аміена, и рядомъ частныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ того или другого мануфактурнаго предпріятія въ Буржѣ, Ліонѣ и Аміенѣ [2]). Сходясь въ этомъ отношеніи съ городскимъ населеніемъ, общій наказъ средняго сословія отъ бальяжа Санса настаиваетъ на серьезномъ пересмотрѣ статей торговаго договора, заключеннаго въ 1786-мъ году [3]).

Дѣйствительная причина, по которой французская промышленность не могла выдержать конкуренціи англійской, — лежала, однако, далеко не всецѣло въ приведенныхъ соображеніяхъ, а прежде всего въ томъ, что англійская промышленность ранѣе и

---

[1]) См. „Депеши изъ Парижа“ въ годы отъ 1784 по 1790 года, обнародованныя Оскаромъ Браунингомъ, въ 3-ей серіи изданій Кемденскаго клуба. Томъ 16-ый, стр. 149. Депеша отъ 25-го октября 1786 года.

[2]) Наказы бальяжа Санса въ 1789 году, стр. 9.

[3]) Ibid., стр. 812.

въ бо́льшей степени, чѣмъ французская, освободилась отъ той цеховой регламентаціи самыхъ порядковъ производства, которая являлась помѣхой для техническихъ усовершенствованій, и объясняетъ намъ причину сравнительно поздняго введенія ихъ во Франціи. Это до нѣкоторой степени сознавали и составители наказовъ 1789-го г. Такъ въ тѣхъ, которые принадлежатъ нѣкоторымъ сельскимъ приходамъ бальяжа Кани въ Нормандіи, — мы читаемъ: Необходимо упразднить всѣ цехи, всѣ привилегіи мастеровъ и всѣ тѣ пріемы контроля промышленной дѣятельности, какіе связаны съ существованіемъ такъ называемыхъ „jurés priseurs“, т.-е. лицъ, призванныхъ высказываться насчетъ качества поступающихъ въ продажу мануфактуратовъ. Это сдѣлаетъ возможнымъ, — для каждаго свободно примѣнять свои таланты. Полная свобода въ области торговли и промышленности — желательна. Нѣтъ лучшихъ оцѣнщиковъ и инспекторовъ мануфактуръ, какъ сами покупатели. Всякія стѣсненія только задерживаютъ прогрессъ промышленности [1]).

Сказать, чтобы такія разсужденія были обычны въ наказахъ было бы, конечно, преувеличеніемъ. Многіе, наоборотъ, настаиваютъ на возстановленіи порядковъ, существовавшихъ во французской промышленности до Тюрго, т.-е., желаютъ возвращенія къ той строгой регламентаціи, которая должна была служить обезпеченіемъ добраго качества французскихъ товаровъ и обезпечивать имъ предпочтительный сбытъ на рынкахъ Европы. Такъ, въ наказѣ города Шалона на Марнѣ — мы читаемъ: да будутъ возстановлены комиссіи оцѣнщиковъ для всѣхъ ремеслъ и торговыхъ предпріятій въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до эдикта 1777-го года и да не будетъ устанавливаемо въ этомъ отношеніи никакихъ различій между старыми и новыми ремесленными корпораціями. Единственная реформа, какую желаютъ составители наказа, — это назначеніе инспекторами промышленности честнѣйшихъ фабрикантовъ, а не простыхъ чиновниковъ.

Право считаться мастеромъ должно давать полученіе особаго патента, выдаваемаго отъ имени короля, но на основаніи удостовѣренія, дѣлаемаго оцѣнщиками корпораціи, т.-е., только въ случаѣ признанія ими, что конкурентъ на званіе мастера вполнѣ отвѣчаетъ предъявляемымъ закономъ требованіямъ [2]).

Въ томъ же духѣ нѣкоторые приходскіе наказы Нормандіи,

[1]) Cahiers du bailliage de Cany—Cahier de Carsan, стр. 188.

[2]) Cahiers de doléances de 1789 pour le département de la Marne, publiés par Laurent, vol. I. Bailliage de Châlons.—C. de la Ville de Châlons sur Marne, стр. 14.

въ частности бальяжа Кани,—полагаютъ, что однимъ строгимъ соблюденіемъ регламента насчетъ ширины полотенъ и качествъ ихъ выдѣлки можетъ быть оживлена торговля ими въ „Pays de Caux“. За послѣдніе годы,—значится въ томъ же документѣ,—не обращалось достаточнаго вниманія на соблюденіе этого правила, почему торговля полотнами и пришла въ совершенный упадокъ [1]). Трудно было бы сказать, какое изъ двухъ мнѣній: то-ли, которое благопріятно свободѣ промышленности, или то, которое стоитъ за сохраненіе корпоративной организаціи ремеслъ и предполагаетъ строгую регламентацію самаго порядка изготовленія товаровъ, пользуется наибольшимъ сочувствіемъ среди избирателей 1789-го года. Тогда, какъ въ наказѣ города Нима проводится та мысль, что для своей успѣшности промышленность нуждается въ освобожденіи отъ всякихъ регламентовъ и что надо продолжить и восполнить дѣло Тюрго [2]),—наказъ одного изъ сельскихъ приходовъ Нормандіи—Оквиля—заключаетъ въ себѣ цѣлый походъ противъ принципа свободной торговли: „да будетъ навсегда предано забвенію имя того министра, который предложилъ заключеніе торговаго договора съ Англіей. Онъ зарѣзалъ французскую націю и обманулъ своего короля. У насъ нѣтъ больше ни торговли, ни заработка, ни куска хлѣба“. Pays de Caux—нѣкогда столь цвѣтущій и многолюдный—скоро станетъ пустыней. Обработка производимаго въ немъ льна занимала прежде женщинъ и дѣтей пряденьемъ; мужчины же ткали полотна изъ льняныхъ нитей или изъ бумажныхъ. Теперь всему этому насталъ конецъ. Если осуществлены будутъ фантазіи людей, съ „системой“, людей, „желающихъ ввести машины“, при которыхъ труда одного человѣка хватаетъ тамъ, гдѣ прежде требовалось двадцать рабочихъ, — то пусть также построятъ „госпитали“, т.-е. дома призрѣнія для насъ и нашихъ дѣтей. Хваленыя машины обогатятъ только небольшое число частныхъ лицъ и разорятъ всю страну“ [3]).

Но если французская промышленность уступала англійской въ техникѣ производства, прогрессъ которой задерживался цеховыми регламентами и правительственнымъ контролемъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ годы, предшествовавшіе революціи,—не было принято серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію французамъ всѣхъ преимуществъ недавнихъ открытій, сдѣланныхъ англій-

[1]) Cahiers du bailliage de Cany, publiès par. C. Romain, стр. 18.

[2]) Cahiers de la sénéchaussée de Nimes, publiés par Bligny Bondurand. — C. de la Ville de Nimes, стр. 569, 570.

[3]) Cahiers de Cany—Cah. d'Ocqueville, стр. 97.

скими изобрѣтателями. Въ административной перепискѣ англійскаго комиссара Гельса съ его начальствомъ—заходитъ, между прочимъ, рѣчь о томъ, что французское правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы создать промышленныя предпріятія, способныя заступить мѣсто англійскихъ. Есть основаніе думать,—полагаетъ корреспондентъ министра Кармартена,—что всячески стараются привлечь работниковъ изъ Англіи, которые бы обучили французовъ новымъ пріемамъ техники. Въ Рамбулье создана хлопчато-бумажная фабрика, въ которой нѣкій господинъ Мильсъ,—ея директоръ,—ввелъ ткацкій станокъ Аркрайта съ нѣкоторыми улучшеніями. Стекляная фабрика,—подобная той, какая уже существуетъ въ Сенъ-Клу,—возникаетъ теперь въ Шарантонѣ. Королевскій патентъ пожалованъ господамъ Жюго и Данона; онъ даетъ имъ право основать фабрику для изготовленія дешевыхъ украшеній (hardware jewellry and plated work) и издѣлій изъ накладного серебра. Но,—прибавляетъ отъ себя англійскій уполномоченный,—природа французскаго правительства такова, что оно не можетъ обойтись безъ созданія особыхъ привиллегій и принятія фабрикъ и заводовъ подъ свое покровительство. Имъ будетъ недоставать поэтому конкуренціи, которая одна животворитъ промышленныя предпріятія [1]).

И независимо отъ указанной выше причины,—отсутствія во Франціи той свободы промышленной дѣятельности, какая одновременно существовала въ Англіи и обезпечивала ей быстрый прогрессъ техники, французскія мануфактуры страдали,—однѣ отъ недостатка минеральнаго топлива, такъ, напр., стекляные заводы,—другіе, какъ—текстильная промышленность—отъ дурного качества шерсти и невозможности получать хлопокъ иначе, какъ ввозомъ изъ-за границы. Если прибавить, что въ годы, когда обнаруживалась недостача мѣстнаго шелка-сырца, за нимъ приходилось обращаться въ Пьемонтъ, то легко прійти къ тому заключенію, что поступательный ходъ французской промышленности зависилъ и отъ развитія туземнаго овцеводства, и отъ допущенія большей свободы лѣсныхъ рубокъ, чѣмъ та, какая была примирима съ существованіемъ системы нераздѣльнаго владѣнія лѣсами крестьянъ съ помѣщиками и той правительственной охраны ихъ, органами которой являлись провинціальныя „бюро водъ и лѣсовъ“.

Наказы 1789-го года не разъ упоминаютъ о дурномъ каче-

---

[1]) „Депеши изъ Парижа“, изданіе Браунинга, стр. 73. Письмо Гельса къ Кармартену отъ 25-го августа 1785 года.

ствѣ французской шерсти, а изъ административной переписки мы узнаемъ, что правительство, съ цѣлью улучшенія породы овецъ, содѣйствовало успѣху нѣкоторыхъ частныхъ предпріятій, между прочимъ въ формѣ безвозмездной сдачи казенныхъ или королевскихъ земель лицамъ, озабоченнымъ разведеніемъ англійской породы.

Не менѣе трудно было замѣнить минеральное топливо, имѣвшееся въ изобиліи въ Англіи, растительнымъ и обойтись безъ ввоза желѣза изъ-за границы, напр., изъ Швеціи. Противъ открытія новыхъ стекляныхъ заводовъ раздавались постоянные протесты; нѣкоторые изъ нихъ попали въ наказы сельскихъ избирателей 1789-го года. „Ненасытные“ стекляные заводы—не только истребляютъ королевскіе и частные лѣса,—пишутъ составители ихъ,—но и грозятъ тѣмъ, которые находятся въ пользованіи крестьянскихъ общинъ. Поселяне лишаются возможности извлекать изъ нихъ матеріалъ для топлива и построекъ [1]). О необходимости торговыхъ договоровъ съ Испаніей, Швеціей, Пьемонтомъ и Швейцаріей, которые бы обезпечили полученіе французами, безпошлинно, желѣза изъ Швеціи, кожъ изъ Испаніи, картоновъ изъ Швейцаріи и шелка-сырца изъ Пьемонта, не разъ говорятъ городскіе наказы, въ числѣ другихъ наказъ Нима [2]).

Но за всѣми этими невыгодными условіями, не слѣдуетъ забывать и одного преимущества французской промышленности—относительной дешевизны хлѣба въ странѣ, прямо вліявшей и на низкій сравнительно размѣръ заработной платы. Эта дешевизна обусловливалась запретомъ вывозить хлѣбъ за границу и даже доставлять его изъ провинціи въ провинцію. Во Франціи продолжала держаться средневѣковая точка зрѣнія, по которой обязанностью правительства признавалось обезпечивать возможно большую дешевизну припасовъ, одинаково въ городахъ и въ селахъ, запрещать, въ виду сказаннаго, всякія оптовыя закупки ихъ, требовать, чтобы сдѣлки на ихъ счетъ заключаемы были лишь послѣ доставки припасовъ на рынокъ. Эти порядки, нѣкогда пользовавшіеся широкимъ распространеніемъ по всей Европѣ, стали невозможны въ Англіи еще со временъ Великой Хартіи Вольностей, признавшей свободу передвиженія купцовъ и товаровъ на протяженіи всей страны. Какъ указываетъ, въ числѣ другихъ, Камилль Блокъ въ своихъ „Этюдахъ по экономической

[1]) См. приходскіе наказы бальяжа Орлеанэ, томъ 2-ой, стр. 44. Наказъ Безанкура.

[2]) Cahiers de la sénéchaussée de Nimes. Наказъ города Нима, стр. 516.

исторіи Франціи", законодательство XVI-го вѣка еще преслѣдовало покупку хлѣба внѣ рынковъ и запрещало продажу его производителями по иной цѣнѣ, чѣмъ та, какая установлена была ко дню и часу его открытія. Образованіе какихъ-либо торговыхъ товариществъ для закупки хлѣба или созданіе магазиновъ для его храненія признавалось дѣйствіемъ недозволеннымъ. Большіе города, въ томъ числѣ Парижъ, не могли закупать хлѣба далѣе извѣстнаго разстоянія отъ городской черты. Въ XVIII-мъ вѣкѣ мѣстные регламенты Орлеана, восходившіе къ XV-му и XVI-му вѣкамъ, позволяли закупать для его жителей хлѣбъ только на шесть лье въ окружности [1]). Въ наказахъ 1789-го года, особенно въ приходскихъ, еще проглядываетъ та, нѣкогда распространенная точка зрѣнія, по которой свобода торговли хлѣбомъ призналась источникомъ возрастанія цѣнъ на него и должна была, поэтому, подвергаться ограниченіямъ со стороны законодателя [2]). Нельзя сказать, однако, чтобы эта точка зрѣнія пользовалась въ XVIII-мъ вѣкѣ широкимъ распространеніемъ. Въ наказахъ часто повторяется ходатайство объ упраздненіи внутреннихъ таможенъ; но отъ этого до разрѣшенія вывозить хлѣбъ за границу еще далеко [3]).

Въ наказахъ весьма часты заявленія, вродѣ слѣдующихъ: вывозъ хлѣба всегда сопровождается дороговизной припасовъ; необходимы мѣры, которыя бы сдѣлали невозможнымъ его отпускъ [4]). Наказъ средняго сословія бальяжа Санса, признавая пользу неограниченной свободы хлѣбной торговли въ предѣлахъ королевства, въ то же время не желаетъ распространить ее на вывозъ его за границу. Провинціальнымъ штатамъ, — говоритъ онъ, — надо предоставить право ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи въ годы изобилія продавать излишекъ и за предѣлы Франціи [5]). За запрещеніе всякаго вывоза хлѣба даже изъ провинціи въ провинцію высказываются нѣкоторые сельскіе приходы, такъ, напр., приходъ Бюто, въ Нормандіи [6]). Немудрено, если, идя въ томъ же направленіи, нѣкоторые приходы, какъ, напр., Аллегръ (въ сенешоссеи Нима), не прочь оживить старые запреты оптовыхъ закупокъ урожаевъ. „При такихъ закупкахъ ста-

---

[1]) См. Блокъ, стр. 25—28.

[2]) См. наказъ Оквиль въ Сборникѣ приходскихъ наказовъ бальяжа Кани, стр. 96.

[3]) См. наказы сенешоссеи Марселя и въ частности наказы отдѣльныхъ цеховъ города Марселя, стр. 15 и 81.

[4]) См. наказъ прихода Оквиль. Сборникъ наказовъ бальяжа Кани, стр. 96.

[5]) Наказы бальяжа Санса, стр. 817.

[6]) Приходскіе наказы бальяжа Кани, стр. 40.

новится возможнымъ продавать хлѣбъ со временемъ съ тридцатью процентами выгоды". Думаешь, читая эти заявленія, что ошибся столѣтіемъ. Въ эпоху Эдуарда III-го и Ричарда II-го мнѣ приходилось встрѣчаться съ такими же требованіями въ ходатайствахъ, обращенныхъ къ англійскому парламенту. Жертвою ихъ были такъ называемые engrossers и entailers, т.-е. оптовые закупщики, поведеніе которыхъ описываемо было приблизительно такъ же, какъ это дѣлаютъ жители Аллегра, говоря, что скупщики роздали задатки приходскимъ поселянамъ и потому во время уборки съ угрозами набрасываются на нихъ, требуя выдачи себѣ всего урожая [1]). Можно судить, какую перемѣну должны были внести въ прежніе экономическіе порядки, еще проникнутые идеаломъ средневѣковаго самодовлѣющаго хозяйства, — декларація и эдиктъ 1763-го года, положившіе конецъ всякимъ стѣсненіямъ въ торговлѣ хлѣбомъ. Одинъ изъ современниковъ, перепиской котораго воспользовался г. Блокъ, — пишетъ объ Орлеанской провинціи, что рынки перестали быть снабжаемы хлѣбомъ въ прежнемъ количествѣ, такъ какъ булочники и торговцы закупаютъ его на большихъ дорогахъ, продѣлывая нерѣдко нѣсколько лье съ цѣлью встрѣтить обозы, доставляющіе хлѣбъ изъ Бери. Что касается до нашей постоянной поставщицы, — до Боссъ, то изъ нея уже все вывезено [2]). Появились скупщики хлѣба на корню. Таковъ, напр., господинъ Гарди изъ Орлеана. Онъ рыщетъ по деревнямъ, раздавая задатки. Когда ему предлагаютъ, очевидно придерживаясь той практики, какая нѣкогда господствовала въ средневѣковыхъ цехахъ [3]), раздѣлить закупленное съ товарищами, то, къ ужасу автора переписки, онъ упорствуетъ въ желаніи сохранить все за собой. Съ неменьшимъ изумленіемъ относится, приводимый г. Блокомъ очевидецъ—(имя ему Перранъ де-Сипьеръ) [4]), и къ образованію торговыхъ компаній, которыя своими оптовыми закупками хлѣба поднимаютъ его цѣну. Благодаря имъ, она растетъ непомѣрно и мѣстному начальству приходится сдѣлать попытку ея пониженія, привлекая въ Орлеанъ булочниковъ изъ другихъ городовъ. Послѣдствіемъ всего этого является серьезное опасеніе,

---

[1]) См. наказы сенешоссеи Нима 1789 г. Томъ I, стр. 32.

[2]) Блокъ. Цитированное выше сочиненіе. Стр. 28—29.

[3]) См. 3-й томъ моего „Экономическаго роста Европы", главу о цеховомъ хозяйствѣ.

[4]) Онъ былъ интендантомъ Орлеанскаго генералитета и переписывался по обязанностямъ службы съ генеральными контролерами, — тогдашними министрами финансовъ.

что Орлеану грозитъ голодъ. Народъ начинаетъ волноваться: въ Жіенѣ, Монтаржисѣ, Мальзербѣ и другихъ мѣстностяхъ—происходятъ открытыя возстанія. Интендантъ провинціи находитъ положеніе настолько серьезнымъ, что пишетъ государственному контролеру: „я болѣе ни за что не отвѣчаю“.

Въ связи съ возрастаніемъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе припасы, въ томъ числѣ на вино, идетъ пониженіе заработной платы, или еще чаще, сокращеніе хозяйскихъ затратъ на содержаніе рабочихъ. Немудрено, поэтому, если въ ихъ средѣ начинается сильное броженіе. Но высокія цѣны отражаются невыгодно и на бюджетѣ хозяевъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ это было еще общимъ правиломъ въ цеховой средѣ, мастеръ содержалъ своихъ подмастеріевъ, поставляя имъ пищу и питье. Такіе порядки держались, напр., въ плотническомъ дѣлѣ на протяженіи всей Франціи и въ частности въ Дижонѣ, гдѣ, какъ мы узнаемъ изъ мемуара, составленнаго мастерами-плотниками въ 1768-мъ году,— рабочіе получали отъ мастеровъ, сверхъ жалованья, еще четыре раза въ день пищу; каждый разъ имъ полагалось мясо и вино. Вздорожаніе послѣдняго, благодаря неурожаю винограда, заставило мастеровъ сократить на одинъ стаканъ ту порцію вина, какую они получали за каждой трапезой: вмѣсто трехъ имъ стали давать два стакана. Это обстоятельство и вызвало стачку. Въ циркулярномъ письмѣ ко всѣмъ мастерамъ-плотникамъ другихъ городовъ Франціи эти событія разсказаны въ слѣдующемъ видѣ: такъ какъ подмастеріи привыкли быть нашими господами, то мудрая мѣра, нами принятая и которая должна была быть только временной, настолько возмутила ихъ, что, собравшись на сходку, они приняли слѣдующее постановленіе: они рѣшили покинуть насъ всѣхъ одновременно и приложить все свое стараніе къ тому, чтобы ни одинъ подмастерій въ теченіе 15-ти лѣтъ не останавливался въ Дижонѣ. Нѣсколько человѣкъ, ими выбранныхъ изъ своей среды, должны были слѣдить за прибытіемъ въ городъ плотниковъ и требовать немедленнаго ихъ отъѣзда. Исполнить это порученіе имъ было нетрудно, такъ какъ всѣ приходящіе въ городъ искать занятій направляются въ домъ рабочаго товарищества, обозначаемый характернымъ названіемъ „матери“. Здѣсь-то и должны были ждать ихъ тѣ, кому поручено было выпроваживать ихъ изъ города, употребляя для этого— угрозы и насилія. Этотъ заговоръ (cabale), какъ называютъ его мастера-плотники, — увѣнчался полнымъ успѣхомъ: въ теченіе

[1]) Ibid., стр. 30—36.

мѣсяца мы остались безъ всякаго помощника въ нашемъ трудѣ,— такъ точно былъ исполненъ приказъ ушедшихъ отъ насъ подмастеріевъ не допускать вновь прибывающихъ къ работѣ. Въ концѣ этого срока, полиція вмѣшалась въ дѣло и, получивши всѣ доказательства пущенной въ ходъ интриги (manoeuvre), она задержала буйныя головы, такъ хорошо здѣсь распоряжавшіяся; нѣкоторое время они просидѣли въ тюрьмѣ, послѣ чего ихъ выслали изъ города, съ запретомъ когда-либо возвращаться въ него и подъ страхомъ, что въ послѣднемъ случаѣ они подвергнутся преслѣдованіямъ, какъ нарушители общественнаго порядка [1]).

Всѣ эти предосторожности, по заявленію мастеровъ-плотниковъ, не оказались, однако, достаточными для подавленія заговора (cabale); вожаки устроились въ сосѣднихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ и стали задерживать по дорогѣ всѣхъ подмастеріевъ, направлявшихся къ Дижону, требуя отъ нихъ, чтобы они не останавливались въ этомъ городѣ. Мастерамъ пришлось искать рабочихъ помощниковъ въ Швейцаріи, Лотарингіи, Франшконтэ и Шампани.

Читая это посланіе, начинаешь понимать причину, по которой стачка приравниваема была не только въ законахъ, но и въ сочиненіяхъ наиболѣе выдающихся экономистовъ XVIII-го в., начиная съ Тюрго и оканчивая Адамомъ Смитомъ, не къ числу необходимыхъ проявленій личной свободы каждаго распоряжаться своимъ временемъ по собственному выбору и входить на этотъ счетъ въ соглашеніе съ кѣмъ ему будетъ угодно, а какъ на уголовное дѣяніе, какъ на заговоръ (cabale), направленный къ нарушенію не однихъ интересовъ, но и признанныхъ правъ. Прибѣгая къ правительственной помощи противъ забастовщиковъ, предприниматели въ лицѣ мастеровъ не прочь были одновременно бороться съ ними съ помощью средствъ, довольно близкихъ по природѣ къ локаутамъ, сдѣлавшимся столь обычными въ наше время. „Имѣя въ виду,— говорятъ мастера-плотники, что въ глуши трудно добывать рабочихъ взамѣнъ стачечниковъ, намъ необходимо условиться со всѣми, кто въ другихъ городахъ отправляетъ одинаковое съ нами ремесло, на счетъ принятія совмѣстно справедливыхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ подавленію такихъ же мятежей (révolte), какъ тотъ, на который мы вправѣ жаловаться. Вѣдь

---

[1]) Les compagnonages d'arts et métiers à Dijon au XVII et XVIII s., стр. 174—175.

они не только позорны, но и разорительны; мы намѣрены также обратиться къ королю и въ его совѣтъ съ цѣлью добиться изданія общаго регламента для всего королевства, регламента, который положилъ бы конецъ столь тяжкимъ злоупотребленіямъ". Мастера плотники Дижона ходатайствуютъ о томъ, чтобы со всѣхъ концовъ королевства имъ присланы были рѣшенія, принятыя въ разныхъ мѣстахъ по поводу однохарактерныхъ столкновеній. Они будутъ приложены къ тому заявленію, съ какимъ они письменно намѣрены обратиться къ министру. „Вы понимаете,—пишутъ они—какое значеніе можетъ имѣть единеніе, особенно въ настоящее время, когда нашей задачей является вырвать съ корнемъ дальнѣйшія причины заговоровъ, тяжкихъ для насъ и не менѣе вредныхъ для всего народа." Въ мемуарѣ, который мастера-плотники послали вслѣдъ за тѣмъ къ министру, они ссылаются на то, что товарищества подмастеріевъ запрещены были еще въ 1539-мъ г. ордонансомъ, изданномъ въ Вильеръ Котэрэ, и что эти запреты повторены были снова въ 1666, 1674 и 1679-омъ годахъ, такъ что по закону никакое собраніе товарищей не можетъ состояться безъ предварительнаго разрѣшенія; но постановленія закона не исполняются; не только въ отдѣльныхъ ремеслахъ и промыслахъ имѣются союзы подмастеріевъ, но между этими союзами надо признать существованіе тѣснаго общенія. Они всѣ образуютъ единое братство, распадающееся на двѣ вѣтви; одна изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ „товарищей долга" (compagnons du devoir), другая слыветъ подъ именемъ compagnons gavaux; если между ними происходятъ частыя тренія, когда рѣчь идетъ о раздѣляющихъ ихъ интересахъ, то они, наоборотъ, весьма тѣсно держатся одна другой, когда идетъ дѣло объ общемъ интересѣ,—все равно при этомъ, направлены ли эти интересы противъ хозяевъ и мастеровъ, или противъ потребителей; только благодаря существованію такого тѣснаго единенія подмастеріи въ состояніи были поставить въ полную отъ себя зависимость мастеровъ, отправляющихъ свое ремесло въ тѣхъ или другихъ мѣстечкахъ. Едва возникнетъ раздоръ между мастеромъ и тѣмъ или другимъ изъ его подмастеріевъ, какъ всѣ спѣшатъ покинуть заведеніе попавшаго въ немилость хозяина. Подмастеріи собираются, осуждаютъ безапелляціонно и на основаніи однихъ показаній товарищей, провинившагося мастера и запрещаютъ кому бы то ни было наниматься у него на какой бы то ни было срокъ, начиная отъ 2, 4 или 6 мѣсяцевъ и доходя нерѣдко до 2 лѣтъ. Это зовется „наложить на него запретъ", запретъ, гласящій, что работать

у него нельзя подъ страхомъ такой-то пени. О случившемся немедленно оповѣщаютъ старшинъ отдѣльныхъ товариществъ въ важнѣйшихъ городахъ Франціи; эти старшины слывутъ подъ названіемъ „королей“ и оповѣщаютъ всѣхъ сочленовъ о наложеніи такого запрета или интердикта. Въ каждомъ городѣ,— поясняютъ составители мемуара,—имѣется особое помѣщеніе для собранія членовъ товарищества; еслибы полиціи удалось обнаружить его и не допускать дальнѣйшихъ собраній, товарищи сошлись бы въ какомъ-нибудь монастырѣ или въ церкви подъ предлогомъ молитвы или, наконецъ, въ полѣ, лежащемъ за границами города“. Такимъ образомъ задолго до возникновенія клубовъ якобинцевъ и кордельеровъ уже возникла привычка избѣгать полицейскихъ дознаній тайными собраніями въ зданіяхъ, принадлежащихъ болѣе или менѣе автономнымъ духовнымъ конгрегаціямъ. Въ каждомъ городѣ, — поясняетъ приводимый нами документъ,—мѣсто, въ которомъ собираются товарищи, слыветъ у нихъ подъ названіемъ „матери“; въ него приходятъ тотчасъ послѣ своего прибытія въ городъ странствующіе подмастеріи, изъ него исходятъ приказы остаться или уйти изъ города; въ первомъ случаѣ старшина рабочаго товарищества или кто-либо изъ его помощниковъ принимаетъ мѣры къ помѣщенію прибывшаго на работу къ тому или другому мастеру; во-второмъ— приказъ о немедленномъ отбытіи изъ города дается тѣмъ же старшиною; ему подчиняются безъ всякихъ оговорокъ даже тогда, когда приказъ отданъ не устно, а съ помощью знаковъ. Плохо бы пришлось тому товарищу, который позволилъ бы себѣ не исполнить приказа: онъ былъ бы избитъ своими же и поставленъ въ необходимость покинуть городъ. Но этого мало: его бы съ этого времени ждали одинаковыя оскорбленія въ любой изъ посѣщаемыхъ имъ мѣстностей; вѣдь товарищество имѣетъ связи во всемъ королевствѣ; во всѣ концы государства дается знать, что мастера того или другого города поставлены подъ запретъ и въ такомъ случаѣ никому изъ лицъ, ищущихъ работы, не позволяется останавливаться въ такомъ городѣ; видимымъ же признакомъ наложенія интердикта служитъ отсутствіе въ городѣ особаго реестра для записи прибывающихъ рабочихъ; пока этотъ реестръ, временно унесенный изъ города, не возвращенъ будетъ на прежнее мѣсто, запретъ не считаютъ снятымъ. Изъ дальнѣйшихъ словъ составителей мемуара можно прійти къ заключенію, что не между одними товарищами опредѣленнаго ремесла или промысла существовало только что описанное тѣсное общеніе; но что до нѣкоторой степени то же можетъ быть ска-

зано и о товарищахъ разныхъ ремеслъ и промысловъ; всѣ они выступали, какъ одинъ человѣкъ, въ поддержаніи требованій, предъявленныхъ хозяевамъ промышленныхъ предпріятій, а изъ этого слѣдуетъ, что въ XVIII-мъ в. уже ставился вопросъ объ общей стачкѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ мастера всячески стремились къ тому, чтобы отнять у товариществъ вербовку рабочихъ; но тщетно муниципальныя учрежденія и существующія въ городахъ судебныя палаты издавали соотвѣтствующіе приказы, предписывая, напримѣръ, какъ это случилось въ мартѣ 1740-го г. въ Дижонѣ, что мастера должны выбирать изъ собственной среды лицо, завѣдующее наймомъ приходящихъ въ городъ подмастерій; товарищи не хотѣли подчиниться этимъ велѣніямъ и выпустить изъ своихъ рукъ лучшее средство не только нравственнаго, но и матеріальнаго воздѣйствія на хозяевъ [1]).

Мы потому остановились такъ подробно на описаніи тѣхъ столкновеній, какія возникли въ 1768 и 1769 гг. между мастерами плотниками и ихъ подмастеріями, въ Дижонѣ, что въ нихъ особенно ярко выступаетъ тотъ характеръ заговора, какой на первыхъ порахъ носила стачка. Разсматриваемая, подобно тому, какъ это недавно еще было у насъ, за своего рода преступленіе, она по тому самому подготовляема была въ тиши и проводима въ жизнь средствами, не исключавшими явнаго насилія по отношенію къ лицамъ, не желавшимъ примкнуть къ ней. Немудрено, если въ такихъ условіяхъ законодательство относилось съ полной враждебностью ко всякимъ попыткамъ коллективнаго выступленія трудящагося люда, почему не только стачка, но и ассоціація, не пользовалась его сочувствіемъ. Далеко не случайностью объясняется тотъ фактъ, что въ „декларацiи правъ человѣка и гражданина“ отсутствуетъ упоминаніе о правѣ ассоціацій. Французскій критикъ Фагэ отмѣтилъ этотъ фактъ въ своей недавней статьѣ о руководящихъ идеяхъ революціи. Неупоминаніе о свободѣ ассоціацій въ числѣ другихъ свободъ,—говоритъ онъ—далеко не случайное. Редакторы деклараціи, признавъ свободу властью, отворачиваются отъ нея, когда она дѣйствительно такова, т.-е. какъ только она пріобрѣтаетъ характеръ чего-то коллективнаго. Пока свобода остается абстракціей, они—ея горячіе сторонники; но разъ индивидуальныя свободы сгруппировались, пріобрѣтая тѣмъ самымъ власть или вліяніе, имъ отказываютъ въ признаніи. Въ этомъ отноше-

[1]) Ibid., стр. 169.

ніи декларація правъ явилась прямымъ отраженіемъ той точки зрѣнія, съ какой экономисты того времени, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ фактовъ, смотрѣли на ассоціаціи, въ частности на рабочія товарищества или такъ называемыя compagnonages. Для Тюрго столько же, какъ и для Адама Смита, ассоціаціи всегда преслѣдуютъ частные интересы, несогласные съ общимъ благомъ; вслѣдъ за Руссо, и тотъ, и другой, готовы принесть въ жертву общему благу все, что въ нашихъ глазахъ отвѣчаетъ понятію корпоративныхъ стремленій, корпоративнаго духа. Они подкрѣпляютъ свою мысль ссылкой на факты, однохарактерные съ тѣми, какіе намъ пришлось отмѣтить въ отношеніяхъ къ мастерамъ Дижона членовъ compagnonage, плотниковъ-подмастеріевъ.

Не въ одномъ, конечно, плотническомъ дѣлѣ происходятъ раздоры между предпринимателями и исполнителями труда. Не выходя изъ того же Дижона, мы можемъ указать на то, что въ августѣ 1774 г. сапожники и башмачники принуждены были принять мѣры противъ товарищей (compagnons), которые не допускали иныхъ порядковъ найма рабочихъ хозяевами, помимо того, какой мы нынѣ разумѣемъ подъ именемъ коллективнаго договора. За отсутствіемъ этого термина, манифестъ хозяевъ описательно изображаетъ ту практику, къ какой обращаются товарищи при заключеніи договора съ хозяевами. Они сговариваются—сказано въ немъ,—объ опредѣленіи на службу одинъ другого, а также и объ оставленіи службы не иначе, какъ совмѣстно. Они прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы не позволить мастерамъ самимъ вербовать рабочихъ и при томъ все равно, какъ изъ туземцевъ, такъ и изъ пришлыхъ [1]).

Жалобы на заговоры или стачки товариществъ (compagnonages) обычны столько же на югѣ, сколько и на сѣверѣ Франціи; о нихъ говорятъ наказы города Монпелье и наказы средняго сословія Нима [2]). Въ недавно отпечатанныхъ наказахъ отдѣльныхъ промышленныхъ корпорацій Марселя также заходитъ рѣчь о несогласіяхъ и раздорахъ, проникшихъ въ цехи шляпочниковъ и сапожниковъ и вызвавшихъ рядъ стачекъ въ 1781 и 1785 гг. Рабочіе каждый разъ настаивали на бо̀льшемъ вознагражденіи и выражали свое недовольство тѣмъ, что хозяева принимаютъ къ себѣ въ ученики несравненно бо̀льшее число лицъ, чѣмъ то, какое опредѣлено было цеховыми регламентами. Очевидно, это дѣлалось мастерами съ цѣлью увеличить

[1]) Гауверъ, стр. 67.

[2]) См. Archiv Parl. т. IV, стр. 51 и 243.

число своихъ рабочихъ помощниковъ и тѣмъ самымъ повліять на уменьшеніе ихъ денежныхъ требованій. Хозяева въ свою очередь отказывали въ увеличеніи заработка, ссылаясь на вздорожаніе припасовъ и уменьшеніе числа заказовъ. Наказы отдѣльныхъ корпорацій отражаютъ на себѣ эти явленія, говоря о томъ, что подмастеріи (garçons) вступаютъ въ союзы между собою (se coalisent) и, разъ условившись съ мастерами, нарушаютъ заключенный съ ними договоръ подъ предлогомъ, что вознагражденіе недостаточно и что необходимо сдѣлать имъ прибавку къ жалованью [1]).

По словамъ Мерсье,—автора извѣстной „Картины Парижа“ (Tableau de Paris), появившейся въ 1787 г. [2]), типографщики столицы жаловались, что „рабочіе предписываютъ имъ законы; ежедневно слышатся угрозы оставить хозяина, если онъ не согласится увеличить имъ плату и не разъ эти угрозы приводимы были въ исполненіе“. Рабочіе, занятые въ бумажномъ производствѣ, — читаемъ мы въ свою очередь въ административной перепискѣ интенданта Турены, относящейся къ 1782 и 1783 г.— сдѣлались въ буквальномъ смыслѣ слова тиранами своихъ хозяевъ. Они часто входятъ въ соглашеніе между собою, съ цѣлью принудить хозяевъ къ тѣмъ или другимъ уступкамъ; кто не желаетъ подчиниться ихъ требованіямъ, того они подвергаютъ своего рода интердикту; таковъ освященный въ ихъ средѣ терминъ. Онъ означаетъ, что впредь никто не будетъ допущенъ къ поступленію въ число рабочихъ того или другого хозяина. Вліяніе товариществъ такъ сильно, что ихъ приказы исполняются безпрекословно [3]).

И не на однѣхъ бумажныхъ фабрикахъ предпринимателямъ приходится считаться съ организованной оппозиціей рабочаго сословія. Тоже повторяется и въ текстильной промышленности; Такъ въ 1778-мъ году на фабрикѣ ситцевъ въ Бовэ обнаружена была попытка организовать стачку. Нѣкто, по имени Тріолэ, сталъ во главѣ недовольныхъ и началъ убѣждать рабочихъ къ оставленію фабрики до истеченія срока ихъ контракта. Его совѣтъ

---

[1]) Наказы сенешоссеи Марселя, изд. Фурнье, стр. 85. Наказы сапожниковъ-рабочихъ. См. также наказъ шляпочниковъ-рабочихъ, стр. 66 и 71 и наказъ мясниковъ, стр. 75. Издателю наказовъ Фурнье принадлежитъ особая монографія, озаглавленная „Стачка въ Марселѣ въ 1785.“ Она появилась въ 45-мъ томѣ трудовъ статистическаго общества въ Марселѣ, стр. 223.

[2]) Т. VIII, стр. 323.

[3]) Отрывокъ изъ этой корреспонденціи приведенъ Бабо въ его книгѣ, озаглавленной „Ремесленники и рабочіе“, стр. 34.

былъ исполненъ; значительное число рабочихъ прекратило свой трудъ. Тогда хозяева обратились къ правительству съ просьбой обнародовать регламентъ, который защитилъ бы ихъ отъ такой, какъ они выражались, анархіи. Въ отвѣтъ на это заявленіе, правительство, не прибѣгая къ изданію новаго закона, предписало соблюдать со строгостью въ примѣненіи къ рабочимъ постановленія второго января 1749-го года; послѣднія же высказывались противъ допущенія какъ стачекъ, такъ и рабочихъ товариществъ [1]).

Всего чаще забастовки въ работѣ повторяются въ Ліонѣ. Мы имѣли уже случай говорить о тѣхъ столкновеніяхъ, какія произошли въ этомъ городѣ между предпринимателями и рабочими въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія. Упомянемъ теперь вкратцѣ о тѣхъ, какія ознаменовали собою годы, предшествующіе революціи.

Въ 1784-мъ году, благодаря перепроизводству и денежнымъ затрудненіямъ, цѣны на трудъ пали въ Ліонѣ въ значительной мѣрѣ. Мастера работники подняли снова вопросъ объ установленіи обязательнаго тарифа. Еще тремя годами ранѣе ихъ „стражи“ обращались къ консулату съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ собрать весь рабочій людъ для обсужденія общаго плана дѣйствій, на что послѣдовалъ формальный отказъ, сопровождавшійся заявленіями о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія имѣлъ бы всякій совмѣстный образъ дѣйствій со стороны рабочихъ. При наступленіи безработицы 1786-го года послѣдовали тѣмъ не менѣе новыя попытки совмѣстнаго дѣйствія со стороны трудящагося люда въ интересахъ добиться возстановленія тарифа.

Уступая этимъ настояніямъ, консулатъ согласился увеличить на цѣлыхъ два су съ aune вознагражденіе лицамъ, занятымъ изготовленіемъ англійской тафты, и возстановилъ такимъ образомъ легальную плату за издѣльную работу. Но государственный совѣтъ, признавая ближайшимъ виновникомъ тѣхъ столкновеній, какія въ Ліонѣ повторяются между фабрикантами и рабочими, „свойственный этому городу обычай установлять таксы на трудъ“, кассировалъ рѣшеніе консулата, объявляя, что впредь вознагражденіе должно быть опредѣляемо путемъ свободнаго контракта, по образцу того, что имѣетъ мѣсто въ столицѣ и другихъ городахъ королевства; въ то же время онъ запретилъ рабочимъ уго-

---

[1]) Смотри письма интенданта торговли Де-Монтарана къ интенданту Парижа отъ 6-го іюня и 4-го іюля 1778 года. Національный Архивъ. F[12] 126, стран. 245 и 265.

вариваться между собою съ цѣлью однообразнаго повышенія платы [1]).

Этотъ запретъ стачекъ, связанный со свободой предпринимателей повышать или понижать вознагражденіе за трудъ сообразно условіямъ рынка, отразился весьма гибельно на судьбѣ рабочаго класса Ліона въ 1787-мъ году, когда, благодаря двойному неурожаю, хлѣба и шелковыхъ коконовъ, издержки существованія возросли одновременно съ пріостановкой 4.000 станковъ [2]). Доведенные до необходимости довольствоваться половиной прежняго заработка и пополнять недостачу на счетъ общественной благотворительности, рабочіе стали ходатайствовать объ отмѣнѣ запретовъ, направленныхъ противъ возстановленія обязательнаго тарифа на трудъ. Ихъ просьба была уважена, благодаря личному вмѣшательству короля и подъ вліяніемъ начавшейся уже революціи. 8-го августа 1789 года приговоромъ государственнаго совѣта предписано избраніе шести комиссаровъ со стороны купцовъ шелковаго товара и такого же числа со стороны мастеровъ рабочихъ. Совмѣстно съ превотомъ купцовъ и городскими эшевенами, они должны были опредѣлить на время издѣльную плату при выдѣлкѣ различныхъ сортовъ тканей. Съ этими цѣнами и должны были согласоваться власти, призванныя рѣшать споры, возникающіе между предпринимателями и рабочими изъ-за размѣра вознагражденія [3]). 18-го сентября подобный тарифъ установленъ былъ, какъ для мастеровъ, такъ и для подмастеріевъ, при чемъ принято во вниманіе 250 различныхъ сортовъ тканей. Въ выработкѣ тарифа приняли участіе одни только комиссары отъ „мастеровъ рабочихъ“; купцы же обратились къ королю съ ходатайствомъ оставить въ силѣ приговоръ третьяго сентября 1786 г., допускавшій установленіе платы путемъ свободнаго соглашенія; они заявляли въ то же время о своей готовности не понижать ея противъ того уровня, какого она достигла въ 1785-мъ году, когда, какъ мы видѣли, вслѣдствіи перепроизводства, вознагражденіе рабочимъ было особенно низко. Король отклонилъ, однако, эти ходатайства, съ совѣта торговаго бюро, и приговоромъ 29-го ноября призналъ временную силу за новымъ тарифомъ,

---

[1]) Текстъ arrêt du conseil отъ 3-го сентября 1786 года гласитъ буквально: il est interdit aux ouvriers de se concerter entre eux pour faire hausser le prix de leurs salaires d'une manière uniforme et combinée. См. L'Ouvrier en soie, monographie du tisseur lyonnais, étude historique, économique et sociale par Justin Godart. 1 partie, страница 254.

[2]) Ibid., стр. 239.

[3]) Ibid., стр. 254.

объявляя въ то же время, что окончательно размѣръ вознагражденія будетъ установленъ съ момента открытія обѣщанныхъ закономъ провинціальныхъ и муниципальныхъ собраній [1]).

Такимъ образомъ, если рабочимъ и удается склонить временно законодателя на свою сторону, то только въ виду тревожности переживаемой минуты и невозможности иного исхода. Въ принципѣ же правительство остается теперь, какъ и прежде, противникомъ всякой коллективной оппозиціи и всякой попытки нормированія заработной платы [2]).

Послѣ всего сказаннаго понятна враждебность буржуазіи къ рабочимъ ассоціаціямъ; понятно, почему Тюрго включаетъ въ эдиктъ 1776-го года [3]), на ряду съ отмѣной цеховъ, и запрещеніе рабочихъ союзовъ; понятно, почему съ ними сражается въ теоріи Адамъ Смитъ, а на практикѣ Учредительное Собраніе [4]). Понятенъ, однимъ словомъ, источникъ закона 17-го іюня 1791-го года, закона, отмѣнившаго свободу рабочихъ союзовъ и стачекъ [5]).

Максимъ Ковалевскій.

---

[1]) Ibid., стр. 256.

[2]) Приговоръ 29-го ноября 1789 года снова напоминаетъ о томъ: que la différence de temps, de circonstances et des événements doit influer nécessairement sur l'augmentation ou la diminution du prix des façons (ibid,).

[3]) Edit de Février 1776, art. 14. Défendons pareillement à tous maitres, compagnons et apprentis des dits corps et communautés de former aucune association ni assemblée entre eux, sous quelque prétexte que ce puisse être. См. Ferdinand Béchard. Les Réformes de Turgot. Revue de la Revolution, 1888, стр. 196.

[4]) La loi ne devrait rien faire pour faciliter les assemblées des ouvriers.

[5]) См. La Révolution française et la question ouvrière par Charles Chabot (Révolution française, t. V, a. 1883, стр. 93).

ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОМЪ МІРѢ [1])

I.

Новая служебная перемѣна.

Очень тяжело мнѣ стало къ концу 1889-го года служить членомъ совѣта въ крестьянскомъ банкѣ, среди измѣнившагося къ худшему личнаго состава управленія, среди усилій къ обезжизненію дѣятельности банка и при непріятномъ верхнемъ давленіи на дѣло, которымъ я особенно дорожилъ (причины объяснены подробнѣе въ статьѣ моей „Семь лѣтъ въ крестьянскомъ банкѣ“, августъ и сентябрь „Вѣстника Европы“ 1906-го года). Сложилось сознаніе: надо уйти! Но куда уйти? Да хотя бы въ безразличное дѣло.

Готовность къ безразличной работѣ легко объясняется тѣмъ, что въ ту глубоко-реакціонную эпоху почти всѣ вѣдомства съ ихъ руководящимъ персоналомъ проникались очень несимпатичнымъ духомъ. Вездѣ усиливались непріятныя вѣянія, и личныя перемѣны болѣе и болѣе ставили у власти людей, подходящихъ къ подобнымъ вѣяніямъ. Казалось неизбѣжнымъ, что ставъ у сколько-нибудь живыхъ и важныхъ интересовъ, гдѣ можно приносить какъ дѣйствительную пользу, такъ и существенный вредъ, при наличныхъ вѣяніяхъ, пришлось бы или прикладывать руку къ дѣйствіямъ, противнымъ внутреннему чувству, или опять попасть въ непрочное положеніе. А что толку — мѣнять одно не-

[1]) Настоящій очеркъ составляетъ продолженіе моихъ автобіографическихъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1903—1906 годахъ. Послѣднія доведены были до 1890-го года, а настоящій очеркъ касается начала девяностыхъ годовъ, для которыхъ наступаетъ уже „исторія“.

пріятное положеніе на другое, такое же? Въ безразличномъ же дѣлѣ легче уже потому, что къ предметамъ его можно относиться спокойнѣе. Это не то, что въ крестьянскомъ банкѣ, гдѣ отъ ложнаго направленія или пренебрежительности къ нуждамъ населенія лишается помощи или разоряется масса живыхъ и бѣдныхъ людей.

Перебирая различные способы исхода и отыскивая сравнительно лучшіе, я болѣе и болѣе склонялся къ мысли о возвратѣ въ министерство путей сообщенія, гдѣ уже служилъ прежде (см. „Вѣстникъ Европы“ 1904-го года, ноябрь), и гдѣ по самому существу дѣла не предвидѣлось „политики“, такъ какъ основная задача тамъ—только успѣшно „перевозить“, соблюдая государственный интересъ. Но въ этомъ министерствѣ персоналъ управленія значительно измѣнился со времени моего ухода изъ него. Министромъ, вскорѣ послѣ перемѣнъ, вызванныхъ памятною желѣзнодорожною катастрофою 17-го октября 1888-го года, сталъ А. Я. фонъ-Гюббенетъ, котораго я прежде хотя и нѣсколько зналъ, но стоялъ къ нему лишь въ отдаленныхъ оффиціальныхъ отношеніяхъ; другія вліятельныя въ министерствѣ лица тоже были почти все новыя.

Когда узналъ о моемъ положеніи и раздумьи Н. Х. Бунге, бывшій въ это время предсѣдателемъ комитета министровъ, то при его постоянной участливости ко мнѣ пожелалъ освѣдомиться, куда бы я былъ расположенъ уйти? Я отвѣтилъ, что всего охотнѣе занялъ бы должность правительственнаго директора на одной изъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ по назначенію отъ министра путей сообщенія. Немного времени спустя получается отъ Н. Х. Бунге увѣдомленіе, что онъ переговорилъ обо мнѣ съ Гюббенетомъ, который выразилъ готовность пригласить меня въ свое вѣдомство, почему я долженъ ждать отъ него вызова.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней получилъ я форменное извѣщеніе, что министръ путей сообщенія назначаетъ мнѣ аудіенцію утромъ 6-го января 1890-го года, послѣ крещенскаго парада. Итакъ, предстояло объясненіе съ Гюббенетомъ.

Зналъ я Гюббенета еще въ первую свою путейскую службу, когда онъ нѣкоторое время былъ товарищемъ министра путей сообщенія. Человѣкъ онъ былъ безусловно честный, благожелательный, хотя не изъ числа „быстрыхъ разумомъ Невтоновъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ—очень самолюбивый и нѣсколько взбалмошный, причемъ нѣкоторыя странности придавали его портрету значительную своеобразность. Ходило о немъ немало анекдотовъ. Прежде всего обращала на себя вниманіе его наружная важность

какого-то специфическаго, остзейскаго характера. Держался онъ величественно, ко всему относился какъ-то свысока, говорилъ—словно вѣщалъ нѣчто возвышенное, а когда подавалъ руку для пожатія, то съ такимъ видомъ, который безмолвно говорилъ: чувствуй, это самъ фонъ-Гюббенетъ подаетъ тебѣ руку! Хотя служебная карьера его длилась довольно долго, въ разныхъ должностяхъ и вѣдомствахъ, но онъ не успѣлъ усвоить себѣ ординарной логичности въ изложеніи мыслей и не совсѣмъ успѣшно давалось ему владѣніе русскимъ языкомъ. Когда ему приходилось что-нибудь написать, то мысли его какъ-то прыгали, образовывали интервалы или такъ неожиданно обрывались, что подчиненнымъ иногда нелегко бывало понять, чего именно онъ хочетъ. Случалось, напримѣръ, что представятъ ему письменный докладъ и затѣмъ получаютъ его обратно съ резолюціею такого рода: „Имѣя въ виду то-то и то-то...“, а затѣмъ точка и больше ничего. Придаточное предложеніе есть, а главнаго нѣтъ; начало соображеній на лицо, но безъ вывода. Разъ представленъ былъ ему по одному дѣлу докладъ, въ которомъ указывались два возможныхъ исхода и испрашивалось рѣшеніе—который изъ нихъ избрать. И получается резолюція: „Исполнить докладъ“. А которое изъ двухъ предположеній исполнить—угадайте! Въ другомъ случаѣ, написалъ онъ темную и длинную, чуть не въ страницу, резолюцію, да еще своимъ отчаянно-неразборчивымъ почеркомъ, и директоръ канцеляріи сталъ въ тупикъ. Зоветъ вице-директора,—не поймете ли, молъ, вы? Но не понялъ и тотъ, а за нимъ не понялъ и начальникъ отдѣленія. Обратились къ особому способу: дать писцамъ переписать,—авось тогда станетъ яснѣе, однако и тутъ ничего не вышло. Нечего дѣлать, пришлось обратиться за разъясненіемъ къ самому Гюббенету, и онъ, просмотрѣвъ и подумавъ, отвѣчалъ: „У меня тогда столько было важныхъ соображеній, что я, можетъ быть, неясно выразился, а теперь я даже забылъ, что хотѣлъ высказать“. Страдала и грамотность. Разсказывали, что онъ вмѣсто „едва ли“ писалъ „евда ли“. Разъ я самъ получилъ отъ него такую собственноручную записку: „Ожидаю сегодня записку о Вашу о Владикавской ж. дорогѣ“ (вмѣсто Владикавказской). Думаю—описался Адольфъ Яковлевичъ, однако смотрю — и на адресѣ его рукою написано: „Директору Владикавской дороги“. А текстъ записки подходилъ къ знакомымъ примѣрамъ гюббенетовскаго изложенія.—Самолюбіе же у Гюббенета было большое, которое, между прочимъ, склоняло его къ борьбѣ съ другими министрами, причемъ онъ терпѣть не могъ министра

финансовъ Вышнеградскаго съ его приспѣшниками, подозрѣвая ихъ въ недоброкачественныхъ цѣляхъ.

Принялъ меня Гюббенетъ, только-что вернувшись съ крещенскаго парада, украшенный лентами и звѣздами, отчего видъ его былъ еще важнѣе обыкновеннаго. Когда, на его предложеніе объясниться, я высказалъ, что, будучи по такимъ-то и такимъ причинамъ недоволенъ службою въ крестьянскомъ банкѣ, желалъ бы перейти въ министерство путей сообщенія и занять должность правительственнаго директора на одной изъ желѣзныхъ дорогъ,—Гюббенетъ, послѣ нѣкотораго раздумья, сталъ распрашивать о моихъ отношеніяхъ къ Бунге, а потомъ заговорилъ о невыгодахъ переходовъ изъ одного вѣдомства въ другое и о спеціальностяхъ желѣзнодорожнаго дѣла, какъ бы желая указаніемъ на затрудненія придать особую цѣну ожидаемому отъ него акту. Тогда я отозвался, что если мое желаніе встрѣчаетъ какія-либо затрудненія, то я готовъ отказаться отъ своей попытки и не буду въ претензіи, если нашъ разговоръ окажется безрезультатнымъ. Но на это Гюббенетъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, я вовсе не отказываю вамъ, но такое дѣло требуетъ обдуманія; тутъ нужны соображенія и справки о вакансіяхъ“. Замѣтно было, что вообще онъ хочетъ угодить Бунге и что ему даже нѣсколько нравится мое стремленіе покинуть министерство нелюбимаго имъ Вышнеградскаго. Наше объясненіе кончилось тѣмъ, что Гюббенетъ обѣщалъ меня „увѣдомить“.

Недѣлю спустя получилъ я отъ директора канцеляріи путейскаго министерства Н. О. Михневича извѣщеніе, что министръ предлагаетъ мнѣ подать прошеніе о переводѣ изъ финансоваго министерства въ министерство путей сообщенія. При личномъ же разговорѣ, Михневичъ совѣтовалъ мнѣ не медлить, такъ какъ одна вакансія есть и упускать ее не слѣдуетъ. Но тутъ я уже самъ заколебался. Выступило острое чувство жалости разставаться съ крестьянскимъ банкомъ. Сколько мною вложено было въ него самаго заботливаго труда, сколько было надеждъ и какъ все это вдругъ бросить! Стала даже соблазнять мысль, что, можетъ быть, положеніе банка и финансоваго управленія какъ-нибудь скоро измѣнится и этого можно бы дождаться при нѣкоторомъ терпѣніи. Я замедлилъ настолько, что Гюббенетъ еще разъ вызвалъ меня и поставилъ нѣчто въ родѣ ультиматума: скажите, молъ, рѣшительно, берете ли вы мѣсто въ моемъ вѣдомствѣ или нѣтъ, потому что и мнѣ нельзя медлить съ замѣщеніемъ имѣющейся вакансіи! Я отыскалъ предлогъ къ отсрочкѣ еще на недѣлю, но затѣмъ мои колебанія прервалъ совѣтъ одного изъ знакомыхъ

чиновъ финансоваго вѣдомства.—Если вы надѣетесь на возможность какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ,— сказалъ этотъ послѣдній,— то напрасно. Не такъ заволокло нашъ горизонтъ, чтобы тучи могли скоро разойтись; то, что теперь складывается, продержится долго и тучи, навѣрное, будутъ еще сгущаться.— Когда же я снова зашелъ къ Михневичу, то онъ порѣшилъ послѣднія сомнѣнія: Нечего, молъ, вамъ колебаться, не упускайте вакансіи, иначе вамъ создастся новое затрудненіе; вотъ листъ бумаги, пишите, благословясь, прошеніе, приложимъ гербовыя марки и сейчасъ же отправимъ къ министру.—Махнулъ я рукой, написалъ и, еще черезъ нѣсколько дней, получилъ форменный приказъ о назначеніи меня правительственнымъ директоромъ въ правленіе Владикавказской желѣзной дороги.

Такъ судьба произвела въ служебной дѣятельности моей новый переломъ. Изъ работника крестьянскаго дѣла, столько лѣтъ занимавшаго меня, обратился я въ желѣзнодорожника. Ну, чтожъ! не мы управляемъ обстоятельствами, а обстоятельства управляютъ нами. Если лишній, ненужный я человѣкъ для крестьянскаго дѣла, то поработаю и въ другой сферѣ: буду заниматься рельсами, вагонами, мостами, финансовою стороною желѣзнодорожныхъ обществъ, вопросами о топливѣ, заготовкѣ шпалъ и т. под., пока гр. Кутузовъ съ новыми сотрудниками, правя земельными банками, будетъ устраивать интересы крестьянскаго населенія.

Пришлось немедленно окунуться въ новую сферу, браться за новаго рода дѣла, сходиться съ мало еще знакомыми людьми другой профессіи, изучать желѣзнодорожные законы, знакомиться спеціально съ положеніемъ своей желѣзной дороги и касающимися ея вопросами. Общій уставъ желѣзныхъ дорогъ, спеціальный уставъ Владикавказской дороги, груды отдѣльныхъ правилъ и циркуляровъ, смѣты, отчеты, балансы и т. под.—вотъ чему надо было посвятить себя въ первые же дни, чтобы съ самаго начала сколько-нибудь разобраться среди окружавшей меня сферы. Роль правительственнаго директора на частной дорогѣ главнымъ образомъ—прокурорская: наблюденіе за законностью постановленій правленія и общаго собранія акціонеровъ и за охраною казеннаго интереса, при пользованіи только совѣщательнымъ голосомъ, безъ права распоряженія, но съ правомъ останавливать неправильныя постановленія путемъ протеста и переноса дѣлъ въ министерство.

Въ это время еще отражались въ министерствѣ послѣдствія той тревоги, которая вызвана была извѣстною катастрофою импе-

раторскаго поѣзда въ Боркахъ 17-го октября 1888-го года. Подъ вліяніемъ этой катастрофы, и въ правительственныхъ кругахъ, и въ обществѣ опять поднялось неблагопріятное для желѣзнодорожнаго міра настроеніе. Снова заговорили о разныхъ непорядкахъ въ путейскомъ вѣдомствѣ, о его вялости, о необходимости влить въ него оживляющую струю и особенно—прекратить распущенность концессіонерскаго хозяйничанья на дорогахъ. И Гюббенету, попавшему на министерскій постъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ катастрофы, досталось положеніе новатора. Онъ считалъ нужнымъ проявить энергію, измѣнить прежнюю систему, обновлять личный составъ, искать новыхъ людей и серьезно подтянуть частныя желѣзныя дороги, поставивъ въ болѣе строгія условія ихъ хозяевъ, пользовавшихся до того излишнею снисходительностью. Впрочемъ, и безъ того онъ былъ сторонникомъ выкупа этихъ дорогъ въ казну. Гюббенетъ началъ съ перемѣнъ въ составѣ высшихъ лицъ министерства. Директора канцеляріи онъ уволилъ, другихъ пересадилъ и т. под. Хотя прошло уже около года со времени главныхъ перемѣнъ, но ожидались еще новыя, и вообще чувствовалось присутствіе какой-то преобразовательной тенденціи. Трудно сказать, что изъ этого вышло бы, еслибы министерство Гюббенета не было скоро свалено особыми обстоятельствами, но въ описываемый моментъ распространены были мнѣнія, что это министерство пойдетъ новымъ курсомъ, и что слѣдуетъ готовиться къ встрѣчѣ соотвѣтствующихъ актовъ.

Послѣ формальнаго знакомства съ главными изъ правящихъ въ министерствѣ лицъ, надо было познакомиться съ тѣмъ правленіемъ, среди котораго предстояло мнѣ дѣйствовать. Затѣмъ ждали меня: объѣздъ самой желѣзнодорожной линіи, составлявшей тогда лишь около 900 верстъ, присутствованіе въ акціонерныхъ собраніяхъ желѣзнодорожнаго общества и въ разныхъ министерскихъ коммисіяхъ, вообще вхожденіе въ курсъ дѣла. А такъ какъ по заведенному тогда обычаю правительственные директоры однѣхъ дорогъ иногда временно замѣщали директоровъ другихъ линій, то пришлось мнѣ потомъ принимать участіе и въ правленіяхъ нѣсколькихъ чужихъ дорогъ и въ чужихъ акціонерныхъ собраніяхъ. Благодаря этому, расширялось знакомство съ желѣзнодорожнымъ міромъ вообще. Нагляднѣе выяснялось, что̀ такое правленіе, каково мѣстное управленіе на линіяхъ, среди какихъ условій они работали, что представляли собою акціонерныя общества, въ чемъ состояли способы поддержки частныхъ интересовъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, и каково было

министерское вліяніе на это дѣло въ смыслѣ защиты интересовъ общихъ? Любопытно было также ознакомиться и съ нравами вновь открывшейся сферы, тѣмъ болѣе, что о нихъ въ обществѣ держались различныя представленія, преимущественно даже неблагопріятныя. Возникалъ вопросъ, что̀ изъ этихъ представленій имѣло дѣйствительныя основанія и что̀ было только дѣломъ традиціонныхъ предубѣжденій, переставшихъ соотвѣтствовать современности и поддерживавшихся малымъ знакомствомъ съ данною средою, которая вообще держалась какъ-то особнякомъ отъ другихъ общественныхъ группъ.

II.

Правленская сфера.

Прежде всего обрисовывались правленія—эти руководители частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, направлявшія дѣла своихъ линій изъ столицъ. Всѣ они, конечно, служили дѣлу частныхъ выгодъ, далеко не всегда совпадавшихъ съ интересомъ страны или государственной казны. Но и между ними были характерныя различія.

То правленіе, въ которое попалъ я, выгодно оттѣнялось отъ большинства другихъ своею умѣлостью, предпріимчивостью и энергіею. Во главѣ его стоялъ концессіонеръ бар. Штейнгель, сильно разбогатѣвшій на постройкѣ дороги, но онъ часто проживалъ внѣ Петербурга. Замѣстителемъ же его и ближайшею распорядительною, постоянно дѣйствовавшею силою являлся членъ правленія Кербедзъ, капиталистъ, инженеръ, сильно проникнутый коммерческимъ духомъ, при соотвѣтствующей сообразительности. Третій членъ, Жукъ, былъ работникъ, образованный и способный человѣкъ, но больше по бумажной части, не инженеръ и вовсе не капиталистъ, почему ему доставалась второстепенная роль—помогать иниціативѣ двухъ первыхъ; а четвертый—совсѣмъ безцвѣтный и недѣятельный родственникъ Штейнгеля, интересовавшійся лишь доходностью помѣщеннаго имъ въ дорогу капитала, тоже пріобрѣтеннаго на желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Три дѣятельныхъ члена въ одномъ правленіи—это было своего рода роскошью по сравненію съ другими правленіями.

Какъ коммерческое предпріятіе, дорога въ ту пору еще не давала особенныхъ выгодъ. Чистый доходъ ея былъ недостаточенъ для оплаты строительнаго капитала процентами, почему акціи приносили небольше гарантированныхъ казною 5 процен-

товъ съ номинальной ихъ суммы, да и срокъ гарантіи оканчивался черезъ нѣсколько лѣтъ. Казна же ежегодно много приплачивала. Но впереди виднѣлись интересныя перспективы. Сѣверный Кавказъ, обѣщавшій развитіе разной производительности, во многомъ казавшійся еще дѣвственною, богатою почвою, былъ едва затронутъ рельсовымъ путемъ, который тянулся лишь отъ Ростова-на-Дону до Владикавказа, имѣя вѣтвь къ Черному морю у Новороссійска. Неизбѣжнымъ представлялось сооруженіе въ этомъ краѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій для сообщенія и съ Каспійскимъ берегомъ, и съ Закавказьемъ, и съ низовьемъ Волги, и съ нѣкоторыми пунктами того же Сѣвернаго Кавказа. Присоединеніе этихъ линій къ Владикавказской дорогѣ обѣщало значительный подъемъ доходности послѣдней. Предпріимчивости, коммерческимъ соображеніямъ открывался тутъ большой просторъ. Поэтому у хозяевъ дороги былъ сильный интересъ къ дѣлу. Они были преисполнены различными проектами, жаждали заполучить постройку новыхъ линій въ свои руки и подольше удержать за собою предпріятіе, крѣпко опасаясь близкаго наступленія срока, съ котораго правительство получало право на выкупъ дороги въ казну. Словомъ, тутъ было дѣло, не дающее особыхъ выгодъ въ настоящемъ, но богатое надеждами, которыя впослѣдствіи и оправдались.

Въ иныхъ видахъ представлялись другія правленія. При одинаковой наружной формѣ, у нихъ были отличительныя черты физіономій.

Внѣшняя организація частнаго желѣзнодорожнаго управленія для всѣхъ была одна. По уставамъ предполагалось, что существуетъ масса частныхъ капиталистовъ, образовавшихъ своими денежными взносами (акціи) основной капиталъ той или другой дороги, а правительство увеличиваетъ въ гораздо бо́льшемъ размѣрѣ этотъ капиталъ, выпускомъ гарантированныхъ имъ облигацій, сумма которыхъ дается обществу акціонеровъ въ долгосрочную ссуду съ маленькимъ ежегоднымъ погашеніемъ. Акціонеры, такимъ образомъ, являлись хозяиномъ дѣла, а правительство — кредиторомъ и поручителемъ. Эти-де акціонеры, будучи лично заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія, выбираютъ, въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ, членовъ правленія и зорко слѣдятъ за ихъ дѣйствіями, выступая въ періодическихъ общихъ собраніяхъ, критикуя смѣты и отчеты, разрѣшая болѣе важные вопросы и, сверхъ того, выбирая особыя ревизіонныя коммиссіи. Члены правленія должны быть непремѣнно изъ акціонеровъ же, т.-е. тоже заинтересованныхъ, для нагляднаго доказательства

чего въ правленіи должно храниться опредѣленное число акцій, принадлежащихъ каждому изъ нихъ. Словомъ, по бумагѣ выходило, что правленіе—только послушный агентъ массы акціонеровъ, а ревизіонная коммиссія — другой агентъ, выражающій контроль надъ правленіемъ, провѣряющій его дѣйствія, счеты, дѣла и т. д. По внѣшности все гладко и стройно, всѣ отношенія юридически опредѣлены, но на самомъ дѣлѣ все это была—одна фикція, давно всѣмъ извѣстная, т.-е. завѣдомо поддерживаемая фальшь. Дѣйствительными хозяевами на той или другой дорогѣ были одинъ-два настоящихъ капиталиста, занимавшіе иногда должность предсѣдателя, а иногда даже скромную по виду должность члена правленія, но реально управлявшіе всѣмъ: и дѣломъ, и выборомъ людей, въ томъ числѣ самого правленія и ревизіонной коммиссіи. Дѣйствія же ихъ санкціонировались формальными рѣшеніями акціонерныхъ собраній, составленныхъ изъ лицъ, каждый разъ для этого откуда-нибудь приглашаемыхъ, большею частію даже вовсе не имѣющихъ акцій и, такимъ образомъ, исполняющихъ роль статистовъ. Эти случайные люди заявляли себя только однословными резолюціями: утвердить, одобрить, согласиться, выбрать такихъ-то,—кто заранѣе имъ былъ указанъ.

И порядки дѣла, и физіономіи правленій въ значительной степени зависѣли отъ выгодности положенія самихъ дорожныхъ предпріятій, а это положеніе было далеко не одинаково. Однѣ дороги давали крупный доходъ на акціи, слѣдовательно здѣсь живымъ интересомъ являлось поддержаніе существующей выгодности или даже дальнѣйшее ея развитіе. Другія подавали значительныя надежды, надъ осуществленіемъ которыхъ надо было еще серьезно потрудиться. А третьи не приносили почти ничего—иныя даже наканунѣ срока выкупа—и являлись совсѣмъ безнадежными по части доходности. О будущности этихъ послѣднихъ, съ хозяйской точки зрѣнія, и хлопотать не стоило, почему весь интересъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы, пока можно, управлять большимъ дѣломъ, орудовать крупными средствами, совершать сдѣлки съ разными поставщиками, замѣщать должности своими людьми, достигать какихъ-нибудь закулисныхъ выгодъ и т. под. Веденіе дѣлъ тутъ отличалось мертвенностью чего-то доживающаго свой вѣкъ или сводилось къ отправленіямъ формальнаго порядка.

Вотъ, напримѣръ, заурядное желѣзнодорожное правленіе. Въ предсѣдатели для него требуется „генералъ“—Какой-нибудь дѣйствительный статскій или тайный совѣтникъ. Онъ только ставленникъ настоящаго хозяина (который или въ сторонѣ, или

сидитъ тутъ членомъ правленія), но считается пригоднымъ для представительства.—Интересны бывали такіе предсѣдатели.

Разъ мнѣ пришлось временно замѣщать правительственнаго директора въ правленіи одной изъ бездоходныхъ дорогъ. Денежнымъ хозяиномъ послѣдней былъ банкиръ, а предсѣдательствовалъ въ правленіи „генералъ", хотя и пожилой, но очень юркій, ловкій, подвижной, говорунъ, имѣвшій большую извѣстность въ промышленномъ мірѣ. Его цѣнили за знакомства во вліятельныхъ сферахъ, за искусство въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ денежными и административными дѣльцами. Доходности въ безнадежномъ дѣлѣ онъ, конечно, не поправитъ, въ технику обыденной работы вникать не станетъ, но когда нужно наладить ту или другую сферу, добиться чего-нибудь отъ начальства—тутъ ему ходъ. А такія дѣла, и при бездоходности предпріятія въ общемъ, приносятъ кое-что интересное. Въ правленіи этого предсѣдателя видѣли мимолетомъ: явится, покричитъ, что-нибудь посмотритъ и—исчезъ. При первомъ разговорѣ, онъ мнѣ заявилъ: „Если только вы встрѣтите какое-нибудь недоразумѣніе, какую-либо неясность, пожалуйста, обращайтесь прямо ко мнѣ; я въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и сейчасъ вамъ разъясню". Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней пришлось мнѣ наткнуться на какое-то недоразумѣніе, и я къ нему обратился съ вопросомъ. Предсѣдатель быстро вскинулъ на носъ pince-nez, взглянулъ на бумагу, надавилъ кнопку звонка и потребовалъ бухгалтера и еще кого-то. Какъ только тѣ явились, онъ встрѣтилъ ихъ окрикомъ: „Э-э, что это такое, зачѣмъ неясности, чтобъ этого больше не было!" Не успѣли они подготовить отвѣта, какъ предсѣдатель уже куда-то исчезъ. Мнѣ пришлось добиваться разъясненій уже отъ бухгалтера, къ которому я могъ бы обратиться сразу непосредственно, еслибы предсѣдатель не выразилъ мнѣ раньше своего желанія давать разъясненія самолично. Но отчего же онъ такъ быстро исчезъ, ничего не добившись самъ? Это мнѣ разъяснили.—Гдѣ ему останавливаться надъ отдѣльными дѣлами! Вѣдь онъ состоитъ предсѣдателемъ или членомъ чуть не въ двадцати желѣзнодорожныхъ и другихъ промышленныхъ правленіяхъ, и ему всюду поспѣвать надо. Посидитъ немного у насъ, улетитъ въ другое правленіе, потомъ въ третье, дальше въ министерство и т. д. Много дѣлъ нахваталъ, на каждое его и не достанетъ. Конечно, получать вознагражденіе по столькимъ правленіямъ недурно; однако, говоря по правдѣ, нельзя сказать, чтобы отъ такой разбросанности и дѣло особенно страдало, потому что оно все равно безнадежное; доходовъ нѣтъ и не будетъ, а выкупъ наступитъ скоро;

интересно только ходить около такого дѣла. Подобное положеніе чувствовалось и въ засѣданіяхъ, которыя проходили необыкновенно быстро. Если вздумаешь, бывало, по какому-либо поводу возражать—сейчасъ соглашаются; и понятно: нельзя терять дорогого времени на разговоры, когда и предсѣдатель, и нѣкоторые члены спѣшатъ въ другія мѣста. Правленіе для нихъ только какое-то проходное мѣсто, и сами они—въ родѣ прохожихъ.

Въ другомъ правленіи предсѣдательствовалъ отставной генералъ покрупнѣе—чуть ли не дѣйствительный тайный; на государственной службѣ онъ занималъ большой постъ, но все бросилъ ради желѣзнодорожнаго дѣла, какъ болѣе выгоднаго. Денегъ онъ въ разныхъ мѣстахъ получалъ много, но тратилъ еще больше и потому часто нуждался. Этотъ предсѣдатель привыкъ къ командной роли, но въ правленіи чувствовалъ свое безсиліе предъ сидящимъ рядомъ очень денежнымъ членомъ, отъ котораго все зависѣло. Тутъ сталкивались два авторитета,—чиновный и денежный—и засѣданія часто становились ареною рѣзкихъ пререканій. Предсѣдатель, при спорахъ, не стѣсняется въ выраженіяхъ и сыплетъ на денежнаго коллегу даже обидныя замѣчанія, а этотъ послѣдній терпѣливо все переноситъ, отвѣчаетъ вѣжливо, но упрямо стоитъ на своемъ. Прочіе члены, хоть уклончиво, но переходятъ на его сторону, и онъ беретъ верхъ. Предсѣдателю наружный почетъ, а фактическій перевѣсъ—за денежною силою.

Было правленіе, въ которомъ президентское кресло занималъ тайный совѣтникъ, являвшій собою очевидный упадокъ умственной силы и уже побывавшій въ психіатрическомъ заведеніи. Но онъ пребывалъ на своемъ посту, пока снова не впалъ въ прежнюю болѣзнь, отъ которой и умеръ. Въ засѣданіи онъ какъ будто первое лице, но поставленъ только на выставку и всѣ прекрасно знаютъ, что настоящій хозяинъ сидитъ на одномъ изъ членскихъ мѣстъ. Тайный совѣтникъ ведетъ засѣданіе убійственно: на массу мелочнѣйшихъ дѣлъ, даже заканчивающихся резолюціями „принять къ свѣдѣнію“, уходитъ 5—6 часовъ и засѣданія обращаются въ томительнѣйшую натуральную повинность, отбываемую каждую недѣлю. А все болѣе серьезное идетъ помимо засѣданій, направляемое членомъ.

А вотъ предсѣдатель, совмѣщающій въ себѣ и силу капитала. Онъ главный владѣлецъ акцій, хотя имѣется и нѣсколько другихъ заправскихъ акціонеровъ, тоже не номинально владѣющихъ акціями. Этотъ предсѣдатель—ловкій старичокъ, по внѣшности очень любезный, добродушный, но самъ ревниво вникаетъ во все, касающееся выгодъ, почти не допуская вмѣшательства другихъ

членовъ, и съ плюшкинскою старательностью уловляетъ, гдѣ можно, не только значительныя суммы, но и копейки, глубоко сознавая, что изъ копеекъ составляются рубли и т. д. Засѣданія у него также томительны, но не по его неумѣлости, а потому что онъ обрекаетъ засѣдающихъ членовъ на упражненія въ разныхъ мелочахъ; подъ спудомъ же, помимо засѣданій, производятся пахнущія жаренымъ манипуляціи, безъ большой разборчивости въ средствахъ, и онѣ довели разъ до крупнаго скандала. При составленіи годового отчета, не ввели въ него значительной части расходовъ по содержанію дороги, оставивъ зачетъ ихъ на будущее время. Вслѣдствіе такого фокуса, выведена была преувеличенная чистая прибыль даннаго года и создался искусственный дивидендъ, вздувающій биржевую цѣну акцій и открывающій возможность сбыта ихъ по возвышенной цѣнѣ, къ выгодѣ продавца. Грубый фокусъ казался въ первое время удавшимся, однако дошелъ до министерства финансовъ и разразилась громкая исторія. Впрочемъ—какъ ни была она некрасива—дѣло было улажено снисходительно, характернымъ для желѣзнодорожной политики того времени способомъ. Преувеличеніе прибыли рѣшено было вычесть изъ доходности будущихъ годовъ, а предсѣдатель долженъ былъ только оставить свой постъ. Но онъ и дутый дивидендъ положилъ въ карманъ, и на дорогой продажѣ акцій выигралъ, а расплата пала на тѣхъ ни въ чемъ неповинныхъ покупщиковъ акцій, которые купили ихъ по преувеличенной цѣнѣ, соблазнившись дутымъ дивидендомъ; т.-е. они расплатились вдвойнѣ: и дорого купили, и будущаго дохода лишились.

Рядовые члены правленій, какъ сказано уже выше, были обыкновенно люди, близкіе главнымъ заправиламъ или почему либо пользующіеся ихъ протекціею. Въ задачу этихъ членовъ входило быть только привѣскомъ къ голосу доминирующаго лица и пополнять комплектъ правленія, опредѣленный уставомъ. Но бывали и ставленники крупныхъ административныхъ лицъ, желавшихъ иногда пристроить на хорошее жалованье покровительствуемаго ими человѣчка, причемъ роль такихъ ставленниковъ сводилась къ роли такихъ же статистовъ, какъ и прочіе не доминирующіе члены. Это была своеобразная дань административной силѣ по старинному лѣтописному выраженію—„мира дѣля“. Вотъ одинъ подобный примѣръ. Разъ въ нашемъ правленіи долженъ былъ выбыть по очереди одинъ членъ, почему предстоялъ новый выборъ. Къ избранію намѣченъ былъ тотъ-же самый выбывающій членъ, и никто не сомнѣвался въ томъ, что

онъ останется въ правленіи. Вдругъ, почти предъ самымъ уже общимъ собраніемъ, слышу въ правленіи, что рѣшена перемѣна. Отъ министра-де финансовъ передано, что въ члены, на мѣсто выбывающаго, непремѣнно долженъ быть избранъ генералъ такой-то, о которомъ въ правленіи даже яснаго понятія не имѣли. Что это за генералъ и даже какъ зовутъ его—никто сказать не могъ, а что онъ вовсе не акціонеръ—въ этомъ не было никакихъ сомнѣній. Говорили только, что онъ пользуется могущественнымъ благоволеніемъ.—Что-жъ, такъ его и выберутъ?—спрашиваю я.—Конечно, какой тутъ разговоръ! Попробуй неисполнить требованія, такъ и тарифами и чѣмъ угодно министерство доймет.—Открывается общее собраніе и когда дошло до выборнаго вопроса, одинъ изъ членовъ собранія, желѣзный заводчикъ, возгласилъ: „Предлагаю генерала такого-то!“ Всѣ съ этимъ единогласно согласились.—Скажите, пожалуйста — спрашиваю потомъ предложившаго заводчика въ отдѣльномъ разговорѣ—кто этотъ генералъ, акціонеръ онъ, что ли?—А кто-жъ его знаетъ,—получаю въ отвѣтъ,—велѣно выбрать и баста!—Черезъ нѣсколько дней показался и самъ генералъ, а одновременно—въ кассѣ правленія, на бандероли одной пачки акцій, чуть ли не тѣхъ же самыхъ, которыя прежде числились за выбывшимъ членомъ, означилось генеральское имя. Кому дѣйствительно принадлежали эти акціи—доискиваться нечего, потому что онѣ вѣдь безыменныя, предъявительскія, стало быть достаточно отмѣтить на бандероли генеральское имя, чтобы генералъ сталъ форменнымъ акціонеромъ. Впослѣдствіи оказалось, что генералъ, разумѣется, ни малѣйшаго понятія о желѣзнодорожномъ дѣлѣ не имѣлъ и нисколько не интересовался имъ, обладая лишь способностью „засѣдать“, но очень жаденъ былъ къ денежнымъ полученіямъ, въ какомъ бы то ни было видѣ.—Помилуйте,—съ полною наивностью иногда говаривалъ онъ,—вѣдь мы же трудимся, значитъ, надо намъ и получать!—По своему прошлому, онъ былъ знакомъ собственно съ кавалерійскою службою, но благодаря высокой протекціи одновременно состоялъ членомъ въ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ и банковыхъ правленіяхъ, „засѣдая“ въ нихъ такъ же, какъ у насъ, и такимъ образомъ набиралъ за свои таланты 15—20 тысячъ въ годъ.

То же, только въ меньшемъ масштабѣ, представляли кандидаты и ревизіонныя коммиссіи. По буквѣ устава, назначеніе послѣднихъ—повѣрять дѣйствія правленій, но фактически дѣло сводилось къ нижеслѣдующему. По каждой годовой смѣтѣ назначалась опредѣленная сумма на вознагражденіе ревизіонной ком-

миссіи за ея трудъ и потому возникалъ вопросъ: кому раздать эти деньги? Опять выступала протекція. Выбирались тѣ или другія лица, ничего не дѣлавшія. Даже предъ годовымъ собраніемъ, когда коммиссія должна выступить со своимъ „ревизіоннымъ“ докладомъ, этотъ докладъ изготовятъ правленская канцелярія съ бухгалтеріею, а члены коммиссіи его подпишутъ, удостовѣривъ тѣмъ, что все благополучно, и получатъ по нѣсколько сотъ рублей на основаніи смѣты. Разъ одинъ членъ коммиссіи обратился ко мнѣ съ такою просьбою: вотъ вы знакомы съ такимъ-то и такимъ правленіями, не можете ли вы устроить, чтобы меня и тамъ выбрали въ ревизіонныя коммиссіи?—Что-жъ, у васъ такая охота ревизовать, вамъ нравится такое занятіе?—спрашиваю я.—Ну, что объ этомъ толковать, вѣдь вы же знаете, въ чемъ дѣло; а мнѣ бы теперь очень кстати нѣсколько лишнихъ сотенъ рублей. — Такъ, подъ видомъ серьезныхъ ревизоровъ выступали просто охотники до маленькихъ субсидій отъ ревизуемыхъ. Попробовалъ бы кто-нибудь изъ ревизоровъ проявить серьезную критику—въ другой разъ не выберутъ.

Общія собранія акціонеровъ, происходившія раза два въ годъ, напоминали собою театральныя представленія, участники которыхъ чувствуютъ, что они только актеры, а не настоящіе жизненные дѣятели. По уставнымъ требованіямъ, акціонерное собраніе, для законности своей, должно состоять не менѣе, какъ изъ опредѣленнаго числа акціонеровъ, которые, для удостовѣренія своихъ правъ на участіе въ собраніи и для учета голосовъ, заранѣе представляютъ въ правленіе свои акціи; но если къ опубликованному дню опредѣленное число акціонеровъ своихъ правъ не заявитъ, то назначается черезъ нѣсколько дней другое собраніе, признаваемое уже законнымъ въ какомъ бы числѣ акціонеры ни явились, хоть пять — шесть. Поэтому въ правленіи бывало заранѣе возникаетъ вопросъ: составлять ли первое, т.-е. болѣе многочисленное собраніе, или, пропустивъ объявленный день, отложить дѣла до второго, т.-е. маленькаго? Иначе сказать, число являющихся въ собраніе „акціонеровъ“ зависитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ правленія. Набирать больше акціонеровъ—нѣсколько хлопотливо и потому чаще дѣла откладывались до второго, но иногда, по какимъ-нибудь соображеніямъ, считали нужнымъ поспѣшить и обращались къ первому собранію. На замѣчаніе, что для перваго понадобится столько-то акціоноровъ, слышался отвѣтъ: будутъ; сколько потребуется, столько и явится. Пачки акцій съ именами ожидаемыхъ участниковъ дѣйствительно складываются въ правленской кассѣ и наканунѣ дня собранія

подвергаются въ засѣданіи формальной повѣркѣ съ распредѣленіемъ голосовъ. Зная, какого сорта акціонеры представляютъ главную массу, приходилось и себя чувствовать невольнымъ участникомъ какой-то комедіи при пересчитываніи акцій и опредѣленіи, что тому-то принадлежитъ столько-то голосовъ, а этому столько-то.

Наступаетъ моментъ собранія. Въ правленской залѣ одинъ за другимъ появляются и отмѣчаются въ спискѣ „гг. акціонеры". Тутъ и банковый служащій, и чиновникъ, и представитель какого-нибудь завода, и докторъ, и другіе, завербованные по знакомству, разовые или хроническіе участники, изъ которыхъ инымъ завтра или послѣ завтра предстоитъ выступать такими же „акціонерами" въ собраніи другого общества. Встрѣчается знакомый.—А, разбогатѣли вы однако,—замѣтишь бывало ему,—въ прошломъ собраніи у васъ было меньше акцій, а теперь значительно больше!—Какъ видите, разбогатѣлъ, — отвѣчаетъ тотъ, улыбаясь,—только для меня-то мало толку отъ такого богатства; знаете, я думаю о томъ, какъ бы поскорѣе удрать отсюда, не дожидаясь конца собранія; дѣла есть, спѣшить надо, а если нужна моя подпись, то я послѣ подпишу.—Вотъ и другой знакомый: ахъ, и вы тоже акціонеръ!—Какъ же, какъ же, акціонеръ!—отвѣчаетъ онъ съ такою же улыбкою.—И много у васъ акцій?—М... м..., да тамъ въ спискѣ, должно быть, отмѣтили сколько, извѣстно вѣдь, какъ это обыкновенно дѣлается. — Наконецъ, всѣ усаживаются на мѣста. Послышалось: „Милостивые Государи!.." Торжественно объявляется, что въ собраніи столько-то акціонеровъ, обладающихъ такимъ-то количествомъ акцій и правомъ на такое-то число голосовъ, слѣдовательно собраніе въ законномъ составѣ и надлежитъ избрать предсѣдательствующаго. По выборѣ послѣдняго, читаются монотонно, одинъ за другимъ, доклады объ общемъ положеніи дѣла, о томъ, что нашла ревизіонная коммиссія, по болѣе крупнымъ частнымъ вопросамъ и о необходимости выборовъ. Замѣчаній со стороны гг. акціонеровъ или никакихъ или какія-нибудь маленькія, дѣлаемыя для вида. Между тѣмъ, во время самаго чтенія, нѣкоторые акціонеры потихоньку ускользаютъ изъ залы, такъ что къ концу собранія составъ его становится уже значительно меньше первоначальнаго. Послѣ постановки вопросовъ, быстро слѣдуютъ единогласныя рѣшенія: утвердить, одобрить, уполномочить, разрѣшить, выбрать такихъ-то! Затѣмъ подписаніе протокола, и всѣ расходятся. Весь процессъ собранія проходитъ въ какой-нибудь часъ времени.—Въ первый годъ своего участія, я какъ-то разъ, говоря съ бар. Штейнгелемъ

объ одномъ подлежавшемъ рѣшенію собранія вопросѣ, высказалъ предположеніе, что можетъ быть тутъ голоса акціонеровъ раздѣлятся.—О, нѣтъ,—съ хохотомъ отвѣчалъ Штейнгель—у насъ всегда и все единогласно!

Такимъ образомъ, вся эта сложная и будто бы общественная организація прикрывала собою активную дѣятельность одного—двухъ лицъ. Съ одной стороны стояли обслуживаемыя дорогами экономическія нужды населенія и казна, а съ другой—интересы этихъ лицъ. Вотъ между кѣмъ шли счеты въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Единичные частные хозяева вели свою линію, хорошо зная, гдѣ раки зимуютъ, а наружная обстановка ихъ работы являлась столь прозрачною ширмою, что всѣмъ касавшимся желѣзнодорожнаго дѣла вполнѣ было извѣстно, кто гдѣ орудуетъ, и какъ незначущи опредѣленные уставами аксессуары. Случайно встрѣчались, конечно, и осложненія, — напримѣръ тамъ, гдѣ, кромѣ главныхъ распорядителей, дѣйствительно владѣли акціями и нѣкоторые сторонніе голосистые люди, пытавшіеся временами оказывать оппозицію; — но это были очень рѣдкія исключенія, не имѣвшія серьезнаго значенія, и потому не измѣнявшія общей характеристики положенія.

Ненормальности бросались въ глаза. Однако, надо и то сказать: могъ ли быть осуществленъ тотъ порядокъ, какой рисовали уставы? Гдѣ у насъ тѣ массы крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, которые могли бы сознательно итти въ желѣзнодорожное дѣло, достаточно его понимая и умѣя его контролировать? Предпріимчивость, ловкость, денежныя средства и связи—достояніе только ограниченнаго числа лицъ. И вотъ наружно общественное дѣло фактически обращалось въ личное, едва прикрытое прозрачною общественною оболочкою. Когда дѣло ставится на неподходящія къ наличнымъ жизненнымъ условіямъ основанія, при искусственныхъ поддержкахъ, то эти условія наполнятъ и самыя хитро-придуманныя формы своимъ собственнымъ содержаніемъ.

III.

Желѣзнодорожная линія.

Съ самою желѣзнодорожною линіею и ея жизнью пришлось мнѣ знакомиться очень скоро, такъ какъ мѣсяца черезъ полтора послѣ моего вступленія въ новую должность подошло время весенняго осмотра дороги. Осмотры эти производились два раза въ годъ: въ маѣ и въ сентябрѣ. Задачею ихъ было, съ одной

стороны, получить данныя для будущей годовой смѣты расходовъ по ремонту и по удовлетворенію нѣкоторыхъ другихъ потребностей будущаго же года, а съ другой—выяснить работы, оказавшіяся требующими неотложнаго исполненія въ настоящемъ году, но не предусмотрѣнныя текущею смѣтою. Послѣднее особенно нужно бываетъ послѣ весенняго разлива водъ, который нерѣдко сопровождается размывами пути и разнаго рода разрушеніями: сносомъ мостовъ, поврежденіемъ зданій и т. д. На моей дорогѣ это имѣло еще бо́льшее значеніе, чѣмъ на другихъ, такъ какъ Кавказскія горы нерѣдко создаютъ внезапные и очень непріятные сюрпризы: что-то расшевелится среди горныхъ снѣговъ и льдовъ — и вдругъ хлынетъ разомъ такая масса воды и столько натворитъ бѣдъ, что бороться противъ этого приходится съ чрезвычайнымъ трудомъ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ и ветхіе „старожилы не запомнятъ“ наводненій, вдругъ забушуютъ бурные потоки—и пошла разрушительная работа.

Въ осмотрахъ должны были участвовать: управляющій дорогою, правительственный директоръ (въ данномъ случаѣ — я), представитель правленія, въ первое время — еще мѣстный инспекторъ дороги, а вмѣстѣ съ ними начальники трехъ главныхъ „службъ“ дороги: „пути и зданій“, „тракціи“ (она же служба „тяги и подвижного состава“) и „эксплоатаціи“ (по другому названію — служба „движенія“). Къ нимъ обыкновенно присоединялись и разные второстепенные агенты „службъ“. Наименѣе участливо относилось у насъ къ оффиціальнымъ срочнымъ осмотрамъ само правленіе и потому большею частію посылало отъ себя для исполненія этой процедуры одного изъ кандидатовъ или предоставляло свое полномочіе тому же управляющему дорогою. Свои собственныя инструкціи мѣстному управленію предсѣдатель правленія давалъ или келейно, или путемъ личной переписки, или при своихъ личныхъ посѣщеніяхъ линіи, внѣ обязательныхъ сроковъ.

Процедура осмотра была такова. Незадолго предъ осмотромъ, мѣстное управленіе, на основаніи доставленныхъ младшими агентами свѣдѣній, составляло систематическій „перечень“ необходимыхъ работъ. Здѣсь показывалось, сколько и по какому расчету нужно произвести земляныхъ работъ, сколько насыпать балласта, уложить новыхъ шпалъ, замѣнить рельсовъ и скрѣпленій (накладки, подкладки, болты и шурупы или костыли), какія нужны починки мостовъ и водопропускныхъ трубъ, какія зданія надо перестроить сызнова, въ какихъ сдѣлать тотъ или другой ремонтъ, что добавить новаго къ существующимъ сооруженіямъ

и т. д., и т. д. По каждой работѣ приводилась и оцѣнка съ объясненіями. Перечни, особенно по службѣ „пути и зданій“, составляли большія тетради листового формата. Участники осмотра должны были удостовѣряться на мѣстѣ въ правильности показаній перечня, т.-е. дѣйствительно ли тѣ или другія сооруженія нуждаются въ предположенномъ ремонтѣ, основательно ли исчислены размѣры работъ и оцѣнки, и не нужно ли что-нибудь добавить. Тутъ надо было соображаться и съ размѣромъ соотвѣтствующихъ затратъ въ предыдущіе годы, и съ продолжительностью службы шпалъ, и т. п., и съ личными объясненіями на мѣстахъ.—По пріѣздѣ моемъ изъ Петербурга на линію, снаряжался спеціальный, экстренный поѣздъ съ особыми удобствами для проѣзжающаго начальства, причемъ управляющему, мнѣ, инспектору и представителю правленія давалось по отдѣльному вагону, каждый съ салономъ, спальнею, отдѣльнымъ купе, и съ особымъ служителемъ, въ распоряженіи котораго имѣлись самоваръ, столовая посуда и т. д. По взаимному нашему соглашенію устанавливался маршрутъ, и затѣмъ мы пускались въ путь. Бесѣдуя въ пути между собою, съ перечнями въ рукахъ, мы условливались—въ какихъ пунктахъ остановиться, гдѣ и что осмотрѣть, столковывались о расчетахъ и цѣнахъ и т. д. Временами, поѣздъ останавливали на мѣстахъ, наружно ничего особеннаго не представляющихъ, и мы, выходя, свидѣтельствовали состояніе пути; тутъ рубили топоромъ шпалы для удостовѣренія въ ихъ прочности, тамъ мѣрили шаблономъ внутреннее разстояніе между рельсами—не съузился ли, или не расширился ли путь противъ должнаго размѣра, т.-е. хорошо ли слѣдятъ за своимъ дѣломъ начальники „дистанцій“ и „дорожные мастера“ и т. под. Выходили также изъ вагоновъ, чтобы пѣшкомъ пройти болѣе интересные мосты и трубы, заходили въ путевыя будки, станціонныя постройки и т. под. Окружающій персоналъ постоянно пополнялся и смѣнялся. Съ приближеніемъ къ тому или другому пункту административнаго дѣленія, появлялись въ нашемъ поѣздѣ мѣстный начальникъ дистанціи (инженеръ), участковый врачъ или завѣдывающій отдѣленіемъ тракціи или движенія. Идутъ объясненія съ ними. Подъѣзжаемъ къ слѣдующему такому же пункту — прежніе исчезаютъ и появляются новые, такъ что въ теченіи объѣзда есть возможность перезнакомиться почти со всѣми мѣстными дорожными властями постарше. А послѣ нѣсколькихъ осмотровъ многіе мѣстные служащіе становились уже старыми знакомцами съ опредѣлившимися физіономіями и, вообще, съ личными характеристическими чертами.

Черезъ нѣсколько времени послѣ перваго осмотра, пришлось мнѣ опять явиться на линію по особому, исключительному поводу. Дѣло въ томъ, что въ самое то время, какъ поступилъ я въ новую должность, возникъ относительно дороги острый вопросъ, представившій даже выдающійся примѣръ въ исторіи нашихъ частныхъ дорогъ. Незадолго предъ тѣмъ проведена была важная вѣтвь отъ средины Ростово-Владикавказской линіи, именно отъ ст. Тихорѣцкой, къ черноморскому берегу, имѣвшая главною цѣлью открыть кавказскимъ грузамъ вывозной путь за-границу, чрезъ Черное море. Выходнымъ пунктомъ къ послѣднему избранъ былъ Новороссійскъ. До того, дорога имѣла только одинъ выходъ къ морю—въ Ростовѣ, и притомъ недостаточный и крайне неудобный. Дойдя по желѣзной дорогѣ до Ростова, грузы должны были послѣ перегрузки на суда, спускаться черезъ гирла р. Дона, потомъ, попавъ на морскія суда — двигаться по неудобному для плаванія Азовскому морю, далѣе проходить чрезъ Керченскій проливъ и только послѣ того уже выплывать въ Черное море, откуда открывался свободный путь на Мраморное, Архипелагъ и Средиземное, т.-е. въ Грецію, Италію, Францію и Англію. А такъ какъ на Азовскомъ морѣ и навигація прерывается на весь зимній періодъ, то заграничный вывозъ изъ Ростова надолго замиралъ. Съ открытіемъ же выхода къ Новороссійску, положеніе рѣзко измѣнялось: грузы получили возможность сразу попадать на Черное море, избѣгая массы прежнихъ путевыхъ стѣсненій, а, кромѣ того, вслѣдствіе незамерзаемости моря у Новороссійска, и навигація тутъ можетъ дѣйствовать постоянно круглый годъ. Оттого, открытіе Новороссійской вѣтви произвело въ экономической жизни дороги рѣшительный, благопріятный переломъ. До того, она едва покрывала текущія издержки эксплоатаціи, а съ этого момента и размѣръ движенія, и доходность линіи стали быстро расти. — Однако, въ самомъ началѣ дѣла встрѣтился большой тормазъ.

Суть была въ томъ, что для устройства правильнаго морского вывоза недостаточно построить только дорогу къ морю. Нужно еще имѣть удовлетворительно устроенный морской портъ. Приходящіе по дорогѣ къ морю грузы должны дожидаться прибытія заграничныхъ пароходовъ для своего дальнѣйшаго движенія, и дожидаться иногда довольно долго. Осенью обыкновенно желѣзнодорожныхъ грузовъ, особенно хлѣбныхъ, наваливается масса, а пароходы вывозятъ ихъ медленно и неравномѣрно. Значитъ надо, чтобы были для ожидающихъ морского вывоза грузовъ достаточные склады, иначе грузу дѣваться некуда. Для подхода па-

роходовъ къ берегу и удобной грузки — нужны пристани. Для защиты отъ бурь и вообще отъ сильныхъ напоровъ морскихъ волнъ — нужны молы. А такъ какъ портовая дѣятельность требуетъ большого человѣческаго персонала, то нужны и жилые дома, особенно при дальности конечной станціи отъ города. Ничего этого въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ, въ Новороссійскѣ не было. По договору правительства съ обществомъ Владикавказской дороги, послѣднее приняло на себя только постройку Новороссійской вѣтви, а устройство порта взяла на себя казна. Но она сдала эту работу другимъ частнымъ предпринимателямъ за невозможно дешевую цѣну, а въ результатѣ означенные предприниматели оказались несостоятельными, и портовое дѣло остановилось. Положеніе подготовлялось такое: рельсовый путь готовъ, товаровъ къ Новороссійску можно отправлять много, но ихъ по приходѣ туда хоть на землю выкидывай. Ни складывать некуда, ни пароходамъ подойти для грузки нельзя, да и морскіе вѣтры иногда такъ бушуютъ по нѣсколько дней, что препятствуютъ всякой работѣ. Парализація вывоза, а слѣдовательно и движенія по желѣзной дорогѣ почти полная. Открывалась лишь перспектива затяжной переписки, медленнаго движенія вопроса о портѣ въ министерскихъ сферахъ, составленія новыхъ проектовъ и договоровъ, но въ ожиданіи практическаго результата всего этого—убытки и тормазъ крупнаго дѣла на неопредѣленное время.

Въ виду такого остраго положенія, хозяева Владикавказской дороги рѣшились на смѣлый шагъ, являвшійся въ формальномъ отношеніи сущимъ беззаконіемъ, которое могло грозить имъ даже серьезною отвѣтственностью. Пока о способахъ устройства казною порта шла переписка, и медленно тянулось сооруженіе только одного мола — они, безъ разрѣшенія, на занятыя отъ имени общества деньги, сами построили три пристани, нѣсколько крупныхъ амбаровъ для склада грузовъ, цѣлый рядъ жилыхъ домовъ и др. помѣщеній. Взявшись энергично за все необходимое для открытія экспорта, они скоро достигли того, что этотъ экспортъ дѣйствительно начался въ значительныхъ размѣрахъ. И пароходы стали приходить, и пошла оживленная грузка, и начали чувствительно поправляться дорожные доходы. Выросъ оригинальный вопросъ: беззаконіе на лицо, но также очевидна фактическая польза отъ него какъ для мѣстности, такъ и для дороги, и для казны. Это былъ рѣдкій примѣръ, какъ самоволіе частнаго дорожнаго общества, обратилось въ общую выгоду. Не будь этого самоволія, дѣло неизвѣстно еще сколько бы протянулось,

а тутъ оно дало сильный толчокъ къ ускоренію благополучнаго исхода, потому что нельзя было оставлять дѣла въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ пользованіе сооруженіями незаконнаго происхожденія. Въ министерствѣ были даже сомнѣнія — точно ли эти сооруженія такъ полезны, что годятся для разрѣшенія вывозного вопроса. Какъ же тутъ быть? Вопросъ этотъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда я попалъ въ директоры. Наконецъ, рѣшено было послать на мѣсто спеціальную коммиссію изъ разныхъ чиновъ путейскаго вѣдомства съ участіемъ представителя отъ министерства финансовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго инженера Кологривова. Въ эту коммиссію попалъ и я.

Наша коммиссія, въ составѣ около десяти человѣкъ, просидѣла въ Новороссійскѣ полторы недѣли, работая цѣлыми днями. Все осматривали, опредѣляли нужды портоваго устройства и дороги, приглашали представителей мѣстнаго населенія, и обсуждали финансовые рессурсы. Немало было споровъ, но всѣ признали, что сдѣланныя сооруженія дѣйствительно цѣлесообразны и только недостаточны. Поэтому состоялось заключеніе, что слѣдуетъ узаконить все, сдѣланное произвольно, и сверхъ того построить, въ дополненіе къ одному начатому уже, еще одинъ молъ, соорудить большой элеваторъ, увеличить пристани и произвести нѣкоторыя добавочныя работы. Все это было потомъ утверждено законодательно съ указаніемъ финансовыхъ источниковъ. Такъ непріятный эпизодъ былъ покончень, и съ этого времени вывозное дѣло пошло уже развиваться дальше.

Сидя въ Новороссійской коммиссіи, общаясь съ чинами разныхъ вѣдомствъ, городскими представителями и мѣстными дорожными служащими, пришлось мнѣ, между прочимъ, еще познакомиться съ однимъ эффектнѣйшимъ мѣстнымъ природнымъ явленіемъ. Какъ разъ въ началѣ нашихъ занятій задулъ сильный осенній „Нордъ-Остъ“, называемый также „бора“, и пробушевалъ цѣлую недѣлю. Этотъ ужасный вѣтеръ — роковое бѣдствіе Новороссійскаго порта и его окрестностей; не видѣвшіе его едва ли смогутъ составить себѣ понятіе о такомъ грозномъ стихійномъ явленіи, почему не лишнимъ будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Новороссійскъ, какъ портъ, издавна пріобрѣлъ себѣ недобрую репутацію въ смыслѣ безопасности. Бухта его обширна и глубока, но эти важныя преимущества парализовались періодическимъ появленіемъ двухъ губительныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ одинъ назывался „морякъ“, а другой — упомянутый „Нордъ-

Остъ“ или „бора“. Первый, воздымая огромныя волны, билъ съ моря на берегъ и защищаться противъ него было почти невозможно, а „Нордъ-Остъ“ представляетъ собою стремительное сваливаніе воздушной массы съ высотъ западной оконечности Кавказскаго горнаго хребта сбоку въ Новороссійскую долину и бухту. Ударяя съ огромною силою въ водную поверхность, вѣтеръ высоко взбиваетъ тутъ массу водяныхъ брызгъ и размельчаетъ ихъ въ пыль, которая въ холодное, зимнее время тутъ же въ воздухѣ и замерзаетъ, падая потомъ льдинками и облѣпляя попадающіеся въ ея сферу предметы. Преданія не очень давняго времени передавали, какъ морскія суда, въ недобрый часъ попавшія въ Новороссійскъ, облѣплялись этими замерзающими брызгами до того, что обростали льдомъ, какъ толстою корою, и тонули просто отъ возраставшей тяжести, не находя никакой возможности бороться противъ подобнаго обмерзанія. Я познакомился съ „Нордъ-Остомъ“ въ сентябрьскіе равноденственные дни, но и то эффектъ былъ очень великъ.

Вѣтеръ начался съ вечера. Ночуя въ вагонѣ, я къ утру уже слышалъ его ревъ и такія завыванія, съ которыми не могъ равняться знакомый мнѣ прежде вой зимнихъ мятелей. Выглянувъ утромъ въ окно, я прежде всего увидѣлъ, какъ порывомъ вѣтра изъ-за угла станціоннаго зданія опрокинуло стоявшую тутъ тяжелую скамью, которая и завертѣлась по платформѣ. Идти противъ вѣтра если и можно было, то лишь съ крайнимъ трудомъ, нагнувшись верхнею частью корпуса впередъ, опираясь на палку и медленно переступая шагъ за шагомъ, а чуть зазѣвался—опрокинетъ или снесетъ. Стоять на краю платформы или пристани было опасно, такъ какъ, то и гляди, порывъ вѣтра сдуетъ внизъ. Съ домовъ срывало крыши, съ платформъ и промежутковъ между строеніями сносило бывшіе на нихъ предметы и т. п. Глянешь на море — оно напоминаетъ собою дорогу, надъ которою стоитъ высокій слой пыли; это—громадное облако водяныхъ брызгъ, взбиваемыхъ вѣтромъ. Проѣзжалъ по дорогѣ экипажъ, и вѣтеръ сбоку опрокинулъ его, причемъ у ѣхавшаго пассажира переломлена была рука. И такъ шли день за днемъ, пока наконецъ, къ концу недѣли, „Нордъ-Остъ“ сталъ постепенно затихать.

Но такъ было въ сентябрѣ, а слѣдующею зимою было еще хуже. Вѣтеръ свалилъ даже громадный подъемный кранъ, передвигавшій при устройствѣ мола бетонные параллелепипедные массивы, величиною въ 400 кубическихъ футовъ; въ неоконченномъ еще молѣ морская волна сдвигала уложенные уже такіе

массивы, а на берегу разрушенія были еще больше осеннихъ. О „Нордъ-Остѣ“ разсказывали и курьезные случаи. Между дорожною станціею и городомъ расположена низкая долина (Цемесское болото), почти на уровнѣ моря, которая зимою часто подергивается льдомъ, какъ гладкою поверхностью. Тутъ представлялась иногда такая картина. Выходитъ изъ вагона пріѣзжій простой пассажиръ, которому надо направиться въ городъ. Онъ ни пѣшкомъ не идетъ, ни извощика не ищетъ, а отправляется прямо на ледъ, присаживается на корточки, растопыривъ сзади свой тулупъ, и „Нордъ-Остъ“, дуя въ этотъ тулупъ, какъ въ парусъ, гонитъ пассажира по гладкой площади льда къ городу быстрѣе всякаго извощика.—Съ „морякомъ“ скоро справились устройствомъ въ бухтѣ двухъ массивныхъ поперечныхъ моловъ, которые сдерживаютъ напоръ волнъ, а „Нордъ-Остъ“ до сихъ поръ продолжаетъ быть неустранимою новороссійскою бѣдою. Никакія загражденія не помогутъ тамъ, гдѣ не сдерживаютъ и горы. Онъ страшенъ мелкимъ судамъ, вредитъ иногда и большимъ, изъ-за него нерѣдко прерывается портовая работа на нѣсколько дней, и если не боятся его пароходы, то все же случаи обледенѣнія ихъ бывали и въ позднѣйшее время.

Благодаря сосѣдству Кавказскихъ горъ, борьба съ крупными стихійными явленіями вообще составляетъ выдающуюся особенность Владикавказской дороги. Неразъ во время осмотровъ случалось мнѣ бывать свидѣтелемъ отдѣльныхъ эпизодовъ подобной борьбы или видѣть свѣжіе слѣды стихійныхъ разрушеній. Впечатлѣнія получались сильныя, но чтобы не слишкомъ распространяться объ этомъ, остановлюсь только на одномъ, особенно памятномъ мнѣ примѣрѣ.

Разъ, въ первыхъ числахъ мая, въ послѣобѣденную пору, тронулся нашъ поѣздъ отъ Ставрополя. Моросилъ мелкій дождь, но такой незначительный, что мы, предъ отправленіемъ, нѣкоторое время гуляли подъ защитою зонтиковъ на городскомъ бульварѣ. При отправленіи, я зашелъ въ вагонъ управляющаго дорогою, инженера Иноземцева, бывшій въ самомъ хвостѣ поѣзда. Изъ двухъ большихъ заднихъ оконъ этого вагона открывался видъ на проходимый нами путь. Усѣвшись у этихъ оконъ, мы съ Иноземцевымъ за стаканами чаю, стали разговаривать. Путь имѣлъ такой хорошій видъ, что я залюбовался имъ и обратился къ своему собесѣднику: посмотрите, какъ хорошъ путь, какъ онъ прочно укрѣпился, какъ правильны откосы, какъ выровнены бермы, бровки и т. д.!—Ну, не расхваливайте такъ,—отвѣчалъ Иноземцевъ,—еще скажете въ недобрый часъ, и что-нибудь слу-

чится.—Да что тутъ можетъ случиться? Такой путь кажется все выдержитъ. — А все-таки не хвалите, у насъ бываютъ самые неожиданные сюрпризы, и я не берусь ни за что ручаться.— Ушелъ я въ свой вагонъ и прилегъ читать при свѣчахъ, такъ какъ наступала уже темнота, причемъ среди чтенія не обращалъ вниманія на учащеніе ударовъ дождевыхъ капель въ вагонныя окна. Прошло изрядное время,—вдругъ нашъ поѣздъ начинаетъ замедляться и быстро остановился. Что̀ такое? вѣдь, тутъ никакой остановки не полагалось! Открываю окно, и мнѣ бросается въ глаза красный огонь фонаря—тревожный сигналъ. На мой вопросъ отвѣчаютъ: хлынула со стороны вода и заливаетъ путь; теперь идетъ работа, чтобъ пропустить потихоньку вашъ поѣздъ черезъ это мѣсто, но постоять съ полчаса придется. Вотъ-те и похвалилъ не во время! Дѣйствительно, поѣздъ скоро двинулся, но немного спустя — вторая остановка, опять сигналъ, затрещали даже петарды, и здѣсь уже объявляютъ, что поѣздъ дальше идти не можетъ; образовалось море, работы идутъ, но надо простоять на мѣстѣ уже до утра. На станціи, къ которой мы двигались, тревога: она получила съ предыдущей телеграмму, что мы на нее уже выѣхали, но проходятъ часы, а мы все не прибываемъ. Всю ночь шла работа на пути, однако утромъ все такъ наладилось, что мы могли уже ѣхать безпрепятственно и къ обѣду поспѣли на станцію Кавказскую. Тутъ начальникъ дистанціи разсказываетъ:—А мы, узнавъ о вашей задержкѣ на перегонѣ между двумя станціями, заподозрили было крушеніе и собирались уже выслать вамъ навстрѣчу и носилки, и всякія врачебныя средства помощи.—Мы успокоились и стали даже шутить надъ пережитою тревогою, какъ надъ вполнѣ минувшею бѣдою, однако—не тутъ-то было. Мы пережили только прелюдію.

Какъ только доѣхали мы до Минеральныхъ Водъ, на станціи подаютъ нѣсколько тревожныхъ телеграммъ съ разныхъ пунктовъ дороги: съ горъ хлынули небывалые потоки; рѣки вздулись до большой высоты; разомъ забушевали и Терекъ, и Камбилеевка, и Бѣлая, и Сунжа, и Аргунъ, и Джалка; вода мѣстами идетъ черезъ путь, мѣстами размываетъ устои мостовъ, инженеры съ рабочими на мѣстахъ трудятся въ борьбѣ съ разрушеніемъ и положеніе очень тревожно.—Къ ночи прибыли мы на одну изъ станцій предъ Владикавказомъ, получивъ по пути еще нѣсколько такихъ же телеграммъ, и здѣсь рѣшили заночевать. Утромъ узнали, что мы находимся уже на нѣкотораго рода островѣ: и впереди вода и за нѣсколько станцій назадъ путь прерывается;

а на дворѣ нашей станціи люди ходятъ по поясъ въ водѣ. Чтобы сколько-нибудь оріентироваться въ окрестности, мы рѣшили проѣхать нѣкоторое разстояніе по водѣ въ телѣгахъ. Гдѣ вчера еще была совершенная сушь—разлилось море, по которому мы ѣдемъ въ телѣгахъ, имѣя впереди верховыхъ туземцевъ въ буркахъ, которые розыскиваютъ броды. Видъ—ужасный. На большомъ протяженіи вода хлещетъ поперекъ черезъ путь и, размывая его, скатывается на другую сторону черными струями. Кончивъ тяжелое странствованіе, мы, желая узнать положеніе дороги на большемъ разстояніи и увидѣть, что тамъ дѣлается, вздумали двинуться назадъ и проѣхать сколько можно, но цѣлаго поѣзда пускать нельзя; пришлось усѣсться на паровозѣ, помѣстясь около машиниста, и такъ мы пошли съ однимъ этимъ паровозомъ, то медленно двигаясь, то останавливаясь. Такъ удалось передвинуться на четыре станціи. Тутъ картины еще эффектнѣе. Вдоль по краю пути несутся широкіе, высокіе и стремительнѣйшіе мутные потоки. Встрѣчая на своемъ бѣгу большія деревья, эти потоки ударяютъ въ нихъ съ огромною силою, подмываютъ ихъ корни, и вслѣдствіе того, по временамъ, эти старыя деревья, потерявъ опору корней, одно за другимъ, валятся въ воду и уносятся вмѣстѣ съ разными бревнами, досками, шпалами и другими предметами, снесенными теченіемъ въ разныхъ мѣстахъ съ высотъ въ потокъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ путь былъ повыше и мы сошли съ паровоза, я пошелъ было по краю пути, но меня чуть не силою оттащили назадъ, объясняя, что потокъ подлизываетъ путь снизу, на нѣкоторой глубинѣ, такъ что сверху это можетъ быть незамѣтно, а если онъ подлижетъ, то край пути провалится вмѣстѣ со мною и вода унесетъ меня также, какъ деревья и бревна. Согнано множество рабочихъ, которые, подъ руководствомъ инженеровъ и дорожныхъ мастеровъ, ведутъ неустанную борьбу. Для препятствованія продольному размыванію пути съ боковъ, они рубятъ большія древесныя вѣтви съ листьями, бросаютъ ихъ съ краевъ пути въ воду и присыпаютъ сверху для тяжести камнями, создавая тѣмъ временныя огражденія, которыя хотя и уносятся, но немедленно замѣщаются новыми вѣтвями и камнями. Сила теченія, прежде чѣмъ разрушать путь, обращается на эти препоны и надо поддерживать существованіе послѣднихъ, для задержанія разрушительнаго процесса, пока вода не начнетъ спадать. Но надежды на этотъ спадъ неопредѣленны: встрѣчные дорожные мастера, опредѣляющіе высоту воды рейками, то и дѣло докладываютъ: поднялось еще на четыре сотки, опять поднялось на три сотки и т. д.

Гдѣ для направленія водныхъ струй были устроены дамбы, въ обыкновенное время или при ограниченныхъ наводненіяхъ прекрасно направляющія теченіе въ мостовыя отверстія или куда назначено, тамъ эти дамбы оказываются безсильными: такъ какъ если вода поднялась уже выше дамбъ, то она ими уже не сдерживается, а несется, куда хочетъ: на устои мостовъ, на берегъ за устоями и т. д. Иноземцевъ блѣденъ и сильно волнуется: если—говоритъ онъ—вода все будетъ такъ подниматься и Терекъ соединится съ Бѣлою, прорвавшись въ старое русло, то трудно себѣ и представить, какое огромное будетъ разрушеніе. Я пробовалъ успокаивать его словами: сегодня Николинъ день, не допуститъ Никола слишкомъ большой бѣды.—А на одной изъ станцій встрѣчается только-что пришедшій съ сѣвера пассажирскій поѣздъ, которому дальше ѣхать уже нельзя и предстоитъ ждать на станціи неопредѣленное время. Въ публикѣ слышится ропотъ: что это за безобразіе, чего смотрятъ неряхи-инженеры, развѣ можно допускать такія происшествія! Ну, и порядки у у нихъ!—Какъ будто инженеры могутъ управлять и стихіями. А публика попроще негодуетъ на то, что ей придется напрасно проѣдаться на станціи неизвѣстно сколько времени. Ее нѣсколько успокоила выдача кормовыхъ.

Едва уже за полдень стали получаться вѣсти, что подъемъ воды остановился, а затѣмъ—что она начала спадать то на три, то на пять сотокъ и т. д. Но до успокоенія было еще не близко, потому что съ разныхъ пунктовъ продолжали приходить тревожныя телеграммы о результатахъ катастрофы. Поврежденій оказалось много, особенно у мостовъ. Какъ ни отстаивали послѣдніе, а безъ крупныхъ разрушеній не обошлось. Мостъ на рѣкѣ Джалкѣ, не смотря на упорную суточную защиту, наконецъ не выдержалъ и рухнулъ. Какъ только стало возможно двинуться дальше, то поѣздомъ, то на дрезинахъ, мы отправились въ восточномъ направленіи, къ Каспію, и увидѣли большую часть совершившихся разрушеній. У моста на Джалкѣ, какъ оказалось, быстрое теченіе рѣки встрѣтилось съ бурнымъ потокомъ, направлявшимся къ нему съ берега перпендикулярно по грунтовой дорогѣ, и оба теченія, смѣшиваясь, образовали водоворотъ, который, сосредоточившись у берегового устоя моста, сталъ упорно его размывать. Хотя этотъ устой былъ каменный и запущенъ глубоко ниже дна, сажени на три или больше, но продолжительный водоворотъ успѣлъ подрыть его основаніе такъ, что устой повалился на-бокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ частію поломалась, частію круто наклонилась и желѣзная ферма моста. Путь

прерванъ, проѣздъ сталъ невозможенъ, мостъ надо перестраивать заново, а покуда, для поддержанія движенія, устраивать временный обходный путь. У другого же моста, уцѣлѣвшаго, вода прорвала огромную прорѣху въ землѣ, между берегомъ и устоемъ, напоминавшую своимъ видомъ прорванную рѣчную плотину. Дальше Джалкинскаго моста нашему поѣзду ѣхать было нельзя, и мы вынуждены были вернуться, не окончивъ всего осмотра.— Однако, какъ быстро образовывались потоки и моря, также быстро они и исчезли. Дня черезъ два или три послѣ описанной тревоги, мнѣ пришлось проѣзжать черезъ тѣ самыя мѣста, гдѣ происходила борьба, и тогда все уже вошло въ берега. Воды нѣтъ, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы странствовали среди моря по бродамъ въ телѣгахъ—сухая трава, лишь запачканная нанесеннымъ иломъ. Остались только слѣды разрушеній и нужда въ крупномъ ремонтѣ на большомъ протяженіи.

Еще одну выдающуюся особенность Владикавказской дороги представляютъ частыя тревоги отъ разбойниковъ и хищниковъ. Населеніе окружающихъ мѣстностей, большею частію, рѣдкое и заключаетъ въ себѣ немало дурныхъ элементовъ. И туземцы, и пришлые изъ другихъ мѣстъ производятъ отважныя нападенія, причемъ виновные почти всегда благополучно ускользаютъ отъ оффиціальныхъ преслѣдованій, пользуясь нерѣдко поблажками, о чемъ ходитъ не мало разсказовъ. Бываютъ грабежи и возлѣ станцій, и на самихъ станціяхъ; бываютъ и открытыя ограбленія вооруженными людьми агентовъ дороги съ крупными суммами, и случаи нападенія на самыя станціи со взломомъ или захватомъ кассъ, и даже ограбленія пассажировъ въ поѣздахъ. Въ такихъ случаяхъ поднимется тревога, явятся жандармы и другіе охранители, составятъ протоколы, начнется разслѣдованіе, да такъ все и заглохнетъ изморомъ. Мнѣ самому разъ пришлось, прибывъ на станцію Кавказскую, застать свѣжіе слѣды только-что закончившагося сраженія съ разбойниками и видѣть лежавшій на землѣ трупъ убитаго вожака шайки, туземца. Здѣсь всего четыре разбойника отбивались цѣлую ночь отъ казачьяго отряда и многихъ жителей, сперва въ избѣ, а потомъ въ открытомъ полѣ и въ оцѣпленномъ казаками лѣсу. А въ результатѣ хотя убитъ главный разбойникъ и умеръ отъ ранъ еще одинъ, но остальные двое успѣли переплыть Кубань и безвѣстно исчезли, причемъ и съ нашей стороны убитъ былъ казачій атаманъ, одинъ человѣкъ раненъ, да еще въ лѣсу убитъ попавшійся разбойникамъ на пути пастухъ, у котораго изголодавшіеся въ осадѣ грабители отняли запасъ пищи.

Былъ случай, когда хищниковъ не полиція обнаружила, а выдала сама природа. Разъ въ Новороссійскѣ зимою, во время жестокаго „Нордъ-Оста“ съ мятелью, посланъ былъ изъ одного зданія въ другое служащій съ сумкою, въ которой находилось 19 тысячъ рублей. Среди безлюдья, созданнаго непогодою, встрѣтились ему на пути трое неизвѣстныхъ, которые, оглушивъ его ударомъ по головѣ, вырвали сумку. Служащій, очнувшись черезъ нѣкоторое время, пошелъ доложить о несчастіи своему начальству. Поднялась тревога, надежды на открытіе виновныхъ, по обычаю, не было, и помогло этому открытію только особенное стеченіе обстоятельствъ. На слѣдующій день вечеромъ, на сосѣдней станціи замѣтили, что у станціоннаго зданія среди снѣжныхъ наносовъ что-то шевелится. Бросились туда—оказался совсѣмъ обмерзшій человѣкъ. Его подняли, внесли въ теплое помѣщеніе, чтобъ оказать помощь, стали отогрѣвать, раздѣвать—вдругъ изъ его одежды посыпались крупные кредитные билеты, всего около 9-ти тысячъ рублей. Вчерашній грабежъ у всѣхъ былъ на умѣ, и стало ясно, что обмерзшій-то и есть одинъ изъ хищниковъ. Пробовалъ было онъ сначала запираться, но улика была такъ внушительна, что онъ скоро повинился и все разсказалъ. Оказалось, что грабители, совершивъ свое дѣло удачно, потомъ растерялись въ соображеніяхъ—что дѣлать дальше. Сидѣть у себя дома имъ показалось опасно, такъ какъ они давно уже чувствовали себя состоящими у полиціи на замѣчаніи, почему думали, что послѣ тревоги изъ-за грабежа полицейскіе могутъ вдругъ къ нимъ нагрянуть. Идти на станцію и уѣхать сейчасъ же подальше—въ вагонѣ захватятъ еще легче. И, подѣливъ между собою деньги, они остановились на такомъ планѣ: пойти въ лютую стужу и мятель пѣшкомъ до слѣдующей станціи, забравъ съ собою деньги, и тамъ уже сѣсть въ поѣздъ.—Я—говорилъ попавшійся—былъ крѣпче другихъ, дольше выдержалъ морозъ и мятель и, хоть выбился изъ силъ, однако ползкомъ еще дотянулся до станціи, а мои товарищи давно отстали; ищите ихъ уже подъ сугробами на дорогѣ.—Трупы дѣйствительно были потомъ найдены.

Тревожность положенія на линіи, временами усиливаясь, временами затихая, не прекратилась и къ настоящему времени, такъ что разбои и грабежи—не говоря уже о хищеніяхъ—остаются довольно обычными происшествіями, которыя далеко не всегда попадаютъ въ печать.

Впрочемъ, довольно о спеціальныхъ особенностяхъ мѣстности и самой линіи. Еще большій интересъ представляла другая

область—персоналъ служащихъ на линіи, особенно—инженерный. Хотя при періодическихъ наѣздахъ нельзя было слишкомъ близко знакомиться съ этимъ персоналомъ, тѣмъ не менѣе получался немалый матеріалъ для ознакомленія съ нравами означенной среды и, въ частности, со многими отдѣльными лицами.

Болѣе и болѣе соприкасаясь съ жизнью желѣзной дороги, приходилось замѣчать, что міръ работающихъ на самой линіи немало отличается отъ міра правленій и вообще центральныхъ желѣзнодорожныхъ учрежденій, почему представляетъ въ извѣстной степени самостоятельный интересъ. Вниманіе къ нему особенно возбуждалось тѣмъ, что у насъ въ публикѣ, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ фактовъ, свѣдѣній о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ воротилъ, а отчасти и благодаря нѣкоторой замкнутости инженернаго круга, сложилось было довольно неблагопріятное отношеніе къ личному желѣзнодорожному составу вообще. Инженерамъ доставалось въ особенности, такъ какъ въ нихъ видѣли главныхъ представителей желѣзнодорожнаго міра. Частные случаи, черезчуръ широко обобщаясь, создавали извѣстныя предубѣжденія, вслѣдствіе чего устанавливались предвзятыя широкія характеристики. Желѣзнодорожный міръ—это-де царство всякихъ неправильностей, произвола и злоупотребленій. Желѣзнодорожники—неразборчивые аферисты. Не могу отрицать, что и самъ я былъ не чуждъ подобной предвзятости при вступленіи въ общеніе съ означеннымъ міромъ. Бо́льшую освѣдомленность можно было получить уже на опытѣ и, по мѣрѣ этого опыта, первоначальныя мои представленія подвергались значительнымъ измѣненіямъ. Пришлось убѣдиться, что тутъ надо быть гораздо осторожнѣе въ выводахъ и оцѣнкахъ. Въ большой человѣческой массѣ, какова бы она ни была,—чиновничья, земская, профессіональная и всякая иная—неизбѣжно встрѣчаются самые разнообразные элементы и оттѣнки. Тоже свойственно и огромной средѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ. И если, по отношенію къ упомянутымъ выше массамъ, нельзя наводить на всѣхъ однообразную окраску, подходящую къ тѣмъ или другимъ ихъ элементамъ, то это же правило приложимо и къ желѣзнодорожному міру.

Громадность желѣзнодорожнаго персонала выдвигается на видъ прежде всего. Тутъ цѣлая армія людей не только различнаго характера и разныхъ склонностей, но и разнаго воспитанія, разнаго общественнаго положенія, разнаго уровня познаній и стоящихъ на самыхъ различныхъ іерархическихъ ступеняхъ, отъ видныхъ начальниковъ до самыхъ мелкотравчатыхъ агентовъ

и служителей. Многообразность служебныхъ функцій и соотвѣтствующихъ имъ должностей доходитъ до того, что одна номенклатура желѣзнодорожныхъ званій заняла бы цѣлыя страницы. Надъ такою массою никакой контроль не можетъ быть достаточнымъ. И большія различія между этими людьми неизбѣжны. Отъ чего одинъ уклонится съ отвращеніемъ, на то легко поддается другой. Затѣмъ, важную особенность желѣзнодорожной работы составляетъ то, что вся эта человѣческая масса, можно сказать, ежечасно имѣетъ дѣло съ имущественными интересами то самой дороги, то публики, то отправителей товара, то разныхъ поставщиковъ и подрядчиковъ и т. под. Большая часть этой работы выражается въ многочисленныхъ отдѣльныхъ актахъ, крупныхъ и мелкихъ, изъ которыхъ почти каждый можетъ быть исполненъ правильно или недобросовѣстно, слѣдовательно тутъ не можетъ не имѣть большого значенія личная честность или недоброкачественность отдѣльныхъ служащихъ. Поле соблазновъ широко. Совершается много сдѣлокъ; по всей линіи идетъ въ большомъ размѣрѣ ремонтъ, покупка, пріемка и расходованіе разныхъ матеріаловъ; требуется разныя количества рабочихъ; при иныхъ экстренныхъ работахъ, какъ напр. борьба со снѣжными заносами, даже некогда строго учитывать количество работъ, слѣды которыхъ къ тому же быстро исчезаютъ; вслѣдствіе возможности притѣснять отправителей товара или поблажать имъ, возникаютъ побужденія къ нечистымъ сдѣлкамъ; есть просторъ и самымъ грубымъ продѣлкамъ, какъ провозъ „зайцевъ“, т.-е. безбилетныхъ пассажировъ, похищеніе товара въ буквальномъ смыслѣ и т. под. Бываетъ и взяточничество старшихъ по отношенію къ подчиненнымъ. Трудно даже перечислить всѣ виды возможныхъ злоупотребленій, предотвратить или искоренить которыя самые зоркіе и дѣятельные начальники не въ силахъ. Поставьте среди такой обстановки инженера самой высокой добродѣтели, и онъ неизбѣжно будетъ чувствовать, что, служа на желѣзной дорогѣ, онъ стоитъ не только у серьезнаго отвѣтственнаго дѣла, но и возлѣ большой грязи. А между тѣмъ, когда онъ даже усиленно борется противъ этой послѣдней, въ публикѣ нерѣдко ее относятъ къ нему самому. Конечно, инженеры инженерамъ рознь. Я самъ встрѣчалъ примѣры, какъ тотъ или другой инженеръ, прослуживъ нѣкоторое время на линіи, вдругъ исчезаетъ, а послѣ, въ интимномъ разговорѣ съ начальствомъ о причинахъ, получается объясненіе: пришлось съ нимъ разстаться, потому что ужъ слишкомъ онъ торопился поправлять свои личныя дѣла. Но въ большой семьѣ не можетъ не быть

извѣстной доли уродовъ. Однако, я также зналъ и знаю такихъ добросовѣстныхъ инженеровъ, въ безусловной честности которыхъ вполнѣ убѣжденъ, и къ которымъ отношусь съ полнымъ уваженіемъ. Вообще, предубѣжденія публики тутъ грѣшатъ значительною легковѣсностью. Желѣзнодорожные воротилы, инженеры-дѣльцы, у публики больше на виду, но есть существенная разница между типомъ дѣльца и типомъ инженера-работника, трудящагося на линіи ради хлѣба и приложенія къ дѣлу пріобрѣтенныхъ спеціальныхъ знаній. Вотъ этого-то инженера-работника у насъ мало замѣчаютъ, смѣшивая съ другими.

Приходилось также замѣчать разницу въ общихъ тенденціяхъ между мѣстнымъ управленіемъ дороги и правленіями. Мѣстное управленіе, ближе стоящее къ потребностямъ исправнаго состоянія дороги, правильности и безопасности движенія, и больше чувствующее каждую неисправность или неудовлетворительное функціонированіе устройствъ, за послѣдствія которыхъ больше и отвѣчаетъ,—заинтересовано въ томъ, чтобы каждый ремонтъ, каждое устройство и улучшеніе произведены были возможно солиднѣе и шире; а у правленія часто преобладаетъ мотивъ экономіи. Вслѣдствіе этого, мѣстное управленіе показываетъ количество необходимыхъ работъ въ большемъ размѣрѣ, тогда какъ правленіе старается сокращать подобныя требованія, замѣняя капитальныя перестройки временными подправками или отказываясь отъ нѣкоторыхъ устройствъ, чтобъ вышло подешевле. Эта борьба мотивовъ—одного въ пользу достоинства сооруженій и другого, въ пользу выгоднѣйшихъ финансовыхъ результатовъ эксплоатаціи—является одною изъ характерныхъ чертъ отношеній между двумя органами дорожнаго управленія. Только мѣстное управленіе занимаетъ тутъ подчиненное положеніе, а правленіе пользуется руководящею ролью. Участвуя въ подобной борьбѣ, мнѣ больше приходилось склоняться на сторону мѣстнаго управленія. Заканчивалась эта борьба иногда тѣмъ или другимъ компромиссомъ, но иногда приходилось доводить дѣло и до министерства, гдѣ удавалось достигать сдерживанія излишне сократительнаго мотива и бо́льшаго удовлетворенія мѣстныхъ требованій.

Воздѣйствіе министерства на дѣятельность управленія частныхъ дорогъ проявлялось, хотя неравномѣрно. Особенно энергичны бывали его настоянія, когда дѣло касалось мѣръ противъ образованія на линіи залежей грузовъ, вызывавшихъ и много частныхъ жалобъ, и нареканія въ печати, но въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ обходилось не безъ вялости. Конечно, расчиты-

вать на министерскую поддержку въ дѣлѣ исправнаго содержанія дороги всегда было можно, но случалось считаться съ медленностью. Вялость отчасти происходила отъ неудовлетворительности или неясностей самихъ уставовъ желѣзнодорожныхъ обществъ, затемнявшихъ границу между правами министерства и правами частнаго общества. Тутъ упрямое правленіе не безъ успѣха можетъ оказывать оппозицію, уклоняясь отъ исполненія требованій или обращаясь къ затяжкамъ. Изъ двухъ извѣстныхъ функцій, „тащить“ и „не пущать“, министерство больше обладаетъ возможностью послѣдней, т.-е. ему легче помѣшать правленію сдѣлать то, что признается неправильнымъ; но заставить правленіе сдѣлать то, чего оно не хочетъ, не такъ просто. Министерство предложитъ сдѣлать то-то и то-то, а правленіе отписывается или отмалчивается, и не малое время проходитъ въ настояніяхъ и отговоркахъ. Отчасти я и себя чувствовалъ въ подобномъ положеніи: остановить исполненіе какого-либо правленскаго постановленія, т.-е. помѣшать ему, я могъ путемъ протеста, а когда надо было побудить правленіе сдѣлать что-нибудь ему нежелательное—мнѣ оставалось только переносить дѣло въ министерство, что влекло за собою между прочимъ затяжную переписку. Между тѣмъ время иногда бываетъ очень дорого. Приведу одинъ характерный случай. Разъ, при весеннемъ осмотрѣ дороги оказалось, что сильно обветшалъ рядъ деревянныхъ мостовъ на одной вѣтви, такъ что возникалъ даже вопросъ о небезопасности движенія. Мѣстное управленіе дороги настаивало на необходимости замѣны старыхъ мостовъ новыми, каменными, и я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе. Но когда дѣло поступило въ правленіе—у насъ вышло рѣшительное разногласіе: я стоялъ за постройку новыхъ мостовъ, а большинство правленія—за ограниченіе подпорками. Соглашенія не состоялось, и дѣло съ обоими мнѣніями пошло въ министерство. Мѣсяца черезъ полтора получается отвѣтъ, что всѣ предположенныя работы, по которымъ разногласія нѣтъ, утверждаются, а о мостахъ послѣдуетъ особое увѣдомленіе. Долго ждали послѣдняго, но наконецъ оно было получено и—вполнѣ удовлетворительное: мосты рѣшено строить новые и, притомъ, не упуская рабочаго сезона. Только самое рѣшеніе это поспѣло лишь къ концу осени, когда означенный сезонъ уже прошелъ. Хорошо, что выручилъ управляющій дорогою, который, въ виду описаннаго разнорѣчія, самъ догадался начать постройку, не дожидаясь окончательнаго разрѣшенія спора.

Такъ какъ уставы еще недостаточно отошли отъ стараго

типа, сложившагося въ эпоху особеннаго благопріятствованія концессіонерамъ, то—если у насъ еще будетъ поддерживаться существованіе частныхъ дорогъ—слѣдовало бы при всякихъ поводахъ (напр. при разрѣшеніи новыхъ построекъ, при дополненіяхъ къ уставамъ и т. под.—вообще, когда правительство вступаетъ съ частными предпринимателями въ соглашенія) подвергать эти уставы коренному пересмотру, въ смыслѣ бо́льшей обязательности для дорогъ исполненія требованій, признаваемыхъ необходимыми. А что касается проявленій той вялости министерской административной машины, въ которой винили служебный персоналъ, то едва ли можно особенно ей удивляться. Откуда было означенному персоналу набраться большой энергіи, особенно горячаго участія къ обыденнымъ дѣламъ, строгой послѣдовательности въ нихъ? Помимо того, что на немъ не можетъ не отражаться общее у насъ господство бюрократическихъ традицій, надо вспомнить, что переживалъ этотъ персоналъ. Поставляемыя надъ нимъ высшія начальственныя лица мѣнялись такъ, что на мѣсто людей одной физіономіи становились люди совсѣмъ другой, противоположной. Прежнія начальственныя тенденціи и пріемы замѣнялись новыми, среди привычнаго ожиданія и дальнѣйшихъ перемѣнъ. Что прежнему нравилось—новому не нравится. Путейскому вѣдомству даже особенно счастливилось испытывать рѣзкость подобныхъ перемѣнъ, и отъ упомянутаго персонала требовалось умѣнье попадать въ тонъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ начальникамъ. Послѣ такой продолжительной обезличивающей вычинки, много ли могло уцѣлѣть живой иниціативы, гдѣ она и была?

Таковъ былъ міръ, въ который вошелъ я въ 1890-мъ году, при ожиданіяхъ новой министерской политики. Было къ чему присматриваться. Первый годъ прошелъ довольно спокойно, но со второго стали надвигаться исключительныя событія.

Ѳ. Воропоновъ.

У ВОДЫ

ПОВѢСТЬ

I.

Харджалагъ, — сѣверное побережье Чернаго моря, особенно та его часть, гдѣ устья двухъ величайшихъ южно-русскихъ рѣкъ, сливаясь образуютъ многоводный темнозеленый лиманъ, этотъ край, еще всего полтора вѣка тому назадъ турецкій пашалыкъ, и до сихъ поръ сохранилъ глубокіе слѣды былой туречины, вплоть до названія своихъ городовъ, деревень и селъ: Багушъ, Анчикракъ, Чихутово, Аджіатскъ, Коцюрубы, Аднежголъ.

Живутъ тутъ просто, сытно и людно. Здѣсь все продолжаетъ идти по старинѣ, какъ при далекихъ прадѣдахъ.

Тихій покой несложнаго уклада не нарушаетъ ни нервный ревъ фабричнаго гудка, ни торопливый свистъ вѣчно спѣшащихъ паровозовъ; и по сегодняшній день тутъ не проведена желѣзно-дорожная колея, нѣтъ здѣсь даже плохонькаго шоссе. Живые, зыбкіе пути Багушскаго залива, да мягкіе степные шляхи лишь они одни соединяютъ край со всей остальной Россіей.

Старики увѣряютъ, что еще сравнительно недавно, на ихъ памяти, въ Багушѣ и его близьлежащихъ деревняхъ почти не пахали: на тоняхъ рыбы было видимо-невидимо, такъ что хлѣба и не стоило сѣять. Зимой чумаковали, а степь, какъ при туркѣ, была сплошнымъ пастбищемъ съ многочисленными табунами, тысячными отарами и отважными чабанами.

Почти вѣчно голубое небо, жаркое солнце, южное море и богатое прошлое, когда тутъ поочередно проходили, селились и

воевали греческіе пираты, генуэзскіе купцы, турецкіе янычары, татарскіе наѣздники и дружины запорожцевъ,—все это обвѣяло край сказаніями и легендами—грустными и трогательными, какъ пѣсня украинскаго бандуриста, прихотливыми и красочными, какъ восточная фантазія.

Вотъ лодкообразная степная пещера, а въ ней скелеты животныхъ, человѣческіе черепа и остатки какой-то невѣдомой утвари... Рядомъ съ пещерой глубокая-глубокая круча, пористая, съ крутыми обрывами и извилистыми подземными ходами. Глина этихъ кручъ необыкновенно сухая, рыхлая и ярко-красная оттого будто бы, что отъ былыхъ сраженій, частыхъ и упорныхъ, вся земля здѣсь, точно губка, обильно пропитана кровью.

Вонъ древній полуразрушенный фонтанъ съ затѣйливымъ старинным рисункомъ и полуистертой арабской надписью, стихъ или изреченіе мухомеданской мудрости.

Таинственные буераки, заколдованныя балки, скрывающія въ своихъ нѣдрахъ мѣдныя бочки, до верху набитыя золотомъ, бронзовые кувшины, желѣзные лари и казаны, наполненные полновѣсными червонцами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями,—заговоренные клады, къ которымъ можно приступиться только съ помощью грѣха или преступленія. По степи, тамъ и сямъ, во множествѣ разбросаны чашеобразные холмы, такъ называемыя „могилы“,—должно быть, осыпавшіяся, искусственно сооруженныя возвышенія былыхъ шанцевъ и полевыхъ укрѣпленій. Холмы эти тянутся длинными рядами, смыкаясь въ правильные круги.

Среди „могилъ“, обычно заросшихъ мягкими степными травами, рѣзко выдѣляется одинъ довольно высокій курганъ съ лысой вершиной и обнаженными склонами. Онъ стоитъ особнякомъ, и оттого-то его каменная масса, только одна голая и пустынная, кажется повитой глубокой и жуткой печалью. Его называютъ „Заклятой Горой“, а также „Курганомъ Окаменѣлаго Чабана“.

Легенда разсказываетъ, что нѣкогда, лѣтъ триста тому назадъ, Заклятая Гора ничѣмъ не отличалась отъ другихъ степныхъ кургановъ. Такъ же, какъ и они, и Курганъ Окаменѣлаго Чабана былъ расцвѣченъ зелеными покровами. Тогда верстахъ въ двадцати отъ него былъ греческій монастырь, куда съ богатыми дарами часто являлись клефты съ Іоническихъ острововъ, полу-пираты, полу-купцы.

Въ Багушѣ въ то время жила благочестивая вдова изъ очень

знатнаго еврейскаго рода выходцевъ изъ Испаніи. У вдовы была дочь, именемъ Лія, изъ красавицъ красавица.

И вотъ однажды, наканунѣ праздника Пятидесятницы, Лія, вмѣстѣ съ остальными дѣвушками Багуша, отправилась за городскія ворота въ поле собирать цвѣты, чтобы ими, по обычаю, украсить домъ своихъ родителей къ празднику. Лія, увлеченная работой, не замѣтила, что она отбилась отъ подругъ и слишкомъ далеко углубилась въ степь.

Какъ разъ въ это время ей встрѣтился греческій всадникъ. То былъ гостящій въ монастырѣ клефтъ.

Пораженный красотой еврейки, грекъ схватилъ ее, привязалъ къ сѣдлу своей лошади и поскакалъ въ монастырь.

Лія подняла крикъ. Крикъ дѣвушки былъ услышанъ ея подругами. Онѣ тотчасъ же кинулись въ городъ, прибѣжали къ матери Ліи и сообщили ей горестную вѣсть.

Вдова вмѣстѣ со всей своей родней поспѣшила на выручку дочери.

Недалеко отъ горы погоня почти настигла похитителя, и вдругъ его не стало, — клефтъ точно сквозь землю провалился. Погоня спѣшилась, стали осматривать мѣстность, и вотъ увидѣли, что на горѣ стоитъ татаринъ съ пастушьей гирлыгой, а у его ногъ мирно пасутся овцы.

Какъ впослѣдствіи узнали, пастухъ-татаринъ, подкупленный грекомъ, указалъ ему подземную пещеру, и, завидя погоню, клефтъ спрятался въ ней вмѣстѣ со своей добычей.

Вдова обратилась къ пастуху:

— Чабанъ!—спросила она.—Не видѣлъ ли ты, куда дѣвался христіанинъ, похитившій мою дочь? Вѣдь онъ тутъ только-что проскочилъ!

А чабанъ вдовѣ ничего не отвѣтилъ.

Вдова тогда упала ему въ ноги, обхватила его колѣни, именемъ Аллаха заклиная его помочь ей спасти дочь.

И татаринъ, разгнѣванный, гирлыгой ударилъ ее въ високъ. Еврейка только успѣла прошептать: „Богъ заплатитъ тебѣ!“... и мертвая скатилась съ кургана.

И тотчасъ же чудо свершилось: гора вздрогнула и задымилась. Когда дымъ разсѣялся, увидѣли, что съ нея исчезъ весь ея зеленый покровъ и она стала голой и омертвѣлой. А чабанъ-татаринъ превратился въ камень, и его гирлыга и стада его окаменѣли.

И такъ—окаменѣлымъ истуканомъ—стоитъ онъ въ назиданіе людямъ...

...Теперь на Заклятой Горѣ маякъ, и въ темныя ночи его бѣлый огонь указываетъ рыбакамъ Багуша дорогу на тони, на Харджалакскую Косу.

II.

Харджалакская коса лежитъ въ пятнадцати верстахъ отъ Багуша. Широкая и плоская, обильная богатыми тонями, она вдается въ море узкой, треугольной отмелью,—„стрѣлкой“.

На ней ни деревца, ни кустика,—голые пески, бѣлые, зернистые, они теперь отъ полдневной жары знойно лоснятся. Стоитъ полный штиль,—безоблачно, ясно и солнечно. Отъ моря несетъ соленой, распаренной влагой и тлѣннымъ запахомъ гніющихъ водорослей.

Берегъ окаймленъ сѣроватымъ гравіемъ и мелкой галькой. На берегу непрестанно и судорожно бьются безформенные, студенистые куски. Это медузы,—„морское сердце“, какъ ихъ называютъ здѣсь,—выброшенныя изъ морской глубины минувшимъ штормомъ.

У каменной груды косы, тамъ, гдѣ пѣна волнъ чертитъ свои мгновенные узоры, у самаго края береговой линіи, тысячами копошится морская тля, бѣленькія насѣкомыя, миніатюрныя и серповидныя.

Вода, набѣгая на покатость берега, задѣваетъ ихъ своимъ извилистымъ шлейфомъ, смываетъ ихъ дружные рои, и тогда среди суетливыхъ существъ поднимается ошалѣлая тревога.

Надъ тонями, въ одиночку и небольшими группами, низко носятся мартыны,—бѣлыя птицы, съ острымъ клювомъ и тупымъ, рулевиднымъ хвостомъ. Онѣ кружатся медленно-медленно, часто припадаютъ къ водѣ и, когда вздымаются ввысь, хищно стонутъ.

По косѣ янтарно-темными конусами разбросаны рыбацкіе курени.

Заводъ Мануса Гурарія стоитъ у самой стрѣлки. Заводъ изъ среднихъ, на немъ шестнадцать человѣкъ рабочихъ; они размѣщены въ трехъ большихъ камышевыхъ куреняхъ. Въ каждомъ изъ куреней стоитъ нѣсколько двадцативедерныхъ чановъ съ рыбой въ разсолѣ. Сзади куреней просторный каменный погребъ, и въ немъ боченки съ соленой скумбріей, а рядомъ съ погребомъ—глинобитный сарай съ плоской крышей и безъ оконъ—коптильня.

Хозяйское помѣщеніе—„каюта“—маленькое зданьице, похожее на будку рѣчной пристани, стоитъ особнякомъ.

Днемъ улова не бываетъ, и поэтому теперь на заводѣ степенная тишина. Одинъ изъ куреней открытъ, и у его входа, на кормѣ опрокинутой лодки умѣстился подъатаманъ завода Аврумъ-Пинхосъ Гинесинъ, по прозванію Полтора-Жида, рыжеволосый, кряжистый великанъ, съ типичнымъ племеннымъ носомъ и выпуклымъ, какъ у сапожника, лбомъ, кареглазый и въ веснушкахъ.

Локоны у висковъ—пейсы—у подъатамана подстрижены, по новомодному. Бородка его тоже тронута ножницами. Понятно, слегка.

Гинесинъ сидитъ согнувшись, и у него на колѣняхъ взбухшимъ комомъ лежитъ порванная сѣть и клубокъ шпагата,—подъатаманъ старательно штопаетъ прорѣхи сѣти. Чинитъ ее Гинесинъ рыбацкой иглой,—деревянной плоской дощечкой, напоминающей очиненный столярный карандашъ. Ушко у иглы въ видѣ треугольника, со стержнемъ въ серединѣ, такъ что нитка шпагата привязывается къ стержню.

Гинесинъ прилежно работаетъ. Временами онъ сдержанно и робко вздыхаетъ и изрѣдка кидаетъ конфузливые взгляды то на каюту, гдѣ „на минутку“ прилегъ хозяинъ завода, то на море.

Море послѣ длительнаго шторма наконецъ угомонилось, и для улова день сегодня на рѣдкость удачный.

Игла быстро ныряетъ отъ петли къ петлѣ, рыбакъ работаетъ и думаетъ:

— Изъ-за непогоды бездѣйствовали цѣлую недѣлю; буря не давала закинуть неводъ, вѣтеръ бѣсновался, какъ сумашедшій, вода клокотала, какъ кипятокъ... Разумѣется, суматохѣ этой Манусъ мало радовался, отъ нея ему крупный убытокъ,—сотни, тысячи рублей!.. Гурарій все ворчитъ, упрекаетъ его, ругаетъ людей, артель,—а что артель? Рабочіе, какъ рабочіе. Всякій, даже женщина, знаетъ, что безъ водки рыбаку зарѣзъ! Вѣдь постоянно у воды,—непрерывная сырость, вѣчная простуда. На другихъ сердится Манусъ, укоряетъ, а самъ?—А у самого въ шкафчикѣ круглое лѣто, весь сезонъ „пейсаховка“—67 градусовъ! Держитъ подъ замкомъ... Тоже праведникъ! Ѳарра старый!..

III.

— Гххыы! ыгкххы—ррххыы!

Въ каютѣ сердито отхаркиваются,—ребъ Манусъ проснулся.

Старикъ — широкоплечій еврей, длиннобородый и въ традиціонныхъ пейсахъ. Пейсы — гордость Мануса Гурарія, онѣ у него длинныя и вьющіяся, какъ у раввина. На головѣ стараго Мануса ночная ермолка, потертая и засаленная,—какъ полагается богобоязненному еврею, Гурарій и спитъ съ покрытой головой.

Гурарій—потомственный рыбакъ; его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были рыбаками. Въ Багушъ предки Гурарія пришли еще при туркѣ. Какъ и у дѣдовъ, у ребъ Мануса большая семья: сыновья, дочери, невѣстки и зятья. Всѣ они, кромѣ младшаго зятя, кормятся „отъ воды".

Вставши, Манусъ Гурарій, согласно ритуалу, моетъ руки, на спѣхъ шепчетъ установленное славословіе и босикомъ, заканчивая на ходу молитву, направляется къ двери. Тутъ онъ задерживается, полуоткрываетъ дверь и внимательно смотритъ на море. И тотчасъ же у него закипаетъ обида и горечь.

— И за что Всевышній такъ его караетъ? Наказалъ его такимъ атаманомъ, Лебедыкомъ этимъ, — да сотрется и имя и память о немъ! Таки воистину внукъ Лота! А глотка, — такъ чтобъ онъ подавился!.. Ну воскресенье! противъ воскресенья кто споритъ?! Понедѣльникъ... Но вторникъ, но среда! Три дня, чтобъ онъ сдохъ, три дня его душѣ требуется, чтобы опохмѣлиться! Гга! Это же разоренье! Долженъ же быть предѣлъ, должна же быть мѣра въ вещахъ!.. Когда играла шторма, онъ, хозяинъ, молчалъ! Когда ужъ теперь такія времена, что хозяинъ долженъ молчать! Онъ не препятствовалъ: нехай свинья валяется въ шинкѣ! Но теперь... Вчера передъ вечеромъ, когда стало стихать, послалъ Аврумъ-Пинхоса разыскать Лебедыка. Наказалъ: во что бы то ни стало доставить его сюда и запереть въ коптильню, — вытрезвить. Ну, а тотъ, Аврумъ Пинхосъ, паскуднякъ этотъ, пошелъ и нажлекался вмѣстѣ съ нимъ! И вотъ,—утренній уловъ пропущенъ!..

Воспоминанье о пропащемъ уловѣ приводитъ Мануса Гурарія въ злобное возбужденіе. Онъ быстро открываетъ дверь и стремительно выходитъ изъ каюты.

Онъ какъ-то бокомъ подбирается къ Гинесину, останавливается, презрительно и враждебно смотритъ на согнутую спину подъатамана,—онъ готовъ его съѣсть! И почему-то дѣлаетъ надъ собой усиліе и съ притворною заботливостью и плохо скрываемымъ сарказмомъ спрашиваетъ:

— Какъ ты себя чувствуешь, Авреймеле? Послѣ вчерашняго?—Головка у тебя ка-акъ? Не болитъ у тебя головка?

Аврумъ-Пинхосу хорошо знакомъ этотъ обычный маневръ ехиднѣйшаго старика. Подъатаманъ знаетъ, что за этой ласковой прелюдіей сейчасъ же послѣдуетъ совершенно иное. Онъ въ замѣшательствѣ откладываетъ иглу и, не подымая головы, отвѣчаетъ, бормочетъ спутанно и виновато. Говоритъ, что онъ всѣми силами старался исполнить возложенное на него порученіе... Онъ же таки разыскалъ Лебедыка... притащилъ его на заводъ еще до разсвѣта. Но атаманъ былъ пьянъ, какъ цыбуля... и-и-и... и до вве-чер-ра... (Гинесинъ запинается)... ддо ввеч-чер-ра атаманъ наврядъ ли... Отъ волненія онъ не оканчиваетъ фразы, боязливо и исподлобья оглядывается на хозяина, дѣлаетъ неопредѣленный жестъ растопыренными пальцами и, смущенный, умолкаетъ.—Его ложь приводитъ Мануса Гурарія въ ярость.

— Дурень!—кричитъ онъ, негодующе мотая бородой и пейсами. Корова во образѣ кобылы! Чортъ твоей матери, въ твоего отца! Чортъ въ отца твоего отца!..

Онъ гнѣвно убѣгаетъ въ свою каюту.

Спустя нѣкоторое время, онъ вновь появляется уже обутый. Теперь онъ сосредоточенъ, суровъ и важенъ. Со строгой дѣловитостью онъ осматриваетъ свой заводъ, затѣмъ неторопливо подходитъ къ крайнему куреню и говоритъ:

— Хлопцы, пора!

На его зовъ высыпаетъ вся артель. Большинство—крѣпкіе, рослые евреи. Всѣ босикомъ, штаны засучены выше колѣнъ, а поверхъ рубахъ ситцевые „арбе-канфес'ы“ — короткіе четыреугольные нагрудники съ бѣлыми шерстяными кисточками по всѣмъ концамъ.

— Лебедыкъ, гдѣ Лебедыкъ?

Гурарію, конечно, извѣстно, что пьяный атаманъ пластомъ лежитъ въ коптильнѣ, но у старика ужъ такая привычка: когда онъ недоволенъ, у него всякій разговоръ начинается съ вопроса.

Рабочіе молчаливо переминаются съ ноги на ногу. Кто-то серьезно чешетъ затылокъ и поясницу, кто-то сдержанно испускаетъ сочувственныя междометія.

Гурарій, немного успокоившись, отдаетъ приказъ.

— Мееръ, Рувимъ и Залмонъ! Идите и вытащите его!

Три дюжихъ рыбака проворно удаляются и черезъ нѣсколько минутъ за куренями, тамъ, гдѣ коптильня, начинается шумная возня.

Сначала слышно громкое бормотаніе просыпающагося чело-

вѣка, а затѣмъ отчаянная, чисто рыбацкая, ругань. И въ воздухъ, какъ изъ пулемета, голосисто и быстро сыплется: „...въ печ-ччонку!.. сселе-езенку!.. крровь!.. въ вѣру!.. въ зак-конъ!.. душу!..“

На мгновеніе эти выкрики утопаютъ въ громкомъ хохотѣ рабочихъ, но смѣхъ сразу обрывается, и тотчасъ же опять посыпалась пьяная ругань.

Образуется своеобразный хоръ: хмельный теноръ, точно запѣвало, по-русски выкрикиваетъ замысловатѣйшія ругательства и, вторя ему, дробно тарахтя, летитъ: „Чум-ма!.. Хол-лерра!.. Болячка!..“—разнообразнѣйшія проклятія еврейской рѣчи.

Каскадъ криковъ бьетъ все сильнѣе и сильнѣе, и вскорѣ передъ Манусомъ Гураріемъ появляется вся процессія: Мееръ и Рувимъ тащутъ атамана за ноги, а Залманъ поддерживаетъ его голову.

Фигура Лебедыка точно растрепанный комъ, — онъ весь въ лохматой рвани, а во всклоченной головѣ и взъерошенной бородѣ соломинки, соръ, рыбьи кости.

Владѣлецъ завода съ скорбной брезгливостью смотритъ на своего управляющаго и помощника.

Лебедыкъ чувствуетъ на себѣ взглядъ хозяина, онъ сладко потягивается, и на лицѣ у него появляется блаженная улыбка. Онъ умильно чмокаетъ губами и любовно, съ влажной хрипотой, шепчетъ:

— Ман-нуусъ! Сердце! Шкаликъ! Одинъ шкаликъ!... Заразъ оправлюсь!

— Ванну ему!

Хозяйскій приказъ теперь раздается еле слышно: въ немъ усталость и меланхолія.

Лебедыка тащутъ въ море. Тамъ его держатъ съ четверть часа, а онъ барахтается, фыркаетъ и ругается, но теперь ужъ лѣниво и добродушно.

Холодная вода дѣйствуетъ: атаманъ начинаетъ приходить въ себя, ему становится зябко. Тогда его выносятъ на берегъ, поятъ разсоломъ и арбузнымъ сокомъ и укладываютъ спать. Черезъ часъ-другой онъ совершенно оправится и будетъ годенъ къ работѣ.

IV.

Близится вечеръ и на заводѣ готовятся къ улову.

Вотъ уже двое рыбаковъ сворачиваютъ въ круги „кадолы“ — толстые неводные канаты. Одинъ конецъ „кадолы“ привязывается къ каждому крылу сѣти, другой остается на берегу. Остальные рабочіе собираютъ шесты, весла и прочую снасть и, на всякій случай, приготовляютъ разсолъ.

— Снимай неводъ!

Властный голосъ Мануса Гурарія. Иногда, въ важныхъ случаяхъ, Лебедыкъ уступаетъ атаманство хозяину. Лебедыкъ, одинъ изъ лучшихъ промышленниковъ на всемъ Багушскомъ побережьи, высоко цѣнитъ опытность стараго Мануса.

— Зготовь шаланду! — раздается вновь команда Мануса Гурарія.

Мееръ съ пятью товарищами, шестеро здоровенныхъ евреевъ, спѣшно устремляются къ мосткамъ, хватаются за „дубъ“ — крѣпко осмоленное, высокобортное суденышко—и со стонущими выкриками: „гго-гго-гго!“ скаскиваютъ его съ тѣнистой отмели. Сейчасъ же къ судну прилаживаютъ руль, якорь и уключины. Рыбаки входятъ въ шаланду и, стоя, шестами отталкиваются отъ мостковъ. Какъ только достигаютъ глубины, берутся за весла. Взвизгнули уключины, заскрипѣли, мелькнули зеленой краской лопасти веселъ, и „дубокъ“ быстро уходитъ въ море.

Такъ какъ охотой распоряжается самъ ребъ Манусъ, то Лебедыкъ замѣняетъ крылечника Меера.

Лебедыкъ зорокъ, какъ мартынъ. Рыбаки утверждаютъ, что атаманъ по дрожи ряби на водѣ можетъ съ точностью опредѣлить, *какъ* идетъ рыба.

На кормѣ онъ стоитъ теперь совершенно недвижимымъ. Онъ осторожно держитъ крылья сѣти, пытливо всматривается въ зыбкую поверхность моря, подернутую позолотой заката.

Вотъ глаза крылечника хищно сверкнули, онъ насторожился. Отъ сильнаго напряженія у него по мускуламъ пробѣгаетъ судорога. Ноздри у него раздуваются. Его всего охватываетъ восторженное возбужденіе охотника. Не мѣняя позы, отъ шепоткомъ роняетъ: „иде-отъ... ии-ии-ии...“

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Лебедыкъ порывается сказать: „видимо-невидимо, тыщи...“ Но онъ сознаетъ, что это его искушаетъ лукавый, и привычнымъ усиліемъ воли подавляетъ по-

рывъ: неосторожное слово можетъ накликать бѣду, — море не любитъ, когда считаютъ непойманную добычу...

— Руль право!

Команда раздается тихо-тихо, съ какой-то боязливой сдержанностью. Шаланда плавно поворачиваетъ свой корпусъ.

— Съ Богомъ, закидывай!

Снова тихая команда. Лебедыкъ какъ-то весь подбирается, дѣлаетъ торжественную паузу и сильными спѣшными взмахами начинаетъ разбрасывать по тонѣ крылья невода.

Онъ кидаетъ ихъ со строгой размѣренностью и въ противоположныя стороны, поочередно: вправо—влѣво, вправо—влѣво. Въ тоже время судно отплываетъ все дальше и дальше, часто поворачиваясь.

И надъ опаловой рябью моря, взвиваясь силками, вытягиваясь на лету и упруго расправляясь, сѣть припадаетъ къ водѣ влажными шлепками; она разстилается по ней множествомъ сѣрыхъ разнообразныхъ петель, быстро намокаетъ, темнѣетъ и тонетъ, медленно и покорно погружаясь въ черную глубь.

— Стоп—пари!

Запѣнилось, ворчливо заклокотало подъ кормой. Пять паръ веселъ мигомъ взлетѣли вверхъ, блеснувъ мокрыми лопастями, застыли въ воздухѣ, съ носу быстро бросили якорь.

Между тѣмъ крылечникъ ужъ и мотню закинулъ,—весь неводъ ушелъ въ глубину, а надъ водой теперь виденъ только черный боченокъ, вѣшка, указывающая, гдѣ мотня, да деревянные поплавки крыльевъ. Они плывутъ, ритмически покачиваясь, точно пляшутъ.

— Бери берегъ!

Весла вразъ опустились, заработали, и „дубъ“ полныхъ ходомъ пошелъ къ стрѣлкѣ.

А ужъ тамъ работа въ разгарѣ. Еще въ началѣ улова, въ тотъ моментъ, когда шаланда ушла въ море, четверо рыбаковъ, „бережничіе“, опоясанные лямками, упираясь пятками въ песокъ и откидываясь всѣмъ корпусомъ, стали тянуть неводную бичеву.

Къ тому моменту, когда судно вернулось, половина бичевы уже была вытащена, и теперь вся артель пошла въ лямки.

Прошло съ полчаса, и у берега показался неводъ; въ ромбообразныхъ петляхъ его крыльевъ то и дѣло замелькала серебристая скумбрія. Зацѣпившись костью щеки за нитку петли, она безсильно повисла.

Сѣть по мѣрѣ своего приближенія становится все тяжелѣе и тяжелѣе; а въ мотнѣ кишмя кишитъ. Тысячи конусоголовыхъ,

влажно-серебрянныхъ рыбъ, предчувствуя сушу, отчаянно кувыркаются въ прочной западнѣ, прыгаютъ, ошалѣло бьются,—мечутся во всѣ стороны.

Уловъ на диво удался, — на глазъ скумбріи тысячъ восемьдесятъ. Своими силами съ такой оравой не справишься, и въ ближнія деревни поскакалъ верховой скликать помощь.

Добычу убирали до поздняго часу. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оказался недохватокъ въ посудѣ и соли, такъ что тысячъ семь пришлось спустить мужикамъ. Отдавали почти задаромъ,—по восьми гривенъ сотню, а оставшуюся, какъ водится, зарыли въ песокъ, потому что пустить ее обратно въ море нельзя, она тамъ разскажетъ своимъ о неводѣ и о рыбакахъ, — и тогда простись съ промысломъ: въ эти мѣста рыба ужъ не зайдетъ,—никогда!..

V.

Глубокая ночь. Рыбу ужъ убрали, но артель еще не пошабашила,—тамъ еще длятся усталыя хлопоты: кое-кто изъ людей возится съ мокрой „кадолой“, кое-кто ладитъ снасть, иной копошится у чановъ со свѣжимъ разсоломъ.

Хозяинъ у себя въ „каютѣ“,—отдыхаетъ. Отдыхаетъ и Лебедыкъ.

Но вотъ уборка окончена, артель разсѣлась вокругъ костра, и артельный кошеваръ, Берця Праведникъ, губастый, краснощекій парень, веснущатый и съ легкой рябиной, захлопоталъ у тагана. Кошевару Берцѣ помогаетъ крылечникъ Мееръ.

Крылечникъ Мееръ, худощавый и блѣднолицый, съ черными влажными глазами, длиннобородый и въ пейсахъ, натура своеобразная. Онъ любитъ море, любитъ степь. Изба Меера, самая крайняя изъ городскихъ строеній, почти въ степи.

Крылечникъ очень набоженъ, но не фанатиченъ. Установленное ритуаломъ богослуженіе для него недостаточно, оно не насыщаетъ его душу, и онъ сочинилъ для себя особую молитву.

Подымаясь всегда съ зарей, Мееръ, умывшись, тотчасъ же выходитъ на дворъ и, повернувшись къ востоку, ждетъ, когда заалѣетъ горизонтъ. При первыхъ лучахъ восхода Мееръ простираетъ къ нему руки, трижды кланяется и запѣваетъ тихимъ голосомъ:

О, солнце, корона и сіяніе Бога!
Освѣти мнѣ этотъ день радостью и счастьемъ!
Мнѣ, женѣ моей, дѣткамъ моимъ и всему дому Израиля!
И скажемъ: аминь да аминь!

Эти свои утреннія литургіи Мееръ тщательно скрываетъ отъ людей, но въ Багушѣ, какъ во всякомъ небольшомъ поселеніи, гдѣ жизнь каждаго извѣстна до мельчайшихъ подробностей, конечно, знали о причудахъ крылечника изъ артели Мануса Гурарія, и за это Меера прозвали: „Молоканъ“. Терминъ этотъ у евреевъ Багуша обозначаетъ еретика, но такого, котораго нужно жалѣть, а не преслѣдовать.

Поспѣло варево, и Мееръ устилаетъ песокъ старымъ рядномъ и разставляетъ на немъ посуду, штофъ водки, хлѣбъ и нѣсколько арбузовъ, а кошеваръ подаетъ похлебку.

Артель выпиваетъ и закусываетъ. Ѣдятъ жадно, торопливо, громко чавкая, сопя и отдуваясь.

Усталость, огонь костра, меланхоличный звонъ опавшихъ углей, плескъ воды и тишина ночи навѣваетъ на людей мистическое настроеніе. Имъ всѣмъ какъ-будто боязно и тянетъ къ таинственному.

Разговоры ведутся негромкіе и съ глубокими паузами. Когда смолкаютъ, къ чему-то прислушиваются. Вслушиваются долго и настороженно.

Близко отъ огня, почти у самаго костра въ глубокой задумчивости сидитъ подъатаманъ Аврумъ-Пинхосъ Гинесинъ. Полтора-Жида медленно набиваетъ свою трубку, пенковую и съ черешневымъ чубукомъ, не спѣша лучинкой раскуриваетъ ее и философски роняетъ:

— Нноо...

Сказалъ, и на лицѣ его появляется еле уловимый налетъ грусти. Онъ осмотрѣлся, повелъ въ воздухѣ растопыренной рукой, закивалъ кому-то невидимому указательнымъ пальцемъ, потеръ переносье и вздохнулъ.

Повидимому, его одолѣваютъ какія-то опасенія, не вполнѣ имъ осознанныя, и онъ колеблется. Но и молчать ему не въ моготу.

Но вотъ онъ пососалъ чубукъ, толстымъ пальцамъ, пожелтѣвшимъ и съ потрескавшейся отъ огня и дыма кожей, поправилъ нагорѣвшій пепелъ и, точно поборовъ всю свою тревогу, рѣшительно заерзалъ по песку и произнесъ:

— Слушайте, евреи! То-есть, что иногда приключается съ человѣкомъ!

Онъ озабоченно дѣлаетъ остановку, пристально и жутко всматривается въ темноту и продолжаетъ:

— Вы же меня знаете? Трусомъ назвать себя я не могу: въ дракѣ, благодареніе Всевышнему, хожу одинъ противъ трехъ. И не нервный я: здоровье мое,—такъ дай Богъ всѣмъ нашимъ доброжелателямъ! И не вѣрю я всѣмъ этимъ... этимъ...

Гинесинъ неопредѣленно завертѣлъ растопыренными пальцами у своего носа.

— Этимъ, ну, этимъ! Глупостямъ всякимъ!—повторяетъ онъ, немного оживившись.—Нноо... то-есть непостижимое изъ непостижимыхъ...

Подъатаманъ опять впалъ въ тревожное раздумье, онъ съ безпомощнымъ недоумѣніемъ втянулъ голову въ плечи. Вскорѣ онъ, однако, оправился и, сердито отхаркнувшись, началъ:

— Короче сказать, было это вчера. Отправился я искать нашего,—Аврумъ Пинхосъ метнулъ головой по направленію куреня, гдѣ отдыхалъ атаманъ, — Онъ же, Манусъ послалъ меня за нимъ—Гинесинъ глазами указалъ на каюту хозяина.

— Ну, нашелъ я его, то-есть Лебедыка. Вы уже можете понять, гдѣ такой благочестивый мужъ обитаетъ, когда его сердце веселится! Понятно, у Мишки Гоя въ шинкѣ!

— Хочу его, Егора, взять. Идемъ, говорю на заводъ. Что ты, говорю, тутъ колобродишь, пьянчуга! А онъ, какъ Лотъ: ни бэ, ни мэ!

— Держитъ штофъ и пристаетъ: выпей да выпей!

— И какъ я не отбивался, но Егоръ! Вы же знаете, что такое Егоръ Лебедыкъ, когда онъ выпивши, — прицѣпился онъ ко мнѣ,—гвалтъ!

— Думаю: чтобъ ты подавился! Пусть будетъ конецъ! Выпилъ,—и онъ подался. Послушался меня: пошелъ за мной. Притащилъ я его сюда, на заводъ и заперъ въ коптильнѣ.

— Лежитъ онъ тамъ, чума его побери! Ругается, — на его голову!—клянетъ, сыплетъ мертвой бранью! А вы всѣ спите,— и что-то мнѣ сумно стало. И потянуло посмотрѣть на своихъ, на дѣтей... дома я ужъ не былъ вѣкъ!

— Думаю себѣ такъ: Лебедыкъ такъ скоро не оправится,— утромъ, значитъ, все равно улова не будетъ, почему же мнѣ не отлучиться? Ну, сѣлъ въ шаланду и уплылъ.

— Переправился я на ту сторону, добрался до города, вышелъ на берегъ и—айда домой!

— А ужъ было поздно: Пастухъ съ гирлигой [1]) какъ разъ у меня надъ головой былъ. Иду себѣ такъ,—ничего!

---

[1]) Созвѣздіе Б. Медвѣдицы.

— Только вотъ начинаю чувствовать, что-то у меня подъ ногами: путается, вертится, крутится. Останавливаюсь, всматриваюсь,—котъ! Черный!

Гинесинъ опасливо осмотрѣлся и понизилъ голосъ.

— Тутъ я смекнулъ... *Его* штуки, *Недобраго*...—Испугался я. Хочу прочесть молитву „Шема", „Слушай, Израилъ, Богъ нашъ Единъ есть" и не могу! Можете себѣ представить: всѣ святыя слова изъ головы вылетѣли!

Полтора-Жида нервно поскребъ у себя за ухомъ, нервно отплюнулся, разсѣянно пососалъ потухшую трубку и продолжалъ:

— До моей хаты, знаю, осталось мнѣ всего нѣсколько шаговъ,—такъ сажня два, и вотъ: никакъ не могу дойти, добраться до нея! Мечусь, понимаете меня, какъ еврейка при родахъ! Вдругъ вижу—свѣтъ! въ синагогѣ! Вы же знаете, моя хата рядомъ съ синагогой. Обрадовался я таки, какъ маленькій ребенокъ, когда ему хорошую цацку покажешь! Думаю: навѣрно, Мордхе, служка, къ ранней утреннѣ синагогу прибираетъ. Пускаюсь туда, шагнулъ и только-только хочу крикнуть: „Съ добрымъ вставаньемъ васъ, ребъ Мордхе!" Только ротъ раскрылъ и...

Аврумъ-Пинхосъ Полтора-Жида поперхнулся и еле слышно зашепталъ:

— И вижу—покойникъ!.. Длиннный-длинный... ажъ до самаго потолка... Стоитъ у окна... Смотритъ своими мертвыми глазищами... И машетъ мнѣ... бѣлымъ рукавомъ... рукавомъ савана машетъ... И у меня сдѣлалось помутнѣніе въ мозгахъ, заголосилъ я,—такъ вы уже можете себѣ представить! А потомъ упалъ,—въ полномъ, окончательномъ безчувствіи...—Ну, выбѣжали мои, облили меня водой, цѣлый ушатъ на меня вылили. Еле отходили.

Гинесинъ подавленно умолкаетъ. Слушатели молчатъ и пожимаются отъ боязливой дрожи.

Только кошеваръ Берця Праведникъ, выдающій себя за вольнодумца, будто иронически, съ напускнымъ презрѣніемъ роняетъ: „чепуха!" и съ дрожью въ пальцахъ снимаетъ съ тагана чайникъ.

Чай пьютъ сопя и громко дуя на блюдечко. Попили, помолились и разбрелись по куренямъ. Пора спать; встать придется рано-рано, — ранній разсвѣтъ самое удобное время для ловли: рыба тогда спитъ, а сонную рыбу хоть руками бери.

VI.

Полночь. Въ каютѣ, шумно хлопая крыльями, запѣлъ пѣтухъ. Лѣтомъ, въ будни, у ребъ Мануса было обыкновеніе ночевать на заводѣ.

Какъ водится у благочестивыхъ евреевъ, у него и здѣсь, въ каютѣ, какъ дома въ спальнѣ, подъ койкой имѣется пѣтухъ, на привязи. Въ сакраментальный часъ полунощный, когда въ небесахъ просыпался Господь, вѣщая птица своимъ крикомъ подымаетъ еврея съ постели.

На заводѣ этотъ священный часъ полунощнаго бдѣнія особенно чувствуется. Вѣдь, вотъ что достойно назиданія: спишь тутъ мало, потому что раньше десятаго часа никогда не управишься, а встанешь—и никакой усталости! Бодръ и свѣжъ, какъ новорожденный.

Умоешься, прочитаешь „Мейду“, благодарственную молитву за возвратъ души. Она, вѣдь, во время сна оставляетъ человѣка—и выходишь изъ каюты.

Въ эту пору въ природѣ есть что-то особенное: по темной зыби моря пробѣгаютъ странныя, неуловимыя тѣни; не то отраженія звѣзднаго сіянія, не то отблески священнаго свѣта, исходящаго отъ невидимыхъ ангеловъ, которые, спускаясь съ высшихъ сферъ съ душами людей, въ этотъ часъ несчетными сонмами порхаютъ по воздуху.

Море протяжно шуршитъ прибрежной галькой, ухаетъ и стонетъ,—оно молится. Вѣтеръ,—на разсвѣтѣ всегда дуетъ вѣтеръ,—вѣтеръ псалмы поетъ и, какъ на молитвѣ, сгибаясь всѣмъ корпусомъ, качаются суда и лодки.

Изъ ближнихъ деревень и даже изъ города доносятся перепѣвы пѣтуховъ. Смотришь, слушаешь всю эту музыку стихій, и начинаешь постигать величіе Его Святого Имени. Не Суть, конечно. Ее, Тайну изъ Тайнъ, существо изъ плоти и крови, человѣкъ не въ силахъ уразумѣть. А Ея слабая тѣнь, Ея неясное отраженіе осѣнитъ твою душу...

Старикъ Гурарій, по своему обыкновенію, долго стоитъ на берегу. Сегодня, послѣ богатаго улова, его сердце переполнено радостью и, вторя голосамъ стихій, онъ тихо поетъ благодарственный гимнъ и возвращается въ каюту.

Для Лебедыка, какъ и для всякаго, страдающаго запоемъ, самое трудное—это первый шагъ. Но лишь только удалось это сдѣлать, лишь только Егору Лебедыку удалось вытрезвиться, къ нему возвращается вся его энергія. Вообще, въ рабочую пору Егоръ почти не пьетъ, онъ тогда добросовѣстный работникъ и дѣловитый распорядитель,—хозяину тогда мало хлопотъ, ему нечего безпокоиться: атаманъ знаетъ свое дѣло, онъ ничего не упуститъ, и все пойдетъ, какъ слѣдуетъ, по заведенному порядку. И Манусъ Гурарій спокойно приступаетъ къ полунощному бдѣнію,—онъ увѣренъ, что къ разсвѣту всѣ приготовленія къ охотѣ будутъ закончены и съ зарей судно уйдетъ на взморье.

Старикъ съ рыдающими нотками въ голосѣ читаетъ установленные псалмы и молитвы, и въ то же время его ухо привычно улавливаетъ звуки заводской возни и командныя слова атамана. И продолжая читать славословія, Манусъ Гурарій думаетъ о своемъ атаманѣ, восхищаясь его ловкостью и талантомъ, и, забывшись, шепчетъ: „мастеръ—мастеръ!..“

Тотчасъ-же ему на умъ приходитъ масса будничныхъ заботъ и соображеній:

— Завтра-же необходимо приступить къ постройкѣ второй кладовой... новую партію соли выгоднѣе-бы купить не у Арки и не у Граника, а у Телѣжонка,—гандлевать всегда лучше съ гоемъ... сколько вычесть съ Егора за прогулъ?..

Опомнившись, рыбакъ сокрушенно бьетъ себя въ грудь, покаянно закатываетъ глаза и, чтобы отогнать отъ себя постороннія мысли, начинаетъ молиться нараспѣвъ, покачиваясь, подпрыгивая и подплясывая.

Окончивъ съ полунощнымъ бдѣніемъ, онъ приступаетъ къ утреннѣ.

Помолившись и снявъ съ себя молитвенныя облаченія, старикъ, почему-то осторожно оглядываясь на дверь, отпираетъ шкафчикъ и достаетъ оттуда бутылку въ плетенномъ соломенномъ футлярѣ; онъ бережно наливаетъ изъ нея въ серебряный стаканчикъ.

— Благословенъ Ты, Господи Боже нашъ, что все сотворено по слову Твоему!

Установленное на этотъ случай благословеніе онъ читаетъ быстро-быстро и выпиваетъ два стаканчика одинъ за другимъ, крякая и морщась. Затѣмъ онъ осторожно прячетъ бутылку въ шкафчикъ, замыкаетъ его на замокъ; нѣсколько минутъ выжидаетъ и выходитъ изъ „каюты“.

Съ неба уже ушла ночь, а на берегу хлопотливо бѣгаютъ рыбаки: на заводѣ начался обычный трудовой день.

Первый утренній уловъ не чета вчерашнему: рыба, шедшая съ вечера многотысячными стаями, какъ часто бываетъ съ ней, пріостановилась или измѣнила направленіе своего хода, — теперь она идетъ очень вяло, въ мотнѣ еле набралось двѣ тысячи скумбрій. Поэтому неводъ закинули вторично. На этотъ разъ вышло еще хуже: поймали всего сотни три, да и то скумбріи очень мало; больше всего лиманную сельдь. Было много медузъ и нѣсколько морскихъ кошекъ, — камбаловидныя чудовища съ кошачьей головой и короткимъ безволосымъ хвостомъ, острымъ и зубчатымъ, разительно похожимъ на двустороннюю пилку, — и отъ этого сѣть во многихъ мѣстахъ оказалась изрѣзанной.

Морская кошка—самый страшный бичъ невода, но въ артели она теперь не вызывала уныній, потому что вчерашній восьмидесяти-тысячный уловъ съ лихвой покрылъ всѣ убытки сезона.

Окончивъ охоту, рыбаки принимаются за починку сѣти. Работаютъ въ десять рукъ, чтобы къ вечеру снова отправиться на уловъ.

Самого Мануса Гурарія сейчасъ тутъ нѣтъ,—онъ еще раннимъ утромъ уплылъ въ городъ за новымъ запасомъ соли и посуды, — и на заводѣ теперь всецѣло распоряжается Егоръ Лебедыкъ.

VII.

Шміэль Граникъ,—вдовецъ съ вихляющей походкой, курносый брюнетъ, человѣкъ заносчивый, малоразговорчивый, и страстный любитель газетъ, прозванный за эти черты своего характера — „Наполеономъ“,—имѣлъ обыкновеніе два раза въ день—въ часы улова—наблюдать съ Багушскаго маяка окрестныя тони.

Наблюденіями этими „Наполеонъ“ занимался не изъ любви къ рыбной ловлѣ,—охота, какъ таковая, мало интересовала ребъ Шміэля. Граникъ торговалъ солью, оптомъ, и нѣкоторые заводчики состояли его кліентами. Вотъ это-то обстоятельство и заставляло Шміэля Граника подниматься раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ на вышку къ лоцманамъ.

Съ вышки въ подзорную трубу Харджалакская коса была, какъ на ладони. По тому, какъ суетились рабочіе, убирая неводъ, наблюдателю не трудно было опредѣлить степень улова.

Торговецъ солью, въ случаяхъ удачной добычи, тотчасъ-же оповѣщалъ о ней семью счастливца.

Граникъ тогда, не спѣша и соблюдая свое достоинство, подходилъ къ дому хозяина невода и, постукивая безымяннымъ пальцемъ объ оконное стекло, вызывалъ жену, сына или дочь, вообще, старшаго изъ домашнихъ, не здороваясь, поздравлялъ съ уловомъ и уходилъ, не торопясь и спѣсиво задравъ голову.

И на этотъ разъ, какъ всегда, о выдающемся уловѣ на заводѣ Мануса Гурарія, въ Багушѣ узнали отъ Шміэля Граника. Онъ объ этомъ извѣстилъ и старосту перекупщицъ, Хасю Рыбачку. Извѣстилъ, во избѣжаніе сплетенъ, тайно.

Къ Хасѣ,—широкобедрой, грудастой еврейкѣ, съ орлиннымъ профилемъ и обвѣтреннымъ загаромъ на мясистыхъ щекахъ,—вдовый Граникъ питалъ сильное влеченіе.

Хася Рыбачка, женщина лѣтъ за тридцать, „еврейка въ сподыкѣ“. Это значитъ, что мужъ у нея ни къ чему неспособный человѣкъ, и домомъ управляетъ она—вѣчный работникъ семьи.

Лузеру Гиндину, своему мужу, гнилозубому еврейчику, подслѣповатому и часто хворающему, Хася, дочь солиднаго домохозяина, досталась только потому, что съ нею въ дѣвушкахъ случился грѣхъ.

Событіе это совпало съ началомъ русско-австрійскихъ осложненій, въ восьмидесятыхъ годахъ, когда въ заброшенную крѣпостцу Багуша пригнали цѣлую бригаду солдатъ.

Изъ-за отсутствія въ городѣ казармъ, войска были размѣщены по квартирамъ обывателей. Былъ постой и въ домѣ Янкеля Ширяка, отца Хаськи. И вотъ...

Когда бѣда обнаружилась, на третій мѣсяцъ беременности, Хаську отдали за полунищаго Гиндина.

Правда, вся фамилія Ширякъ съ тревожной энергіей отрицала „клевету“. И на утро послѣ брачной ночи мать невѣсты съ рубахой дочери за спиной и въ сопровожденіи всего свадебнаго оркестра плясала на базарной площади, публично демонстрируя дѣвство Хаси, а музыканты играли танецъ, извѣстный подъ названіемъ: „Въ пику врагамъ“.

Но враги семьи Ширякъ не сдавались. Нѣкоторые изъ нихъ,—то были женщины,—злорадно покачивая головами и саркастически хихикая, другъ дружкѣ передавали, что тутъ была обычная въ этихъ случаяхъ поддѣлка...

Первые годы послѣ свадьбы Хася сама неводила. Но ей не

повезло; рыбная охота то-же, что и игра въ карты: случай имѣетъ и тутъ большое значеніе, и при неудачѣ, какъ и при карточномъ проигрышѣ, требуется большая выдержка.

Оставивъ неводъ, Хася открыла торговлю рыболовными снастями, но сладкій ядъ охоты крѣпко въѣлся въ душу Рыбачки, и, поторговавъ мѣсяца три съ небольшимъ, она сдала одному изъ своихъ братьевъ лавку и вернулась къ водѣ.

Она запаслась боченками, корзинами и ящиками, заарендовала ледникъ и стала перекупщицей, сбывая рыбу, свѣжую и соленую, въ Одессу, Николаевъ и въ другіе порты Черноморскаго побережья.

Извѣстіе о богатомъ уловѣ всполошило бабъ-перекупщицъ. Онѣ взбудораженной толпой набились въ хату Хаси Рыбачки,— и пошелъ крикливый женскій разговоръ.

— Еврейки, что вы зѣваете?

— Еврейки! что вы думаете?

— Разсѣлись, какъ графини!

— Надо ѣхать!

— Надо ѣхать немедленно!

— Ѣхать надо сейчасъ-же! Сію минуту! Необходимо сію же минуту отправиться на Харджалагъ.

Такъ какъ съ нѣкоторыми перекупщицами пришли и ихъ мужья, то разгорѣлся неизбѣжный споръ: мужчины были противъ немедленной поѣздки на косу, потому что часъ былъ неподходящій, поздній. Мужья солидно урезонивали своихъ женъ. И даже Лузеръ Гиндинъ заговорилъ. Онъ, какъ и всякій супругъ „еврейки въ сподыкѣ“, неизмѣнно покорный волѣ жены, онъ мужчина-баба, стараясь перекричать визгливые возгласы женщинъ, теперь горячился.

— Въ такую пору отправляться на косу еврейской дочери зазорно,—прямо таки зазорно!

Лузеръ Гиндинъ ссылался на то, что рыбаки—народъ безпутный.

Бабы не давали Лузеру говорить. Онѣ толкали его, шарпали за фалды, за лацканы, за рукава кафтана, затыкали ему руками ротъ, презрительно обрывали:

— Пустомеля! Кнышъ раскоряченный!

Лузеръ Гиндинъ не унимался, но все-же сбавилъ тонъ.

— Конечно, онъ понимаетъ: они, рыбалки эти, и они—евреи.

— Чтобы они себѣ позволили такое... этакое... — явнаго безобразія отъ нихъ ожидать, пожалуй нечего, и все-же...

Онъ не договорилъ, какъ-то по особому закатилъ глаза, желая этимъ жестомъ выразить, что, дескать, въ наше время отъ людей всего можно ожидать.

Женщины яростно накинулись на Гиндина.

— Козій пометъ! Холера маринованная! Гермафродитъ!

За Лузера вступились другіе мужья. Ихъ сторону взяла старая повитуха Сося, тетка Хаси, нѣкогда сама владѣлица большого рыбнаго дѣла.

— Женщины! Еврей правъ!—сказала повитуха Сося и сокрушенно поджала губы.—Вы же сами знаете, — продолжала она:—рыбакамъ, когда уловъ разгулялся, имъ тогда почти не приходится бывать дома. Имъ по-долгу приходится быть безъ женъ. А мужчина, вѣдь, всегда остается мужчиной, а искуситель—онъ же силенъ...

Старуха съ брезгливой жалостью осмотрѣла своего племянника.

Споръ затихъ и вскорѣ перекупщицы разбрелись по своимъ домамъ.

По дорогѣ онѣ охали и ахали, перекорялись съ мужьями.

— Имъ, мужчинамъ, только одно на умѣ. Имъ только глупости въ голову лѣзутъ. И изъ-за такихъ несуразностей вѣрный заработокъ мимо рукъ проходитъ...

Среди перекупщицъ были и двѣ вдовы: Лея, разбитная пучеглазая молодка, и Рейзя Черная. Вдовамъ никто не препятствуетъ ѣхать сейчасъ же. Но такъ какъ въ началѣ нынѣшняго сезона перекупщицы составили „одну руку“, то-есть объединились въ своеобразный синдикатъ, обязавшись передъ раввиномъ не покупать рыбу по одиночкѣ, держаться одной цѣны и весь закупленный товаръ дѣлить на равныя доли, то изъ-за этого и вдовы не могли ѣхать. Онѣ вынуждены были дожидаться своихъ товарокъ.

Спать всѣ полегли озабоченными. Поднялись съ пѣтухами и тотчасъ же отправились къ морю, къ шаландамъ.

VIII.

Восьмой часъ утра. Къ косѣ подплываетъ нѣсколько лодокъ. Онѣ причаливаютъ къ мосткамъ завода Мануса Гурарія,—и вскорѣ шумная ватага бабъ столпилась у камышевыхъ куреней.

На Харджалагѣ появленіе перекупщицъ производитъ замѣтное возбужденіе.

Въ трудовую серьезность рыбачьяго уклада женщины внесли особое оживленіе, безпорядокъ и безпокойное томленіе,—вообще произвели сумбуръ.

— Доброе утро!

— Добрый годъ!

— Съ добрымъ счастьемъ!

— И вамъ счастливо поживать!

— Садитесь! Будьте гостьми!

Усаживаются, какъ попало: на опрокинутыхъ бочкахъ, на свернутыхъ въ круги канатахъ, на пескѣ.

Начинается взаимное угощеніе. Перекупщицы привезли съ собою городскіе гостинцы: вишневую наливку, ржаные пряники и яичные коржики. Рыбаки потчуютъ пріѣзжихъ отборной скумбріей, соленой и копченой. Закусываютъ и балагурятъ, разспрашиваютъ о домашнихъ.

Кашеваръ Берця Праведникъ ухитрился сѣсть между двумя молодками.

Берця, франтъ и бабникъ, одѣвается „по-нѣмецки“. Онъ носитъ малороссійскій „твинъ“,—нѣчто среднее между пиджакомъ и капотомъ. На головѣ у него парусиновый картузъ съ глянцевитымъ лоцманскимъ козырькомъ.

Кашеваръ теперь изъ кожи лѣзетъ: онъ сыплетъ остротами, поговорками и прибаутками, нерѣдко двусмысленными, страстно жестикулируетъ, безпокойно ерзаетъ на своемъ сидѣніи и то и дѣло, будто невзначай, просовываетъ ногу, куда не слѣдуетъ. Руки у Берци Праведника въ непрерывномъ движеніи: онъ ими часто трогаетъ кофточки сосѣдокъ, испытывая якобы добротность матеріи...

При каждомъ такомъ маневрѣ Берця получаетъ отъ своихъ сосѣдокъ тумаки и шлепки, при чемъ остальныя женщины кричатъ ему хоромъ:

— Тты-ы! Праведникъ въ кожухѣ! Суббота рукамъ!

Это значитъ: болтай, что угодно, а рукамъ воли не давай.

— То-есть, что значитъ мужчина?! Гаа! — говоритъ Лея-вдова, одна изъ сосѣдокъ Берци.

Лея, съ притворнымъ изумленіемъ и еле замѣтно играя глазами, смотритъ на парня.

— Вѣдь, недѣли не прошло, а ужъ онъ забылъ!

Вдова намекаетъ на то, что случилось съ кашеваромъ во время послѣдней бури.

Берцю Праведника буря застала на морѣ. Судно, на которомъ онъ плылъ, шло съ Харджалага,—оно держало курсъ на

Багушъ. Сильный шквалъ шторма налетѣлъ на судно, перекатился черезъ бортъ, а вѣтромъ сорвало парусъ и реи и поломало мачту. Моментъ былъ серьезный. Гребцы отчаянно работали и усердно молились. А струсившему Берцѣ уже мерещилась неминуемая гибель,—смерть на днѣ морскомъ. Волнуясь и рыдая, онъ приступилъ къ исповѣди. Онъ каялся вслухъ, признался, что наканунѣ погрѣшилъ противъ седьмой заповѣди. И, моля о спасеніи, заклялся, далъ обѣтъ воздержанія. Опасенія парня оказались преувеличенными, судну удалось добраться до Багуша. А о поступкѣ кашевара раззвонили по городу.

О паденіи Берци узнала и его мать, старуха лѣтъ подъ семьдесятъ. И въ тотъ же вечеръ, когда, измученный отъ пережитыхъ волненій, Берця, уже раздѣвшись, собрался лечь въ постель, старуха взяла́ ухватъ и стала имъ учить сына. Тотъ въ одномъ бѣльѣ выскочилъ на улицу, а старуха съ ухватомъ въ рукахъ гналась за нимъ, полуголымъ, настигала и била. Берця кричалъ, и на его крики сбѣжались люди, высыпалъ почти весь городокъ.

— Вѣдь, вотъ!—снова заговорила Лея-вдова.—Что вы про него скажете, евреи? Только позавчера отвѣдалъ маминъ ухватъ. Можно сказать, еще синяки не пожелтѣли. И обѣтъ Богу далъ: клялся на нашу сестру и глазъ не поднимать!

Лея обрываетъ себя и укоризненно и лукаво смотритъ на Берцю.

— Такъ онъ же, Праведникъ нашъ, не глазами, а ручкой, ножкой... своей благородной ножкой дѣйствуетъ, — иронически вступается другая сосѣдка Берци, Рейзя Черная. Она громко прыскаетъ, а за ней пренебрежительно и задорно хохочутъ многія изъ ея товарокъ.

Берця сконфуженъ. Онъ неестественно кашляетъ, притворно хихикаетъ и смущенно мигаетъ глазами.

Пріятеля пытается выручить Мееръ.

— Ээ, женщины! Что послѣ „штормы“ не бываетъ! Вспомните, поищите-ка у себя въ памяти!..

Мееръ нарочито обрываетъ себя и загадочно смотритъ на женщинъ. Видно, на что-то намекаетъ.

Такъ какъ за многими изъ перекупщицъ водятся грѣшки, то бабы насторожились и примолкли.

— Ттыы! То-ж-же! Болтунья пучеглазая! — укоряетъ Хася Рыбачка Лею-вдову.—Чего пристала къ еврею!

Коноводъ бабьей артели большой дипломатъ. Она демонстра-

тивно беретъ сторону Меера. У Хаськи задняя мысль: своимъ выступленіемъ она надѣется расположить къ себѣ крылечника, вліятельнаго человѣка въ артели. Это можетъ пригодиться, когда начнется торгъ изъ-за рыбы.

Чтобы уничтожить впечатлѣніе отъ скандальнаго эпизода съ кашеваромъ, Хаська начинаетъ разсказывать какую-то забавную исторію. Она разсказываетъ картинно, съ длинными отступленіями, и въ то же время очень осторожно, будто невзначай, пробуетъ выпытать цѣны.

Но рыбаки народъ продувной. Маневръ Хаськи замѣченъ, и ея попытка терпитъ неудачу. Перекупщицамъ становится неловко, и Хаська кое-какъ доводитъ свой разсказъ до конца.

Послѣ этого женщины вдругъ становятся очень сдержанными, а мужчины серьезными. Съ минуту всѣ молчатъ,—и сразу вспыхиваетъ азартный торгъ, и по берегу звонко носятся выкрики, замысловатѣйшая божба и перебранка.

Торгъ длится долго, часа два-три. Нѣсколько разъ рыбаки, сердито отплевываясь и гнѣвно размахивая руками, обрываютъ его, а женщины, обиженно поводя локтями, не простившись и поругивая артельщиковъ, уходятъ къ своимъ шаландамъ. Онѣ долго возятся у своихъ лодокъ: укладываютъ корзины и мѣшки,—онѣ, повидимому, безповоротно рѣшили сейчасъ же уѣхать домой. И снова возвращаются къ куренямъ. Сначала по одиночкѣ, затѣмъ по-двое, по-трое. Подойдутъ къ заводу, усядутся на песокъ, старательно роются въ немъ, будто раньше что-то обронили здѣсь, и вотъ, уже передъ самымъ отъѣздомъ, вспомнили и вернулись отыскать потерю, ищутъ-ищутъ и никакъ не найдутъ. Вызываютъ на подмогу мужчинъ. Тѣ, зная въ чемъ дѣло, все же выходятъ, и опять начинается торгъ.

Къ обѣду, однако, онъ оканчивается, и, нагрузивъ лодки рыбой, довольныя и озабоченныя, перекупщицы уплываютъ въ городъ.

IX.

Недалеко отъ Мануса Гурарія рыбачитъ Мехель Варенікъ, человѣкъ тучный, небольшого роста, скуластый и краснощекій. Пейсы у него совершенно острижены; борода, какъ у кацапа, лопатой.

Мехель Варенікъ, или Мишка Гой, не походитъ на своего сосѣда: онъ нечистъ на руку, при разсчетѣ обсчитываетъ своихъ рабочихъ и не свѣдущъ въ писаніи. Кое-какъ разбирается въ

молитвенникѣ,—онъ круглый невѣжда. Оттого ему и дали кличку: „Гой", такъ какъ еврей, незнакомый съ Торой—Божественнымъ Закономъ, все равно, что невѣрный.

Мишка Гой большой любитель женскаго пола.

Въ городѣ къ Варенику относятся неважно, но такъ какъ, кромѣ Торы, багушскіе евреи почитаютъ и деньги, а Мехель Вареникъ богатъ, какъ Корей, то на многое изъ его вольностей горожане смотрятъ сквозь пальцы.

Старики, народъ умудренный опытомъ жизни, находятъ оправданіе и сластолюбію Мишки: его жена, Шпринце, баба съ придурью и вдобавокъ зашибаетъ,—порокъ у еврейки небывалый.

Кромѣ завода, у Вареника шинокъ. Торговля въ шинкѣ идетъ бойко: за стойкой шинка—шестнадцатилѣтняя Зося, первая красавица Харджалагскаго побережья, родная дочь Мишки Гоя.

У рыболововъ Харджалага то, что Мехель завелъ кабакъ, не вызываетъ нареканій: и кабакъ „парносе"—торговое дѣло. Но дѣвушка, еврейская дочь, за кабацкой стойкой,—это въ общинѣ порождаетъ недоброжелательные толки.

Старыя еврейки, когда имъ случается судачить на эту тему, сентенціозно замѣчаютъ: „Шинокъ, что вертепъ, а хмѣльной паръ, что угаръ: не только гостей,—онъ и хозяевъ отравляетъ".

Какъ извѣстно, случается иногда, что дѣти совершенно не бываютъ похожи на своихъ родителей, не только наружностью, но и характеромъ. Такъ обстояло дѣло и въ семьѣ Мишки Гоя. Его дочь, Зося, уродилась какой-то особенной.

Въ сараеобразномъ помѣщеніи шинка, грязномъ и загаженномъ, росла и расцвѣла ея великая красота. Въ промозгломъ воздухѣ перегорѣлой сивухи и дурныхъ испареній, сквозь ѣдкій дымъ махорочныхъ цыгарокъ пьяныхъ гостей, въ этомъ нездоровомъ туманѣ хмѣльной одури, какъ двѣ голубыя звѣздочки, тихо лучились дивные глаза Зоси.

Ея свѣтлая чистота, доброта, благожелательная обходительность и обезоруживающая кротость приводили въ умиленіе пьяныхъ забулдыгъ, завсегдатаевъ питейнаго заведенія Вареника. Даже самый отъявленный пропойца почти никогда не позволялъ себѣ оскорбить или задѣть подростка-буфетчицу. Такъ что Зося, въ общемъ, чувствовала здѣсь себя сносно. Она свыклась съ безшабашнымъ весельемъ, нестройными пѣснями и лихимъ плясомъ кабака.

Порой, правда, на дѣвушку находило странное настроеніе.

Ей вдругъ становилась противной вся эта угарная обстановка, и хотѣлось вонъ отсюда, и тянуло въ степь, къ благодатному покою полей.

Въ головѣ тогда возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ ей не было по силамъ разрѣшить. Появлялась потребность въ близкомъ, съ кѣмъ можно было бы поговорить, подѣлиться вотъ всѣмъ этимъ, что волнуетъ душу. Впрочемъ, въ послѣднее время у Зоси нашелся такой человѣкъ, машинистъ Вася, парень лѣтъ двадцати съ небольшимъ, голубоглазый, какъ нѣмецъ-колонистъ, съ мягкими льняными волосами и типичнымъ великорусскимъ носомъ-картошкой.

Въ шинокъ онъ приходилъ только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, рѣдко съ компаніей, большей же частью одинъ.

Пришедши и учтиво поздоровавшись, Вася машинистъ всегда усаживался по близости къ стойкѣ. Выждавъ нѣкоторое время, онъ спрашивалъ бутылку аккерманскаго и, испросивъ у буфетчицы позволенія выпить за ея здоровье, только тогда наливалъ вино въ бокалъ. Затѣмъ онъ начиналъ разсказывать какую-нибудь исторію, всегда интересную и забавную.

Въ бѣлой матроскѣ съ пелериной, такой опрятный и деликатный, онъ всегда являлся съ подарками: съ пузыречкомъ миндальнаго масла, кускомъ душистаго мыла, букетикомъ.

Эта вѣжливая внимательность трогала дѣвушку и между нею и машинистомъ установились пріятельскія отношенія.

Мехель Вареникъ и Манусъ Гурарій—конкуренты и враги. Между обѣими фамиліями: Гураріями и Варениками вражда ведется изстари, отъ дѣдовъ.

Въ данное время главный предметъ раздора—атаманъ Егоръ Лебедыкъ. Тотъ часто гуляетъ въ шинкѣ Мехеля, и Мишка Гой все пытается переманить атамана къ себѣ на неводъ. Раза два ему это удалось, но ненадолго. Поработавъ у Вареника нѣсколько дней, Лебедыкъ снова возвращался на старое мѣсто. И отъ этого у сосѣдей отношенія еще болѣе обострялись.

Вражда хозяевъ отражается и на ихъ рабочихъ: между артелями обоихъ заводовъ тоже существуетъ крѣпкая непріязнь.

Борьба у нихъ идетъ непрерывная, съ рѣдкими моментами замиренія, — другъ у дружки отбивали покупателей и портили снасть.

Если при уловѣ одной сторонѣ повезло, а у другой неудача, то между враждующими возникаетъ форменная стычка, перехо-

дящая,—впрочемъ весьма рѣдко,—въ потасовку. Обыкновенно, стычка бывала только послѣ такой необычайно богатой охоты, какъ послѣдняя.

Должно быть, обиліе добычи разжигало возбужденныя страсти.

Въ столкновеніяхъ этихъ, изъ-за ихъ частаго повторенія въ теченіи ряда лѣтъ, выработались и свои законы, — тактика. И ей враждующія стороны добросовѣстно слѣдовали. Правда, и тутъ, какъ и на всякой войнѣ, законы эти порой нарушались, но это были только исключенія.

Такъ, по этому неписанному военному кодексу, нападеніе происходило не въ самый день улова, а на слѣдующій. Очевидно, нападающіе, какъ люди трудящіеся, сознавали, что, пренебрегая этимъ условіемъ, они помѣшаютъ уборкѣ рыбы и такимъ образомъ причинятъ противной сторонѣ, тоже рабочимъ людямъ, ужъ слишкомъ большой ущербъ.

Нападаетъ, конечно, та артель, у кого уловъ былъ плохой.

Полдень. Ужъ съ часъ, какъ уплыли перекупщицы, и на заводѣ Мануса Гурарія теперь тревожная бѣготня,—тутъ ждутъ обычнаго нападенія со стороны рабочихъ Мехеля Вареника и хлопотливо готовятся къ враждебной встрѣчѣ.

У шаландъ, у вѣшалъ, на которыхъ теперь сушится неводъ, стоятъ рыбаки, кто съ короткимъ дрючкомъ, кто съ багромъ или весломъ. Артельщики на чеку; они бдительно стерегутъ снасть и зорко всматриваются въ даль. Имъ ужъ мерещится обычная картина нападенія: вотъ изъ куреней завода Вареника высыпетъ возбужденная ватага рабочихъ и стремительно ринется къ нимъ. На полдорогѣ они остановятся, но не надолго. Какъ всегда, они начнутъ съ вызывающихъ возгласовъ, приправленныхъ злобными издѣвками и залихватской, крѣпкой бранью. Затѣмъ они снова двинутся впередъ. И, наступая и надвигаясь ближе и ближе съ угрожающими жестами и оскорбительными тѣлодвиженіями, символизирующими вожделѣнія разнузданной похоти, швыряя галькой, съ улюлюканьемъ, гиканьемъ и протяжнымъ посвистомъ, вразсыпную кинутся они къ шаландамъ, къ вѣшаламъ невода, съ преувеличенной яростью пытаясь разбить лодки, порвать сѣти и вступить въ рукопашную...

На заводѣ Мануса Гурарія всѣ мѣры предосторожности приняты,—но у непріятеля въ станѣ тихо и мирно. Тамъ что-то странное происходитъ: вяло работаютъ, почему-то пропустили

утренній уловъ. Чувствуется, что тамъ растерянность и, повидимому, чѣмъ-то озабочены и нѣтъ руководителя.

Что бы это могло означать?

Это непонятное на заводѣ Мехеля Вареника длится весь день. А къ вечеру оно объяснилось: оказалось, что въ домѣ у Мехеля несчастье, — вотъ ужъ два дня, какъ невѣдомо куда дѣлась Зося.

Стало извѣстнымъ, что Мишка Гой больше сутокъ скрывалъ исчезновеніе дочери: у него брезжила надежда, что она отыщется, и онъ боялся огласки: его опасенія могутъ оказаться ложными, а пока что, недоброжелатели пустятъ сплетни, и для враговъ фамиліи Варениковъ будетъ утѣха.

Но время шло, а Зоси не было. И по городу пошли слухи. Разсказывали, что всю послѣднюю недѣлю—изо дня въ день—у Вареника въ шинкѣ непрестанно гулялъ Васька Рублевъ, машинистъ буксира „Чайка“.

При Васькѣ неотлучно была слободская знахарка Чебечиха. И оба они вертѣлись вокругъ Зоси, а Чебечиха все примѣривала на ноги дѣвушки какія-то рѣдкостныя подвязки. И, когда Рублевъ со знахаркой ушли, не стало и Зоси.

Кто-то еще передавалъ, что машиниста позже видѣли на поповомъ дворѣ. Онъ будто бы тамъ о чемъ-то очень таинственно перешептывался съ церковнымъ сторожемъ, кривоглазымъ Фокой. А послѣ этого таинственнаго разговора Фока зашелъ къ Вареннику въ кабакъ, выпилъ у него цѣлую бутылку и не хотѣлъ уплатить: онъ ломался, важничалъ и куражился; болталъ, что вотъ—скоро-скоро—и они, то-есть Вареникъ и Фока породнятся... Васька будто приглашаетъ его въ крестные отцы,—къ Зосѣ...

На третій день отсутствія дочери Мехель потерялъ голову. Онъ забѣгалъ по людямъ.

Евреи отозвались. И первымъ откликнулся Манусъ Гурарій. Старикъ поднялъ на ноги всю свою фамилію: сыновей, зятьевъ и племянниковъ.

X.

Кромѣ евреевъ, коренныхъ жителей Багуша, вокругъ Харджалагской косы живетъ много украинцевъ. Въ самомъ городкѣ ихъ, впрочемъ, очень мало,—они, главнымъ образомъ, населяютъ слободки Багуша.

Обѣ народности кормятся „отъ воды“, съ той лишь разни-

цей, что горожане промышляютъ неводами, а слободскіе жители работаютъ на крючкахъ да волокушами.

Одинаковые интересы, одни и тѣ же страхи, надежды и упованія сблизили іудеевъ съ христіанами, а оттого сожительство у нихъ мирное.

Живутъ, какъ добрые сосѣди: другъ къ другу въ гости ходятъ, гуляютъ другъ у друга на свадьбахъ, на пирушкахъ. Мужчины вмѣстѣ пьютъ, а женщины сообща оплакиваютъ утонувшихъ и рекрутовъ. Слободскія дѣвушки заимствовали у своихъ еврейскихъ подругъ городскія моды, а вечерами у заваленокъ и еврейскихъ домовъ, и слободскихъ хатъ дивчата распѣваютъ:

„Вiють вiтри, вiють буйні".

Благополучіе вѣкового сожительства до сихъ поръ ничѣмъ не нарушалось, и вотъ пришло первое испытаніе,—уводъ дочери Михеля. Оно спутало стройность отношеній. Внезапно родилась и быстро выросла неувѣренность, сомнѣнія и подозрѣнія. И явилась отчужденность.

Исчезновеніе Зоси взбаламутило населеніе города, оно всю его жизнь перевернуло вверхъ дномъ. Опустѣли лавки, опустѣли дома,—всѣ высыпали на улицу.

Тревога перекинулась и на косу; на заводахъ почти пріостановились работы, и съ тоней то и дѣло уплывали рыбаки: ялики, шлюпки и дубки непрестанно шныряли по заливу. Какъ только приставали къ берегу, тотчасъ же, даже не заходя къ себѣ, направлялись къ рынку. А на базарной площади, точно въ годичную ярмарку, было многолюдно и шумно,—площадь кишѣла народомъ: старики, старухи, молодежь и подростки,—всѣ тутъ тревожно суетились.

Собранье шло непрерывно. Оно велось безъ свойственныхъ багушскимъ горожанамъ шуточекъ и зубоскальства, какъ будто вдругъ и навсегда забыли личные счеты и прошлыя обиды. Не было ни сваръ, ни ссоръ: спасеніе еврейской души объединило всѣ враждебныя семьи, партіи и кружки. Была строгая дѣловитость и скорбь, но скорбь не подавляла энергіи. На лицо были всѣ выдающіеся люди Багуша: Манусъ Гурарій, Шміэль Граникъ—„Наполеонъ", канторъ Шлойме—Дувидъ Фейгельсонъ, маклеръ Пейся Тартаковеръ и Менахемъ Волковысскій, арендаторъ коробочнаго сбора.

Мехель Варенікъ, за двѣ ночи совершенно посѣдѣвшій, былъ тутъ же. Онъ, вмѣстѣ со своей женой, стояли въ центрѣ

собранія и, растерянно мотая головами, полушопотомъ умоляли:

— Евреи! Ратуйте!

Совѣщались и дѣйствовали.

Какъ всегда водилось въ экстренныхъ случаяхъ, собраніе постановило обратиться къ помощи полиціи. Туда были отправлены опытные люди, во главѣ съ арендаторомъ коробочнаго сбора Менахемомъ Волковысскимъ. Приставу, единственному начальнику багушской полиціи, посланные заявили, что Зося, убѣгая изъ отцовскаго дома, похитила столовое серебро и много цѣнныхъ вещей. Какъ полагалось, депутаты дали приставу денегъ, въ закрытомъ конвертѣ безъ адреса, и просили задержать виновныхъ.

Приставъ, Ефимъ Яковлевичъ Глыба, толстенькій, пухленькій и краснощекій обѣщалъ свое содѣйствіе: если Васька Рублевъ сойдетъ на берегъ, онъ его задержитъ.

По настоянію Шміэля Граника была послана депутація и къ благочинному. Протоіерей, отецъ Руфимъ, старый-старый священникъ, видавшій смерть на бастіонахъ Малахова кургана, когда къ нему пришли евреи, сухо объявилъ имъ: къ лону церкви онъ пріобщаетъ только искренно увѣровавшихъ въ Іисуса, и поэтому—дѣвчонку, увлекающуюся плотской страстью, онъ къ крещенію не допуститъ!

Обезпечили себя такимъ образомъ со стороны полиціи и церкви. Безпокоило еще, какъ къ бѣгству Зоси отнесутся жители окраинъ.

— Чего отъ нихъ можно ожидать? Необходимо было разузнать, какую позицію займутъ они въ случаѣ, если представится возможнымъ прибѣгнуть къ силѣ.

Самимъ спросить ихъ объ этомъ не рѣшались, потому что не были увѣрены, будутъ ли слобожане искренни, скажутъ ли правду?

Послѣ обстоятельнаго обсужденія пришли къ выводу, что узнать настроеніе сосѣдей-христіанъ лучше всего поручить Егору Лебедыку. Отъ него, какъ отъ своего по крови и вѣрѣ, слобожане не станутъ скрывать своихъ намѣреній. А атаману Мануса Гурарія евреи безгранично вѣрили, потому что считали его человѣкомъ прямодушнымъ, правдивымъ и добрымъ.

Послали за нимъ шаланду, и къ солнечному заходу Егора Лебедыка доставили въ Багушъ.

Атаманъ, когда его привели на базарную площадь, былъ ошеломленъ.

Съ дѣтства, въ продолженіи десятилѣтій, болѣе четверти вѣка, онъ съ евреями находился въ тѣсномъ общеніи, сошелся съ ними, сдружился, ему хорошо знакома была жизнь этого своеобразнаго племени. Онъ зналъ его языкъ, недурно на немъ объяснялся,—и все же никакъ не могъ понять, почему событіе въ семьѣ кабатчика, это, на его взглядъ, не стоющее особаго вниманія дѣло, въ городѣ вызвало переполохъ и смятеніе.

Высокій, мускулистый и черноглазый, съ отпущенными книзу, длинными усами, въ матросскихъ шароварахъ, порядкомъ изношенныхъ, въ лоцманскомъ картузѣ съ потрескавшимся козырькомъ, непрестанно чмокая закуренный до-нельзя мундштукъ каменной люльки,—стоялъ онъ среди взбудораженной тревожнымъ волненіемъ толпы, курилъ, смотрѣлъ и недоумѣвалъ.

Егоръ Лебедыкъ не могъ взять въ толкъ, зачѣмъ онъ понадобился здѣсь? Ему подробно разсказали объ исторіи съ Зосей и изложили, что отъ него хотятъ.

Онъ смущенно слушалъ, внимательно глядѣлъ на жалкую, согбенную горемъ фигуру Михеля, на его плачущую жену, на печальныя лица евреевъ, участниковъ совѣщанія, и пожималъ плечами.

— Дивчина ушла къ парубку,—такъ вѣдь?—спросилъ Лебедыкъ. Онъ немного подождалъ и одобрительно добавилъ:

— Что-жъ, извѣстно, дѣло молодое.

— Васька Рублевъ—жуликъ?—вновь спросилъ онъ и тотчасъ же согласился:—правда. Это правда! Онъ, чтобъ онъ сказился, онъ—ракло первый сортъ! А она—краля писаная!

— Какъ же можно?! Какая она ему пара?—ужъ удивлялся атаманъ. Немного подумавъ, онъ вслухъ сдѣлалъ такой выводъ:

— Съ такимъ шибенникомъ ей, бѣдняжкѣ, не сладко будетъ.

— Ой,-ой, какъ солоно придется! Это ужъ вѣрно!—Впрочемъ Лебедыкъ скоро спохватился и вернулся къ своимъ прежнимъ доводамъ:

— Но вотъ же: ушла по доброй волѣ. Значится, такая ужъ ея доля, судьба! А противъ судьбы какъ оборонишься?

Атаману стали доказывать, что Зося совершенно неопытная.

— Положимъ, и это вѣрно,—согласился Лебедыкъ:—она еще дѣвочка, вовсе дитя малое, совсѣмъ ребенокъ.

— Что она понимаетъ—поспѣшно вставилъ Шміэль Граникъ, и вовсе не ушла она, а онъ, Васька, ее увелъ,—многозначительно закончилъ онъ.

— Увв-вве-олъ?!—Лебедыкъ гнѣвно встрепенулся.

— Да, увелъ. Чебечиха, знахарка, вѣдьма проклятая! Это она все накрутила! Она Зосю колдовствомъ заманила!

— Гго! Это дѣло другое! Теперь онъ, Егоръ, начинаетъ разбираться. Когда такъ,—на него разсчитывать можно.

— Онъ ему, цапу этому подлому, онъ ему покажетъ! Онъ его найдетъ, подъ землей розыщетъ!

Черезъ часъ атаманъ отправился на слободку.

XI.

Изъ слободки Лебедыкъ вернулся лишь на слѣдующій день. Онъ принесъ хорошія вѣсти: слобожане настроены мирно,—они находятъ, что имъ вмѣшиваться въ это дѣло нѣтъ резона, тѣмъ болѣе, что Рублевъ, какъ кацапъ и человѣкъ пришлый, для нихъ совершенно чужой.

Атаману удалось напасть и на слѣдъ Зоси.

Слободскіе парни, которые прошлой ночью у верховьевъ лимана ставили крючки на камбалу, разсказывали, что недалеко отъ гирлъ они видѣли одинокую баржу. Она стояла въ плавняхъ и была безъ огней. Возвращаясь обратно, парни замѣтили, какъ въ камыши пробирался баркасъ съ буксира „Чайка“. И по этимъ признакамъ они и полагаютъ, что тамъ скрываютъ Зосю.

Сообщеніе атамана у горожанъ вызвало подъемъ энергіи.

Рѣшили отправиться въ плавни на развѣдки и, если дѣвушка окажется тамъ, во что бы то ни стало повидаться съ ней, попытаться уговорить ее вернуться домой, а если слова на нее не подѣйствуютъ, то высадить ее на берегъ силой.

Планъ этотъ держали въ секретѣ, онъ лишь немногимъ былъ извѣстенъ и, чтобы о немъ преждевременно не узнали, прибѣгли къ хитрости.

Опасаясь, что у Васьки Рублева въ Багушѣ есть пріятели, они, чтобы направить ихъ вниманіе на ложный слѣдъ, пустили слухъ, что Вареникъ съ женой поскакали въ Николаевъ, такъ какъ ихъ извѣстили, что Зосю для крещенія отправили туда.

Тѣмъ временемъ готовились. Изъ предосторожности рѣшили, что развѣдчики отправятся не изъ города, а съ косы.

Снарядили съ десятокъ шаландъ и шлюпокъ, дождались ночи и поплыли.

Заливомъ лодки шли по-одиночкѣ и, только войдя въ лиманъ и далеко оставивъ позади себя буксиръ „Чайку“, соединились.

Теперь налегли на весла и пошли полнымъ ходомъ. На передней шлюпкѣ были крылечникъ Мееръ, подъатаманъ Гинесинъ и Шлойме-Дувидъ, канторъ синагоги.

Флотилія рыбаковъ быстро плыла. Вотъ изъ-за поворота вынырнулъ и потянулся нагорный берегъ материка. Изъ лодокъ видно было, какъ въ прибрежныхъ балкахъ мирно дремали хаты хуторовъ, бѣлыя и въ садахъ, а за хатами темнѣла степь. По степи сумно высились „могилы“, невысокіе, чашеобразные холмы, густо заросшіе травой.

Вотъ рѣзко зарисовался „Курганъ Окаменѣлаго Пастуха“. Онъ стоялъ особнякомъ, одинокій, съ обнаженными склонами и лысой вершиной. Каменная группа, разительно напоминающая пастуха съ гирлигой и со стадомъ, улегшимся у его ногъ, четко обозначилась на голомъ темени кургана.

Пловцы смотрѣли на группу, вспомнили древнее о ней сказаніе и жутко перешептывались.

Флотилія рыбаковъ минула лиманъ и вошла въ узкій рукавъ гирла. Тутъ, въ лабиринтѣ проточковъ и мелкихъ островковъ, замедлили ходъ. Чтобы шумомъ веселъ преждевременно не возбудить враждебнаго вниманія, стали грести медленно-медленно: весла еле касались поверхности воды.

Русло рѣки тутъ прихотливо извивалось. Было немного вѣтрено. Въ небѣ стояла полная луна, и по водѣ еле бугрились небольшія опаловыя волны съ серебряннымъ отсвѣтомъ на изгибѣ.

Камыши плавень, поматывая зелеными вихрями косматыхъ макушекъ и влажно шурша сырыми стволами, однообразно колыхались.

Баржу отыскали нескоро. Она была спрятана въ густыхъ зарослях плавень.

Повидимому, тѣ, которые находились на баржѣ, считали себя въ полной безопасности, потому что на кормѣ горѣлъ костеръ. Онъ и выдалъ бѣглецовъ. Костеръ былъ маленькій, уютненькій такой, и его малиновое пламя спокойно плескалось въ синемъ сіяніи мѣсяца.

Внезапно на огонь пустили сильную струю воды, должно быть изъ водоотливной помпы,—съ баржи, вѣрно, замѣтили приближающихся, и пламя вдругъ съежилось, стало тухнуть, и пошелъ густой дымъ.

Возлѣ него заметались какія-то тѣни, мелькнули и скрылись. Тогда изъ передней шлюпки подали сигналъ, и лодки рыбаковъ приблизились и окружили баржу.

Нѣсколько минутъ на лодкахъ молчали, а потомъ изъ той шлюпки, на которой была старуха Мехеля, позвали:

— Зос-сечка! Дытыно мое!.. Сіяніе очей моихъ... Покажься!.. Только покажись!..

Внутри баржи послышалась таинственная возня. Кто-то о чемъ-то шепотомъ просилъ, умолялъ, а его уговаривали, тоже шепотомъ. И стихло.

— Доня моя! Жизнь моя... Сердце, утѣха моя! Пожалѣй свою неньку, маму старую!

— Смилуйся надъ нами!

— Зося! Зося-Зося-Зося! Вернись къ намъ! Бога вспомни!— раздалось со всѣхъ лодокъ. Крики эти повторились нѣсколько разъ.

Послѣ того, какъ они стихли, на передней шлюпкѣ поднялся канторъ Шлойме-Дувидъ и запѣлъ:

Богъ преисполненный милосердія!

Онъ затянулъ похоронную молитву, за упокой души, мелодію трогательную, скорбную и безысходно грустную.

Когда канторъ пѣлъ, внутри баржи вновь поднялась тревожная возня, и вдругъ пріоткрылась дверь каюты, и показалась Зося.

Она сдѣлала два-три шага по палубѣ и подошла къ низенькому борту. Тутъ она остановилась, перегнулась черезъ бортъ и быстро осмотрѣла флотилію рыбаковъ. Она тревожно поискала глазами; видно, искала мать.

Необыкновенно стройная, съ обнаженной шеей, гибкой и нѣжной, въ зеленомъ платьицѣ, короткомъ, какъ у подростка, съ кисейнымъ шарфикомъ на бѣлокурой головкѣ, вся хрупкая и тонкая, залитая луннымъ свѣтомъ,—дѣвушка напоминала полевой ландышъ.

Она заломила надъ головой руки, раскрыла ротъ, хотѣла что-то сказать, но сзади ее кто-то схватилъ за талію и увелъ внизъ въ каюту.

И тотчасъ же оттуда раздалось: „Сейчасъ же отчаливайте, прочь, мучители! Не то, стрѣлять будемъ!“

Кричало нѣсколько голосовъ, и поэтому евреи заключили, что Зосю охраняетъ не одинъ Васька, но и другіе, видно, товарищи Рублева, матросы съ буксира.

Рыбаки стали совѣщаться. Были голоса, чтобы отнять Зосю

силой, но наиболѣе благоразумные, опасаясь кровопролитія, настояли, чтобы о нахожденіи бѣглянки дать знать приставу, а самимъ, попрятавшись въ камышахъ, зорко наблюдать за баржей.

Такъ и сдѣлали.

Прошло съ часъ, и оттуда, гдѣ стояла баржа, показался коричневый баркасикъ буксира „Чайка“, а на немъ сидѣли двое: мужчина и женщина. Мужчина сидѣлъ на веслахъ. Онъ сильно гребъ,—баркасикъ держалъ курсъ по направленію къ слободкѣ. Вѣрно, Рублевъ намѣревался пока что скрыть дѣвушку у слобожанъ.

Впослѣдствіи разсказывали, что арестовавъ Ваську и Зосю на берегу, приставъ немедленно ихъ разъединилъ. И, когда въ камеру къ арестованной впустили мать, то она, тотчасъ же, даже не обнявъ дочь, ухватила ее за ноги и однимъ движеніемъ сорвала у нея съ чулковъ подвязки, тѣ самыя, которыя дѣвушкѣ подарила знахарка Чебечиха.

И, какъ только подвязки были сорваны, Зося упала матери на шею, заплакала и сказала: „Хочу домой!“

XII.

Послѣ очень удачнаго улова у рыбаковъ Багуша обыкновеніе устраивать кутежъ.

Изъ-за несчастья съ Зосей рыбакамъ было не до гулянокъ. И вотъ теперь, когда съ дочерью Мехеля Вареника окончилось благополучно, примиренные конкуренты: Гурарій и Мишка Гой рѣшили совмѣстно отпраздновать и богатый уловъ и спасеніе Зоси.

Пиръ устроили въ домѣ Гурарія. На этотъ разъ на пиръ, кромѣ рабочихъ и сосѣдей заводчиковъ, созвали весь городъ.

Распорядителемъ, какъ всегда, былъ Янкель Сиркесъ, мужъ младшей дочери Мануса Гурарія,—Геси.

Сиркесъ, племянникъ цадика изъ Садогеры, взятъ въ домъ исключительно за родовитость.

Рыженькій, невзрачный, съ безцвѣтными глазами и курчавыми пейсиками, онъ на всѣхъ, даже на свою жену, умницу и весьма дѣловитую женщину, смотритъ свысока.

Тунеядецъ и бездѣльникъ, типичный еврейскій „зять“, Сиркесъ большой знатокъ въ ѣдѣ. Про него въ Багушѣ говорятъ, что изъ всѣхъ завѣтовъ и заповѣдей, онъ болѣе всего чтитъ „святую заповѣдь жратвы“.

Всѣ часы дня, кромѣ завтрака и обѣда, Янкель Сиркесъ проводитъ въ молитвенномъ домѣ, якобы за изученіемъ священнаго писанія. Когда Сиркесъ дома, онъ непрестанно предъявляетъ требованія: утромъ, какъ только подымается съ постели, моментально ему подай молоко, кипяченное и непремѣнно съ пѣнкой. На завтракъ — обязательно селедка въ уксусѣ съ маслинами, тертая рѣдька съ гусинымъ жиромъ и рубленая печенка съ яйцами.

Чуть не такъ, если чего не хватаетъ, Сиркесъ поднимаетъ исторію, съ жалобами, укорами и попреками, и всѣ они сводятся къ тому, что вотъ онъ, родовитый, осчастливилъ эту семью рыбаковъ, семью невѣждъ, породнился съ ними, а они его не цѣнятъ.

Люльки Сиркесъ не любитъ,—трубкой, по его мнѣнію, пользуются мужики и рыбалки, а онъ употребляетъ папиросы. Табакъ онъ куритъ не крѣпкій и не легкій, а выше-средній. Покупаетъ осьмушками.

Янкель Сиркесъ распоряжается съ необычайной важностью. Домъ онъ освѣтилъ богато, какъ вечеромъ наканунѣ субботы. Столы накрыты и вино въ изобиліи. Вино въ большихъ деревянныхъ ведрахъ, прикрытыхъ полотенцами. Пьютъ за тремя столами. За первымъ—родня хозяевъ, а рядомъ съ родней: канторъ синагоги Шлойме-Дувидъ, Мойше-Іосель Солдатъ, отставной николаевскій служака, коренастый и сизоносый, большой любитель русскихъ поговорокъ, пословицъ и крѣпкихъ словъ. Противъ него усадили мельника Абрама, веселаго человѣка со вздернутыми бровями, рѣдкими рѣсницами и спутанной бородкой, вѣчно въ смушковой шапкѣ, всегда растеряннаго и хорошо настроеннаго и всегда улыбающагося разсѣянной и блаженной улыбкой. И Шміэль Граникъ „Наполеонъ“ тутъ и Лузеръ Гиндинъ, и Хаська Рыбачка, и весь синдикатъ перекупщицъ.

Артель сидитъ особо. Почетное мѣсто за артельнымъ столомъ занимаетъ Лебедыкъ.

Атаманъ одѣтъ парадно. На немъ, поверхъ плисовыхъ шароваръ, его знаменитая „сторублевая“ рубаха. Она у него уже болѣе двухъ лѣтъ, но почти новая. Это странное обстоятельство объясняется тѣмъ, что Лебедыкъ почти ее не носитъ: она у него вѣчно въ закладѣ у кого-нибудь изъ кабатчиковъ. Въ воскресенье или въ праздники, получивъ деньги, атаманъ выкупаетъ рубаху, нарядится въ нее и пойдетъ въ церковь, а послѣ обѣдни—прямо въ шинокъ. И часа черезъ два, пропивши всѣ свои деньги, съ пьянымъ ухарствомъ, лихо притоптывая ногами, кидаетъ рубаху

на стойку кабатчику,—снова въ закладъ. Получаетъ ссуду рубля въ два,—разумѣется, водкой,—и черезъ недѣлю уплачиваетъ въ полтора раза больше, чѣмъ получилъ. И такъ изъ недѣли въ недѣлю въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Евреи ѣдятъ, пьютъ и поютъ. Поютъ группами и поодиночкѣ, разноголосо и нескладно.

Канторъ Шлойме-Дувидъ-Фейгельсонъ, благочестиво закативъ глаза и скорбно сморщивъ лобъ, пробуетъ свой голосъ.

— Шлойме-Дувидъ! А-ну! Скажи что-нибудь... Этакое... какой-нибудь кусочекъ... Чтобъ... чтобъ...

Николаевскій солдатъ, Мойше-Іосель, отпускаетъ крѣпкое словцо, но спохватывается, конфузится и смущенно притаптываетъ ногами.

Канторъ дѣлаетъ жестъ: онъ приглашаетъ народъ не мѣшать, быть внимательными, и когда потребуется, поддержать его. Затѣмъ онъ оттопыриваетъ и поджимаетъ губы, горестно поднимаетъ глаза горѣ и затягиваетъ по-малороссійски:

Абрамуню! Ааб-брам-муню-у-у!
Батьку наш! Ббатьку нна-а-аш!
Яковуню! Яаак-ко-ов-вуню-ю!
Батьку наш! Ббатьку нна-аш!
Чого ж-то ви не проспте? Чого ж-то ви не проспте
Пана Бога за нас?

При послѣдней строфѣ кантору захотѣлось пустить трель, и онъ, вращая растопыренной ладонью правой руки, большимъ пальцемъ нажимаетъ у горла.

Канторъ solo дважды повторилъ куплетъ и сразу оборвалъ, сурово осмотрѣлъ народъ и рѣзко, по-дирижерски, мотнулъ головой и руками. Рыбаки, растроганные виномъ и словами пѣсни, подхватили:

Чого ж-то ви не просите? Чого ж-то ви не молите
Пана Бога за нна-асс?

Хоръ, рыдая, умолкъ и снова solo пѣлъ канторъ:

Щоб нашу землю викупили!
Нашу хатку вистроили!
И нас-бы в землю одвели!

Хоръ, подплясывая, радостно подхватилъ:

В нашу землю насс!
В нашу землю нна-асс!

Рыбаки впали въ экстазъ. Притаптывая въ ладъ сапогами,

со сладкимъ сокрушеніемъ мотая пейсами, кружились. Кое-кого прошибла слеза. Плакалъ подъатаманъ Аврумъ Пинхосъ Полтора-Жида, плакалъ кошеваръ Берця, плакалъ Мееръ. И Егоръ Лебедыкъ всхлипывалъ, за компанію.

Когда канторъ окончилъ, всѣ потянулись къ нему: Шлойме-Дувида обнимали и цѣловали, чокались съ нимъ.

Рыбаки разошлись. Они извлекли изъ печи все, что настряпала Голда, старуха Мануса Гурарія: голубей, начиненныхъ рисомъ, фаршированную индюшку и утокъ, голубцовъ, приготовленныхъ по-турецки и миндальный тортъ. Сами все извлекли изъ печи, потому что у рыбаковъ, когда они пьютъ, считается особымъ молодечествомъ не дожидаться, пока хозяйка подастъ, а самимъ достать эти деликатесы и прямо со сковородами и противнями на столъ.

XIII.

Пиръ разростался. Ужъ поздно, чуть ли не за-полночь, гулякамъ вдругъ захотѣлось галушекъ. Такъ какъ старуха Мануса Гурарія, утомленная всѣми приготовленіями, уже спала, то сами мужчины взялись за дѣло.

Янкель Сиркесъ, распорядитель, отрядилъ кошевара Берцю въ кладовую, и тотъ добылъ оттуда муки и гусинаго жиру. Затѣмъ онъ растопилъ печь, и Сиркесъ отмѣрилъ ему полную мѣру муки. Кошеваръ всыпалъ муку въ горшокъ, подошелъ къ кадкѣ за водой, а въ кадкѣ—ни капли.

— Народъ! Что будемъ дѣлать? воды нѣтъ!

Артельный кошеваръ выжидательно уставился на товарищей. Тѣ сначала были озадачены, но скоро пришли въ себя, подумали и рѣшили пойти по воду. Взяли съ собою ведро и отправились всею артелью. Когда пришли къ источнику, спохватились: забыли веревку. Возвращаться за веревкой ни у кого не было охоты: до дому было далеко. И вотъ, столпившись у колодца, стоятъ, чешутъ затылки и зѣваютъ.

— Слушайте, евреи!

Гинесинъ, раскорячивъ ноги, рѣшительно икнулъ.

— Слушайте меня, братья! — продолжалъ подъатаманъ.— Слушайте, что я вамъ скажу: вѣдь, вотъ я, благодареніе Богу, я, вѣдь, вотъ какой!

Полтора-Жида раза два грузно покачнулся и выпрямился. Онъ дѣловито осмотрѣлъ себя и продолжалъ:

— Спустите меня туда,—онъ подбородкомъ метнулъ по на-

правленію къ крыницѣ,—нацѣплю вотъ на ногу ведро и сдѣлаю дѣло...

И Гинесинъ, точно собираясь тянуль неводъ, проворно скинулъ сапоги, засучилъ брюки, сѣлъ на каменный вѣнчикъ источника и нацѣпилъ на босую ногу ведро. Затѣмъ онъ сталъ спускаться въ крыницу.

Шесть человѣкъ, самые рослые изъ артели, перегнувшись черезъ вѣнчикъ крыницы, стали на колѣни, взяли Гинесина за руки, по три человѣка за каждую руку и спустили его въ колодецъ.

Подъатаманъ сдѣлалъ ногой удачное движеніе и зачерпнулъ полное ведро.

Тѣмъ, которые держали его, вдругъ смѣшно стало: въ такую пору, въ полночь, человѣкъ въ крыницѣ, точно водяной. Они заливаются, хохочутъ.

Холодная вода даетъ себя чувствовать: Гинесинъ ощущаетъ ревматическую боль у щиколодки, въ икрѣ и въ колѣнѣ. И отъ боли у него слабѣетъ хмель.

Проходитъ минута, двѣ, три. Онъ виситъ надъ водой, а наверху хохотъ продолжается.

— Нну-ну! Гультяи! поднимите меня, шибенники!

Подъатаманъ недовольно замоталъ головой. А наверху помираютъ со смѣха. И въ хмельной мозгъ человѣка, висящаго надъ водой, проникаетъ тревога.

— Нну-ну! Жеребцы, будетъ вамъ!

— Нгхха-гххаа-хха! Хххо-ххо-хххоо-оо!

Пьяный гоготъ густо перекатывается въ холодномъ воздухѣ ночи. Онъ съ влажнымъ стукомъ шлепается о заплѣсневѣлые камни сырого ложа источника, о воду и аукается жуткими, дикими отголосками.

Человѣкъ въ колодцѣ отрезвѣлъ. Его охватываетъ страхъ: тѣ, кто его держатъ, пьяны, и отъ изступленнаго хохота у нихъ могутъ ослабнуть руки, и они его уронятъ, а у него отекли руки, и онъ не сможетъ всплыть, онъ погибнетъ.

— Братья! Дѣти еврейскія! Господь съ вами! Опомнитесь! Имѣйте состраданье! У меня жена... и шестеро, шестеро дѣтокъ...

— Евреи! Дѣти еврейскія!

Голосъ у Гинесина дрожитъ, въ немъ прорывается нотка ужаса.

Наверху на мгновенье хохотъ какъ бы ослабѣваетъ, и вновь

гудятъ тяжелые раскаты пьянаго гоготанья. Стараются и не могутъ овладѣть собою. А снизу, изъ колодца, ужъ рыдающе доносится:

— Братья... евреи! жена... шестеро... шестеро... шестеро... шестеро...

Наконецъ, хохотъ умолкаетъ. Но отъ долгаго смѣха у тѣхъ, которые держатъ Гинесина, ослабѣли мышцы рукъ. Они тянутъ его изо всѣхъ силъ, стараются вытащить товарища и не могутъ. И ихъ охватываетъ боязнь.

— Не бойся, Аврумъ Пинхосъ,—подбадриваютъ они товарища,—мы тебя съ Божьей помощью поднимемъ!

Артельщики сдѣлали передышку, натужились и съ подбадривающимъ уханьемъ и обычными рыбацкими выкриками подняли Гинесина наверхъ. И Гинесинъ не ударилъ лицомъ въ грязь: не смотря на свой страхъ и испугъ, онъ не расплескалъ воду и изъ колодца ведро онъ вынесъ полнехонькимъ.

Галушки вышли не очень удачными: былъ пересолъ и немного отдавало дымомъ. Но рыбаки ѣли и похваливали.

За галушками просватали Зосю, — за кошевара Берцю. Въ приданое за дочерью Варенихъ далъ половину своего завода и двѣ тысячи наличными.

Свахой была Хася Рыбачка, а ея помощникомъ—мельникъ Абрамъ.

Жениха, Берцю, пришлось долго уговаривать. Онъ упирался и обиженно доказывалъ, что ему, парню, здоровому и не калѣкѣ, Зося не пара, потому что она теперь — не дѣвушка и хуже вдовы.

Хася горячо разубѣждала Берцю. Она поклялась жизнью и дѣтьми, что Зося осталась непорочной.

Мельникъ урезонивалъ жениха по-своему:

— Бычекъ!—говорилъ онъ ему,—тебѣ предлагаютъ свѣжее сѣно, а ты брыкаешься!

Абрамъ Мельникъ улыбнулся своей блаженной улыбкой и продолжалъ:

— Хаешь невѣсту, а самъ ты что? Кашеваръ! то-есть: не рыбакъ и хуже стряпки! Ни копѣйки у пупа, а хорохоришься! Соръ ты, пепелъ, хвостъ телячій! Даже волосъ на струны нарвать нельзя, — а войдешь въ домъ Мехеля и сразу станешь человѣкомъ! Зав-водчикъ! Понимаешь ты, дурень? Заводчикомъ будешь!

Берця сдался.

Когда писали обручальный договоръ, сватовство чуть было не разстроилось: Мишка Гой въ сумму приданнаго, будто по ошибкѣ, послѣ цифры „2“ вписалъ не три, а два нуля, такъ что вмѣсто 2.000 вышло 200.

Уловка была замѣчена, и ошибку исправили.

XIV.

Сейчасъ же послѣ Кущей, во вторникъ недѣли Великой Субботы, Берцю съ Зосей повѣнчали. Обрядъ совершалъ канторъ Шлоймэ-Дувидъ Фейгельсонъ. Шлойме-Дувидъ былъ въ ударѣ (Зося была его любимица) и вѣнчальныя молитвы онъ пѣлъ съ рѣдкимъ воодушевленіемъ.

Когда онъ началъ: „Ликуй, женихъ, и радуйся, невѣста!“—то пустилъ какую-то особую трель, отчего всѣмъ стало такъ весело, что вблизи вѣнчальнаго балдахина въ восторгѣ затопало нѣсколько паръ рыбацкихъ ногъ.

Свадьбу отпраздновали богато. Скупой Мехель раскошелился, музыку онъ выписалъ изъ Одессы,—пригласилъ оркестръ извѣстнаго Остринскаго, поставивъ ему непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ съ собою взялъ скрипача Лейбелэ Савранскаго, который такъ мастерски владѣлъ инструментомъ, что, когда онъ игралъ казачекъ, самъ раввинъ не могъ устоять, чтобы не пуститься въ плясъ. Когда же Савранскій игралъ „Молдаванскую“ и при этомъ толстымъ пальцемъ лѣвой руки нажималъ на „тонкую струну“ скрипки,—становилось такъ грустно, что самый веселый изъ всѣхъ евреевъ, Абрамъ Мельникъ, плакалъ навзрыдъ.

На свадьбу пригласили весь городъ. На вечерѣ, какъ всегда бываетъ, когда люди выпьютъ лишняго, не обошлось безъ стычекъ, но зато тогда же состоялось нѣсколько примиреній, такъ что, въ общемъ, все сошло хорошо, а свадебныя празднества длились вплоть до воскресенья.

Берця теперь богатъ: къ нему перешелъ весь заводъ тестя. Съ женой, однако, Берця живетъ неладно. Не смотря на то, что послѣ ихъ свадьбы прошло лѣтъ двадцать, бывшій кашеваръ нѣтъ-нѣтъ и упрекнетъ жену ея былымъ увлеченіемъ. Зося, которая съ годами становится все набожнѣе и набожнѣе, какъ истая еврейка, безропотно переноситъ упреки и попреки мужа.

Н. Осиповичъ.

ХИМЕРЫ

Химеры одинокія надъ городомъ застыли,
Въ просторъ, какъ въ отраженіе, задумчиво глядясь.
Подъ ними угрожающе гудятъ автомобили,
На площади асфальтовой разбрызгивая грязь.

Предъ ними разстилается слѣпая безконечность,
И куполъ неба соннаго, какъ камень тѣлъ ихъ, сѣръ.
Глядитъ съ улыбкой хмурою насмѣшливая вѣчность
Зрачками неподвижными смѣющихся химеръ.

Онѣ глядятъ на улицы, какъ въ темные колодцы,
Гдѣ бѣшено свивается людской водоворотъ,
Гдѣ люди—безразличные и сѣрые уродцы
Въ тупомъ однообразіи смѣняющихся модъ.

Глядятъ на волны сѣрыя соскучившейся Сены,
Змѣей неповоротливой прорѣзавшей Парижъ,
Глядятъ, какъ наряжаются уродливыя стѣны
Въ одежды разноцвѣтныя причудливыхъ афишъ.

Пускай холоднымъ пологомъ закроется столица,
Пускай туманъ сгущается на каменныхъ тѣлахъ,
Все также улыбаются ихъ каменныя лица,
Все также вѣчность хмурая мерцаетъ въ ихъ зрачкахъ.

Когда жъ ночными нимбами причудливо и странно
Ихъ лица озаритъ сгустившаяся мгла,
Въ отвѣтъ на еле слышное журчаніе органа
И гулко, и таинственно поютъ колокола.

И съ горечью глубокою печальныя химеры,
Впиваясь въ камень острыми извивами ногтей,
Глядятъ въ дома, убогіе, какъ древнія пещеры,
Глядятъ на засыпающихъ, измученныхъ людей.

Какъ будто открываются ихъ каменныя вѣки,
Горятъ тревожнымъ пламенемъ огромные зрачки,
„И вы, и вы такія же, такія же калѣки“,
Звучатъ въ ночномъ безмолвіи укоры ихъ тоски.

„Въ исканіяхъ невѣдомыхъ, въ созданьи новой вѣры,
Недаромъ нашимъ образомъ украсили вы храмъ:
Мы—сѣрыя, зловѣщія, мы—грозныя химеры,
Которымъ поклоняются, какъ нѣкогда богамъ“.

Рубакинъ.

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ
М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ [1])

Баденъ-Баденъ Schillerstrasse, 7. Четвергъ, 11 іюня 1867.

Милостивый государь, спѣшу отвѣчать на ваше любезное письмо. Я былъ постояннымъ чтецомъ вашего интереснаго изданія—и съ великимъ удовольствіемъ готовъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать его успѣху. Хотя у меня именно теперь ничего нѣтъ достойнаго „Вѣстника Европы"—однако я намѣренъ въ скорости приняться за довольно значительную работу—и прошу васъ считать меня отнынѣ въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Я позволю себѣ извѣщать васъ о ходѣ своей работы.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 7. 24 (12-го) нояб. 1867 г.

Милостивый государь, спѣшу отвѣчать на полученное сегодня мною ваше письмо. По всему замѣтно, что свѣдѣнія, сообщенныя

[1]) Между И. С. Тургеневымъ и редакторомъ журнала, въ которомъ онъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, помѣщалъ бо́льшую часть своихъ произведеній, происходила обширная переписка, заключающая въ себѣ много данныхъ для характеристики великаго писателя, а отчасти и тогдашнихъ правительственныхъ, общественныхъ и литературныхъ теченій. Она появится in extenso въ предпринятомъ изданіи богатаго литературнаго матеріала, оставшагося послѣ кончины М. М. Стасюлевича, но Любовь Исакіевна Стасюлевичъ любезно разрѣшила намъ теперь же напечатать въ „Вѣстникѣ Европы" нѣкоторыя, по нашему выбору, письма И. С. Тургенева. Изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ исключено все, имѣющее чисто дѣловой характеръ.—*Ред.*

вамъ г. Кожанчиковымъ [1]), почерпнуты имъ изъ невѣрныхъ источковъ. Во-первыхъ, по контракту, заключенному мною съ Салаевымъ, печатаніе новаго изданія начинается только *съ 1-го января 1869 г.*, и „Бригадиръ“ долженъ находиться въ числѣ статей, составляющихъ изданіе—другими словами—онъ мною уже проданъ; во-вторыхъ, что касается до помѣщенія отрывка моихъ „Литературныхъ Воспоминаній“ или даже всѣхъ „Воспоминаній“ въ „Вѣстникѣ Европы“, я, конечно, съ своей стороны, изъявляю полное согласіе—но дѣло тутъ не во мнѣ, а въ Салаевѣ, который, судя по его словамъ и по тому значенію, которое онъ придавалъ помѣщенію въ новомъ изданіи вещи совершенно новой (inédit), едва ли окажетъ ту уступчивость, которую предполагаетъ въ немъ Кожанчиковъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ „Воспоминанія“ онъ не позволитъ напечатать—развѣ двѣ, три главы. Потрудитесь списаться съ нимъ, сообщивъ ему, что съ моей стороны никакихъ затрудненій нѣтъ. Рукопись „Воспоминаній“ я привезу съ собою въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. „Вѣстникъ Европы“ за нынѣшній годъ я получилъ (три книжки) и благодарю искренно.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

P. S. Будьте такъ любезны, сообщите мнѣ ваше „отчество“, которое я, къ стыду моему, позабылъ.

Карлсруэ, Hotel Prinz-Max. Понедѣльникъ, 8 марта (24 февр.) 1869.

Почтеннѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ! Спѣшу отвѣчать на полученное мною сегодня ваше письмо. Одобреніе вами моей статьи о Бѣлинскомъ очень меня радуетъ — тутъ для меня вопросъ болѣе важный, чѣмъ одинъ литературный успѣхъ—и я охотно соглашаюсь на помѣщеніе ея въ апрѣльской книжкѣ. П. В. Анненковъ, по пріѣздѣ своемъ ко мнѣ, согласился держать корректуру.

Изъ трехъ журналовъ, на которые я подписался въ нынѣшнемъ году, только „Вѣстникъ Европы“ доходитъ аккуратно; онъ и въ этомъ отношеніи стоитъ во главѣ остальныхъ „facile primus“.

Надѣюсь свидѣться съ вами въ Петербургѣ въ началѣ мая, а до тѣхъ поръ прошу вѣрить въ искренность моихъ дружескихъ чувствъ къ вамъ.

Преданный вамъ—*Ив. Тургеневъ.*

---

[1]) Кожанчиковъ былъ въ то время однимъ изъ главныхъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ.—*Ред.*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3. 20 (8) апр. 1869.

Искренно радуюсь успѣху моей статьи о Бѣлинскомъ; мнѣ пріятно думать, что она оказалась не совсѣмъ недостойной его памяти—и можетъ возбудить, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ, нѣсколько полезныхъ резмышленій—особенно въ молодомъ поколѣніи.

Въ концѣ мая надѣюсь свидѣться съ вами, а до тѣхъ поръ примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse 3. 2 янв. 1870 (21 дек. 1869).

Почтеннѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я только сегодня получилъ № „Голоса“, въ которомъ находится поистинѣ безобразный переводъ „Странной Исторіи“, моего разсказа, долженствующаго появиться въ 1 № „Вѣстника Европы“ за 1870 годъ. Вѣкъ живи—вѣкъ учись—но признаюсь, *этого* я не ожидалъ. Правда, во время переговоровъ съ издателемъ „Салона“, журнала, въ которомъ, какъ извѣстно, появился нѣмецкій переводъ „Странной Исторіи“, — я замѣтилъ ему, что за отсутствіемъ литературной конвенціи, въ родѣ той, которая заключена между Россіей и Франціей, всякій у насъ въ правѣ переводить любое нѣмецкое сочиненіе; что и мой разсказъ можетъ подвергнуться подобной участи. Но на это издатель возразилъ, что я напрасно приписываю такую неделикатность и недобросовѣстность моимъ соотечественникамъ. Къ сожалѣнію, я повѣрилъ ему, хотя я, по собственному опыту, долженъ былъ знать, до чего могутъ дойти неделикатность и недобросовѣстность *иныхъ* моихъ соотечественниковъ. Всякій легко себѣ представитъ чувство писателя, дѣтище котораго, какъ бы оно незначительно ни было, является въ первый разъ изуродованнымъ передъ публикой; но мнѣ особенно больно то, что часть послѣдствій этой безцеремонной продѣлки падаетъ на васъ. А потому предлагаю вамъ, въ видѣ посильнаго вознагражденія, повѣсть, которую я въ настоящее время оканчиваю и которую вы предложите вашимъ читателямъ въ теченіе 1870-го года. Вы получите ее въ февралѣ.

Къ счастью, переводчикъ „Странной Исторіи“ — уже слишкомъ пересолилъ; слишкомъ дурно исполнилъ свою задачу — притомъ нѣкоторыя и довольно важныя прибавленія, сдѣланныя мною уже по напечатаніи нѣмецкаго текста, избѣгли его усерднаго пера.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

P. S. Вы можете напечатать это письмо, гдѣ хотите, въ

„Вѣстникѣ Европы“ или въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“,—на счетъ же гонорара за „Странную Исторію“—это уже теперь совершенно зависитъ отъ васъ,—и Павелъ Васильевичъ Анненковъ получилъ отъ меня надлежащую инструкцію.

Веймаръ, Hotel de Russie. Четвергъ, 10 марта (26 февр.) 1870.

Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, почтеннѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ. Причина замедленія въ высылкѣ „Лира“ заключается именно въ томъ, что онъ у меня подъ руками выросъ—и изъ небольшой повѣсти, какою я его задумалъ, превращается въ большую, если не одинаковаго размѣра съ „Дымомъ“—то все-таки объема почтеннаго, листовъ въ 5 печатныхъ слишкомъ. А потому прошу васъ потерпѣть немного: къ концу марта (по нашему стилю) вы непремѣнно получите эту повѣсть и въ маѣ мѣсяцѣ она можетъ появиться. Повторяю—въ ней будетъ страницъ отъ 85 до 90.—Я стараюсь вложить въ эту работу все свое умѣнье—авось выйдетъ что-нибудь путное.

Дружески жму вамъ руку.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3. Воскресенье, 16 (4-го окт.) 1870.

Я недавно окончилъ и переписалъ небольшую вещь (листа въ $1^1/_2$ печатн.), которая озаглавлена: „Стукъ... стукъ... стукъ...“. Я на дняхъ перешлю ее къ вамъ черезъ Анненкова, и если она окажется пригодной, то прошу васъ помѣстить ее въ январьскую книжку „Вѣстника Европы“—такъ какъ она должна въ февралѣ мѣсяцѣ поступить въ дополнительный томъ моихъ сочиненій, запроданный Салаеву.

Кстати о „Лирѣ“. Третьяго дня, т.-е. 2 (14 октяб.) я получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ Бэренса, редактора „Nordische Presse“, который просилъ моего разрѣшенія помѣстить переводъ моей повѣсти въ фельетонѣ его газеты. Я согласенъ (по существующимъ законамъ, онъ и не нуждается въ моемъ согласіи), съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно подвергъ переводъ на разсмотрѣніе Анненкова. Все-таки нѣкоторая гарантія противъ перевиранія. Я также сказалъ Бэренсу, чтобы онъ, съ своей стороны, извѣстилъ васъ объ этомъ. Полагаю, что для васъ это—индиферентно, но надо соблюсти форму.

Я въ Страсбургъ поѣду завтра, и если что-нибудь сложится у меня въ головѣ—напишу и перешлю вамъ.

До свиданія въ январѣ; а пока желаю вамъ всего хорошаго и жму вамъ руку.

4, Bentinck street. Manchester Square. Пятница, 16 (4) дек. 1870.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, спѣшу отвѣчать на ваше письмо. Очень радъ, что мой „Стукъ“ вамъ понравился. Слово „пукнуло“—можетъ быть перемѣнено въ „стукнуло“—такъ какъ прежде всего слѣдуетъ избѣжать всякаго намека на неблаговидный звукъ. Если наборъ еще не конченъ — поправьте это „пукнуло“.

Я въ началѣ января отъявлюсь въ Петербургъ. Быть можетъ, я привезу съ собой готовую работу, такъ какъ вы ею не брезгаете.

Я бы могъ найти вамъ здѣсь весьма дѣльнаго и свѣдущаго корреспондента — но не иначе какъ на англійскомъ языкѣ—а это, быть-можетъ, представитъ затрудненія. Напишите мнѣ ваше мнѣніе на этотъ счетъ—и кстати также, какъ часто должна писаться эта корреспонденція, въ какомъ размѣрѣ, и на какіе предметы слѣдуетъ особенно обратить вниманіе.

Дружески жму вамъ руку.

4, Bentinck Strect. Manchester Square 1 января 1871 (20 дек. 1870).

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, прошу васъ крѣпко пожать руку отъ моего имени Пыпину за его превосходную статью въ послѣднемъ №: въ первый разъ въ русской печати появилась такая вещь. Я далъ прочесть ее старику Н. И. Тургеневу: онъ былъ глубоко тронутъ и тоже просилъ меня передать свое спасибо Пыпину. Отъ Анненкова я узналъ, въ чемъ именно состояло препятствіе и что обозначаютъ вырѣзанные листы: но и такъ хорошо.

Я, кажется, на слѣду весьма хорошаго корреспондента для васъ—если онъ согласится, то лучшаго желать нечего. Пріятель нашъ V. Rachemont для этого не годится. Онъ на дняхъ прочелъ лекцію о преобразованіяхъ, совершенныхъ въ нынѣшнее царствованіе — и не обинуясь назвалъ императора Александра—Великимъ—the great;—и англійская многочисленная публика рукоплескала безъ оппозиціи—а мы, русскіе слушатели—радовались.

За симъ, кланяюсь вамъ дружески и до свиданія.

P. S. Число подписчиковъ „Вѣстника Европы“ меня порадовало. Нѣтъ сомнѣнія, что это лучшій нашъ журналъ, но хорошо то, что публика такъ его понимаетъ.

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse 3. Четвергъ 5 окт. (23 сент.) 1871.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я былъ въ долгу передъ вами за одно письмо (изъ Либавы)—и вотъ уже является дру-

гое—и я немедленно берусь за перо—и отвѣчаю, дабы совѣсть не мучила. Не знаю, сказывалъ ли вамъ Анненковъ (который, повидимому, перебрался уже въ городъ—и не подвергается болѣе опасности замерзнуть)—что меня настигъ припадокъ подагры и на этотъ разъ особенно злобный — въ колѣнѣ. Я три недѣли, какъ пластъ, пролежалъ въ постели — и теперь едва ползаю. Впрочемъ, я воспользовался этимъ невольнымъ затворничествомъ, чтобы окончить мою повѣсть, и теперь уже переписалъ болѣе половины. Въ ней будетъ 7 печатныхъ листовъ „Вѣстника Европы"! Никакъ не ожидалъ подобныхъ размѣровъ! Дай Богъ, чтобъ про нее не сказали — что велика молъ Ѳедора да дура! Черезъ мѣсяцъ — самый поздній срокъ — она будетъ у васъ въ рукахъ.

Не могу придумать, откуда взялся слухъ о комедіи; — съ 1851-го года я ничего не писалъ для театра—и врядъ ли напишу что-нибудь въ этомъ родѣ. Это—не по моей части.

Если вы полагаете, что стоитъ опровергнуть этотъ слухъ, то я васъ на это уполномачиваю.

За симъ, дружески жму вамъ руку.

Баденъ-Баденъ. 18 (6) ноября 1871.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, ваше письмо изъ Парижа было мнѣ переслано сюда, такъ какъ я по милости подагры и другихъ гадостей застрялъ здѣсь — однако завтра выѣзжаю въ Парижъ. Моя повѣсть давно была бы у васъ, ибо она давно кончена, но добросовѣстность одолѣла: — вздумалъ ее во 2-ой разъ переписывать, вспомнилъ, какъ подобная вторая переписка оказалась полезною „Степному Лиру". А такъ какъ повѣсть вышла большая—листовъ въ 8 печатн. — то и хлопотъ съ ней больше. Но вы не безпокойтесь и разсчитывайте на нее *навѣрное, навѣрнѣйше*—такъ какъ уже больше половины переписано вторично. Прошу только срокъ удлинить 5-ю днями: 1-го декабря русск. ст.—повѣсть у васъ въ рукахъ—это вѣрнѣе смерти. Заглавіе ея „Вешнія Воды"—положено на нее старанія пропасть—авось не совсѣмъ даромъ пропадетъ оно!

Я могу вамъ прислать первую половину тотчасъ, какъ прибуду въ Парижъ, но съ условіемъ—не читать ее, пока не прибудетъ 2-ая половина: извините это авторское кокетство.

Читалъ я въ Сп-бскихъ В. вашу отповѣдь... Каткову: — до чего дошелъ этотъ человѣкъ! Вотъ ужъ точно: Nil audacius illis deprensis. Ничего нѣтъ хуже [1]) ренегата, который махнулъ рукой на все!

[1]) Въ подлинникѣ—болѣе рѣзкое выраженіе.—*Ред.*

Въ Петербургъ я раньше 15-го дек. не попаду — и потому я буду просить васъ дать корректуру продержать, по примѣру прежняго, П. В. Анненкову.

Дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Среда 8 (20) дек. 1871.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я душевно порадовался вашему одобрительному отзыву о моемъ трудѣ: будемъ надѣяться, что публика также благосклонно взглянетъ на него, какъ вы.

Я привезу съ собою въ П-гъ (въ февралѣ) небольшую повѣсть листа въ два печатныхъ, которую также предоставлю вамъ, если вы захотите.

Съ новымъ годомъ и новымъ счастьемъ — (какъ бы Лонгиновъ [1]) насъ не услышалъ!) и дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Четвергъ, 25 (13) января 1872.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, изъ фельетона Сп-бургскихъ Вѣдомостей я уже могъ заключить, что отъ меня желали повѣсти „*съ начинкой*“ — но, что дѣлать — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ — и приходится повторить слова, кажется, Гете:

„Mit keiner Arbeit hab' ich geprahlt —
„Und was ich gemalt hab'—hab' ich gemalt“.

Кто такой Г. [2]), пишущій „Десять лѣтъ реформъ“. Если можно, назовите.

За симъ — до свиданія и будьте здоровы и благополучны и да сохранитъ Господь васъ и „Вѣстникъ“ отъ всякихъ бѣдъ!

Парижъ 48, rue de Douai. 9 февр. (22 янв.) 1872.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, благодарю за высылку экземпляровъ — я ихъ еще не получилъ, но c'est tout comme. Анненковъ доставилъ мнѣ статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; — я, грѣшный человѣкъ, почувствовалъ себя польщеннымъ. Стало быть, думалось мнѣ, дорожилъ мною г-нъ Катковъ и не можетъ мнѣ простить, что я бросилъ его лавочку! Пересолить-то онъ, конечно, пересолилъ; — но въ сердцахъ человѣкъ — гдѣ ужъ ему тутъ разбирать? И какіе у него молодцы усердные! Вы мнѣ не пишете о томъ, какъ себя держитъ Лонгиновъ. Видѣли вы его — бесѣдовали съ нимъ?

---

[1]) М. Н. Лонгиновъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.—*Ред.*

[2]) А. А. Головачевъ.—*Ред.*

Въ мартѣ мѣсяцѣ я отъявлюсь самолично въ Петербургъ—и привезу новую поживу—для Каткова—не смѣю прибавить: для васъ. А впрочемъ, быть можетъ, „Вѣстникъ Европы“ не убоится его громовъ.

До тѣхъ поръ будьте здоровы и не давайте выѣдать себѣ глаза всякимъ чадамъ. Жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Понедѣльникъ, 26(14) февр. 1872.

Я только что собирался отвѣчать вамъ на ваше письмо отъ 29 янв., любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, какъ уже получилъ второе съ пріятнымъ и для васъ и для публики и для меня извѣстіемъ о перепечатаніи „Вѣстника Европы“ вторымъ изданіемъ. Не безъ нѣкотораго злорадства—сознаюсь!—воображаю себѣ фигуру почтеннаго издателя „Русскаго Вѣстника“ при этомъ извѣстіи. Оказывается, что и московскій папа такъ же мало непогрѣшителенъ, какъ и римскій.

Особенное удовольствіе доставило мнѣ то, что вы говорите мнѣ о „Вешнихъ Водахъ“. Коли и послѣ третьяго чтенія—(въ теченіи мѣсяца) моя повѣсть вамъ не прискучила—значитъ, она не такъ плоха, какъ увѣряетъ г. Антроповъ (ибо ратоборецъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ носитъ это имя, а не Маркевичъ).

Очень хороша статья въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“: „Современная глушь“—Назарьева. Вотъ бы такихъ побольше! За „Восточную политику“ примусь сегодня же. Повѣсть Левитова интересна—но мѣстами страдаетъ вычурностью слога. Я не удивляюсь, что нѣмцы на меня злятся: — у нихъ теперь кожа станетъ очень чувствительна и во всемъ имъ будетъ мерещится crimen laesae majestatis. Редакторъ Nordische Presse испросилъ у меня позволенія напечатать въ своемъ фельетонѣ переводъ „Вешнихъ Водъ“. Чего добраго: колкости выкинетъ.

Хотя я далеко не ландышъ (развѣ что волосы такъ же бѣлы)—но повѣрьте мнѣ—вмѣстѣ съ этимъ цвѣткомъ и я появлюсь въ нашихъ странахъ. Это несомнѣнно, если только я живъ буду.

Еще разъ поздравляю васъ съ успѣхомъ „В. Е.“—и крѣпко жму вамъ руку.

St-Valery sur Somme. Maison Ruhaut. 8 сентября (27 августа) 1872.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ. — „Конецъ Чертопханова“ конченъ и переписанъ—и если я до сихъ поръ вамъ его не отослалъ, но виною этому слѣдующее обстоятельство: я по дѣламъ черезъ двѣ недѣли отправляюсь въ Баденъ-Баденъ, гдѣ

пробуду нѣсколько дней и гдѣ у меня назначено свиданіе съ П. В. Анненковымъ, находящимся теперь въ Соденѣ, возлѣ Франкфурта: я желаю ему прочесть мою штуку передъ отправленіемъ и въ случаѣ нужды сдѣлать кое-какія поправки, такъ какъ я до сихъ поръ это всегда дѣлалъ. Но въ первыхъ числахъ нашего октября, т.-е. въ послѣднихъ вашего сентября, рукопись во всякомъ случаѣ будетъ въ вашихъ рукахъ — на это вы можете разсчитывать съ совершенной увѣренностью.

Вы изъ этого можете заключить, что беллетристическая часть вашей ноябрьской книжки обезпечена—и я буду очень радъ обновить своимъ „Чертопхановымъ“ дѣятельность затѣянной вами типографіи, которой желаю всевозможныхъ успѣховъ и которую непремѣнно осмотрю, какъ только прибуду въ Петербургъ.

А совершится это прибытіе въ теченіи ноября — и я имѣю твердую надежду, что привезу съ собою другую штуку для помѣщенія въ январьской книжкѣ, если никакихъ не встрѣтится къ тому препятствій.

Живется мнѣ здѣсь порядочно—только гнусная подагра все не хочетъ меня покинуть: вотъ ужъ 4-ый мѣсяцъ какъ она продолжается, недавно былъ у меня *девятый* припадокъ—и я все—безъ ногъ.

За симъ, при пожеланіи вамъ всего хорошаго, крѣпко жму вамъ руку.

P. S. Статья Пыпина о перепискѣ А. И. Тургенева вышла очень интересной; по возвращеніи въ Парижъ я надѣюсь привести въ ясность остальныя бумаги Николая Ивановича (Тургенева).

Парижъ 48, rue de Douai. Воскресенье, 13 (1) окт. 1872.

Ваша телеграмма напугала меня, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, но письмо нѣсколько успокоило. Надѣюсь, что болѣзнь совсѣмъ васъ покинула теперь—и что вы запаслись здоровьемъ на долгіе годы. Этого желаетъ вамъ вашъ сотрудникъ во-первыхъ, для васъ и для вашего семейства, во-вторыхъ, для литературы, а въ-третьихъ и для самого себя.

Радуюсь, что вамъ мой разсказъ понравился. Я боялся растянуть его, чтобъ не выпасть изъ пропорціи. Голова (т.-е. разсказъ изъ „Записокъ Охотника“) была бы большая—а туловище и ноги предлинныя. А впрочемъ, вѣроятно, тутъ болѣе всего способствовала лѣнь.

Искренно благодаренъ А. Н. Пыпину за его любезность. Въ опасеніи, что его занятія помѣшаютъ ему терять время на корректуру, я поручилъ было одному моему хорошему пріятелю,

А. Ѳ. Отто, который дней десять тому назадъ отправился изъ Парижа въ Петербургъ, явиться къ вамъ отъ моего имени и продержать корректуру „Чертопханова“, но теперь это оказывается ненужнымъ—и я могу только рекомендовать этого молодого человѣка, въ которомъ я принимаю живое участіе.

Вы, я надѣюсь, не будете имѣть ничего противъ появленія французскаго перевода „Конецъ Чертопханова“ — двѣ недѣли спустя *post* 1-го ноября—здѣсь въ Парижѣ, вѣроятно въ Revue des deux Mondes?

Желаю вамъ полнаго и скораго выздоровленія — (скорѣй моего—меня до сихъ поръ подагра мучить).

Парижъ 48, rue de Douai. Пятница, 7 февр. (26 янв. 1873).

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, благодарю васъ за присылку отдѣльныхъ экземпляровъ „Чертопханова“. Что же касается до новой повѣсти, то имѣю вамъ сказать, что она разростается до исполинскихъ размѣровъ. Величиною она превзойдетъ все, что я до сихъ поръ написалъ, но вслѣдствіи этого вы ее раньше лѣта не получите—и раньше осени не будете въ состояніи ея напечатать. Такъ какъ я на этой повѣсти имѣю намѣреніе раскланяться съ читателемъ, то я хочу положить въ нее все, что у меня на душѣ — благо, сюжетъ попался, какъ мнѣ кажется, подходящій. Поэтому прошу вашего милостиваго снисхожденія—и терпѣнія. Надѣюсь, что оно будетъ, до нѣкоторой степени, вознаграждено [1]).

Здоровье мое поправилось. Однако я въ началѣ мая ѣду въ Карлсбадъ—а въ іюлѣ буду въ Россіи, вѣроятно съ готовой повѣстью подъ мышкой.

Желаю вамъ всего хорошаго—и дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Воскресенье, 23 (11) февраля 1873.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, дай Богъ вамъ здоровья за то, что вы соглашаетесь терпѣть и ждать. Постараемся изо-всѣхъ силъ вознаградить васъ за ваше добродушіе. Напечатавши, виднѣе будетъ; но пока, у меня мысль раскланяться съ публикой—стоитъ весьма твердо. Лѣтомъ непремѣнно увидимся—либо въ Германіи, либо на Руси. Тонъ, въ которомъ вы говорите о нашей современности, звучитъ изо-всѣхъ полученныхъ мною писемъ и свѣдѣній: времячко темненькое и кисленькое, нечего сказать.

[1]) Очевидно, уже въ это время Тургеневъ былъ занятъ мыслью о большомъ романѣ, который впослѣдствіи получилъ названіе: „Новь“.—*Ред.*

А теперь у меня есть до васъ просьба, для сообщенія которой я нуждаюсь въ смѣлости, потому что всѣ мои „досюлешныя“ рекомендаціи этого рода оказались плохими. Но на этотъ разъ, я, кажется, могу поручиться за годность субъекта. У меня здѣсь есть пріятель, очень дѣльный и хорошій человѣкъ, весьма близко знакомый съ жизнью и дѣятельностью низшихъ слоевъ парижскаго народонаселенія. Пріятель этотъ честенъ, какъ Гарибальди, но бѣденъ какъ Иръ; — и потому желалъ бы получить корреспонденцію въ какой-нибудь русскій журналъ или газету. Хотите—онъ пришлетъ вамъ (на французскомъ языкѣ, разумѣется, онъ—французъ) корреспонденцію на пробу? Если въ „Вѣстникъ Европы“ нельзя—то хоть въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Отвѣтомъ вы весьма меня обяжете, ибо я принимаю участіе въ этомъ человѣкѣ. Дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Понедѣльникъ, 17 (5) ноября 1873.

Любезный Михаилъ Матвѣевичъ, спасибо вамъ за ваше доброе письмо. Я никогда не сомнѣвался ни въ вашемъ сочувствіи ко мнѣ, ни въ томъ, что вы умѣете понять и оцѣнить тѣ иногда преступныя условія, при которыхъ совершается такъ называемый процессъ сочиненія. Нашему брату щелкоперу часто приходится на собственной персонѣ испытывать то, что французы называютъ: „bouder contre son ventre“. Первый (и вѣроятно больше всѣхъ) страдаю я отъ своего бездѣйствія: но вѣдь это тоже своего рода подагра; никакія лекарства не помогаютъ, а настанетъ время—здоровье возвращается. Если бы не „волки, волки“, я бы могъ сказать вамъ, что теперь именно я могу замѣтить нѣкоторые признаки этого возвращенія: я уже неоднократно брался за перо — и не совсѣмъ безплодно. Но я предпочитаю лучше ничего не говорить — и представить наглядныя доказательства—въ январѣ мѣсяцѣ, когда я вернусь въ Петербургъ.

Placeat diis!

На ваше предложеніе прислать нѣчто въ родѣ писемъ о парижской жизни и т. д., я могу сказать только то, что ужъ если мнѣ удастся писать—заставить себя писать—то ужъ лучше я сдѣлаю что-нибудь въ родѣ мнѣ знакомомъ — въ повѣствовательномъ. Теперь же есть шансы, что я не потеряю этой зимы даромъ. Я тогда только принялся бы за то, о чемъ вы пишете, еслибы я отказался въ другомъ — а этого я еще не хочу сказать.

Я неоднократно приступалъ къ Флоберу. Онъ съ удоволь-

ствіемъ предоставитъ вамъ право изданія своего романа [1]) въ русскомъ переводѣ — но для этого надо, чтобы этотъ романъ сперва явился въ оригиналѣ; а тутъ у него являются разныя колебанія, обусловленныя современнымъ положеніемъ Франціи. Впрочемъ—именно сегодня—должна болѣе или менѣе рѣшиться ея участь [2]) — и междоумочность — provisoire — прекратиться (между нами сказать, вѣроятно, въ смыслѣ диктатуры); а потому уменьшаются и препятствія къ появленію Флоберовой книги. Объ условіяхъ я переговорю съ нимъ тогда; запрашивать много онъ не станетъ.

Желаю вамъ еще разъ всего хорошаго, а „Вѣстнику Европы“ — существованія, и дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Суббота, 31 (19) января 1874.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, посылаю вамъ первыя 64 страницы Флоберовскаго романа: всѣхъ ихъ будетъ около 300. Вы видите: вещь небольшая, но какъ говорится—„малъ золотникъ, да дорогъ“. Остальные листы будутъ послѣдовательно высылаемы мною. Предисловіе я уже началъ и тоже скоро вышлю. Условія мои съ Флоберомъ слѣдующія: 125 франковъ за печатный листъ „Вѣстника Европы“ — и во всякомъ случаѣ (еслибы листовъ оказалось на меньшую сумму)—1.000 франковъ. Надѣюсь, что вы одобрите эти условія—такъ какъ я и о вашихъ интересахъ порадѣлъ. (Флоберъ предоставляетъ себѣ въ послѣдствіи право отдѣльнаго изданія).

Пожалуйста,—чтобы переводчикъ былъ—первый сортъ. Слогъ Флобера какъ изъ мрамора вырѣзанъ—не ударимъ же мы, россіяне, лицомъ въ грязь!

Я непремѣнно (не улыбайтесь!) выѣзжаю отсюда тотчасъ послѣ бракосочетанія старшей дочери г-жи Віардо, т.-е. въ началѣ марта и, Богъ дастъ, явлюсь къ вамъ не съ пустыми руками. Я еще успѣю провѣрить переводъ.

Пока дружески жму вамъ руку и желаю всего хорошаго [3]).

Парижъ 48, rue de Douai. Пятница, 6 февраля (25 янв.) 1874.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, продолженіе Флоберовскаго романа; а послѣ завтра я вамъ вышлю конецъ.

[1]) Рѣчь идетъ о „Tentation de Saint-Antoine“.—*Ред.*

[2]) Въ это время проходилъ въ Національномъ собраніи законъ о такъ называемомъ септеннатѣ.—*Ред.*

[3]) Это письмо и семь слѣдующихъ за нимъ были напечатаны въ литературномъ сборникѣ: „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1899 году. Мы воспроизводимъ ихъ здѣсь, чтобы не прерывать связь между различными частями переписки.—*Ред.*

Побаиваюсь я за нѣкоторыя мѣста. Цензура (я разумѣю—собственную) будетъ необходима—и переводчикъ долженъ будетъ умненько обходить затруднительныя мѣста. Предисловіе мое вы также получите вскорѣ.

Крѣпко жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Понедѣльникъ, 8 февраля (24 янв.) 1874.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, въ самый моментъ отправленія конца „Антонія“ получаю ваше письмо и спѣшу отвѣчать на ваши запросы.

Извѣстная *дама* [1]), конечно, представляетъ собою нѣчто весьма угрожающее: однако, теперь, такъ какъ вы можете обозрѣть *цѣлое*, опытность ваша можетъ подсказать вамъ—есть ли дѣйствительная опасность или нѣтъ ея? И если есть, можно ли ее обойти? Во-первыхъ, трудъ, какъ вы мнѣ говорите, серьезный—и вознесенъ въ идеальную сферу, которая, уже по самому свойству своему, менѣе зазорна; во-вторыхъ, Флоберъ понимаетъ необходимость уступокъ и согласенъ на неизбѣжныя смягченія и сокращенія, лишь бы общій тонъ и смыслъ не пострадали. Въ третьихъ, въ своемъ предисловіи я все-таки постараюсь указать на настоящую точку зрѣнія въ этомъ дѣлѣ. Возьмите всю новеллу и прочтите ее внимательно и въ связи; вы сами увидите, что̀ возможно. Во всякомъ случаѣ не давайте читать посторонникъ лицамъ.

По мѣрѣ возможности скоро пришлите рѣшительный отвѣтъ.

Книга явится здѣсь перваго апрѣля нов. ст. Слѣдовательно, вы могли бы пустить Антонія въ апрѣльской книжкѣ, которая у насъ явится 13-го числа нов. ст. Я самъ хихикаю, когда пишу или говорю о моемъ пріѣздѣ въ Россію; а между тѣмъ, къ собственному изумленію, я по всѣмъ вѣроятностямъ отъявлюсь у васъ въ Питерѣ къ 15-му марту. Я примусь за предисловіе—*какъ только получу* вашъ отвѣтъ.

Но сознайтесь: замѣчательнѣйшая вещь этотъ Антоній? Пока дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Воскресенье, 22 (10) февраля 1874.

Я получилъ ваше письмо и пакетъ съ Флоберовскимъ романомъ, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ! Не могу сказать, что я слишкомъ удивился подобной развязкѣ: я зналъ, что это штука трудная—я надѣялся: авось проскочитъ! Оказалось, что не про-

---

[1]) Очевидно—цензура.—*Ред.*

скочила. Жаль, а дѣлать нечего. Возвращу корректуры по принадлежности.

Нѣкоторой, хотя слабой замѣной нашей неудачи, можетъ послужить вамъ слѣдующее извѣстіе: я окончилъ вчера назначенную для „Вѣстника Европы“ повѣсть, сегодня примусь за переписку — и черезъ двѣ недѣли пакетъ отправится къ вамъ въ Петербургъ. Только эта повѣсть — не тотъ большой затѣянный мною романъ, который рѣшительно сталъ ни тпру ни ну—какъ лошадь съ норовомъ: эта повѣсть небольшая, въ три печатныхъ листа. Я убѣдился, что съ романомъ я пока не слажу—и взялся за нее. Будемъ надѣяться, что она вышла порядочная. Вы можете несомнѣнно разсчитывать для нея въ апрѣльскую книгу „Вѣстника Европы“.

Кстати, прошу васъ выслать мнѣ „Годъ“, а въ апрѣлѣ мы увидимся—какъ это ни кажется невѣроятнымъ!

Дружески жму вамъ руку.

Парижъ 48, rue de Douai. Среда, 18 (6) марта 1874.

Третьяго дня, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, отправилъ я вамъ мою повѣсть. Полагаю, что она еще успѣетъ попасть въ апрѣльскій № „В. Е.“—однако, еслибы вы распорядились иначе, то покорнѣйше прошу васъ о слѣдующемъ: *немедленно велѣть, разумѣется на мой счетъ, переписать ее и прислать мнѣ эту копію сюда.* Это первое мое произведеніе, которое попадаетъ въ печать, не подвергнувшись критикѣ моихъ пріятелей, а въ особенности П. В. Анненкова, которому я всегда давалъ читать мои рукописныя вещи и совѣты котораго были всегда чрезвычайно дѣльны и драгоцѣнны для меня. Если „Пунину и Бабурину“ суждено явиться въ свѣтъ не раньше мая, то я успѣю еще отослать рукопись къ Анненкову въ Ниццу и, получивъ его замѣчанія, сдѣлать нужныя сокращенія, прибавленія или варіанты, которыя бы я столь же поспѣшно препроводилъ вамъ, такъ чтобы вы имѣли ихъ подъ рукою задолго до напечатанія самой повѣсти. Въ то же время я попросилъ бы и васъ съ совершенной откровенностью и безцеремонностью сообщить мнѣ ваши собственныя замѣчанія и критики.

Начало біографіи Бѣлинскаго въ „В. Е.“ прекрасно—скажите это отъ меня А. Н. Пыпину. Онъ несомнѣнно попалъ въ тонъ.

Будьте здоровы—дружески жму вамъ руку—я все еще не могу наступить на ногу.

Парижъ 48, rue de Douai. Пятница, 27 (15) марта 1874.

Начинаю съ извиненія, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, въ томъ, что причинилъ вамъ столько заботъ и хлопотъ; будемъ надѣяться, что предметъ ихъ, моя повѣсть, не окажется слишкомъ недостойнымъ тѣхъ экстраординарныхъ мѣръ, къ которымъ вы должны были прибѣгнуть и что продолженіе и конецъ ея произведутъ на васъ такое же впечатлѣніе, какъ и начало, которое вы прочли.

Васъ Пушкинъ не можетъ занимать болѣе, чѣмъ меня—это мой идолъ, мой учитель, мой недосягаемый образецъ—и я какъ Стацій о Виргиліи могу сказать каждому изъ своихъ произведеній: „Vestigia semper adora“. А потому я съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю присылки обѣщаннаго тома [1]). Для меня было бы большою честью попасть въ эту библіотеку и я съ своей стороны даю вамъ всевозможныя уполномоченія; но я полагаю, въ этомъ вопросѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ не мнѣ, а Ѳ. И. Салаеву, московскому книгопродавцу, которому я продалъ новое изданіе моихъ сочиненій. Надо будетъ обратиться къ нему. Но объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить при личномъ свиданіи—ибо, что не говорите, и какъ моя Катковка [2]) меня ни мучай—это свиданіе состоится и не позже какъ въ концѣ апрѣля.

А до тѣхъ поръ, будьте здоровы, вы и вашъ журналъ—не попадитесь въ зубы ни болѣзни—ни... ничему прочему. Дружески жму вамъ руку.

P. S. Кстати о Пушкинѣ: что это за омерзительная статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ г-на А. объ „Анненковскомъ этюдѣ“? Это перебулгарило Булгарина—перекатковило Каткова—ontherods Herod! Г-нъ А. напоминаетъ мнѣ изрѣченіе Риваролля: Il fait tache sur la boue.

Парижъ, 48, rue de Douai. Середа, 8 апр. (27 марта) 1874.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я получилъ ваше письмо и радуюсь, что мои чудаки вамъ понравились. Посмотримъ, что скажетъ публика.

Кстати о „Живыхъ Мощахъ“. Дайте, пожалуйста, знать гг. издателямъ, что мнѣ было бы весьма пріятно получить здѣсь экземпляръ „Складчины“, которая, по журнальнымъ объявленіямъ, должна выдти завтра.

[1]) Рѣчь идетъ о предпринятомъ тогда М. М. Стасюлевичемъ изданіи „Русской Библіотеки“, въ которую впослѣдствіи вошли и избранныя произведенія Тургенева.—*Ред.*

[2]) Такъ Тургеневъ обычно называлъ свою подагру.—*Ред.*

Съ Флоберомъ у насъ неудача. Я, какъ обѣщалъ вамъ, написалъ маленькую статейку о немъ—положилъ ее въ кувертъ, запечаталъ и къ удивленію моему нашелъ ее сегодня на моемъ столѣ. Посылать ее теперь нѣтъ смысла. Постараюсь написать что-нибудь побольше и посерьезнѣе для майской книжки.

До свиданія и крѣпко жму вамъ руку.

Парижъ, 48, rue de Douai. Четвергъ, 16-го (4-го) апр. 1874.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я получилъ вчера № „Вѣстника“ и успѣлъ уже прочесть продолженіе статьи о Бѣлинскомъ и весьма интересную комедію Крылова. „А. С. Пушкина“ [1]) я давно получилъ и прочелъ. Я съ удовольствіемъ увидалъ свое имя, напечатанное на оберткѣ. Изданіе—отличное, но (безъ: но—нельзя!). Зачѣмъ въ стихотвореніи „Три сосны“—помѣстили конецъ, откинутый самимъ Пушкинымъ и портящій впечатлѣніе этой дивной вещи? Надо было остановиться на полустихѣ:

И обо мнѣ вспомянетъ...

Впрочемъ это не мѣшаетъ изданію быть образцовымъ. Жду „Складчину“; говорятъ, успѣхъ она получила небывалый. Здѣсь мои „Мощи“ появились въ фельетонѣ „Temps“, и вы не можете себѣ представить, какіе я получаю комплименты, такъ что даже недоумѣніе беретъ. Письма отъ Ж.-Зандъ, отъ Тэна и т. д. изъ-за такой бездѣлки!

Странно—но пріятно.

До *скораго* свиданія; а пока дружески жму вамъ руку и желаю всего хорошаго.

P. S. Черезъ 5-6 дней вы получите статейку о Флоберѣ.

Буживаль, maison Halgan. Вторникъ, 6 окт. (24 сент.) 1874.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, такъ какъ вы, къ истинному моему сожалѣнію и по милости М. Н. Лонгинова, не могли, какъ намѣревались, прибыть въ Парижъ для переговоровъ съ Э. Зола, то я рѣшился повести ихъ самъ—и послѣ свиданія съ нимъ и съ его издателемъ, Шарпантье—достигъ слѣдующаго, весьма выгоднаго результата. Романъ Зола, титулъ котораго будетъ—„La faute de l'abbé Mouret, появится въ Парижѣ *около 20 янв. н. с.*—но вамъ онъ будетъ высылаться въ видѣ корректурныхъ листовъ—*начиная* съ 20 (8) октября; онъ распадается на 3 части, которыя могутъ появиться въ *ноябрь*-

[1]) Въ изданіи „Русской Библіотеки“.—*Ред.*

ской, *декабрьской* и *январьской* книжкахъ В. Е.—такъ что онъ будетъ у васъ совсѣмъ конченъ, прежде чѣмъ появиться въ Парижѣ. Романъ, сколько я могу судить по содержанію и по первымъ главамъ, выйдетъ превосходный—и неимѣющій ничего не цензурнаго—онъ собственно направленъ противъ безбрачія священниковъ. Условія слѣдующія: *30 руб. сер.* за печатный листъ—и если пожелаете дѣлать особое изданіе, то спишитесь: за *500 ф.* Шарпантье, я полагаю навѣрное, вамъ его уступитъ. Надѣюсь, что вы не найдете эти условія обременительными. Во всякомъ случаѣ прошу васъ, не теряя времени, прислать письмо, въ которомъ вышеозначенныя условія будутъ изложены (и приняты вами)—къ Шарпантье, такъ какъ ему, по контракту, принадлежитъ дѣятельность Зола. Онъ тогда вамъ съ своей стороны вышлетъ письмо,—и съ 20-го окт. первые листы отправятся въ Петербургъ.

Въ вашемъ письмѣ вы хотя выражаете слабую надежду побывать въ Парижѣ въ началѣ октября—но оно что-то невѣроятно—надо вамъ, главное, наблюдать, чтобы въ ваше отсутствіе, не придушили В. Е.

Я все еще не освободился отъ моей немощи—и работать не началъ.

NB. Если насчетъ отдѣльнаго изданія у васъ приняты другія условія, скажите это Шарпантье, быть можетъ, онъ удовлетворится по-листовой платой

Желаю, чтобъ вы остались довольны моими хлопотами и дружески жму вамъ руку.

PS. Вышлите мнѣ Чешскій переводъ „Записокъ Охотника“. Я безпрестанно получаю по почтѣ книги изъ Россіи—и затрудненій никакихъ нѣтъ.

Парижъ 50, Rue de Douai. Середа, 21 (9) окт. 1874.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я переговорилъ съ Зола и Шарпантье—и результатомъ этихъ переговоровъ—было то, что они согласны отсрочить появленіе романа до 20 (8) *февраля* 1875 г., такъ что вы можете помѣстить всѣ три части въ январьской, февральской и мартовской книжкѣ В. Е.—или раздѣлить его между январьскимъ и февральскимъ №-ами—Переводъ, слѣдовательно, явится въ Россіи *до* появленія оригинала во Франціи. Но при этихъ условіяхъ Шарпантье, разумѣется, желаетъ получить прежнюю цѣну. Романъ не превыситъ 11-ти листовъ „Вѣстника Европы“—и я полагаю, вы можете дать за него 300 р. сер.—

Само собою разумѣется, что если это войдетъ въ ваши разсчеты, вы можете объявить о помѣщеніи романа inédit Зола въ В. Е. заранѣе, при публикаціи.

Сюжетъ романа оригиналенъ и новъ—и прочитанныя мною двѣ первыя главы замѣчательно хороши.

Кто авторъ записокъ о Солов. монастырѣ [1]) въ В. Е.? Отличная вещь.—

Надѣюсь, что вы одобрите мои распоряженія насчетъ романа Зола—жму вашу руку и желаю вамъ и В. Е. всего хорошаго.—

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 12 февр. (31 янв.) 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, получилъ сейчасъ ваше письмо и отвѣчаю, для точности, по пунктамъ.

во 1-хъ) 1-ая книжка В. Е. получена въ здѣшней читальнѣ—и васъ славословятъ и благодарятъ васъ.

во 2-хъ) Радуюсь окончанію вашихъ хлопотъ—(хотя окончаніе это вѣроятно, какъ здѣшняя республика,—provisoire)—и надѣюсь, что романъ Зола вамъ не надѣлаетъ новыхъ.

въ 3-хъ) Радуюсь также, что хотя запоздалымъ манеромъ доставилъ нѣкоторое удовольствіе Коршу [2]).—Запоздалость эта произошла отъ того, что, какъ на бѣду, я отлучился на три дня изъ Парижа—а ваше письмо именно тутъ и подвернись.

въ 4-хъ) Я всетаки сообщу то, что вы мнѣ пишите, Зола—и если онъ найдетъ это для себя выгоднымъ, перешлю вамъ пробную корреспонденцію—qui ne vous engage à rien.—Увидите и рѣшите.

въ 5-хъ) Вслѣдствіе извѣстной поговорки: „Волки—волки!“ я ничего не говорю о своей работѣ—но, можетъ быть, удивлю васъ—если не самой работой—то скоростью, съ которой вы ее получите.

въ 6-хъ) Посылаю вамъ при семъ разсказъ здѣсь обрѣтающагося Глѣба Успенскаго. Мнѣ кажется, онъ очень недуренъ и могъ бы фигурировать на страницахъ В. Е. Если вы раздѣлите мое мнѣніе, то знайте, что его цѣна за печатный листъ 150 руб. сер.—Во всякомъ случаѣ прошу отвѣта.

Въ 7-хъ) Со мной случилось (вѣрнѣе говоря—повторилось)—курьёзное нѣчто.—Вчера мнѣ изъ Москвы прислали русскій

---

[1]) Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.—*Ред.*

[2]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о выраженіи сочувствія Валентину Ѳедоровичу Коршу по поводу произвольнаго распоряженія, лишившаго его (съ 1-го января 1875 г.) права изданія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.—*Ред.*

(отвратительный) отдѣльно изданный *переводъ* моего разсказа: „Стучитъ!“, который въ прошломъ октябрѣ явился у Салаева въ Москвѣ въ полномъ изданіи—а два мѣсяца тому назадъ былъ во французскомъ переводѣ помѣщенъ въ „Temps“! Это уже переходитъ за границы всего возможнаго. Неужели нельзя протестовать противъ этого въ журналахъ? Уполномочиваю васъ это сдѣлать за меня.—Послѣ этого можно и „Дворянское гнѣздо“ и „Дымъ“ перевести съ французскаго или нѣмецкаго—и напечатать отдѣльно и продавать. Разсказъ „Стучитъ“—появился съ огромнымъ заглавкомъ: „Новый разсказъ И. С. Т.“—въ Москвѣ у какого-то А. Михайлова. Впрочемъ посылаю вамъ заглавный листъ. Благодѣтель, заступитесь! Всему причиною скупость Салаева, который не напечаталъ ни въ одномъ журналѣ ни одного объявленія о новомъ изданіи моихъ вещей.

Извините меня, что наваливаю на васъ такую обузу—но эта бѣда всегда случается съ услужливыми и любезными людьми.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку.

Парижъ 50, Rue de Douai. Пятница, 5-го марта (21 февраля) 1875.

Сегодня же я напишу Салаеву о вашемъ намѣреніи почтить меня помѣщеніемъ въ „Русской Библіотекѣ“—и не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ убѣдится моими доводами и уступитъ безвозмездно право на изданіе моихъ вещей, по примѣру Исакова и Глазунова.

Мнѣ весьма пріятно было прочесть вашъ отзывъ о сосводничанномъ мною романѣ Зола: передамъ ему ваши слова. Жду вашего отзыва на присланный мною фельетонъ.

Передамъ также менѣе пріятный отзывъ Успенскому; и сообщу вамъ его распоряженіе на счетъ рукописи.

Очень меня безпокоятъ худыя извѣстія о Салтыковѣ; каждый день не безъ страха развертываю русскіе журналы, боюсь встрѣтить тамъ горестную вѣсть... Что съ Костомаровымъ?

Самъ я здоровъ и „чуточку“ работаю.

Желаю вамъ, вашему журналу и вашей „Библіотекѣ“ всяческаго преуспѣянія и дружески жму вамъ руку.

P. S. Вы не полагаете возможнымъ извлечь пользу изъ Суворина? Право, подумайте. Мнѣ, какъ читателю, очень жалко что онъ замолкъ.

Парижъ 50, Rue de Douai. Суббота, 1-го (13) марта 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я очень радъ тому, что первый фельетонъ Зола вамъ такъ понравился, и не сомнѣваюсь,

что и послѣдующіе понравятся также. Я ему сообщилъ ваши блистательныя предложенія и онъ съ великой радостью согласился. Вы пріобрѣли въ немъ дѣятельнаго сотрудника, которымъ и вы, и читатели ваши—останетесь довольны. Я взялъ на себя заплатить ему—(по предложенному разсчету) за первый фельетонъ. Росписку прилагаю. Надѣюсь что вы одобрите мой образъ дѣйствія. Надо вамъ знать, что З., работая съ утра до вечера и живя очень скромно и даже бѣдно, едва сводитъ концы съ концами; онъ принужденъ былъ посылать корреспонденціи въ провинціальные журналы: теперь онъ большую часть изъ нихъ бросилъ, чтобы заняться con amore „Вѣстникомъ Европы“. Онъ весьма до денегъ не жаденъ: получилъ по контракту за два романа отъ Шарпантье 6.000 фр. (!) въ годъ—онъ мечталъ объ одномъ: быть въ состояніи зарабатывать еще 4. Съ двумя-тремя корреспонденціями, которыя онъ за собою оставляетъ, да съ „Вѣстникомъ Европы“—онъ видитъ свои мечты осуществленными.

Онъ соглашается на буквы Z—l—или на Э. З. и предоставляетъ вамъ выборъ.

Зола, сверхъ своего большого таланта—человѣкъ вполнѣ хорошій—и надежный.

Онъ записалъ указанные вами сроки и будетъ ихъ наблюдать въ точности.

А Немезида, постигшая Маркевича, порадовала таки меня [1])...

Дружески жму вашу руку.

Карлсбадъ. König v. England. 8-го (20) іюня 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, третьяго дня я получилъ „Вѣстникъ Европы“, а вчера пришло ваше письмо, на которое въ скорости отвѣчаю. Весьма было бы пріятно увидаться съ вами въ Карлсбадѣ—(я здѣсь остаюсь еще три недѣли слишкомъ), но это будетъ зависѣть отъ того, куда васъ двинетъ мановеніе руки Боткина.

Я прочелъ статью Пыпина—и, по зрѣломъ соображеніи фактовъ, долженъ сознаться, что едва ли онъ не вѣрнѣе моего взглянулъ на дѣятельность Бѣлинскаго. Стало быть, полемизировать мнѣ съ нимъ нельзя—а скорѣе нужно сдѣлать оговорку въ будущемъ изданіи моихъ воспоминаній.

Я прочелъ также объявленіе о 6-мъ выпускѣ „Русской Библіотеки“. Несмотря на мое желаніе, я не могу исполнить вашу просьбу—и отмѣтить карандашомъ тѣ изъ моихъ сочиненій, ко-

[1]) Дальше идутъ очень рѣзкія выраженія. Б. М. Маркевичъ именно въ это время вынужденъ былъ оставить службу по м-ву народнаго просвѣщенія.—*Ред.*

торыя слѣдовало бы выбрать. Это дѣло посторонняго глаза—тутъ надо поступать объективно—а это самому автору—невозможно. До сихъ поръ вашъ выборъ былъ удаченъ; не сомнѣваюсь, что онъ и впредь будетъ таковымъ.

За симъ—говорю вамъ: до свиданія—гдѣ? неизвѣстно—но до свиданія—и крѣпко жму вашу руку.

Bougival (près Paris). Les Frênes. 16, Rue de Mesmes.
Воскресеніе, 25-го іюля 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, недѣлю тому назадъ я прибылъ сюда и намѣренъ остаться здѣсь до конца октября—и съ Божьей помощью—хотя едва ли онъ въ такія дѣла мѣшается—работать.

Вечеръ нашъ удался великолѣпно: едва ли кто-нибудь что-нибудь слышалъ—но денегъ мы собрали 1.600 гульд.—На письмо ваше имѣю отвѣчать слѣдующее: выборъ вашъ для 5-го тома „Народной Библіотеки“ вполнѣ одобряю: мнѣ кажется всего въ мѣру и какъ слѣдуетъ. Къ 1-му числу августа мой автобіографическій очеркъ будетъ готовъ и вручится мною вамъ при свиданіи. Только будьте такъ любезны и предувѣдомьте меня о днѣ пріѣзда—и о томъ, гдѣ вы остановитесь въ Парижѣ. Я туда ѣзжу три раза въ недѣлю—и потому это меня нисколько не стѣснитъ. А потомъ я васъ привезу къ себѣ—т.-е. сюда—и покажу вамъ мой palazzo, который однако къ 5-му августу едва ли будетъ готовъ. Ну все равно—погуляемъ въ паркѣ.

А до того времени будьте здоровы—крѣпко жму вамъ руку.

Bougival. Les Frênes. Вторникъ, 14 сентября, 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ. Я готовъ—и жду васъ de pied ferme... Въ пятницу—въ 1 часъ дня, если вамъ угодно пожаловать ко мнѣ въ Парижъ въ Rue de Douai, 50, вы найдете меня съ двумя рукописями. Одна—представляетъ интересъ небольшой:—мой автобіографическій очеркъ;—другая рукопись—небольшая повѣсть одной русской барышни, которую я, по двукратномъ внимательномъ чтеніи—считаю прелестной вещью. Вы, можетъ быть, знаете, что я способенъ ошибаться въ критическихъ моихъ сужденіяхъ—въ хорошую сторону—т.-е. я способенъ увлекаться—и даже заслужилъ по этому поводу эпиграмму покойнаго Щербины;—именно во избѣжаніе этого я не удовлетворился единичнымъ чтеніемъ, и если ошибаюсь теперь—то уже тутъ нечего дѣлать—и надо махнуть на меня рукою какъ на критика!—Впрочемъ вы увидите сами. Я выправилъ кое-какія,

впрочемъ весьма немногочисленныя грамматическія неправильности—и даже, если вы того пожелаете, готовъ предпослать нѣсколько словъ въ видѣ рекомендаціи читателю.

Поздравляю васъ съ окончаніемъ новаго дѣла съ Зола. Романъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ; а онъ въ своихъ письмахъ всякій разъ благодаритъ меня за то, что я посводничалъ его съ вами.—Его фельетонъ въ В. Е.—прелесть.

И такъ до скораго свиданія—жму вамъ дружески руку.

Буживаль. Les Frênes. 16, Rue de Mesmes. Пятница, 3 (15) окт. 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ! Ваше письмо просто пронзило меня, заставило покраснѣть до ушей—въ самомъ дѣлѣ, эдакъ лѣниться нельзя!—и вслѣдствіе всего этого, я совершенно серьезно, и съ совершеннѣйшимъ желаніемъ сдержать свое слово, объявляю вамъ, что къ 20-му ноября вышлю вамъ—что, неизвѣстно—но два печатныхъ листа. Съ однимъ только условіемъ: если вы убѣдитесь, что мое произведеніе неудачно и можетъ только повредить мнѣ въ глазахъ читателей, вы, не обинуясь, дадите мнѣ это знать и бросите мою вещь въ огонь.—Вы должны будете это сдѣлать—во-первыхъ, изъ дружбы ко мнѣ; во-вторыхъ—изъ собственнаго интереса: рано или поздно, вы все-таки получите мой романъ—и фіаско моей маленькой вещи можетъ дурно на немъ отозваться. И такъ—это рѣшено:—я пришлю; а вы рѣшите—печатать или нѣтъ?

Я здѣсь остаюсь еще на двѣ недѣли—а тамъ вѣроятно скроюсь въ Падерборнъ—не для романа—а для маленькой вещи.—Вы будете извѣщены.

А пока желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму вамъ руку.

P. S. Мнѣ пришла въ голову слѣдующая—не знаю, блистательная ли—мысль. Можетъ быть, если вы мнѣ вышлете теперь 800 р. сер.—это будетъ родъ обязательства, которое я самъ на себя наложу—и которое мнѣ будетъ совѣстно нарушить? Вы видите, я всячески стараюсь самого себя взять въ руки.

Буживаль. Les Frênes. Воскресенье, 5 (17) октября 75.

Любезнѣйшій М. М.—вчера утромъ получилъ я вашу горестную телеграмму: бѣднаго А. Толстого не стало!—Этотъ исходъ можно было предвидѣть въ Карлсбадѣ—но все же жутко—и жаль хорошаго, славнаго человѣка!—Желаемый вами некрологъ я непремѣнно напишу, и вы его получите черезъ нѣсколько дней.

Будьте здоровы. Я, ничего, перебиваюсь со дня на день—кланяюсь вашей женѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Буживаль. Les Frênes. Вторникъ, 14 (26) октября 1875.

Любезнѣйшій М. М.—сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеніемъ 800 руб. Это дѣйствительно меня кольнуло въ бокъ, какъ шпора колетъ лошадь—и если я въ самомъ дѣлѣ не превращусь въ лошадь, то черезъ двѣ недѣли вы будете имѣть обѣщанные два листа печатныхъ.—Отличную вы возымѣли мысль показать мою вещь С. К. Брюловой [1]) (пожалуйста поклонитесь ей отъ меня дружески—и поздравьте съ новорожденнымъ)—но только попросите ее—и самого себя—быть чертовски строгими!! Это, повторяю, нужно для васъ и для меня.

Сажусь за работу—а вамъ жму крѣпко руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Понедѣльникъ, 10 (22) ноября, 1875. 1-й часъ.

Ура! любезнѣйшій М. М.! Сейчасъ написалъ послѣднюю строчку моей повѣстушки—и завтра же принимаюсь за переписываніе—такъ что къ 26-му ноября (черезъ 16 дней)—вы непремѣнно будете имѣть ее въ рукахъ.—Для совершенія этого громаднаго дѣла я на цѣлую недѣлю уединился въ С.-Жерменѣ—и писалъ, не переставая. Что изъ этого вышло—Аллахъ вѣдаетъ. Заглавіе разсказа: „Часы“.—Вышелъ онъ длиннѣе, чѣмъ я думалъ: 36 или 37 страницъ В. Е.—Лишь бы не сказали г.г. критики: Часы г-на Т. отстаютъ: онъ все еще воображаетъ себя писателемъ. Пожалуйста, исполните мою просьбу: прочтите эту вещь съ сверхъестественной строгостью!!

№ В. Е. получилъ. Отличная статья Э. Зола о Флоберѣ.—Я его видѣлъ вчера—и онъ меня просилъ попросить васъ, чтобы вы по возможности скоро выслали ему рукописи его фельетоновъ: онъ въ нихъ очень нуждается. Не сомнѣваюсь, что вы, аккуратнѣйшій изъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ, исполните его желаніе въ точности.

Я успѣлъ пробѣжать разсказъ кн. Львовой.—Мнѣ онъ очень нравится: граціозная и свѣжая вещь.

Жму вамъ дружески руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 3-го дек. (21 нояб.) 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, симъ извѣщаю васъ, что разсказъ „Часы“ (87 стр.) отправленъ мною страховымъ письмомъ

[1]) Дочери К. Д. Кавелина. Послѣ ея преждевременной смерти (1877) И. С. Тургеневъ почтилъ ея память некрологомъ, вошедшимъ въ полное собраніе его сочиненій.—*Ред.*

Павлу Васильевичу Анненкову въ Баденъ-Баденъ—съ инструкціей: немедленно по прочтеніи, отправить рукопись тоже страховымъ пакетомъ — къ вамъ, такъ чтобы она попала непремѣнно въ ваши руки къ 26-му числу ноября, до котораго осталось 6 дней.— Вы, можетъ быть, пеняете на меня, зачѣмъ я не прямо отправилъ мой разсказъ къ вамъ: но такова уже моя слабость, что я до сихъ поръ всѣ свои вещи до печатанія показывалъ Анненкову. Я вѣрю въ его вкусъ—да и къ тому же это у меня сдѣлалось въ родѣ суевѣрной примѣты. Вы отъ этого ничего не потеряете—мой разсказъ не просрочитъ единой минуты.

Съ однимъ однако исключеніемъ! Не скрою отъ васъ, что я написалъ Анненкову, что если онъ найдетъ этотъ мой продуктъ недостойнымъ ни моего прошедшаго, ни вашего изданія— то я прошу его задержать и меня объ этомъ извѣстить немедленно. Но я не думаю, чтобы вещь моя оказалась уже до такой степени плохою. Впрочемъ, въ такомъ случаѣ, и вамъ она не нужна.

Весьма буду вамъ обязанъ, если вы, какъ только получите рукопись, дадите мнѣ знать это телеграммой.

Завтра я вамъ посылаю другое письмо. Въ немъ будутъ заключаться:

a) Небольшое предисловіе—или обращеніе къ читателямъ— по поводу „Часовъ“.

b) Отвѣтъ на ваше письмо, гдѣ говорится о моемъ первомъ печатномъ произведеніи—и о юбилеѣ. Юбилея я ни въ какомъ случаѣ не хочу—это противно моимъ убѣжденіямъ—а о статьѣ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“—я узнаю только теперь — черезъ 40 лѣтъ! Мнѣ было тогда 17 лѣтъ (я находился въ университетѣ), но матушка моя непремѣнно желала, чтобы я работалъ у Сербиновича. Я настрочилъ эту статейку въ видѣ пробы пера и отдалъ ее г-ну С., котораго видѣлъ всего *одинъ* разъ, первый и послѣдній, и совершенно позабылъ о ней, никакъ не воображалъ, что ее тиснутъ!—И вдругъ оказывается, что ее тиснули.—Что я могъ тамъ такое наврать—единому Богу извѣстно.

Я буду васъ просить напечатать это письмо мое (а также и предисловіе) въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“—а до тѣхъ поръ желаю вамъ всего хорошаго и крѣпко жму вамъ руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Вторникъ, 7 дек. (25 нояб.) 1875.

Вотъ, любезнѣйшій М. М., поправки, о которыхъ я вамъ телеграфировалъ вчера.—Онѣ довольно важны—и вы бы очень

были любезны, еслибъ внесли ихъ въ рукопись.—Онѣ были внушены мнѣ П. В. Анненковымъ, которому я приношу искреннее спасибо (напр.: Раиса не должна бѣжать за Давыдомъ, когда онъ мчится къ рѣкѣ: это нераціозно).

Полагаю, что вы уже получили манускриптъ изъ Бадена отъ Анненкова—и жду телеграмму, которою вы мнѣ это оповѣстите. Убѣдительно прошу васъ: 1) заставить строго продержать корректуру, 2) выслать оттискъ въ Берлинъ—и другой мнѣ—какъ только будетъ готово.

П. В. Анненковъ тоже присовѣтывалъ мнѣ отсѣчь конецъ—и обратилъ мое вниманіе на ошибку съ масонствомъ, которое Павелъ не преслѣдовалъ. Я это очень хорошо знаю — да выскользнуло изъ подъ пера.

Und damit Gott befohlen.

Дружески жму вамъ руку.

P. S. Напишите ваше *серьезное* мнѣніе и мнѣніе С. К. Брюловой.

Парижъ. Rue de Douai. Середа, 26 ноябр. (8 дек.) 1875.

Любезнѣйшій М. М., я долженъ просить у васъ извиненія въ томъ, что не даю вамъ покоя; но мнѣ пришло въ голову, что я во вчерашнемъ письмѣ (съ исправленіями) слишкомъ округзилъ конецъ;—и въ музыкѣ необходимо подъ конецъ напомнить первоначальный мотивъ. И потому прошу васъ въ самомъ концѣ послѣ словъ: „и *Раиса* не долго *пережила его*“ — помѣстить прилагаемый хвостикъ.

Дружески жму вамъ руку.

P. S. Извините за хлопоты—но я надѣюсь, вы увидите во всемъ этомъ только мое желаніе сдѣлать какъ можно лучше.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Суббота, 4 дек. 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, посылаю вамъ по обѣщанію при семъ:

1) Письмо къ вамъ о „первомъ моемъ произведеніи“ — а также и приложенное къ нему письмо по поводу юбилея (!). Пожалуйста, если возможно, напечатайте это еще въ *декабрьской* книжкѣ.

2) Нѣсколько словъ къ читателямъ, которыя покорно прошу помѣстить въ самомъ началѣ разсказа: „*Часы*“. Мнѣ кажется, это непремѣнно нужно — а то, пожалуй, публика разсердится. Это для январьской книжки.

Теперь еще крайняя и важная просьба.

Если „Часы“ будутъ напечатаны—то оттиски будутъ готовы

раньше всей остальной книжки. Благодѣтель! пришлите тотчасъ одинъ мнѣ; а другой по слѣдующему адресу:

Berlin, Herrn Dr. Julius Rodenberg, W. Schellingsstrasse, 16. Redaction der „Deutschen Rundschau".

Они хотятъ мою штуку перевести и помѣстить у себя въ февральской книжкѣ—но для этого имъ нужно имѣть оригиналъ, какъ можно раньше. Вы ничего противъ этого не имѣете? А мнѣ это принесетъ нѣсколько пекуній. Не сомнѣваюсь въ исполненіи вами моей просьбы.

Любопытствую знать, что скажете вы и С. К. Брюллова о моемъ дѣтищѣ.—Чувствую робость.

За симъ дружески жму вамъ руку.

Парижъ. Rue de Douai, 50. Суббота, 11 дек. (29 нояб.) 1875.

Только что собирался отвѣчать на ваше письмо, любезнѣйшій М. М., какъ вдругъ является ваша телеграмма, извѣщающая о прибытіи рукописи въ Петербургъ. Слава Богу! одной заботой меньше; хотя вопросъ: что такое я собственно написалъ?—еще не вполнѣ разрѣшенъ въ моихъ глазахъ. Не забудьте, что вы мнѣ обѣщали сообщить свое нелицепріятное мнѣніе.

Кстати, „еще одна послѣдняя поправка", на которую мнѣ указала г-жа Віардо. Въ *первомъ* разговорѣ Раисы съ Давыдомъ у забора сада, гдѣ она ему говоритъ о смерти матери, — надо измѣнить одно мѣсто—*такъ какъ въ то время Латкинъ еще не былъ пораженъ параличомъ, а я заставляю его косноязычить.*

Вмѣсто:

„— Приду, — отвѣчалъ Давыдъ.—Посмотрю. А что отецъ?

„— Плачетъ; говоритъ: побалуйте, дескать, и меня.—„Побалуйте"—должно значить: похороните.

Должно напечатать:

„— Приду,—отвѣчалъ Давыдъ.—Посмотрю. А что отецъ?

„— Плачетъ; говоритъ: похороните за одно ужъ и меня".

Вамъ, вѣроятно, всѣ мои поправки сильно надоѣли—но хочется товаръ по возможности лицомъ показать. Да и отстрочка отъ нихъ небольшая.

Что касается до чтенія „Часовъ" въ Литературномъ Фондѣ—то даю вамъ на этотъ счетъ *carte blanche.* — Распоряжайтесь, какъ знаете.

Ту же самую *carte blanche* даю вамъ на счетъ предисловьица къ „Часамъ";—въ случаѣ, еслибы вы нашли его лишнимъ—по боку его!—Но мнѣ кажется оно нужнымъ.

За симъ, крѣпко-на-крѣпко жму вашу руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 17 (5 дек.) 1875.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, пишу къ вамъ по слѣдующему поводу. Оказывается, что юбилей мой — пуфъ и что Общество Л. Р. С. никогда о немъ и не думало, какъ пишетъ мнѣ секретарь Общества Безсоновъ, въ отвѣтъ на мое письмо. Впередъ наука—не вѣрить журнальнымъ завѣреніямъ. Разумѣется, я очень этому радъ—и только прошу васъ, выкинуть изъ моего письма къ вамъ (долженствующаго явиться въ январьской книжкѣ), выкинуть все, касающееся до юбилея.

Надѣюсь, что вы остались не недовольны „Часами“—и что печатаніе идетъ своимъ порядкомъ.

Что же касается до нѣмецкаго перевода въ Берлинѣ, то вы можете быть совершенно спокойны: Роденбергъ готовитъ его къ февральской или даже мартовской книжкѣ.

Тэна я долженъ увидѣть на дняхъ—и тотчасъ сообщу вамъ результатъ нашего разговора.

Желаю вамъ всего хорошаго и крѣпко жму вамъ руку.

P. S. Сейчасъ съ обычной аккуратностью явился декабрьскій № „Вѣстника Европы“. — Я только успѣлъ заглянуть въ годовую статистику — и порадовался, увидѣвъ, что число подписчиковъ прибыло хоть на 150 штукъ.

Парижъ. 21 ноября (9 декабря) 1875.

Письмо г-ну секретарю Общества любителей россійской словесности.

Милостивый государь! Усматривая изъ нѣкоторыхъ статей отечественныхъ журналовъ, а также узнавъ изъ другихъ источниковъ, что Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ намѣрено удостоить меня юбилея, рѣшаюсь обратиться къ вамъ. Смѣю думать, что вы не откажетесь довести до свѣдѣнія общества мою всепокорнѣйшую просьбу.

Она состоитъ въ томъ, чтобы общество, принявъ отъ меня живѣйшую благодарность за столь высокую и мною незаслуженную честь — соблаговолило отказаться отъ вышесказаннаго намѣренія. Меня въ нынѣшнемъ году въ Россіи не будетъ; да и сверхъ того, убѣжденія мои насчетъ неумѣстности юбилеевъ для авторовъ еще живыхъ—не измѣнились; я продолжаю думать, что одному потомству доступна настоящая оцѣнка и правильная разверстка литературныхъ талантовъ. Одной мысли, что человѣкъ, удостоенный юбилея во время своей жизни, быть можетъ, не получитъ, ничего подобнаго отъ потомства—одной этой мысли до-

статочно, чтобы заранѣе отказаться отъ предлагаемой чести и отъ самой постановки вопроса.

Со всѣмъ тѣмъ считаю долгомъ принести, вмѣстѣ съ выраженіемъ моей нелицемѣрной благодарности — и искреннія мои извиненія Обществу—а также увѣрить каждаго изъ его членовъ, равно какъ васъ, милостивый государь, въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Парижъ 50, Rue de Douai. Вторникъ, 6 (18) января 1876.

Любезнѣйшій М. М.—все прибыло благополучно—и отдѣльные экземпляры „Русской Библіотеки“ (которые уже розданы по принадлежности) и 1-й № „Вѣстника Европы“ и вырѣзки газетъ. Остается попросить васъ выслать мнѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нѣсколько оттисковъ „Часовъ“.—Удивляетъ меня немного, что вы 28 декабря нашего стиля (датумъ вашего письма) еще не получали росписки Шарпантье въ 1.200 фр.

Письмо ваше вообще нѣсколько загадочно: но я надѣюсь, что все разрѣшилось мирно и тихо. Два, три „Seitenhieb'a“ въ 1-мъ №, который я только успѣлъ пробѣжать, должны быть весьма чувствительны для его В. П-а Д. А. Т. [1])—и я понимаю, что онъ васъ ненавидитъ особенной ненавистью.

За симъ желаю вамъ всего хорошаго и жму вамъ крѣпко руку.

P. S. Мнѣ лучше—но я все принужденъ не покидать постели.

Парижъ, 50, Rue de Douai. Понедѣльникъ, 12 (24) января 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я получилъ ваше письмо и сообщилъ выписки изъ него Зола, которому онѣ, конечно, доставятъ удовольствіе. (Фельетонъ о бракѣ во Франціи присовѣтовалъ ему я—и радуюсь тому, какъ онъ это удачно выполнилъ). Онъ не имѣетъ пока намѣренія издать свои письма во Франціи; но я ему сообщу ваше желаніе и онъ, при случаѣ, непремѣнно оговорится въ предисловіи.

Первый № „Вѣстника Европы“ заставилъ и меня почесать у себя за ухомъ. Вы такой нанесли сопр de Jarnac Д. Толстому, что онъ долженъ васъ окончательно возненавидѣть — и будетъ горѣть жаждой мести: берегитесь!

Я сообщу ваше замѣчаніе К., но я боюсь, что онъ изъ тѣхъ

[1]) Очевидно—гр. Д. А. Толстого, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, мѣры котораго подвергались въ „Вѣстникѣ Европы“ мягкой по формѣ, но рѣшительной по существу критикѣ.—*Ред.*

русскихъ, которые кричатъ: „работы! давайте работы!“—а получивъ работу—только грустятъ. Посмотримъ.

Катковка моя проходитъ медленно и упорно; однако я сегодня въ первый разъ выѣзжаю.

Дружески жму вамъ руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Суббота, 5 февраля 1876.

Вашу борьбу съ *дикимъ звѣремъ* — я, какъ старинный охотникъ, вполнѣ понимаю; понимаю даже, что вы ей предаетесь съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, припоминая извѣстные Пушкинскіе стихи:

„Есть наслажденье и въ бою
И мрачной бездны на краю“ и т. д.

Но не могу не чувствовать нѣкоторой „appréhension“. Дай Богъ, чтобы вамъ какъ-нибудь не намаркевичили!

Могу васъ увѣдомить, что, устранивъ до нѣкоторой степени Катковку, работаю надъ исполненіемъ даннаго публикѣ обѣщанія. Если я самъ себя не сглажу (отъ „сглазить“—а не отъ „сгладить“)—то, пожалуй, ко времени моего пріѣзда въ Россію, въ маѣ будетъ все готово—Deo volente!

Дружески жму вамъ руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Вторникъ, 9 (21) марта 1876.

Я забылъ вамъ сказать, что Флоберъ написалъ преоригинальную легенду (La Légende de St Julien l'Hospitalier). Она мнѣ до того понравилась, что я рѣшился ее перевести (она прекоротенькая: 20 или 25 страницъ, не болѣе). Я думаю представить вамъ ее въ „Вѣстникъ Европы“; но мы еще объ этомъ переговоримъ.

Дружески жму вамъ руку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Четвергъ, 8 (20) апрѣля 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, посылаю вамъ если не дѣльное, то во всякомъ случаѣ дѣловое письмо и для порядка пишу его по пунктамъ.

1) Прилагаемая рукопись — переводъ, сдѣланный по моей рекомендаціи, извѣстной драмы Геббеля—молодымъ, здѣсь находящимся и очень талантливымъ (но также очень бѣднымъ) русскимъ — нѣкіимъ В. Григорьевымъ. Боюсь только, какъ бы эта драма (едва ли не лучшее произведеніе новой германской дра-

матической литературы) не была уже переведена на русскій языкъ; а то—я смѣло рекомендую ее въ одинъ изъ лѣтнихъ № „Вѣстника Европы“; я увѣренъ, что прочтя ее, вы раздѣлите мое мнѣніе. Если вы ее примете—то о цѣнѣ мы переговоримъ съ вами въ Петербургѣ. Не раззоритъ она васъ во всякомъ случаѣ.

2) Второй листочекъ съ переводами изъ Гейне—Ю. Милютина, сына извѣстнаго Н. А. Милютина. Переводы эти весьма недурны и могли бы быть помѣщены, во-первыхъ—для поощренія юнаго стихотворца, а во-вторыхъ—изъ уваженія къ памяти его отца. Буквы выставить однѣ начальныя: Ю. М.

3) Легенду Флобера я вамъ привезу самолично: вы увидите—это замѣчательная вещь.

4) На счетъ писемъ Пушкина! Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ, я ихъ получилъ и прочелъ. Они крайне любопытны, но насколько удобны къ печати—это другой вопросъ. Надо было бы выкинуть самое интересное, ибо П. не церемонился съ своей женою и высказывался очень рѣзко на счетъ своихъ и ея родныхъ, знакомыхъ и т. д. Графиня Л. М. (Дуббельтъ) уже предлагала и показывала ихъ нѣсколькимъ лицамъ (между прочимъ Анненкову), но, во 1-хъ) она требовала за нихъ цѣну ни съ чѣмъ несообразную, а во 2-хъ) эти письма скорѣе могли бы быть предметомъ біографическаго „этюда“—чѣмъ поступить голымъ матеріаломъ въ литературно-публичный водоворотъ. Впрочемъ я съ графиней М. увижусь въ Висбаденѣ на дорогѣ въ Россію—и переговорю съ ней окончательно. Результатъ нашего разговора я передалъ вамъ въ Петербургѣ (куда я прибуду *непремѣнно* къ 20-му мая нашего стиля).

5) Я передалъ Зола рукопись его хроники; что же касается до его романа—то уже вамъ извѣстно его намѣреніе извлечь изъ него суть для слѣдующаго фельетона въ „Вѣстникѣ Европы“. Вы напрасно думаете, что печатая „l'Assommoir“ въ „Bien Public“ онъ теряетъ деньги, которыя платитъ ему Шарпантье: 6.000 фр. онъ получаетъ за отдѣльное изданіе.

А за симъ—желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму руку. Напишите еще два слова до моего отъѣзда и извѣстите о полученіи этого письма.

С. Спасское-Лутовиново, Орловской губ. и гор. Мценскъ. Вторникъ, 15 іюня 1876.

Не знаю, застанетъ ли васъ это письмо еще въ Питерѣ, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ,—но вотъ 15-ое число и я не высылаю вамъ статьи о Ж. Зандъ и не вышлю теперь! Вы-

слушайте меня терпѣливо; клянусь вамъ, я съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, работаю какъ волъ, сижу каждую ночь до 2-хъ часовъ, но надъ романомъ, исключительно надъ романомъ, который вслѣдствіи этого сильно подвигается, и ничего другого рѣшительно не могу, не могу сдѣлать! Посмотрите, какой вздорецъ я послалъ по этому поводу въ „Новое Время“ — и то я почти все перевелъ изъ письма г-жи Віардо. Къ тому же мнѣ Золя написалъ, что онъ весь свой фельетонъ посвятилъ Ж. Зандъ— стало быть, у васъ о ней будетъ сказано (хоть вѣроятно не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось). Написать же что-нибудь дрянное о Ж. Зандъ я не могу. Даю вамъ честное слово — что до зимы вы будете имѣть серьезную статью о ней — быть можетъ, даже въ видѣ возраженія Золя—но теперь я ничего не въ состояніи писать, кромѣ моего романа—и вы, пожалуйста, вѣрьте этому, ce n'est pas de la blague, и не пеняйте на меня и извините меня великодушно.

Подагра моя, слава Богу, молчитъ пока—и я долженъ этимъ воспользоваться.

Не знаю еще, когда я отсюда выѣду, — а пока, жму вамъ крѣпко руку.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Повѣсть Арнольда Беннета.

(Arnold Bennett: «A great man».)

I.

Его рожденіе.

Однажды вечеромъ въ 1866-мъ году (въ точности: черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ битвы при Гастингсѣ) м-ръ Генри Найтъ, управляющій магазиномъ суконъ, лысый, коротенькій, но не толстый человѣкъ, сорока лѣтъ отъ роду, сидѣлъ въ своей гостинной во второмъ этажѣ надъ магазиномъ, которымъ онъ завѣдовалъ въ Оксфордъ-стритѣ, въ Лондонѣ. Онъ гордился этой гостинной, приближавшейся къ идеалу, и имѣлъ право гордиться ею. Пышные зеленые обои, покрытые піонами въ полномъ цвѣту (отравленіе мышьяковистыми обоями тогда еще не было извѣстно, не то піоны м-ра Найта несомнѣнно цвѣли бы на какомъ-либо иномъ фонѣ), какъ нельзя лучше подходили къ цвѣту скатерти, лежавшей на столѣ, за которымъ м-ръ Найтъ писалъ, а эта скатерть вполнѣ гармонировала съ желтыми розами, произраставшими на коврѣ въ болѣе чѣмъ натуральную величину; утонченный эффектъ этой гармоніи отнюдь не нарушали, а скорѣе усиливали и оттѣняли—шкафъ краснаго дерева, полный безсмертныхъ печатныхъ произведеній, диванъ конскаго волоса, покрытый цѣлой сѣтью плетеныхъ салфеточекъ и дорожекъ, восковые цвѣты подъ стекляннымъ колпакомъ на мраморной доскѣ камина, гармоніумъ розоваго дерева и, наконецъ, рядъ обитыхъ бумажной матеріей стульевъ.

М-ръ Найтъ писалъ что-то въ большой тетради. Онъ сдѣлалъ передышку и, держа перо въ зубахъ, сталъ перебирать исписанныя страницы. Онѣ были заполнены черновиками писемъ, адресованныхъ имъ впродолженіе послѣднихъ семи лѣтъ издателямъ разныхъ газетъ, начиная съ „Times'a", и кончая всевозможными другими органами, не существующими теперь, но нѣкогда вліятельными. Подъ каждымъ письмомъ была наклеена вырѣзка его въ печатномъ видѣ, но мѣстами этихъ свидѣтельствъ успѣха недоставало: не всегда м-ру Найту удавалось достигнуть гласности. Письма были подписаны псевдонимами, какъ напримѣръ: „Британскій гражданинъ", „Fiat Justitia", „Нѣкто знающій", „Нѣкто желающій знать", „Плательщикъ налоговъ", „Озадаченный", „Негодующій" и „Pro bono publico" — особенно часто „Pro bono publico". Два письма, адресованныя въ спеціальный торгово-промышленный журналъ, были подписаны: „Управляющій суконнымъ предпріятіемъ втеченіе 10-ти лѣтъ", а одно—его настоящимъ именемъ.

Письмо, которымъ онъ былъ занятъ сейчасъ, помѣчено было номеромъ 75-мъ и было обращено къ издателю „Standart'a". Почувствовавъ приливъ вдохновенія, м-ръ Найтъ продолжалъ выписывать почеркомъ, украшеннымъ многими завитушками:

„...Совершенно правильно, что въ прошедшемъ году мы выплатили только какихъ-нибудь четыре милліона, но два года назадъ мы уплатили болѣе девяти милліоновъ. Откуда же, спрашивается, является этотъ протестъ противъ принятія суммы въ нѣсколько менѣе девяти милліоновъ изъ нашего огромнаго національнаго дохода для дальнѣйшаго погашенія національнаго долга? Не является ли обязанностью государства, равно какъ и каждаго отдѣльнаго индивида, выплачивать свои долги? Позвольте же мнѣ, сэръ, для подкрѣпленія аргументаціи, съ которой я началъ данное сообщеніе, кратко начертать исторію національнаго долга, нашего національнаго позора. Въ 1688-мъ году національный долгъ былъ нѣсколько больше шестисотъ тысячъ фунтовъ..."

Начертавъ вкратцѣ исторію государственнаго долга, м-ръ Найтъ началъ новый абзацъ такимъ образомъ:

— „Повторяя безсмертныя слова Шекспира, кот..."

Но въ этотъ моментъ онъ былъ прерванъ. Симпатичная молодая женщина въ бѣломъ пердникѣ открыла дверь.

— Генри!—позвала она съ порога.

— Что такое?

— Пора уже итти за докторомъ, — у Сусанны началось...

— Хорошо, Анни; я сію минуту.

Онъ бросилъ перо, завернулъ газъ и черезъ нѣсколько мгновеній мчался по Оксфордъ-стриту. Было десять часовъ, іюль мѣсяцъ; вечеръ располагалъ къ романтизму.

М-ръ Найтъ повернулъ на Бюри-стритъ и постучался у дверей № 8-ой съ мѣдной дощечкой на ней.

— Нѣтъ дома, сэръ. Ихъ сейчасъ нѣтъ,—сказала горничная въ отвѣтъ на стремительные вопросы м-ра Найта.

— Нѣтъ дома?!—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ. Ихъ позвали къ больному съ полчаса, пожалуй, и вернутся они, можетъ быть, очень поздно.

— Позвали къ больному! — воскликнулъ м-ръ Найтъ. Онъ былъ изумленъ, огорченъ, подавленъ.

— Но, вѣдь, я предупреждалъ его еще три мѣсяца тому назадъ!

— Вотъ какъ! Такъ это что-нибудь очень спѣшное, сэръ?

— Это...—замялся м-ръ Найтъ, краснѣя: дѣвушка выглядѣла такой молоденькой и невинной.

— Баринъ велѣли, если что случится спѣшное итти къ д-ру Кристоферу, 22, Арджиль-стритъ.

— Не забудьте же сказать барину, что я былъ, — холодно сказалъ м-ръ Найтъ, уходя.

Въ номерѣ 22-мъ, Арджиль-стритъ, ему сообщили, что д-ръ Кристоферъ тоже отозванъ къ больному и оставилъ указаніе, въ случаяхъ спѣшности обратиться къ д-ру Квэнъ-Шоттъ 15, Бюри-стритъ. Досада м-ра Найта, конечно, возросла вслѣдствіе отсутствія этого второго доктора, но гораздо больше возросла она отъ того, что д-ръ Квэнъ-Шоттъ жилъ какъ разъ въ Бюри-стритѣ. Въ этотъ моментъ вся міровая тайна свелась для него къ вопросу, зачѣмъ онъ обреченъ былъ пройти весь путь отъ Бюри-стрита до Арджиль-стрита съ единственной цѣлью вернуться снова назадъ? М-ръ Найтъ въ данный моментъ, дѣйствительно, представлялъ собою троицу, состоящую изъ „Озадаченнаго“, „Негодующаго“ и „Нѣкоего, желающаго знать“, съ преобладаніемъ второго изъ этихъ лицъ. Когда же онъ убѣдился въ томъ, что № 15 на Бюри-стритъ находится какъ разъ насупротивъ № 8-го, его негодованіе дошло до максимума.

— Докторъ съ семьей сегодня въ театрѣ „Альгамбра“, — отвѣтила степенная пожилая домоправительница на вопросъ м-ра Найта.—Въ случаяхъ экстренныхъ можно его вызвать. Его ложа—№ 3.

— Театръ „Альгамбра“! гдѣ это?—пролепеталъ м-ръ Найтъ.

При этомъ надо пояснить, что онъ не уважалъ сцены и что, кромѣ того, „Альгамбра“ была только недавно открыта.

— Двухъ вовсе нѣтъ, а третій въ театрѣ! — хмуро размышлялъ про себя м-ръ Найтъ, торопясь дальше.—Изъ всѣхъ мѣстъ выбралъ именно театръ!

Въ его умѣ начинало уже складываться письмо въ „Times“ относительно профессіи врача, когда онъ подъѣхалъ къ „Альгамбрѣ“ и увидѣлъ афиши, возвѣщавшія, что дается пьеса подъ заглавіемъ „Король Морковка“!

„Король Морковка“!—пробормоталъ онъ злобно, вкладывая въ это странное сочетаніе словъ не только свое презрѣніе ко всему медицинскому сословію, но и свое глубокое и полное пренебреженіе къ безразсудству современнаго театра.

Вѣжливость капельдинеровъ и быстрое появленіе д-ра Квэнъ-Шотта нѣсколько смягчили „Управляющаго суконнымъ предпріятіемъ втеченіе десяти лѣтъ“, хотя ему не понравилось, что докторъ настаивалъ на возвращеніи къ себѣ домой за какими-то инструментами. Была уже половина двѣнадцатаго, когда м-ръ Найтъ вернулся домой; докторъ долженъ былъ явиться вслѣдъ за нимъ.

— Какъ ты долго! — раздался голосъ со второго этажа.— Все уже окончилось. Мальчикъ. Сусанна чувствуетъ себя отлично. М-съ Пэдифэттъ говоритъ, что она никогда еще не видѣла такого...

Въ это время сверху, изъ мезонина, раздался упрямый дѣтскій крикъ:

— Тетя Анни! тетя Анни! тетя Ан-ни!

— Пойди наверхъ и успокой Тома,—сказалъ м-ръ Найтъ.— Это совсѣмъ въ его духѣ поднять крикъ именно теперь. А я пойду взглянуть на Сусанну и на... своего первенца.

II.

Томъ.

Наверху, въ мезонинѣ, мальчикъ семи лѣтъ сидѣлъ на своей кроваткѣ, стоявшей рядомъ съ постелью его милой тети Анни. У него было необычайно умное, насмѣшливое личико и красивая, кудрявая шапка волосъ, которую онъ теребилъ одной рукой, когда тетя Анни вошла въ комнату, высоко поднявъ свѣчу.

— Что такое?—твердо спросила тетя Анни.

— Что?—повторилъ Томъ, рѣшившій не сдаваться сразу и осторожно ожидавшій удобнаго случая для нападенія, точно на дуэли.

— Что это за шумъ такой? Я, бѣдь, говорила тебѣ давно, чтобы ты сейчасъ же ложился спать.

— Да-а,—сказалъ Томъ, пристально глядя на свое стеганое одѣяло и мысленно отрѣзая отъ него ровные кусочки. — Развѣ вы не понимаете, что я не могу спать послѣ *этого*!

— Но уже почти двѣнадцать! — продолжала тетя Анни. — Чего ты хочешь?

— Вы... вы оставили гребенку у меня въ волосахъ,—сказалъ Томъ, чуть не плача.

Тетя Анни каждый вечеръ расчесывала кудри Тома.

— Неужели ты такой маленькій, что не могъ вынуть ее самъ?—ласково сказала тетя Анни, подходя къ его кроваткѣ и вытаскивая гребень.—Ну, а теперь спи, пожалуйста!

Она поцѣловала мальчика.

— И затѣмъ я слышалъ, какъ пробирались воры,—продолжалъ Томъ, не шевелясь.

— Ахъ, оставь это,—рѣзко возразила тетя Анни.—Невозможно слышать воровъ каждую ночь.

— Я слышалъ, какъ бѣгали взадъ и впередъ, и стучали двери и разныя вещи.

— Это былъ дядя Генри и я. Обѣщай мнѣ быть хорошимъ мальчикомъ—тогда я тебѣ разскажу секретъ.

— Я не обѣщаю,—отвѣтилъ Томъ.—Но если это хорошій секретъ, я буду стараться.

— Ну такъ вотъ: у тебя теперь есть двоюродный братецъ, маленькій, крохотный такой! Что ты на это скажешь?

— Видите, я зналъ, что кто-то вошелъ къ намъ!—спокойно замѣтилъ Томъ.—Какъ его зовутъ?

— Пока еще никакъ, но скоро у него будетъ имя.

— А онъ пришелъ по лѣстницѣ?—спросилъ Томъ.

Тетя Анни засмѣялась.

— Нѣтъ,—сказала она.

— Ну, значитъ, онъ долженъ былъ войти или въ окно или въ трубу; но въ трубѣ сажа,—такъ, вѣрно, онъ вошелъ въ окно. Чей же онъ мальчикъ? Вашъ?

— Нѣтъ. Тети Сусанны.

— А она знаетъ, что онъ есть?

— О, да. Знаетъ. И она очень рада. А теперь надо спать. Я скажу тетѣ Сусаннѣ, что ты будешь славнымъ мальчикомъ.

— Лучше не говорите,—попросилъ Томъ.—Я не чувствую навѣрное. Слушайте, тетичка, а сегодня ночью придутъ еще другіе маленькіе мальчики?

— Нѣтъ, котикъ, не думаю,—улыбнулась Анни. Она собиралась уже уйти и говорила съ порога.

— Но вы увѣрены, что ихъ больше не будетъ?—настаивалъ Томъ.

— Да, я увѣрена. Спи теперь.

— А тетя Сусанна не хочетъ еще одного мальчика?

— Нѣтъ, не хочетъ. Спи, пожалуйста.

— Потому что когда я пришелъ къ своей мамѣ, то послѣ меня пришелъ еще одинъ мальчикъ, и онъ умеръ скоро. И мама тоже умерла. Мнѣ папа такъ разсказывалъ.

— Да, да,—сказала тетя Анни, затворяя дверь.—Спокойной ночи.

— Я, вѣдь, не обѣщалъ ничего,—разсуждалъ Томъ со своей совѣстью.—А секретъ все-таки хорошій.

Онъ осторожно спустился на полъ, нашелъ свое платье, которое тетя Анни клала въ неизмѣнномъ порядкѣ на стулъ и накинулъ на себя кое-что. Затѣмъ онъ тихонько отворилъ дверь и спустился ползкомъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Это былъ жадный къ приключеніямъ ребенокъ, и ему хотѣлось видѣть новаго бэби.

Приходившіе къ м-ру Генри Найту, какъ къ частному лицу, должны были звонить у подъѣзда направо отъ магазина, и приказчикъ давалъ указаніе подняться вверхъ до площадки второго этажа, гдѣ находилась дверь и гдѣ надо было снова позвонить. Эта дверь бывала обычно заперта, но теперь Томъ нашелъ ее раскрытой настежъ. Онъ заглянулъ туда и сталъ было раздумывать, не пробраться ли внизъ въ магазинъ. Но затѣмъ онъ перемѣнилъ рѣшеніе и спрятался за плюшевой портьерой: изъ этой засады онъ могъ наблюдать дверь спальни дяди Генри и тети Сусанны, а также видѣть, что дѣлается на лѣстницѣ.

И онъ сталъ ждать, что что-нибудь случится, съ терпѣніемъ и фатализмомъ дѣтскаго возраста.

Послѣ нѣкотораго, трудно опредѣлимаго математически, промежутка времени, Томъ услышалъ шаги на лѣстницѣ и сталъ смотрѣть. Наверхъ поднимался высокій господинъ въ цилиндрѣ и съ черной сумкой въ рукѣ. Тому мгновенно вспомнился разговоръ съ его покойнымъ отцомъ, который объяснилъ ему, что его, Тома, докторъ принесъ къ матери въ комнату въ черномъ саквояжѣ.

Томъ вышелъ на площадку, закрылъ за собой дверь и спросилъ:

— Вы—докторъ?

Онъ не сводилъ глазъ съ чернаго мѣшка, чтобы увидѣть, не копошится ли тамъ что-нибудь.

— Да, дружище, — отвѣтилъ докторъ. Это былъ Квэнъ-Шоттъ, извлеченный изъ „Альгамбры".

— Но они не хотятъ другого. У нихъ уже есть одинъ,— объявилъ Томъ, все еще не покидая глазами сумки.

— Ты навѣрное знаешь?

— Да. Тетя Анни сказала, что они больше не желаютъ.

— А кто этотъ, который пришелъ? Какъ его зовутъ? Не Кристоферъ?

— Я не знаю его имени. Но онъ пришелъ, и теперь онъ въ спальнѣ, съ тетей Сусанной.

— Какая досада!—сказалъ докторъ Квэнъ-Шоттъ про себя и удалился.

Томъ вернулся назадъ и снова занялъ свою прежнюю позицію за портьерой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ опять шаги на лѣстницѣ и опять вышелъ навстрѣчу. И странное дѣло!—шелъ опять высокій господинъ въ цилиндрѣ и съ черной сумкой въ рукѣ.

— Это уже третій,—сказалъ Томъ.

— Что такое, малышъ? — спросилъ господинъ съ улыбкой. Это былъ докторъ Кристоферъ.

— Уже цѣлыхъ три. А они хотятъ только одного. Первый пришелъ уже очень давно. И я могу вамъ сказать, что тетя Сусанна была очень рада, когда онъ пришелъ.

— Вотъ какъ! вотъ какъ! — воскликнулъ докторъ Кристоферъ. — Значитъ, я опоздалъ. Я и думалъ, что такъ выйдетъ. Все благополучно, да?

Томъ кивнулъ головой, и докторъ Кристоферъ удалился.

Еще пауза, и снова появился высокій господинъ, въ цилиндрѣ и съ сумкой.

— Четвертый,—сказалъ Томъ.

— Ты что сказалъ, Томми? — спросилъ постоянный врачъ м-ра Найта.—Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Одинъ пришелъ уже давно,—сказалъ Томъ.—И они не хотятъ больше.

Затѣмъ онъ поглядѣлъ на сумку, которая была больше и внушительнѣе, чѣмъ у тѣхъ докторовъ.

— А вы принесли *очень* славнаго? — спросилъ онъ. — Они не хотятъ другого, но, конечно если онъ ужъ *очень*...

Эта фраза Тома спасла жизнь моему герою. Ибо родители были совершенно неопытны, м-съ Пэдифэттъ была черезчуръ патріархальной повитухой, и новорожденный былъ близокъ къ смерти, но никто не догадывался объ этомъ.

— Очень славнаго... кого?—угрюмо спросилъ докторъ.

— Ребеночка. Въ этой сумкѣ,—пролепеталъ Томъ.

— Пропусти меня, отважный юноша, — сказалъ докторъ, проходя въ переднюю.

Раннимъ утромъ, когда Томъ еще спалъ, а съ женой и ребенкомъ все шло отлично, м-ръ Генри Найтъ вернулся въ гостинную и взялся за окончаніе своего письма къ издателю „Штандарта“. Все письмо, какъ художественное цѣлое, сложилось у него въ головѣ, и онъ не въ состояніи былъ думать объ отдыхѣ, прежде чѣмъ не запечатлѣетъ его на бумагѣ; ибо, хотя онъ и писалъ письма вмѣсто сонетовъ, все же онъ былъ по темпераменту поэтъ. Теперь онъ снова былъ спокоенъ и владѣлъ своими чувствами и нисколько не походилъ на того растеряннаго, встрепаннаго и слегка комичнаго человѣка, который такъ недавно мчался по Оксфордъ-стриту и врывался въ „Альгамбру“. Для того же, чтобы снова вернуть ваше уваженіе почтенному отцу моего героя, я долженъ отмѣтить, что стать отцомъ — событіе чрезвычайной важности, и что оно случается не каждый день.

М-ръ Найтъ обмакнулъ перо въ чернила и продолжалъ:

„... котораго я считаю не только величайшимъ поэтомъ, но и величайшимъ учителемъ нравственности, какого Англія когда-либо произвела,

„To thine own self be true,
And it must follow, as the night the day,
Thou canst not then be false to any man“ [1]).

Въ заключеніе, сэръ, я спрашиваю, не боясь противорѣчія: должны ли мы въ вопросѣ національнаго долга быть вѣрны нашему національному я?

Съ уваженіемъ, Добросовѣстный плательщикъ податей“.

Подпись вызвала въ немъ колебанія. Перо его угрожающе парило надъ ней нѣсколько мгновеній и наконецъ онъ рѣшился, зачеркнулъ ее и написалъ вмѣсто нея: „Pater familias“. Онъ чувствовалъ, что этотъ псевдонимъ нѣсколько не подходитъ къ

[1]) Будь вѣренъ самому себѣ, и также вѣрно, какъ ночь слѣдуетъ за днемъ, ты будешь вѣренъ и людямъ.

предмету письма, но что-то заставило его подписаться такимъ образомъ.

III.

Его крещеніе.

— Но развѣ я не разсказывалъ тебѣ, что я какъ разъ писалъ это имя въ тотъ моментъ, какъ Анни вошла и предупредила, что пора итти?

М-ръ Найтъ мягко, но съ оттѣнкомъ раздраженія, задалъ этотъ вопросъ своей молодой женѣ, которая занята была кормленіемъ ихъ сына съ опытомъ, выработаннымъ трехмѣсячной практикой. Было воскресенье, утро, и они только-что выпили кофе въ гостинной. Черезъ часъ или два наслѣдникъ долженъ былъ быть препровожденъ въ методистскую часовню для торжественнаго обряда крещенія.

— Да, милый,—сказала м-съ Найтъ.—Ты говорилъ мнѣ объ этомъ не разъ. Но Генри! Тебя зовутъ просто Генри Найтъ, и я хочу, чтобы и онъ назывался точно такъ же. Пусть онъ будетъ совсѣмъ, какъ ты!

И мать, въ своей простотѣ, съ обожаніемъ, блестящими глазами глядѣла на мужа, -который для нея олицетворялъ собою всю мощь и всѣ совершенства мущины.

— Да, вѣдь, онъ и будетъ Генри Найтъ,—холодно настаивалъ отецъ.

Но м-съ Найтъ качала головой.

Вошла въ комнату тетя Анни, проталкивая впередъ Тома. Онъ былъ наряженъ по-праздничному и по-праздничному неловокъ.

— Въ чемъ дѣло, Су?—спросила тетя Анни, замѣтивъ выраженіе лица сестры.

И въ этотъ моментъ, втеченіе одной секунды, единственно изъ-за вопроса тети Анни, положеніе стало серьезнымъ. Атмосфера, какъ это часто бываетъ въ семейныхъ сценахъ, достигла того высокаго напряженія, при которомъ возможны и буря и громъ. Она стала сгущенной, тяжелой, угрожающей.

М-съ Найтъ снова покачала головой.

— Ни въ чемъ,—попыталась она отвѣтить.

— Сусанна хочетъ...,—началъ кротко объяснять м-ръ Найтъ.

— Онъ все еще настаиваетъ, чтобы назвать ребенка...,—выпалила м-съ Найтъ.

— Нѣтъ, я не буду настаивать!—прервалъ ее м-ръ Найтъ.— Разъ ты не хочешь этого!

Послѣдовало молчаніе. М-ръ Найтъ нервно барабанилъ по скатерти. М-съ Найтъ высморкалась и затѣмъ откинула голову назадъ, чтобы слезы не капнули изъ глазъ и нѣжно поглаживала правой рукой спинку бэби. Тетя Анни колебалась: говорить ли ей или не говорить.

Вдругъ Томъ сказалъ громко:

— Еслибъ мнѣ выбирать, я бы назвалъ его Томомъ, какъ и я самъ. Потомъ, когда онъ будетъ уже разговаривать, я бы говорилъ ему: „Здравствуй, Томъ!“ а онъ бы отвѣчалъ мнѣ: „Здравствуй, Томъ!“.

— Но мы бы всегда смѣшивали васъ другъ съ другомъ, глупый ты мальчишка!—сказала тетя Анни, улыбаясь и стараясь казаться веселой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—отвѣтилъ Томъ.—Я былъ бы Томъ большой, а онъ Томъ маленькій. А потомъ я вовсе не глупый мальчикъ.

— Потрудитесь помолчать, сударь!—приказалъ м-ръ Найтъ сурово. И какъ бы желая показать, что струна его терпѣнія лопнула, онъ взялъ Тома за лѣвое ухо, оказавшееся ближайшимъ.

М-съ Найтъ не въ силахъ была больше удержать слезъ, и онѣ полились. Она передала ребенка тетѣ Анни.

— Возьми его. Онъ уснулъ. Положи его въ колыбельку,— всхлипнула она.

— Сейчасъ, дорогая,—произнесла тетя Анни такимъ тономъ, что она, молъ, хорошо понимаетъ, какъ женщины должны всегда стоять другъ за друга противъ мужского насилія и угнетенія.

М-съ Найтъ выбѣжала изъ комнаты. М-ръ Найтъ лелѣялъ про себя злобныя слова. Онъ былъ огорченъ тѣмъ, что Сусанна не понимаетъ, что если шесть мѣсяцевъ тому назадъ ей были простительны всякіе капризы, то теперь уже они недопустимы. Право, Сусанна пользуется его слабохарактерностью. Убѣжденіе это сложилось у него въ головѣ вполнѣ логично и непоколебимо, но вслѣдъ за тѣмъ, какъ-то вдругъ логика вся испарилась, м-ръ Найтъ всталъ и поспѣшилъ за своей женой.

— Ты заслужилъ то, что получилъ,—сказала тетя Анни Тому.

— Вы такъ думаете?—сказалъ мальчикъ, какъ бы размышляя.

Оба они глядѣли на бэби, который мирно лежалъ въ своей колыбели.

— Анни, иди сюда на минутку,—позвалъ изъ сосѣдней комнаты м-ръ Найтъ.

— Сейчасъ, Генри. А ты, Томъ, не трогай коляски. Если бэби заплачетъ, побѣги и позови меня.

— Хорошо, тетичка.

Тетя Анни ушла. Она не заперла за собой двери, Томъ подошелъ и тихо закрылъ ее.

Никогда еще его не оставляли одного съ бэби. Онъ съ тщательнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на малютку, мужественно боролся съ искушеніемъ, но наконецъ не выдержалъ и прикоснулся пальцемъ къ широкому, плоскому носу ребенка. Коснулся онъ совсѣмъ легонько, но бэби повернулся и слабо пискнулъ. Тогда Томъ сталъ качать колыбель, сначала слегка, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. Слабый писк превратился въ непрерывный плачъ.

Томъ покосился на дверь и рѣшилъ, что будетъ изо всѣхъ силъ стараться успокоить непонятное возбужденіе этого страннаго и таинственнаго существа. Онъ нагнулся, чтобы взять бэби на руки и покачать его, какъ это дѣлали обѣ его тетушки. Но ребенокъ былъ тяжелый; вѣсъ его превысилъ разсчеты Тома, и въ результатѣ отчаянныхъ усилій поднять бэби, колыбель перевернулась и теперь лежала на боку.

— Тш-тш,—успокаивалъ ребенка Томъ, стараясь изо всѣхъ силъ поднять колыбель.

Между тѣмъ ребенокъ не унимался, и Томъ пришелъ въ ярость.

— Потрудитесь замолчать, сударь!—грозно приказалъ онъ бэби, тономъ дяди Генри.—Замолчите же!

Онъ встряхнулъ ребенка, и тотъ отъ неожиданности затихъ.

Но тутъ же раздались приближающіеся по корридору шаги. Томъ не имѣлъ времени поправить колыбель; онъ почти бросилъ бэби на полъ и подбѣжалъ къ окну.

— Ахъ, ты, скверный мальчишка!—закричала тетя Анни.—Зачѣмъ ты вытащилъ бэби изъ колыбели? Ахъ, моя крошка! мой бѣдный ангелочекъ! что съ тобой сдѣлали!

— Я ничего не дѣлалъ! ничего!—страстно вскричалъ Томъ.—Я не трогался съ мѣста все время. Онъ самъ выпалъ!

— О-о!—простонала тетя Анни.—У него на лобикѣ синякъ! Боже мой!

Черезъ минуту родители бэби явились на помощь, и Томъ

сталъ доказывать свою невинность передъ всей собравшейся семьей.

— Онъ самъ выпалъ!—повторялъ онъ; затѣмъ онъ присоединилъ къ этому интересныя подробности.—Я видѣлъ. Онъ высунулъ руку на край и толкнулъ колыбель, она закачалась и перевернулась на бокъ.

Конечно, этой выдумкѣ никто не повѣрилъ.

— Ахъ, Боже мой!—сказала м-съ Найтъ, заплакавъ во второй разъ въ это утро.—Я не хочу, чтобы его крестили съ синякомъ на лбу.

Тетя Анни, побѣжавшая на кухню за масломъ, успѣла уже вернуться и помазала бэби ушибленное мѣсто.

— Онъ самъ выпалъ!—снова сказалъ Томъ.

— Что подумаетъ священникъ?—изумлялась м-съ Найтъ.

— Онъ самъ выпалъ!—сказалъ Томъ.

М-ръ Найтъ высѣкъ Тома, а тетя Анни уложила его въ кровать на весь день. По мнѣнію м-съ Найтъ, Томъ былъ наказанъ за покушеніе на убійство бэби, но м-ръ Найтъ настаивалъ на томъ, что онъ наказанъ за ложь. Что же до крещенія, то оно неизбѣжно должно было быть отсрочено на четыре недѣли, такъ какъ обрядъ этотъ исполнялся въ методистской церкви только въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.

— Я не трогалъ его!—торжественно подтвердилъ Томъ на другой день.—Онъ выпалъ самъ.

Онъ такъ крѣпко держался этого утвержденія, съ такимъ упорствомъ повторялъ его ежедневно, что въ концѣ-концовъ взрослые, несмотря на протесты разсудка, стали считать невозможное возможнымъ,—конечно, по отношенію къ данному ребенку. М-съ Найтъ неразъ уже разсказывала о поразительной физической силѣ рукъ бэби, когда онъ сжималъ ея руку, и не требовалось особыхъ доказательствъ для того, чтобы убѣдить родителей и тетку въ томъ, что бэби—необыкновенный, удивительный, въ высокой степени замѣчательный ребенокъ!

На четвертый день происшествія, когда Томъ подтвердилъ, должно быть, въ сотый разъ: „Онъ выпалъ самъ“,—тетя Анни поцѣловала его и дала ему конфетку. Томъ бросилъ ее, но потомъ послѣ долгаго упрашиванія согласился съѣсть. Тетя Сусанна увидѣла въ происшедшемъ перстъ судьбы и однажды вечеромъ шепнула мужу:

— Милый, пусть онъ называется такъ, какъ ты хотѣлъ.

И когда священникъ при крещеніи склонился, чтобы взять

чудеснаго ребенка изъ рукъ матери, отецъ шепнулъ ему на ухо двойное имя.

— Генри Шекспиръ, — началъ священникъ, поднявъ руку.

И ребенокъ довѣрчиво улыбнулся, глядя вверхъ.

IV.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ.

— Скорѣе! Онъ идетъ!

Тетя Анни драматическимъ шопотомъ произнесла эти слова и быстро положила перочинный ножикъ на пустой приборъ, поставленный передъ пустымъ стуломъ у обѣденнаго стола. М-ръ Найтъ положилъ серебряные часы и отдѣльно серебряную цѣпочку; и наконецъ, м-съ Найтъ пришла въ голову счастливая мысль прикрыть все это пустой полоскательной чашкой.

Заговорщики усѣлись по своимъ мѣстамъ и принялись стараться невинно не глядѣть въ сторону перевернутой полоскательницы.

— Два ломтика, Анни?—спросилъ м-ръ Найтъ искусственно громко.

— Да, пожалуйста,—отвѣтила тетя Анни.

М-съ Найтъ стала разливать кофе. Всѣ трое переглядывались радостно, возбужденно, таинственно; и въ этотъ моментъ мысли ихъ были далеки отъ сознанія того факта, который знаменовали собою блестящіе подарки, скрытые подъ полоскательницей, а именно: что годы уходятъ и что старость близка. М-ръ Найтъ совсѣмъ посѣдѣлъ; м-съ Найтъ, тогда цвѣтущая двадцати-семи лѣтняя женщина, была теперь полная матрона тридцати-девяти лѣтъ, съ наклонностью къ одышкѣ послѣ самаго скромнаго подъема по лѣстницѣ; а тетя Анни, вотъ только-что представлявшая собою хорошенькую дѣвушку съ головой полной того, что неправильно называютъ вздоромъ, была теперь старой дѣвой,—да, старой дѣвой. Къ счастью, они всѣ не видѣли этихъ печальныхъ вещей. Даже м-ръ Найтъ, привыкшій смотрѣть на вещи съ безбоязненностью философа, былъ бы очень пораженъ, еслибы услышалъ, что онъ сѣдъ. Утромъ, передъ зеркаломъ, онъ иногда замѣчалъ тономъ человѣка, которому правдивость не позволяетъ ничего скрывать:

— Однако, я начинаю сѣдѣть.

Въ это время Генри-сынъ вбѣжалъ въ комнату.

Прошло ровно двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ появился на свѣтъ въ видѣ маленькаго, безпомощнаго, беззубаго, безсловеснаго, безполезнаго, слабаго и нѣмого существа; теперь онъ былъ большой, здоровый, крѣпкій и умный мальчикъ, который могъ дать опредѣленіе додекаэдра и однимъ духомъ перечислить всѣ рѣки Европы. Превращеніе это было положительно чудомъ и считалось таковымъ всей семьей, проведшей эти двѣнадцать лѣтъ главнымъ образомъ въ наблюденіи надъ нимъ. Наблюденія эти начались очень скоро послѣ рожденія. Однажды, когда мать кормила его въ неосвѣщенной комнатѣ, вошелъ отецъ и, наклонившись надъ ребенкомъ, зажегъ спичку: глаза малютки сверкнули отъ неожиданности. „Посмотри, какъ онъ все замѣчаетъ!“—восторженно закричала мать. Съ этого момента и она, и два другихъ члена семьи не переставали изумляться и волноваться. Имъ казалось невозможнымъ, что этотъ поразительный отпрыскъ человѣчества, который сначала не могъ быть оставленъ ни на минуту, выйдетъ невредимымъ изъ всѣхъ многочисленныхъ, окружавшихъ его, опасностей. Но онъ вышелъ невредимымъ и сталъ проявлять удивительныя способности. Въ полтора года онъ ходилъ, сидѣлъ и говорилъ „мама“. И тотъ фактъ, что пятьдесятъ тысячъ другихъ дѣтей того же возраста въ Лондонѣ точно также ходили, сидѣли и говорили „мама“, нисколько не уменьшалъ изумительности этихъ фокусовъ. А когда, полгода спустя, ребенокъ показывалъ букву и ясно и безошибочно называлъ ее „О“, восторгу родителей не было предѣловъ. Мать признавалась откровенно, что такой понятливости она не ожидала. Тетя Анни и отецъ увѣряли, что они нисколько не удивлены, но это они говорили для виду. Боже мой! вѣдь всего только мѣсяцъ назадъ этотъ удивительный ребенокъ еще не умѣлъ пить молока съ ложечки! А вотъ теперь онъ уже съ полной увѣренностью филолога находилъ букву „О“! Правда, раза два или три онъ закричалъ „О“, показывая пальцемъ на „Q“, но это была вина наборщиковъ, сдѣлавшихъ слишкомъ маленькій хвостикъ.

Потомъ чудеса пошли одно за другимъ такъ быстро, каждое послѣдующее удивительнѣе предшествовавшаго, что всѣ лица, наблюдавшія ихъ, испытывали безпрерывно чувство восторженнаго изумленія. Они жили въ мірѣ сверхъестественнаго. Все ихъ существованіе было построено на молчаливомъ признаніи того, что такого мальчика, какъ ихъ Генри, никогда не существовало. Онъ умѣлъ пѣть гимны; онъ носилъ короткіе гинастическіе штаны; онъ пошелъ въ школу и вернулся невредимымъ къ концу перваго дня, заявляя, что ему было очень весело! Конечно, другіе

мальчики тоже ходили въ школу. Да, но въ томъ, какъ ходилъ Генри, было нѣчто особенное, неуловимое, что выдѣляло его изъ ряда другихъ. И онъ сталъ учиться ариѳметикѣ, географіи, исторіи, рисованію, геометріи, латинскому, французскому, физикѣ, Закону Божію и фехтованію. Его удивительные мозги могли переваривать все это одновременно. И при этомъ онъ все росъ, росъ, росъ. Больше, чѣмъ что-либо другое, его ростъ изумлялъ и восхищалъ его мать. Онъ былъ уже одного роста съ ней, а отцу доходилъ до плеча.

— Что это?—спросилъ Генри, садясь за столъ.

Молчаніе.

— Что ты тамъ? — въ свою очередь спросилъ его сурово отецъ.—Садись завтракать.

— Батюшки! — воскликнулъ Генри, поднимая полоскательницу.

— Ты забылъ про свой день рожденія?—спросила м-съ Найтъ, вся сіяющая.

— Ахъ, да! Я вправду забылъ о немъ!

— Ты такъ поглощенъ приготовленіемъ къ акту, оттого ты и забылъ,—сказала тетя Анни, какъ бы стараясь извинить его передъ нимъ же за необыкновенную забывчивость.

Когда онъ сталъ разсматривать подарки, всѣ наслаждались его изумленіемъ и румянцемъ радости на его лицѣ. Уже за нѣсколько дней, замѣтивъ, что Генри не упоминаетъ о приближеніи своего дня рожденія, они угадали, что онъ забылъ о немъ среди волненія передъ своимъ выступленіемъ на школьномъ торжествѣ, и стали подготовляться къ этому моменту съ затаенной радостью заговорщиковъ. И теперь они были вознаграждены.

— Я знаю,—сказалъ Генри.—Часы это отъ папы; цѣпочку мнѣ подарила, мама, а ножикъ тетя Анни. А есть-въ немъ такая штучка для вытаскиванія камешковъ изъ лошадиныхъ копытъ, тетичка?

Къ счастью, „штучка“ была.

— Ты долженъ хорошенько позавтракать, дорогой мой; тебѣ предстоитъ трудный день,—сказала мать, когда онъ, поблагодаривши всѣхъ, надѣлъ часы съ цѣпочкой и раскрылъ всѣ клинки и забавныя „штучки“ ножика.

— Хорошо, мама,—отвѣтилъ онъ послушно.

Онъ всегда слушался совѣтовъ хорошо ѣсть. Впрочемъ, было бы несправедливымъ по отношенію къ Генри не признать, что онъ, вообще, былъ очень послушный мальчикъ—однимъ словомъ, славный мальчикъ. Но удивительнѣе всего было то, что,

несмотря на непрерывныя соединенныя усилія всѣхъ трехъ членовъ семьи испортить его, имъ это почти совершенно не удалось. Онъ былъ слишкомъ самонадѣянъ для своихъ лѣтъ, слишкомъ склоненъ вмѣшиваться въ разговоры старшихъ, но онъ не былъ испорченъ.

Актъ, о которомъ упоминалось, долженъ былъ сыграть важную роль въ карьерѣ Генри. До этого времени его выдающіяся способности и заслуги не получали признанія въ Блумсбюрійской средней школѣ. Онъ ни разу не получилъ награды, ни разу не заслужилъ высшей похвалы педагоговъ, чѣмъ „Поведеніе—хорошее, успѣхи—хорошіе". Но теперь онъ, единственый изъ всей школы, получилъ призъ за отличное поведеніе. Кромѣ того, къ вящшему изумленію родителей, онъ удостоился еще награды за сочиненіе на тему „Объ улицахъ". И въ третьихъ, его избрали чтецомъ отрывка изъ Шекспировской пьесы на торжественномъ актѣ послѣ раздачи наградъ. Самолюбію отца льстилъ больше всего успѣхъ въ сочиненіи—развѣ это не было признакомъ наслѣдственности? Тетю Анни удовлетворялъ призъ за отличное поведеніе. М-съ Найтъ была въ восторгѣ отъ всего, но больше всего отъ того, что ея сынъ будетъ съ эстрады читать Шекспира передъ пораженной внимательной публикой,—родителями другихъ учениковъ. Этотъ вечеръ долженъ быть тріумфомъ Генри!

— Хочешь прослушать меня, папа?—мягко спросилъ Генри, когда онъ кончилъ свои первыя приготовленія къ тяжелому дню и взглянулъ на часы.

М-ръ Найтъ снялъ съ полки Стаунтонскаго Шекспира, открылъ его на „Отелло", актъ I, сцена III, а Генри поднялся и сталъ объяснять венеціанскимъ синьорамъ, какимъ образомъ онъ влюбился въ Дездемону и какъ она влюбилась въ него; онъ разсказалъ ей о томъ, какъ онъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ испыталъ много приключеній на сушѣ и на морѣ, какъ онъ былъ проданъ въ рабство, и о каннибалахъ, и объ... Генри запнулся, ему было очень трудно произнести слово „антропофаги".

— Ан-тро-по-фаги,—раздѣльно произнесъ отецъ.

— Ужасно трудное слово,—сказала м-съ Найтъ.

Но какъ оно ни было трудно, Генри овладѣлъ имъ и перешелъ къ гибельнымъ испытаніямъ своей юности и затѣмъ къ робкому намёку Дездемоны, послѣ котораго мавръ открылъ ей свое чувство.

„Она меня за муки полюбила,
А я ее—за состраданье къ нимъ..

— Съѣшь кусочекъ поджареннаго хлѣба, дѣтка, — сказала м-съ Найтъ по окончаніи чтенія.

Въ этотъ моментъ отворилась дверь.

— Входитъ Дездемона, — произнесъ чей-то голосъ. — Бойся жирныхъ гренковъ, Отелло. Ты, вѣдь, знаешь, что они тебѣ вредятъ.

Это былъ кузенъ Томъ. Онъ всегда очень поздно выходилъ къ кофе.

V.

Marrons glacés и бѣдствіе школы.

Томъ всегда былъ таковъ, всегда портилъ настроеніе присутствующимъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что не войди Томъ какъ разъ въ этотъ моментъ, Генри согласился бы и съѣлъ бы поджаренный ломтикъ съ большимъ удовольствіемъ; а отецъ, мать и тетка насладились бы лицезрѣніемъ его удовольствія; и всѣ четверо успѣшно старались бы передъ своей совѣстью увѣрить себя, что не совершилось ничего, вызывающаго опасенія.

Генри взялъ было ломтикъ, но затѣмъ собралъ все свое мужество, которое онъ, безъ сомнѣнія, унаслѣдовалъ отъ длиннаго ряда пуританскихъ предковъ, и благородно положилъ его назадъ.

Глаза м-ра Найта краснорѣчиво говорили Тому, что молодой человѣкъ, постоянно опаздывающій къ утреннему кофе на цѣлыхъ полчаса, не имѣетъ нравственнаго права проповѣдывать воздержаніе мальчику-подростку, особенно въ день его рожденія. Но хуже всего было то, что Томъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не смущался.

Обвинять Тома было не въ чемъ. Тѣмъ не менѣе, души всѣхъ присутствующихъ обвинили его, и настроеніе ихъ утратило праздничный характеръ.

Тому Найту было девятнадцать лѣтъ. Онъ былъ блѣденъ, тонокъ, очень высокъ ростомъ, а его красивые волосы все еще слегка вились. За эти двѣнадцать лѣтъ его развитіе тоже совершило чудеса, или могло бы совершить ихъ, еслибы существовали наблюдатели, достаточно заинтересованные въ немъ и вѣрящіе въ него. Вѣдь, чудеса начинаютъ появляться только тогда, когда есть хоть одно лицо, готовое увѣровать въ нихъ, а въ семействѣ Найтовъ вся наличность вѣры была монополизирована ку-

зеномъ Тома. Огромная разница между Томомъ и Генри состояла въ томъ, что у Тома были недостатки, тогда какъ у Генри не было никакихъ, — и это, несмотря на то, что Томъ былъ семью годами старше и долженъ былъ бы быть вполнѣ солиднымъ человѣкомъ.

М-ръ Найтъ всегда видѣлъ недостатки Тома, но м-съ Найтъ и особенно тетя Анни стали замѣчать ихъ только съ появленія на свѣтъ Генри. Раньше Томъ былъ любимцемъ тети Анни; когда же родился Генри, добродушная дѣвица старалась не показывать, что теперь его замѣнилъ Генри; все же это было замѣтно. Недостатки Тома росли и процвѣтали. Онъ былъ несомнѣнно лѣнивъ, говорилъ неправду и вообще, на него нельзя было положиться. Въ дѣтствѣ это былъ веселый проказникъ; теперь онъ продолжалъ оставаться проказникомъ, но невсегда это было весело. Умъ у него былъ точно затемненъ чѣмъ-то, и постепенно сталъ выясняться ужасный фактъ, что онъ „недостаточно способенъ“. Родственники не могли понять его и махнули на него рукой.

Кромѣ того, онъ былъ полонъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, хотя онъ часто безстыдно лгалъ, но онъ всегда становился ярымъ поборникомъ правды, какъ только эта правда была непріятнаго для другихъ свойства. Такъ, однажды онъ въ присутствіи покупателя сказалъ мастерицѣ изъ моднаго отдѣленія дяднаго магазина, что у нея растутъ усы. Дядя побилъ его. „А все-таки у нея есть усы!“—повторилъ юный Галилей по окончаніи экзекуціи. М-ръ Найтъ хотѣлъ, чтобы Томъ поступилъ къ нему въ магазинъ, но Томъ не хотѣлъ. Томъ желалъ быть художникомъ; онъ постоянно рисовалъ. М-ръ Найтъ только слыхалъ о художникахъ, но никогда не видалъ ни одного. Онъ считалъ стремленіе Тома къ художеству просто шалопайствомъ. Тѣмъ не менѣе, когда Томъ пригрозилъ сжечь домъ, если ему не позволятъ поступить въ художественную школу, и довелъ свою угрозу до того, что поджегъ тюкъ шерстянаго товара въ погребѣ, м-ръ Найтъ уступилъ его желанію ради домашняго мира и спокойствія. При этомъ онъ предсказывалъ, что Томъ плохо кончитъ. Но въ возрастѣ восемнадцати съ половиной лѣтъ Томъ неожиданно для всѣхъ попалъ на мѣсто рисовальщика въ оптовую писчебумажную фирму. Его работа состояла въ рисованіи крышекъ для коробокъ модной бумаги и получалъ онъ за это двѣ гинеи въ недѣлю. Цифра жалованья поразила м-ра Найта. Двѣ гинеи въ недѣлю въ восемнадцать съ половиной лѣтъ! Это выходило за предѣлы всякихъ горизонтовъ въ суконномъ дѣлѣ!

Еслибы Томъ захотѣлъ, онъ могъ бы легко вернуть давно потерянное уваженіе родственниковъ, благодаря этимъ ошеломляющимъ двумъ гинеямъ. Но онъ не старался объ этомъ. Онъ, больше чѣмъ когда-либо, являлся теперь тайной для нихъ, волнующей тайной, мимо которой нельзя пройти равнодушно. Его идеалы, если ихъ можно было назвать идеалами, были всегда въ коллизіи съ идеалами всѣхъ прочихъ домашнихъ. Однажды Томъ написалъ портретъ тети Анни. „Не хочу больше никогда видѣть эту мазню!“ — воскликнула она, когда работа была окончена. Ей казалось, что портретъ этотъ—насмѣшка, и въ мнѣніи этомъ она не была одинока.

— И вотъ это ты называешь искусствомъ? — сказалъ м-ръ Найтъ. — Если да, то я радъ, что воспитанъ такъ, что не понимаю этого искусства.

Несмотря на это, картина какимъ-то образомъ попала на выставку ученическихъ работъ, и за нее была присуждена медаль. Въ каталогѣ она была названа „Портретъ моей тетки“ и тетя Анни вторично пришла въ ярость. „Впрочемъ, — говорила она,—все равно никто меня не узнаетъ: это единственное утѣшеніе!“ Тѣмъ не менѣе, медаль сильно увеличила вѣсъ Тома! Это, вѣдь, была золотая медаль. Трудно было игнорировать ея присутствіе въ домѣ!

Главнымъ грѣхомъ Тома было то, что онъ подавалъ дурной примѣръ Генри. Генри обожалъ его, и чѣмъ больше взрослые осуждали Тома, тѣмъ больше Генри обожалъ его.

— Ты опоздаешь на службу, Томъ, — рѣшилась замѣтить м-съ Найтъ, когда часы пробили половину десятаго.

М-ръ Найтъ уже ушелъ въ магазинъ, и тетя Анни—тоже.

— Ну,—сказалъ Томъ,—мнѣ нечего спѣшить.

Онъ взглянулъ на Генри.

— Послушай, отважный юноша, тебѣ, вѣдь, сейчасъ дѣлать нечего, правда? Пойдемъ со мною немножко погулять и посмотримъ, не найдемъ ли мы для тебя какого-нибудь подарка въ два пенни?

Томъ всегда называлъ Генри „отважнымъ юношей“. Это прозвище онъ позаимствовалъ у доктора съ черной сумкой, приходившаго двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Генри моментально надѣлъ шапку, а м-съ Найтъ расцвѣла отъ этого необыкновеннаго проявленія любезности со стороны Тома.

Когда они вышли на улицу, Томъ сразу повернулъ въ сторону, противоположную отъ Сити, гдѣ находилось мѣсто его службы.

— Развѣ ты не пойдешь сегодня на работу?—спросилъ съ удивленіемъ Генри.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Томъ.—Я вчера сказалъ своимъ принципаламъ, что сегодня день рожденія моего кузена, и что я бы хотѣлъ отпраздновать его. Какъ ты думаешь, что они отвѣтили?

— Ты вовсе не спрашивалъ ихъ,—сказалъ Генри.

— Они отвѣтили, что я могу праздновать хоть сорокъ дней, если хочу. И они просили меня передать тебѣ отъ имени фирмы свои лучшія пожеланія.

— Не дури,—сказалъ Генри.

Было дивное утро—тихое, солнечное. Томъ сталъ напѣвать что-то вполголоса. Черезъ нѣкоторое время Генри замѣтилъ, что онъ напѣваетъ все одну и ту же фразу: „Нѣкоторыя улицы длиннѣе другихъ. Нѣкоторыя улицы длиннѣе другихъ“.

— Не дури, Томъ,—взмолился Генри.

Дѣло было въ томъ, что фразу эту Томъ взялъ изъ премированнаго сочиненія Генри „Объ улицѣ“. Томъ прочиталъ его, очень похвалилъ, и до настоящаго момента Генри считалъ мнѣніе Тома серьезнымъ. Теперь же онъ понялъ.

Между тѣмъ Томъ продолжалъ напѣвать, съ паузами: „Нѣкоторыя улицы длиннѣе другихъ... Есть очень мало прямыхъ улицъ... Оксфордъ-стритъ—почти прямая улица... Улица—это то мѣсто, по которому ходятъ. Въ ней есть дорога для ѣзды и двѣ панели“.

Генри слушалъ и думалъ, что онъ охотно бы отдалъ свой новый перочинный ножъ, только бы это сочиненіе не принадлежало ему. У Тома была способность сдѣлать вещь глупой, не говоря о томъ, что она глупа, и Генри завидовалъ этой способности.

Томъ пѣлъ дальше: „Во времена передъ французской революціей парижскія улицы были немощеныя, т.-е. онѣ были, какъ дороги... Нерѣдко случалось, что люди бывали искалѣчены на всю жизнь, или сильно отброшены къ стѣнамъ домовъ проѣзжавшими каретами высокомѣрныхъ аристократовъ“.

— У меня нѣтъ „высокомѣрныхъ“!—закричалъ съ негодованіемъ Генри.

— У тебя нѣтъ этого?—невинно переспросилъ Томъ.—Но ты, вѣдь, написалъ „или сильно отброшены“?

— Ну такъ что же?—протянулъ Генри съ сомнѣніемъ.

— И ты написалъ „Нерѣдко случалось, что“... Откуда ты стащилъ это, отважный юноша?

— Я ни откуда не стащилъ. Я самъ придумалъ,—защищался Генри.

— Тогда, значитъ, ты будешь большимъ писателемъ,—сказалъ Томъ.—Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы послалъ Теннисону телеграмму и посовѣтовалъ бы ему искать себѣ другого занятія. Вотъ какъ разъ телеграфное отдѣленіе. Зайдемъ.

И Томъ, дѣйствительно, вошелъ въ подъѣздъ. Но подъѣздъ оказался входомъ въ большую, великолѣпную кондитерскую. Генри скромно послѣдовалъ за Томомъ.

— Дайте, пожалуйста, фунтъ marrons glacés,—приказалъ Томъ.

— Но они мнѣ не повредятъ?—спросилъ мальчикъ.

Каштаны, однако, повредили Генри, и къ вечеру оказалось, что онъ не можетъ принять участія въ торжественномъ актѣ. Въ семь часовъ м-ръ Найтъ взялся за шляпу.

— Ты уходишь, папа?— спросила его жена, слегка уязвленная.

— Приличіе требуетъ,—отвѣтилъ м-ръ Найтъ,—чтобы пойти и предупредить въ школѣ о томъ, что Генри не въ состояніи быть тамъ сегодня вечеромъ. Имъ придется измѣнить программу. Но, конечно, я тамъ не останусь.

Сожалѣя о бѣдствіи школы, такъ внезапно и въ такой критическій моментъ лишившейся присутствія и помощи Генри, м-съ Найтъ перестала такъ остро чувствовать ихъ личную бѣду. Тѣмъ не менѣе, вечеръ этотъ въ Оксфордъ-стритѣ былъ достаточно трагиченъ.

М-ръ Найтъ вернулся домой съ двумя наградами Генри. Это были: „Самопомощь“ Смайльса и „Путешествіе по сѣвернымъ морямъ“.

Мальчикъ одинъ разъ было проснулся, но затѣмъ снова задремалъ.

— Положите книжки на стулъ возлѣ его кровати. Онъ увидитъ ихъ, какъ только проснется утромъ.

— Да, да,—подхватилъ отецъ, просіявъ.—И я заведу его новые часы...

. . . . . .

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—спросилъ м-ръ Найтъ Тома.—Зачѣмъ ты накормилъ его каштанами?

Они сидѣли вдвоемъ въ гостинной на другое утро. Генри былъ еще въ кровати, но не спалъ и съ интересомъ читалъ Смайльса.

— Такъ, значитъ, юный отрокъ разсказалъ вамъ все, какъ было дѣло?

— Отрокъ,—сказалъ м-ръ Найтъ, отмѣчая особымъ ударе-ніемъ свое неодобреніе выбору словъ Тома,—былъ очень корректенъ. Мнѣ пришлось выпытать у него всю исторію слово за словомъ. Но я повторяю: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Неужели это по твоему шутка? Если да, то я могу только сказать...

— Еслибы вы видѣли, какъ онъ наслаждался ими! Это было пріятно видѣть!—прервалъ его Томъ.—Не сомнѣваюсь, что послѣ обѣда ему было скверно, но зато какое утро! Спросите самого Генри. Мнѣ хотѣлось угостить его хорошенько и, кажется, я цѣли достигъ.

— Подумать только,—продолжалъ м-ръ Найтъ,—какъ былъ огорченъ директоръ! Онъ сказалъ мнѣ, что они прямо не знаютъ, что̀ дѣлать безъ Генри на актѣ.

— О, еще бы! Я знаю стараго Пингльса. Это хитрая лиса. Но серьезно, дядя,—сказалъ Томъ, глядя на коверъ,—серьезно... еслибы я зналъ, какимъ ужаснымъ бѣдствіемъ это будетъ для школы, я бы купилъ только полфунта.

— Чортъ!—процѣдилъ сквозь зубы м-ръ Найтъ, а затѣмъ началъ допрашивать съ саркастической усмѣшкой:

— А позвольте мнѣ спросить васъ кое о чемъ, сэръ. Конечно, вы самостоятельный членъ общества и можете распоряжаться собою; но позвольте мнѣ спросить васъ, что̀ вы дѣлали вчера въ Гайдъ-паркѣ въ одиннадцать часовъ?

— Позволяю,—отвѣтилъ Томъ.—Дѣло въ томъ, что я разссорился съ фирмой Боллингтонъ. Мнѣ не нравится ни ихъ стиль, ни ихъ манеры. И третьяго дня я сказалъ имъ, что они могутъ итти ко всѣмъ чертямъ.

— Ты сказалъ имъ...

— Да, и больше къ нимъ я не пойду.

— Такъ вотъ до чего ты дошелъ!—загремѣлъ м-ръ Найтъ.—Запомни мои слова: ты идешь къ своей гибели. Двѣ гинеи въ недѣлю въ твои годы, и ты смѣлъ сказать имъ... Неужто ты воображаешь, что можешь каждый день получить такое мѣсто!

— Постойте, дядя. Послушайте меня. Запомните мои слова. Я вамъ скажу только два слова: До свиданія!

Томъ выбѣжалъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ внизъ въ магазинъ. Кассиръ въ этотъ моментъ какъ разъ отворялъ ящикъ кассы.

— М-ръ Перкинсъ,—сказалъ Томъ,—дядя проситъ васъ размѣнять десяти-фунтовую бумажку на золото.

— Сію минуту, м-ръ Томъ. Съ удовольствіемъ.

— Ахъ!—воскликнулъ Томъ, беря монеты,—а бумажка-то! Я сейчасъ сбѣгаю за ней.

— Пустяки, м-ръ Томъ. Не безпокойтесь,—сказалъ кассиръ съ улыбкой сладкаго довѣрія.

Томъ помчался въ свою комнату, наткнувшись по дорогѣ на дядю. Онъ взялъ свою шляпу и палку и быстро спустился на улицу чернымъ ходомъ. Такъ покинулъ Томъ домашній очагъ м-ра Найта.

VI.

Корь.

— Здѣсь только одна туфля,—сказала тетя Анни, ощупывая вышитый мѣшокъ для храненія туфель, который висѣлъ на мѣдномъ крючкѣ въ углубленіи возлѣ камина. А самый каминъ находился въ нижнемъ этажѣ дома въ Доусъ-родѣ, а не въ Оксфордъ-стритѣ.

— Я сегодня утромъ штопала другую,—сказала м-съ Найтъ, быстро вскакивая съ кресла, несмотря на свою полноту.—Вѣроятно, я оставила ее въ своей рабочей корзинѣ.

— Я пойду за ней,—сказала тетя Анни.

— Нѣтъ, я сама поищу,—сказала м-съ Найтъ.

Такимъ образомъ вышло, что тетя Анни положила передъ яркимъ огнемъ камина лѣвую туфлю—подошвой вверхъ, а м-съ Найтъ—правую.

Въ комнату вошла прислуга—простенькая толстушка, лѣтъ шестнадцати, гордая своимъ чернымъ платьемъ, бѣлымъ чепчикомъ и передникомъ.

— Пожалуйста, барыня, д-ръ Дансеръ сказали, что они придутъ въ девять часовъ или немного позже.

Сообщая это извѣстіе, она улыбалась сочувственно и добродушно, точно хотѣла сказать: „Меня такъ же волнуетъ ваша затѣя, какъ и васъ самихъ“.

— Спасибо, Сара. Можете итти.

И тетя Анни холодно отпустила ее.

Лицо Сары приняло покорное выраженіе, но теперь оно, казалось, говорило: „Я сожалѣю, что меня волновала вся эта глупая затѣя“.

Сестры взглянули другъ на друга вопросительно.

— Можетъ быть, она подслушивала у дверей?—шопотомъ предположила тетя Анни.

Гдѣ бы сестры ни находились, онѣ никогда не говорили о Сарѣ иначе, какъ шопотомъ. Еслибы онѣ были въ Аляскѣ, а Сара въ Тимбукту, онѣ бы всетаки упоминали ея имя шопотомъ, боясь, чтобы она не услышала. Да, кстати, имя Сары было вовсе не Сара, а Сусанна. Его измѣнили въ угоду всеобщему мнѣнію, что не годится прислугѣ носить то же имя, что у барыни, такъ какъ подобная аномалія заключаетъ въ себѣ тенденцію къ измѣненію соціальнаго строя.

— Я не знаю,—сказала м-съ Найтъ.—Я прямо сказала ей относительно этихъ кусковъ сахару.

— А ты велѣла ей приготовить грѣлку?

— Ахъ, Боже мой, нѣтъ!

Тетя Анни позвонила.

— Сара, положите грѣлку въ кровать барина. Только посмотрите, чтобы пробка держалась крѣпко.

— Хорошо. Вотъ и баринъ какъ разъ идетъ черезъ улицу.

Сара была права. Баринъ, дѣйствительно, шелъ по освѣщенной газомъ улицѣ. Онъ остановился у воротъ двухъэтажнаго домика. Онъ отворилъ скрипучую желѣзную калитку и вошелъ въ садикъ, являвшійся символомъ парка, въ которомъ стоялъ бы домъ, еслибы это была барская усадьба. Онъ быстро прошелъ дорожку, ведущую къ дверямъ, которая была бы широкой аллеей, обсаженной деревьями, еслибъ садъ былъ паркомъ. Онъ вынулъ свой ключъ, и дверь открылась передъ нимъ, какъ передъ всемогущимъ хозяиномъ, и онъ вошелъ въ домъ съ видомъ, ясно говорившимъ: „Здѣсь я монархъ, неограниченный и обожаемый“.

— Иди скорѣе къ огню, Генри,—сказала тетя Анни, суетясь возлѣ него.

Было бы напрасно умалчивать, даже на мгновенье, что это былъ не Генри Найтъ-старшій, а Генри Шекспиръ Найтъ, двадцати трехъ лѣтъ, съ лицомъ, ставшимъ преждевременно серьезнымъ, благодаря двойной отвѣтственности въ качествѣ главы семьи и дѣлового человѣка. Генри значительно похудѣлъ по сравненію съ дѣтствомъ, а въ этотъ вечеръ онъ кашлялъ коротким, сухимъ кашлемъ.

— Я сейчасъ,—отвѣтилъ онъ кратко, снимая пальто.—Не безпокойтесь.

И въ тотъ же мигъ не только тетя Анни, но и его мать въ другой комнатѣ, и Сара въ кухнѣ знали, что онъ вернулся не въ духѣ.

Генри-младшій уже шесть лѣтъ, со времени смерти отца, былъ хозяиномъ въ домѣ. Внезапная кончина главы семьи обы-

кновенно является матеріальнымъ бѣдствіемъ для такихъ людей, какъ Найты. Но они какъ-то избѣжали обычной участи. Во-первыхъ, Генри Найтъ былъ застрахованъ на нѣсколько тысячъ фунтовъ. Во-вторыхъ, тетя Анни имѣла маленькій доходъ въ тридцать фунтовъ въ годъ. И въ-третьихъ у нихъ былъ Генри Шекспиръ. Юноша въ то время какъ разъ только-что оставилъ школу; правда онъ оставилъ ее безъ всякихъ особыхъ отличій,—блескъ испорченнаго дня торжественнаго акта больше никогда не возвращался,—но о полученномъ имъ образованіи можно судить по тому, что директоръ сказалъ: „Останься Генри еще три мѣсяца, онъ бы началъ изучать логариѳмы“. Но вмѣсто этого Генри взялся за изученіе стенографіи. А стенографія въ то время была ключемъ, открывавшимъ всѣ двери, Генри обладалъ талантомъ къ стенографіи; онъ отдался весь этой наукѣ, онъ только и жилъ ею. Онъ получилъ медаль на конкурсѣ скорости, настоящую золотую, какую получилъ раньше его безпутный кузенъ Томъ за какое-то тамъ рисованіе. Мать Генри, наконецъ, была оправдана передъ всѣми въ своихъ розовыхъ надеждахъ на сына.

Среди постоянныхъ прихожанъ методистской часовни видное мѣсто занималъ м-ръ Джорджъ Поуэлль, который пользовался большой популярностью въ широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія. Что бы ни говорили всѣ люди, все-таки очень нелегко примирить требованія профессіи современнаго адвоката съ требованіями активнаго методизма,—но м-ръ Поуэлль преуспѣвалъ въ этой трудной задачѣ, и своею славой онъ былъ обязанъ больше всего этому преуспѣянію. Всѣ лондонскіе адвокаты съ большой практикой дѣлаются знаменитыми, независимо отъ того, стремятся ли они къ этому или нѣтъ; о нихъ говорятъ, и многіе изъ нихъ силою обстоятельствъ попадаютъ въ парламентъ или должны противъ воли соглашаться на принятіе почетныхъ титуловъ. М-ру Поуэллю пока удавалось избѣгнуть и того и другого, и этотъ фактъ только увеличивалъ его славу. Словомъ, м-ръ Джорджъ Поуэлль былъ въ предѣлахъ своего методистскаго прихода звѣздой первой величины, а за предѣлами его — крупнымъ человѣкомъ. Когда онъ узналъ о смерти Генри Найта, котораго онъ всегда уважалъ, какъ честнаго коммерсанта и искренно вѣрующаго христіанина; когда онъ узналъ также о конкурсной медали Генри Шекспира за стенографію, то онъ благосклонно предложилъ юному Генри мѣсто у себя въ канцеляріи, съ вознагражденіемъ въ двадцать пять шиллинговъ въ недѣлю, съ перспективой скораго повышенія до тридцати.

Судьба юнаго Генри была устроена. Онъ былъ у самого

Поуэлля, подъ покровительствомъ могущественнаго принципала. Лучъ славы Поуэлля падалъ и на него. Когда кто-нибудь говорилъ о немъ, то называли и имя Поуэлля, какъ будто оно было въ нѣкоторомъ отношеніи и его именемъ. М-ръ Поуэлль помѣстилъ деньги м-съ Найтъ подъ закладныя на пять процентовъ годовыхъ, и на этотъ доходъ, вмѣстѣ съ маленькими средствами тети Анни и жалованьемъ Генри, всѣ трое жили въ Доусъ-Родѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Имъ удавалось даже кое-что сберегать, и Генри ѣздилъ вторымъ классомъ изъ Уальгамъ-Грина въ Темпль. Это былъ серьезный, трудолюбивый, положительный молодой человѣкъ, а въ стенографіи—внѣ конкуренціи. Такимъ образомъ всѣ, кому были извѣстны факты, нисколько не удивились, когда черезъ три года м-ръ Поуэлль повысилъ Генри до положенія своего секретаря, а его жалованье—до пятидесяти двухъ шиллинговъ.

Въ это-то время м-ръ Поуэлль, боровшійся такъ долго противъ безсмысленныхъ титуловъ и званій, капитулировалъ и принялъ титулъ баронета. Впечатлѣніе, произведенное этимъ на обитателей Доусъ-Рода, было сильное и странное, но вполнѣ естественное. Выходило такъ, какъ будто это самъ Генри пріобрѣлъ почетное званіе. И м-съ Найтъ и тетя Анни, казалось, рѣшили, что Генри по меньшей мѣрѣ способствовалъ такому обороту дѣла, и что новый титулъ Поуэлля являлся въ нѣкоторомъ родѣ наградой таланта, дѣльности и усердія Генри. „Сэръ Джорджъ“—эти два слова безпрерывно звучали во время всѣхъ разговоровъ въ Доусъ-Родѣ; и вся улица, начиная съ молочницы, знала, что Генри былъ ближайшимъ секретаремъ сэра Джорджа.

Генри получалъ три гинеи жалованья въ недѣлю. Онъ имѣлъ текущій счетъ въ банкирской конторѣ Смитъ и Пэйнъ и отдѣльную скамью въ часовнѣ Мюнстеръ-парка. Онъ покупалъ книги, въ томъ числѣ энциклопедіи и словари. Онъ писалъ доклады, которые читались и обсуждались въ засѣданіяхъ „Общества дебатовъ“. Одинъ изъ этихъ докладовъ, между прочимъ, былъ озаглавленъ: „Тенденціи современной художественной литературы“ и въ немъ онъ искренно возмущался „потокомъ дрянныхъ романовъ, безпрерывно наводняющимъ нашъ книжный рынокъ“. Онъ застраховалъ свою жизнь въ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ, застраховался также и отъ несчастныхъ случаевъ, причемъ ему обѣщаны были огромныя суммы за разнаго рода странныя катастрофы. Однимъ словомъ, Генри былъ всесторонне вооруженъ для жизненной борьбы и имѣлъ всѣ права на успѣхъ.

Если какой-либо молодой человѣкъ въ Лондонѣ имѣлъ право

быть самонадѣяннымъ и заносчивымъ, то это былъ Генри. Но онъ тѣмъ не менѣе оставался простымъ, вѣжливымъ и скромнымъ. Серьезенъ онъ былъ не по лѣтамъ, и напрасно его мать и тетка прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать его болѣе веселымъ,—все было напрасно: его серьезность оставалась неизмѣнной.

Въ описываемый нами вечеръ, когда Сара получила приказаніе положить грѣлку въ кровать барина, тонъ Генри, въ обращеніи къ теткѣ, былъ необычно рѣзокъ, лакониченъ, почти ворчливъ. Тетка и мать, обсуждая положеніе въ корридорѣ, рѣшили, что этотъ тонъ—новый зловѣщій симптомъ. Онѣ обѣ уже втеченіе четырехъ дней замѣчали и коллекціонировали симптомы. Мать—первая замѣтила, что Генри простуженъ; тетя Анни пошла дальше и обнаружила, что его лихорадитъ. Затѣмъ она же открыла, что у него слезятся глаза; а мать вынудила у Генри признаніе, что у него сохнетъ въ горлѣ. На третій день, за кофе, его знобило, и обѣ женщины одновременно замѣтили какую-то особенную сыпь у Генри за ушами. На утро четвертаго дня тетя Анни, замѣтила такую же сыпь на затылкѣ. Вотъ это обстоятельство, вмѣстѣ съ упорными и рѣшительными утвержденіями Генри, что онъ совершенно здоровъ, и побудило дамъ пойти на путь хитрой уловки. И какъ бы для оправданія ихъ вступленія на этотъ путь, теперь появился еще новый угрожающій симптомъ — раздражительность. Раздражительность у кроткаго Генри!

— Я просила д-ра Дансера зайти сегодня вечеромъ,—сказала тетя Анни мимоходомъ, когда Генри надѣвалъ свои ковровыя туфли.

М-съ Найтъ кипятила въ кухнѣ чай.

— Зачѣмъ?—быстро и какъ бы защищаясь, спросилъ Генри. Затѣмъ онъ прибавилъ:—Развѣ мамѣ опять нехорошо?

М-съ Найтъ страдала періодически повторявшимися припадками.

— Я просто думаю,—немедленно пояснила тетя Анни,—что лучше быть осторожными...

— Да, конечно,—согласился Генри.

Это было дипломатическое предупрежденіе тети Анни о готовящейся интригѣ.

Они сѣли пить чай. На столѣ была ветчина и яйца, которыя Генри очень любилъ. Но онъ ѣлъ мало.

— Ты переутомился, мой дорогой,—замѣтила мать.

— Переутомился или нѣтъ,—сказалъ Генри съ оттѣнкомъ

ироніи,—но мнѣ надо еще сегодня вечеромъ кое-что сдѣлать. Сэръ Джорджъ просилъ меня...

— Но, голубчикъ мой! — воскликнула взволнованно м-съ Найтъ,—ты вѣдь не можешь...

Тетя Анни остановила ея порывъ многозначительнымъ взглядомъ и спросила:

— О чемъ тебя просилъ сэръ Джорджъ?

— Патронъ просилъ меня просмотрѣть его рождественское обращеніе къ „Обществу клэрковъ“ и отмѣтить, какія измѣненія въ немъ нужно сдѣлать.

Обѣимъ дамамъ стало ясно въ тысячу первый разъ, что сэръ Джорджъ былъ бы абсолютно безпомощенъ безъ Генри.

Послѣ чаю убрали со стола. Генри вынулъ изъ портфеля и разложилъ свои бумаги, а дамы взялись за вязанье и шитье, заботливо сохраняя полную тишину, необходимую Генри для его работы. И среди тихаго домашняго уюта, подъ мягкимъ свѣтомъ лампы, единственными звуками былъ сухой, частый кашель Генри и его же трубные носовые звуки при сморканіи.

— Я думаю, что на сегодня довольно,—сказалъ онъ наконецъ, зѣвая.

— Конечно, дорогой,—подтвердила мать.

Въ этотъ моментъ вошелъ докторъ, и обѣ дамы исчезли по явному взаимному уговору. Д-ръ Дансеръ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всей семьей, и такъ какъ ему было тридцать лѣтъ, то онъ не былъ ни слишкомъ старъ, ни слишкомъ молодъ для того, чтобы называть Генри „стариной“.

— Ну, какъ дѣла, старина?—началъ онъ, пристально вглядываясь въ Генри.—Что это у васъ на лбу?

— На лбу?—переспросилъ Генри.

— Да. Давайте-ка, посмотримъ.

Освидѣтельствованіе было очень подробное и окончилось тѣмъ, что докторъ вложилъ въ ротъ Генри термометръ.

— Сто два,—сказалъ докторъ черезъ нѣсколько минутъ и, улыбаясь, шепнулъ что-то на ухо Генри.

— Вы шутите,—возразилъ Генри, растерявшись.

— Да нисколько. Но, конечно, это не опасно. Надо только лечь въ кровать недѣли на двѣ—и лечь немедленно.

Дамы, безстыдно продѣлывавшія то, что онѣ такъ строго осуждали въ Сарѣ, вернулись снова въ комнату.

Черезъ полчаса Генри лежалъ въ постели, и котелокъ съ эвкалиптомъ дымился надъ яркимъ огнемъ въ спальнѣ; мать готовила въ кухнѣ чай изъ черной смородины; тетя Анни писала

письмо, начинавшееся словами: „Глубокоуважаемый сэръ Джорджъ! Къ сожалѣнію, я должна...“, а маленькая Сара стояла наготовѣ, чтобы помчаться съ порученіемъ.

— Сара,—сказала торжественно м-съ Найтъ, когда дѣвушка вернулась съ почты,—я должна вамъ сказать кое-что. У барина корь, но мы не хотимъ, чтобы кто-нибудь зналъ объ этомъ; пожалуйста, никому ни слова.

— Нѣтъ, барыня,—отвѣтила Сара.

— У него въ дѣтствѣ не было кори,—прибавила м-съ Найтъ съ гордостью.

Докторъ, недостаточно серьезный человѣкъ, склоненъ былъ относиться юмористически къ положенію секретаря сэра Джорджа, лежащаго въ кори. Но онъ скоро вынужденъ былъ сознать свое заблужденіе. М-съ Найтъ и тетя Анни общими усиліями придали кори Генри характеръ значительный и величавый. Что же касается Сары, то она раскрыла правду мальчику отъ молочницы. Правда эта вырвалась у нея „сама“, какъ „самъ“ отлетѣлъ у нея однажды въ рукахъ носикъ чайника.

Полисъ страхованія Генри позаботился обо всѣхъ случайностяхъ, кромѣ кори.

VII.

Творчество.

Комната больного была обращена въ святилище, гдѣ совершали служеніе двѣ жрицы съ помощью юной прислужницы. Было сдѣлано все для того, чтобы придать болѣзни Генри величественный характеръ. Его ложе страданій стало центромъ, вокругъ котораго мѣрно и безшумно вертѣлось колесо домашней жизни. Не была забыта ни одна мелочь, требуемая самымъ тщательнымъ уходомъ, и еслибъ комната выходила окнами не во дворъ, а на улицу, то навѣрное было бы испрошено разрѣшеніе постлать передъ домомъ солому.

Единственный изъянъ въ меланхолической красотѣ этого эпизода состоялъ въ томъ, что Генри былъ весьма далекъ отъ серьезной болѣзни. Онъ, вообще говоря, былъ безусловно неспособенъ къ этому. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, если и „схватятъ“ какую-нибудь болѣзнь, то какъ будто прикасаются къ ней только кончиками пальцевъ: таковъ былъ его организмъ.

Въ данный моментъ у него, несомнѣнно, была корь. Круглыя,

красныя пятнышки покрывали его лицо. Онъ сильно кашлялъ. Каждый день въ одиннадцать часовъ его навѣщалъ докторъ. Но, несмотря на все это, онъ вовсе не чувствовалъ себя больнымъ и неразъ высказывалъ это. Самымъ тревожнымъ симптомомъ его состоянія была скука. Его устойчивый организмъ задыхался подъ одѣяломъ, въ атмосферѣ смородиноваго чая и паровъ эвкалипта. Ему безумно хотѣлось встать, ходить, работать. Его мать и тетка безуспѣшно старались найти какой-нибудь способъ утолить зудъ дѣятельности Генри. И вотъ однажды—это было за день до Рождества—его мать сказала:

— Ты можешь попробовать, когда немножко окрѣпнешь, написать тотъ разсказъ, что̀,—помнишь,—ты разсказывалъ намъ. Вотъ и будетъ тебѣ занятіе.

Но Генри отрицательно покачалъ головой.

— О, нѣтъ!—сказалъ онъ.—Я только шутилъ.

— Я увѣрена, что ты бы очень мило написалъ,—настаивала мать.

Генри снова покачалъ головой и закашлялся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я надѣюсь, что у меня найдется что-нибудь лучшее, чѣмъ писаніе разсказовъ.

— Но вѣдь это несерьезно; ты можешь писать лишь для того, чтобы провести время,—стала уговаривать его тетя Анни.

Дѣло въ томъ, что за нѣсколько недѣль до болѣзни, когда мысли Генри были заняты анализомъ разрушительнаго дѣйствія „потока дрянныхъ романовъ, наводнившихъ нашъ книжный рынокъ“, у него самого явилась мысль разсказа. Онъ презрительно отвергъ ее, какъ непрошенно вторгшуюся гостью, но она вернулась, и въ концѣ концовъ онъ отдѣлался отъ своей навязчивой посѣтительницы лишь тогда, когда разсказалъ объ этомъ за чайнымъ столомъ. Разсказъ былъ признанъ великолѣпнымъ. „Можно назвать его „Любовь въ Вавилонѣ“ — Вавилонъ это Лондонъ, понимаете?“—сказалъ тогда Генри. А тетя Анни воскликнула: „Какое красивое заглавіе!..“

Наканунѣ Рождества, сумерками, тетя Анни сидѣла у постели больного и была поглощена записываніемъ бѣлья въ книжечку. Генри лежалъ съ закрытыми глазами. М-съ Найтъ ушла за покупками. Въ передней раздался негромкій звонокъ; затѣмъ—молчаніе и снова—негромкій звонокъ.

— Что̀ это за дѣвушка! отчего она не идетъ отворить?—шептала про себя тетя Анни, внимательно прислушиваясь.

Звонокъ прозвонилъ въ третій разъ, и тетя Анни встала,

положила книжечку на столъ, прикрутила газъ и пошла внизъ открыть дверь.

Повидимому, внизу происходили событія экстраординарнаго свойства, потому что только черезъ часъ сестры появились въ комнатѣ Генри, торжественно неся птицу, нѣсколько пироговъ съ мясомъ на блюдѣ и визитную карточку.

— Вотъ сюрпризъ, дорогой мой, — начала м-съ Найтъ. — Слушай: „Сэръ Джорджъ Поуэлль шлетъ свои сердечныя поздравленія къ празднику и наилучшія пожеланія скорѣйшаго выздоровленія“! Онъ прислалъ индѣйку и шесть пироговъ съ мясомъ. Какъ это мило съ его стороны!

— Онъ всегда такой,—сказалъ Генри, улыбаясь при мысли о нѣжномъ вкусѣ индѣйки.

— Это истинный джентльмэнъ,—сказала тетя Анни.

— Мы посылали къ доктору спросить, и онъ сказалъ, что тебѣ можно съѣсть полъ-пирожка; такъ что мы разогрѣли ихъ. А завтра получишь ломтикъ филе индѣйки.

— Хорошо!—отвѣтилъ Генри. Онъ любилъ вкусно поѣсть, а эти лакомыя яства были неожиданностью, такъ какъ дамы не могли и думать объ устройствѣ рождественскаго стола въ эти печальные дни.

Вдругъ тетя Анни, точно сраженная внезапно стрѣлой, взглянула на газъ.

— Странно. Я хорошо помню, что я его завернула почти совсѣмъ,—замѣтила она.

— Я отвернулъ его,—сказалъ Генри.

— Ты сходилъ съ кровати! Ахъ, Генри! А еще третьяго дня температура у тебя была сто два!

— Мнѣ хотѣлось начать эту штуку... знаете, написать... такъ, для шутки,—объяснилъ онъ.

И онъ вытащилъ изъ-подъ одѣяла книжку для записыванія бѣлья. Почти въ концѣ страницы, гдѣ тетя Анни прервала на строкѣ

„2 чул...“,

стояло заглавіе

„Любовь въ Вавилонѣ“

и подъ нимъ начало разсказа. Генри исписалъ девять листовъ бѣльевой книжки.

Черезъ день не только самъ Генри, но и мать и тетка были цѣликомъ поглощены разсказомъ. Дамы удивлялись, какъ все это пришло ему въ голову, и Генри самъ тоже былъ немного удивленъ. Разсказъ „пришелъ“ самъ, безъ усилій, почти помимо

воли Генри; онъ дѣйствовалъ такъ, какъ-будто въ него тайно вошла какая-то огромная творческая сила. Подкрѣпленный двумя половинками мясного пирога и нѣсколькими ломтями индѣйки сэра Джорджа, Генри исписалъ всю бѣльевую книжечку сплошь до сумерекъ перваго дня Рождества; а на второй день, несмотря на протесты обѣихъ ухаживавшихъ за нимъ женщинъ, онъ нанесъ значительный уронъ запасу хорошей линованной писчей бумаги. Но вмѣсто того, чтобы проявлять усталость, Генри, казалось, становился съ каждымъ часомъ бодрѣе и почерпалъ все больше силы въ сладкомъ трудѣ сочинительства; въ то же время обѣ дамы изнывали отъ любопытства относительно развязки романа. Это была, конечно, любовная исторія. И начиналась она такъ:

„Вавилонъ!
„И зимою!

„Дамская комната на одномъ изъ нашихъ огромныхъ вокзаловъ была почти пуста; только въ одномъ углу ея виднѣлась одинокая фигура молодой и красивой, одѣтой въ тонкій, но все же граціозный костюмъ, дѣвушки, которая, дрожа, склонялась надъ огнемъ камина. Снаружи доносился гулъ и стукъ поѣздовъ, безпрерывный приливъ и отливъ человѣческаго потока, который вѣчно бьется о берега современнаго Вавилона. Энидъ Энстрюзеръ устремила печальный взглядъ на горящіе уголья. Она осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Дверь отворилась; Энидъ подняла голову, естественно ожидая увидѣть особу ея пола. Но вдругъ мужской голосъ, свѣжій и сильный, произнесъ: „Ахъ, извините, пожалуйста!“ Они взглянули другъ на друга, и затѣмъ Энидъ упала навзничь“.

Таковы были первыя фразы „Любви въ Вавилонѣ“.

Энидъ была сирота и пріѣхала въ Лондонъ, чтобы искать мѣста въ суконномъ магазинѣ. Но къ несчастью, въ дорогѣ она потеряла кошелекъ. Причиной ея внезапнаго паденія въ дамской комнатѣ былъ обморокъ отъ усталости, холода и голода. Благодаря этому обстоятельству, она и вошедшій мужчина, Адріанъ Темпестъ, познакомились, причемъ первымъ даромъ Адріана дѣвушкѣ были нѣсколько капель коньяку, которыя онъ насильно влилъ ей въ ротъ. Вторымъ же даромъ было его сердце. Энидъ получила мѣсто, и однажды въ субботу послѣ обѣда Адріанъ повелъ ее въ Кристаль-Паласъ. Къ сожалѣнію, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать ей предложеніе, они потеряли другъ друга въ шумной вавилонской толпѣ, и Энидъ, не знавшая тонкостей путей сообщенія въ Вавилонѣ, вернулась домой только въ воскре-

сенье утромъ. Хозяинъ съ каменнымъ лицомъ уволилъ ее отъ службы. Адріанъ напрасно искалъ ее, и она напрасно искала Адріана — она не знала его адреса. Тутъ разсказъ раздѣлялся на двѣ части: одна изображала жизнь Адріана, дѣлающаго карьеру адвоката, достигшаго высотъ Вавилона, а другая описывала бѣдствія Энидъ, осужденной на отчаянную борьбу въ низахъ. Контрасты были яркіе и ошеломляющіе.

М-съ Найтъ и тетя Анни не могли никакъ себѣ представить, какимъ образомъ Генри опять сведетъ этихъ двухъ любящихъ, въ которыхъ продолжалъ тайно пылать факелъ вавилонской любви. Но Генри раздумывалъ надъ этой задачей не больше пятидесяти секундъ. Королевская академія. Открытіе выставки. Избранная публика. Адріанъ присутствуетъ здѣсь въ качествѣ знаменитости. Гвоздь выставки — картина „Очаровательница“. Въ ней онъ узнаетъ портретъ Энидъ. Оказывается, она вынуждена была позировать художнику за вознагражденіе въ восемьдесять пенсовъ за часъ. Узнать адресъ художника, а отъ него Энидъ, было для Адріана дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

На этомъ романъ могъ бы окончиться, но Генри считалъ, что онъ слишкомъ коротокъ. И это было, дѣйствительно, такъ. Поэтому онъ придумалъ дальнѣйшее и еще болѣе драматическое положеніе. Когда Адріанъ предложилъ Энидъ руку и сердце, она сказала ему спокойно, но твердо, что не можетъ выйти за него замужъ. Отецъ ея, хоть и невинно, но былъ осужденъ за преступленіе, и умеръ, обезчестивъ свое имя, и она не хочетъ запятнать репутацію Адріана. Оказалось, что настоящимъ преступникомъ былъ Адріанъ. Но онъ не зналъ до сихъ поръ, что за него пострадалъ отецъ Энидъ, и честной жизнью старался искупить свой давній грѣхъ. „Если есть на свѣтѣ человѣкъ, имѣющій право быть вашимъ мужемъ“,—воскликнулъ Адріанъ, „то этотъ человѣкъ—я. И если есть на свѣтѣ человѣкъ, котораго вы могли бы презирать, то этотъ человѣкъ — я“. Поразительная тонкость положенія, конечно, очевидна для читателя. Энидъ простила и согласилась стать женой Адріана. Они вѣнчались въ снѣжный январьскій день въ церкви св. Павла и романъ кончался такъ:

„Вавилонъ зимою“.
„Вавилонъ!“

Генри написалъ все это въ семь дней и, окончивъ, глядѣлъ на свое произведеніе съ гордостью и удивленіемъ. Его поразилъ неожиданностью тотъ фактъ, что такъ легко можно написать интересный, увлекательный романъ. Нѣкоторыя главы его онъ

перечитывалъ по нѣсколько разъ, просто ради удовольствія, которое ему доставляло это чтеніе.

— Конечно, это недостаточно хорошо для напечатанія, — сказалъ онъ однажды, сидя въ креслѣ.

— А я думаю, что всякій издатель съ удовольствіемъ напечаталъ бы, — сказала его мать. — Я нисколько не преувеличиваю, но я убѣждена, что это одна изъ лучшихъ повѣстей, какія я читала во свою свою жизнь.

— Это вы серьезно? — улыбнулся Генри, его врожденная скромность боролась съ тайнымъ убѣжденіемъ, что мать была права.

Тетя Анни мало говорила, но она, по мѣрѣ того, какъ Генри подвигался впередъ, переписывала „Любовь въ Вавилонѣ“ страницу за страницей, своимъ красивымъ, тонкимъ почеркомъ и теперь закончила ее всю.

Наконецъ, настало время для Генри вернуться снова къ ожидавшему его міру. Онъ выздоровѣлъ, чувствовалъ себя хорошо, былъ добръ, крѣпокъ, доволенъ. Но онъ все еще носилъ въ себѣ заразу, его избѣгали, онъ былъ почти *табу*; и все, что было въ его комнатѣ, находилось въ такомъ же положеніи. Предстояла еще торжественная церемонія дезинфекціи. Она была совершена въ послѣдній день стараго года, передъ вечеромъ.

Тетя Анни развела въ чашкѣ клейстеръ; м-съ Найтъ приготовила щетку, а Генри купилъ номеръ „Телеграфа“ и нарѣзалъ его длинными полосами. Затѣмъ герметически заклеили всѣ щели и окна; закрыли и заклеили отдушину камина. Платье было развѣшено, съ кровати все снято, стулья покрыты тряпками.

— А романъ, Генри? — спросила м-съ Найтъ.

— Разумѣется, его надо тоже продезинфецировать вмѣстѣ съ другими вещами, — сказала тетя Анни.

— Да, конечно, — согласился Генри.

— Лучше всего разложить листы отдѣльно по полу, — продолжала тетя Анни.

Всѣхъ листовъ, исписанныхъ бисернымъ почеркомъ тети Анни, было пятьдесятъ девять; авторъ и переписчица стали на колѣни и принялись раскладывать ихъ въ порядкѣ нумераціи. „Вавилонъ“ первой строчки находился въ углу между окномъ и каминомъ, а „Вавилонъ“ послѣдней притаился въ сумракѣ подъ кроватью.

Затѣмъ появилась Сара, неся сѣру въ неглубокой кастрюлѣ

и коробку спичекъ. Клейстеръ, щетку и остатки „Телеграфа“ убрали въ корридоръ. Генри осторожно зажегъ сѣру и, какъ капитанъ корабля, оставилъ комнату послѣднимъ. Когда онъ закрывалъ за собой дверь, запахъ горящей, убивающей микробы, сѣры ударилъ ему въ носъ. Генри заклеилъ дверь извнѣ бумагой и сказалъ: „Ну вотъ и сдѣлано!“

Просыпаясь ночью, онъ не разъ думалъ о благодѣтельной сѣрѣ, которая курится желтыми, зловѣщими огоньками надъ произведеніемъ его искусства; а за окнами умиралъ старый годъ и рождался новый.

VIII.

Испанскій лукъ.

Возвращеніе къ міру и къ Поуэллсу было для Генри похоже на погруженіе въ холодную ванну. Онъ намѣревался разсказать при случаѣ сэру Джорджу о томъ, что онъ воспользовался своимъ вынужденнымъ досугомъ и написалъ романъ. „Воспользовался своимъ вынужденнымъ досугомъ“—такую именно фразу Генри приготовилъ мысленно. Но когда онъ очутился въ чинной, строгой, дѣловой обстановкѣ конторы, онъ сразу почувствовалъ, что сочиненіемъ „Любви въ Вавилонѣ“ онъ проявилъ одну изъ тѣхъ милыхъ слабостей, которымъ иногда поддаются серьезные люди, но сознаваться въ которыхъ не принято. И онъ ограничилъ свою бесѣду съ сэромъ Джорджемъ упоминаніемъ объ индѣйкѣ, о мясныхъ пирогахъ и объ эпидемическихъ болѣзняхъ. Онъ погрузился въ работу съ ощущеніемъ, похожимъ на раскаяніе, и сэръ Джорджъ былъ явно доволенъ неизмѣннымъ усердіемъ и преданностью своего секретаря.

Тѣмъ не менѣе, Генри продолжалъ вѣрить въ достоинства своего романа и рѣшилъ, что долгъ по отношенію къ самому себѣ и къ интересамъ литературы обязываетъ его попытаться издать книгу. Принявъ это рѣшеніе, онъ началъ испытывать тревогу, потому что положительно не зналъ, какъ взяться за дѣло. Онъ былъ похожъ на закоренѣлаго холостяка, которому дали на руки крошечнаго ребенка. Генри не зналъ никого изъ литературнаго міра и даже никого, кто бы зналъ какого-нибудь литератора. Сэръ Джорджъ имѣлъ такой видъ, точно онъ вовсе не подозрѣвалъ о существованіи такой вещи, какъ беллетристика. Никто изъ знакомыхъ Генри не былъ знакомъ ни съ однимъ авторомъ или издателемъ, хотя многіе изъ нихъ имѣли весьма

опредѣленный взглядъ на лицъ этихъ категорій. Какъ-то разъ Генри увидѣлъ новое изданіе сочиненій Карлейля и купилъ первый томъ. Изданіе, хотя и недорогое, имѣло очень благородный видъ. Генри оно понравилось, и онъ внезапно рѣшилъ доставить его собственникамъ случай издать „Любовь въ Вавилонѣ“. Сказано — сдѣлано. Онъ написалъ письмо, объясняющее мотивы, которые привели его къ созданію романа, и прибавилъ, что, если издатели одобрятъ его, то относительно условій они смогутъ сговориться потомъ; затѣмъ тетя Анни уложила „Любовь въ Вавилонѣ“ въ аккуратный пакетъ. Генри былъ уже готовъ нести его на почту, когда тетя Анни спросила:

— Ты, конечно, сдашь его заказнымъ?

Онъ вовсе не думалъ объ этомъ, но необходимость такого шага сразу стала ему ясной.

— Да, лучше сдать заказнымъ!

— Но это, значитъ, что если пакетъ пропадетъ, то за него дадутъ только два фунта?—спросила м-съ Найтъ.

Генри кивнулъ головой и сталъ взвѣшивать положеніе.

— Пожалуй, я застрахую рукопись, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.

Онъ застраховалъ „Любовь въ Вавилонѣ“ въ двадцать фунтовъ и сдалъ ее по адресу. Черезъ три недѣли она вернулась, какъ голубь въ ковчегъ—но запачканная—съ письмомъ, гласившимъ, что хотя издатель и считаетъ повѣсть обѣщающей, но, къ сожалѣнію, лишенъ возможности воспользоваться ею. Съ этого момента Генри и его рукопись стали претерпѣвать обычныя мытарства, а почтовое вѣдомство стало получать новый безпрерывный доходъ.

Одна фирма отвѣчала, что книга интересна, но слишкомъ коротка. Другая не приводила никакихъ соображеній отказа. Еще одна предлагала издать романъ, если Генри внесетъ на это сто фунтовъ,—и съ этого момента Генри пересталъ страховать рукопись. Еще одна возвратила рукопись безъ достаточнаго количества марокъ, и надо было доплатить четыре пенса. Еще одна держала ее четыре мѣсяца и отослала назадъ только подъ угрозой преслѣдованія судомъ, которая была написана на бумагѣ съ внушительнымъ именемъ Поуэлля въ заголовкѣ. Наконецъ, настало время, когда даже терпѣніе Генри истощилось, и онъ пересталъ посылать рукопись. Она была уложена въ ящикъ, послѣ года безпрерывныхъ странствій, а м-съ Найтъ и тетя Анни деликатно перестали упоминать о ней. Втеченіе этого года взглядъ Генри на свое произведеніе претерпѣвалъ значи-

тельныя колебанія. У него бывали моменты, даже дни, когда ему казалось, что книга его—чепуха, а онъ—дуракъ, что возится съ ней. Иногда, и даже часто, въ немъ возрождалась старая вѣра въ свое дѣтище. Но въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ разъ навсегда,—не безъ мрачной гордости,—что „безпрерывный потокъ дрянныхъ романовъ, затопившій нашъ книжный рынокъ", убилъ всякій спросъ на здоровую литературу, повздыхалъ немного и пересталъ вовсе думать объ этомъ эпизодѣ въ своей жизни.

„Любовь въ Вавилонѣ" мирно покоилась въ ящикѣ уже впродолженіе трехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ, однажды утромъ, въ апрѣлѣ въ Доусъ-Родѣ была получена слѣдующая телеграмма:

„Пожалуйста доставьте мнѣ немедленно рукопись наверху налѣво берите извозчика Генри".

М-съ Найтъ была одна дома съ Сарой, когда оглушительные звонки разсыльнаго и затѣмъ появленіе самой телеграммы привели домъ въ состояніе бурнаго безпокойства. Не вскрывъ еще депеши, м-съ Найтъ уже догадалась, что съ тетей Анни произошло несчастье, что Генри умеръ, и что ея тетушка Элиза изъ Глоссопа скончалась, не оставивъ завѣщанія; всѣ эти догадки отнюдь не способствовали прояснѣнію ея умственныхъ способностей. Она никакъ не могла докопаться до смысла телеграммы ни съ помощью очковъ, ни съ помощью Сары. Къ счастью, вернулась домой тетя Анни, у которой былъ всегда здравый взглядъ на вещи.

— Онъ подразумѣваетъ „Любовь въ Вавилонѣ",—сказала она.—Она лежитъ въ верхнемъ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола. Вотъ что онъ думаетъ. Я могу сейчасъ отвезти.

— Ахъ, да, конечно,—поспѣшно согласилась м-съ Найтъ.—Тебѣ это лучше всего сдѣлать.

Тетя Анни, не медля въ своемъ рѣшеніи, позвонила.

— Сара,—сказала она,—сбѣгайте, пожалуйста, и возьмите мнѣ кэбъ, четырехколесный. Но вы понимаете, четырехколесный!

— Понимаю. Сейчасъ.

— Удивляюсь, зачѣмъ ему понадобилась рукопись,—замѣтила тетя Анни, найдя ее.—Вѣроятно, онъ упомянулъ о ней сэру Джорджу, и тотъ вызвался какъ-нибудь устроить дѣло.

— Я думала, что онъ ужъ вовсе забылъ обо всей этой исторіи,—сказала м-съ Найтъ.—Но Генри разъ началъ что-нибудь, никогда не броситъ.

Въ этотъ моментъ лихо подкатила къ дверямъ дома Сара на двухколесномъ кабріолетѣ.

— Отправьте его назадъ,—приказала тетя Анни, осторожно высовывая носъ сквозь выходную дверь. На дворѣ былъ апрѣль съ обычнымъ снѣгомъ и слякотью.—Я, вѣдь, сказала вамъ взять четырехколесный экипажъ.

— Извините, миссъ, не было ни одного,—защищалась Сара.

— Во всей стоянкѣ ни одного, лэди,—сказалъ извозчикъ, ухмыляясь.—Въ такой день развѣ можно достать?

Тетя Анни подняла вуаль и взглянула на сестру. Подобно многимъ энергичнымъ и мужественнымъ женщинамъ, она чувствовала къ двухколеснымъ кабріолетамъ антипатію, доходящую до паническаго ужаса. Она боялась кабріолета, какъ будто бы это былъ револьверъ, т.-е. вещь, которая можетъ въ каждый моментъ погубить ее.

— Я не могу поѣхать въ этомъ...—призналась она откровенно. Она находилась въ затрудненіи: съ одной стороны хотѣлось сдѣлать одолженіе любимцу-Генри; съ другой—этотъ чудовищный экипажъ!

— А что, если бы я поѣхала съ тобой?—предложила м-съ Найтъ.

— Отлично,—сказала тетя Анни, стиснувъ зубы и готовясь жертвовать собой.

Сара помчалась, принесла шапку, муфту и пальто м-съ Найтъ, и очень скоро обѣ сестры съ рукописью отправились въ путь. Сначала онѣ спустили окно каретки изъ-за снѣга и тумана; затѣмъ онѣ подняли его, чтобы освѣжить воздухъ; и наконецъ тетя Анни заложила кончикъ рукописи между дверью и окномъ, оставивъ маленькую щелку для вентиляціи. Главную же тяжесть рукописи она поддерживала при помощи своей муфты.

Увы! Ея боязнь передъ двухколеснымъ экипажемъ получила новое оправданіе—по крайней мѣрѣ, въ ея собственныхъ глазахъ. Проѣзжая по Вальгамъ-Грину, они стали обгонять большой рыночный фургонъ, нагруженный огромнымъ количествомъ испанскаго лука; и лишь только лошадь ихъ извощика поровнялась съ тыломъ фургона, заднее колесо фургона накренилось, и цѣлая гирлянда луковицъ замелькала въ снѣжномъ воздухѣ. Извозчикъ дѣлалъ все, что могъ, но онъ не въ силахъ былъ избавить свою лошадь отъ безвременнаго погребенія подъ страннымъ грузомъ. Животное благородно боролось, но, наконецъ, зашаталось, упало и исчезло подъ испанскимъ лукомъ. Отчаянно вопившія дамы, оставшіяся чудеснымъ образомъ цѣлыми и невредимыми, были блѣдны и задыхались отъ страха. Ихъ поднялъ констэбль и проходившій мимо точильщикъ.

Инцидентъ носилъ болѣе комическій, нежели трагическій характеръ, хотя ни м-съ Найтъ, ни тетя Анни не были способны оцѣнить его съ этой стороны. Лошадь подняли вполнѣ благополучно, и даже окно кабріолета не было разбито. Констэбль поздравилъ всѣхъ и записалъ имена обоихъ возницъ, обѣихъ дамъ и точильщика. Скверная погода, къ счастью, помѣшала скопленію большой толпы.

Прошли минуты двѣ, прежде чѣмъ тетя Анни сдѣлала ужасное открытіе: „Любовь въ Вавилонѣ“ исчезла.

— Будьте спокойны, сударыня,—сказалъ констэбль, видя, что дамы проявляютъ признаки сильнаго возбужденія,—потрудитесь пройти вонъ сюда, въ подъѣздъ парикмахерской, и обождать немного.

Дамы повиновались.

Черезъ нѣкоторое время „Любовь въ Вавилонѣ“ была извлечена изъ-подъ лука, глава за главой, и тетя Анни снова имѣла ее въ рукахъ, въ растрепанномъ, но все же въ полномъ видѣ. Въ видѣ особой удачи въ это время мимо проѣзжалъ свободный четырехколесный экипажъ. Сестры сѣли въ него, и тетя Анни назвала адресъ.

— Поѣзжайте какъ только можете скорѣе,—сказала она извозчику,—но только, пожалуйста, потихоньку.

IX.

Маркъ Снайдеръ.

Три четверти часа спустя Генри входилъ въ великолѣпный новый домъ въ Чаринг-Кроссѣ. „Любовь въ Вавилонѣ“ онъ крѣпко сжималъ подъ правой рукой. Отчасти эта необычная ноша, а отчасти грандіозная внѣшность дома были причиной того, что онъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Ибо Генри хоть и привыкъ къ дѣловымъ учрежденіямъ и конторамъ, но не привыкъ къ роскошнымъ конторамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Лондона существуютъ конторы—и чрезвычайно вліятельныя—которыя, будь онѣ обыкновенными домами, сдающимися подъ квартиры, были бы немедленно признаны городскимъ управленіемъ негодными для жилья. Такова была и канцелярія Поуэлля, а между тѣмъ было извѣстно, что сэръ Джорджъ обладаетъ двадцатью тысячами годового дохода. Во владѣніяхъ Поуэлля старая Диккенсовская традиція хранилась ненарушимо: грязь и мракъ

были всегда на-лицо. Чистота и свѣтъ были бы здѣсь признаны неподходящими для дѣлового учрежденія. Однажды зимою сэръ Джорджъ простудился и тотчасъ же приписалъ свою бѣду тому факту, что „эта проклятая баба чистила окна"—вѣроятно сырой тряпкой. „Эта проклятая баба" была поденщица, которая мылась только тогда, когда мыла лѣстницу. У Поуэлля только лѣстница подвергалась этой унизительной процедурѣ.

Такимъ образомъ ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Генри нѣсколько растерялся, попавъ въ шикарный Кенильвортъ. Онъ поднялся по тремъ гранитнымъ ступенямъ, прошелъ черезъ нѣсколько раскачивавшихся дверей, миновалъ небольшое пространство, отдѣланное мозаичными плитками, затѣмъ снова поднялся по тремъ ступенямъ и очутился въ огромномъ мраморномъ вестибюлѣ, гдѣ находилась клѣтка лифта, напоминающая исповѣдальню, и широкая лѣстница, которая какъ бы вела въ рай. По обѣ стороны стѣнъ находились дощечки съ разными именами, отпечатанными золотыми буквами. Генри робко сталъ разглядывать ихъ и наконецъ, нашелъ то, что ему нужно было: „Маркъ Снайдеръ, литературный агентъ, 3-й этажъ". Въ это время пышный швейцаръ въ шоколадномъ одѣяніи приблизился къ нему.

— Гдѣ живетъ м-ръ Снайдеръ?—спросилъ Генри,

— Третій этажъ, налѣво, — отвѣтилъ тотъ, подтверждая своимъ авторитетомъ указаніе таблички.

Когда Генри поднимался вверхъ на лифтѣ въ обществѣ великолѣпнаго швейцара, онъ не могъ не сравнить обстановку этой конторы съ ужаснымъ призракомъ поденщицы на лѣстницѣ Поуэлля.

На площадкѣ третьяго этажа, которая казалась цѣлымъ особымъ міромъ, стрѣла съ надписью „Маркъ Снайдеръ, литературный агентъ" направила его вдоль корридора въ уголъ, гдѣ другая стрѣла съ той же надписью указывала на другой корридоръ. Чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ явственнѣе доносился до него стукъ пишущихъ машинъ. Наконецъ, онъ очутился передъ стеклянной дверью съ той же надписью: на матовомъ стеклѣ виднѣлись отраженія движущихся тѣней, а стукъ машинъ сталъ почти непріятенъ.

Генри остановился.

Въ этотъ день, утромъ, м-ръ Маркъ Снайдеръ былъ у Поуэлля по дѣлу одного изъ своихъ кліентовъ и въ отсутствіе сэра Джорджа вступилъ съ Генри въ бесѣду. Генри впервые узналъ о существованіи литературныхъ агентовъ, и изумленный

проницательностью и ловкимъ обхожденіемъ этого господина, разсказалъ ему исторію „Любви въ Вавилонѣ“. М-ръ Снайдеръ любезно согласился ознакомиться съ рукописью, если Генри немедленно доставитъ ее. Причина поспѣшности была та, что на завтра м-ръ Снайдеръ уѣзжалъ по дѣламъ изъ Англіи въ Нью-Іоркъ. Этимъ объяснялась и телеграмма Генри домой.

Теперь, стоя у дверей м-ра Снайдера, Генри раздумывалъ, не очень ли онъ глупъ, что пришелъ сюда. Но все-таки онъ вошелъ.

Двѣ стройныя, хорошо одѣтыя барышни, съ пышными бантами на затылкѣ, оглянулись изъ-за своихъ ремингтоновъ, и одна изъ нихъ, съ золотистыми волосами, поднялась, кокетливо улыбаясь.

— Вы, кажется, милый молодой человѣкъ, и я буду любезна съ вами, — словно говорили ея глаза. Голосъ ея, впрочемъ, не произнесъ ничего, кромѣ: „Не хотите ли присѣсть на минутку?“ — она даже не ждала, чтобы посѣтитель спросилъ м-ра Снайдера.

Генри сталъ оглядывать комнату. Въ комнатѣ былъ коверъ, на стѣнахъ—красивыя гравюры, а въ одномъ углу на японскомъ столикѣ было разставлено нѣсколько чайныхъ приборовъ. На большихъ массивныхъ столахъ были разложены кучи рукописей всѣхъ видовъ и форматовъ, и на всѣхъ была печать „Маркъ Снайдеръ, литературный агентъ“.

„Любовь въ Вавилонѣ“ казалась здѣсь такой маленькой, что Генри едва ощущалъ подъ рукой ея присутствіе.

Затѣмъ исчезнувшая, было, златокудрая барышня появилась вновь и съ очаровательной улыбкой пригласила Генри пожаловать въ собственный кабинетъ м-ра Снайдера.

— А, вотъ и вы!—воскликнулъ м-ръ Снайдеръ привѣтливо.

Это былъ красивый мужчина, лѣтъ сорока; онъ сидѣлъ за широкимъ столомъ, играя револьверомъ.

— Что вы думаете объ этой штучкѣ, м-ръ Найтъ?—спросилъ онъ, показывая посѣтителю револьверъ.

— Она, кажется, какъ слѣдуетъ,—нерѣшительно произнесъ Генри.

М-ръ Снайдеръ весело разсмѣялся.

— Завтра уѣзжаю въ Америку. Я, вѣдь, говорилъ вамъ,—правда? Никогда еще не бывалъ тамъ. Такъ вотъ, беру съ собой на всякій случай револьверъ.

И онъ снова засмѣялся.

Затѣмъ вдругъ онъ пересталъ смѣяться и сталъ нюхать воздухъ.

„Что это? Дѣловая контора или клубъ?“—спрашивалъ себя Генри. Ноги его утопали въ персидскомъ коврѣ. Сидѣлъ онъ въ удобномъ глубокомъ креслѣ. Веселый огонь пылалъ въ каминѣ за бронзовой рѣшеткой. Гравюры въ дорогихъ дубовыхъ рамахъ украшали стѣны. Потолокъ былъ весь въ лѣпныхъ украшеніяхъ и съ середины его спускалась красивая электрическая люстра.

— Хотите папироску?—сказалъ м-ръ Снайдеръ, подвигая къ Генри коробку египетскихъ папиросъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Генри и положилъ на столъ „Любовь въ Вавилонѣ“,—онъ, вообще, не курилъ.

М-ръ Снайдеръ снова потянулъ носомъ.

— Итакъ, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ, — неожиданно сказалъ онъ.

Генри объяснилъ ему происхожденіе, содержаніе и превратности судьбы „Любви въ Вавилонѣ“, а м-ръ Снайдеръ лѣниво перелистывалъ страницы рукописи.

— Кто вамъ переписывалъ ее, — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Моя тетка,—отвѣтилъ Генри.

— Ахъ, да!—сказалъ м-ръ Снайдеръ, все продолжая улыбаться. — Вещь слишкомъ коротка, видите ли, — прибавилъ онъ серьезно.—Слишкомъ коротка. Каковъ ея размѣръ?

Около трехсотъ страничекъ.

— Ну, это вашъ субъективный счетъ, — засмѣялся опять м-ръ Снайдеръ.—Что вы называете страничкой?

— Семьдесятъ два слова.

— Значитъ, около двадцати тысячъ словъ, что ли? Слишкомъ коротко!

— Но развѣ это имѣетъ значеніе?—спросилъ Генри.—Мнѣ казалось...

— Конечно, это имѣетъ значеніе,—прервалъ его м-ръ Снайдеръ.—Если вы идете на концертъ, и онъ начался въ восемь, а кончился въ половинѣ девятаго, уйдете ли вы удовлетвореннымъ, какъ бы исполнитель ни увѣрялъ, что дѣло было въ качествѣ, а не въ количествѣ? Ха-ха!

М-ръ Снайдеръ снова потянулъ носомъ воздухъ и вопросительно взглянулъ на огонь.

— Романы идутъ только въ одной цѣнѣ—по шесть шиллинговъ,—продолжалъ м-ръ Снайдеръ.—Публика любитъ шестишиллинговое качество. Но она неизмѣнно требуетъ и опредѣленнаго шестишиллинговаго количества и больше ничего знать

не хочетъ. Что же я могу сдѣлать съ этимъ?—спросилъ онъ, поднимая „Любовь въ Вавилонѣ“ и размахивая ею во всѣ стороны.

— Что если бы Карлейлю пришлось попасть сюда!—подумалъ Генри. Литература представилась ему подъ совершенно новымъ угломъ зрѣнія. Точно онъ обошелъ кругомъ зданія литературы и заглянулъ въ него съ чернаго хода.

Вдругъ м-ръ Снайдеръ поднесъ рукопись къ своему носу.

— Ахъ, такъ это *вотъ что!*—пробормоталъ онъ, найдя наконецъ, источникъ запаха.

Генри былъ вынужденъ разсказать о столкновеніи съ фургономъ лука, что чрезвычайно развеселило м-ра Снайдера.

— Ловко!—воскликнулъ онъ.—Ловко! Да, кстати: можете послать эту исторію Оніону [1]) Уинтеру. Вы знаете Оніона Уинтера? Нѣтъ? Его въ нашихъ кругахъ называютъ всѣ „Испанскимъ лукомъ“. Онъ теперь какъ разъ расширяетъ дѣло. Ахъ, что это за шутка будетъ!

И м-ръ Снайдеръ залился хохотомъ.

— Но серьезно, Уинтеръ въ самомъ дѣлѣ можетъ...

Но въ этотъ моментъ вошла златокудрая дѣвица съ какимъ-то листомъ, и м-ръ Снайдеръ извинился передъ Генри и вышелъ изъ комнаты. Во время его отсутствія Генри погрузился въ размышленія о странно-недѣловомъ тонѣ разговора, и рѣшилъ внести немного оффиціальности въ бесѣду.

— Мнѣ надо уходить,—сказалъ м-ръ Снайдеръ, возвращаясь.

— Мнѣ тоже пора,—сказалъ Генри. — Позвольте узнать, м-ръ Снайдеръ, каковы ваши условія?

— Десять процентовъ,—сказалъ кратко м-ръ Снайдеръ.— При крупныхъ заказахъ. Обыкновенно, у незнакомыхъ я беру предварительный гонораръ, но, конечно, съ васъ...

— Десять процентовъ?—переспросилъ Генри.

— Десять процентовъ,—повторилъ м-ръ Снайдеръ.

— Т.-е., вы хотите этимъ сказать,—выразительно произнесъ авторъ „Любви въ Вавилонѣ“, что если за свою книгу я получу, положимъ, десять тысячъ фунтовъ, то вамъ будетъ приходиться тысяча фунтовъ за то, что она напечатана?

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ м-ръ Снайдеръ.

— О!—воскликнулъ Генри, потрясенный.—Тысяча фунтовъ!

Онъ понялъ теперь, откуда брались персидскіе ковры, гравюры и дорогія папиросы м-ра Снайдера.

---

[1]) Непереводимая игра словъ: „Onions“—имя, а также означаетъ „лукъ“.

— Тысяча фунтовъ!

М-ръ Снайдеръ вложилъ свой револьверъ въ ящикъ и началъ надѣвать пальто.

— Я подумаю объ этомъ,—сказалъ Генри упавшимъ голосомъ.—Сколько времени вы пробудете въ Америкѣ?

— Да такъ, нѣсколько мѣсяцевъ!—и м-ръ Снайдеръ широко улыбнулся. Генри не могъ понять причины вѣчно-веселаго настроенія этого человѣка.

— Хорошо, я подумаю,— повторилъ Генри еще разъ.— Весьма обязанъ вамъ.

Онъ взялъ свою „Любовь въ Вавилонѣ“ и удалился.

X.

Атласная библіотека.

Да, въ этомъ свиданіи было что-то неладное, и Генри не считался съ нимъ серьезно. Вѣдь онъ просто сидѣлъ и слушалъ и, отвѣтивъ на вопросы м-ра Снайдера, самъ не сдѣлалъ ни одного замѣчанія, кромѣ восклицанія „тысяча фунтовъ!“ И Генри былъ разочарованъ не только въ м-рѣ Снайдерѣ, но и въ себѣ самомъ. Онъ не проявилъ ни одного изъ дѣловыхъ качествъ, которыя зналъ за собой. Онъ всегда былъ увѣренъ въ своей способности справиться со всякимъ дѣломъ, требующимъ такта и осторожности; а между тѣмъ съ м-ромъ Снайдеромъ онъ держалъ себя настоящимъ простофилей и не нашелъ сказать ничего, кромѣ этой „тысячи фунтовъ!“

Генри искренно считалъ условія м-ра Снайдера возмутительными. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ новичковъ въ литературѣ, которые жаждутъ печататься во что бы то ни стало. Литература не имѣла надъ нимъ роковой власти. Его естественнымъ желаніемъ было, написавъ книгу, увидѣть ее напечатанной и, если возможно, хорошо заработать на ней. Но посѣщеніе Марка Снайдера убѣдило его въ безнадежности предпріятія, и вечеромъ, вернувшись домой, онъ правдиво изобразилъ матери и теткѣ все, происшедшее на свиданіи, и въ заключеніе какъ бы шутя заявилъ, что онъ сожжетъ рукопись „Любви въ Вавилонѣ“. Мать и тетка, замѣтивъ, что онъ думаетъ объ этомъ серьезно, воздержались отъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему.

Когда онѣ ушли спать, Генри вынулъ свой романъ изъ коричневой бумаги, въ которую онъ былъ завернутъ, и уже собирался бросить его въ огонь, какъ вдругъ остановился.

— Не сдѣлать ли послѣдней попытки?—раздумывалъ онъ.— Онъ вспомнилъ вдругъ имя Оніона Уинтера и прерванныя соображенія м-ра Снайдера относительно этого издателя. Онъ рѣшилъ послать „Любовь въ Вавилонѣ“ м-ру Уинтеру. Онъ написалъ короткое письмо, разгладилъ коричневую бумагу и снова завернулъ въ нее рукопись.

Черезъ недѣлю,—только черезъ недѣлю,—м-ръ Уинтеръ написалъ Генри, прося его немедленно зайти къ нему переговорить. Помѣщеніе м-ра Уинтера находилось въ Лейчестеръ-скверѣ. Оно было весьма замѣчательно въ архитектурномъ отношеніи. Вдоль всего фасада тянулась арка, образовывшая нижній этажъ. Подъ аркой ютилось окно, состоявшее изъ множества четырехугольныхъ отдѣленій, на каждомъ изъ которыхъ была маленькая карточка съ надписью „Атласная библіотека—Оніона Уинтера“. Эта таинственная фраза повторялась сто шестьдесятъ разъ. Направо отъ окна находилась низкая зеленая дверь съ мѣдной ручкой въ видѣ свиного хвостика и надпись: „Контора Оніона Уинтера“.

— М-ръ Уинтеръ здѣсь?—спросилъ Генри у молодого человѣка въ очень высокомъ воротникѣ, овладѣвъ не безъ труда механизмомъ свиного хвостика.

— Да, онъ здѣсь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, грубовато, какъ показалось Генри.—Вы хотите его видѣть?—добавилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ спокойно Генри.—Но онъ хочетъ видѣть меня. Моя фамилія—Найтъ.

У Генри бывали такія минуты вдохновенія. Онѣ приходили сами собой, какъ пришла „Любовь въ Вавилонѣ“. И онъ сразу почувствовалъ, что здѣсь онъ взялъ лучшій тонъ, чѣмъ у Марка Снайдера.

Черезъ минуту онъ сидѣлъ напротивъ м-ра Уинтера въ уютной комнатѣ перваго этажа. Положительно, издательскія конторы похожи на гостинныя!

— Значитъ, вы—авторъ „Любви въ Вавилонѣ?“—началъ м-ръ Уинтеръ. Это былъ высокій, сѣдой человѣкъ, съ горящими глазами, безъ усовъ, имѣвшій довольно внушительный видъ.

— Вамъ нравится мой романъ?—спросилъ Генри смѣло.

— Мнѣ кажется... вотъ что. Я хочу быть откровеннымъ съ вами, м-ръ Найтъ.

При этихъ словахъ м-ръ Уинтеръ взялъ въ руку рукопись, лежавшую передъ нимъ, и повелъ ноздрями точно такъ же, какъ это дѣлалъ м-ръ Снайдеръ.

— Дѣло въ томъ, что я, вѣроятно, и не взглянулъ бы на нее, еслибы не этотъ особенный запахъ.

Генри объяснилъ Уинтеру происхожденіе этого запаха.

— Ахъ, вотъ какъ. Очень занятно!—замѣтилъ м-ръ Уинтеръ безъ улыбки.—Весьма курьезно. Пожалуй изъ этого можетъ выйти „гвоздь“... Публика любитъ такія совпаденія. Да, такъ вотъ признаюсь вамъ, что я бы и не взглянулъ на рукопись, еслибъ не этотъ особый... —(И онъ опять понюхалъ воздухъ).—Но взглянулъ, увидѣлъ заглавіе, и оно понравилось мнѣ. Да, надо признать, что вы придумали интересное заглавіе, м-ръ Найтъ. Я взялъ рукопись домой и прочелъ ее. Прочелъ самъ, неославъ никому изъ своихъ литературныхъ помощниковъ. Я немного суевѣренъ, знаете ли. Мы всѣ, въ сущности, суевѣрны! А это совпаденіе—Оніонъ—onions—испанскій лукъ! И затѣмъ красивое заглавіе! Мнѣ нравится вашъ романъ, м-ръ Найтъ. Онъ граціозенъ, трогателенъ и оригиналенъ. Въ немъ есть то неопредѣлимое—ce je ne sais quoi—котораго мы, издатели, всегда ищемъ. Конечно, онъ необработанъ—мѣстами это совсѣмъ сырой матеріалъ. Онъ требуетъ передѣлокъ. Что вы хотите за него, м-ръ Найтъ? Какова ваша цѣна?

— Не знаю, право,—сказалъ Генри, обрадовавшись, но не выказывая никакого смущенія.—Я не думалъ еще о цифрѣ,

— Хотите получить за книжку двадцать-пять фунтовъ чистоганомъ? Примите во вниманіе, что она очень коротка. Я, можно сказать, единственный издатель въ Лондонѣ, который беретъ такія маленькія вещи.

Генри молчалъ.

— Ну, что же?—спросилъ м-ръ Уинтеръ.—Деньги на столъ. Желаете сдѣлать дѣло?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я не могу,—отвѣтилъ Генри.

— А что же бы вы хотѣли?

— Я хочу сто фунтовъ.

— Помилуйте, молодой человѣкъ!—горячо воскликнулъ м-ръ Уинтеръ, поворачиваясь къ Генри.—Да знаете ли вы, что это значитъ пять фунтовъ за тысячу словъ? Многіе авторы съ именемъ взяли бы съ удовольствіемъ столько. Я бы охотно издалъ вашу книгу, но, простите, я не филантропъ и не милліонеръ.

— Въ сущности, я бы предпочелъ,—сказалъ Генри,—получать опредѣленный процентъ съ цѣны каждаго проданнаго экземпляра.

— Ахъ, вы хотите разсчетъ по экземплярамъ!

— Да. Я думаю, что это удобнѣе для обѣихъ сторонъ,— сказалъ Генри.

— Ладно. Вы, значитъ, предпочитаете оплату съ экземпляра,—сказалъ м-ръ Уинтеръ.—Хорошо. Но прежде всего позвольте вамъ сказать, что первыя книги молодыхъ авторовъ никогда не покрываютъ расходовъ. Никогда! Я всегда теряю на нихъ. Но вы вѣрите въ свою книгу? Правда?—и онъ взглянулъ Генри въ лицо.

— Да, я вѣрю,—отвѣтилъ Генри.

— Отлично. Тогда я дамъ вамъ по полтора пенса съ каждаго шиллинга каждаго проданнаго экземпляра послѣ первыхъ пяти тысячъ. И, значитъ, если будетъ успѣхъ, вы будете участвовать въ прибыли. Если нѣтъ,—что̀ дѣлать?—Я тоже потеряю. Условія пріемлемы для васъ?

Условія показались Генри весьма пріемлемыми. Но онъ не даромъ былъ секретаремъ сэра Джорджа.

— Вы должны дать мнѣ два пенса съ шиллинга,—сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ.

— Ну, ладно,—согласился сразу м-ръ Уинтеръ.—Скажемъ, значитъ, два пенса и покончимъ на этомъ.

— А какова будетъ цѣна книги?—спросилъ Генри.

— Два шиллинга, конечно. Я предназначаю ее для „Атласной библіотеки“. Вы не знаете „Атласной библіотеки“? Я увѣренъ, что она будетъ имѣть колоссальный успѣхъ.

М-ръ Уинтеръ взялъ со столика образецъ оранжевой обложки.

— Пощупайте эту обложку! Правда, совсѣмъ атласъ? Но это не атласъ. Это бумага — новое изобрѣтеніе, послѣдняя новость. Замѣтьте, что закладка въ книжкѣ будетъ атласная изъ настоящаго атласа. Теперь обратите вниманіе на форматъ—оригинальный, не правда ли?.. Эти книжки точно игрушечки. Вотъ помяните мое слово, м-ръ Найтъ, черезъ нѣсколько недѣль вы найдете эти хорошенькіе томики въ каждой гостиной Вестъ-Энда. Да кстати, не подпишемъ ли мы сейчасъ наше условіе?

Генри, не найдя ничего непріемлемаго для себя въ предложенномъ условіи, подписалъ его съ должной торжественностью.

— Можете ли вы сейчасъ править корректуры, если я вамъ пошлю ихъ?—спросилъ м-ръ Уинтеръ при прощаніи.

— Да,—сказалъ Генри, которому никогда въ жизни не приходилось держать корректуры.—Вы торопитесь съ изданіемъ?

— Видите ли, — сказалъ м-ръ Уинтеръ,—я думалъ начать „Атласную библіотеку“ другой книжкой. У меня уже есть пять вещей. Но теперь мнѣ хочется начать вашей. Таковъ мой ка-

призъ, а если у меня являются капризы, то я ихъ обыкновенно исполняю. Интересное заглавіе! А по нынѣшнимъ, знаете ли, временамъ, удачное заглавіе—половина успѣха!

. . . . . .

Черезъ два мѣсяца „Любовь въ Вавилонѣ“ Генри Ш. Найта вышла въ свѣтъ первымъ томикомъ „Атласной библіотеки“, и авторъ увидѣлъ свое имя напечатаннымъ въ газетахъ въ отдѣлѣ „Новыхъ книгъ“. Генри доставило это огромное удовольствіе, но все же онъ не могъ не замѣтить, что въ сущности онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше. Только наличность шести авторскихъ экземпляровъ романа указывали на огромный шагъ въ его жизни. Одинъ экземпляръ онъ преподнесъ съ надписью своей матери, другой—теткѣ, а третій—сэру Джорджу. Поуэлль принялъ книжку съ озабоченно-разсѣяннымъ видомъ и не упоминалъ о ней съ недѣлю, если не больше. Затѣмъ, однажды утромъ, онъ сказалъ: „Да, между прочимъ, Найтъ, я просмотрѣлъ вашу вещицу вчера вечеромъ. Прекрасно! прекрасно! Поздравляю васъ... Возьмите, пожалуйста, вотъ это письмо“.

Сужденіе сэра Джорджа показалось Генри довольно поверхностнымъ, но онъ не сказалъ ничего. Впрочемъ, худшее его ожидало еще впереди. Вечеромъ того же дня онъ купилъ номеръ вечерней газеты, которую обыкновенно читалъ въ вагонѣ и наткнулся на слѣдующія строки:

Атласная чепуха.

„Новая серія книжекъ м-ра Уинтера — „Атласная библіотека“—имѣетъ довольно красивую внѣшность. Форматъ изященъ, закладки великолѣпны, работа безукоризненна. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ поздравить м-ра Уинтера съ удачнымъ литературнымъ выборомъ первой книжки. М-ръ Генри Ш. Найтъ, авторъ романа „Любовь въ Вавилонѣ“ очевидно, начинающій писатель того разряда, отъ которыхъ нечего ждать въ будущемъ. Нельзя отрицать его умѣнія управлять нитями сентиментальной фабулы. Возможно даже, что его судьба—стать кумиромъ „широкой публики“. Это возможно, хотя и довольно невѣроятно. Авторъ не знаетъ жизни, не чувствуетъ стиля, не имѣетъ ощущенія истиннаго драматизма. Съ первой страницы до послѣдней романъ развивается въ повышенномъ театральномъ тонѣ, въ плоскости дешеваго паѳоса. Бываютъ авторы, о которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что они никогда не сдѣлаются лучше. Они рождаются съ извѣстнымъ даромъ вульгарнаго разсказчика, и этотъ даръ никогда не прогрессируетъ и не уменьшается. Мы склонны думать, что м-ръ Найтъ принадлежитъ къ ихъ числу.

Сожалѣя, что онъ взялся за перо, мы не имѣемъ желанія показаться строгими. М-ръ Найтъ, несомнѣнно, почтенный и безвредный человѣкъ. Но онъ ошибся въ своемъ призваніи, а такія ошибки всегда достойны сожалѣнія".

Генри имѣлъ смѣлость прочитать эту рецензію вслухъ за чаемъ.

— Негодяи!—воскликнула м-съ Найтъ.

Тетя Анни вспыхнула.

— Дай-ка мнѣ взглянуть,—шепнула она; голосъ отказывался служить ей.

Взглянувъ, она великолѣпнымъ жестомъ бросила газету на полъ. Газета легла объявленіями вверхъ, которыхъ Генри еще не успѣлъ просмотрѣть. Ему бросились въ глаза крупныя строки объявленія м-ра Оніона Уинтера: „Атласная библіотека" Оніона Уинтера. Огромный успѣхъ! „*Любовь въ Вавилонѣ*" Генри Ш. Найта. Два шиллинга. Восемнадцатая тысяча".—И эти слова повторялись во всю длину столбца „Вечерней Газеты".

XI.

Его слава.

Эту ночь Генри спалъ худо: его мучили волнующіе сны. И втеченіе всего слѣдующаго дня одна мысль горѣла въ его мозгу—мысль о колоссальномъ успѣхѣ „Любви въ Вавилонѣ". И ощущеніе это было такъ сильно и такъ ярко, что Генри было странно, отчего люди на улицѣ не останавливаются и не смотрятъ на него. Но никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ соприкасался, казалось, и не подозрѣвалъ о громадномъ успѣхѣ „Любви въ Вавилонѣ". У Поуэлля было семь помощниковъ и семнадцать прочихъ служащихъ въ канцеляріи, кромѣ Генри, и никто изъ этихъ образованныхъ молодыхъ людей за весь этотъ день не упомянулъ даже вскользь о „Любви въ Вавилонѣ". Восемнадцать тысячъ человѣкъ уже купили романъ; вѣроятно, нѣсколько сотенъ экземпляровъ продано уже съ девяти часовъ этого утра; безъ сомнѣнія, въ каждую данную минуту книгу спрашивали въ различныхъ книжныхъ складахъ и магазинахъ. И все же въ это самое время авторъ, самъ настоящій авторъ романа, былъ занятъ своей будничной работой, не прославляемый, не восхваляемый, даже незамѣчаемый никѣмъ! Генри былъ скроменъ, но всякая скромность имѣетъ свои предѣлы, и не разъ втеченіе этого то-

мительнаго, безконечнаго дня Генри чувствовалъ искушеніе завести въ конторѣ разговоръ о „Любви въ Вавилонѣ“. И лишь врожденный тактъ помогъ ему воздержаться отъ этого.

Въ пять часовъ пятьдесятъ минутъ сэръ Джорджъ уѣхалъ, какъ обыкновенно, чтобы попасть на поѣздъ въ Уимбледонъ, гдѣ у него была большая усадьба, которая снаружи походила одновременно на гольфъ-клубъ, меблированный домъ въ Блумсбюри и отель на Ривьерѣ. Послѣ отъѣзда сэра Джорджа, Генри усѣлся въ кресло своего патрона и погрузился въ размышленія. Дѣловая жизнь канцеляріи замирала постепенно и, наконецъ, остались только разсыльные. А Генри все сидѣлъ въ кожаномъ креслѣ передъ огромнымъ столомъ сэра Джорджа и думалъ, думалъ: неопредѣленныя, но золотыя мысли о будущемъ носились передъ нимъ.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ Фоксалль, главный начальникъ мальчиковъ и разсыльныхъ канцеляріи Поуэлля.

— Тамъ васъ спрашиваютъ, — сказалъ онъ отрывисто и, экономя время, продолжалъ въ то же время заклеивать какой-то конвертъ.

— Кто это?—спросилъ Генри, мгновенно раздосадованный непочтительнымъ тономъ Фоксалля. Дѣло въ томъ, что такъ какъ Генри былъ единственнымъ, кромѣ Фоксалля, служащимъ безъ диплома, то какъ ни различно было ихъ положеніе, возрастъ и жалованье, теоретически они были равны въ соціальной лѣстницѣ канцеляріи Поуэлля. Фоксалль обращался съ словомъ „сэръ“ къ каждому изъ привилегированныхъ клерковъ, но онъ скорѣе позволилъ бы задушить себя, чѣмъ назвать Генри „сэромъ“... И тѣмъ не менѣе, по-своему, Фоксалль любилъ Генри и дѣлалъ ему всякія услуги, связанныя съ нумераціей, копированіемъ, отсылкой писемъ и прочими тайнами канцелярскаго могущества.

— Это барышня, — сказалъ Фоксалль, загадочно улыбаясь.

— Барышня!—воскликнулъ Генри.—Какова она собой?

— Ничего. Барышня, какъ барышня,—объяснилъ Фоксаль.— Она сказала, что ее зовутъ миссъ Фостеръ. Можетъ быть, вы ее примете здѣсь,—въ вашей комнатѣ идетъ уборка.

— Да,—сказалъ Генри,—попросите ее сюда, Фостеръ. Я не помню такой фамиліи.

Сердце сильно застучало у него. Черезъ минуту въ комнату впорхнула миссъ Фостеръ. И это была Златокудрая! Злотокудрая дѣвица отъ Марка Снайдера.

— Здравствуйте, м-ръ Найтъ,—сказала она, очаровательно

запинаясь.—Я такъ рада, что застала васъ еще здѣсь. Я думала, что... Какая у васъ красивая комната!

Генри хотѣлъ объяснить, что это не его комната, а сэра Джорджа, и что она вовсе не красива, но миссъ Фостеръ не дала ему времени.

— Я ужасно нервна теперь. А я всегда говорю очень громко и много, когда нервничаю,—быстро продолжала она.—Это пройдетъ черезъ нѣсколько минутъ. Пока вы должны извинить меня. Неправда ли? Я хочу просить у васъ объ одномъ одолженіи, м-ръ Найтъ. Только вы можете сдѣлать это. Можно мнѣ присѣсть? О, благодарю васъ. Какое широкое кресло! Если я утону въ немъ, пожалуйста предупредите. Это здѣсь сидятъ ваши кліенты?.. Да, такъ я хочу просить васъ объ одномъ одолженіи. Вамъ это легко будетъ сдѣлать. Вы не откажете, правда? Вы не подумаете, что я злоупотребляю нашимъ мимолетнымъ знакомствомъ?—Слова вылетали изъ ея устъ съ поразительной быстротой.

Генри плохо разбирался въ томъ, какъ, собственно, дѣйствуетъ на него появленіе миссъ Фостеръ, но онъ не сомнѣвался въ томъ, что ощущалъ удовольствіе. У нея была такая манера смотрѣть на него, снизу вверхъ, какъ на великаго и умнаго человѣка, который можетъ вывести ее, маленькую, жалкую, изъ всякаго затрудненія. Когда она замолкала, то продолжала держать раскрытымъ свой маленькій, алый ротикъ, и видны были ея зубы и кончикъ краснаго, краснаго язычка. А ея пышные, золотые волосы! А какъ красиво было ея тонкое, стройное тѣло, точно облитое темно-синимъ платьемъ!

Странно, какъ человѣкъ можетъ прожить чуть ли не всю жизнь, оставаясь слѣпымъ къ очевидному факту, и затѣмъ, вдругъ, въ одинъ прекрасный мигъ, замѣчаетъ его. Такъ, Генри теперь только понялъ, что его мать и тетка скверно одѣваются, по правдѣ сказать, совсѣмъ безвкусно! И это поразило его, какъ неожиданное открытіе.

— Если я что могу сдѣлать, то будьте увѣрены..,—началъ онъ.

— О, благодарю васъ, м-ръ Найтъ. Я чувствовала, что могу разсчитывать на вашу доброту. Дѣло въ томъ, что...

Миссъ Фостеръ улыбнулась довѣрчиво и очаровательно-интимно и поправила тонкую золотую цѣпочку повыше перчатки. И когда она дѣлала это, Генри думалъ, какое счастье было бы надѣть драгоцѣнный брилліантовый браслетъ на эту прелестную руку. Это была рука, обыкновенная женская рука, каждая нор-

мальная женщина на свѣтѣ имѣетъ ихъ двѣ,—и все же!.. Но въ то же самое время, по странной противорѣчивости человѣческой природы, Генри многое бы далъ, чтобы миссъ Фостеръ исчезла изъ комнаты, и онъ остался бы одинъ. Все его существо было глубоко потрясено и взволновано.

— Дѣло въ томъ, что я хочу интервьюировать васъ,—сказала миссъ Фостеръ.

Онъ сразу не постигъ всего смысла сказанной фразы.

— О чемъ?—спросилъ онъ наивно.

— О! О васъ лично, о вашемъ произведеніи, о... вашихъ планахъ и... все такое. Ну, какъ обыкновенно,—знаете.

— Для газеты?

Она кивнула головой.

Тутъ только Генри понялъ все случившееся. Значитъ, онъ извѣстенъ! Публика — это неопредѣленное, огромное нѣчто, называемое публикой—хочетъ знать о немъ. Онъ привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, онъ, Генри, сынъ суконщика, двадцати трехъ лѣтъ, обыкновенный молодой человѣкъ, который за утреннимъ завтракомъ ѣстъ „бэконъ“ [1]), какъ всѣ другіе смертные.

— Вы подразумѣваете „Любовь въ Вавилонѣ“? — спросилъ онъ.

Миссъ Фостеръ снова кивнула головой. Уже одинъ этотъ кивокъ былъ — само очарованіе. „Она, вѣроятно, однихъ со мною лѣтъ“,—сказалъ себѣ Генри. И онъ подумалъ, не отдавая самъ себѣ въ томъ отчета: „Она много старше меня въ смыслѣ практичности. Она бы могла скрутить меня вотъ какъ!

— О, м-ръ Найтъ,—начала она снова—позвольте мнѣ сказать вамъ, что я думаю о „Любви въ Вавилонѣ“! Какая это прелесть! Я прочла ее залпомъ, не отрываясь ни на минуту. И это заглавіе! Какъ оно пришло вамъ въ голову. И Уинтеръ очень красиво издалъ вашъ романъ! Онъ производитъ сенсацію, положительно сенсацію! Всѣ говорятъ о васъ, м-ръ Найтъ. А я сама рекомендую всѣмъ, кого встрѣчаю, прочесть вашу книгу!

Генри сталъ скромно протестовать противъ этихъ крайностей энтузіазма.

— Я должна, — объясняла миссъ Фостеръ. — Я не могу иначе.

Ея восхищеніе было для Генри самой драгоцѣнной вещью на всемъ свѣтѣ. Ему и въ голову не приходило раньше, что онъ можетъ такъ радоваться, какъ радовался сейчасъ ея восхищенію.

[1]) „Бэконъ“—копченая грудинка, традиціонная ѣда за завтракомъ въ Англіи.

— Я ухожу, м-ръ Найтъ,—послышался голосъ Фоксалля изъ корридора.

— Отлично, Фоксалль, — отвѣтилъ Генри тономъ, говорившимъ:—Фоксалль, я благосклонно позволяю вамъ уйти.

Молодые люди остались одни во всей конторѣ.

— Вы, вѣдь, знаете „Домашній Очагъ и Красоту?"—спросила миссъ Фостеръ.

— „Домашній Очагъ и Красоту"?

— Ахъ, вы не знаете! Впрочемъ, конечно: вы вѣдь мужчина! Это—новая женская газета. Кажется, она теперь хорошо идетъ. Я пишу для нея интервью. Видите ли, м-ръ Найтъ, мнѣ очень хочется сдѣлаться заправской журналисткой, и я въ свободное отъ занятій время, по вечерамъ, кое-что пописываю. Имѣю уже кое-какія знакомства. Чего я добиваюсь, — это имѣть постоянный отдѣлъ въ настоящей хорошей газетѣ. Такъ вотъ, я думала, что, если забѣгу сюда къ шести часамъ, то застану еще васъ. И вотъ я здѣсь. Не знаю, м-ръ Найтъ, можетъ быть, я слишкомъ надоѣла вамъ своей болтовней?.. А, я вижу, что вы не хотите интервью.

— Нѣтъ, отчего же? —сказалъ Генри.—То есть, я былъ бы счастливъ оказаться вамъ полезнымъ въ какомъ-либо отношеніи. Если вы серьезно думаете, что я достаточно...

— Ну, еще бы, конечно! — прервала она его горячо.—Но, какъ большинство умныхъ людей, вы скромны. Вы не имѣете даже понятія о своемъ успѣхѣ! Кстати, извините за нескромность моего вопроса: достаточно ли вы обезпечили себя договоромъ съ м-ромъ Уинтеромъ?

— Да, я полагаю, что достаточно,—сказалъ Генри.—Видите ли, я работаю по юридической части, такъ что эти вещи мнѣ знакомы.

— Конечно—согласилась она, но безъ всякаго убѣжденія.— Значитъ, вы заработаете массу денегъ. Но вы должны быть на чеку относительно дальнѣйшихъ контрактовъ. Надѣюсь, что вы не согласились продать м-ру Уинтеру слѣдующее изданіе на тѣхъ же условіяхъ?

Генри припомнилъ, что въ подписанномъ имъ контрактѣ ничего не говорилось объ этомъ пунктѣ.

— Боюсь, что я какъ-будто согласился, — признался онъ кротко. — Но условія довольно хорошія. Объ этомъ я позаботился!

— М-ръ Найтъ! м-ръ Найтъ,—вырвалось у нея.—Какъ вы всѣ, молодые таланты, беззаботны! Зачѣмъ вы хотите, чтобы на

вашъ счетъ обогащались издатели? Я знаю, каковы будутъ условія этого испанскаго лука. Серьезно, вы должны воспользоваться услугами литературнаго агента. Онъ удвоитъ вашъ доходъ. Я не говорю, чтобы непремѣнно м-ръ Снайдеръ.

— А м-ръ Снайдеръ, хорошій агентъ?

— Да, о, да!—подтвердила миссъ Фостеръ.—Онъ работаетъ для лучшихъ писателей.

— Я зайду къ нему переговорить,—сказалъ Генри;—я уже думалъ объ этомъ раньше,—вы помните?—сказалъ Генри. Десять процентовъ м-ра Снайдера не казались ему больше возмутительными.

— Не дадите ли мнѣ листикъ бумаги и карандашъ, м-ръ Найтъ? Я забыла свой впопыхахъ, торопясь застать васъ здѣсь. Можно присѣсть къ столу? Спасибо.

И миссъ Фостеръ подсѣла къ нему ближе. Генри съ нервной поспѣшностью искалъ бумагу. Мысль, что на всю контору онъ остался съ нею одинъ, казалась ему восхитительной. И вдругъ, въ этотъ самый моментъ, онъ услыхалъ шаги въ корридорѣ и звукъ волочащейся по линолеуму большой щетки. Конечно, это была поденщица, неизмѣнная и вездѣсущая м-съ Маунеръ, которая уже вступила въ исполненіе своихъ вечернихъ обязанностей.

М-съ Маунеръ отперла дверь въ комнату сэра Джорджа и остановилась на порогѣ, со щеткой въ одной рукѣ и съ тряпкой—въ другой.

— Извините, сэръ, — сказала она. — Я думала, что сэръ Джорджъ уже уѣхалъ.

— Онъ, дѣйствительно, уже уѣхалъ,—отвѣтилъ Генри.

М-съ Маунеръ окинула парочку зловѣщимъ пытливымъ взглядомъ.

— А вы долго здѣсь еще пробудете, сэръ?

— Не могу вамъ сказать.

Генри былъ твердъ.

М-съ Маунеръ заперла дверь и удалилась. Генри и миссъ Фостеръ снова остались одни.

— Когда у васъ впервые зародилась идея „Любви въ Вавилонѣ“, м-ръ Найтъ, — начала Златокудрая, улыбаясь Генри своей чарующей улыбкой...

Въ этотъ день Генри вернулся домой на цѣлый часъ позже обыкновеннаго, но въ поясненіе сказалъ матери и теткѣ только, что его послѣ ухода сэра Джорджа задержалъ одинъ посѣтитель. Онъ немедленно замѣтилъ въ лицахъ матери и тетки вы-

раженіе гордости, что онъ былъ способенъ вести дѣла сэра Джорджа. Но онъ не въ силахъ былъ исправить ложное понятіе, которое онѣ получили объ этой исторіи. Онъ не могъ никакъ заставить себя сказать, что къ нему лично приходила молодая, нарядно одѣтая особа съ цѣлью интервьюировать его для женскаго изданія „Очагъ и красота“. Ему очень хотѣлось подѣлиться со своими этимъ, въ сущности невиннымъ и даже пріятнымъ, фактомъ, но слова не сходили съ языка. Даже, когда разговоръ перешелъ на „Любовь въ Вавилонѣ“, онъ все-таки никакъ не могъ разсказать объ интервью.

— Да, между прочимъ, — началъ онъ было, но въ то же время заговорила его мать.

— Ты что-то хотѣлъ сказать, Генри?—спросила тетя Анни, когда м-съ Найтъ кончила.

— Такъ, пустяки. Я уже забылъ,—сказалъ бѣдный Генри. „Ахъ, какой я оселъ!“—шепталъ онъ про себя. „Вѣдь, надо же будетъ все равно разсказать, такъ отчего же не сейчасъ? Да и въ чемъ, собственно, дѣло“?

Смутно онъ сознавалъ, что дѣло было въ туго обтянутой фигурѣ миссъ Фостеръ. Да, было что-то въ этой фигурѣ, въ этихъ зубахъ, въ этихъ волосахъ, въ *ней* самой, что̀ какъ будто нарушало всю его систему идей, всю его философію, самоудовлетвореніе, его общую неуязвимость. Онъ думалъ о ней безпрерывно, и былъ полонъ какой-то особой радости, живости и разсѣянной доброты къ матери и къ тетѣ Анни.

Въ передней раздался звонокъ.

— Вѣроятно, это д-ръ Дансеръ зашелъ поболтать,—сказала тетя Анни.

Слышно было, какъ Сара пробѣжала по корридору. Затѣмъ она вошла въ столовую.

— Пожалуйста, баринъ, васъ какая-то барышня спрашиваетъ.

Генри покраснѣлъ.

Сестры переглянулись.

— Какъ ея фамилія, Сара?—спросила тетя Анни.

— Я не спросила.

— Сколько разъ я вамъ говорила, Сара, всегда спрашивать фамилію, если вы не знаете, кто пришелъ?—раздраженно сказала тетя Анни.—Пойдите и узнайте.

Генри ощущалъ надежду и страхъ, надежду и страхъ. И не зналъ, куда смотрѣть.

Сара вернулась и сказала:

— Барышню зовутъ миссъ Фостеръ, сэръ.

— А!—сказалъ Генри, вдругъ овладѣвъ языкомъ.—Миссъ Фостеръ? Это та самая барышня, что заходила сегодня въ нашу канцелярію. Проводите ее въ гостинную, Сара, и зажгите тамъ газъ. Я выйду черезъ минутку. Не знаю, что̀ ей опять надо.

— Ты не сказалъ, что это была дама,—сказала мать.

— Да,—согласился онъ.—И я не сказалъ, что это была дама-журналистка. Я, видите ли, хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ. Она меня интервьюировала для одной женской газеты. И мнѣ кажется, что теперь она пришла за моей фотографіей.

Все это говорилось, конечно, шопотомъ.

Генри угадалъ правильно. Когда онъ вошелъ въ гостинную, миссъ Фостеръ сразу же выдвинула вопросъ о карточкѣ. Она такъ нервничала, что совсѣмъ забыла о ней.

— Вотъ я и прибѣжала сюда еще сегодня. Потому что, если я отошлю статью и карточку завтра утромъ, то она попадетъ еще въ слѣдующій номеръ. Ради Бога, не говорите, что у васъ нѣтъ карточки, м-ръ Найтъ! Не говорите этого! Ахъ, что̀ за милая старомодная гостинная! А вотъ и то, что мнѣ нужно!

И она указала на фотографію въ рамкѣ на плюшевой полочкѣ.

— Хорошо, пусть она будетъ вашей,—сказалъ Генри, вынимая карточку изъ рамки.

Остаться? О, нѣтъ, она не можетъ остаться ни минуты, ни секунды! Одно только мгновенье ея очаровательное присутствіе украшало гостинную, и она исчезла. Когда Генри провожалъ миссъ Фостеръ по лѣстницѣ внизъ, тетя Анни по странной случайности поднималась наверхъ и видѣла ее мелькомъ.

Вернувшись въ столовую, Генри инстинктивно чувствовалъ, что онъ долженъ говорить какъ можно дольше и громче. Черезъ нѣсколько минутъ онъ коснулся вопроса о газетѣ „Очагъ и Красота“.

— Вы знаете ее?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—сказала тетя Анни.—Но я думаю, что это очень хорошая газета.

М-съ Найтъ позвонила.

— Что̀ ты хочешь, Су?—спросила тетя Анни.

— Я хочу послать Сару купить номеръ „Очага и Красоты“,—сказала м-съ Найтъ.—Надо посмотрѣть, какой она имѣетъ видъ.

— Не забудьте названіе, Сара—„Очагъ и Красота“!—повторила тетя Анни дѣвушкѣ послѣ того, какъ м-съ Найтъ отдала ей приказаніе.

XII.

Левъ въ своемъ уединеніи.

Огромное большинство лицъ мужского пола въ Англіи можетъ быть подраздѣлено на двѣ категоріи по отношенію ихъ къ купанію. Одна категорія, болѣе смѣлая, погружается каждое утро въ холодную воду и беретъ душъ. Другая степенно принимаетъ каждую субботу вечеромъ теплую ванну. Безъ сомнѣнія, первая категорія задаетъ тонъ въ странѣ, но вторая зато составляетъ ядро націи. Генри, разумѣется, принадлежалъ къ разряду субботнихъ купальщиковъ. Еженедѣльный обрядъ омовенія онъ совершалъ въ цинковой, совершенно круглой, плоской ваннѣ въ своей спальнѣ, такъ какъ квартира въ Доусъ-Родѣ не имѣла ванной комнаты. Приготовленія къ купанью Генри были всегда весьма сложны. Прежде всего, передъ вечеромъ Сара кипятила воду въ двухъ котелкахъ и въ самой большой, имѣвшейся въ домѣ кастрюлѣ. Затѣмъ она брала старое одѣяло и разстилала его по полу въ спальнѣ молодого барина, вытаскивала ванночку изъ-подъ кровати и съ изряднымъ стукомъ устанавливала ее строго-математически въ центрѣ одѣяла. Затѣмъ наполняла холодной водой нѣсколько кувшиновъ и разставляла ихъ вокругъ ванны. Затѣмъ появлялась тетя Анни провѣрить, хорошо ли положено одѣяло, не слишкомъ ли близко къ кровати или къ зеркальному шкафу, при чемъ математика тети Анни и Сары никогда не сходились. Затѣмъ поднималась снизу м-съ Найтъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что окно плотно закрыто, и чтобы рѣшить вопросъ о простынѣ и полотенцѣ. Послѣ этого, запыхавшись, Сара приносила котелки и большую кастрюлю, для чего ей нужно было пройти вверхъ два раза. За ней слѣдовала тетя Анни, указывавшая Сарѣ всѣ мѣста, гдѣ она пролила кипятокъ. Послѣ этого м-съ Найтъ перекладывала ключъ Генри извнутри наружу, такъ какъ всегда боялась, что онъ запрется у себя, и съ нимъ что-нибудь случится. И лишь тогда обѣ женщины покидали спальню, и тетя Анни сходила въ столовую и нарочито-спокойнымъ тономъ, точно приготовленіе къ купанью Генри было сущимъ пустякомъ, объявляла:

— Генри, твоя ванна готова, голубчикъ.

Генри тотчасъ же шелъ къ себѣ и начиналъ смѣшивать воду изъ кувшиновъ и котелковъ, согласно рецепту, тайной котораго онъ одинъ владѣлъ. Происходило это, обыкновенно, часовъ въ девять вечера. Послѣ ванны у Генри не было въ обычаѣ выходить еще въ столовую. Онъ выставлялъ одинъ изъ котелковъ за дверь, чтобы Сара могла взять его для утренняго завтрака, и затѣмъ ложился спать съ чувствомъ человѣка, сознающаго, что онъ принадлежитъ къ ядру націи.

Въ этотъ разъ Генри только-что опустилъ одну ногу въ цинковую ванну, чтобы испробовать, хороша ли температура, какъ въ дверь сильно постучали.

— Что такое?—закричалъ онъ, отдергивая ногу.

— Генри! это я,—раздался голосъ тети Анни.—Можно пріоткрыть чуточку дверь?

— Можно. Въ чемъ дѣло?

— Только-что полученъ номеръ „Очага и Красоты“ и на оберткѣ сказано: „См. стр. 16“.

— Должно быть, тамъ это интервью.

— Вскрыть его?

— Если хотите, конечно,—сказалъ Генри.

Онъ спокойно влѣзъ въ ванну и слушалъ звукъ разрываемой плотной бумаги.

— Да, да!—раздался сквозь щель голосъ тети Анни.—И портретъ есть! Но какое-то пятно на носу! Ахъ, Генри, какъ они изуродовали тебя. Ты совсѣмъ черный. И знаешь, какъ озаглавлено: „Львы въ своихъ уединеніяхъ“ № 19. Интервью съ блестящимъ авторомъ „Любви въ Вавилонѣ“. Ахъ, а ты говорилъ намъ, что ея фамилія Фостеръ...

— Чья фамилія?—спросилъ Генри, краснѣя въ горячей водѣ.

— Да этой барышни, что приходила.

— Такъ оно и есть.

— Вовсе нѣтъ, голубчикъ. Тутъ написано: Флосси Брайтъ. Ахъ, прости, Генри! Извини, ради Бога!

Въ волненіи отъ сдѣланнаго ею открытія настоящаго имени миссъ Фостеръ тетя Анни слишкомъ тяжело налегла на дверь, и она широко отворилась. Тетя Анни отвернула голову и быстро закрыла дверь.

— Я покажу сейчасъ газету мамѣ,—можно?—спросила она немного погодя.

— Да, конечно,—сказалъ Генри.

— А потомъ принесу и тебѣ, и ты прочтешь въ постели,—да?

— О, — возразилъ важно Генри, — я могу прочесть ее и завтра утромъ.

Онъ говорилъ самъ себѣ, что нечего ему волноваться изъ-за какого-то интервью, хотя оно и было первымъ въ его жизни. Въ послѣдніе дни свѣтъ повидимому начиналъ замѣчать его. У Поуэлля всѣ считали, что это тотъ же самый Генри Найтъ, который такъ аккуратно являлся на службу каждый день, но каждый сознавалъ про себя, что это—уже не прежній Генри Найтъ. Всѣ,—включая самого Генри—чувствовали, что Генри какъ бы оказывалъ канцеляріи снисхожденіе, оставаясь на службѣ. И когда сэръ Джорджъ обращался теперь иногда къ нему за услугой по стенографіи, то дѣлалъ это съ такимъ извиняющимся видомъ, точно говорилъ: „Я знаю, конечно, что вы здѣсь такъ себѣ, для шутки; но разъ вы здѣсь, то мы разыграемъ эту шутку въ серьезъ“. Подобныя же явленія замѣчались и въ Доусъ-Родѣ. Почтеніе Сары къ Генри, всегда большое, теперь неимовѣрно возросло. Мать его находилась все время въ такомъ состояніи, точно она была не увѣрена, имѣетъ ли она право быть его матерью. Тетя Анни не высказывалась открыто, но на ея лицѣ можно было прочесть постоянное изумленіе передъ тѣмъ фактомъ, что Генри ѣлъ, пилъ и говорилъ такъ же, какъ и раньше, и вообще велъ себя такъ, какъ будто онъ не былъ однимъ изъ первыхъ литературныхъ талантовъ Англіи.

Но этого мало: м-ръ Оніонъ Уинтеръ письменно спросилъ у Генри, готовитъ ли онъ новую книгу, и что онъ былъ бы счастливъ издать ее. Девять другихъ издателей написали ему, что они сочли бы за честь издать его слѣдующее произведеніе. Фотографія Антоніо, лучшая въ Реджентъ-Стритѣ, предложила ему gratis снять его и просила назначить часъ, угодный ему для сеанса. Издатель популярнаго журнала просилъ его принять участіе въ анкетѣ, устроенной по вопросу о томъ, какъ лучше проводить день. Три агентства вырѣзокъ прислали ему отзывы журналовъ о „Любви въ Вавилонѣ“, а критики становились мягче съ каждымъ днемъ. Въ довершеніе всего, м-ръ Уинтеръ объявилъ о выходѣ въ свѣтъ тридцать-первой тысячи книги.

Трудно было поэтому предположить, что человѣкъ, избалованный такимъ успѣхомъ, что прославленный авторъ „Любви въ Вавилонѣ“ измѣнитъ своему обычному порядку жизни ради того, чтобы прочитать интервью о себѣ въ какой-то дамской газеткѣ. И, сидя въ ваннѣ, Генри повторялъ себѣ, что онъ просмотритъ статейку Флосси Брайтъ, сидя за воскреснымъ завтракомъ. Но

затѣмъ онъ сталъ вспоминать красивую, стройную фигуру Флосси, и ему было интересно, что̀ она могла написать.

— Ахъ, ерунда все это!—пробормоталъ онъ.—Успѣю прочитать завтра.

Но когда онъ вылѣзъ изъ ванны, то, неожиданно для самого себя, вмѣсто халата сталъ надѣвать свой пиджачный костюмъ. Черезъ минуту онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, входилъ въ столовую.

— Нѣтъ,—услышалъ онъ голосъ матери,—я не могу читать этого.

Слезы счастливой гордости застилали ей очки и дѣлали ихъ совершенно безполезными.

— Анни, прочти вслухъ.

Генри улыбнулся, стараясь вложить въ эту улыбку столько небрежности, равнодушія, легкой иронiи и снисходительнаго удовольствія по поводу радости другихъ, что улыбка вышла попросту глупой.

Тетя Анни начала:

„Можно сказать безъ преувеличенія, что м-ръ Генри Найтъ, авторъ романа „Любовь въ Вавилонѣ“, вышедшаго первой книжкой прославившейся отнынѣ „Атласной библіотеки“, является наиболѣе популярнымъ въ настоящее время писателемъ въ Лондонѣ. Намъ не приходится поэтому извиняться передъ читателями, что мы занимаемъ ихъ вниманіе интервью, которое далъ намъ сегодня талантливый молодой романистъ. М-ръ Найтъ хорошо извѣстенъ въ юридическихъ кругахъ Линкольнъ-Инна: онъ—правая рука сэра Джорджа Поуэлля, извѣстнаго адвоката. Мы застали писателя въ его огромной комнатѣ за столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами. Онъ былъ, очевидно, погруженъ въ работу, но любезно удѣлилъ намъ нѣсколько минутъ вниманія. М-ру Найту двадцать-три года. Его отецъ управлялъ мануфактурнымъ дѣломъ въ Оксфордъ-стритѣ и положилъ основаніе преуспѣянію дѣла, которое извѣстно нынѣ подъ фирмой „Дэкъ и Пибоди“.

— Это очень кстати вставлено,—сказала м-съ Найтъ.

— Да, неправда ли? — сказала тетя Анни и продолжала своимъ увѣреннымъ голосомъ:

„Когда впервые зародилась у васъ идея „Любви въ Вавилонѣ“,—спросили мы, сразу входя in medias res. М-ръ Найтъ послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ: „Право, не знаю, какъ вамъ сказать. Я многимъ обязанъ своему покойному отцу. Хотя это былъ прежде всего дѣловой человѣкъ, но онъ былъ чрез-

вычайно преданъ интересамъ литературы. Онъ считалъ, что Шекспиръ является не только нашимъ величайшимъ поэтомъ, но и величайшимъ учителемъ нравственности, какого когда-либо имѣла Англія. Я былъ воспитанъ на Шекспирѣ", сказалъ м-ръ Найтъ, улыбаясь. „Мой отецъ нерѣдко помѣщалъ статьи по мѣстнымъ вопросамъ въ руководящихъ лондонскихъ газетахъ и одной изъ моихъ драгоцѣнностей является коллекція этихъ статей, собранная имъ самимъ".

М-съ Найтъ подняла очки и вытерла глаза.

„Что касается, въ частности, „Любви въ Вавилонѣ", то я не могу сказать, какъ у меня явилась идея этого произведенія. Я написалъ романъ, когда выздоравливалъ отъ тяжелой болѣзни..."

— Я не говорилъ „тяжелой",—прервалъ Генри чтеніе,— это она ошиблась.

— Но болѣзнь была тяжелая, голубчикъ, — сказала тетя Анни и снова продолжала:

„Я бы никогда не написалъ его, еслибы не встрѣтилъ теплой симпатіи и одобренія со стороны моей милой матери".

На этомъ мѣстѣ м-съ Найтъ громко зарыдала и замахала рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ! — удалось ей наконецъ выговорить. — Не читай дальше. Я не могу. Я попробую прочитать это сама завтра утромъ, когда ты пойдешь въ церковь и въ домѣ будетъ тихо.—И она радостно заплакала въ свой носовой платокъ.

Генри съ тетей Анни обмѣнялись взглядами, и Генри ушелъ, взявъ съ собой „Очагъ и Красоту". Онъ прочелъ интервью еще два раза и выучилъ наизусть все, что онъ сказалъ о своихъ планахъ на будущее и о положеніи современной беллетристики, и о реализмѣ въ литературѣ, и о „потокѣ дрянныхъ романовъ, наводнившихъ нашъ книжный рынокъ". Статья показалась ему интересно и умѣло написанной. Онъ понялъ, что миссъ Фостеръ была не обыкновенная встрѣчная барышня.

Но самое сильное впечатлѣніе произвело на Генри окончаніе статьи: „Покидая м-ра Найта, мы не могли отрѣшиться отъ ощущенія, что побывали въ обществѣ человѣка, которому суждено въ недалекомъ будущемъ сыграть видную роль въ исторіи англійской литературы. — Флосси Брайтъ".

Мимолетное замѣчаніе объ его „хорошенькомъ загородномъ домикѣ" являлось соусомъ къ ловко изготовленному блюду.

Перев. съ англ. М. Славинская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КЪ ПЕРЕСМОТРУ
ТОРГОВАГО ДОГОВОРА
СЪ ГЕРМАНІЕЙ

I.

За послѣднее время обнаружился большой интересъ къ возобновленію нашихъ торговыхъ договоровъ. Особенно заинтересовались этимъ вопросомъ представители нашей промышленности и торговли, которые уже ведутъ дѣятельную кампанію въ пользу надлежащей подготовки заинтересованныхъ русскихъ круговъ къ предстоящему пересмотру договоровъ. Предстоитъ возобновить договоры съ Германіей, Австро-Венгріей и Италіей. Однако, наибольшій интересъ сосредоточивается на Германіи, договоръ съ которой кончается въ 1917 году. Это и понятно, если имѣть въ виду, что Германія, какъ по величинѣ экспорта, такъ и по импорту, занимаетъ во внѣшней торговлѣ Россіи первое мѣсто, и торговый оборотъ Россіи съ Германіей ростетъ непрерывно.

	ГОДЫ: 1900.	1905.	1910.
	Въ милліонахъ руб.		
Общій вывозъ изъ Россіи	716	1006	1384
Вывозъ изъ Россіи въ Германію [1]) .	336	448	649
Тоже въ %% къ общему вывозу. .	47	45	47
Общій привозъ въ Россію	626	635	953
Привозъ въ Россію изъ Германіи . .	217	240	441
Тоже въ %% къ общему привозу. .	35	38	46

[1]) Для обозначенія русскаго экспорта въ Германію мы вездѣ въ настоящей статьѣ пользуемся болѣе точными данными германской статистики, которая, въ

Къ тому же дѣйствующій нынѣ торговый договоръ Россіи съ Германіей, заключенный 29-го января 1894 г. и измѣненный дополнительной конвенціей 15-го іюля 1904 г., представляется столь неудовлетворительнымъ и убыточнымъ для нашей страны, что продолженіе его въ настоящемъ видѣ признается крайне нежелательнымъ. Ни въ 1894 г., ни тѣмъ болѣе въ 1904 г. Россія не была въ состояніи отразить въ торговомъ договорѣ притязанія Германіи, которая въ данномъ случаѣ преслѣдовала двѣ цѣли—съ одной стороны введеніемъ ввозныхъ пошлинъ оградить интересы собственнаго сельскаго хозяйства отъ конкурренціи иностранныхъ государствъ, съ другой—добившись отъ нихъ пониженія пошлинъ на издѣлія германской индустріи, обезпечить послѣднимъ тѣмъ самымъ большій сбытъ. Въ 1894 г. Россія, послѣ кратковременной таможенной войны съ Германіей, сдалась въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ нужды въ заграничныхъ займахъ, потребовавшихся для поддержанія нашей отечественной промышленности и въ частности для постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ 1904 г., во время войны съ Японіей, Россія еще больше нуждалась въ деньгахъ и была экономически такъ слаба, что не только не могла диктовать Германіи какія-либо условія, но сама должна была соглашаться на то, что ей диктовала Германія. Поэтому-то дѣйствующій нынѣ договоръ и вызываетъ такъ много нареканій въ разнообразныхъ русскихъ кругахъ. Наши промышленники недовольны тѣмъ, что Россія при заключеніи договора не сумѣла отстоять высокія пошлины на германскіе товары, а сельскіе хозяева жалуются на то, что экспортъ хлѣба и другихъ предметовъ сельскаго хозяйства встрѣчаетъ затрудненія отъ установленныхъ Германіей высокихъ ввозныхъ пошлинъ на эти предметы.

Мы, однако, не будемъ въ настоящей статьѣ останавливаться на значеніи высоты пошлинъ на иностранные фабрикаты какъ для нашей отчественной промышленности, такъ и для всего народнаго хозяйства Россіи. Вопросъ этотъ требуетъ самостоятельнаго обсужденія и не можетъ быть рѣшаемъ попутно. Къ тому же не пошлины на германскіе фабрикаты, а пошлины на продукты сельскаго хозяйства и, главнымъ образомъ, на хлѣбъ, являются центральнымъ пунктомъ разсматриваемаго нами договора. Какъ ни узки бываютъ подчасъ представители отечественной промышленности въ пониманіи интересовъ народнаго хозяйства, но и они въ своей агитаціи противъ дѣйствующаго торговаго договора съ Германіей первое мѣсто удѣляютъ именно вопросу о сложеніи или пониженіи пошлинъ на русскіе сельскохозяй-

противоположность русской, учитываетъ не только русскіе товары, направляющіеся въ Германію непосредственно изъ Россіи, но и тѣ, которые попадаютъ въ Германію черезъ Голландію и другія страны.

ственные товары. Нужно замѣтить, что представители нашей промышленности въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ въ полномъ согласіи не только съ русскими сельскими хозяевами, но и съ большинствомъ русскихъ экономистовъ. Всѣ объединяются, по крайней мѣрѣ, въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ существующему договору и въ особенности къ той его части, которая касается хлѣбныхъ пошлинъ.

Однако, какъ ни велико согласіе въ этомъ отношеніи, все же далеко не всѣ имѣютъ ясное представленіе о томъ, какой вредъ приносятъ эти пошлины Россіи, и какую пользу извлекаетъ изъ нихъ Германія. Между тѣмъ, безъ яснаго представленія объ этомъ, трудно судить о направленіи, какое примутъ или могутъ принять переговоры Россіи и Германіи при возобновленіи торговаго договора.

Начало современныхъ пошлинъ на хлѣбъ, ввозимый въ Германію, относится ко второй половинѣ 70-хъ годовъ XIX-го вѣка, когда въ Германіи стали сознавать опасность отъ иностранной, въ особенности, американской конкурренціи для нѣмецкаго сельскаго хозяйства и въ частности для хлѣбнаго производства. Спасеніе видѣли въ таможенныхъ пошлинахъ, которыя давали бы возможность оградиться отъ вторженія въ Германію дешеваго иностраннаго хлѣба. И вотъ, 15-го іюля 1879-го года былъ изданъ тарифный законъ, которымъ на заграничный хлѣбъ были наложены пошлины. Съ этого момента Германія временъ Бисмарка перешла отъ системы свободной, безпошлинной торговли, установившейся въ ней съ половины 60-хъ годовъ, къ таможенному покровительству. Хотя послѣднее распространялось не на одно сельское хозяйство, тѣмъ не менѣе главное вниманіе направлялось именно на него и въ особенности на производство Германіей хлѣба. Установленныя въ 1879 г. ввозныя пошлины на хлѣбъ были сначала умѣренныя, но затѣмъ въ 1885 г. и, особенно въ 1887 г., онѣ были значительно повышены. Торговые договоры 1891 г. и 1894 г. привели было къ нѣкоторому пониженію таможенныхъ ставокъ, но затѣмъ тарифнымъ закономъ 25-го декабря 1902-го года пошлины были вновь увеличены. Изъ приведенной ниже таблицы видно колебаніе ввозныхъ пошлинъ на нѣкоторые сельскохозяйственные предметы за время 1879—1902 гг. За каждые сто килограммовъ, ввозимыхъ въ Германію, пошлина взималась въ маркахъ:

	ГОДЫ:				
	1879.	1885.	1887.	1891.	1902.
Пшеница	1	3	5	3,5	5,5—7,5
Рожь	1	3	5	3,5	5 —7
Овесъ	1	1,5	4	2,8	5 —7
Ячмень	0,5	1,5	2,25	2	4 —7
Кукуруза, гречиха и др. хлѣба	0,5	1	2	1,5	5
Мельничные фабрикаты	2	7,5	10,5	7,3	18,75

Въ 1902-мъ году были установлены минимальныя и максимальныя ставки; причемъ въ торговый договоръ съ Россіей включены минимальныя ставки, пошлина же на кормовой ячмень (непригодный для пивоваренія) понижена до 1,3 марки.

Цѣлью этихъ пошлинъ было, конечно, повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, или, какъ говорятъ сторонники пошлинъ, удержаніе цѣнъ на уровнѣ не ниже издержекъ производства. Но продавать хлѣбъ по повышеннымъ, по сравненію съ міровыми, цѣнамъ нѣмецкіе сельскіе хозяева или хлѣботорговцы могли только у себя въ Германіи. Съ другой стороны, высокимъ обложеніемъ затрагивались интересы той части Германіи, которая по своему географическому положенію десятилѣтіями вела транзитную торговлю или даже свой хлѣбъ вывозила въ Англію, Скандинавію и другія страны. Для облегченія экспорта была организована одновременно съ введеніемъ пошлинъ на хлѣбъ система возврата или зачета таможенныхъ пошлинъ. Всякій вывозящій хлѣбъ имѣлъ право на возвратъ пошлины, но для этого онъ долженъ былъ представить удостовѣреніе тождественности (Identitätsnachweis) вывозимаго имъ хлѣба съ ранѣе ввезеннымъ изъ-за границы. Удостовѣреніе это, однако, далеко не всегда удавалось представить, такъ какъ ввезенный хлѣбъ обыкновенно смѣшивался съ туземнымъ, чтобы придать послѣднему рыночный характеръ (къ нѣмецкой пшеницѣ, бѣдной клейковиной, примѣшиваютъ обыкновенно русскую пшеницу, съ большимъ содержаніемъ клейковины). И потому введеніе пошлинъ въ Германіи повлекло за собой уменьшеніе ея хлѣбнаго экспорта; причемъ скопленіе неидущаго болѣе на экспортъ хлѣба особенно отозвалось на сѣверо-восточной Германіи, гдѣ хлѣбныя цѣны послѣ введенія пошлинъ, хотя и повысились по сравненію съ цѣнами мірового рынка, но не на всю величину пошлины. Пришлось искать сбыта внутри Германіи, въ ея южной и западной части. Съ этою цѣлью въ 1891 г. былъ введенъ дифференціальный желѣзнодорожный тарифъ, которымъ удешевлялся провозъ хлѣба съ востока на западъ. Но привозъ на рынки южной и западной Германіи хлѣба изъ сѣверныхъ и восточныхъ областей явился для первыхъ очень неудобной прибавочной конкурренціей къ конкурренціи иностранныхъ хлѣбовъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось лишь съ изданіемъ закона 27-го апрѣля 1894 г.

Этотъ законъ отмѣнилъ систему доказательствъ тождественности хлѣба, какъ необходимаго условія для возвращенія ввозной пошлины при вывозѣ хлѣбовъ за границу, и открылъ возможность пользоваться бонифаціей всякому экспортируемому хлѣбу, безразлично,—будетъ ли этотъ хлѣбъ иностраннаго или туземнаго происхожденія. Согласно закону 1894 г., при вывозѣ не менѣе 500 килограммовъ хлѣба товаро-

владѣльцу выдается свидѣтельство, которое даетъ право предъявителю въ теченіе шести мѣсяцевъ безпошлинно ввезти такое же количество и такого же хлѣба (закономъ же 1902 г. разрѣшается ввозить какой угодно хлѣбъ). Кромѣ того, черезъ 4 мѣсяца со дня выдачи свидѣтельства товаровладѣлецъ могъ взять отсрочку на 6 мѣсяцевъ, въ теченіе которой предъявителю свидѣтельства предоставлялось ввезти безпошлинно и другіе товары, напр., кофе, керосинъ и т. п. Самыя ввозныя свидѣтельства сдѣлались торговою бумагою, стоимость которой, пока ввозъ хлѣба значительно превосходилъ вывозъ, оцѣнивалась очень высоко.

Отмѣна доказательствъ тождественности хлѣба дала Германіи не только облегченіе ея экспортной торговлѣ хлѣбомъ, но и нѣчто большее, а именно закономъ 1894 г. была установлена скрытая премія на вывозъ хлѣба, а усиленный экспортъ повлекъ за собою повышеніе цѣнъ на хлѣбъ внутри Германіи. Дѣло въ томъ, что вывозъ изъ Германіи хлѣба становится выгоднымъ, когда разница между цѣною на хлѣбъ въ Германіи и цѣною на міровомъ рынкѣ бываетъ меньше величины пошлины. Въ такомъ случаѣ нѣмецкій экспортъ, получая вывозное свидѣтельство, дающее ему возможность продавать за границею хлѣбъ дешевле, чѣмъ онъ расцѣнивается внутри Германіи, на всю величину пошлины, зарабатываетъ еще на разницѣ въ цѣнахъ. Пояснимъ это на числовомъ примѣрѣ. Предположимъ, цѣна въ Германіи на пшеницу на 4 марки выше, чѣмъ на міровомъ рынкѣ, а пошлина на пшеницу равна 5-ти маркамъ. Продавая пшеницу по цѣнѣ мірового рынка, экспортеръ, купившій ее внутри Германіи на 4 марки дороже, сперва какъ бы теряетъ эти 4 марки, но, получая обратно пошлину въ 5 марокъ, онъ въ дѣйствительности имѣетъ одну марку барыша, которая и является для него преміей. Эта премія и побуждаетъ къ усиленному экспорту хлѣба, который продолжается, однако, только до тѣхъ поръ, пока цѣна на хлѣбъ въ Германіи не повысится на всю величину ввозной пошлины. Этимъ какъ-разъ и достигается то, что цѣна на хлѣбъ въ Германіи все время имѣетъ тенденцію къ повышенію на всю величину ввозной пошлины.

Какое же вліяніе оказала эта система пошлинъ и премій на русскій хлѣбный экспортъ? A priori можно сказать, что таможенная система Германіи явилась прежде всего преградой къ развитію нашего хлѣбнаго экспорта не только въ Германію, но и въ другія страны, на рынкахъ которыхъ на ряду съ русскимъ хлѣбомъ появился германскій хлѣбъ. Затѣмъ вліяніе таможенной системы Германіи могло отразиться и на экспортныхъ хлѣбныхъ цѣнахъ, такъ какъ въ платежѣ пошлинъ могутъ участвовать не только потребители, но и ино-

странные производители хлѣба или экспортеры. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ то и другое имѣло мѣсто по отношенію къ Россіи.

Въ 1901—1905-мъ годахъ, въ годы, предшествующіе повышенію Германіей пошлинъ на хлѣбъ (дополнительная конвенція 1904 г. вступила въ дѣйствіе лишь съ марта 1906 г.) Россія въ среднемъ ежегодно вывозила 509 милліоновъ пудовъ главныхъ четырехъ хлѣбовъ (пшеницы, ржи, ячменя и овса). Въ слѣдующее пятилѣтіе 1906—1910 гг. нашъ ежегодный экспортъ этихъ хлѣбовъ измѣрялся тѣми же 509-ю милліонами пудовъ. Между тѣмъ, средній ежегодный сборъ пшеницы, ржи, ячменя и овса во вторую половину 900-хъ годовъ поднялся до 3.821 мил. пуд., на 60% больше противъ сбора въ 1901—1905 гг., когда онъ равнялся 2.381 мил. пуд. Если исключить въ томъ и другомъ случаѣ весь хлѣбъ, вывезенный нами за границу, то на долю годового внутренняго потребленія Россіи въ 1901—1905 гг. приходилось 1.872 мил. пуд., а въ 1906—1910 гг.—3.312 мил. пуд., т.-е. на 77% больше. Имѣя въ виду, что за это время въ Россіи произошло увеличеніе народонаселенія, и увеличилось его потребленіе, мы всетаки должны признать, что того и другого недостаточно для объясненія такого огромнаго остатка хлѣба внутри страны. Нѣкоторая доля этого остатка должна быть отнесена на счетъ уменьшенія спроса на русскій хлѣбъ за границей. Естественно было бы предположить, что сокращеніе или, точнѣе, остановка нашего хлѣбнаго экспорта прежде всего вызваны были уменьшеніемъ спроса на нашъ хлѣбъ со стороны Германіи, а затѣмъ и появленіемъ ея въ качествѣ нашего конкуррента на другихъ заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ. Въ дѣйствительности, однако, какъ оказывается, этого не наблюдается.

Русскій экспортъ въ Германію четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ теченіе первой половины 900-хъ годовъ въ среднемъ равнялся 2,7 мил. тоннъ ежегодно, а въ 1906—1910 гг.—3,5 мил. тоннъ, т.-е. на 27% больше. Общій же импортъ Германіи ржи, пшеницы, ячменя и овса за то же время повысился съ 4,7 мил. тоннъ до 5,5 мил. тоннъ, т.-е. менѣе чѣмъ на 20%. Такимъ образомъ, несмотря на повышеніе пошлинъ, ввозъ хлѣба въ Германію увеличился, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и участіе въ этомъ ввозѣ Россіи.

Но, можетъ быть, Германія настолько развила свой экспортъ, что вытѣснила насъ съ другихъ европейскихъ рынковъ. Однако, и этого нѣтъ. Средній ежегодный вывозъ Германіей тѣхъ же четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ съ 0,8 мил. тоннъ въ 1901—1905 гг. возросъ всего лишь до 1,1 мил. тоннъ въ 1906—1910 гг., т.-е. на 13%. Если предположить, что весь этотъ излишекъ германскаго вывоза въ 0,3 мил. тоннъ явился потерею для нашей страны, то и въ такомъ случаѣ придется признать, что мы остались въ выигрышѣ. Потерявъ отъ

конкурренціи съ Германіей, скажемъ, цѣликомъ всѣ 0,3 мил. тоннъ, Россія выиграла отъ увеличенія своего вывоза въ Германію за то же время 0,8 мил. тоннъ. Такимъ образомъ, причина остановки роста нашего хлѣбнаго экспорта лежитъ не въ Германіи, а въ чемъ-то другомъ. Мы не будемъ, однако, подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Замѣтимъ только, что на смѣну Соединенныхъ Штатовъ чуть ли не такимъ же конкуррентомъ Россіи въ Европѣ за послѣдніе годы явились дунайскія страны и, въ частности, Румынія. Это обстоятельство, отмѣченное недавно „Вѣстникомъ Финансовъ", слѣдуетъ имѣть въ виду особенно тѣмъ, кто полагаетъ, что Россія въ настоящее время можетъ пренебречь вывозомъ хлѣба въ Германію.

Намъ могутъ возразить, что, если русскій хлѣбный экспортъ въ Германію абсолютно и возросъ, то во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ возросло за это время внутреннее потребленіе хлѣба въ самой Германіи, а меньше. Но и здѣсь цифры говорятъ иное. Среднее ежегодное потребленіе ржи, пшеницы, ячменя и овса внутри Германіи въ 1901—1905 гг. равнялось 25,2 мил. тоннъ, а въ 1906—1910 гг.—27,4 мил. тоннъ, т.-е. на 2,2 мил. тоннъ (на 9%) больше. Производство же этихъ хлѣбовъ въ Германіи за то же время повысилось съ 23,7 мил. до 26,3 мил. тоннъ, т.-е. на 2,6 мил. тоннъ (на 16%) больше. За время перваго пятилѣтія внутреннее потребленіе превышало внутреннее производство въ среднемъ на 1,5 мил. тоннъ ежегодно, а за время второго пятилѣтія—только 1,1 мил. тоннъ. Если допустить, что при иной таможенной системѣ въ Германіи внутреннее производство хлѣба не увеличилось бы, то и въ такомъ случаѣ ежегодная потребность въ привозномъ хлѣбѣ Германіи для цѣлей внутренняго производства измѣрялась бы 3,7 мил. тоннъ. Ежегодный же экспортъ Россіи за это время, какъ мы уже говорили, равняется 3,5 мил. тоннъ, т.-е. всего лишь на 0,2 мил. тоннъ, или на 1,2 мил. пудовъ меньше.

Превышеніе привоза иностраннаго, и въ частности, русскаго хлѣба въ Германіи по сравненію съ количествомъ хлѣба для внутренняго потребленія, объясняется качествомъ нѣмецкаго хлѣба, нуждающагося, чтобы стать рыночнымъ товаромъ, въ примѣси хлѣба восточныхъ странъ. Съ развитіемъ германскаго хлѣбнаго экспорта растетъ и потребность въ матеріалѣ для такой примѣси. И наоборотъ, съ паденіемъ этого экспорта долженъ уменьшиться импортъ хлѣба въ Германію для цѣлей иныхъ, чѣмъ внутреннее потребленіе. Развитіе же экспортной дѣятельности Германіи обязано, какъ мы уже говорили, въ значительной степени, если не цѣликомъ, дѣйствующей нынѣ въ Германіи таможенной системѣ. Слѣдовательно, эта таможенная система, вызывая ростъ хлѣбнаго экспорта Германіи, содѣйствуетъ увеличенію

хлѣбнаго экспорта и другихъ лежащихъ на востокъ отъ Германіи европейскихъ странъ и, въ частности, увеличенію хлѣбнаго экспорта Россіи. Русскій хлѣбъ въ смѣси съ германскимъ успѣшно продается на европейскихъ рынкахъ и за предѣлами Германіи. Но еще вопросъ, нашелъ ли бы этотъ хлѣбъ для себя такой же сбытъ на этихъ рынкахъ, если бы онъ шелъ туда непосредственно изъ рукъ нашихъ хлѣботорговцевъ.

Итакъ, если судить о вліяніи существующей въ Германіи таможенной системы на русскій хлѣбный экспортъ по количеству зерна, вывозимаго Россіей на заграничные рынки, то вліяніе это не можетъ быть названо вреднымъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если мы вмѣсто количества зерна будемъ имѣть въ виду цѣны, по которымъ русское зерно сбывается въ Германію.

Оградившись пошлинами, Германія подняла цѣну на хлѣбъ и тѣмъ самымъ заставила своего внутренняго потребителя принять участіе въ платежѣ этихъ пошлинъ. Но на-ряду съ нѣмецкимъ потребителемъ ихъ, какъ оказывается, платятъ и иностранные производители хлѣба. Дѣло въ томъ, что цѣна на хлѣбъ, ввозимый въ Германію, далеко не всегда выше цѣны на міровомъ рынкѣ какъ разъ на величину пошлины. Поэтому иностранный производитель, продавая хлѣбъ въ Германію по цѣнамъ, отличающимся отъ міровыхъ цѣнъ не на всю величину установленной Германіей пошлины, а на меньшую, фактически сбываетъ хлѣбъ по цѣнамъ ниже міровыхъ цѣнъ. Этимъ самымъ иностранный производитель и привлекается къ участію въ платежѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Въ частности это имѣетъ мѣсто по отношенію къ Россіи.

Средняя годовая цѣна за пудъ ржи въ копейкахъ.

	Годы:	
	1900—1904 гг.	1906—1909 гг.
Въ Кенигсбергѣ	74,7	98,4
Въ Либавѣ	75,7	101,2
Цѣна въ Кенигсбергѣ выше (+) или ниже (—)	—1,0	—2,8
Пошлина съ пуда	26,5	37,9
Насколько цѣна въ Кенигсбергѣ фактически ниже	27,6	40,7

Въ началѣ и въ концѣ 900-хъ годовъ цѣна на русскую рожь въ Кенигсбергѣ была ниже цѣны на нее въ Либавѣ, и русскій экспортеръ не только не имѣлъ возможности переложить хоть часть пошлины на нѣмецкаго потребителя, но долженъ былъ платить еще 1—3 коп. сверхъ того, не говоря уже объ издержкахъ по перевозкѣ ржи изъ Либавы въ Кенигсбергъ и на другіе, связанные съ этимъ транспортомъ, расходы. Съ повышеніемъ пошлинъ съ 1906-го года положеніе

русскаго экспортера ухудшилось, такъ какъ ему пришлось доплачивать всю добавочную пошлину. Считая, что повышеніе пошлинъ принесло русскому хлѣботорговцу 13 коп. съ пуда (40,7—27,6=13,1), и принимая во вниманіе, что въ 1906—1909 гг. Россія ввозила въ Германію въ среднемъ по 22,6 мил. пудовъ ржи въ годъ, ежегодная потеря Россіи только на одной ржи опредѣляется болѣе, чѣмъ въ 3 мил. рублей. Если же эта потеря незамѣтна, то только потому, что цѣна на рожь за это время поднялась съ 74,7 коп. до 98,4 коп., т.-е. на 23,7 коп. Такое повышеніе цѣны дало возможность не только покрыть указанную выше потерю въ 13,1 коп., но и получить значительный выигрышъ въ 10,6 коп. съ пуда.

Въ худшемъ положеніи обстоитъ дѣло съ овсомъ.

Средняя годовая цѣна за пудъ овса въ копейкахъ.

	Годы: 1900—1904 гг.	1906—1909 гг.
Въ Кенигсбергѣ	73,7	80,1
Въ Либавѣ	77,7	88,9
Цѣна въ Кенигсбергѣ выше (+) или ниже (—)	—4,0	—8,8
Пошлина съ пуда	21,2	37,9
Насколько цѣна въ Кенигсбергѣ фактически ниже	25,2	46,7

Здѣсь потеря русскихъ экспортеровъ послѣ повышенія пошлинъ въ 1906-мъ году равняется 21,5 коп. на пудъ, а на 207,4 мил. пуд. (средній ежегодный вывозъ въ 1906—1909 гг. изъ Россіи въ Германію)—44,6 мил. рублей. Потеря въ данномъ случаѣ чувствительнѣе тѣмъ болѣе, что цѣна на овесъ повысилась съ 73,7 коп. только до 80,1, т.-е.—всего лишь на 7,6 коп.

Напротивъ, русскій экспортъ въ Германію пшеницы находится въ значительно лучшемъ положеніи.

Средняя годовая цѣна за пудъ пшеницы въ копейкахъ.

	Годы: 1900—1904 гг.	1906—1909 гг.
Въ Кенигсбергѣ	117,7	150,4
Въ Одессѣ	90,1	116,6
Цѣна въ Кенигсбергѣ выше (+) или ниже (—)	+27,6	+33,8
Пошлина съ пуда	27,3	41,7
Насколько цѣна въ Кенигсбергѣ фактически выше (+) или ниже (—)	+0,3	—7,9

Здѣсь уже цѣна на русскую пшеницу въ Кенигсбергѣ въ 1900—1904 гг. была настолько выше цѣны на нее въ Одессѣ, что давала возможность оплатить не только пошлину 1894-го года, но даже и нѣкоторую часть накладныхъ и по транспорту расходовъ. Повышеніе

пошлинъ въ 1906 г. отразилось однако неблагопріятно. Цѣна въ Кенигсбергѣ, хотя и стояла выше, чѣмъ въ Одессѣ, но уже не настолько, чтобы можно было оплатить всю повышенную пошлину. Въ результатѣ потеря для русскихъ экспортеровъ почти въ 8 коп. съ пуда, или въ 4,3 мил. рублей въ годъ. Но эта потеря, однако, еще съ большимъ избыткомъ, чѣмъ въ указанномъ выше случаѣ съ рожью, покрывается повышеніемъ цѣны на пшеницу съ 117,7 коп. до 150,4 коп.—на 32,7 коп.

Было бы интересно сдѣлать анологичныя вычисленія и для ячменя, но къ сожалѣнію трудно отдѣлить кормовой ячмень отъ пивоваренаго, отличающагося какъ по цѣнѣ, такъ и по неодинаковой оплатѣ пошлиной.

Брентано, отмѣчая въ своемъ трудѣ „Die deutshen Getreidezölle" (2-e Aufgabe. 1911), что Бисмаркъ, вводя въ Германіи пошлины на хлѣбъ, думалъ, что эти пошлины цѣликомъ или отчасти заплатятъ ввозныя страны,—говоритъ, что въ данномъ случаѣ Бисмаркъ былъ правъ лишь только отчасти и лишь по отношенію къ Россіи. Послѣдняя, продолжаетъ Брентано, имѣетъ въ Западной Европѣ значительныя долговыя обязательства, по которымъ она расплачивается, главнымъ образомъ, своимъ хлѣбомъ и, особенно, рожью. Рожь же въ Европѣ имѣетъ очень ограниченный спросъ, и при томъ, преимущественно, въ Германіи, да и здѣсь потребленіе ржи постепенно вытѣсняется потребленіемъ пшеницы. Естественно поэтому, что Россія должна использовать все возможное, чтобы содѣйствовать экспорту ржи. Она понижаетъ желѣзнодорожный тарифъ, чтобы усилить вывозъ ржи черезъ сухопутную границу, она соглашается, наконецъ, на пониженныя цѣны въ портахъ. Не то съ пшеницею, которая является болѣе ходкимъ товаромъ и обычно стоитъ въ цѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, и при экспортѣ пшеницы въ Германіи, какъ мы видѣли выше, русскій производитель теряетъ ту или иную часть. Происходитъ это отъ того, что русскій производитель вынужденъ выбрасывать свой хлѣбъ на заграничный рынокъ, обычно не выжидая болѣе выгодныхъ для себя цѣнъ, и продаетъ его осенью — время, считающееся малоблагопріятнымъ для ликвидаціи урожая.

Такимъ образомъ финансовая зависимость Россіи отъ иностранныхъ государствъ и, въ частности, отъ Германіи и слабое экономическое положеніе нашей страны, бывшее одной изъ главныхъ причинъ заключенія невыгоднаго для насъ торговаго договора съ Германіей 1904 г., являются причинами нашихъ потерь и при экспортѣ хлѣба. Но наша финансовая зависимость и экономическая слабость—явленія не скоро преходящія, они длятся десятки лѣтъ и могутъ длиться столько же и впредь. И потому, опираясь при возобновленіи торговаго договора

съ Германіей только на свое экономическое положеніе, — Россія не можетъ и впредь расчитывать на выгодный для себя договоръ. Въ виду этого, особый интересъ пріобрѣтаетъ для насъ вопросъ о томъ, какъ отразилась система хлѣбныхъ пошлинъ на Германіи, достигла ли она поставленныхъ введеніемъ этихъ пошлинъ цѣлей и не затронула ли эта система интересовъ какихъ-либо крупныхъ экономическихъ группъ внутри самой Германіи.

II.

Таможенная политика Германіи, какъ впрочемъ и другихъ континентальныхъ государствъ Западной Европы, явилась, какъ мы уже говорили, отвѣтомъ на усилившуюся въ концѣ 70-хъ годовъ заатлантическую конкурренцію, вызвавшую значительное пониженіе цѣнъ на хлѣбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе доходности европейскаго сельскаго хозяйства. Цѣлью установленія ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ и было главнымъ образомъ поднятіе хлѣбныхъ цѣнъ внутри Германіи. Одновременно хлѣбнымъ пошлинамъ ставилась и другая задача—по возможности ограничить зависимость Германіи въ дѣлѣ снабженія ея хлѣбомъ отъ другихъ государствъ. „Нельзя представить себѣ,—пишетъ Бухенбергеръ,—большей зависимости, чѣмъ зависимость отъ другихъ государствъ въ дѣлѣ снабженія отечественнаго рынка хлѣбомъ и мукой. Вѣдь, можетъ случиться, что обычные источники подвоза вдругъ изсякнутъ, вслѣдствіе ли неурожая, войны, или же того обстоятельства, что прежнія страны экспорта, въ виду прироста собственнаго населенія, не будутъ въ состояніи отправлять на всемірный рынокъ значительныхъ количествъ хлѣба. Такая зависимость Германіи отъ другихъ государствъ въ дѣлѣ снабженія хлѣбомъ и мукою уже существуетъ, потому что отечественное производство не поспѣвало за ростомъ населенія. Тѣмъ болѣе важно преградить дальнѣйшее увеличеніе этой зависимости, а еще лучше постараться возможно большимъ усиленіемъ интенсивности хозяйства постепенно возстановить равновѣсіе между потребленіемъ и производствомъ, что отнюдь не представляется недостижимымъ“.

Дѣйствительно введеніемъ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ Германія достигла у себя повышенія цѣнъ на хлѣбъ, что явствуетъ изъ приведенной таблички, гдѣ сравниваются среднія цѣны въ Англіи и въ Пруссіи.

Годы.	Цѣна тонны пшеницы въ маркахъ. Въ Англіи.	Въ Пруссіи.	Разница въ пользу (+) или противъ (—) Пруссіи.
1871—75	246.4	235.2	— 11.2
1871—80	206.8	211.2	— 4.4
1881—85	180.4	189.0	+ 8.6
1886—90	142.8	173.9	+ 31.1
1891—95	128.2	165.5	+ 37.3
1896	123.0	152.1	+ 29.1
1897	141.5	164.7	+ 23.2
1898	159.0	184.0	+ 25.0

Аналогичныя данныя имѣются и для послѣднихъ лѣтъ.

Годы.	Цѣна пуда пшеницы въ копейкахъ. Въ Кенигсбергѣ.	Въ Антверпенѣ.	Разница въ пользу Кенигсберга.
1900—1904 . . .	117.7	106.9	+ 10.8
1905 . . .	124.7	111.4	+ 13.3
1906 . . .	130.8	105.4	+ 15.4
1907 . . .	150.3	122.7	+ 27.6
1908 . . .	151.9	136.9	+ 15.0
1909 . . .	168.4	143.8	+ 24.6

Искусственно поднятыя цѣны оказали вліяніе на интенсивность германскаго сельскаго хозяйства, о чемъ даетъ представленіе возросшая производительность почвы.

Средній сборъ въ Германіи съ одного гектара въ килограммахъ:

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
1882—1891.	1162	1487	1576	1414
1893—1897.	1390	1694	1630	1446
1898—1902.	1476	1844	1806	1706
1903—1907.	1610	1978	1900	1892
1908—1909.	1800	2000	1950	1960

Такое значительное повышеніе производительности почвы далеко превзошло сборы хлѣбовъ, считавшіеся многими въ Германіи въ серединѣ 90-хъ годовъ достаточными для того, чтобы цѣликомъ покрыть все потребленіе страны. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже видѣли, Германія до сихъ поръ не обходится безъ ввоза иностраннаго хлѣба для внутренняго потребленія.

Доля внутренняго потребленія въ Германіи, покрываемая иностранными хлѣбами:

	Сельско-хозяйственные годы: 1894—95	1899—1900	1904—05	1908—09
	въ процентахъ:			
Рожь . . .	7.5	4.4	0	0
Пшеница . . .	28.1	23.3	33.1	29.9

	Сельско-хозяйственные годы: 1894—95	1899—1900	1904—05	1908—09
	въ процентахъ:			
Ячмень	30.1	27.6	35.3	43.0
Овесъ	4.0	3.8	6.6	1.9

Германія прекратила ввозъ ржи для внутренняго потребленія и почти прекратила для этой цѣли ввозъ овса, но зато увеличила ввозъ пшеницы и ячменя, который въ среднемъ за 1905—1909 гг. равнялся 2-мъ милліонамъ тоннъ. Потребность Германіи въ иностранномъ хлѣбѣ объясняется тѣмъ, что производство хлѣба въ самой Германіи не поспѣваетъ за ростомъ населенія, предъявляющаго повышенный спросъ не только на хлѣбъ и другія произведенія земли, но и на земельную площадь. Растущіе города, расширяющаяся индустрія, проведеніе новыхъ желѣзныхъ и другихъ дорогъ—все это повышаетъ спросъ на землю, отнимая ее отъ сельско-хозяйственной культуры. Поэтому площадь сельско-хозяйственной культуры сокращается какъ абсолютно, такъ и относительно.

Площадь сельско-хозяйственной культуры въ Германіи:

Годы.	Милліоны акровъ.	На голову населенія акровъ.
1878	3673	83
1883	3564	77
1893	3517	69
1900	3506	62

По вычисленію Брентано, сельско-хозяйственная площадь съ каждымъ годомъ уменьшается (вслѣдствіе, главнымъ образомъ, роста населенія) на 0,95 акра на голову населенія. Считая, что въ серединѣ XX вѣка въ Германіи будетъ 100 мил. населенія, а площадь подъ хлѣбами останется та же, что и въ 1909 г., т.-е. 14 мил. акровъ, на голову населенія, говоритъ Брентано, придется черезъ 40 лѣтъ немного болѣе $^1/_2$ прусскаго моргена. Съ такой незначительной площади нигдѣ въ мірѣ не удавалось еще до сихъ поръ получить хлѣба въ количествѣ, достаточномъ для пропитанія одного человѣка. Тѣмъ труднѣе достигнуть этого въ Германіи, гдѣ урожаи по сравненію, напр., съ Великобританіей, Бельгіей, Голландіей и Даніей, ниже, вслѣдствіе худшаго качества почвы и менѣе благопріятнаго климата. Этимъ, между прочимъ, объясняется, почему Германія охотнѣе расширяетъ культуру менѣе требовательной ржи, чѣмъ посѣвы болѣе требовательной и къ почвѣ и къ климату пшеницы.

Немалымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго увеличенія интенсивности германскаго земледѣлія служитъ и недостатокъ рабочихъ рукъ.

Чтобы увеличить производство пшеницы и ячменя, надо, какъ утверждаетъ Эдуардъ Бернштейнъ (въ „Sozialistishe Monatshefte“ 1911, 13 Heft) употребить для этого лишнія рабочія руки. Считая, что одинъ рабочій можетъ произвести 5—6 тоннъ, Бернштейнъ находитъ, что для недостающихъ въ Германіи 3-хъ мил. тоннъ пшеницы и ячменя потребуется лишнихъ 500 тысячъ рабочихъ. Между тѣмъ годовой приростъ населенія въ Германіи равняется 900 тысячамъ, изъ которыхъ на долю населенія въ рабочемъ возрастѣ приходится лишь 450 тысячъ человѣкъ. Но изъ этого числа часть должна пойти на покрытіе все увеличивающагося спроса на рабочія руки въ индустріи, торговлѣ и прочихъ отрасляхъ не сельско-хозяйственной дѣятельности.

Такимъ образомъ, ни въ настоящемъ, ни тѣмъ болѣе въ будущемъ Германія не въ состояніи собственнымъ производствомъ покрыть весь спросъ на хлѣбъ внутри страны. Зависимость въ этомъ отношеніи Германіи отъ другихъ государствъ остается, а вмѣстѣ съ тѣмъ остается невыполненной и та государственная задача, которая имѣлась въ виду при введеніи ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, именно — сдѣлать Германію въ дѣлѣ продовольствія независимой отъ другихъ государствъ.

Кто же въ концѣ концовъ въ Германіи остается въ выигрышѣ отъ ввозныхъ хлѣбныхъ пошлинъ и въ чьихъ интересахъ эти пошлины были введены? Отвѣтъ ясенъ—въ выигрышѣ должны быть германскіе сельскіе хозяева, въ интересахъ покровительства которымъ и введена таможенная система. Однако, какъ показалъ Брентано въ своемъ уже указанномъ выше трудѣ, хлѣбныя пошлины въ Германіи выгодны далеко не всѣмъ сельскимъ хозяевамъ одинаково. Повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, обязанное ввознымъ пошлинамъ на хлѣбъ, выгодно лишь тѣмъ сельскимъ хозяевамъ Германіи, говоритъ Брентано, кто больше воздѣлываетъ хлѣба и кто этотъ хлѣбъ продаетъ. Таковыми же въ Германіи являются по преимуществу крупные землевладѣльцы и особенно остъэльбскіе. Что касается германскаго крестьянскаго хозяйства, то центръ его производства не въ воздѣлываніи хлѣба, а въ скотоводствѣ.

Еще меньшее значеніе хлѣбныя пошлины имѣютъ для винодѣльческихъ хозяйствъ, для хозяйствъ альпійскихъ и вообще для всѣхъ тѣхъ, гдѣ культура хлѣбовъ незначительна. Для Вюртемберга, по вычисленіямъ Marquard'a, въ высокихъ пошлинахъ на хлѣбъ заинтересованы хозяева, имѣющіе свыше 50 гектаровъ. Но таковые составляютъ тамъ лишь 0,19% всего числа хозяйствъ. Въ Баденѣ, по даннымъ 1902 г., никакого интереса въ хлѣбныхъ пошлинахъ не имѣютъ 14,6% всѣхъ хозяйствъ, малый интересъ имѣютъ 7,9%, посредственный — 6,2% и значительный — 0,6%. Напротивъ, 70,7% хозяйствъ являются противниками хлѣбныхъ пошлинъ. Въ Ганноверѣ, гдѣ скотоводство значительно опередило культуру хлѣбовъ и гдѣ хо-

зяева покупаютъ значительную часть кормовъ, интереса къ хлѣбнымъ пошлинамъ также быть не можетъ. То же самое относится къ крестьянскимъ хозяйствамъ Помераніи и другихъ остъэльбскихъ провинцій. Въ своей рѣчи 25-го марта 1895 г. въ рейхстагѣ бывшій имперскій канцлеръ Гогенлоэ сказалъ, что во всей Германской имперіи только 21% сельскохозяйственнаго населенія заинтересовано въ высокихъ пошлинахъ на хлѣбъ. Эта цифра, кстати сказать, вполнѣ согласуется съ вычисленіями Конрада, относящимися къ 1895-му году.

Къ тому же заключенію приводятъ и данныя статистики сельскохозяйственныхъ производствъ въ 1882-мъ и въ 1907-мъ годахъ. Исходя изъ того, что хозяйства, имѣющія 5 гектаровъ земли, покупаютъ хлѣбъ (все равно для собственнаго продовольствія или для корма скоту) и потому не могутъ быть заинтересованы въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, Брентано говоритъ, что только 23,4% всѣхъ хозяйствъ, имѣвшія въ 1882 г. болѣе 5 гектаровъ, были заинтересованы въ пошлинахъ. Въ 1907 г. число заинтересованныхъ въ пошлинахъ составляло 23,3%.

Наконецъ, данныя о движеніи цѣнъ на землю въ хозяйствахъ разной величины также показываютъ, что число хозяйствъ въ Германіи, заинтересованныхъ въ пошлинахъ, не велико. Такъ, по Rothkegel'ю въ Пруссіи за время съ 1895—97 до 1901—03 гг. цѣна на землю въ крупныхъ имѣніяхъ повысилась на 17%, а въ мелкихъ—только на 10%. За время съ 1901—03 до 1907—09 гг. цѣна на земли въ крупныхъ имѣніяхъ повысилась на 33%, а въ мелкихъ—на 21%. Въ первый періодъ причиною повышенія цѣнъ на землю было (вмѣстѣ съ увеличеніемъ спроса на землю, вслѣдствіе растущаго населенія) повышеніе доходности земли, обусловленное техническимъ и экономическимъ прогрессомъ сельскаго хозяйства. Во второй періодъ, причиною вздорожанія земли было повышеніе пошлинъ и измѣненіе конъюнктуры мірового рынка. При этомъ характерно, замѣчаетъ Брентано, что повышеніе цѣнъ на землю во второй указанный періодъ по сравненію съ первымъ періодомъ было неодинаково для разныхъ группъ хозяйствъ. А именно вздорожаніе земли въ періодъ съ 1901—03 по 1907—09 гг. было больше, чѣмъ съ 1895—97 съ 1901—03 гг.:

Въ хозяйствахъ,	имѣющихъ	менѣе 2	гектаровъ	на	12%
„	„	2—5	„	„	11%
„	„	5—20	„	„	13%
„	„	20—100	„	„	23%
„	„	100—500	„	„	36%
„	„	500 и болѣе	„	„	34%

Эти цифры даютъ наглядное представленіе о томъ, кто въ Германіи остался въ выигрышѣ отъ политики хлѣбныхъ пошлинъ. „Getreidepolitik ist Grossgrundbesizerpolitik“,—говоритъ Ф. фонъ-Пантцъ.

Противъ утвержденія, что мелкія хозяйства въ Германіи, или имѣющія менѣе 5 гектаровъ, не заинтересованы въ хлѣбныхъ пошлинахъ, не возражаетъ такой сторонникъ этихъ пошлинъ, какъ Бухенбергеръ. Онъ замѣчаетъ лишь, что хозяйствами свыше 5 гектаровъ занято 84% всей сельскохозяйственной площади. Но если отрѣшиться, такъ сказать, отъ интересовъ сельскохозяйственной площади, то все же вѣрно, что въ пошлинахъ на хлѣбъ заинтересована незначительная часть германскаго населенія,—нѣмецкіе аграріи. Интересы массы германскаго крестьянства этими пошлинами или совсѣмъ не затрагиваются, или когда они являются покупателями хлѣба, затрагиваются съ противоположной стороны.

Конечно, еще сильнѣе нарушаются интересы остальной, несельскохозяйственной части германскаго населенія, для которой хлѣбъ является исключительно предметомъ потребленія. Изъ 63 милліоновъ жителей Германіи, по словамъ Брентано, хлѣбъ покупаютъ въ самомъ худшемъ случаѣ 81%.

Хлѣбъ является предметомъ потребленія каждаго человѣка, но размѣръ потребленія хлѣба лицами неодинаковой зажиточности неодинаковъ. Обычно потребленіе хлѣба тѣмъ больше, чѣмъ бѣднѣе потребитель. За 1880—1898 гг. въ Германіи на голову населенія приходилось въ среднемъ 180 килограммовъ хлѣба въ годъ. Въ Берлинѣ размѣръ потребленія въ 1903 г. равнялся 133 килогр. Желѣзнодорожные рабочіе во Франкфуртѣ-па-Майнѣ, имѣющіе свыше 1.000 марокъ годового дохода, потребляли хлѣба 150 килогр. Бѣдный же ручной ткачъ изъ Цитау потребляетъ 200 килогр. При повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе обложенія его пошлиною, послѣдняя ложится тяжелѣе на бѣдныхъ, и при томъ не только абсолютно, но и относительно по сравненію съ годовымъ доходомъ. Вотъ, напр., сколько приходилось платить пошлины на хлѣбъ въ 1901-мъ году взрослому работнику, согласно одному обслѣдованію ряда семействъ.

Годовой доходъ:	Абсолютно:	% къ доходу.
Менѣе 200 марокъ	8,6 марокъ	6,0
200—300 „	9,1 „	3,9
300—400 „	7,7 „	2,2
400—500 „	8,1 „	1,8
500—600 „	8,0 „	1,4
Болѣе 600 „	8.8 „	1,3

Эти цифры, однако, относятся къ тому времени, когда пошлина на хлѣбъ равнялась 3,5 маркамъ. При дальнѣйшемъ повышеніи пош-

лины до 5,5 марокъ, конечно, должна возрасти и тяжесть обложенія. Считая средній годовой доходъ обслѣдованной семьи въ 1136,8 марокъ, т.-е. по 3,8 марки за одинъ рабочій день (при 300 рабочихъ дняхъ въ годъ), Брентано вычислилъ, что для покрытія пошлины въ 3,5 марокъ рабочій долженъ работать 8,4 дня, а при пошлинѣ въ 5,5 марокъ—13,1 дня.

Не могутъ равнодушно относиться къ дороговизнѣ жизни и германскіе фабриканты и заводчики. Правда, они непосредственно мало страдаютъ отъ дороговизны предметовъ питанія, но зато для нихъ чувствительнымъ является болѣе дорогое содержаніе рабочихъ. Насколько это содержаніе дорого, показываетъ очень характерный примѣръ, имѣвшій мѣсто на границѣ защищенной пошлинами на предметы сельскаго хозяйства Германіи и свободной отъ этихъ пошлинъ Голландіи. Нѣмецкіе фабриканты, имѣющіе фабрики близъ самой границы, предпочитаютъ строить дома для своихъ рабочихъ и кормить ихъ въ Голландіи, гдѣ жизнь значительно дешевле, чѣмъ въ Германіи. Вотъ, напр., цѣны въ двухъ сосѣднихъ мѣстечкахъ—Эншеде въ Голландіи и Гронау въ Германіи, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи 8-ми километровъ:

	Въ Голландіи:	Въ Германіи:
Черный хлѣбъ	4,5 цент.	6,5 цент.
Бѣлый хлѣбъ	7 „	9 „
Овсяная мука	7 „	10 „
Рисъ	8 „	9,6 „
Кофе	50 „	54 „
Масло	65 „	81 „
Сыръ	40 „	48 „
Говядина	45 „	48 „
Свинина	42,5 „	48 „
Ветчина	50 „	60 „
Сало	32,5 „	42 „
Керосинъ	9 „	10,8 „
Молоко	7 „	9 „

Семья изъ 6-ти человѣкъ можетъ купить въ Голландіи на 21 марку то, за что такая же семья въ Германіи платитъ 28 марокъ. Въ связи съ этимъ находится и высота заработной платы. Напр., прядильщикъ въ Эншеде получаетъ въ недѣлю 15—16 гульденовъ, а въ Гронау 15—17, ткачъ соотвѣтственно 10 и 11 гульденовъ, а поденщикъ 7,5 и 9 гульденовъ.

Брентано даетъ и общую сумму переплаты германскимъ населеніемъ отъ введенія пошлины на хлѣбъ. Считая только покупающее хлѣбъ населеніе, Брентано вычислилъ, что за 3 года (1907—1909) переплата отъ повышенія цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе введенія пош-

линъ, должна была равняться 3-мъ милліардамъ марокъ. Вычитая изъ этой суммы 377 мил. марокъ, взятыхъ Германіей въ видѣ таможеннаго дохода, получимъ остатокъ въ 2.682 мил. марокъ или 894 мил. марокъ въ годъ, которыя и распредѣлились по карманамъ частныхъ лицъ. Допустимъ, что весь таможенный доходъ отъ хлѣбныхъ пошлинъ выплачивается иностранными государствами, всетаки на долю германскаго покупателя ложится огромное налоговое бремя почти въ 900 мил. марокъ въ годъ. Если же населеніе Германіи не особенно ропщетъ на это обложеніе, то происходитъ это отчасти потому, что съ момента введенія пошлинъ, съ 80-хъ годовъ, міровая цѣна на хлѣбъ понижалась, почему хлѣбъ въ Германіи сталъ не дороже, а дешевле (см. выше цѣны на пшеницу). Отчасти же причиной тому былъ хитроумный маневръ, продѣланный партіей центра въ рейхстагѣ при проведеніи таможеннаго закона 1902-го года.

Законъ этотъ проведенъ въ рейхстагѣ съ помощью, главнымъ образомъ, „центра“, опирающагося, какъ извѣстно, на сотни тысячъ католическихъ промышленныхъ рабочихъ съ Рейна, изъ Вестфаліи и изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ городовъ, на помѣщиковъ, особенно изъ Селизіи, и на крестьянъ-католиковъ, преимущественно изъ Баваріи. Чтобы удержать за собой помѣщиковъ и крестьянъ, центръ долженъ былъ стоять за высокія пошлины на хлѣбъ и другія произведенія сельскаго хозяйства, но въ этомъ случаѣ вожди центра рисковали толкнуть поддерживающихъ ихъ рабочихъ въ ряды соціалъ-демократіи. Во избѣжаніе этого былъ введенъ въ таможенный законъ 1902 г. параграфъ 15-ый, въ которомъ говорилось, что все превышеніе таможеннаго дохода (по разсчету на голову населенія) отъ повышенія пошлинъ на пшеницу, рожь, рогатый скотъ, овецъ, свиней, свиного сала и муки надъ среднимъ ежегоднымъ доходомъ отъ этихъ предметовъ за 1898—1902 гг. должно быть обращено въ страховой фондъ для вдовъ и сиротъ. Заплативши милліардъ марокъ за возвышеніе пошлинъ, говоритъ Брентано, рабочіе получили 100 милліоновъ марокъ на вдовъ и сиротъ, поставивъ въ добавокъ тѣмъ самымъ ихъ страхованіе въ финансовую зависимость отъ высоты пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства.

Но какъ бы то ни было, къ какимъ бы ухищреніямъ не прибѣгали германскіе аграріи для вербовки своихъ сторонниковъ, рабочій и торгово-промышленный классъ въ Германіи не можетъ быть по существу сторонникомъ высокихъ пошлинъ на предметы питанія. И если Россія при возобновленіи торговаго договора будетъ добиваться пониженія этихъ пошлинъ, то поддержку внутри Германіи она можетъ искать въ данномъ случаѣ только въ рабочемъ и торгово-промышленномъ классѣ.

Отрицательное отношеніе среди торгово-промышленнаго класса въ Германіи къ существующей тамъ аграрной политикѣ вообще и къ высокимъ таможеннымъ пошлинамъ на предметы питанія въ частности, уже достаточно опредѣлилось, судя хотя бы по отчетамъ многочисленныхъ торговыхъ камеръ и промышленныхъ ассоціацій. Образовавшійся же два года тому назадъ „Ганзейскій союзъ", объединяющій представителей ремесла, промышленности и торговли и успѣвшій сдѣлаться немаловажнымъ факторомъ соціально-политической жизни Германіи, ставитъ даже одной изъ своихъ главныхъ задачъ—борьбу съ аграрно-протекціонистской политикой. Недавняя статья журнала „Экспортъ" считаетъ также въ интересахъ народнаго хозяйства Германіи полезнымъ пониженіе германскихъ таможенныхъ ставокъ на пищевыя средства и т. д. Но для того, чтобы вопросъ о пониженіи этихъ ставокъ могъ получить реальное осуществленіе, необходимо, чтобы при новыхъ выборахъ въ германскій рейхстагъ возросло число противниковъ высокихъ аграрныхъ пошлинъ или, что тоже, число представителей рабочаго и торгово-промышленнаго класса. Итогъ же этихъ выборовъ будетъ зависить, конечно, не отъ одного только отношенія тѣхъ или другихъ классовъ германскаго населенія къ хлѣбнымъ пошлинамъ, а и отъ цѣлаго ряда другихъ условій, учесть которыя сколько-нибудь точно въ настоящее время представляется невозможнымъ. Невозможно, слѣдовательно, теперь уже опредѣлить и характеръ нашего будущаго торговаго договора съ Германіей. Въ настоящее время можно сказать лишь одно, что этотъ договоръ долженъ опредѣлиться, главнымъ образомъ, политическимъ вліяніемъ торгово-промышленнаго и рабочаго класса въ Германіи. Будетъ это вліяніе сильно, Россія можетъ добиться пониженія пошлинъ. Не будетъ,—мы будемъ продолжать нести на себѣ тяготы аграрно-протекціонистской политики Германіи. Мало того: добиться пониженія пошлинъ на предметы сельскаго хозяйства Россія можетъ не даромъ, а путемъ ряда уступокъ тѣмъ, на чье содѣйствіе мы можемъ расчитывать при проведеніи закона о пониженіи хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи. Эти уступки должны заключаться въ облегченіи условій импорта германскихъ фабрикатовъ и полуфабрикатовъ.

Послѣднее обстоятельство учитывается уже и нашимъ оффиціальнымъ органомъ, „Торгово-Промышленной Газетой", которая недавно писала: „Намъ придется все же согласиться на нѣкоторыя уступки. Незачѣмъ въ настоящее время указывать детально, какого рода могутъ быть съ нашей стороны уступки; ограничимся лишь замѣчаніемъ, что эти уступки должны быть сдѣланы такъ, чтобы онѣ не отразились на положеніи нашей промышленности. Такого рода политика интересамъ нашего народнаго хозяйства ущерба не принесетъ; на-

противъ, мы можемъ даже получить извѣстныя выгоды. Съ одной стороны, пониженіе пошлинъ на сырье и полуфабрикаты несомнѣнно будетъ способствовать развитію отечественной фабрично-заводской промышленности и нашему экспорту фабричныхъ издѣлій; вѣдь неоднократно было указано, что какъ нашъ фабричный экспортъ, такъ и развитіе индустріи страдаютъ отъ дороговизны, благодаря высокимъ пошлинамъ на сырье и полуфабрикаты. Съ другой стороны, понижая ставки на сырые матеріалы и полуфабрикаты, мы этимъ самымъ привлечемъ на нашу сторону многихъ представителей германской промышленности въ борьбѣ за то, чтобы претензіи аграріевъ не были удовлетворены. Въ области ввоза къ намъ изъ Германіи готовыхъ фабрикатовъ слѣдовало бы въ общемъ и цѣломъ держаться существующей таможенной системы, ограждающей нашу промышленность. Если же обстоятельства такъ сложатся, что и въ этой области мы вынуждены пойти на нѣкоторыя уступки, то здѣсь возможно было бы согласиться лишь на установленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно безопасныхъ для русской промышленности пониженныхъ ставокъ".

Съ этимъ крайне умѣреннымъ заключеніемъ оффиціальнаго органа печати, конечно, не согласятся наши промышленники, которые въ журналѣ „Промышленность и Торговля" уже начали энергичную кампанію по поводу предстоящаго возобновленія торговаго договора съ Германіей. „Нѣтъ сейчасъ двухъ мнѣній,—читаемъ тамъ,—что основой всей нашей экономической политики и базою будущихъ переговоровъ должно быть строгое и послѣдовательное примѣненіе покровительственнаго таможеннаго принципа, безъ допущенія малѣйшихъ отступленій въ сторону фритредерскихъ увлеченій. Нашъ контрагентъ долженъ прежде всего твердо уяснить себѣ, что никакія послабленія въ этомъ направленіи не могутъ быть терпимы".

Приведенная выдержка, выясняя, почему наши торгово-промышленные круги такъ энергично взялись за подготовку къ пересмотру торговаго договора, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ указаніемъ на то, что, становясь на усвоенную промышленниками точку зрѣнія, русскіе сельскіе хозяева и правительство пойдутъ по ложному пути.

В. П. Дроздовъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ВУЛКАНИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ

Огнедышащія горы во всѣ времена дѣйствовали на воображеніе людей. Древніе греки смотрѣли на Этну, вулканъ на островѣ Сициліи, какъ на кузницу Гефеста, или Вулкана, бога огня и кузнечнаго искусства. На Этнѣ этотъ богъ, съ помощью своихъ пособниковъ-циклоповъ, изготовлялъ доспѣхи для боговъ и богинь и громовыя стрѣлы для Юпитера. Въ первые вѣка нашей эры ученые теологи считали вулканы вытяжными трубами, черезъ которыя изъ ада, находившагося внутри земли, поднимаются дымъ и пламя.

Даже сравнительно въ недавнія времена, когда ядро земли представляли уже расплавленно-жидкимъ, или даже газообразнымъ и окруженнымъ тонкой отвердѣвшей оболочкой, многіе думали, что эта „земная кора“ должна была бы разлетѣться въ дребезги отъ внутреннихъ взрывовъ, если бы на поверхности земли не было предохранительныхъ клапановъ—огнедышащихъ горъ. Тогда, видимо, не задавались вопросомъ, почему же эти предохранительные клапаны дѣйствуютъ такъ неправильно, что вслѣдствіе задержки ихъ дѣйствія происходятъ землетрясенія?

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію современныхъ вулканическихъ теорій, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ самымъ явленіемъ и дать нѣсколько картинъ наиболѣе характерныхъ изверженій.

Въ апрѣлѣ 1905-го года Везувій проявилъ лихорадочную дѣятельность. Въ его кратерѣ, на глубинѣ 80 метровъ, поднялся небольшой конусъ, который сталъ расти такъ быстро, что въ маѣ онъ былъ уже на 15 метровъ выше краевъ стараго — главнаго кратера. Съ 25-го по 27-ое мая вслѣдствіе сильныхъ взрывовъ, сопровождавшихся значительными изверженіями, на с.-с.-з. склонахъ вулкана образовалась трещина на высотѣ 1.245 метровъ; затѣмъ появилась другая на высотѣ 1.180 метровъ, поближе къ станціи зубчатой желѣзной дороги. Изъ этихъ трещинъ лава текла безъ перерыва вплоть до апрѣля 1906-го года,—эпохи наиболѣе интенсивной дѣятельности, когда 4-го апрѣля образовался новый прорывъ на южномъ склонѣ, на высотѣ 1.200 метровъ, откуда немедленно устремился потокъ лавы. Въ послѣдующіе дни появились новыя трещины, изъ нихъ потекли новые потоки лавы. Было затронуто Боско-Треказе. Опустошительный потокъ остановился всего въ нѣсколькихъ метрахъ отъ Торре-Аннунціата. Жители, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, успѣли спастись.

Больше всего зла было причинено изверженіями самого кратера вечеромъ 7-го апрѣля 1906 г., когда оттуда выбрасывались на два километра въ вышину разныя, раскаленныя добѣла, вещества. Эти изверженія казались непрерывными огненными фонтанами и сопровождались взрывами такой силы, что они были слышны въ Неаполѣ. Въ половинѣ перваго ночи и затѣмъ въ 2 ч. 40 м. вокругъ Везувія послышались еще болѣе сильные взрывы, и стало ощущаться дрожаніе земли. Въ это-то время и выпало огромное количество лапилли на территорію, имѣвшую центромъ Оттайяно; подъ этимъ раскаленнымъ каменнымъ градомъ погибло много людей, были нанесены громадные матеріальные убытки. Страшное явленіе длилось нѣсколько часовъ и сопровождалось сильнымъ гуломъ, частыми взрывами, тучами пепла, иногда нагонявшими совершенный мракъ, сгущеніемъ водяныхъ паровъ, захватывавшихъ съ собой пыль и порождавшихъ настоящіе грязевые ливни, наконецъ электрическими явленіями. Таковъ былъ пароксизмъ 8-го апрѣля.

Протекло много дней, пока все пришло въ обычную норму.

Взрывы рѣзко измѣнили внѣшній видъ Везувія. Во-первыхъ, былъ разрушенъ маленькій конусъ, появившійся въ 1905-мъ году; затѣмъ вершина стараго конуса раскололась, и въ ней образовалась глубокая выемка—„кальдейра“, которая и является въ данное время кратеромъ. Извѣстный французскій геологъ *Лакруа*, который поднимался на Везувій 3-го мая 1906 г., даетъ слѣдующее описаніе этой кальдейры:

„Въ разрѣзѣ она имѣетъ почти форму круга; ея діаметръ—640 метровъ (С.—Ю.) и 650 метровъ (В.—З.). Глубина, повидимому, не менѣе 300 метровъ. Ея внутренніе края почти отвѣсны, за исключеніемъ верхней части, гдѣ они образуютъ очень крутой склонъ, и низа, гдѣ они кончаются въ видѣ воронки съ дномъ, закрытымъ отчасти фумаролами. Гребень кальдейры—осыпающійся и неправильный. Его вышина въ различныхъ частяхъ сильно колеблется; наиболѣе высокая часть (до 1.232 метровъ) находится на С.-З.; самая низкая образована глубокой впадиной, находящейся на С.-В. Вообще вершина Везувія стала послѣ этого изверженія ниже по крайней мѣрѣ на 103 метра, а мѣстами даже на 180 метровъ. Нужно, впрочемъ, отмѣтить—говоритъ Лакруа,—„что эти величины мѣняются каждый день: кратеръ увеличивается отъ непрестаннаго обвала его краевъ даже въ то время, когда и не происходитъ взрывовъ“.

Особымъ характернымъ типомъ вулканическаго изверженія является изверженіе горы *Пеле* 3-го мая 1902-го года. Почти всѣ Малые Антильскіе о-ва происхожденія вулканическаго; на многихъ и нынѣ нахо-

дятся дѣйствующіе вулканы; наиболѣе знаменитый изъ этихъ вулкановъ, гора Пеле, возвышается на сѣверномъ берегу о-ва Мартиники. До послѣдняго изверженія гора Пеле имѣла 1.351 метръ высоты.

Въ 1792 г. гора Пеле проявила себя какъ дѣйствующій вулканъ, а въ 1851—52 гг. произошло ея первое большое изверженіе, но самой ужасной катастрофой было изверженіе 8-го мая 1902 г. съ его убійственными „раскаленными облаками“, разрушившими и уничтожившими нѣсколько городовъ со всѣмъ ихъ населеніемъ. Наиболѣе точное и полное описаніе этой катастрофы сдѣлалъ тотъ же Лакруа, и въ дальнѣйшемъ мы воспользуемся его данными.

Уже съ 1889-го года на вулканѣ появились фумаролы, выдѣлявшія пары сѣрноватистой кислоты; дѣятельность фумаролъ усилилась въ 1900 и 1901 гг. Въ февралѣ 1902 г. жителей Прешёра (Prêcheur) начали уже безпокоить эти выдѣленія фумаролъ. 22-го апрѣля былъ разорванъ кабель между Фортъ-де-Франсъ и Гваделупой, а на другой день произошло легкое колебаніе почвы въ Прешёрѣ. 24-го апрѣля изъ „Сухого пруда“ (Etang sec) поднялся черный столбъ паровъ и пепла, вышиною отъ 500 до 600 метровъ. 25 апрѣля городокъ Прешёръ былъ окутанъ облакомъ тонкаго пепла, медленно падавшаго на дома. 26-го это явленіе, повидимому, ослабѣло, и жители С.-Пьера отправляются даже на увеселительную прогулку—взглянуть на озеро черной воды, появившееся въ Сухомъ прудѣ, откуда, изъ небольшого конуса, образовавшагося изъ пепла, вырывались пары.

28-го слышится сильный гулъ, и столбъ пара увеличивается; количество воды въ р. Бланшъ, берущей начало у подножья Сухого пруда, утраивается. 29-ое и 30-ое проходятъ спокойно, столбъ пара чуть замѣтенъ; однако въ С.-Пьерѣ чувствуются легкіе толчки отъ колебанія земли.

Но уже 1-го мая снова начинаетъ падать пепелъ, и раздается грохотъ въ горѣ. 2-го мая въ 4 часа вечера, изъ кратера поднимается столбъ пара ярко-чернаго цвѣта, онъ изборожденъ молніями; все увеличивается количество пепла, и въ 11 час. вечера пепелъ впервые падаетъ на С.-Пьеръ и его окрестности. 3-го утромъ въ Прешерѣ почти полная тьма; источники высохли, и воду приходится доставлять изъ С.-Пьера. На слѣдующій день (4 мая), продолжается выпаденіе пепла, но онъ менѣе густъ...

До этого момента изверженіе носитъ тотъ же характеръ, что и въ 1851-мъ году, на что даже обращается вниманіе въ статьяхъ, напечатанныхъ тогда въ газетахъ С.-Пьера. Но въ скоромъ времени начинаютъ происходить уже болѣе грандіозныя явленія.

Въ ночь съ 4-го на 5-ое мая р. Бланшъ вышла изъ береговъ. Гора Пеле была еще спокойна въ 9 часовъ; въ 10 часовъ

начинаются взрывы, р. Бланшъ превращается въ бѣшеный потокъ; жители С.-Пьера сбѣгаются къ ея устью, чтобы взглянуть на произведенныя ею опустошенія. Вдругъ, въ 12 ч. 45 м., изъ кратера вырывается громадный грязевой потокъ; плотина на Сухомъ прудѣ сломана, и огромная масса густой, дымящейся грязи и большихъ каменныхъ обломковъ пробиваетъ просѣку въ лѣсу, покрывающемъ склоны горы, скатывается въ долину р. Бланшъ и разливается по ея прежней дельтѣ; при этомъ разрушается заводъ Герена и погибаютъ первыя 25 жертвъ этого ужаснаго изверженія.

Въ 7 ч. 47 м. утра, въ 16 миляхъ отъ кратера, теченіемъ р. Бланшъ разрывается кабель между Фортъ-де-Франсъ и Пуэрто-Плата. Всю ночь съ 5-го на 6-ое р. Бланшъ продолжаетъ нести потоки грязи... Пепелъ падаетъ все время. Въ 8 час. вечера 6-го мая въ кратерѣ впервые замѣчены свѣтовыя явленія. Сообщеніе по кабелю между С.-Пьеромъ и С.-Люси прерваны въ 6 ч. 45 м. вечера.

7-го мая пепелъ падаетъ все гуще и гуще. Дома и деревья въ Прешёрѣ начинаютъ рушиться и обламываться подъ тяжестью пепла. Съ наступленіемъ ночи многіе наблюдатели замѣчаютъ свѣтъ въ кратерѣ, изверженіе раскаленныхъ добѣла обломковъ и обвалы склоновъ вулкана. Въ ночь съ 7-го на 8-ое надъ горой разражается гроза съ проливнымъ дождемъ, съ громомъ и молніей; въ 3 ч. утра сильный потокъ грязи опустошаетъ городки, расположенные по р. Грандъ, Макубу и Басъ-Пуэнтъ; въ 5 часовъ такое же наводненіе уноситъ часть городка Прешёра.

Утромъ 8-го мая небо было ясно; изъ кратера поднимался высокій султанъ пара удивительно правильной формы, какъ вдругъ въ 8 ч. 2 м. произошло ужасное явленіе, уничтожившее въ нѣсколько минутъ, а можетъ быть, и скорѣе, городъ С.-Пьеръ и его 28.000 жителей.

Нѣкоторые очевидцы, чудомъ пережившіе эту катастрофу, слышали сильнѣйшіе взрывы, затѣмъ они увидѣли, какъ на городъ, катясь по землѣ, съ ужасающей быстротой надвинулась черная туча, изборожденная молніями. Прокатившись черезъ С.-Пьеръ, она сразу остановилась на сѣверѣ отъ городка Карбе. Когда сильный обратный вѣтеръ прогналъ эту смертоносную тучу, то рѣдкіе счастливцы, оставшіеся въ живыхъ на судахъ, уцѣлѣвшихъ въ гавани, а также и тѣ, кто уцѣпился за обломки, плававшіе по морю, увидѣли, что отъ города С.-Пьера осталась лишь груда развалинъ, охваченная пожаромъ. Кромѣ того, растительность и жилища по всей части горы, расположенной между кратеромъ, Морнъ-Фоли и Ла-Петитъ-Озъ-дю-Карбе, исчезли и были покрыты густымъ саваномъ сѣраго пепла. Площадь склона горы Пеле, опустошенная этимъ изверженіемъ, равнялась не менѣе 58 кв. километровъ. Когда „раскаленное облако“ достигло города, то на послѣд-

ній стали падать лапилли, горячая грязь, а затѣмъ мелкій и сухой пепелъ. Вскорѣ послѣ появленія этого „раскаленнаго облака“ островъ Мартинику заволокло огромное облако пепла и осыпало его тонкимъ слоемъ вулканическихъ продуктовъ. Въ то же время на весь западный берегъ нахлынула громадная приливная волна.

Страшныя „раскаленныя облака“ появлялись и послѣ 8-го мая. Изъ нихъ одно, пронесшись 20 мая надъ С.-Пьеромъ, уничтожило бы тамъ все живое, если бы оно не было уже уничтожено 8-го мая; во всякомъ случаѣ это облако довершило разрушеніе немногихъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ домовъ. Слѣдовавшее за „раскаленнымъ облакомъ“ облако пепла растянулось вплоть до Фортъ-де-Франсъ и вызвало среди его жителей панику.

Слѣдующій новый пароксизмъ былъ 26-го мая; „раскаленное облако“ шло по рѣкѣ Бланшъ и пепелъ покрылъ еще новую часть острова Мартиники.

Послѣ этого наступилъ періодъ относительнаго покоя, смѣнившійся страшнымъ возобновленіемъ вулканической дѣятельности, начавшейся 24-го августа землетрясеніемъ, ощущавшимся на всемъ островѣ, и продолжавшейся грандіозными электрическими явленіями и непрерывными взрывами. Наконецъ, вечеромъ 30-го августа раскаленное облако направляется на этотъ разъ на восточные и юго-восточные склоны горы Пеле и совершенно уничтожаетъ городокъ Морнъ-Ружъ и часть города Ажупа-Бульонъ; погибаетъ еще до 1.000 человѣкъ, и поверхность опустошенія увеличивается на 56 квадратныхъ километровъ.

Во время изверженія горы Пеле (въ 1902 г.) впервые наблюдался интереснѣйшій процессъ образованія андезитовой иглы, которая, по мнѣнію многихъ геологовъ, является лишь частнымъ случаемъ образованія вулканическихъ куполовъ.

Вотъ какъ Лакруа описываетъ постепенное поднятіе этой иглы.

Послѣ того, какъ старый кратеръ горы былъ почти совершенно разрушенъ рядомъ взрывовъ, особенно въ южной своей части, черезъ которую спустилось къ морю нѣсколько „огненныхъ облаковъ“, какъ разъ въ образовавшемся углубленіи поднялся куполъ (высотой около 400 метровъ) андезитовой лавы и почти совершенно заполнилъ это углубленіе. На этомъ-то куполѣ, въ свою очередь, и начала въ началѣ октября 1902 г. медленно подниматься острая игла. 31-го мая эта игла достигла своего максимума, высоты 476 метровъ. По мѣрѣ того, какъ вздымалась эта игла, ея бока покрывались какъ бы громадными почками, и отъ нея отрывались громадные камни, которые и скатывались въ долину рѣки Бланшъ. Ночью раскаленная поверхность этой иглы свѣтилась, и можно было замѣтить, какъ въ ней

образовались трещины. Игла росла не постепенно, а скачками, и часто поднятіе смѣнялось рѣзкимъ уменьшеніемъ высоты, которое происходило благодаря тому, что верхушка ея обрушивалась. Послѣдній изъ такихъ обваловъ значительно понизилъ указанную выше высоту иглы (476 метр.). Сначала поднятіе иглы шло вертикально, но затѣмъ стало наклоннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣзъ иглы (въ горизонтальномъ направленіи), въ началѣ многогранный, позже принялъ цилиндрическую форму.

Лакруа объясняетъ образованіе этой иглы выпячиваніемъ изъ глубокой трещины въ нижней части бывшаго вулкана массы андезита, которая сверху уже отвердѣла, но внутри была еще полужидкой и вязкой, благодаря чему въ ней и происходили изверженія газовъ въ видѣ „раскаленныхъ облаковъ“, сопровождавшіяся обвалами; происходившее затѣмъ новое выпячиваніе андезитовой массы снова возносило иглу выше.

Вопросъ о происхожденіи вулкановъ и о механизмѣ вулканическихъ явленій давно уже занималъ умы ученыхъ. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ гипотезахъ древности и средневѣковья, теперь обратимся къ новѣйшему времени—къ XIX-му вѣку.

Леопольдъ фонъ-Бухъ и Александръ Гумбольдтъ держались того мнѣнія, что земная кора мѣстами вспучивается подъ давленіемъ газовъ и раскаленныхъ массъ, поднимающихся извнутри земли. По этому воззрѣнію, вулканы (и вообще всѣ горы) представляли собою не что иное, какъ гигантскіе пузыри, вздувшіяся части земной коры. При лопаніи такого пузыря являлся кратеръ, такъ называемый „кратеръ поднятія“; въ этомъ кратерѣ, вслѣдствіе накопленія продуктовъ изверженія, могъ образоваться „конусъ изверженія“. Напримѣръ, существовавшій прежде въ видѣ замкнутаго кольца наружный валъ Везувія, отъ котораго теперь остался лишь обломокъ—*Монте-Сомма*, принимался за кратеръ поднятія.

Въ пользу этой теоріи поднятія говорили, повидимому, наблюденія очевидцевъ. Въ этомъ отношеніи большую роль сыграли *Монте-Нуово* возлѣ Неаполя, возникшій въ 1538 году, и *Іорулло* въ Мексикѣ, появившійся среди покрытой растительностью равнины въ 1758 году. Въ обоихъ случаяхъ очевидцы описывали какія-то пузыреобразныя вздутія земной коры. Но послѣдующія изслѣдованія обнаружили ошибочность этихъ наблюденій. Мы теперь знаемъ, что вулканическій конусъ, а также кратеръ поднятія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, состоятъ исключительно изъ насыпаннаго вулканическаго матеріала: изъ лавы, шлаковъ, бомбъ, лапилли, песку и пепла, при чемъ они нерѣдко оказываются спаянными въ рыхлую массу—вулканичс-

скій туфъ. Но образованіе иглы горы Пеле, показываетъ, что иногда во время вулканическихъ изверженій происходятъ поднятія изъ нѣдръ довольно значительныхъ вулканическихъ массъ и что, слѣдовательно, въ теоріи „вспучиванія“ есть нѣкоторое зерно истины.

Кромѣ того, въ природѣ происходятъ и несомнѣнныя „вспучиванія земной коры“; это — такъ называемые „лакколиты“. Лакколиты произошли отъ внѣдренія поднявшейся снизу магмы между двумя пластами, вслѣдствіе чего верхніе пласты приподнялись и образовали куполообразное вспучиваніе. Впервые лакколиты были изучены американскимъ геологомъ Джильбертомъ въ горахъ плоскорья Ута; толщина этихъ образованій достигаетъ здѣсь до 1000 метровъ, а ихъ діаметръ колеблется отъ 3 до 6 километровъ.

Если въ настоящее время среди ученыхъ почти нѣтъ разногласій относительно образованія вулканическихъ конусовъ, то о причинахъ самихъ вулканическихъ явленій идутъ еще большіе споры.

Большинство современныхъ вулканическихъ теорій покоится на гипотезѣ, что внутри земли находится раскаленная магма, которая и доставляетъ матеріалъ для вулканическихъ изверженій. Разногласіе между учеными касается только слѣдующихъ пунктовъ. Во-первыхъ— внутренности земли. Нѣкоторые изъ ученыхъ, предполагаютъ, что подъ *литосферой*—твердой земной корой въ 60—70 километровъ толщиной—находится *пиросфера*—слой жидкой расплавленной магмы въ 250—350 километровъ, а подъ нимъ—*барисфера*—металлическое, главнымъ образомъ, желѣзное ядро въ „особомъ газовомъ состояніи“.

Другіе ученые, принимая эту гипотезу, не могутъ согласиться съ тѣмъ, что барисфера находится въ „особомъ газовомъ состояніи“, а предполагаютъ „особое твердое состояніе“. Но въ концѣ концовъ это разногласіе носитъ словесный характеръ: „особое газовое“ состояніе такъ же мало говоритъ и нашему уму и нашему воображенію, какъ и „особое твердое“ состояніе. Проще сознаться, что о физическомъ состояніи ядра земли наука не даетъ еще точнаго представленія. Она въ правѣ утверждать только, что это „ядро“ должно обладать высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ (около 6) и колоссальной упругостью, превышающей упругость стали. Такимъ образомъ мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ предположить, что ядро земли состоитъ изъ тяжелыхъ металловъ, и главнымъ образомъ—желѣза.

Гораздо серьезнѣе разногласія относительно толщины земной коры. Одни оцѣниваютъ эту толщину въ 60 — 70 километровъ, и тогда вполнѣ возможно предположить, что подъ корой находится „пиросфера“,— расплавленный слой магмы, на которой плаваетъ земная кора. Другіе не могутъ согласиться съ такой низкой оцѣнкой толщины земной коры, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, земля относится къ

протяженію ея солнцемъ и луной, какъ твердое, а не какъ жидкое тѣло, и потому, толщина земной коры не можетъ быть меньше 1500 километровъ. Слѣдовательно, по данной теоріи, расплавленная магма могла бы находиться только ниже этой глубины. Но въ такомъ случаѣ совершенно невѣроятно, чтобы жидкія массы могли подняться изъ такой глубины до поверхности земли, не переходя при этомъ въ твердое состояніе. Остается поэтому допустить, что вулканическій очагъ помѣщается въ самой твердой корѣ, т.-е, допустить наличность „периферическихъ очаговъ магмы". Но какъ же объяснить въ такомъ случаѣ вторичный переходъ въ жидкое состояніе уже затвердѣвшихъ массъ?

Рейеръ, Чермакъ и другіе слѣдующимъ образомъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ. Извѣстно, что расплавленные металлы и многія горныя породы, напр., лава, поглощаютъ большія количества газовъ и снова выдѣляютъ ихъ при переходѣ въ твердое состояніе. То же самое явленіе могло имѣть мѣсто и на нашей планетѣ, когда она представляла собою еще жидкій шаръ. При наступившемъ затѣмъ охлажденіи внутреннихъ частей выдѣленія газовъ не произошло вслѣдствіе громаднаго давленія, подъ которымъ онѣ находились. Но если, благодаря какой-нибудь трещинѣ, идущей въ глубинѣ, давленіе въ этомъ мѣстѣ уменьшается, то массы снова приходятъ въ жидкое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляютъ изъ себя газы и пары. Тогда жидкій матеріалъ поднимается къ верху частью подъ давленіемъ земной коры, частью подъ давленіемъ паровъ. Вода, проникающая внутрь съ поверхности земли, тоже играетъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, существенную роль и вызываетъ сильнѣйшіе взрывы.

Одной изъ самыхъ распространенныхъ современныхъ теорій вулканизма, принимающихъ наличность такихъ „периферическихъ очаговъ магмы", находящихся въ земной корѣ, является теорія *Альфонса Штюбеля*.

Штюбель предполагаетъ, что, одновременно съ образованіемъ земной коры, изъ нѣдръ земли выступали на поверхность этой коры массы расплавленной магмы, которыя разливались по корѣ и въ концѣ концовъ покрыли ее плотнымъ „*панцырнымъ покровомъ*", толщина котораго послѣ ряда такихъ послѣдовательныхъ изверженій магмы достигла, по мнѣнію Штюбеля, въ концѣ концовъ 50 километровъ.

Это поднятіе кверху расправленной магмы Штюбель объясняетъ ея гипотетическимъ свойствомъ—*увеличиваться въ объемѣ* въ опредѣленный моментъ охлажденія, при опредѣленной температурѣ. Такимъ образомъ, по предположенію Штюбеля, магма владѣетъ такимъ же свой-

ствомъ, какъ вода (ледъ легче воды) и нѣкоторыя другія тѣла, являющіяся исключеніемъ изъ общаго правила: „тѣло при охлажденіи уменьшается въ объемѣ“.

Параллельно съ образованіемъ „панцырнаго покрова“ шло постепенное охладѣваніе земного шара и утолщеніе всей земной коры. Толщину ея въ настоящее время Штюбель оцѣниваетъ не менѣе, какъ въ 2.000 километровъ. Изверженія жидкой магмы, поэтому, все рѣже достигали поверхности земной коры и все чаще застрѣвали на пути въ различныхъ пунктахъ земной коры и „панцырнаго покрова“, гдѣ и образовали скопленія расплавленной магмы, которымъ Штюбель и далъ названіе *периферическихъ очаговъ*. Изъ этихъ очаговъ вулканы получаютъ свою лаву.

Итакъ, Штюбель допускаетъ, что во время охлажденія огненно-жидкой магмы наступаетъ періодъ увеличенія объема и колоссальное развитіе энергіи, что и вызываетъ поднятіе кверху расплавленной магмы. Къ этому мощному молекулярному вліянію присоединяется еще другой факторъ—огромное содержаніе газовъ въ расплавленномъ веществѣ. Всякій разъ, когда, вслѣдствіе постепеннаго просверливанія выхода, въ земной корѣ наступаетъ уменьшеніе давленія на глубинную магму, происходитъ настоящее вскипаніе ея, несмотря на ея высокій удѣльный вѣсъ, потому что она, какъ это можно доказать и для ея твердаго состоянія, сплошь пропитана газами. Вслѣдъ за такимъ внезапнымъ вскипаніемъ магмы происходитъ столь же внезапное сокращеніе объема, какъ скоро отдана часть газовъ.

Эти основныя положенія теоріи Штюбеля вызываютъ и цѣлый рядъ дальнѣйшихъ предположеній. Такъ, по его мнѣнію, первое пробужденіе „периферическаго очага“, повидимому, всегда связано съ наиболѣе разрушительными проявленіями, всѣ позднѣйшія дѣйствія того же очага по силѣ остаются далеко позади. Множество периферическихъ очаговъ навсегда истощили свою силу послѣ одного изверженія. Отсюда безчисленное множество погасшихъ вулкановъ всевозможныхъ размѣровъ. У другихъ вулканическихъ горъ послѣ „первичнаго истощенія“, наступала очень длинная пауза, но затѣмъ, во время второго изверженія, образовывался легко проходимый путь сообщенія, какъ бы въ видѣ шахты, „благодаря которой даже самые незначительные процессы въ очагѣ обнаруживались и на земной поверхности“. Какъ доказательство двукратнаго главнаго дѣйствія многихъ очаговъ, Штюбель приводитъ образованіе „двойныхъ горъ“ типа Сомма-Везувій, которое повторяется, по его мнѣнію, съ удивительнымъ постоянствомъ во всѣхъ вулканическихъ областяхъ.

Наконецъ, третье разногласіе ученыхъ въ области вулканическихъ явленій касается роли воды.

Гей-Люссакъ и *Александръ Брогиньяръ*, еще до установленія теоріи о существованіи внутри земли расплавленной магмы, объясняли вулканическія явленія дѣйствіемъ воды на различныя вещества, находящіяся внутри земли.

Такъ, Брогиньяръ предполагалъ, что морская вода при помощи различныхъ трещинъ въ земной корѣ проникаетъ до тѣхъ глубинъ земли, гдѣ залегаютъ металлы и хлористыя и сѣрнистыя соединенія ихъ, жадно соединяющіяся съ кислородомъ. При этихъ химическихъ реакціяхъ выдѣляется такое количество тепла, которое достаточно и для того, чтобы расплавить горныя породы, и для того, чтобы, при помощи выдѣляющихся при этомъ газовъ, приподнять верхніе пласты земли и прорвать въ нихъ проходы, по которымъ расплавленныя массы могутъ быть выброшены на поверхность земли.

Затѣмъ, когда появилась теорія о расплавленной магмѣ, находящейся подъ земной корой, стали приписывать водѣ другую, но столь же взрывчатую роль. Стали предполагать, что подъ земной корой происходитъ какъ бы ожесточенная борьба между высокой температурой расплавленной магмы и проникнувшей туда водой. Внезапное развитіе паровъ вызываетъ взрывы, подобные взрывамъ въ перегрѣтомъ котлѣ. Такимъ образомъ, якобы, объясняются какъ вулканическія изверженія, такъ и землетрясенія.

Защитники этой теоріи указывали, между прочимъ, и на то, что, якобы, всѣ дѣятельные вулканы расположены на морскомъ берегу, а иногда даже и среди моря.

Эта теорія уже оставлена большинствомъ современныхъ геологовъ, но она все же встрѣчаетъ иногда защитниковъ среди современныхъ химиковъ.

Такова теорія вулканизма, развиваемая знаменитымъ шведскимъ химикомъ *Арреніусомъ*.

Исходя изъ своихъ воззрѣній на строеніе земного шара, Арреніусъ ищетъ очаговъ вулканическихъ явленій не въ земной корѣ, а въ поясѣ огненно-жидкой магмы. Онъ дѣлаетъ слѣдующій расчетъ. Если температура возрастаетъ на 30° Ц. на каждый километръ, то на глубинѣ 40 км. долженъ господствовать такой жаръ, при которомъ плавятся всѣ обыкновенныя горныя породы. Конечно, съ увеличеніемъ давленія поднимается и точка плавленія, но значеніе этого обстоятельства сильно преувеличиваютъ, если считаютъ, что въ силу этого внутренность земного шара можетъ быть твердой. Точка плавленія, какъ это показалъ прямыми опытами *Таммань*, поднимается только до извѣстнаго давленія, а далѣе, при дальнѣйшемъ увеличеніи да-

вленія, она понижается. Вслѣдствіе этого вышеуказанную толщину земной коры надо увеличить. Если допустить, что для другихъ горныхъ породъ такъ же, какъ для діабаза (опыты *Баруса*), точка плавленія поднимается на 1° Ц. при увеличеніи давленія на 40 атмосферъ (что соотвѣтствуетъ опусканію въ земной корѣ на 155 м.), то окажется, что твердая земная кора *не можетъ быть толще 50—60 км.* На большей глубинѣ, слѣдовательно, начинается уже расплавленная масса. Въ верхнихъ слояхъ этой жидкой расплавленной массы-*магмы*—собирается, вслѣдствіе своей большей легкости, кремневая кислота, тогда какъ содержавшія бо̀льшее количество окиси желѣза, такъ называемыя *основныя* части магмы, концентрируются, вслѣдствіе своей тяжести, преимущественно въ болѣе глубокихъ слояхъ. По трещинамъ, находящимся въ морскомъ днѣ, вода проникаетъ въ глубину. Когда она достигаетъ пластовъ съ температурой 365° Ц. („критическая температура“ воды), то уже не можетъ оставаться въ жидкомъ состояніи. Но это не мѣшаетъ ей, хотя уже въ видѣ пара, проникать еще далѣе въ глубину. Какъ только паръ достигаетъ расплавленной магмы, послѣдняя поглощаетъ его въ значительномъ количествѣ. Объемъ магмы при этомъ увеличивается, она становится болѣе жидкой и поднимается по вулканической „трубѣ“; когда эти массы, содержащія въ себѣ воду, достигаютъ среды съ меньшимъ давленіемъ, близкимъ къ нашему атмосферному, то происходитъ выдѣленіе воды и, слѣдовательно, взрывы паровъ. Этотъ процессъ идетъ чрезвычайно бурно, и водяные пары уносятъ вверхъ капли и даже болѣе значительныя массы лавы, которыя и падаютъ потомъ на склоны вулкана въ видѣ пепла и лапилли. Если лава стоитъ въ кратерѣ вулкана относительно спокойно, какъ, напр., въ кратерномъ озерѣ *Килауза*, то это указываетъ, что вода выдѣляется изъ нея медленнѣе; вслѣдствіе долгаго соприкосновенія верхнихъ слоевъ лавы съ воздухомъ, въ ней остается сравнительно мало воды; лава, такъ сказать, вывѣтривается, и потоки ея при застываніи образуютъ гладкую поверхность. Когда вслѣдъ за этимъ послѣдуетъ охлажденіе, то наступаетъ снова покой. Если труба очень широка, то сильныхъ взрывовъ не происходитъ только съ трескомъ вылетаютъ на поверхность вырывающіеся пары и медленно изливается лава.

Аррениусъ пытался свести и процессы движенія магмы къ тѣмъ же основнымъ причинамъ, сравнивая при этомъ дѣятельность вулкановъ съ гейзерами. Различныя химическія измѣненія внутри магмы онъ объясняетъ тѣмъ, что вода при температурѣ въ 300° Ц. дѣйствуетъ, какъ крѣпкая кислота, которая можетъ выдѣлить кремневую кислоту изъ магмы; при пониженіи же температуры процессъ идетъ въ обратномъ порядкѣ. Различной смѣной такихъ химическихъ процес-

совъ можно объяснить, по мнѣнію Арреніуса, и различіе въ химическомъ составѣ лавъ, напр., различное содержаніе кремневой кислоты въ лавѣ, происходящей изъ одного и того же вулкана.

Теорія Арреніуса является лебединой пѣснью „водныхъ“ теорій вулканизма. Несмотря на все ея изящество и остроуміе, ее приходится отвергнуть, какъ не соотвѣтствующую фактамъ и наблюденіямъ, накопившимся уже въ геологіи.

Эта теорія связана, во-первыхъ, съ апріорнымъ предположеніемъ, что вулканы расположены вдоль морскихъ береговъ, во-вторыхъ—съ гипотезой о магматическомъ происхожденіи паровъ воды, сопровождающихъ вулканическія изверженія.

Какъ мы увидимъ ниже, первое утвержденіе окончательно разбито всей совокупностью имѣющихся уже въ нашемъ распоряженіи фактовъ,—послѣдняя же гипотеза сильно расшатана новѣйшими опытами и наблюденіями.

Въ теченіе долгаго времени непреложнымъ фактомъ считалось, что вулканы всегда расположены по сосѣдству съ морскимъ берегомъ. Это неправильное утвержденіе и было положено въ основу тѣхъ теорій вулканизма, которыя еще недавно принимались почти всѣми. Но новѣйшія изслѣдованія внесли столько исключеній въ это, казалось, общее правило, что пришлось оставить и самыя теоріи.

Болѣе точныя географическія данныя указываютъ, напр., что большинство большихъ вулкановъ Южной Америки находится отъ берега на разстояніи 150—250 кил.; шлаковые конусы Аризоны—болѣе чѣмъ на 500 кил. Вообще близость къ морю многихъ вулкановъ—только кажущаяся, обусловленная незначительнымъ масштабомъ географическихъ картъ.

Когда теорію о связи вулкановъ съ морскимъ берегомъ пришлось оставить, то многіе геологи начали отмѣчать тѣсную связь между вулканическими явленіями и присутствіемъ вертикальныхъ изломовъ, прорѣзывающихъ верхніе пласты земной коры. По мнѣнію этихъ ученыхъ, жидкая вулканическая магма могла излиться наружу только черезъ существовавшіе уже изломы. Этому нѣсколько прямолинейному утвержденію другіе ученые справедливо противопоставляли существованіе некковъ Шотландіи, маленькихъ вулкановъ Швабіи и капскихъ брилліантовыхъ копей (вулканическія „трубки“ копей Кимберлея), мѣстоположеніе которыхъ не совпадаетъ съ линіями разлома земной коры, а, наоборотъ, указываетъ, что вулканическіе продукты сами проложили здѣсь себѣ дорогу черезъ земную кору. Указывали также, что многіе центры изверженій находятся на довольно большихъ разстояніяхъ отъ этихъ линій разрыва.

Но эти, хотя и безспорные, факты не могутъ служить основаніемъ

для того, чтобы перегибать палку въ другую сторону и утверждать, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые геологи, что вулканическія явленія совершенно не зависятъ отъ явленій разрыва и перемѣщенія участковъ земной коры.

Тѣсная связь между многими вулканами и разрывами и перемѣщеніями земной коры въ настоящее время безспорна.

Иногда выходныя отверстія вулкановъ расположены вдоль самыхъ трещинъ, иногда внѣ ихъ, но все же въ площадяхъ опусканія, въ тѣхъ „рвахъ", которые ограничиваютъ линіи разрыва.

Наиболѣе часто вулканы расположены вдоль продольныхъ трещинъ. Такъ, въ Европѣ дуга, образованная островами — Эгина, Милосъ, Санторинъ и Низиросъ, параллельна линіямъ складчатости Архипелага. Подобное же расположеніе наблюдается вдоль Кордильеръ, Андовъ, а также и въ Сѣверной Америкѣ, въ обширныхъ „столовыхъ" областяхъ, находящихся между Сіерра-Невадой и Скалистыми горами. Здѣсь, вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ общимъ опусканіемъ всей широкой полосы между двумя складчатыми зонами разныхъ геологическихъ эпохъ.

Мы знаемъ, что азіатскій материкъ окаймленъ на югѣ и востокѣ рядомъ цѣпей, имѣющихъ форму дугъ, расположенныхъ одна около другой въ видѣ фестоновъ; на востокѣ всѣ эти гирлянды горъ являются ареной вулканическихъ явленій; вулканы здѣсь также расположены дугообразно, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ данномъ мѣстѣ трещины параллельны линіямъ складчатости.

Дуги Малайская, Филиппинская, Японская, Курильская, Алеутская являются областями, гдѣ находится наибольшее число вулкановъ, какъ потухшихъ, такъ и дѣйствующихъ. Моллукскіе острова, Новая-Гвинея, острова Соломоновы, Ново-Гебридскіе, Новая-Зеландія — являются также болѣе или менѣе активными вулканическими центрами. Наконецъ и въ антарктическихъ земляхъ находятся вулканы Эребусъ и Терроръ.

Вокругъ Тихаго океана расположенъ также вѣнокъ недавняго происхожденія; это — такъ называемое „огненное кольцо" Тихаго океана. Этотъ вулканическій поясъ чрезвычайно извилистъ, въ особенности, если принять во вниманіе соединеніе вулканическихъ зонъ обѣихъ Америкъ при посредствѣ дуги Антильскихъ острововъ и если сблизить Анды съ антарктическими землями посредствомъ дуги, аналогичной Антильскимъ островамъ.

Вообще для всего побережья Тихаго океана не можетъ быть сомнѣнія, что вулканы недавняго происхожденія идутъ по линіямъ складчатости, происходившей въ концѣ третичнаго періода.

Съ другой стороны, современная геологія учитъ, что зоны склад-

чатости опредѣленной геологической эпохи часто огибаютъ древніе континенты, которые являются площадями поднятія, образованными складками *предыдущей* геологической эпохи. Такимъ образомъ древніе массивы, остатки болѣе древней арморикапско-варискійской цѣпи, окаймлены съ юга альпійскими складками.

Во время долгой исторіи земли эти древнія площади поднятій часто обрушивались послѣ образованія болѣе молодыхъ, позднѣйшихъ складокъ, и такое полное или частичное обрушиваніе сопровождалось вулканическими изверженіями, происходившими по линіи, раздѣляющей двѣ зоны складчатости двухъ различныхъ геологическихъ эпохъ. Такъ, напр., при образованіи альпійской складчатости, огибаемые ею арморикапско-варискійскіе массивы-континенты опускались, и на внутреннемъ, вогнутомъ краю извилинъ этой альпійской зоны образовались группы вулкановъ.

Въ западной части Средиземнаго моря третичная складчатость мароккскаго Рифа и Бетическихъ Кордильеръ образовалась вокругъ еще болѣе древняго континента, который вскорѣ, въ большей своей части, обрушился и былъ затопленъ океаномъ, такъ что на мѣстѣ этого массива-континента въ настоящее время находятся морскія глубины отъ 1500 м. (у Малаги) до 2000 м. (у Орана). Вокругъ обрушившейся площади и образовались вулканы мыса Гата—на андалузскомъ берегу и вулканы Тиффаруинъ и Деллисъ—на алжирскомъ берегу. Эти вулканы, нынѣ потухшіе, во время третичнаго періода находились въ расцвѣтѣ своей дѣятельности.

Далѣе къ востоку „Тирренида“ образовала древній континентъ, окруженный Апеннинами и о. Сицилiей — складчатостью недавняго происхожденія. Затѣмъ на мѣстѣ обрушившейся Тирреніды появились глубокія пропасти нынѣшняго Тирренскаго моря. На его периферіи вулканы Лаціума, Неаполитанской области и Эолійскихъ острововъ образуютъ нынѣ знаменитое кольцо вулканическихъ изверженій. Отъ древней Тирреніды теперь осталась только Калабрія, совершенно также, какъ отъ древняго массива западной части Средиземнаго моря остались только—цѣпь Трарасъ, Сахель-Оранъ, Сахель-Алжиръ, Большой Кабилъ и Эдухъ-де-Бонъ—„ядро“ бетической цѣпи.

Дуга Карпатовъ также расположена вокругъ древняго „мола“ арморикано-варискійской цѣпи. Какъ и Тирренида, этотъ древній „молъ“ тоже обрушился, но осадки третичнаго моря и отложенія Дуная заполнили образовавшуюся площадь опусканія. И мы видимъ, что внутренній край Карпатовъ также богатъ вулканами, какъ и упомянутыя выше области.

Внѣ Европы, Антильское море можно уподобить западной части Средиземнаго моря. Большіе Антильскіе острова и Венецуэла соот-

вѣтствуютъ бетической цѣпи и Рифу; Антильскій материкъ также обрушился, и вулканы Малыхъ Антильскихъ острововъ отмѣчаютъ его прежнія границы.

Кромѣ этихъ линій вулкановъ, связь которыхъ съ зонами складчатости вполнѣ очевидна, существуютъ другія, которыя, вѣроятно, соотвѣтствуютъ тѣмъ большимъ трещинамъ, по которымъ происходили разломы материковыхъ площадей *вторичной эры*.

Послѣ того, какъ геологическія изслѣдованія послѣднихъ 20 лѣтъ установили всѣ эти факты, стало уже невозможно отрицать очевидную связь между расположеніемъ вулкановъ и растрескиваніемъ и осѣданіемъ отдѣльныхъ участковъ земной коры; съ другой стороны стало ясно, почему вулканическія явленія столь часто связаны съ морскими берегами: многіе теперешніе берега соотвѣтствуютъ большимъ трещинамъ земной коры или параллельны цѣпямъ горъ, которыя окаймляли когда-то древніе континенты, впослѣдствіе опустившіеся и затопленные моремъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о причинахъ, обусловившихъ современное географическое распредѣленіе вулкановъ, можетъ считаться почти окончательно рѣшеннымъ.

Но откуда взялись самые продукты изверженія и благодаря какимъ условіямъ они поднимаются изъ нѣдръ земли и извергаются на ея поверхность?

Въ дальнѣйшемъ мы и попытаемся дать посильный отвѣтъ на эти вопросы.

Въ настоящее время все болѣе и болѣе устанавливается тѣсная связь, существующая между вулканическими лавами и такъ-называемыми „глубинными породами“, которыя образовались въ глубинахъ земли и выступаютъ на данную поверхность лишь благодаря вывѣтриванію и смыву покрывающихъ ихъ пластовъ.

Многочисленные анализы показали, что и лавы и глубинныя породы въ общемъ состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же минераловъ.

Эти породы отличаются другъ отъ друга лишь строеніемъ; химическій же составъ ихъ часто такъ близокъ, что необходимо признать общность ихъ происхожденія. Поэтому весьма правдоподобнымъ является предположеніе, что вулканическія породы произошли благодаря плавленію глубинныхъ породъ. Сходство лавъ различныхъ изверженій въ одной и той же мѣстности объясняется такимъ образомъ легко: оно обязано общности происхожденія, постоянству состава тѣхъ гранитовидныхъ матеріаловъ, которые въ данномъ пунктѣ земного шара послѣдовательно, въ различное время, были приводимы въ расплавленное состояніе.

Гранитъ плавится около 1200° Ц. Если принять максимальную величину геотермическаго градуса въ 33 м., то ясно, что эта температура, 1200°, будетъ достигнута въ земной корѣ уже на глубинѣ въ 40—60 километровъ, и что гранитъ на этой глубинѣ долженъ находиться въ расплавленномъ состояніи.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ почти общее признаніе получило ученіе о такъ-называемыхъ „геосинклиналяхъ"—вогнутыхъ, глубокихъ складкахъ земной коры, окаймляющихъ или окаймлявшихъ континенты; въ геосинклиналяхъ скопляются громадныя толщи морскихъ осадковъ. Дно такихъ геосинклиналей, какъ показываютъ современныя геологическія изысканія, то опускается, то поднимается и освобождается тогда отъ заливавшаго ихъ ранѣе моря. Постепенное опусканіе дна геосинклиналей должно поэтому обязательно вести къ плавленію горныхъ породъ и къ вулканическимъ явленіямъ.

Кромѣ того, болѣе быстрое опусканіе нужно предположить во время образованія большихъ трещинъ земной коры и въ происходившихъ вслѣдствіе этого осѣданій большихъ участковъ земной коры. При этомъ самые разнообразные пласты горныхъ породъ могли быть внезапно погружены въ такія зоны земной коры, гдѣ они немедленно расплавлялись.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ двумъ явленіямъ—углубленію геосинклиналей и осѣданію участковъ земной коры вдоль трещинъ,—жидкая магма, находящаяся подъ земной корой или въ „периферическихъ очагахъ" Штюбеля, постоянно возобновляется, такъ какъ расплавленію подвергаются все новые участки земной коры. Этимъ же могутъ быть объяснены мѣстныя измѣненія въ химическомъ составѣ продуктовъ изверженія: въ различные періоды такому плавленію подвергаются относительно различныя горныя породы, что и вноситъ значительныя измѣненія въ химическій составъ извергающейся затѣмъ магмы.

Происхожденіе паровъ и газовъ, выбрасываемыхъ въ громадномъ количествѣ вулканами во время изверженій и выдѣляемыхъ, хотя и въ гораздо меньшихъ количествахъ, даже во время ихъ покоя, приписывалось различнымъ причинамъ: проникновенію поверхностныхъ водъ къ очагамъ расплавленной лавы, плавленію породъ въ глубинѣ, наконецъ, эманаціямъ, непосредственно вырывающимся изъ магмы вулканическихъ очаговъ.

Разсмотримъ всѣ эти три гипотезы.

Долгое время преобладала теорія поверхностнаго происхожденія и воды и газовъ, выбрасываемыхъ вулканами. Предполагали, какъ мы уже знаемъ, что черезъ трещины, расположенныя вдоль бере-

говъ, морская вода просачивается въ глубины земного шара и тамъ приходитъ въ соприкосновеніе съ расплавленными магмами. Вода тотчасъ же превращается въ паръ, и ея расширеніе вызываетъ взрывы и поднятіе лавы. Такимъ же образомъ объясняется и самый процессъ изверженія и выбрасываніе громадныхъ количествъ воды и сопровождающихъ ихъ хлористыхъ соединеній.

Противъ этой теоріи возражали, что для вулкановъ, находящихся внутри материковъ, ей приходится допустить существованіе соединительныхъ трещинъ въ нѣсколько сотъ километровъ длиною. Съ другой стороны, для того, чтобы прійти въ соприкосновеніе съ глубокими резервуарами лавы, просачивающаяся вода должна была бы побѣдить громадное давленіе и, кромѣ того, уже въ началѣ своего пути подвергнуться достаточно высокой температурѣ—превратиться въ паръ, а слѣдовательно выдѣлить содержавшіяся въ ней въ растворѣ соли, еще не достигнувъ очаговъ лавы.

Также противорѣчитъ этой теоріи ритмическій характеръ вулканическихъ взрывовъ, который плохо согласуется съ гипотезой медленнаго просачиванія воды.

Всѣ эти возраженія имѣютъ ту же силу и по отношенію къ гипотезѣ проникновенія въ очаги раскаленной магмы не морскихъ, а материковыхъ водъ.

Поэтому гораздо болѣе вѣроятной нужно считать теорію, которая предполагаетъ, что вода, находящаяся въ связанномъ состояніи во многихъ минералахъ горныхъ породъ, освобождается и выдѣляется, когда эти породы опускаются въ глубины земли и начинаютъ плавиться.

Извѣстный французскій химикъ *Арманъ Готье* поставилъ цѣлый рядъ опытовъ, которые даютъ сильную опору этой теоріи.

Готье заключалъ различныя горныя породы въ порошкообразномъ видѣ и предварительно высушенныя при 200—250° Ц. въ особые приборы, изъ которыхъ былъ выкачанъ воздухъ. Когда эти приборы съ находившимися въ нихъ горными породами подвергались дѣйствію высокихъ температуръ, близкихъ къ температурѣ краснаго каленія, то изъ нихъ выдѣлялись газы.

Объемы выдѣлявшихся водяныхъ паровъ и газовъ измѣрялись. Оказалось, что одинъ килограммъ гранита выдѣляетъ при этомъ 10 граммовъ воды и объемъ газовъ въ 6 и 7 разъ большій объема породъ. Слѣдовательно 1 куб. метръ гранита, вѣсящій 2.664 кгр., даетъ 26.640 гр. воды, а 1 куб. километръ дастъ 26.640.000 тоннъ. Соотвѣтственное же количество порфира выдѣлитъ 56 милліоновъ тоннъ. Въ то же время образуется около 7 милліардовъ кубическихъ метровъ газа, вычисленнаго при 15°; при температурѣ же краснаго

каленія, при которой эти газы образовались, объемъ этотъ надо увеличить еще втрое.

Итакъ, по мнѣнію Готье, вода, извергающаяся въ видѣ паровъ изъ вулкановъ, произошла не изъ воды, просачивавшейся изъ моря или съ поверхности суши, но изъ воды, входящей въ самый составъ минераловъ горныхъ породъ.

А. Готье извлекъ такимъ же путемъ изъ гранита, кромѣ паровъ воды, еще и слѣдующіе газы: свободный водородъ (приблизительно 77%), углекислоту (15%), окись углерода (20%), метанъ (2%), азотъ и аргонъ (0,83%). Эти же газы были найдены и въ фумаролахъ Санторина и горы Пеле.

Другія массивныя кристаллическія породы, подвергавшіяся такому же накаливанію, выдѣляли въ общемъ тѣ же газы.

Можно, слѣдовательно, по мнѣнію Готье, утверждать, что горныя породы, подвергающіяся сильному нагрѣванію, вслѣдствіе ихъ опусканія въ глубокія нѣдра земли, выдѣляютъ воду и газы, совершенно тожественные съ газами, выдѣляющимися изъ вулкановъ, и при томъ въ количествѣ совершенно достаточномъ, чтобы объяснить громадныя массы воды, выбрасываемыя во время изверженій.

Такъ, большое изверженіе Этны 1865 г., продолжавшееся 200 дней, выбросило, по приблизительнымъ вычисленіямъ Фуке, болѣе 2-хъ милліоновъ тоннъ воды. Такъ какъ 1 куб. километръ гранита при температурѣ краснаго каленія даетъ около 27 милл. тоннъ воды, то, значитъ, расплавленія этого объема (1 куб. килом.) глубинныхъ породъ хватило бы съ излишкомъ для всего 200-дневнаго изверженія Этны въ 1865 г.

Для объясненія же образованія и выхода на поверхность горячихъ вулканическихъ источниковъ не нужно, по мнѣнію сторонниковъ данной теоріи, прибѣгать къ внезапнымъ обрушиваніямъ и опусканію геосинклиналей; достаточно предположить лишь медленное выдѣленіе воды и газовъ изъ горныхъ кристаллическихъ породъ данной области вслѣдствіе жара лежащихъ подъ ними расплавленныхъ массъ.

Газы, выдѣляемые при накаливаніи докрасна вулканическихъ породъ, конечно, не заключены въ послѣднихъ, такъ сказать, въ готовомъ видѣ; они образуются благодаря различнымъ химическимъ реакціямъ, происходящимъ при этомъ и подробно изученнымъ Арм. Готье. Эти реакціи даютъ подробное представленіе о томъ, какимъ образомъ въ нѣдрахъ земли происходитъ образованіе свободныхъ водорода, углекислоты, окиси углерода (CO), азота и другихъ газовъ, выдѣляющихся при вулканическихъ изверженіяхъ.

Но ни одна изъ этихъ реакцій не объясняетъ намъ присутствія въ вулканическихъ изверженіяхъ *хлористыхъ соединеній* металловъ и

щелочей. Арманъ Готье и Зюссъ объясняютъ появленіе этихъ веществъ въ изверженіяхъ присутствіемъ ихъ въ самой магмѣ раскаленнаго ядра земного шара. Вполнѣ возможно, что не одни только хлористыя соединенія являются продуктами эманацій этого ядра.

Въ теоріи Армана Готье многіе пункты требуютъ еще дальнѣйшихъ доказательствъ, напр., хотя бы его основное утвержденіе, что лавы образуются путемъ расплавленія такихъ первичныхъ массивныхъ кристаллическихъ породъ, каковы граниты и порфиры. При опусканіи геосинклиналей и при образованіи трещинъ въ континентахъ и осѣданіи ихъ книзу, въ область съ высокой температурой должны попадать не только массивныя кристаллическія, но и осадочныя горныя породы.

Но во всякомъ случаѣ опыты Готье съ несомнѣнностью показываютъ, что присутствіе между продуктами вулканическихъ изверженій различныхъ газовъ можетъ быть объяснено непосредственнымъ образованіемъ этихъ газовъ во время плавленія тѣхъ породъ, изъ которыхъ затѣмъ получается вулканическая магма. При такой теоріи становится излишнимъ предположеніе, что эти газы и пары поступаютъ въ магму извнѣ.

Новѣйшія (1905—1910 г.) работы женевца *Альберта Брэна* (A. Brun) во многомъ подтверждаютъ теорію А. Готье, но во многомъ и противорѣчатъ ей. Такъ, Брэнъ приходитъ къ тому же выводу, что всѣ вулканическія явленія, такъ сказать, уже обусловлены свойствами самой магмы; но въ то время, какъ Готье основывается въ своихъ изслѣдованіяхъ на опытахъ съ глубинными породами, Брэнъ обращается непосредственно къ самимъ лавамъ. И это влечетъ, конечно, къ большимъ разногласіямъ между ними.

Брэнъ подвергалъ дѣйствію высокихъ температуръ, до 1.100°, лавы и обсидіаны изъ различнѣйшихъ вулканическихъ областей. Явленія, происходившія при этомъ, были всегда одни и тѣ же.

Сначала, приблизительно около 900°, кусокъ лавы начиналъ испускать бѣлыя струйки дыма, затѣмъ вдругъ, при температурахъ, нѣсколько колебавшихся у различныхъ лавъ, лава вспучивалась, на поверхности ея образовывались пузыри, которые, лопаясь, тоже испускали бѣлый дымъ. При дальнѣйшемъ нагрѣваніи, когда лава расплавлялась, она закипала, быстро поднималась кверху и переливалась черезъ край тигля, въ которомъ происходило плавленіе. При этомъ лавы, очень „кислыя“ и вязкія, достигали иногда въ 20 разъ большаго объема, чѣмъ объемъ взятаго куска твердой лавы. Послѣ охлажденія часть куска такой лавы оказывалась превращенной въ пористую пезму.

Одно плавленіе не исчерпывало всей взрывчатой силы, заключенной въ лавѣ. Такъ, напр., одинъ и тотъ же кусокъ лавы Везувія могъ подвергаться этой операціи плавленія пять разъ, и каждый разъ снова происходили тѣ же и той же силы взрывчатыя явленія. Это показываетъ, что, несмотря на внѣшнюю бурность явленія, газы, выдѣляющіеся изъ лавы, образуются въ ней не сразу, а довольно медленно и постепенно.

Брэнъ оцѣниваетъ взрывчатую силу этихъ выдѣляющихся газовъ въ 27.000 килограммовъ на квадратный сантиметръ. Нагрѣвая, напр., кусокъ обсидіана въ закрытыхъ стальныхъ трубкахъ, можно легко разорвать ихъ въ куски. Если брать болѣе широкія трубки и съ болѣе толстыми стѣнками, то все же онѣ даютъ трещины, и черезъ послѣднія начинаетъ выпячиваться кверху обсидіанъ, превращенный уже въ пемзу. Брэнъ сравниваетъ это явленіе съ образованіемъ „иглы“ въ горѣ Пеле.

Брэнъ подвергъ анализу газы, выдѣляющіеся такимъ образомъ изъ кусковъ различныхъ лавъ. Относительное количество ихъ подвержено нѣкоторымъ колебаніямъ, но газы выдѣляются всегда одни и тѣ же: это — хлоръ, хлористоводородный газъ, сѣрнистый газъ, углекислый газъ, окись углерода и слѣды нѣкоторыхъ другихъ газовъ. Кромѣ этихъ газовъ, расплавленная лава выдѣляетъ еще значительное количество паровъ нашатыря (NH_4Cl), а также нѣкоторыхъ другихъ солей, солей титана, кремнекислоты и сѣры, твердыхъ при обыкновенной температурѣ. Эти соли выдѣляются вначалѣ въ видѣ чрезвычайно тонко раздробленныхъ, мелкихъ частицъ, образующихъ бѣлые хлопья, которые по цѣлымъ часамъ могутъ плавать въ воздухѣ. При охлажденіи въ трубахъ прибора, они постепенно осѣдаютъ на болѣе холодныя части прибора. Брэнъ сравниваетъ эти хлопья съ дымомъ, выдѣляющимся при нѣкоторыхъ изверженіяхъ въ видѣ бѣлаго султана.

Это все вещества, выдѣляющіяся и при вулканическихъ изверженіяхъ. Они образуются, по мнѣнію Брэна, во время плавленія лавы, благодаря взаимодѣйствію находящихся въ лавѣ—кремнекислаго соединенія азота, углеводородовъ, силикатовъ, заключающихъ въ себѣ хлоръ, и желѣзосодержащихъ силикатовъ.

Взрывная сила, обнаруживающаяся при нѣкоторыхъ вулканическихъ явленіяхъ и обязана, по мнѣнію Брэна, газамъ, выдѣляющимся при плавленіи лавъ, главнымъ образомъ, — свободному хлору, а не парамъ воды, какъ то полагаютъ многіе ученые. Вода не можетъ играть здѣсь, по мнѣнію женевскаго геолога, никакой роли уже просто потому, что ея нѣтъ въ лавѣ, что паровъ ея, какъ мы видѣли выше, не выдѣляется при опытахъ плавленія лавы, не выдѣляется и при вулканическихъ взрывахъ.

Брэнъ утверждаетъ, что при всѣхъ своихъ многочисленныхъ наблюденіяхъ различныхъ вулкановъ онъ констатировалъ, что и извергающійся пепелъ и извергающіеся газы всегда *сухи,* если только они случайно не смѣшиваются съ атмосферными осадками и съ водой источниковъ и озеръ—или со снѣгомъ, часто находящимся въ кратерахъ и по склонамъ многихъ вулкановъ.

„Вулканъ не производитъ воды,—говоритъ Брэнъ.—Механизмъ изверженія очень сложенъ, но въ немъ не участвуетъ вода; газы, выдѣляемые магмой, стоятъ въ зависимости лишь отъ относительнаго богатства ея кремнекислыми соединеніями азота, силикатами, содержащими хлоръ, и углеводородами. Относительныя количества этихъ газовъ могутъ колебаться, но природа ихъ постоянна для всего земного шара".

Какъ видитъ читатель, Брэнъ хочетъ нанести послѣдній ударъ теоріи, объясняющей взрывныя явленія вулканическихъ изверженій дѣйствіемъ, главнымъ образомъ, паровъ воды. Послѣднее убѣжище этой теоріи было въ опытахъ Готье, доказывающихъ наличность воды въ самыхъ глубинныхъ породахъ, плавленіе которыхъ, по его мнѣнію, превращая ихъ въ лаву, и приводитъ къ выдѣленію паровъ и вулканическому взрыву. Брэнъ пытается лишить данную теорію и этого убѣжища. Правъ ли онъ—покажетъ ближайшее будущее.

Но во всякомъ случаѣ гипотеза, по которой взрывныя вулканическія явленія объяснялись проникновеніемъ въ очаги расплавленной магмы воды извнѣ, въ настоящее время уже совершенно разбита.

Медленное опусканіе дна геосинклиналей достаточно, какъ мы видѣли, для объясненія постояннаго возобновленія глубокихъ жидкихъ магмъ, а также мѣстныхъ измѣненій въ ихъ химическомъ составѣ. Этимъ же процессомъ можно объяснить медленное поднятіе газовъ, выдѣляющихся изъ постепенно накаливающихся породъ.

Но для объясненія *внезапнаго* выдѣленія паровъ и газовъ необходимо предположить внезапное опусканіе или обрушиваніе участковъ земной коры по линіямъ трещинъ. Такое внезапное опусканіе можетъ быть вызвано подземными взрывами. Благодаря подобнымъ же взрывамъ могли образоваться и такъ называемые „некки". Наполненіе этихъ и имъ подобныхъ вертикальныхъ продыравленій земной коры обязано вертикальному же выбрасыванію, вслѣдствіе расширенія газовъ, глубинной магмы и кусковъ горныхъ породъ, оторванныхъ взрывомъ газовъ отъ стѣнокъ подобныхъ проломовъ. Ясно, что разъ такой прорывъ земной коры произошелъ, то жидкія лавы подъ напоромъ газовъ поднимаются въ образовавшемся проходѣ и распространяются затѣмъ

по поверхности. Ясно, что для своего поднятія лава можетъ утилизировать также и ранѣе существовавшія трещины. Взрывъ газовъ очень хорошо объясняетъ и пароксизный характеръ изверженій съ ихъ рѣзкимъ выбрасываніемъ вулканическихъ продуктовъ, и поднятіе потоковъ лавы, совершенно опорожняющихъ кратеры, и ритмическое выхожденіе газовъ во время покоя вулкана черезъ его кратеръ или черезъ боковыя трещины, въ видѣ фумаролъ.

Взрывная сила газовъ объясняетъ вполнѣ изверженія типовъ Пеле, Везувія и Стромболи, сопровождаемыя частыми и чрезвычайно сильными взрывными явленіями. Но трудно ею объяснить изверженія гавайскаго типа, гдѣ лава спокойно вытекаетъ изъ трещинъ безъ сильныхъ взрывовъ газовъ. Для объясненія поднятія лавы въ этихъ случаяхъ приходится искать другой причины.

Уже въ 1836 г. *Джонъ Гершель* видѣлъ причину поднятія лавы въ томъ, что осѣдающія части земной коры давятъ на внутреннюю магму и простымъ „гидростатическимъ давленіемъ“ вызываютъ ея поднятіе. Затѣмъ *Эд. Зюссъ* развилъ эту теорію вулканизма, въ пользу которой говоритъ въ особенности то, что вулканы пріурочены почти исключительно къ областямъ поднятія, или, точнѣе, къ тѣмъ трещинамъ, по которымъ происходило опусканіе сосѣднихъ участковъ земной коры.

Эти опускающіяся площади производили колоссальное давленіе на лежащую подъ ними расплавленную магму; давленіе гидростатическимъ путемъ передавалось магмѣ, находившейся подъ сосѣдними участками коры, которые вслѣдствіе этого и поднимались кверху, образуя области поднятія. При этомъ получались благопріятныя условія для того, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ (по образовавшимся ли трещинамъ, или самостоятельно прокладывая путь въ земной корѣ по линіямъ наименьшаго сопротивленія) поднимающаяся жидкая магма прорывалась наружу, на земную поверхность.

Дѣйствительно, геологическія изслѣдованія показываютъ намъ, что обширныя массовыя изверженія, происходившія въ древніе геологическіе періоды, совпадаютъ съ такими „областями поднятія“. Образованіе лакколитовъ и нахожденіе древнихъ лавъ внѣдренными между слоями осадочныхъ породъ также говоритъ скорѣе за то, что эти внѣдренія и поднятія обязаны болѣе или менѣе медленному поднятію жидкой магмы, происходившему подъ вліяніемъ гидростатическаго давленія сосѣдняго опускавшагося участка земной коры, чѣмъ за гипотезу поднятія магмы вслѣдствіе взрывной силы газовъ.

Многіе геологи распространяютъ эту „гидростатическую“ теорію на всѣ вулканическія явленія; они считаютъ лакколиты не частнымъ, а общимъ случаемъ такого гидростатическаго поднятія магмы кверху,

и полагаютъ, что такимъ же путемъ,—выпячиванія магмы—образовались такъ называемые „центральные массивы“ — ядра складчатыхъ горъ.

Итакъ, несмотря на многія разногласія ученыхъ въ вопросѣ о причинахъ вулканическихъ явленій, все же здѣсь можно сдѣлать слѣдующіе важные общіе выводы.

Вулканическая дѣятельность связана съ процессами горообразованія, разлома земной коры и опусканія геосинклиналей; за это говоритъ географическое распредѣленіе очаговъ вулканической дѣятельности, какъ нынѣ, такъ и въ прежнія геологическія эпохи.

Лава—это „магма“, находящаяся въ „периферическихъ очагахъ“, или въ „пиросферѣ“, и поднимающаяся кверху. Процессъ этого поднятія и изверженія лавы и другихъ вулканическихъ продуктовъ объясняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ взрывнымъ дѣйствіемъ газовъ, образующихся при расплавленіи магмы, и попадающихъ въ нее горныхъ породъ, въ другихъ—гидростатическимъ давленіемъ магмы, поднимающейся кверху, благодаря опусканію сосѣдняго участка земной коры.

Газы, вылетающіе во время вулканическихъ изверженій, образуются благодаря сложнымъ химическимъ реакціямъ, происходящимъ въ магмѣ и въ попадающихъ въ нее горныхъ породахъ. Присутствіе въ этихъ газахъ паровъ воды вызвано, вѣроятнѣе всего, атмосферными вліяніями—дождемъ или плавленіемъ снѣга.

Нашъ анализъ вулканическихъ явленій здѣсь останавливается, такъ какъ въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе причинъ, обусловившихъ и опусканія геосинклиналей и образованіе горныхъ цѣпей и громадные разломы земной коры. Этого вопроса мы уже касались въ статьѣ о „Землетрясеніяхъ [1]).

В. Агафоновъ.

ТРАГИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

Письмо изъ Парижа.

Послѣ цѣлаго вѣка революцій, во Франціи къ послѣдней четверти XIX-го столѣтія установился порядокъ, открывавшій, казалось, для нея перспективы дальнѣйшаго мирнаго развитія. Какую почву подъ собой можетъ имѣть пропаганда революціонныхъ методовъ въ странѣ парла-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, Апрѣль 1911.

ментаризма и всеобщаго избирательнаго права, граждане которой обладаютъ широкими политическими правами; въ странѣ, гдѣ такъ называемыя конституціонныя гарантіи не только внесены въ параграфы конституціоннаго закона, но проникли въ общественное сознаніе и составляютъ поистинѣ неотъемлемое общественное достояніе? Зачѣмъ конспирировать, идти внѣзаконными путями, сталкиваясь ежечасно съ властью; зачѣмъ въ концѣ концовъ аппелировать къ насилію, исходъ котораго всегда невѣренъ и несвободенъ отъ разныхъ осложненій, когда открытъ путь легальнаго прогресса? Эти общія соображенія привели значительное число наблюдателей жизни западной культурной Европы къ выводу, что полоса революцій закончена для нея. И такъ какъ жизнь Франціи не менѣе комплицирована, чѣмъ жизнь Германіи или Англіи, а политическія ея формы даже болѣе демократичны, то, казалось, не было основаній выносить Францію за скобку этого общаго вывода: и она стоитъ на линіи мирнаго, легальнаго соціально-политическаго развитія.

Я не хочу сказать, что дѣйствительность опровергла эти оптимистическія предсказанія, или, вѣрнѣе, надежды. Но поучителенъ неожиданный ростъ во Франціи, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, революціоннаго настроенія, углубленіе революціоннаго теченія, и интересно выяснить себѣ причины этого явленія.

Но прежде всего: въ чемъ же находитъ свое выраженіе этотъ ростъ революціонной волны во Франціи? Во-первыхъ, въ порядкѣ идей, все глубже проникающихъ въ массы населенія; во-вторыхъ, въ методахъ борьбы, въ способахъ дѣйствія, примѣняемыхъ при разрѣшеніи соціально-политическихъ контраверзъ.

Начнемъ съ первыхъ. Существуютъ идеи революціонныя по существу, т.-е. не помѣщающіяся въ рамкахъ даннаго общественнаго строя. Таковы, напр., идея народнаго суверенитета въ самодержавныхъ государствахъ; идея политическихъ правъ гражданъ въ государствѣ полицейскомъ; идея религіозной свободы въ государствѣ теократическомъ. Идеи эти въ данныхъ условіяхъ не имѣютъ правъ гражданства, онѣ разсматриваются какъ преступныя, нелегальныя, должны жить въ подпольѣ; адептамъ ихъ закрыты пути гласной и мирной общественной работы, ихъ пропаганда преслѣдуется и наказуется. Въ парламентарной, свободной и демократической Франціи роль такихъ субверсивныхъ идей играютъ антимилитаризмъ, антипатріотизмъ и антипарламентаризмъ. Эта революціонная троица, не смотря на свой формально отрицательный характеръ, воплощаетъ въ себѣ положительный соціальный идеалъ, осуществленіе котораго кореннымъ образомъ измѣнило бы лицо старой Европы (а можетъ быть и всего міра), превративъ ее политически въ Соединенные Штаты Европы,

а соціально—въ федерацію рабочихъ синдикатовъ. Оказались бы стертыми и границы между государствами, и самое понятіе о государствѣ, и въ то же время былъ бы сломанъ весь внутренній соціально-экономическій строй жизни.

Можетъ ли современное государство, какъ бы оно ни было либерально, прогрессивно и культурно, мириться съ размывающей работой такихъ идей? Конечно, лишь въ томъ случаѣ, если онѣ не встрѣчаютъ сочувствія въ широкихъ слояхъ населенія, и слѣдовательно не представляютъ общественной опасности. Но вѣдь нѣтъ такой государственной формы, которая не защищалась бы отъ напора смертельнаго противника, и не надо, поэтому, удивляться, что правительство буржуазной республики вступило на путь репрессій противъ революціоннаго синдикализма и противъ эрвэизма, ведущихъ дѣятельную и насильственную кампанію противъ парламентаризма, противъ современнаго государства, противъ идеи отечества и военнаго долга, противъ дисциплины въ арміи, противъ всѣхъ основъ соціальнаго быта,—кампанію, въ общемъ, успѣшную, пріобрѣтающую все больше и больше адептовъ среди рабочихъ классовъ и населенія вообще.

Теперь о методахъ борьбы. Законнымъ способомъ борьбы рабочаго класса противъ патрона является стачка. Но стачекъ „со скрещенными руками“ въ послѣднее время очень немного: это стачки, протекающія въ обстановкѣ очень благопріятной для рабочихъ конъюнктуры, гдѣ хозяева по той или другой причинѣ имѣютъ возможность и склонность идти на уступки. Въ большинствѣ же случаевъ борьба рабочихъ и хозяевъ сопровождается терроромъ, направленнымъ съ одной стороны противъ „желтыхъ“, съ другой—противъ патроновъ. Во время послѣдней забастовки въ Шамбонъ-Фужеролѣ неизвѣстными лицами,—конечно, стачечниками,—было устроено 7 или 8 динамитныхъ покушеній противъ хозяевъ. Затѣмъ практика саботажа получаетъ все болѣе широкое примѣненіе. Взволновавшіе всю Францію размѣры получилъ саботажъ желѣзнодорожныхъ путей послѣ раздавленной правительствомъ прошлогодней всеобщей желѣзнодорожной стачки. Реакціонныя газеты и газеты, состоящія въ зависимости отъ капиталистическихъ круговъ, насчитывали въ зиму 1910 — 11 года около 3.000 случаевъ поврежденій путей, сигналовъ и семафоровъ, почти каждое изъ которыхъ могло имѣть своимъ послѣдствіемъ крушеніе поѣзда. Цифра эта преувеличена. Ее надо во много разъ уменьшить, и вотъ почему. Установлено, что цѣлый рядъ случаевъ саботажа носилъ провокаціонный характеръ. Тѣ, кому нужно было скомпрометировать въ общественныхъ глазахъ движеніе желѣзнодорожниковъ и дать поводъ для правительственныхъ репрессій, саботировали линіи въ разсчетѣ, что отвѣтственность падетъ на ихъ соціаль-

ныхъ противниковъ. Далѣе, много случаевъ саботажа должно отнести на счетъ немногочисленныхъ и невліятельныхъ группъ анархистовъ, пользующихся всякимъ общественнымъ волненіемъ для „деструктивной“ дѣятельности. Затѣмъ много случаевъ невиннаго саботажа совершались дѣтьми и подростками изъ баловства и озорства,—дѣтьми и подростками, воображеніе которыхъ было поражено криками о саботажѣ, поднятыми буржуазной прессой. Но всетаки за вычетомъ всего этого остается достаточно значительное число случаевъ, которые должны быть приписаны съ одной стороны мстительности отдѣльныхъ лицъ, раздавленныхъ правительственными и компанейскими репрессіями за стачку, а съ другой стороны рабочимъ организаціямъ. Это не значитъ, что синдикатъ желѣзнодорожниковъ, какъ таковой, организовалъ саботажъ желѣзнодорожнаго движенія. Нѣтъ. Но въ составѣ синдиката нашлись многочисленные революціонные элементы, составившіе тайные кружки и группы, занявшіеся саботажемъ. Такой выводъ слѣдуетъ изъ преній, возникшихъ на послѣднемъ съѣздѣ делегатовъ желѣзнодорожнаго синдиката, гдѣ реформисты стояли за порицаніе саботажа, революціонеры же отъ такой резолюціи уклонились. Это уклоненіе само по себѣ не служитъ основаніемъ для ихъ обвиненія, тѣмъ болѣе, что оно было мотивировано соображеніями иного порядка,—но изъ самыхъ преній съ несомнѣнностью слѣдовало, что въ революціонныхъ кругахъ даже саботажъ, подвергающій опасности жизнь третьихъ лицъ, не встрѣчаетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, осужденія, чтобы не сказать больше.

Наконецъ весна и лѣто настоящаго года дали во Франціи два массовыхъ движенія, носившихъ мѣстами характеръ настоящаго возстанія. Я имѣю въ виду движеніе винодѣловъ Шампани и движеніе въ пользу дешевой жизни, охватившее весь сѣверъ Франціи и до сихъ поръ не закончившееся. Движеніе винодѣловъ особенно поучительно тѣмъ, что оно увлекло крестьянъ-собственниковъ,—классъ, по привычкѣ считающійся спокойнымъ, благоразумнымъ и мало поддающимся революціонной заразѣ. Между тѣмъ именно этотъ классъ защищая свои права и интересы противъ закона, установленнаго палатами и распоряженіи государственнаго совѣта, развернулъ весь свитокъ революціонныхъ формъ борьбы: замѣнилъ національный трехцвѣтный флагъ краснымъ знаменемъ соціализма и революціи; закрылъ всѣ муниципальныя учрежденія, вплоть до школъ; отказался платить налоги и ставить рекрутъ; вступилъ въ многочисленныя стычки съ войсками; подвергъ самосуду, уничтожилъ, разбилъ и разграбилъ имущество фабрикантовъ-винодѣловъ, которыхъ онъ, правильно или нѣтъ, но считалъ виновниками своихъ бѣдъ. Это было дѣйствительное возстаніе противъ закона, закономъ установленной власти, и противъ

республики,—и, должно замѣтить, второе возстаніе послѣ такого же, охватившаго три года тому назадъ Нарбонну и весь районъ восточныхъ Пиринеевъ. Путь революціоннаго сопротивленія входитъ, такимъ образомъ, какъ будто бы въ обычай.

Движеніе въ пользу пониженія цѣнъ жизненныхъ припасовъ характерно тѣмъ, что, охвативъ селенія, бурги, мѣстечки и маленькіе города, оно ихъ покрыло баррикадами. Въ исторіи Франціи мы привыкли встрѣчать баррикады въ крупныхъ городахъ съ безпокойнымъ рабочимъ населеніемъ—въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели. Теперь никому неизвѣстныя селенія и бурги находятъ въ себѣ достаточно моральной силы, чтобы поднимать знамя бунта,—потому что картофель, масло и сахаръ поднялись въ цѣнѣ. Въ бунтѣ этомъ участвуютъ не только рабочіе, но и мелкіе потребители вообще; это—движеніе не пролетаріата, а вообще плохо обезпеченныхъ классовъ; это—межклассовое движеніе. Тѣмъ не менѣе и оно происходитъ подъ пѣніе „интернаціоналки“ и надъ толпами манифестирующихъ „менажерокъ“ развѣвается тоже красное знамя.

Итакъ, возстанія и бунты, муниципальныя и рабочія забастовки, разгромы и отказъ платить подати, бомбы и chasse au renard: чтобы дать полную картину революціоннаго броженія и исчерпать списокъ возможныхъ революціонныхъ шаговъ, не хватаетъ только террора, направленнаго противъ правительственныхъ агентовъ. Его не хватаетъ сегодня,—но я не поручусь, что онъ не окажется на своемъ мѣстѣ завтра. По крайней мѣрѣ Эрве, въ своемъ органѣ „La Guerre Sociale“, уже пригрозилъ имъ. Мысль, слѣдовательно, уже бродитъ. А мы знаемъ, что переходъ отъ мысли къ дѣлу всегда лишь вопросъ времени. Трудно остановиться на мысли, но если мысль созрѣла—для исполненія ея всѣ препятствія ничтожны. Тѣмъ легче совершить этотъ переходъ эрвеистамъ, что у нихъ уже образовались боевые кадры, перешедшіе въ своей дѣятельности границы легальности. Я имѣю въ виду „революціонную гвардію“, отряды которой уже нѣсколько разъ бурно манифестировали на улицахъ Парижа, пуская въ дѣло и оружіе, и оказывали содѣйствіе „революціонному охранному отдѣленію“, организованному при редакціи „La Guerre Sociale“ и занимающемуся контръ-шпіонажемъ, разоблаченіемъ провокаторовъ, арестами, допросами и обысками „подозрительныхъ лицъ“ и т. п. Люди этого рода дѣятельности и этого образа мыслей легко могутъ взять на себя роль „мстителей“, если репрессивная дѣятельность правительства перейдетъ извѣстную черту. А это, какъ мы увидимъ ниже, можетъ легко случиться въ современной Франціи...

Я вовсе не расположенъ сгущать краски. Я не хочу предсказывать неизбѣжность тяжкихъ внутреннихъ катаклизмовъ для Франціи;

весьма возможно, что она найдетъ въ себѣ силу итти по пути культуры и прогресса безъ глубокихъ и кровавыхъ потрясеній. Я только констатирую фактъ: въ странѣ, обладающей парламентарнымъ строемъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ, и „конституціонными свободами",—тѣмъ не менѣе существуетъ глубокое революціонное теченіе, существуютъ революціонныя партіи, случаются революціонныя вспышки, свидѣтельствующія о томъ, что революціонный духъ проникъ въ массы даже глухихъ угловъ. Въ ней существуютъ также политическія тюрьмы, политическіе арестанты, которые устраиваютъ „голодовки" точно такъ же, какъ въ нашемъ отечествѣ.

Естественно возникаетъ вопросъ: какъ, вслѣдствіе какихъ условій и причинъ создалось это явленіе, казалось бы—свойственное только отсталымъ странамъ и государственнымъ формамъ, давно пережитымъ Франціей?

Причину должно, кажется мнѣ, видѣть въ полновластіи буржуазіи, крупной буржуазіи, организованной, властной, интеллигентной и могучей. Въ Германіи, въ Англіи буржуазіи приходится дѣлить власть и считаться съ земельной аристократіей, съ королевской властью. Все это — соперники, и въ игрѣ ихъ соперничества выигрываютъ и рабочій классъ, и дѣло прогресса. Во Франціи же, въ которой монархическія партіи разбиты и земельной аристократіи нѣтъ, а есть буржуазія — и въ частности финансовая аристократія, сплоченная, интеллигентная, гордая своими историческими заслугами и своекорыстная, ей принадлежитъ вся политическая власть цѣликомъ. У нея нѣтъ соперниковъ,—у нея есть одинъ противникъ: напирающій снизу соціалистическій и синдикалистскій пролетаріатъ. Но онъ пока политически мало вліятеленъ, неорганизованъ и бѣденъ. Соціалистическихъ депутатовъ въ палатѣ только 75; въ Сенатѣ соціалистовъ нѣтъ. Въ синдикатахъ *числится* всего около одного милліона членовъ; на дѣлѣ ихъ меньше. Синдикаты бѣдны. Поэтому-то Франція, несмотря на свою революціонную роль въ исторіи Европы, быть можетъ, одна изъ наиболѣе консервативныхъ странъ нашего материка, въ области государственнаго управленія—вѣрная традиціямъ якобинизма и имперіи, въ области соціальной политики—прямо-таки реакціонная. Ни одна изъ великихъ странъ Запада не охраняетъ такъ мало и такъ плохо трудъ рабочаго. Ни одна не щадитъ такъ систематически крупнаго собственника. Налога на доходъ во Франціи нѣтъ до сихъ поръ; налогъ на недвижимое имущество слабъ; въ городскихъ сборахъ его замѣняетъ налогъ на продукты потребленія; прогрессивность обложенія Франціи неизвѣстна. Когда въ теченіе послѣдняго десятилѣтія ростъ расходнаго бюджета заставилъ подумать о введеніи подоходнаго налога, и палата, послѣ долгихъ проволочекъ

наконецъ вотировала его, денежная буржуазія подняла вопль: „грабятъ!“—и законъ три года валяется въ портфелѣ Сената. Когда плохое хозяйничанье желѣзнодорожныхъ компаній выдвинуло на очередь выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, палата, подъ давленіемъ капиталистическихъ круговъ, вотировала столь убыточныя условія выкупа Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, что выкупленныя линіи стали источникомъ крупнаго и постояннаго дефицита, останавливающаго дальнѣйшую національзацію желѣзнодорожной сѣти. Когда, наконецъ, подъ давленіемъ растущаго рабочаго движенія пришли къ рѣшенію сдѣлать что-нибудь pour cette canaille, то создали законъ стариковскихъ пенсій, получившихъ названіе „пенсій для мертвыхъ“. Вынужденныя, данныя неохотно, искаженныя, соціально-экономическія реформы не удовлетворили никого; онѣ только вселили опасенія въ проникнутую фритредерскими идеями своекорыстную буржуазію, и раздразнили рабочій классъ.

И рабочій классъ, и соціалистическая партія, и les intellectuels,—интеллигенція,—и громадная масса слабо обезпеченнаго населенія, поэтому, спрашиваютъ: что дала намъ буржуазная республика, какова ея моральная цѣна? И, отвѣчая на этотъ вопросъ, даютъ третьей, буржуазной республикѣ отрицательную оцѣнку. Она сдѣлала для трудящихся очень мало, она не исполнила своихъ обѣщаній; прогрессивная буржуазія, овладѣвъ властью, отказалась отъ выполненія своей, давно объявленной соціальной программы. Чѣмъ же она занималась? Что дѣлали палаты? Чѣмъ воодушевлены были депутаты и сенаторы, „представители народа“? Дѣлили портфели, боролись за власть, за вліяніе на мѣстахъ и въ государствѣ. Таковъ отвѣтъ, который услышишь въ общественныхъ низахъ всего чаще.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ,—въ то время у власти стоялъ Клемансо, умѣвшій придать ей нѣкоторый блескъ и, если такъ можно выразиться, нѣсколько идеалистическій оттѣнокъ,—меня поразило то глубочайшее неуваженіе къ власти, къ президенту, къ министерству и министрамъ, къ народному представительству, которымъ окрашены были всѣ политическіе разговоры общественныхъ низовъ, которое составляло существенное въ отзывахъ ихъ объ оффиціальныхъ представителяхъ и руководителяхъ Франціи. „Ministériable“—это было ругательствомъ. Управленіе—это sale besogne. Когда почтенный радикалъ-соціалистъ, нынѣшній военный министръ, Мессими, созвалъ во время послѣднихъ выборовъ избирательное собраніе въ рабочемъ кварталѣ своего избирательнаго участка, онъ не могъ сказать ни одного слова. Тысячъ пять избирателей рабочихъ не останавливаясь орали: tais toi, sale crapaud au gros ventre; молчи, толстобрюхая жаба!

Въ теченіе сколькихъ лѣтъ должно было копиться это презрѣніе

и негодованіе, чтобы выливаться въ столь откровенно-грубыхъ формахъ, и на собраніяхъ, и въ частныхъ разговорахъ, и на улицахъ, и подъ крышами домовъ!

Я не скажу, чтобы это отношеніе къ третьей республикѣ и ея дѣятелямъ, распространенное въ низахъ, было безусловно справедливо. На нашъ, русскій, взглядъ республика дала Франціи очень много. Дала школу; дала людямъ возможность свободно жить и развиваться; до самаго послѣдняго времени охраняла политическія права гражданъ; создала, наконецъ, колоніальное могущество Франціи. Будетъ, по всей вѣроятности, время, когда населеніе метрополіи сниметъ съ памяти Ферри презрительно-враждебную кличку „Тонкинца", а современныхъ руководителей Франціи, работающихъ надъ образованіемъ изъ Туниса, Алжира, Марокко и Судана громадной, территоріально-цѣльной французской колоніи, помянутъ добрымъ словомъ. Но дѣло въ томъ, что современный французъ не довольствуется тѣмъ, что ему даютъ кое-что; у него повышенныя требованія къ государству. Онъ желаетъ видѣть свое правительство одушевленнымъ идеями соціальной справедливости и способнымъ работать энергично въ этомъ направленіи. Въ настоящее время, напр., желѣзнодорожники сравниваютъ отношеніе своего правительства къ желѣзнодорожной забастовкѣ съ отношеніемъ англійскаго,—тоже, вѣдь, буржуазнаго правительства. Недавно я бесѣдовалъ съ однимъ моимъ добрымъ знакомымъ, желѣзнодорожнымъ электротехническимъ рабочимъ. Онъ мнѣ говорилъ:

— Вы вотъ удивляетесь, что мы ихъ зовемъ канальями,—но вѣдь всѣ они подкуплены,—tous ils sont vendus! Почему Ллойдъ Джорджъ могъ одной рукой поддерживать порядокъ, а другой заставить компаніи согласиться съ желѣзнодорожниками? Потому что у него другое представленіе объ обязанностяхъ государства. Тамъ понимаютъ, что государство обязано поддерживать соціальный міръ и защищать соціальную справедливость. И потому правительство взяло на себя посредничество и настояло, чтобы всѣ справедливыя требованія рабочихъ были исполнены и чтобы никто не пострадалъ... А наши—но это ясно: или всѣ они душой преданы толстосумамъ, или въ рабствѣ у нихъ, всѣ эти Бріаны, Кайо, всѣ эти ренегаты, бывшіе соціалисты, охотники за министерскими портфелями.

И несомнѣнно въ этихъ сужденіяхъ, несмотря на ихъ грубоватую прямолинейность, много правды,—такъ какъ факты на лицо. Когда кабинетъ Мониса Дюмона, не Богъ вѣдь знаетъ какой крайній, взялъ на себя обязательство вернуть на мѣста уволенныхъ за легальную стачку желѣзнодорожниковъ, и такимъ образомъ поставилъ на очередь вопросъ супрематіи государства и государственнаго интереса надъ компаніями финансистовъ и ихъ личными интересами,—

онъ, покинутый палатой, долженъ былъ подать въ отставку. Плутократія выиграла схватку съ государствомъ; она оказалось сильнѣйшей стороной, и преемникъ Мониса, Кайо, хорошо понялъ это; общественное мнѣніе соціальныхъ низовъ совершенно основательно считаетъ Кайо агентомъ и орудіемъ соціальныхъ верховъ.

Соціальные верхи нигдѣ не пользуются симпатіями соціальныхъ низовъ. Но безпристрастный наблюдатель не можетъ не признать, что нигдѣ эта антипатія не является болѣе основательной, чѣмъ во Франціи. Французскій народъ трудолюбивъ и поразительно экономенъ. Истинно путемъ неустаннаго труда и изумительнаго скупердяйства онъ накопляетъ ежегодно свыше полутора-милліардовъ франковъ, естественно скопляющихся въ банкахъ и попадающихъ въ распоряженіе de la haute finance. Куда-же направляются эти капиталы финансовой аристократіей? Въ производство, дающее заработокъ рабочимъ рукамъ и слѣдовательно возможность для нихъ повышать свой trin de vie? Въ земледѣліе? Въ оборудованіе портовъ и улучшеніе путей сообщенія? На развитіе національной промышленности вообще? Нѣтъ и нѣтъ. Свыше семидесяти-пяти процентовъ національныхъ сбереженій выкачиваются изъ страны; Франція, промышленно-отсталая, земледѣліе которой и урожайность полей ниже не только англійскаго, но и нѣмецкаго уровня,—является всесвѣтнымъ ростовщикомъ; ея деньги служатъ чужому производству, часто ея политическихъ соперниковъ.

Колоніальная политика современныхъ промышленныхъ государствъ нигдѣ не пользуется особой симпатіей рабочаго класса. Она обременяетъ государственный бюджетъ, она грозитъ военными осложненіями,—пролетаріатъ-же миролюбивъ. Но если мы возьмемъ, напр., колоніальную политику Германіи, мы должны признать, что она въ извѣстной степени служитъ интересамъ національной промышленности, такъ какъ вся она направлена на отысканіе и укрѣпленіе рынковъ. Вопросъ о колоніальномъ рынкѣ для Франціи не существенъ. Автомобили, вино, шелкъ и articles de Paris—не предметы вывоза въ колоніи. Захватъ Марокко, напр., не представляетъ, поэтому, непосреднаго интереса ни для французской промышленности, ни для французскаго рабочаго. Но онъ нуженъ французскому капиталу, который, получивъ въ Марокко,—какъ уже это произошло въ Тунисѣ,—концессіи на рудники и желѣзныя дороги, превратитъ политическое вліяніе Франціи въ звонкую монету. И поэтому въ кругахъ соціалистической демократіи говорятъ:

— Марокко? Война съ Германіей? Ради аппетитовъ финансовыхъ акулъ? Pour les beaux yeux de Monsieur Etienne? Никогда!

Вся марокканская авантюра представляется такимъ образомъ подъ

угломъ зрѣнія, лишающимъ ее всякаго національнаго значенія. Это частное дѣло крупныхъ дѣльцовъ,—но она ставитъ націю на край войны! Политика крупной буржуазіи, такимъ образомъ, антинаціональна, соціально-реакціонна, грубо-эгоистична. Но такъ какъ въ рукахъ банковыхъ и промышленныхъ трестовъ сосредоточена громадная экономическая сила, то имъ, и только имъ служитъ весь правительственный аппаратъ третьей республики: министерство, палаты, самъ президентъ, который не болѣе какъ фигурантъ, лишенный самостоятельнаго значенія: не даромъ же третья республика не имѣла на президентскомъ креслѣ ни одной яркой фигуры.

Этимъ счетъ, предъявляемый демократіей третьей республикѣ, не кончается. Почему,—спрашиваютъ въ демократическихъ кругахъ,—лежатъ безъ движенія въ коммиссіяхъ палаты проекты реформъ, необходимость которыхъ сознана давно? Почему уже двадцать лѣтъ ничего не дѣлается для децентрализаціи управленія, для освобожденія муниципалитетовъ отъ мертвящаго давленія префектуръ? Почему не можетъ пройти даже такая пустяковинная реформа, какъ уничтоженіе должностей супрефектовъ? Да очень просто: безполезные супрефекты нужны въ качествѣ избирательныхъ агентовъ для министерскихъ кандидатовъ; и кромѣ того, нужны же мѣста и оклады, которыми можно было-бы награждать полезныхъ людей; извѣстно, что поддержка на выборахъ должна быть оплачена. Кто работаетъ въ нашъ вѣкъ безкорыстно? А избирательная реформа! Съ точки зрѣнія національнаго интереса она настоятельно необходима, и необходима давно. Но провести ее черезъ палату,—и то въ неполномъ видѣ, и то только въ принципѣ,—удалось лишь благодаря союзу соціалистовъ съ правыми и прогрессистами. Республиканская-же буржуазія въ массѣ до конца боролась съ принципомъ избирательной реформы...

Я могъ бы продолжать долго и очень долго списокъ упрековъ, который предъявляется демократіей третьей республикѣ. Но это едва ли нужно. Сказаннаго достаточно, чтобы понять ходъ идей и настроеній, завоевавшихъ мѣсто въ рядахъ демократіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Антипарламентаризмъ, антипатріотизмъ и антимилитаризмъ выросли,—въ качествѣ естественной реакціи,—изъ соціально-реакціонной политики правительства и палатъ, руководимыхъ соціально-реакціонной и своекорыстной буржуазіей.

Но идеи—идеями; людьми же двигаютъ, кромѣ нихъ, еще и страсти. Идеи и интересы диктуютъ линію поведенія, но когда отъ идей и интересовъ переходятъ къ дѣйствіямъ и, слѣдовательно, къ столкновеніямъ,—вспыхиваютъ страсти, точно искры отъ удара кремня о сталь. Этихъ искръ-страстей въ современной Франціи больше, чѣмъ нужно. Они находятъ свое выраженіе въ революціонныхъ эксцессахъ,—

съ одной стороны, въ эксцессахъ репрессіи,—съ другой. Я не хочу останавливаться на вопросѣ о виноватомъ, о томъ—правительственные-ли эксцессы вызываютъ эксцессы революціонные, или наоборотъ. Съ моей точки зрѣнія и тѣ, и другіе имѣютъ корни въ другой плоскости, именно въ той, въ которой совершается борьба идей и интересовъ. Но они свидѣтельствуютъ о жгучести и напряженности этой борьбы, и сами являются моментами, препятствующими соглашенію и миролюбивому улаживанію соціальныхъ контраверзъ. Поэтому на нихъ стоитъ остановиться.

Для характеристики ихъ позвольте мнѣ привести здѣсь нѣсколько „дѣлъ“.

Во-первыхъ, дѣло Мэтивье. Мэтивье былъ виднымъ синдикалистомъ. Синдикализмъ, въ которомъ революціонная тенденція въ теченіе только-что истекшаго десятилѣтія все крѣпла, давно пугалъ буржуазію и вызывалъ безпокойство республиканскаго правительства. Надзоръ за биржей труда, за синдикатами, за конфедераціей труда былъ, поэтому, организованъ очень тщательно,—надзоръ внѣшній, полицейскій, и надзоръ внутренній, черезъ секретныхъ агентовъ. Но долго не удавалось заполучить агента-сотрудника въ самомъ центрѣ синдикалистскаго движенія и синдикалистскихъ организацій, пока Мэтивье не предложилъ полиціи своихъ услугъ. Полиція отъ нихъ, конечно, не отказалась,—но Мэтивье, зная себѣ цѣну, хотѣлъ получить свою инвеституру не отъ начальника Sureté, и даже не отъ префекта полиціи: онъ поставилъ условіемъ договоръ ни болѣе ни менѣе, какъ съ самимъ президентомъ совѣта министровъ. Имъ былъ тогда Клемансо. И Клемансо принялъ Мэтивье въ частной аудіенціи, назначилъ ему жалованье, далъ свои инструкціи! Съ этихъ поръ началась освѣдомительно-провокаціонная дѣятельность Мэтивье. Какъ каждый провокаторъ, онъ занялъ мѣсто на самомъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ синдикализма. Своимъ революціоннымъ усердіемъ, показной преданностью „рабочему дѣлу“ онъ прокладывалъ себѣ путь къ высшимъ должностямъ синдикалистской іерархіи, и въ то же время доносилъ, доносилъ и доносилъ. Въ синдикалистскихъ и революціонныхъ кругахъ давно уже тревожились все проникающимъ полицейскимъ сыскомъ, подозрѣвали провокацію, и при газетѣ „La Guerre Sociale“ образовалась,—я писалъ уже объ этомъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ,—въ противовѣсъ сыскному отдѣленію, своеобразное революціонно-сыскное учрежденіе: Sureté révolutionnaire. Sureté révolutionnaire выслѣдила Мэтивье, арестовала его, допросила, взяла письменныя признанія, обыскала и отпустила. Повторилась, такимъ образомъ, исторія Блэда, репортера-провокатора и содержателя репортажно-сыскной конторы. Но если злоключенія Блэда, частнаго предпринимателя, не вызвали

непосредственныхъ правительственныхъ репрессій, то злоключенія Мэтивье, лица полуоффиціальнаго, поставили на ноги прокурорскій надзоръ и слѣдственную власть. Послѣдовали многочисленные аресты, были взяты и „революціонные гвардейцы“, и составъ революціонно-сыскного отдѣленія, насколько онъ сталъ извѣстнымъ власти. Арестовать и посадить въ тюрьму—это одно дѣло. Другое дѣло—признать или не признать за вмѣняемымъ въ вину преступленіемъ политическій или уголовный характеръ. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ даже нѣтъ и мѣста для сомнѣнія: предъ нами чисто политическое преступленіе, какъ по мотивамъ, такъ и по формѣ. Между тѣмъ всѣ арестованные члены революціонной гвардіи и революціонно-сыскного отдѣленія были помѣщены въ уголовное отдѣленіе. Тамъ они, между прочимъ, встрѣтили цѣлую колонію арестованныхъ синдикалистовъ, желѣзнодорожниковъ, манифестантовъ, антимилитаристовъ и роялистовъ. Лакуръ, напр., ударившій Бріана во время открытія памятника Жюлю Ферри, очень долго содержался въ отдѣленіи уголовныхъ преступниковъ. Современные республиканцы, получивъ власть, очевидно забыли, что и при Луи Филиппѣ и при Наполеонѣ III ихъ предшественники пользовались привилегіей числиться политическими преступниками, даже тогда, когда путемъ натяжекъ ихъ можно было бы зачислить въ составъ уголовныхъ. Но такова сила злобы и политическихъ страстей, что, ставъ сами у власти, они получили склонность разсматривать стачечные эксцессы, столкновенія съ властью во время манифестацій, поступки въ родѣ совершенныхъ революціонно-сыскнымъ отдѣленіемъ и даже иногда злоупотребленія печатнымъ словомъ, за преступленія уголовнаго характера.

„Насъ, дѣятелей великой соціальной борьбы, — читаемъ мы въ „La bataille syndicaliste“,—ренегаты соціализма, ставшіе министрами, ставятъ на одну доску съ ворами, мошенниками и убійцами. Эти презрѣнныя прижимки неспособны, однако, ни отнять у насъ характеръ людей, дѣйствующихъ во имя великой идеи, ни поднять моральный авторитетъ правительства. Они свидѣтельствуютъ объ одномъ,— о лютой, мелочной и недостойной злобѣ, которой охвачены прихвостни правящей буржуазіи“.

Вотъ уже годъ, какъ въ парижскихъ тюрьмахъ арестованными ведется дѣятельная борьба за право быть на „политическомъ положеніи“. При Бріанѣ она рѣдко давала положительные результаты. Всѣ вожди всеобщей желѣзнодорожной стачки сидѣли съ уголовными вплоть до паденія этого кабинета. Монисъ немедленно по вступленіи во власть перевелъ стачечниковъ, журналистовъ и т. д. въ политическое отдѣленіе. Кайо вернулся къ тактикѣ Бріана. И вотъ, мы видимъ теперь, что, исчерпавъ всѣ средства аргументаціи, членъ Sureté révo-

lutionnaire, „голодаетъ“ въ парижской тюрьмѣ Santé въ теченіе шести дней, и, наконецъ, начинаетъ ѣсть лишь подъ угрозой искусственнаго питанія, такъ-таки ничего и не добившись.

Но еще характернѣе исторія преслѣдованія революціонера, антимилитариста, антипатріота, Эрвэ. Эрвэ — одна изъ интереснѣйшихъ фигуръ третьей республики уже по одному тому, что онъ двадцать лѣтъ не сходитъ со скамьи подсудимыхъ, и тѣмъ не менѣе съ неослабѣвающей энергіей плыветъ противъ теченія.

Бывшій учитель гимназіи, образованный человѣкъ, талантливый публицистъ, обладающій чисто французскимъ умѣньемъ въ нужную минуту сказать нужное „mot“—то острое слово, которое подхватывается и прессой и публикой, и начинаетъ передаваться изъ устъ въ уста,—Эрвэ—громадный характеръ и не широкій, прямолинейный, но смѣлый умъ, додумывающій сравнительно простыя мысли до конца. Онъ додумалъ до конца свои соціалистическія и революціонныя мысли и пришелъ къ полному отрицанію буржуазной республики и ея идеологическихъ основъ — парламентаризма, милитаризма и патріотизма. Теперь въ борьбѣ съ своими преслѣдователями онъ додумывается до террора.

Но каковъ бы ни былъ составъ идей Эрвэ, онъ въ сущности никогда не выходилъ изъ среды идей и ихъ литературной пропаганды. Онъ журналистъ, публицистъ, редакторъ газеты въ странѣ оффиціальной свободы прессы и мнѣній. Свобода прессы! На нее могутъ логически существовать двѣ точки зрѣнія: одна, приводящая къ цензурѣ въ томъ или другомъ видѣ, другая—къ ея абсолютной свободѣ. Если держаться взгляда, что существуютъ вредныя идеи, проповѣдь и вообще распространеніе которыхъ не должны имѣть мѣста,—то пресса должна быть подчинена контролю, надзору или цензурныхъ комитетовъ, или прокурорскаго надзора съ цензурными функціями. Она не свободна по существу, хотя, конечно, степень густоты фильтра, черезъ который идеи пропускаются въ обращеніе, можетъ быть весьма различна. Однако, защитники свободы прессы всегда исходили изъ представленія о полной ненужности какого-либо фильтра, и аргументы ихъ двоякаго характера. Одни исходятъ изъ соображеній общаго, принципіальнаго характера. Идея свободна по существу, и истина рождается только изъ свободнаго столкновенія и обращенія всевозможныхъ и противуположныхъ идей. Другіе аргументы—характера практическаго. Фильтры безполезны, такъ какъ идеи всегда находятъ обходные пути и просачиваются сквозь невидимыя скважины и поры; фильтры вредны и опасны, такъ какъ сообразно преходящимъ взглядамъ и интересамъ смѣняющихся властей иногда наиболѣе цѣнныя и плодотворныя идеи могутъ попадать за скобку вредныхъ; исторія знаетъ этому тысячи

примѣровъ. Абсолютная свобода печати является, поэтому, наименьшимъ зломъ, даже допуская, что человѣческое общество безсильно мѣрами идейнаго воздѣйствія бороться съ болѣзнями мыслей. Мы видимъ, что въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ отсутствуютъ преслѣдованія за мысли, за печатное распространеніе идей,—по крайней мѣрѣ въ области религіи и политики. Такова Англія. Почти такова была до послѣдняго времени и Франція. Въ ней политическая и соціальная мысль, на практикѣ, была почти абсолютно свободна. Стоитъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, взять хотя бы роялистскую прессу. Чего тамъ нѣтъ! И восхваленіе роялизма и монархіи, и поношеніе республики, и похвальба скорымъ возстаніемъ, когда всѣмъ министрамъ etc. свернутъ шеи, и прямое приглашеніе къ возстанію, къ государственному перевороту. И ничего. Роялистскіе писатели пописываютъ, роялистскіе читатели почитываютъ, но республикѣ отъ этого никакой опасности не грозитъ. Возьмите анархистскіе листки. Ужъ чего тамъ нѣтъ! Но для чистаго анархизма нѣтъ почти аудиторіи въ современномъ обществѣ, и его идеи фактически безвредно циркулируютъ среди нѣсколькихъ сотъ французскихъ анархистовъ.

— „Мы,—писалъ недавно Семба въ „l'Humanité“, — живемъ въ странѣ всеобщаго избирательнаго права. Наше населеніе, на довѣріи котораго зиждется весь нашъ государственный строй и къ которому всѣ апеллируютъ какъ къ верховному судьѣ, слышало все, что бродитъ въ человѣческихъ головахъ и можетъ быть выражено словами. Съ митинговой или избирательной эстрады ему преподносятъ всевозможныя идеи, начиная отъ средневѣковыхъ и кончая тѣми, которыя оформятся и сдѣлаются осуществимыми черезъ нѣсколько столѣтій. Какой же смыслъ бояться, что какая-нибудь изъ этихъ идей придетъ къ нему еще разъ напечатанной на листѣ бумаги, и какъ можно не довѣрять его умѣнью разобраться въ томъ, что въ области идей вздоръ, и что дѣло. Если вы не довѣряете, то будьте же послѣдовательны: не апеллируйте къ нему“.

Вообще терпимое къ идеямъ и къ печатному слову, правительство третьей республики за послѣднее время признало и эрвеизмъ, и самого Эрвэ опасными, и, какъ я сказалъ выше, литературные процессы противъ него не прекращаются. Процессы эти во времена сравнительно давнія кончались оправданіями. Присяжные засѣдатели не видѣли большой бѣды въ молодомъ антимилитаризмѣ, и на защитѣ Эрвэ нѣсколько адвокатовъ, въ томъ числѣ Бріанъ, тогда соціалистъ съ налетомъ анархизма, сдѣлали свою политическую карьеру. Но послѣднее время французскій буржуа нервенъ, и французскій судъ настроенъ агрессивно по отношенію къ нарушителямъ порядка. И вотъ, мы видимъ, что Эрвэ не только не сходитъ со скамьи подсудимыхъ, но и не вы-

ходитъ изъ тюрьмы. Онъ сидитъ уже два года, присужденный въ 1909-мъ году къ тюрьмѣ на четыре года за „восхваленіе преступленія“, и вновь осужденъ на добавочные два года за новыя статьи, написанныя въ тюрьмѣ. Кромѣ того, онъ будетъ еще судиться за нѣсколько статей. Эрвэ—человѣкъ упорный. Онъ принадлежитъ къ рѣдкому нынѣ во Франціи типу абсолютно не мѣняющихся политиковъ. Никто не сомнѣвается ни въ его честности, ни въ его убѣжденности. Здоровый физически, краснощекій и плотный, впечатлительно-подвижный и въ то же время лѣниво-спокойный,—очаровательное и странное сочетаніе качествъ, — Эрвэ не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ можно запугать и сломать. Можно быть увѣреннымъ, что онъ и дальше будетъ писать и развивать свои идеи, быть можетъ обостряя ихъ подъ вліяніемъ преслѣдованій, тюрьмы и роста правительственной реакціи. Что же получится? Вѣчный арестантъ за мнѣнія? Журналистъ — тюремный завсегдатай? Мы знали, что монархія и имперія держали чуть не въ пожизненномъ заточеніи Бланки. Но Бланки былъ заговорщикъ. И тѣмъ не менѣе почти непрерывавшееся заточеніе заговорщика Бланки подрывало и монархію и имперію, быть можетъ, успѣшнѣе, чѣмъ непосредственная дѣятельность Бланки въ тѣ рѣдкіе промежутки, которые онъ проводилъ на свободѣ. Опасно имѣть вѣчныхъ узниковъ; опасно преслѣдовать тюрьмою честныхъ и убѣжденныхъ противниковъ; опасно обзаводиться бастиліями въ странѣ, гдѣ разрушеніемъ Бастиліи началась великая революція. И не только опасно: нелогично. Это не республиканскій и не демократическій способъ дѣйствія. А между тѣмъ къ нему шагъ за шагомъ и силой вещей пришла республика, не захотѣвшая или не сумѣвшая идти путемъ широкаго и смѣлаго удовлетворенія запросовъ массъ, республика, косная въ дѣлѣ реформъ и потому создавшая почву для революціонной психологіи и для работы революціоннаго микроба. Это ли не трагедія?

Возможно, что избирательная реформа въ духѣ пропорціональнаго представительства, которая въ концѣ концовъ будетъ-таки усиліями крайней правой, прогрессистовъ и крайней лѣвой проведена въ теченіи ближайшей сессіи палаты, измѣнитъ нѣсколько составъ парламента и сдѣлаетъ его болѣе склоннымъ „реформировать“, а не „политиканствовать“. Быть можетъ, Франція выдвинетъ наконецъ государственнаго дѣятеля съ большимъ практическимъ умомъ и въ то же время съ идеалистическимъ размахомъ. Быть можетъ, наконецъ, угроза все обостряющейся соціальной борьбы заставитъ реформистскіе элементы страны выйти изъ состоянія квіетизма... Но все это только „быть можетъ“.

Пока же наблюдателю приходится констатировать фактъ: ходъ

событій отодвигаетъ буржуазію все болѣе направо, пролетаріатъ—все болѣе налѣво. Въ правительственныхъ кругахъ все большей популярностью пользуется la manière forte, политика сильной руки, иначе—кулака. Въ кругахъ организованнаго пролетаріата все укрѣпляется зато склонность къ action directe, къ революціоннымъ методамъ борьбы. Такъ разрушается жизнью идиллическое представленіе объ умиротворяющемъ значеніи свободныхъ и правовыхъ государственныхъ формъ. Оно во всякомъ случаѣ должно получить нѣкоторое ограничительное толкованіе. Дѣло не только въ государственныхъ формахъ самихъ по себѣ: дѣло въ духѣ, который ихъ оживотворяетъ. Если дѣйствуетъ духъ соціальной справедливости и мирнаго прогресса въ государственныхъ формахъ, покоющихся на принципахъ права, справедливости и равенства — для насилій исчезаетъ почва. Но если умеръ духъ, то пустая, хотя бы и совершеннѣйшая форма—алтарь поверженный и храмъ безъ божества, не болѣе.

Вотъ общій выводъ, который можетъ быть сдѣланъ наблюдателемъ жизни современной Франціи.

Бѣлоруссовъ.

ВЪ СТРАНѢ НЕГУСА *)

(Окончаніе.)

Когда-то существовалъ обычай, по которому императоръ долженъ былъ каждые семь лѣтъ мѣнять свою резиденцію; потому-то Аддисъ-Абеба насчитываетъ не болѣе десяти лѣтъ существованія и напоминаетъ наскоро раскинутый лагерь.

Масса народа живетъ прямо въ палаткахъ. Купцы и пріѣзжіе изъ провинціи вассалы становятся лагеремъ на окраинѣ города,—и, какъ большія, бѣлыя абиссинскія лиліи, выростаютъ на равнинахъ Аддисъ-Абеба круглые, бѣлоснѣжные абиссинскіе шатры и остроконечныя палатки. Улицъ въ этомъ городѣ не существуетъ. Причудливо извивающіяся тропинки ведутъ къ центру города, къ дворцу негуса—„геби“, какъ его называютъ,—и къ базару: два пункта, въ которыхъ сосредоточена вся абиссинская жизнь.

На базарѣ, подъ открытымъ небомъ, подъ палящими лучами солнца,

*) См. сентябрь, стр. 316.

въ страшной духотѣ и жарѣ, продается все необходимое для абиссинской жизни. Галасскія крестьянки приносятъ изъ ближайшихъ деревень масло въ плетеныхъ корзиночкахъ, особаго приготовленія, смѣшанное съ травами и отвратительно пахнущее. Помѣщики-феодалы присылаютъ сюда на продажу свой рогатый скотъ, быковъ и барановъ, а также муловъ и лошадей. Здѣсь же продаютъ „бербери", красный кайенскій перецъ, безъ котораго немыслимо ни одно абиссинское блюдо. Темнокожія, темноглазыя, дикія галаски предлагаютъ плетеныя корзины и темныя, глиняныя амфоры различныхъ величинъ, такъ сказать, мебель и посуду абиссинцевъ. Тутъ же продаются и европейскіе товары—бѣлый коленкоръ-абуджидитъ, который въ огромномъ количествѣ вывозится изъ Америки, и который въ послѣднее время абиссинцы стали предпочитать своимъ мягкимъ и тонкимъ ручнымъ тканямъ. Яркія бусы и тонкія филиграновыя серебряныя украшенія абиссинской работы аккуратно разложены на плетеныхъ корзинкахъ, вмѣстѣ съ разноцвѣтными шелковыми матеріями, употребляемыми для парадныхъ костюмовъ. Копья, щиты, деревья для построекъ, дрова и даже эмалированная посуда, которую продаютъ предпріимчивые армяне, и которая составляетъ предметъ вожделѣнія для каждаго абиссинца,—все это навалено грудами, въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Здѣсь же, на базарѣ, продаютъ мелкую размѣнную монету, т.-е. куски соли. Крупной монетной единицей является талеръ, который издавна чеканится въ Австріи, и стоимость его приблизительно равняется нашему рублю. Большой развѣсистый баобабъ стоитъ посреди площади — это абиссинская висѣлица, но теперь въ часъ базара къ нему привязываютъ лошадей и муловъ, и абиссинцы мирно толкуютъ въ тѣни его о своихъ дѣлахъ. Вокругъ площади расположенъ рядъ харчевенъ. Въ нихъ торгуютъ тейчемъ, а также любовью, такъ какъ содержательницы этихъ харчевенъ занимаются проституціей,—институтъ, впрочемъ, очень немногочисленный въ Абиссиніи. И надо всѣмъ этимъ стоитъ облако густой пыли и совершенно специфическій запахъ, „l'odeur des colonies", какъ его называютъ французы, отъ котораго непривычному человѣку дѣлается дурно; это—запахъ прогорклаго масла, которымъ обильно, почти повсемѣстно въ Африкѣ, смазываютъ волосы и голову, вѣроятно для того, чтобы предохранить ихъ отъ дѣйствія солнца. Особенное оживленіе царитъ на базарѣ въ субботніе дни. Съ восходомъ солнца, въ шесть часовъ по нашему счету, а по абиссински—въ часъ, уже кишитъ человѣческій муравейникъ; по маленькимъ улицамъ-тропинкамъ направляются и конные и пѣшіе къ базару. А кому незачѣмъ идти на базаръ, тотъ сидитъ тутъ же на низкой, сложенной изъ камешковъ, оградѣ своего домика и толкуетъ съ сосѣдями или останавливаетъ знакомыхъ прохожихъ.

— За сколько купила рубашку?

— Талеръ и двѣ соли.

— Что такъ дорого?

— Фаранжи камизъ (иностранная рубашка), — отвѣчаетъ темнокудрая красавица и съ гордостью показываетъ пріятельницѣ простроченную на машинѣ, бѣлую коленкоровую рубашку. Маленькая дѣвочка, лѣтъ восьми, вертится тутъ же и съ завистью разсматриваетъ филиграновую серебряную шпильку, купленную кокетливой дамой на базарѣ. Худенькая и тоненькая, она, тѣмъ не менѣе, носитъ за спиной привязаннаго кускомъ кожи братишку, а вечеромъ, когда она уложитъ его спать, ей на спину привязываютъ „гомбо“—темную глиняную амфору, и она нѣсколько разъ должна спуститься къ рѣкѣ и принести домой воду. Ей страшно надоѣли и братишка, и гомба, и она мечтаетъ, что когда ей будетъ четырнадцать лѣтъ, она выйдетъ за какого-нибудь башу или баламбараса, у нея будутъ невольники, а она только отъ нечего дѣлать будетъ заниматься изящными рукодѣліями, плести цвѣтныя корзиночки и тянуть на веретенѣ тонкую, какъ паутина, пряжу. Или, вотъ какъ эта знатная дама, въ фіолетовыхъ чулкахъ и черномъ шелковомъ бурнусѣ, которая ѣдетъ сейчасъ по улицѣ, окруженная своими прислужницами, отправится она съ визитами къ своимъ знакомымъ, и ея слуги и рабы будутъ прокладывать дорогу сквозь густую толпу, а дорогой, толстый мулъ, покрытый вышитымъ чепракомъ, будетъ блестѣть серебряной сбруей на солнцѣ. А теперь тутъ же при дорогѣ играютъ ея маленькіе полуголые братья и сестры, и мать бранится и ссорится съ мужемъ изъ-за дешево проданнаго барана, не обращая ни на кого вниманія. Маленькіе ослики, нагруженные сѣномъ и соломой, проталкиваются сквозь всю эту публику, которая болтаетъ и смѣется. Они глубоко сосредоточены и торопятся поскорѣе донести грузъ и вернуться къ себѣ домой; имъ нѣтъ дѣла до этого великолѣпнаго „фаранжи“ (европейца), въ каскѣ, окруженнаго верховыми слугами, который съ такимъ негодованіемъ кричитъ на стараго галаса, ихъ хозяина, загораживающаго ему путь своими дурацкими ослами.

Дворецъ или „геби“ — этотъ другой центръ и средоточіе абиссинской жизни, расположенъ на небольшой возвышенности, откуда открывается видъ на всю Адиссъ-Абебу. Онъ представляетъ рядъ двориковъ, окруженныхъ изгородью, въ которыхъ находятся дворцовыя службы, а въ самомъ центрѣ внутренніе покои императора, или такъ называемый „эльфинъ“. У внѣшней изгороди сидятъ оруженосцы и слуги мелкихъ вассаловъ, маленькихъ людей, которымъ приходится спѣшиваться у первыхъ воротъ дворца. Тутъ же толкутся греки и

армяне, которыхъ абиссинцы не считаютъ за настоящихъ иностранцевъ, и относятся къ нимъ нѣсколько презрительно.

Но вотъ съ противоположной горы быстро спускается многочисленное войско. Легкимъ гимнастическимъ шагомъ бѣгутъ вооруженные съ головы до ногъ, бѣлые, какъ снѣгъ, воины, гарцуютъ на изукрашенныхъ серебромъ коняхъ всадники, и на мулѣ-иноходцѣ, покрытомъ вышитымъ чепракомъ, въ самомъ центрѣ величественная фигура раса (владѣтельнаго князя). Онъ закрываетъ своимъ бѣлымъ плащемъ нижнюю часть лица, чтобы дыханіе его не было осквернено дыханіемъ этой черни. Онъ спѣшитъ къ императору. Почтительно разступаются ликторы, охраняющіе входъ, и опускаютъ прутики передъ его свитой. Черезъ рядъ безчисленныхъ дворовъ, обнесенныхъ плетеными колючими изгородями, проникаетъ расъ со своей свитой до послѣднихъ воротъ, за которыми находятся внутренніе покои—„эльфинъ“. Только здѣсь онъ спѣшится и въ сопровожденіи одного, или двухъ приближенныхъ, войдетъ во внутренній дворъ. Правда, какъ знакъ особаго благоволенія, какъ показатель чрезвычайной близости къ престолу царя царей, позволяется немногимъ лицамъ въѣзжать на мулѣ во внутреннюю ограду. Я помню, какой гордостью и величіемъ преисполнились мои слуги, съ какимъ жестомъ высокомѣрнаго презрѣнія оттолкнули они ликторовъ, когда вслѣдствіе нѣкоторыхъ услугъ, оказанныхъ императору, насъ удостоили этимъ знакомъ высочайшаго благоволенія.

На всѣхъ этихъ дворикахъ толпятся самыя разнообразныя лица, ожидая часами, а иногда и мѣсяцами возможности проникнуть въ „эльфинъ“ и получить ауліенцію отъ императора. Начальники отдѣльныхъ провинцій, баламбарасы, т.-е. офицеры абиссинской арміи, всевозможныя административныя лица, смотря по званію и положенію, располагаются въ той или иной оградѣ. На внѣшнемъ дворикѣ живописными группами сидятъ оруженосцы, положивъ у ногъ тяжелый щитъ изъ бегемотовой кожи, украшенный серебромъ, и ружье своего господина, завернутое въ пурпуровый чехолъ. Высокіе геркулесы-негры держатъ на поводу лошадей и муловъ, и безъ умолку льется трескотня и смѣхъ, потому что абиссинецъ болтливъ и общителенъ. Во внутреннихъ оградахъ прогуливаются, изящно задрапированные въ бѣлыя тоги, ихъ господа, и такъ же сыплется, какъ горохъ, ихъ гортанная рѣчь, и такъ же, черезъ каждыя два слова, слышится „Джанхой“, т.-е. повелитель, имя, которое наиболѣе часто употребляютъ абиссинцы, говоря о негусѣ. Всѣ они ждутъ, не появится ли бѣлоснѣжный, легкокрылый пажъ Эльфинъ-Ашкеръ изъ внутреннихъ покоевъ дворца, съ изысканно цвѣтистымъ привѣтствіемъ предлагающій слѣдовать за нимъ въ самый эльфинъ.

На низкой софѣ, устланной восточными коврами, въ сумракѣ высокаго круглаго зала принимаетъ императоръ европейцевъ и абиссинцевъ. Императоръ Менеликъ былъ въ высшей степени интересной политической фигурой. Онъ воплотилъ въ себѣ всѣ характерныя черты большого государственнаго дѣятеля средневѣковья. Этотъ „собиратель земли абиссинской", долгіе годы боролся съ мятежными феодалами, и ему удалось закончить дѣло, начатое еще его предшественникомъ, негусомъ Ѳеодоромъ-Іоганессомъ и объединить разрозненную, раздираемую смутами страну, подъ своей властью, а также возстановить величіе Абиссиніи, которымъ она пользовалась въ XVIII в.—въ апогеѣ своей славы. Онъ расширилъ предѣлы имперіи, благодаря завоеванію Каффы до озера Рудольфа, а счастливый исходъ итальянской кампаніи еще болѣе укрѣпилъ его тронъ. Но прекрасно понималъ старый императоръ, какими опасными союзниками являлись его же вассалы, стоявшіе во главѣ преданныхъ имъ войскъ. Многихъ изъ нихъ удерживалъ онъ при своемъ дворѣ, какъ дорогихъ гостей, а иногда и попросту, какъ почетныхъ плѣнниковъ. Предлоги для этого были самые разнообразные. Такъ, напримѣръ, когда умеръ расъ-Маконенъ, король Харара, спѣшно призвалъ императоръ Деджача-Демисье, начальника галасской конницы и владѣтеля богатыхъ золотомъ земель, и съ грустью заявилъ ему, что тѣнь покойнаго раса тревожитъ его во снѣ и вопіетъ о мщеніи, такъ какъ немало сдѣлалъ зла при жизни Деджачъ-Демисье покойному расу. И съ большими извиненіями, и очень сожалѣя, приказалъ старый негусъ наложить на Деджача и его супругу золотыя цѣпи. На самомъ же дѣлѣ просто побаивался Джанхой страшно любимаго, великодушнаго и популярнаго Деджача.

Тяжело иногда приходилось старому негусу, такъ какъ онъ воплощалъ для своего народа не отвлеченное понятіе о царской власти, а какъ библейскій царь, долженъ былъ показываться во всемъ блескѣ и великолѣпіи, чтобы поддерживать свою популярность. Я помню, какъ четыре года тому назадъ, только что оправившійся отъ перваго, сравнительно легкаго удара, Менеликъ давалъ „гебыръ", т.-е. пиръ народу. Въ огромную залу дворца—„адеррашъ" впускали ликторы съ утра толпившійся у высокихъ дверей народъ. Быстро наполнилось огромное, вмѣщающее нѣсколько тысячъ человѣкъ, помѣщеніе, и когда всѣ усѣлись вокругъ низкихъ, плетеныхъ столиковъ, пурпуровая завѣса въ глубинѣ зала раздвинулась, и подъ вышитымъ золотомъ балдахиномъ, окруженный могучими расами и военоначальниками, предсталъ передъ своимъ народомъ все еще величественный, старый Левъ. И въ позѣ, и въ посадкѣ головы негуса, было, дѣйствительно, что-то львиное. Какой-то добродушной силой вѣяло отъ всей его дряхлѣю-

щей, но все еще могучей, фигуры. Весело и радостно смотрѣлъ царь царей на свой народъ въ то время, какъ дворцовые слуги обносили пирующихъ сырымъ мясомъ и острыми уотами, а большіе рога, наполненные тейчемъ, передавались изъ рукъ въ руки, и все оживленнѣе и веселѣе становились гости. На смѣну имъ должны прійти другіе. Еле сдерживаютъ ликторы нетерпѣливую толпу, которая волнуется на площади въ ожиданіи своей очереди. И до поздняго вечера пировалъ Джанхой со своими воинами, а потомъ насыщенные, слегка навеселѣ, отправились они въ городъ и разсказывали, что императоръ все такжѣ бодръ и величественъ, и слухи объ его нездоровьи только однѣ бабьи сплетни. Но еще утомительнѣе въ послѣднее время были для Менелика пріемы иностранцевъ. Когда-то они пріѣзжали къ нему запросто, какъ добрые друзья, и привозили ему занятные, а подчасъ и полезные подарки. Попросту принималъ ихъ Джанхой. Разсматривалъ разныя диковинныя штуки и приспособленія, вывезенныя изъ Европы, пробовалъ вмѣстѣ съ ними ружья, заставлялъ шить при себѣ сапоги, присутствовалъ при операціяхъ и даже стремился ввести нѣкоторыя новшества и усовершенствованія при своемъ дворѣ. Но все круто измѣнилось въ послѣдніе годы. Послѣ итальянской войны европейскія державы понаслали своихъ дипломатовъ, людей довольно таки безполезныхъ, съ точки зрѣнія стараго императора, которые только сѣяли смуту и постоянно угрожали негусу разными политическими осложненіями. Подозрительно сталъ относиться Менеликъ ко всѣмъ вновь пріѣзжающимъ иностранцамъ. Когда русскій докторъ, только-что пріѣхавшій въ Адиссъ-Абебу, представился ему въ формѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, императоръ принялъ его чрезвычайно сухо и только потомъ объяснилъ, что онъ думалъ, что ему прислали еще одного лишняго дипломата-чиновника.

Бывали случаи, когда надо было Менелику показать слегка свои львиные когти передъ этими пріѣзжими гостями. Онъ устраивалъ тогда огромные парады и чуть ли не полъ арміи стягивалъ на равнину Адиссъ-Абебы. И дикіе всадники, съ львиными гривами на головахъ, залитые золотомъ и серебромъ, въ развѣвающихся звѣриныхъ шкурахъ, дѣлали примѣрную аттаку передъ шатромъ негуса, въ которомъ онъ принималъ почетнаго гостя.

И вотъ послѣ тридцати-четырехлѣтняго царствованія, этотъ непобѣдимый Левъ отъ колѣна Іуды, какъ значится на его печати, сломленъ былъ тяжкимъ недугомъ и разбитъ параличемъ и гдѣ-то вдали отъ трона и власти долженъ былъ влачить жалкое существованіе. Почти одновременно съ низложеніемъ Джанхоя умеръ и его старый другъ и сподвижникъ Афа-негусъ „Уста императора“. Таковъ титулъ верховнаго судьи Абиссиніи и, какъ второму лицу въ имперіи, ему полагалось во всѣхъ

торжественныхъ случаяхъ находиться по правую руку негуса. Когда-то, будучи еще молодымъ человѣкомъ, выступалъ старый Афа-негусъ въ качествѣ адвоката предъ лицомъ Джанхоя, и такъ искусенъ онъ былъ въ словахъ, что повелителю Абиссиніи приходилось почти всегда оправдывать кліентовъ молодого адвоката. Это блестящее краснорѣчіе порядкомъ таки досаждало негусу, и, желая уничтожить противника, онъ однажды, сильно раздосадованный, заявилъ ему: „Защищать легко,—попробуй-ка обвинять; назначаю тебя Афа-негусомъ и, какъ „Уста императора", ты будешь судить наряду со мною". Любилъ старый негусъ самолично творить правосудіе и каждую среду и пятницу на одномъ изъ внутреннихъ двориковъ дворца, на высокомъ помостѣ, окруженный расами, чинилъ царь царей судъ и расправу. Къ нему, какъ къ высшей инстанціи, апеллировали недовольные.

Передъ помостомъ съ восходомъ солнца съ шести часовъ утра уже галдятъ адвокаты и ихъ кліенты, а также толпа добровольныхъ свидѣтелей, потому что, если абиссинцу не о чемъ и не съ кѣмъ тягаться, то, по крайней мѣрѣ, онъ старается выступить въ качествѣ свидѣтеля,—столь велика страсть къ сутяжничеству въ Эфіопіи. Но вотъ появляется императоръ, за нимъ несутъ Фата-Негистъ („сводъ законовъ"). Онъ даетъ знакъ, что засѣданіе открыто. Быстро перебросивъ черезъ руку тогу, выступаетъ истецъ. Онъ принимаетъ картинную позу, полную достоинства и благородства, и въ длинной рѣчи излагаетъ дѣло. За нимъ слѣдуетъ обвиняемый, свидѣтели, каждый по мѣрѣ силъ и возможности старается превзойти другого въ изысканности выраженій, въ красотѣ и пластичности жеста; и знойное абиссинское солнце изукрашиваетъ причудливыми махровыми цвѣтами краснорѣчіе адвокатовъ. Только тогда, когда который-нибудь изъ нихъ переходитъ границы, дозволенныя цензурою, ликторы, по знаку негуса, слегка ударяютъ его прутиками и нѣсколько охлаждаютъ пылъ зарапортовавшагося защитника. Черезъ минуту онъ, впрочемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ свою слегка прерванную рѣчь.

Любовь къ тяжбамъ такъ велика, что въ свободное время устраивается нѣчто въ родѣ словеснаго турнира. Сколько разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ послѣ долгаго, утомительнаго перехода, усѣвшись возлѣ костра, устраивали мои ашкеры примѣрное судбище. Выставлялось какое-нибудь положеніе, какой-нибудь гражданскій искъ; изъ числа играющихъ одинъ бралъ на себя роль истца, другой—роль отвѣтчика. Выбирали адвокатовъ и судей, и, какъ въ настоящемъ абиссинскомъ производствѣ, и обвиняемый и истецъ за справедливость своихъ притязаній ручались залогомъ. Сидя на корточкахъ, освѣщенные заревомъ костра, молча слушали смуглые судьи блестящія, длинныя рѣчи

и потомъ большинствомъ голосовъ рѣшали, за кѣмъ осталась побѣда и кто выигралъ залогъ.

Но самое замѣчательное въ абиссинскомъ судопроизводствѣ—это институтъ слѣдователей по уголовнымъ дѣламъ. Должность эта въ большинствѣ случаевъ наслѣдственная и переходитъ изъ рода въ родъ. Такой слѣдователь, или „леваша", имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько мальчиковъ лѣтъ 10—11. Когда надо обнаружить преступленіе, онъ даетъ имъ выпить особо приготовленный напитокъ; ребенокъ впадаетъ въ состояніе сомнамбулизма и леваша, вмѣстѣ съ ясновидящимъ, отправляется на розыски преступника. За ребенкомъ и за левашей слѣдуетъ всегда масса народа; и когда мальчикъ въ припадкѣ падаетъ передъ какимъ-нибудь домомъ, леваша объявляетъ, что здѣсь и живетъ преступникъ. Замѣчательнѣе всего, что громадное количество преступленій раскрывается такимъ способомъ. Возможно, что во всей этой процедурѣ леваши, главную роль играетъ его опытность и наблюдательность, тѣмъ болѣе, что леваши почти всегда люди очень хитрые, имѣютъ большой кругъ знакомыхъ и очень ловко разспрашиваютъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей объ обстоятельствахъ дѣла.

За убійство полагается месть родичей. Имъ въ руки, послѣ приговора императора, отдаютъ преступника, и они сами совершаютъ надъ нимъ казнь. Клятвопреступнику отрѣзаютъ языкъ, за грабежъ отрубаютъ руку. Но кровавый законъ абиссинскій, жестоко карая злодѣянія, не знаетъ пытокъ и ненужныхъ жестокостей. Онъ суровъ и простъ, какъ суровы и просты сердца и самихъ абиссинцевъ.

Вмѣстѣ съ Джанхоемъ удалилась въ изгнаніе и когда-то горячо любимая имъ императрица Таиту.

„Красивая женщина дороже короны", гласитъ абиссинская пословица. Такъ думалъ и императоръ Менеликъ, когда четверть вѣка тому назадъ развелся съ первой своей женой, принцессой Бофана, и положилъ къ ногамъ Таиту свое Шоанское королевство. Давно образъ „свѣтлѣйшей изъ женъ" тревожилъ мечты Менелика, еще въ то время, когда онъ былъ юнымъ заложникомъ императора Ѳеодора и каждую минуту боялся не только за свою судьбу, но и за свою жизнь.

Презрительно относилась Таиту къ ухаживаніямъ „муча" (молокососъ), такъ называла она въ ту пору Менелика. Въ женихахъ у нея недостатка не было: ея удивительно свѣтлый для абиссинки цвѣтъ лица даже въ старости возбуждалъ восхищеніе окружающихъ, а во дни молодости это дѣлало ее первой красавицей Эфіопіи. Изъ отдаленныхъ провинцій пріѣзжали владѣтельные расы и добивались ея

руки, такъ какъ столь поразительная бѣлизна кожи свидѣтельствовала не только о красотѣ, но и о чрезвычайной знатности ея рода. Четыре раза была замужемъ Таиту прежде, чѣмъ стала женой Менелика. Рѣдко заключаемый въ Эфіопіи, нерасторжимый церковный бракъ увѣнчалъ этотъ союзъ передъ лицомъ вѣчности: таинство брака соединяетъ абиссинскихъ супруговъ не для земной жизни, а для жизни будущаго вѣка. Этотъ церковный бракъ въ противоположность гражданскому, единственному распространенному въ странѣ, ненарушимъ и послѣ смерти одного изъ супруговъ: оставшійся въ живыхъ, въ большинствѣ случаевъ, принимаетъ схиму.

Надменная и властная отъ природы, сдѣлавшись императрицей, Таиту окружила себя дымкой таинственности и недоступности и все неохотнѣе и неохотнѣе принимала европейцевъ: получить аудіенцію у императрицы считалось въ послѣдніе годы знакомъ величайшей милости. Впрочемъ въ этой нелюбви къ европейцамъ сказывалось скорѣе всего стремленіе обуздать черезчуръ разыгравшіеся европейскіе аппетиты.

Надо сознаться, что единственнымъ предразсудкомъ этой „невѣжественной грубой ханжи“, какъ принято было называть императрицу въ дипломатическихъ кружкахъ Адисъ-Абебы, было вполнѣ понятное желаніе сохранить за Абиссиніей свободу и независимость. Недаромъ, во время переговоровъ, за которыми послѣдовала итальянская война, такъ рѣшительно заявила императрица маркизу Антонелли, что не допуститъ взять подъ опеку ни себя, ни государя Абиссиніи. Побѣдоносно закончилась война эта съ Италіей, въ которой Таиту принимала дѣятельное участіе и даже сама командовала огнемъ своихъ батарей. Еще болѣе укрѣпилась власть „Итые“ (императрица), и врядъ ли приходило ей въ голову, что ненавистные—„фаранджи“ одержатъ верхъ надъ нею и скоро низвергнутъ ее съ высоты престола. Казалось, никогда могущество императрицы не достигало такого апогея, какъ три года тому назадъ, когда въ послѣдній разъ выѣзжала она въ Баромеду на свиданіе съ итальянскимъ губернаторомъ, для заключенія окончательнаго договора по пограничному вопросу. По дорогѣ ей воздавали болѣе почестей, нежели императору, который, со своими войсками, въ сопровожденіи Абуны (митрополита) и Афа-негуса, шелъ впереди на разстояніи двухъ-трехъ часовъ пути.

Медленно движется армія Таиту. Высоко вздымаясь надъ цѣлымъ лѣсомъ копій, фіолетовый зонтикъ, расшитый золотомъ, указуетъ на присутствіе Итые среди ея воиновъ. Невидимая, огражденная отъ постороннихъ взглядовъ, стѣной своихъ „афене“ или тѣлохранителей, ѣдетъ „Свѣтъ Абиссиніи“ (имя императрицы, которое значится на ея печатяхъ).

Она съ ногъ до головы закутана въ бѣлое, какъ снѣгъ, покрывало. Черная шелковая мантія ниспадаетъ съ плечъ и покрываетъ сѣдло и ноги. Ея залитаго золотомъ мула поддерживаютъ огромные баламбуи (конюшенные),—кажется, что они несутъ Итые на своихъ могучихъ плечахъ, подобно какому-то священному изображенію на золотомъ пьедесталѣ. Вслѣдъ за ней, облеченныя въ такія же бѣлыя тоги и окутанныя въ черныя мантіи, одна за другой слѣдуютъ надменныя „озеро“ (принцессы). И не властью и деспотизмомъ, а чѣмъ-то глубоко мистическимъ вѣетъ отъ этого шествія абиссинскихъ женъ во главѣ со своей повелительницей, отъ этихъ точно изваянныхъ фигуръ всадницъ и отъ суровыхъ лицъ воиновъ, которые бережно, какъ нѣчто безконечно хрупкое и драгоцѣнное поддерживаютъ ихъ и почти несутъ на рукахъ, „дабы не преткнулись онѣ ногою о камень“.

И благовѣстью звенитъ съ окрестныхъ холмовъ радостный крикъ: „А-ли-ли-ли“. Заливаются жеищины и дѣти, воздѣвъ руки къ небу. „А-ли-ли-ли, вотъ идетъ наша царица, наша родная царица“. Разносится, какъ звонъ по воздуху, этотъ немолчный крикъ, которымъ сбѣжавшіеся отовсюду жители привѣтствуютъ императрицу.

Но вотъ какой-то смѣльчакъ отдѣляется отъ толпы, прорываетъ цѣпь тѣлохранителей и бросается подъ ноги мула Итые.

— Абіетъ! абіетъ! — кричитъ распростертый на землѣ человѣкъ, раздирая на себѣ одежды.

„Свѣтъ эѳіопіи“ знакомъ останавливаетъ шествіе.

— Я твой слуга, твоя собака, я убивалъ съ тобой въ бою итальянцевъ. Я отбилъ два копья, я съ тобою умру.

И вслѣдъ за тѣмъ слѣдуютъ жалобы, что императрица ничѣмъ не наградила своего бѣднаго слугу, что у него нѣтъ ни клочка земли.

— Кто поручитель?—спокойно спрашиваетъ Итые.

Изъ толпы придворныхъ выходитъ поручитель, который долженъ будетъ на стоянкѣ подробно изложить дѣло. И опять движется прерванное шествіе, а проситель становится въ хвостъ процессіи, гдѣ ѣдутъ прислужницы, поварихи, женщины, готовящія тейчъ, походная кухня, завѣдующія гардеробомъ и т. п.

Тяжело ѣхать грузной Таиту, но всякія жалобы были бы неумѣстны, и только близкимъ замѣтно, какою радостью засвѣтятся глаза императрицы, когда она, наконецъ, достигнетъ зеленаго шелковаго шатра, разбитаго почти подлѣ шатра императора. Быстро, точно изъ земли, выростаютъ вокругъ ея палатки бѣлые шатры ея свиты: военный домъ императрицы занимаетъ всегда лѣвое крыло арміи.

Вечеретъ. Солнце уже не палитъ такъ сильно, и со всѣхъ сторонъ тянутся къ лагерю вереницы людей съ дарами. „Почему пришелъ ты на своихъ ногахъ, а не на своихъ рукахъ“, говоритъ на-

чальникъ области своему вассалу, пришедшему къ нему съ пустыми руками; такъ какъ каждый вассалъ долженъ приносить „дурго", т.-е. все необходимое продовольствіе своему господину. Таковъ обычай страны. И широкой рѣкой текутъ обильныя приношенія въ императорскій лагерь. Несутъ корзины съ хлѣбомъ, покрытыя пурпуромъ, гонятъ стада быковъ и барановъ, идутъ женщины съ тяжелыми, глиняными амфорами на головахъ, наполненными тейчемъ, или съ вязанками дровъ за спиной, рысцой бѣгутъ маленькіе ослики, нагруженные сѣномъ и овсомъ, подгоняемые нагими ребятишками, а за ними опять и опять человѣческія фигуры, согбенныя подъ тяжестью даровъ, безконечной вереницей вырисовываются на ясномъ вечернемъ небѣ, точно живая фреска, изображающая приношеніе царямъ во дни фараоновъ.

Но не только участвовала въ походахъ Итые, и въ обыкновенное время принимала она дѣятельное участіе въ дѣлахъ государства. Скоро поняла императрица, что всѣ европейскія новшества, вводимыя Менеликомъ и необходимыя странѣ для ея дальнѣйшаго развитія, вооружатъ противъ императора приверженцевъ стараго порядка. И вотъ эту-то старую абиссинскую партію и духовенство и группируетъ вокругъ себя Таиту.

Съ утра до вечера толпятся въ ея покояхъ, какъ и въ покояхъ императора, самыя разнообразныя лица абиссинской администраціи, высшее духовенство и владѣтельные князья. Рой молодыхъ дѣвушекъ, фрейлинъ императрицы, въ бѣлыхъ, высоко подпоясанныхъ туникахъ, точно хороводъ, спустившійся съ греческой вазы, окружаютъ альгу (диванъ), устланную драгоцѣнными коврами, на которой сидитъ старая Итые. Ихъ смуглыя, тоненькія ручки, съ ладонями, окрашенными въ пурпуръ, шаловливо играютъ съ маленькими собачонками и кошками, любимыми животными абиссинскихъ дамъ.

Кокетливо блестятъ черные глаза и сверкаютъ бѣлые зубки сквозь, пожалуй, черезчуръ пышныя пунцовыя губы, съ интересомъ разсматриваютъ онѣ посѣтителей, среди которыхъ немало завидныхъ жениховъ, да къ тому же Итые большая любительница заниматься сватовствомъ. Замужнія дамы въ длинныхъ, волочащихся по землѣ тогахъ, гордыя „озеро" (принцессы) пріѣзжаютъ сюда устраивать судьбу своихъ близкихъ, а тѣ, которыя помоложе, зачастую и свою собственную. Гражданскій бракъ, наиболѣе распространенный въ странѣ, расторгается очень легко той и другой стороной, а церковный—большая рѣдкость.

Законъ разрѣшаетъ вступать въ церковный бракъ только послѣ четырехъ лѣтъ сожительства въ гражданскомъ бракѣ. Я помню, какъ на выраженное мною удивленіе по поводу столь страннаго для евро-

пейца запрета, старый абиссинскій законникъ очень мудро замѣтилъ мнѣ: „Зачѣмъ мѣшать Бога въ дѣло, которое вы сами не разобрали. Какъ еще ты уживешься съ женой, а въ преходящее земное дѣло вы всуе запутали имя Божіе“.

— „А дѣти?“ Дѣти при разводѣ—это чисто европейскій вопросъ, непонятный абиссинцамъ. Дѣти есть благословеніе Божіе. Ребенка надо воспитывать тамъ, гдѣ ему лучше. Каждый ребенокъ, законный или незаконный,—это счастье и благополучіе для дома. „Пріемышъ поддерживаетъ порядокъ въ домѣ“, гласитъ абиссинская пословица. Къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, къ свободной любви дѣвушки, абиссинцы относятся чрезвычайно спокойно. Что же тутъ позорнаго имѣть ребенка? „Мой внукъ“,—говоритъ императоръ и съ любовью показываетъ на мальчика, рожденнаго его дочерью внѣ брака, отъ какого-то простого воина. Конечно, замужъ за этого простого человѣка она не вышла,—она замужемъ за богатымъ владѣтелемъ, расомъ Гуксой, но ребенокъ наслѣдуетъ всѣ права матери.

Гражданскій бракъ заключается при особаго рода судьѣ. Вступающіе въ бракъ должны объявить свое имущество. При разводѣ имущество дѣлится пополамъ, и мужъ обязанъ давать на воспитаніе ребенка, если ребенокъ остается при матери.

Положеніе женщины въ Абиссиніи вообще чрезвычайно почетное и въ этомъ отношеніи особенно характерны слова абиссинскаго мыслителя XVI-го вѣка Зара-Якоба. „Не можетъ исходить отъ Создателя женщины законъ о, такъ называемой, женской нечистотѣ, которая также установлена премудростью Творца; это дѣлаетъ тяжелымъ бракъ и всю жизнь женщины, мѣшаетъ воспитанію дѣтей и попираетъ любовь“. Выходя замужъ, женщина сохраняетъ знатность своего рода. Очень часто, послѣ отца, она наслѣдуетъ жалованную землю и является ея управительницей, тогда какъ мужъ остается простымъ „маленькимъ“ человѣкомъ, и на всѣхъ оффиціальныхъ пріемахъ выступаетъ одна жена. Типъ, какъ называютъ французы, maitresse-femme, чрезвычайно присущъ абиссинскимъ дамамъ, что отнюдь не мѣшаетъ ихъ мужьямъ быть суровыми, твердыми воинами. При знатныхъ абиссинскихъ дамахъ всегда состоитъ цѣлый рой священниковъ, такъ какъ онѣ очень религіозны, большія постницы и молельщицы, а также любительницы богословскихъ споровъ. Эти споры, впрочемъ, главнымъ образомъ касаются единства естества Медани-Алемъ (Іисусъ Христосъ). Абиссинцы монофизиты и митрополитъ ихъ — Абуна, ставленникъ Коптской церкви. Абуна, пользуется почти такой же властью, какъ императоръ; въ его рукахъ страшное орудіе для религіознаго абиссинца—отреченіе отъ церкви, и потому зависимость въ этомъ вопросѣ отъ Египта чрезвычайно тяготитъ абиссинцевъ; много разъ обраща-

лись они къ Россіи съ просьбой рукополагать имъ епископовъ, но, въ силу какихъ-то соображеній, имъ было отказано въ этомъ.

Въ тѣни священныхъ рощъ, окружающихъ круглыя абиссинскія церкви, въ бѣлыхъ тіарахъ на головахъ, обмахиваясь отъ мухъ опахалами изъ жирафовыхъ хвостовъ, цѣлый день проводятъ аббы (священники) и дабтары (ученые книжники) въ чтеніи молитвъ и житій святыхъ. Въ тѣни же церковныхъ оградъ пріютились и абиссинскія кладбища; подъ мясистыми вѣтвями колкуалы и огромными вѣковыми можжевельниками разбросаны маленькіе домики, которые знатные абиссинцы строятъ надъ могилами своихъ близкихъ. Въ этихъ часовенкахъ живутъ благочестивые старцы-отшельники и молятся о поминовеніи души умершихъ и о прощеніи ихъ прегрѣшеній. А родственники покойныхъ доставляютъ имъ необходимое пропитаніе. Во время поминокъ „таскаръ“, въ годовой день кончины, также полагается устраивать обѣдъ духовенству и бѣднякамъ, чтобы почтить память умершаго.

Велико таинство смерти, и не слѣдуетъ приносить извѣстіе о смерти близкаго лица днемъ, при сіяніи солнца. Осторожно будятъ спящаго и подъ таинственнымъ ночнымъ покровомъ сообщаютъ ему скорбную вѣсть. И, разодравъ одежды свои, облекается онъ въ грязныя ткани, и страшными воплями оглашается домъ. Особенно раздирающіе душу крики испускаютъ женщины, и, какъ въ давно минувшія времена, эти плакальщицы распускаютъ волосы и ногтями раздираютъ себѣ грудь и лицо. Съ уваженіемъ относятся сосѣди и знакомые къ той изъ нихъ, которая не пожалѣла себя въ припадкѣ скорбнаго экстаза. „Какая удивительная дѣвушка,—говорятъ они,—какъ убивалась по своемъ братѣ, до опухоли наколотила грудь камнями“.

Суровые посты, молитвенныя ночныя бдѣнія въ чрезвычайномъ ходу у абиссинцевъ; и часто, возвращаясь изъ какого-нибудь европейскаго дома поздно ночью, видишь, какъ сіяютъ огнями круглыя абиссинскія церкви и слышишь монотонное пѣніе дабтаровъ, а около церковной ограды стоятъ мулы и сидятъ оруженосцы, ожидая своихъ набожныхъ господъ.

Въ Великую Пятницу, въ день отданія „поста“ собираются причты всѣхъ церквей Адисъ-Абебы въ Геби (дворецъ) и здѣсь, въ присутствіи знатныхъ абиссинцевъ и европейскихъ представителей, совершаютъ они торжественный, священный танецъ; медленно запѣваютъ дабтары вдохновенную импровизацію, ее подхватываетъ хоръ, ударяя въ тактъ высокими посохами, на которые опираются во время богослуженія. Длинный, громадный барабанъ отбиваетъ ритмъ, но мало-по-малу ускоряется темпъ пѣнія, звуки барабана становятся чаще и сильнѣе, звенитъ серебряный систрумъ (музыкальный инструментъ — родъ ко-

локольчика), и неподвижная вначалѣ группа пѣвцовъ начинаетъ колыхаться, и все быстрѣе и быстрѣе раскачиваются въ тактъ пѣвцы, и ростетъ ихъ экстазъ, и вдохновеніемъ горятъ глаза, обращенные къ небу. Аббы, въ парчевыхъ мантіяхъ, золотыхъ тіарахъ, присоединяются къ движенію пѣвцовъ. Вытянувъ руки, то поднимаясь на носкахъ, то опускаясь и присѣдая, плавно двигаются они въ священной пляскѣ, подобно тому, какъ плясалъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта.

Но не одни священные танцы, а и многіе другіе обряды—обрядъ обрѣзанія, запрещенное мясо, завѣса въ храмѣ, скрижаль завѣта, хранимая въ Аксумѣ, когда-то будто похищенная изъ Іерусалима, свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ вліяніи древне-іудейскаго царства на Эфіопію. Оттуда заимствовали абиссинцы свою первоначальную культуру и религію, и оттуда же, какъ гласитъ преданіе, привезла царица Савская родоначальника абиссинской династіи. Но прямого закона о престолонаслѣдіи нѣтъ въ Абиссиніи. Каждый потомокъ Соломона и царицы Савской имѣетъ право на престолъ. И съ трудомъ удалось Менелику объявить наслѣдникомъ своего внука—Лича Іассу, сына его дочери и раса Микаэля, могучаго правителя Уоле. Но удержитъ ли въ рукахъ своихъ власть нѣжный и слабый Личъ, коронованный такъ недавно Негусомъ-Негистэ всея Абиссиніи, или мятежные вассалы, поддерживаемые и подстрекаемые доброжелательными европейцами низвергнутъ этого молодого „льва отъ колѣна Іуды“, и опять распадется Абиссинія на рядъ фіефовъ, а по дорогѣ будутъ грабить караваны и убивать путешественниковъ, и тогда уже на законномъ основаніи можно будетъ придвинуть со всѣхъ сторонъ европейскія войска и подѣлить этотъ лакомый кусокъ.

Возможно, что таковъ желѣзный законъ цивилизаціи, и только по свойственной женщинамъ сентиментальности, а, можетъ быть, и въ силу того, что во время тяжелой болѣзни Іассу я успѣла привязаться къ этому милому и доброму ребенку, мнѣ хотѣлось бы, чтобы 28 вѣковъ самостоятельнаго существованія Абиссиніи не были смыты нахлынувшей европейской волной и чтобы по всей странѣ долго звучала торжественная клятва „Іассу Имутъ“! какъ во дни его дѣда звучала „Менеликъ Имутъ“!

Екатерина Малиновская.

ЛИТЕРАТУРА О БИСМАРКѢ

Ни объ одномъ историческомъ дѣятелѣ новѣйшихъ временъ не писали и не пишутъ такъ много, какъ о Бисмаркѣ. По количеству появляющихся о немъ сочиненій, изслѣдованій, мемуаровъ, біографическихъ трудовъ и всякаго рода матеріаловъ онъ смѣло можетъ быть поставленъ на одну линію съ любимымъ героемъ молвы, Наполеономъ. Бисмаркъ былъ и остается національнымъ кумиромъ Германіи; онъ служитъ предметомъ не только поклоненія, но изученія, и посвященная ему литература непрерывно ростетъ съ каждымъ годомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла обширная монографія Оскара Клейнъ-Гаттингена: „Bismarck und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie“, въ двухъ большихъ томахъ. Затѣмъ появилось трехтомное сочиненіе на французскомъ языкѣ, Поля Маттера: „Bismarck et son temps“. Сравнительно недавно началось печатаніе новой біографіи Бисмарка, составленной Эрихомъ Марксомъ. Эти работы вносятъ много новыхъ данныхъ въ характеристику перваго періода жизни и дѣятельности Бисмарка, но далеко не раскрываютъ еще всѣхъ закулисныхъ сторонъ его политики въ позднѣйшіе годы, такъ какъ государственные и особенно дипломатическіе архивы остаются пока недоступны изслѣдователямъ.

Отсутствіе документальныхъ свѣдѣній по многимъ вопросамъ не мѣшаетъ историкамъ подробно излагать и анализировать событія, въ которыхъ руководящую роль игралъ Бисмаркъ. „Мы не можетъ ждать— замѣчаетъ Эрихъ Марксъ, — ни тѣхъ всесторонникъ архивныхъ свѣдѣній, которыми когда-нибудь будутъ обладать позднѣйшія поколѣнія, ни того освѣщающаго и регулирующаго вліянія, которое производится увеличивающимся отдаленіемъ. Мы не можемъ говорить о немъ такъ, какъ будутъ говорить черезъ сто или черезъ триста лѣтъ; но говорить и слышать о немъ мы должны однако и теперь: какъ мы ни были бы настроены, пройти мимо этой фигуры мы не можемъ“. Потребность говорить о Бисмаркѣ вызывается именно тѣмъ, что плоды его творчества чувствуются въ современной Европѣ на каждомъ шагу. Весь строй существующихъ международныхъ отношеній есть отчасти дѣло его рукъ. Политическія созданія Бисмарка оказались необыкновенно прочными и жизненными; въ нихъ нѣтъ того эфемернаго фантазерства, которое отличало имперію Бонапарта. Нынѣшняя Германія, съ ея крѣпкимъ военнымъ единствомъ на федеральной основѣ, живетъ и дѣйствуетъ въ томъ видѣ, какъ она устроена Би-

смаркомъ; основанный имъ тройственный союзъ по прежнему обезпечиваетъ германское преобладаніе въ предѣлахъ европейскаго материка. Когда въ Европѣ происходитъ политическій кризисъ, и въ газетахъ начинаютъ обсуждаться шансы войны и мира, то въ умахъ публики невольно оживляется память „желѣзнаго канцлера“, оставившаго народамъ въ наслѣдіе систему вооруженнаго мира подъ главенствомъ Германіи. Новѣйшіе конфликты и переговоры относительно Марокко разыгрываются всецѣло на почвѣ политическихъ силъ и отношеній, организованныхъ Бисмаркомъ, и въ духѣ его обычныхъ пріемовъ и традицій. Понятно, поэтому, что культъ Бисмарка въ массѣ нѣмецкихъ патріотовъ не слабѣетъ, а усиливается съ годами.

Біографы Бисмарка придаютъ большое значеніе его генеалогіи. Въ тринадцатомъ вѣкѣ предки его, выходцы изъ небольшого города Бисмарка или Бископсмарка, принадлежали къ одной изъ главнѣйшихъ купеческихъ гильдій города Стендаля въ старой Бранденбургской маркѣ. Въ 1345-мъ году Клаусъ (Nicolaus) фонъ-Бисмаркъ, глава консервативной партіи въ Стендалѣ, потерпѣлъ пораженіе въ упорной борьбѣ съ демократическими цехами, былъ изгнанъ изъ города вмѣстѣ съ другими патриціями и получилъ отъ маркграфа Людвига замокъ Бургшталль съ лѣсомъ, въ награду за оказанныя ему раньше финансовыя услуги; его родъ вступилъ такимъ образомъ въ составъ мѣстнаго владѣльческаго дворянства. Клаусъ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ маркграфа, завѣдывалъ дѣлами магдебургскаго епископства, потомъ въ теченіе пяти лѣтъ стоялъ во главѣ управленія Бранденбурга, боролся за автономію противъ имперіи и, послѣ вторженія имперскихъ войскъ, удалился въ родной Стендаль, гдѣ затѣялъ конфликтъ съ церковью и подвергся отлученію; между тѣмъ его маркграфъ вынужденъ былъ подчиниться императору и обязался передать свои владѣнія его старшему сыну на случай своей смерти. Впослѣдствіи императоръ Сигизмундъ передалъ Бранденбургъ бургграфу нюрембергскому, Фридриху Гогенцоллерну (1415 г.), и фамилія Бисмарковъ охотно подчинилась новой династіи. Владѣльцы Бургшталля часто устраивали охоты въ своихъ лѣсахъ, при участіи приглашенныхъ гостей, къ числу которыхъ принадлежали и маркграфы Бранденбургскіе; мѣстность понравилась наслѣдному принцу Іоганну Георгу, и онъ заставилъ гостепріимныхъ вассаловъ промѣнять ее на новыя запущенныя владѣнія по обоимъ берегамъ Эльбы — Шенгаузенъ и Фишбекъ (1562 г.). Принудительный обмѣнъ богатаго замка и обширныхъ лѣсовъ на незначительныя разрозненныя земли понизилъ значеніе Бисмарковъ и возбудилъ ихъ скрытую вражду къ династіи; они держались въ сторонѣ отъ двора, вели жизнь помѣстныхъ рыцарей, то участвовали въ чужихъ войнахъ, то занимались сельскимъ хозяй-

ствомъ, и только въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ эпоху великаго курфюрста, стали вѣрными вассалами Гогенцоллерновъ. Замокъ Шенгаузенъ сгорѣлъ во время тридцатилѣтней войны и вновь былъ отстроенъ владѣльцами въ 1700 г.; отношенія съ династіею опять испортились, и Бисмарки примкнули къ оппозиціи по поводу нарушенія привилегій „вольнаго рыцарства“ введеніемъ поземельнаго налога. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I въ инструкціи своему преемнику, въ 1722 году, рекомендуетъ остерегаться „непослушныхъ вассаловъ“ старой марки и не давать хода этимъ „нехорошимъ, непокорнымъ людямъ“, причемъ названы четыре фамиліи—въ томъ числѣ Бисмарки. Одинъ изъ нихъ, Людвигъ Августъ Бисмаркъ, поступилъ на русскую службу, состоялъ при Биронѣ, сопровождалъ его при ссылкѣ въ Сибирь, былъ возвращенъ оттуда, произведенъ въ генералы, посланъ съ дипломатической миссіею въ Лондонъ и умеръ въ Полтавѣ (въ книгѣ Маттера, т. I, стр. 10, сказано по ошибкѣ, что онъ умеръ на полѣ битвы подъ Полтавой, — послѣ Бирона!). При Фридрихѣ Великомъ одинъ изъ Бисмарковъ палъ при Чаславѣ; сынъ его, Карлъ-Александръ, былъ также военнымъ, затѣмъ жилъ въ имѣніи, занимался литературою, писалъ, хозяйничалъ; младшій сынъ его, Фердинандъ, находился въ арміи съ молодыхъ лѣтъ, рано вышелъ въ отставку, поселился въ Шенгаузенѣ, сблизился въ Берлинѣ съ семействомъ г-жи Менкенъ, вдовы крупнаго придворнаго чиновника и дипломата, и женился на ея дочери, очень образованной, свѣтской и расточительной Вильгельминѣ Менкенъ. Отъ этого брака родился въ Шенгаузенѣ, 1-го апрѣля 1815-го года, Отто-Эдуардъ-Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ, будущій канцлеръ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, послѣ Іены и Ауэрштедта, французскія войска по пути къ Берлину заняли Шенгаузенъ, выгнали хозяевъ и устроились въ замкѣ по своему; позднѣе владѣльцы принимали дѣятельное участіе въ организаціи ополченія, подготовляли освободительное движеніе 1813-го года, давали пріютъ Люцовскимъ стрѣлкамъ и ихъ вдохновителямъ, Яну и поэту Теодору Кернеру. Семь членовъ фамиліи Бисмаркъ сражались въ рядахъ нѣмецкихъ войскъ въ 1813-мъ году, и трое изъ нихъ пали въ бою. Въ самый день рожденія Отто, Пруссія, какъ и остальная Европа, была страшно взволнована возвращеніемъ Наполеона съ острова Эльбы. Разсказы близкихъ родныхъ объ ужасахъ французскаго нашествія и о герояхъ освободительной кампаніи были первыми и самыми сильными впечатлѣніями, среди которыхъ прошли дѣтскіе годы Бисмарка.

Если сопоставить разнородные элементы той сложной наслѣдственности, которая нашла свое выраженіе въ личности желѣзнаго канцлера, то получается сочетаніе качествъ, наклонностей и традицій, крайне рѣдко совмѣщающихся въ одномъ человѣкѣ. Купеческая жилка, раз-

счетливость и предпріимчивость Николая или Клауса Бисмарка несомнѣнно сказываются въ его отдаленномъ потомкѣ. Отъ своихъ гильдейскихъ предковъ Отто фонъ-Бисмаркъ унаслѣдовалъ удивительно трезвый взглядъ на міръ и людей, способность исполнять роль „честнаго маклера“ и руководствоваться коммерческимъ принципомъ „do ut des“; въ то же время онъ имѣлъ въ себѣ многія черты воинственныхъ рыцарей, смѣлыхъ и безцеремонныхъ, привыкшихъ основывать право на силѣ; онъ обладалъ духомъ независимости стариннаго феодальнаго дворянства и могъ быть непокорнымъ вассаломъ, когда того требовалъ интересъ государства; онъ былъ доступенъ и хозяйственнымъ соображеніямъ, связаннымъ съ заботами дѣлового помѣщика, и проявлялъ живое пониманіе требованій и правъ наемныхъ рабочихъ, какое свойственно было длинному ряду его предковъ, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ; онъ былъ чуждъ бюрократизма, не придавалъ значенія общимъ формуламъ и часто удивлялъ противниковъ своимъ прямодушіемъ. Онъ представлялъ собою помѣсь средневѣкового феодала съ предпринимателемъ современнаго типа, лукавымъ и неразборчивымъ въ средствахъ. Его собственная жизнь была вѣрнымъ отраженіемъ разнообразнаго существованія его предковъ. Почти всю свою молодость онъ провелъ въ деревнѣ, какъ помѣщикъ и сельскій хозяинъ, земскій дѣятель и охотникъ; онъ и служилъ или числился на службѣ, но сохранялъ свою независимость, дѣйствовалъ самостоятельно въ представительныхъ учрежденіяхъ и только въ возрастѣ тридцати шести лѣтъ поступилъ въ самомъ дѣлѣ на службу, по дипломатическому вѣдомству.

Дѣтство и юность не оставили въ немъ пріятныхъ воспоминаній. Въ 1816-мъ году отцу достались по наслѣдству померанскія владѣнія, и семья водворилась на новомъ мѣстѣ, въ Книпгофѣ. Отецъ, добродушный сельскій дворянинъ, великанъ по фигурѣ, но недалекій по уму, не могъ оказывать какое-нибудь вліяніе на живого и увлекающагося мальчика; мать, интеллигентная горожанка, склонная къ мистицизму, любила бывать въ обществѣ, часто ѣздила въ Берлинъ и ограничивалась лишь внѣшнимъ наблюденіемъ за воспитаніемъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ Отто былъ четвертымъ. Въ живыхъ осталось только трое изъ шестерыхъ—два мальчика и дѣвочка Мальвина; всѣ трое дожили до глубокой старости. Когда Отто исполнилось семь лѣтъ, его отдали въ учебное заведеніе Пламанна въ Берлинѣ,—нѣчто въ родѣ суроваго исправительнаго дома по системѣ Песталоцци,—гдѣ онъ провелъ около пяти лѣтъ, съ обычными лѣтними перерывами; вакаціонное время, съ путешествіемъ въ Книпгофъ, доставляло ему единственные свѣтлые моменты свободнаго оживленія и радости. Въ 1827 г. семья переѣхала въ Берлинъ, и Отто поступилъ въ гимназію,

гдѣ имъ особенно заинтересовался добросовѣстный и симпатичный педагогъ Боннель; ученикъ отлично зналъ языки, много читалъ по исторіи и литературѣ, писалъ латинскія сочиненія и считался вообще хорошимъ классикомъ. Рослымъ юношею семнадцати лѣтъ онъ былъ зачисленъ въ университетъ, сначала въ Геттингенѣ, потомъ въ Берлинѣ, по юридическому факультету; въ три семестра онъ успѣлъ выдержать двадцать пять дуэлей. Изъ товарищей онъ наиболѣе сблизился съ американцемъ Мотлеемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ историкомъ и дипломатомъ. Окончивъ курсъ въ 1835-мъ году, онъ написалъ двѣ обязательныя работы—по политической экономіи и по юриспруденціи—о бережливости, по курсу Сэя, и о присягѣ. Попытки пристроиться на государственной службѣ дѣлались имъ противъ воли, по желанію матери, и прекратились послѣ ея смерти въ 1839-мъ году; только воинскую повинность онъ исполнялъ аккуратно вольноопредѣляющимся въ егерскомъ гвардейскомъ полку. Отецъ передалъ свои померанскія помѣстья сыновьямъ, оставивъ за собою Шенгаузенъ; Отто получилъ Книпгофъ, а старшій братъ, Бернгардъ,—два другія имѣнія. Будущій канцлеръ рѣшилъ жить въ деревнѣ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ и участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи; противъ этого рѣшенія горячо возражала его тетка, графиня Каролина Бисмаркъ-Боленъ, въ подробномъ письмѣ, на которое онъ отвѣтилъ замѣчательнымъ разсужденіемъ о безплодности бюрократической карьеры и о превосходствѣ самостоятельной и свободной дѣятельности хозяина-землевладѣльца. Онъ дѣйствительно жилъ свободно, отдаваясь своему темпераменту, и даже иногда не зналъ, что̀ дѣлать со своею свободою; онъ охотился, скакалъ на лошади до безчувствія, устраивалъ шумныя попойки и имѣлъ немало такихъ приключеній, которыя проходили для него безнаказанно только благодаря его богатырскому сложенію. Онъ числился офицеромъ ландвера, сдѣлался уланомъ и пользовался въ окрестностяхъ репутаціею „бѣшенаго Бисмарка“. Эта репутація основывалась отчасти на преувеличенныхъ и крайне односторонніхъ свѣдѣніяхъ, дополняемыхъ простыми слухами и сплетнями; въ сущности онъ значительную часть своего времени употреблялъ на чтеніе философскихъ и историческихъ книгъ, задумывался надъ религіозными проблемами, изучалъ Спинозу. Въ 1841-мъ году онъ влюбился въ Оттилію фонъ-Путткаммеръ, дочь богатой помѣщицы, и сдѣлалъ формальное предложеніе, но получилъ отъ матери холодный, уклончивый отвѣтъ, съ намекомъ на его общеизвѣстные подвиги; онъ повторилъ свою попытку восемь мѣсяцевъ спустя, прибѣгнувъ къ посредничеству отца, но съ тѣмъ же отрицательнымъ результатомъ. Онъ отправился въ путешествіе, былъ въ Англіи, Франціи и Швейцаріи, принялъ болѣе близкое участіе въ мѣстныхъ зем-

скихъ дѣлахъ и сошелся съ мѣстными дѣятелями, изъ которыхъ одинъ, Мориц фонъ-Бланкенбургъ, былъ его давнишнимъ товарищемъ и другомъ.

Къ этому періоду сороковыхъ годовъ относится любопытнѣйшій душевный кризисъ, пережитый Бисмаркомъ и документально освѣщенный въ книгѣ Эриха Маркса (т. I, стр. 244—284 и 317—349). Бисмаркъ мучился религіозными сомнѣніями и наконецъ сознательно остановился на теоріи философскаго безвѣрія. Онъ признавался своимъ друзьямъ, что потерялъ вѣру съ шестнадцати лѣтъ, и что онъ живо помнитъ ту ночь, когда онъ въ послѣдній разъ молился. Онъ подробно высказываетъ свои чувства и мысли въ интимныхъ бесѣдахъ съ Морицемъ Бланкенбургомъ, съ его невѣстою и потомъ женою, Маріею фонъ-Тадденъ, и съ ея матерью,—двумя глубоко религіозными женщинами, проникнутыми духомъ благочестія и прозелитизма; обѣ задаются цѣлью спасти несчастнаго Отто, и въ ихъ перепискѣ аккуратно отмѣчаются происходившіе съ нимъ разговоры о Богѣ и о религіи. Бисмаркъ видимо шелъ навстрѣчу откровеннымъ дружескимъ собесѣдованіямъ на эти щекотливыя темы; онъ не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ ни пантеизмомъ Спинозы, ни скептицизмомъ новыхъ писателей — Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауера. Гегель былъ ему „непонятенъ“, и онъ мучительно искалъ выхода изъ одолѣвавшихъ его тревожныхъ сомнѣній. Онъ часто останавливался надъ мыслью о ничтожествѣ и пустотѣ человѣческаго существованія, о самообольщеніи вѣрующихъ, представляющихъ себѣ величіе „своего“ Бога, когда они сами—только минутные и случайные обитатели одной изъ пылинокъ вселенной. Женскія напоминанія о христіанствѣ оживляли въ немъ давно заглохшія традиціонныя струны, унаслѣдованныя отъ длиннаго ряда поколѣній; онъ съ наслажденіемъ воспринималъ родственные звуки, будившіе въ душѣ старыя наивныя вѣрованія и надежды, хотя и успѣшно противопоставлялъ имъ испытанные доводы холоднаго научнаго разума. Этотъ процессъ внутренней борьбы продолжался нѣсколько лѣтъ, и только со смертью отца, въ 1845-мъ году, произошелъ какой-то переломъ, ускоренный сближеніемъ съ подругою Маріи фонъ-Тадденъ, тонко образованною и мистически настроенною Іоганною фонъ-Путткаммеръ. Усилія этого кружка убѣжденныхъ піетистовъ находили у Бисмарка все болѣе благодарную почву, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ нимъ примкнула Іоганна съ ея глубокими нѣжными глазами и съ ея роскошною шевелюрою.

Раньше усердно хлопоталъ объ его обращеніи Мориц фонъ-Бланкенбургъ, ѣздилъ къ нему въ Книпгофъ, писалъ ему длинныя письма въ горячемъ проповѣдническомъ тонѣ и своевременно сообщалъ о ходѣ дѣла своимъ милымъ сообщницамъ, — пока наконецъ Бисмаркъ

не далъ ему понять, что эти пріемы религіознаго убѣжденія въ данномъ случаѣ безполезны. Окончательный поворотъ совершился въ 1846 году, когда Бисмаркъ поселился въ Шенгаузенѣ; оттуда онъ написалъ отцу Іоганны, Генриху фонъ-Путткаммеру, подробное изложеніе своихъ взглядовъ и чувствъ, нѣчто въ родѣ исторіи своего обращенія на путь истины,—съ цѣлью добиться руки его дочери. Мать была въ ужасѣ при мысли, что „волкъ похититъ ея набожную овечку", а отецъ говорилъ, что неожиданное предложеніе подѣйствовало на него, какъ внезапный ударъ по головѣ; но Іоганна была уже тайною невѣстою Бисмарка со времени лѣтней поѣздки въ Гарцъ вмѣстѣ съ Бланкенбургами, и родители не могли отказать въ своемъ согласіи. Смерть молодой жены Морица, Маріи, въ ноябрѣ того-же 1846 года, впервые заставила Бисмарка молиться; полтора года оставался онъ женихомъ Іоганны, съ которою велъ краснорѣчивую переписку и которая съ своей стороны по прежнему заботилась главнымъ образомъ объ его религіозномъ настроеніи. Привычныя христіанскія идеи вновь укрѣпились и заняли свое традиціонное мѣсто въ міросозерцаніи Бисмарка, доставивъ ему душевное успокоеніе и равновѣсіе, и въ этомъ смыслѣ бракъ съ Іоганной Путткаммеръ благополучно закончилъ для него кризисъ, въ высшей степени характерный для будущаго желѣзнаго канцлера.

Бисмаркъ былъ несомнѣнно искренень и въ своихъ духовныхъ исканіяхъ и тревогахъ, и въ своемъ возвращеніи къ христіанству; онъ вѣрилъ, что христіанскій Богъ стоитъ на сторонѣ Пруссіи и Германіи, что его предписанія могутъ и должны постепенно осуществляться государствомъ, и что задачи соціальной политики и соціальнаго законодательства опредѣляются и освящаются религіею. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Гогенцоллернами, которые также твердо убѣждены, что Богъ есть надежный союзникъ и покровитель Пруссіи, и что христіанство лежитъ въ основѣ германскаго могущества и величія. Въ вышедшей недавно интересной диссертаціи М. В. Бернацкаго высказывается, между прочимъ, недоумѣніе по поводу особаго тона рѣчей канцлера въ защиту соціальныхъ реформъ. Этотъ своеобразный сентиментальный паѳосъ — говоритъ авторъ — „совсѣмъ не къ лицу Бисмарку, равно какъ и тотъ лозунгъ — „практическое христіанство"—который онъ выбралъ. Менѣе всего канцлеру надлежало прибѣгать къ употребленію религіозныхъ формулъ въ дѣлѣ, которое являлось завѣдомо средствомъ, а не цѣлью" [1]). Въ дѣйствительности государственное христіанство, прусское или германское,

[1]) М. В. Бернацкій. Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка. Спб., 1911. Стр. 411.

есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ того сложнаго, исторически выработаннаго міровоззрѣнія, которымъ былъ проникнутъ Бисмаркъ, какъ практическій дѣятель.

Л. Слонимскій.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ СМЕРТИ И. С. НИКИТИНА

† 16 октября 1861 г.

Жизнь воронежскаго мѣщанина-поэта, тяжелая борьба его съ крайне неблагопріятными для свободнаго поэтическаго развитія условіями, матеріальная нужда и враждебное отношеніе ближайшей среды—давно стали предметомъ многочисленныхъ популярныхъ пересказовъ. Это—благодарное для пишущихъ и поучительное зрѣлище стойкаго стремленія человѣческой души отъ мрака къ свѣту, отъ низменныхъ и пошлыхъ нравовъ въ міръ высочайшихъ интересовъ духа. Однако, за исключеніемъ извѣстной біографической работы М. Ѳ. де-Пуле, мѣстами неясной, и весьма общихъ и неопредѣленныхъ похвалъ, какими большею частью встрѣчены были произведенія Никитина еще при жизни, мы не имѣемъ — вопреки большой популярности поэта у широкихъ круговъ читателей (его сочиненія выдержали тринадцать дорогихъ изданій)—ни одного серьезнаго изслѣдованія о немъ, удовлетворяющаго требованіямъ научности и критическаго проникновенія въ міръ его духовной личности и творчества.

Обычное представленіе объ авторѣ трагически трогательнаго „Вырыта заступомъ яма глубокая“ знаетъ его какъ автора „пѣсни о бѣдности“, какъ русскаго Томаса Гуда. Это, конечно, совершенно вѣрное представленіе, утвержденное и многочисленными поэтическими самопризнаніями Никитина, каковы, напримѣръ, слѣдующія строки:

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя.
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается...
Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая;
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь и заполночь
Гибнетъ она—и никто нейдетъ на помочь;
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...

Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою!

Но Никитинъ не только поэтъ бѣдности и скорби о ней. Онъ также поэтъ роста человѣческой души, и полнота его художественной біографіи—именно въ цѣльной картинѣ такого роста. Никитинъ—типическій представитель русской разночинной, изъ низовъ поднимающейся интеллигенціи, съ ея порывами, стремленіями, даже паденіями и слабостями—и можетъ быть именно потому такъ любитъ его эта читательская масса, непрерывно пополняемая все новыми и новыми выходцами снизу.

Первая полоса литературнаго творчества Никитина, представленная въ сборникѣ стихотвореній, изданномъ въ 1856 г. графомъ Д. Н. Толстымъ и обнимающемъ произведенія не позже 1854 г., была преимущественно подражательной. Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, Кольцовъ были ему отрадой въ его уединенной, глухой жизни среди грязи и дрязгъ постоялаго двора. Въ ихъ міръ, міръ чистой мечты и поэтическихъ очарованій, онъ спасается отъ дѣйствительности, питая въ душѣ отвлеченный, но возвышенный идеалъ, идеалъ человѣческаго существованія, преданнаго міру религіи, искусства, благородной мысли, раздумью о вѣчныхъ вопросахъ бытія и твердому исполненію нравственнаго долга.

И если бы отъ самой колыбели
Страданіе досталося тебѣ,—
Какъ человѣкъ, своей высокой цѣли
Не забывай въ мучительной борьбѣ.

Въ настроеніяхъ первой полосы творчества Никитина нетрудно узнать весь нашъ новый классическій періодъ русской литературы—нравственное содержаніе, общее Жуковскому, Лермонтову, Пушкину, Гоголю. Здѣсь Никитинъ стремился стать на уровень достигнутаго вершинами литературнаго развитія тридцатыхъ годовъ. Онъ раздѣлилъ и предубѣжденія этой эпохи, выдвинувшей такъ называемую оффиціальную народность. Рядомъ съ искренними и возвышенными мотивами, общими классическому періоду, онъ писалъ немало трескучихъ стихотвореній въ условномъ патріотическомъ жанрѣ, воображая, что этимъ онъ

...пѣлъ святой Руси величіе и славу,
Родного Сѣвера высокую судьбу...

Никитинъ даже сталъ извѣстенъ сначала именно такимъ стихотвореніемъ („Русь“), попавшимъ въ струю патріотическихъ восторговъ предъ севастопольской войной.

Робко и неувѣренно Никитинъ пріобщался своими подражательными стихотвореніями къ литературѣ. Его тогдашнія письма — въ редакціи журналовъ и литераторамъ — отличаются уничиженнымъ и искательнымъ тономъ. Таковы его опубликованныя уже письма въ редакцію „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ или письмо графу Толстому, въ которомъ поэтъ не знаетъ какъ благодарить своего мецената, „тѣмъ болѣе, что совершенно понимаетъ разстояніе, раздѣляющее графа и мѣщанина“. Таково же и слѣдующее письмо Никитина къ издателю „Отеч. Записокъ“ Краевскому, не появлявшееся еще въ печати.

Милостивый государь, Андрей Александровичъ!

Позвольте мнѣ принести вамъ глубокую благодарность за январьскую книжку вашего прекраснаго журнала. Я принялъ вашъ подарокъ, какъ милаго гостя, нечаянно посѣтившаго мой скромный уголокъ и вполнѣ цѣню то вниманіе, которымъ вамъ угодно было меня удостоить. Позвольте мнѣ также выразить искреннюю благодарность за помѣщеніе моихъ стихотвореній въ іюньской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ прошлаго года, за эту, сдѣланную мнѣ честь, и, наконецъ, за вашу лестную обо мнѣ рекомендацію, которой я обязанъ моимъ первымъ знакомствомъ съ публикой. Смѣю увѣрить васъ, милостивый государь, что всего этого я никогда не забуду: у меня покамѣстъ нѣтъ ничего кромѣ страстной, безкорыстной любви къ искусству и пламеннаго желанія жертвовать для него всѣми моими способностями, всею моею жизнію, тогда какъ ваше имя произносится съ уваженіемъ на необъятномъ пространствѣ Руси. Все это я знаю— и тѣмъ болѣе мнѣ дорого ваше участіе.

Г. Авдѣевъ, во время своего проѣзда чрезъ Воронежъ 18-го октября минувшаго года, взялъ у меня для вашего журнала шесть стихотвореній: „Упрямый отецъ“, „Жена ямщика“, „Вечеръ послѣ дождя“, „Купецъ на пчельникѣ“, „Неудачная присуха“ и „Бурлакъ“. Изъ нихъ одно, „Жена ямщика“, какимъ-то образомъ попало въ „Современникъ“ и напечатано не въ томъ видѣ, въ какомъ отдано мною г. Авдѣеву; ясно, что редакція „Современника“ получила стихотвореніе не отъ него, а отъ кого-то другого, и получили ли вы отъ г. Авдѣева мои стихотв.... я тоже не знаю. Если мои пьесы вамъ извѣстны и признаны почему-либо неудобными къ напечатанію, не угодно ли вамъ будетъ принять отъ меня прилагаемыя здѣсь, новыя, которымъ, если вы найдете ихъ стоящими вниманія, не откажитесь, по свойственной вамъ снисходительности, дать мѣсто на страницахъ вашего журнала. Что касается меня, я поставлю себѣ въ особенную честь постоянно для него трудиться, если это вы позволите. При этомъ одна моя по-

корнѣйшая просьба: если при напечатаніи моихъ стихотвореній найдется что-либо, требующее исключенія, умоляю васъ это исключеніе обозначать точками, а не замѣнять словами. Въ стихотвореніяхъ простонародныхъ всякое искусственное слово легко можетъ нарушить гармонію цѣлой пьесы,—уже по тому одному, что оно искусственное, чему и былъ примѣръ: редакція „Библіотеки для чтенія“ внесла цѣлыя строки въ мои стихотворенія и, обезобразивъ ихъ, отозвалась, что не позволено ставить точекъ на мѣстѣ исключенныхъ стиховъ. Я говорю это рѣшительно не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мой упрекъ „Библіотекѣ для чтенія“ вышелъ какимъ бы то ни было образомъ наружу, говорю, потому что мнѣ больно.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Никитинъ.

21 февраля 1855 г.
Воронежъ.

Со времени появленія въ „Отеч. Запискахъ“ первыхъ стихотвореній Никитина, онъ на нѣкоторое время и у себя въ Воронежѣ, и въ журналахъ, вплоть до появленія сборника стиховъ, изданнаго гр. Толстымъ, былъ увлеченъ общимъ вниманіемъ и лаской со стороны людей литературы и прикосновенныхъ къ ней. Выходъ названнаго сборника, однако, нарушилъ это очарованіе. Рядомъ съ очень сочувственными отзывами ряда изданій, вліятельнѣйшій тогда журналъ „Современникъ“—вдругъ помѣщаетъ отзывъ, который подѣйствовалъ на Никитина, какъ настоящій ушатъ холодной воды. Это была статья Чернышевскаго (безъ имени автора), категорически утверждавшая: „въ цѣлой книгѣ г. Никитина нѣтъ ни одной пьесы, которая обнаруживала бы въ авторѣ талантъ или, по крайней мѣрѣ, поэтическое чувство. У него есть только умѣнье писать стихи... Пьесы, которая не была бы заимствована, въ которой было бы хотя что-нибудь похожее на самостоятельность, нѣтъ ни одной во всѣхъ стихотвореніяхъ г. Никитина“... Чернышевскій на рядѣ пьесъ Никитина убѣдительно показывалъ чисто книжное ихъ происхожденіе: „это мозаики, составленныя по книгамъ, а не съ натуры“, и давалъ автору совѣтъ „оставивъ на время сочиненіе стиховъ, ждать, пока жизнь разбудитъ въ немъ мысль и чувство, не вычитанное изъ книгъ, и не заученное, а свое собственное, живое, отъ котораго бьется сердце, а не только скрипитъ гусиное или стальное перо“.

Отзывъ Чернышевскаго вызвалъ слѣдующее (также не напечатанное еще) письмо Никитина къ тому же Краевскому, замѣчательное проглядывающимъ въ немъ сознаніемъ, не смотря на явно уязвленное самолюбіе поэта, что отзывъ „Современника“ заключаетъ въ себѣ

какую-то большую правду. Никитинъ не отрицаетъ „смѣшной стороны своего заоблачнаго полета“ и находитъ нужнымъ только оправдать „*недавній высокій* строй своей мѣщанской лиры“, отъ котораго онъ—чего не знали еще читатели—уже отрѣшался, обращаясь къ бытовой правдѣ и соціальному содержанію.

Милостивый государь, Андрей Александровичъ!

Поставляю себѣ пріятною и лестною обязанностію принести вамъ глубочайшую благодарность за благосклонный отзывъ, помѣщенный въ вашемъ журналѣ о недавно вышедшей книгѣ моихъ стихотвореній. Позвольте мнѣ при этомъ сказать нѣсколько словъ, нѣчто въ родѣ оправданія, которое съ перваго взгляда можно принять за слѣдствіе затронутаго авторскаго самолюбія, но смѣю увѣрить васъ въ противномъ. Я выражу здѣсь одно мое личное убѣжденіе, ошибочно оно или нѣтъ—это другой вопросъ. „Современникъ“ при первомъ появленіи моихъ стихотвореній въ журналахъ былъ такъ добръ — замѣтилъ въ авторѣ признаки дарованія, этотъ отзывъ повторился раза два или три съ разными варіаціями, иногда не совсѣмъ удачными. Выходитъ въ свѣтъ собраніе моихъ стихотвореній, мой первый опытъ, изданный безъ сомнѣнія преждевременно, что я и самъ теперь вижу и чего не могъ видѣть за два года прежде, когда отдалъ свою рукопись издателю, — и вотъ неизвѣстный сотрудникъ „Современника“ становится въ трагическую позу и даетъ бѣдному автору-мѣщанину заочно публичную пощечину, называя его бездарнымъ существомъ, хотя, замѣтимъ въ скобкахъ, этотъ же „Современникъ“ удостоилъ не такъ давно передъ этимъ помѣщенія на своихъ страницахъ одного изъ стихотвореній бездарнаго существа безъ его просьбы и вѣдома. Г. рецензентъ такъ силится доказать взятую тему, какъ будто отъ ея рѣшенія зависитъ его собственное *быть, или не быть*. Онъ называетъ автора подражателемъ всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и чуть-чуть не будущихъ поэтовъ. Шутка очень остроумная, но, вѣдь, въ авторѣ, какъ бы онъ ни былъ глупъ, предполагается какое-нибудь самолюбіе. Не всякій же стихокропатель для него образецъ, идолъ, поставленный имъ на пьедесталъ. Г. рецензентъ говоритъ, что авторъ не видитъ окружающаго его міра, сомнѣвается даже, есть ли у него сердце, иначе, дескать, оно сочувствовало бы окружающему міру, а это сочувствіе вызвало бы наружу нѣчто новое, невѣдомое г. рецензенту. Но во первыхъ, онъ позабылъ извѣстную фразу: *ничто не ново подъ луною*. Люди на всякой общественной ступени все тѣ же люди. Та же въ нихъ свѣтлая сторона въ формахъ, можетъ быть, болѣе грубыхъ и та же мерзость, совершенно не новая. Во вторыхъ, почему не дѣлали и не дѣлаютъ доселѣ подобнаго упрека другимъ писате-

лямъ, ну хоть, напримѣръ, Жуковскому, который почти во всю жизнь ѣздилъ на чертяхъ и вѣдьмахъ, оставляя въ сторонѣ окружающій его міръ? Въ третьихъ, всеобъемлющій г. рецензентъ упустилъ изъ виду примиреніе автора съ горькою дѣйствительностью: оно совершается не такъ скоро. Не вдругъ колодникъ запоетъ о своихъ цѣпяхъ: физическая боль, мракъ и сырой воздухъ тюрьмы остановятъ до извѣстнаго времени поэтическое настроеніе. Воображеніе бѣдняка поневолѣ перенесется за крѣпкія стѣны и нарисуетъ картины иного свѣтлаго быта. Попробовалъ бы г. рецензентъ пройти по уши въ грязи по той самой дорогѣ, по которой идетъ авторъ-мѣщанинъ, я послушалъ бы тогда, какъ онъ воспѣлъ эту грязь и скоро ли взялся за пѣніе! Наконецъ, гдѣ и у кого всякое отдѣльное стихотвореніе безукоризненно? На требованіе такого исключенія способна одна редакція „Современника“, по мнѣнію которой Пушкинъ много сдѣлалъ для стиха и мало для поэзіи. Взглядъ міровой, быстро умѣющій замѣчать темныя стороны у всѣхъ и всюду. Поневолѣ вспомнится басня Крылова: *свинья на барскій дворъ* и проч... Конечно, въ настоящее время я сознаю смѣшную сторону моего заоблачнаго полета, но онъ былъ естественъ, онъ былъ неизбѣженъ, покуда не явилось это сознаніе. Невесело погружаться ежедневно въ зловонный омутъ, надобно привыкнуть къ его зловонію. Другое дѣло, если бы вся тина со дна этого омута была поднята и не оказалось въ ней ни одной песчинки, пригодной къ массѣ общаго труда въ искусствѣ, ну тогда можно бы смѣло давать пощечины трудолюбивому гряземѣсителю, но рѣшеніе этого вопроса въ будущемъ, о чемъ тоже не успѣлъ подумать всеобъемлющій г. рецензентъ. Вотъ все, что я могу кратко сказать въ оправданіе недавняго высокаго строя своей мѣщанской лиры и неумышленнаго подражанія нѣкоторымъ изъ нашихъ поэтовъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь испыталъ это на себѣ болѣе или менѣе. Вы скажете: для чего я пишу объ этомъ именно вамъ? Да кому же, Боже мой! Вы редакторъ прекраснаго журнала, вы имѣете голосъ, вы образованный человѣкъ, Воронежъ не Петербургъ, не говорить же мнѣ о подобныхъ вещахъ съ моимъ дворникомъ. Впрочемъ, простите, что я отнялъ у васъ минуту или двѣ на чтеніе вылившихся изъ души строкъ. Я могъ бы сказать здѣсь многое: стихотворцы, кто бы они ни были, даже мѣщане, не до такой степени глупы, какъ иногда о нихъ думаютъ всеобъемлющіе рецензенты, но я не смѣю отнимать у васъ времени. Еще разъ покорнѣйше прошу извинить меня за невольное многословіе.

При этомъ имѣю честь представить вамъ нѣсколько стихотвореній, которымъ, если вы по своей снисходительности ихъ одобрите, дозвольте занять хотя скромное мѣсто на страницахъ вашего журнала.

Жаль, если цензура не пропуститъ *Пахаря!* Я какъ умѣлъ, смягчилъ истину, не такъ бы нужно писать, но лучше написать что-нибудь, нежели ничего о нашемъ бѣдномъ пахарѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершеннѣйшей преданности имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Никитинъ.

1856 г. 20 августа.
Воронежъ.

Въ промежутокъ отъ „открытія“ Никитина въ концѣ 1853 г. и началѣ 1854 г. (когда графъ Толстой рѣшилъ издать его сборникъ стиховъ) и до появленія этого сборника и рецензіи Чернышевскаго Никитинъ, подъ вліяніемъ замѣчательнаго кружка Второва и Дольника, этихъ питомцевъ, въ русской провинціи, московскихъ сороковыхъ годовъ и критики Бѣлинскаго, значительно и быстро выросъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ него слетаетъ, подъ вліяніемъ друзей и уже наступавшихъ вѣяній новой эпохи, неопредѣленно туманное, хотя временами звучно выраженнное порываніе въ высь отвлеченныхъ духовныхъ интересовъ. Его захватываютъ настроенія гуманности и соціальности въ критикѣ Бѣлинскаго, онъ отворачивается отъ оффиціальной народности, пишетъ совершенно оппозиціонныя и даже революціонныя по тогдашнему масштабу вещи, и чувствуетъ себя „колодникомъ, рвущимся изъ тюрьмы“. Напомнимъ, напримѣръ, „Хозяина“, съ извѣстнымъ окончаніемъ—проклятіемъ родному дому, и не только родному дому, но и всему родному рабству.

За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятья,
За то, что гибнетъ человѣкъ...

Это настроеніе излилось также въ опубликованныхъ не такъ давно въ „Быломъ“ 1906 г. такихъ рѣзкихъ стихотвореніяхъ, какъ напр. „Тяжкій крестъ несемъ мы, братья“. Что особо выдѣляетъ Никитина изъ поверхностныхъ пѣвцовъ гражданскихъ мотивовъ и придаетъ его пѣсни о бѣдности мужественный строй, равняющій его съ Некрасовымъ (хотя онъ не чуждъ и мотива о вѣрѣ и терпѣніи, какъ единственномъ исходѣ бѣдноты), это—чувство, выношенное имъ въ долгіе годы суровой борьбы за существованіе и просвѣтленное въ его любовномъ отданіи себя міру художественнаго творчества, какъ идеальная моральная цѣнность, суровое стоическое чувство долга. Оно между прочимъ подсказало Никитину извѣстное, слишкомъ поспѣш-

ное, пристрастное обвиненіе противъ Некрасова, котораго, какъ поэта народной тоски, онъ самъ необыкновенно любилъ („Поэту-обличителю"). Въ той волнѣ, которая была поднята движеніемъ шестидесятыхъ годовъ была изрядная доля мути, и Никитинъ съ отвращеніемъ отворачивался отъ всякой хлесткой фразы, часто прикрывавшей собою своекорыстіе и отсутствіе искренняго чувства и пониманія. Въ послѣдніе мѣсяцы своей страдальческой жизни, Никитинъ снова вернулся къ религіозному настроенію, неудовлетворяемый поверхностнымъ міровоззрѣніемъ окружавшихъ его.

Истерзанный жестокой судьбою, онъ, конечно, далъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать по быстрому развитію его таланта, въ которомъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше были слышны совершенно самостоятельныя ноты. Во всякомъ случаѣ въ немъ было нѣчто отъ того почти священнаго безумія, которымъ онъ надѣлилъ своего сумасшедшаго („Хозяинъ"), вложивъ въ его уста (это едва ли не единственныя его строки, вышедшія изъ рамокъ трезваго и рѣзко очерченнаго бытового реализма) — удивительный художественный символъ родной страны:

На старомъ курганѣ, въ широкой степи
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ.
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка...

Ч. Вѣтринскій.

ТРИ НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА

Еще не такъ давно пишущему эти строки пришлось отмѣтить на страницахъ „Вѣстника Европы" нѣсколько русскихъ книгъ о французской революціи или о старомъ порядкѣ во Франціи, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣдніе годы. Между прочимъ, въ своей замѣткѣ объ этомъ предметѣ я указалъ на то, что, кромѣ, разумѣется, самой французской литературы, никакая другая не сдѣлала такъ много для изученія Франціи конца XVIII в., какъ наша русская историческая литература. Въ послѣдней иногда даже появлялись такія книги, какихъ нѣтъ въ самой французской литературѣ. Укажу для примѣра

на работы А. М. Ону о наказахъ 1789 г. и Е. В. Тарле о французскихъ рабочихъ въ эпоху революціи [1]). Въ настоящей замѣткѣ мнѣ тоже приходится назвать еще три совсѣмъ новыя русскія книги по французской исторіи XVIII в., относящіяся ближайшимъ образомъ къ старому порядку и къ просвѣтительной литературѣ, безъ которыхъ и сама революція 1789 г. не можетъ быть вполнѣ понятна. Любопытно, что одна изъ этихъ книгъ написана юристомъ-государственникомъ, другая—историкомъ, третья—историкомъ литературы; это—одно изъ доказательствъ того, что французскимъ XVIII-мъ вѣкомъ интересуются у насъ представители разныхъ спеціальностей.

Первая изъ этихъ новыхъ книгъ (большой томъ въ сорокъ печатныхъ листовъ) называется: „Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи“ (Юрьевъ, 1911) и авторомъ своимъ имѣетъ профессора Юрьевскаго университета Ѳ. В. Тарановскаго, уже раньше подвергавшаго подобному же изслѣдованію старо-германское государственное право. [2]). Предметъ, которому проф. Тарановскій посвятилъ свое интересное изслѣдованіе, очень мало разработанъ въ исторической наукѣ. Укажу, между прочимъ, на то, что во всѣхъ общихъ трудахъ, говорящихъ о старомъ порядкѣ во Франціи, обыкновенно дается характеристика лишь фактическихъ отношеній того времени, безъ изложенія и анализа публично-правной доктрины эпохи. Единственной спеціальной монографіей, близкой къ его темѣ, авторъ называетъ работу Лемэра: „Les lois fondamentales de la monarchie française d'après les théoriciens de l'ancien régime“, вышедшую въ свѣтъ въ 1907 г.; но она касается только основныхъ законовъ, т.-е. лишь одной части того предмета, который изслѣдуется въ книгѣ нашего автора. Можно, поэтому, сказать, что русскій ученый сдѣлалъ для изученія стараго порядка во Франціи нѣчто такое, чего до него не сдѣлалъ никто изъ французскихъ ученыхъ.

Книга проф. Тарановскаго написана на основаніи обширнаго литературнаго матеріала; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ приводитъ массу выдержекъ изъ своихъ источниковъ и пособій, часто рѣдкихъ, что дѣлаетъ его книгу особенно цѣнною для читателя, лишеннаго возможности имѣть подъ руками всѣ книги, которыми пользовался авторъ. Центръ тяжести всей его работы лежитъ въ изображеніи развитія публично-правной догмы французской монархіи на почвѣ парламентской юриспруденціи, т.-е. на тѣхъ основахъ, какія вырабатывались дѣятельностью французскихъ парламентовъ, этихъ

[1]) Объ этой послѣдней см. мою статью въ майской и іюньской книгахъ „Русскаго Богатства“ за 1911 г.

[2]) Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Варшава. 1904.

судебныхъ палатъ, игравшихъ роль хранилищъ закона. Университетская разработка публично-правной догматики во Франціи была крайне слаба,—не то, что въ этомъ отношеніи представляетъ собою Германія въ соотвѣтственный періодъ времени,—и потому авторъ объ этомъ предметѣ не распространяется. Тѣмъ не менѣе во Франціи съ XVI в. дѣлались въ литературѣ попытки систематическаго изложенія положительнаго государственнаго права французской монархіи, очень обстоятельно анализируемыя въ разсматриваемой книгѣ. Особенно много онъ останавливается на тѣхъ сочиненіяхъ, на которыхъ сказалось вліяніе раціоналистической философіи, что дало автору поводъ изложить довольно подробно ея методологію въ примѣненіи къ государственному праву. Но болѣе всего его занимаетъ догматизація положительнаго государственнаго права въ судебной практикѣ парламентовъ и въ тѣхъ представленіяхъ или ремонстранціяхъ, которыя дѣлались парламентами, когда они не соглашались вносить королевскіе указы въ свои регистры. Въ связи съ этимъ у автора поставленъ вопросъ объ отраженіи парламентской догмы въ литературѣ (между прочимъ—у Монтескьё). Не ограничиваясь этимъ, проф. Тарановскій разсматриваетъ въ особыхъ главахъ историческую легитимацію этой догмы и обоснованіе ея на священномъ писаніи,—двѣ темы, которыя и раньше были уже болѣе разработаны.

Франція XVIII в. была абсолютной монархіей; эта государственная форма „характеризуется особенно рѣзкимъ расхожденіемъ права и факта въ области государственныхъ отношеній“, и тѣмъ не менѣе изученіе публично-правной нормы старой монархіи во Франціи представляетъ свой интересъ. Съ одной стороны, она была „выраженіемъ правосознанія извѣстныхъ учрежденій и стоявшихъ за ними общественныхъ группъ“, а съ другой, наличность и характеръ такой догмы имѣетъ значеніе и для изученія дальнѣйшаго развитія государственнаго строя Франціи, поскольку старый порядокъ извѣстнымъ образомъ отразился на революціи. Интересно, съ этой точки зрѣнія, намѣреніе автора примѣнить свой методъ изслѣдованія юридической идеологіи и къ русскому государственному праву въ его прошломъ. В. Ѳ. Тарановскій даже смотритъ на свои изслѣдованія въ областяхъ германской и французской исторіи, какъ на „подготовку къ изслѣдованію вопроса объ юридической идеологіи русской государственности въ ея прошломъ“.

Другая новая книга по XVIII вѣку во Франціи написана А. Г. Вульфіусомъ и носитъ названіе: „Очерки по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII вѣкѣ“ (Спб. 1911), съ подзаголовкомъ, указывающимъ на то, что въ книгѣ идетъ рѣчь о Вольтерѣ, Монтескьё и Руссо. Особенность постановки вопроса въ этой книгѣ

заключается въ томъ, что разрѣшается онъ въ тѣснѣйшей связи съ разборомъ религіознаго міросозерцанія названныхъ писателей и опредѣленіемъ того, насколько была велика ихъ собственная философская терпимость. Авторъ очень внимательно проштудировалъ сочиненія самихъ писателей XVIII в. и литературу о нихъ и написалъ трудъ, который, благодаря своей интересной темѣ, найдетъ гораздо большій кругъ читателей, нежели болѣе спеціальное изслѣдованіе проф. Тарановскаго. Религіозныя воззрѣнія Вольтера, Монтескьё и Руссо разобраны авторомъ очень обстоятельно и съ большою критическою проницательностью. Въ заключительномъ параграфѣ г. Вульфіусъ отмѣчаетъ и то, какъ обстояло дѣло съ религіозною свободою въ эпоху революціи. Извѣстно, что въ этой области все обстояло далеко не благополучно, и историки указываютъ съ полнымъ правомъ на сдѣланныя ошибки. Интересъ книги г. Вульфіуса въ томъ, между прочимъ, и заключается, что въ ней очень рельефно выдвинуты впередъ дефекты въ пониманіи свободы совѣсти и у Вольтера и у Руссо, „учениками“ которыхъ были главные дѣятели великой революціи. Нѣсколько лучше ставился и разрѣшался вопросъ у Монтескьё, но и онъ не стоялъ на высотѣ принципіальнаго его разрѣшенія. Вопросъ о свободѣ совѣсти для современной Россіи имѣетъ актуальное значеніе, и книга А. В. Вульфіуса появилась довольно кстати.

Третья новая книга о французскомъ XVIII-мъ вѣкѣ цѣликомъ посвящена Жанъ-Жаку Руссо и вызванному имъ движенію. Это—большой томъ (въ 35 печатныхъ листовъ), и полное заглавіе его таково: „Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Очерки по исторіи руссоизма на западѣ и въ Россіи. Томъ I“ (Москва. 1910). Авторъ этого изслѣдованія, М. Н. Розановъ, профессоръ Московскаго университета, разрабатываетъ въ своемъ трудѣ историко-литературную тему о „руссоизмѣ“, какъ „посредствующемъ звенѣ между старыми сентиментальными и новыми романтическими настроеніями“; но въ книгѣ много важнаго и интереснаго равнымъ образомъ для общей исторіи Франціи во второй половинѣ XVIII в., въ особенности же въ эпоху революціи.

Въ своемъ трудѣ, основанномъ на изученіи очень большого матеріала и доведенномъ пока до конца XVIII в., проф. Розановъ разсматриваетъ прежде всего „общія основы ученія“ Руссо, даетъ характеристику его „художественнаго таланта“ и останавливается на „обаяніи творчества и личности“ Руссо еще при его жизни. Затѣмъ цѣлый, очень интересный съ общей точки зрѣнія отдѣлъ посвященъ въ книгѣ распространенію „руссоизма“ въ десятилѣтіе отъ смерти Руссо до революціи. Наконецъ, не менѣе интересный отдѣлъ пред-

ставляютъ собою и послѣднія главы, гдѣ рѣчь идетъ о прославленіи Руссо въ эпоху революціи и о „руссоизмѣ“ революціонныхъ дѣятелей [1]). Отмѣченными мѣстами своего труда проф. Розановъ оказалъ несомнѣнную услугу историкамъ французской революціи, хотя о вліяніи Руссо на революцію и раньше много писалось съ разныхъ точекъ зрѣнія.

По словамъ автора, „десятилѣтіе, протекшее со времени смерти Руссо до начала революціи, было періодомъ торжествующаго руссоизма, съ замѣчательною быстротою завоевывающаго общественныя симпатіи“. Въ этотъ короткій періодъ времени „ученіе Руссо все болѣе демократизируется и заложенныя въ глубинѣ его яркія тенденціи полнаго общественнаго переустройства все болѣе всплываютъ на поверхность“ (стр. 218). Проф. Розановъ очень внимательно слѣдитъ за борьбою, происходившею вокругъ имени Руссо и бывшею „отраженіемъ предреволюціонной борьбы общественно-политическихъ тенденцій новаго закона съ отживающими принципами стараго уклада“. (Въ скобкахъ укажу на любопытныя подробности о паломничествахъ на могилу Руссо, очень напоминающихъ паломничества на могилу Толстого). Въ эпоху революціи Руссо „изъ писателя, тѣснимаго и преслѣдуемаго властью, обратился въ оффиціально признаннаго новымъ правительствомъ вдохновителя революціоннаго движенія, пророка и философа революціи“, въ чемъ авторъ справедливо усматриваетъ „знаменательный симптомъ извѣстныхъ сторонъ настроенія французскаго общества въ революціонный періодъ“, дающій „много любопытнаго матеріала для психологіи этого общества“. Разсмотрѣніе проф. Розоновымъ этой стороны „руссоизма“ дѣлаетъ его историко-литературное изслѣдованіе интереснымъ и для общей исторіи Франціи.

Н. Карѣевъ.

ФРАНЦЪ ЛИСТЪ

Къ столѣтію со дня его рожденія. 1811—1911.

Время—лучшій оцѣнщикъ эстетическихъ цѣнностей. Только въ исторической перспективѣ выясняется истинное значеніе дѣятельности и творчества великихъ художниковъ. Меркнутъ и скоро исчезаютъ

[1]) Въ этомъ же отдѣлѣ находится и глава о переходѣ отъ „руссоизма“ къ романтизму.

изъ вида мелкія свѣтила; крупныя звѣзды долго продолжаютъ горѣть яркимъ свѣтомъ.

Францъ Листъ, венгерецъ родомъ, родился въ ночь съ 21-го на 22-е октября 1811 г. въ венгерской деревушкѣ Рединѓ (по венгерски Dobrjan) недалеко отъ Эйзенштадта, и прожилъ долгую (скончался въ 1886 г. въ Байрейтѣ), въ высшей степени плодотворную для искусства и красивую жизнь, главные факты которой извѣстны и русскимъ читателямъ. Но только теперь, къ столѣтію годовщины его рожденія, стала по заслугамъ оцѣниваться вся глубина его значенія для послѣдующей эпохи музыкальнаго искусства, а опубликованная переписка его раскрыла вмѣстѣ съ тѣмъ и величіе его личности.

Очень долго Листъ былъ знаменитъ только какъ піанистъ, выступившій на эстраду съ девятилѣтняго возраста, блеснувшій уже въ 1824 г. какъ виртуозъ въ Парижѣ и юношей объѣздившій всю Европу. Но уже въ двадцать пять лѣтъ, имѣя передъ собой самые широкіе горизонты, интересуясь философіей, богословіемъ, соціальными науками, не говоря уже про литературу и искусство, онъ разочаровывается въ виртуозной карьерѣ. Вотъ что онъ пишетъ въ 1837 г. Ламеннэ, сочиненіями котораго онъ тогда увлекался: „Я много жду и горячо желаю имѣть вашу книгу [1]), которую прочту всѣмъ сердцемъ и душою, какъ и все, что вы пишете эти четыре года. У меня прибавится навѣрное еще нѣсколько новыхъ прекрасныхъ, благородныхъ эмоцій къ тѣмъ, которыми я вамъ обязанъ. Неужели онѣ такъ и останутся навсегда безплодными? Неужели моя жизнь такъ и будетъ всегда запечатлѣна той безполезной праздностью, которая меня удручаетъ? Неужели вовсе не придетъ часъ откровенія и *мужественнаго дѣйствія?* Или я навсегда осужденъ на это ремесло шута и забавника салоновъ?“ [2]). Не удовлетворенъ молодой Листъ и своими первыми сочиненіями, парижскаго періода (1830—35), не говоря уже о болѣе раннихъ, изъ которыхъ почти ничто не сохранилось [3]).

Онъ принимается за литературную работу [4]), и начинаетъ новую эру въ своемъ музыкальномъ творчествѣ характерными музыкальными эскизами, картинками, озаглавленными: „Années de Pélérinage“, гдѣ отразились личныя его впечатлѣнія во время странствованій по Швейцаріи въ 1835—36 гг. съ графиней д'Агу. Въ то время, какъ слава

---

[1]) Рѣчь идетъ о „Livre du peuple“.

[2]) Franz List. Briefe, herausgegeben von La Mara, т. I, стр. 17.

[3]) Одноактная опера „Донъ-Санхо“, написанная въ 1824 г., по заказу для Парижской Оперы, разыскана недавно г. Шантавуаномъ.

[4]) Первой изъ нихъ была статья „Объ общественномъ положеніи артистовъ“, напечатанная въ нѣсколькихъ номерахъ „Gazette musicale“ 1835 г.

его, какъ виртуоза, достигла своей вершины, онъ совершаетъ свою послѣднюю виртуозную поѣздку въ 1848 г. по югу Россіи и знакомится въ Кіевѣ съ княгиней Каролиной Сайнъ-Витгенштейнъ, занявшей отнынѣ первенствующую роль въ его жизни и дѣятельности. Вскорѣ затѣмъ онъ вовсе отказывается отъ виртуозной карьеры, уединяется съ княгиней Витгенштейнъ въ Веймаръ и въ остальныя сорокъ лѣтъ своей жизни строитъ величественное зданіе новой музыки на основаніи, выведенномъ титаномъ Бетховеномъ. Веймаръ, гдѣ онъ провелъ четырнадцать лѣтъ, снова, какъ при Гете, дѣлается германскими Аѳинами. Директоръ театра и дирижеръ симфоническихъ концертовъ, Листъ ставитъ здѣсь впервые оперы „Бенвенуто Челлини“ Берліоза, „Тангейзеръ“, „Лоэнгринъ“, „Морякъ Скиталецъ“ Вагнера, „Альфонсо и Естрелла“ Шуберта, „Геновева“ Шумана, „Багдадскій Цирульникъ“ Корнеліуса, исполняетъ въ концертахъ сочиненія Генделя, Бетховена, Берліоза („L'enfance du Christ“, „Harold“, „Damnation de Faust“, „Roméo et Juliette“, „Symphonie fantastique“, „Lélio“), Шумана („Paradies und Peri“, „Faust“), Мендельсона и много другихъ произведеній новыхъ и старыхъ, въ большинствѣ случаевъ забытыхъ авторовъ. Въ Веймарѣ онъ создаетъ такія капитальныя произведенія, какъ симфоническія поэмы „Tasso“, „Ce qu'on entend sur la montagne“, „Héroide funèbre“, „Мазепа“, „Прометей“, „Festklänge“, „Битва Гунновъ“, „Идеалы“, „Гамлетъ“, „Орфей“, „Les préludes“, двѣ симфоніи („Divina Comedia“ Данте и „Фаустъ“ Гете), два эпизода изъ „Фауста“ Ленау, фортепіанная соната (h-moll), фантазія и фуга на имя Баха, грандіозная фантазія для органа на хоралъ изъ „Пророка“ Мейербера, „Гранская Месса“ (на открытіе собора въ Гранѣ), псалмы 13-й, 137-й и 23-й.

Если у всѣхъ при жизни Листа была на виду его виртуозная дѣятельность, его бравурныя фортепіанныя сочиненія, которыми онъ настолько расширилъ рамки фортепіанной звучности, что сдѣлалъ этотъ инструментъ оркестромъ въ миніатюрѣ, и настолько подвинулъ впередъ композиторскую фортепіанную технику, что и до сихъ поръ въ этомъ отношеніи она остается въ томъ же положеніи, словомъ, если онъ для фортепіано былъ тѣмъ, чѣмъ Паганини для скрипки [1]), то его симфоническая музыка и особенно церковная, которой онъ посвятилъ послѣдній, римскій періодъ своей жизни, его ораторіи—„Св. Елизавета“, „Христосъ“,—мессы, псалмы, хоры, сочиненія для органа,—только теперь начинаютъ цѣниться по заслугамъ. Еще менѣе, чѣмъ въ Европѣ, оцѣнено композиторское творчество Листа въ Россіи. Много сдѣлалъ для распространенія оркестровыхъ и иныхъ сочиненій Листа М. Ба-

[1]) Въ молодости Листъ очень увлекался Паганини, сочинилъ этюды въ его стилѣ и напечаталъ въ 1840 г., послѣ его смерти, восторженный его некрологъ.

лакиревъ, исполняя ихъ въ концертахъ Безплатной Музыкальной Школы въ Петербургѣ. Послѣ того оркестровыя сочиненія и ораторіи Листа исполнялись и другими учрежденіями, но понемногу. Нѣкоторыя крупныя сочиненія Листа и до сихъ поръ остаются неизвѣстными нашей публикѣ.

Исходя преемственно отъ Бетховена, автора „Эгмонта", шестой и девятой симфоній, и имѣя предшественникомъ развѣ только своего современника и друга Берліоза [1]), Листъ является родоначальникомъ цѣлой новой области искусства—такъ-называемой программной музыки. Для Листа музыка была только однимъ изъ методовъ эстетическаго возсозданія психологическихъ переживаній человѣчества. Но, создавая свою музыкальную символику различныхъ эмоцій, онъ объединялъ ее рамками поэтическаго произведенія или программы. Музыкальный замыселъ у Листа почти всегда былъ вызванъ поэтическими идеями. Тѣ произведенія его, для которыхъ онъ не далъ опредѣленной программы, въ сущности имѣли ее, и она можетъ быть открыта съ достаточной достовѣрностью. Но такихъ произведеній у него немного.

Поэтическая программа, по мнѣнію Листа, должна обусловливать и самыя музыкальныя формы. Прежняя сонатная форма, въ которой писались классическія увертюры и симфоніи, съ ея симметричнымъ построеніемъ, съ обязательными возвращеніями темъ и повтореніями отдѣльныхъ частей сочиненія, часто не вязалась съ задачами программной музыки и потому должна была быть отброшена. Такъ была создана Листомъ форма симфонической поэмы, свободная, безконечно измѣняющаяся, но тѣмъ не менѣе всегда имѣющая свою своеобразную музыкальную логику. Своими симфоническими поэмами Листъ далъ образцы новыхъ формъ. Эти же идеи въ сущности исповѣдывалъ и Вагнеръ, создавая свои музыкальныя драмы. Однако, не нужно забывать, что бо́льшая часть симфоническихъ поэмъ Листа написана въ тотъ періодъ, когда у Вагнера имѣлись только „Тангейзеръ" и „Лоэнгринъ". Идейное вліяніе Листа на Вагнера становится яснымъ и изъ переписки двухъ геніальныхъ друзей.

Историческое значеніе того или другого художника лучше всего оцѣнивается вліяніемъ его на творчество современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Вліяніе творца симфонической поэмы не ограничивалось тѣмъ, что композиторы разныхъ школъ стали культивировать эту форму (во Франціи—Сенъ-Сансъ, Цезарь Франкъ, въ Германіи—Рихардъ Штраусъ, въ Россіи—Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Глазуновъ и другіе). Листъ оказывалъ вліяніе и другими сторонами своего творчества, запечатлѣннаго его крупнымъ оригинальнымъ талантомъ. Укажу

[1]) Его „Фантастическую симфонію" Листъ переложилъ для фортепіано и издалъ на собственный счетъ еще въ молодыхъ годахъ.

на очень типичный для Листа пріемъ — пользованіе одной и той же темой при созданіи различныхъ музыкальныхъ символовъ, съ цѣлью показать обусловливаемую программой связь между ними. Такого рода пріемъ, правда, былъ примѣненъ уже Берліозомъ въ его „Фантастической симфоніи", гдѣ одна и та же тема въ разныхъ частяхъ симфоніи получаетъ иное освѣщеніе; но Листъ этотъ пріемъ возвелъ въ цѣлую систему и въ примѣненіи его показалъ далеко опередившее Берліоза богатство творческой фантазіи.

Не трудно узнать этотъ пріемъ тематическаго развитія въ вагнеровской системѣ лейтмотивовъ. Этотъ же пріемъ перенесенъ былъ и въ область абсолютной музыки (не программной), симфонической и камерной, когда въ различныхъ отдѣльныхъ частяхъ сочиненія проводятся однѣ и тѣ же темы въ различномъ освѣщеніи. Тотъ же пріемъ обнаруживается и въ монотематизмѣ Цезаря Франка.

Я не буду распространяться о вліяніи Листа въ другихъ отношеніяхъ. Новизна его гармоніи, его модуляціи, нѣкоторые пріемы его оркестровки, въ общемъ приближающейся къ Берліозовской манерѣ прозрачнаго колорита, а не къ Вагнеровской, съ ея предпочтеніемъ густыхъ красокъ—все это тоже оказало свое дѣйствіе.

Сочиненія Листа еще далеко не отошли въ область исторіи. Они живутъ еще настоящей жизнью. Не устарѣли еще сюжеты его симфоническихъ поэмъ. Не устарѣла и музыкальная трактовка ихъ. Если въ манерѣ Листа и сказывается порою нѣкоторая искусственность пафоса, приподнятость, выспренность, напоминающая Виктора Гюго, то его творческій размахъ, психологическое crescendo его творческой фантазіи, ростъ въ развитіи, достигающій своего апогея обыкновенно къ концу поэмы, когда въ видѣ эффектнаго апоѳеоза широко проводится главная тема, часто захватываютъ. Венгерецъ родомъ, увлекавшійся въ дѣтствѣ музыкой и пляской венгерскихъ цыганъ и написавшій о нихъ цѣлую книгу, не потерявшій связи съ родиной и впослѣдствіи, посѣщая Пештъ, юношей жившій въ Парижѣ, а затѣмъ странствовавшій по Европѣ, надолго водворившійся въ Германіи, а въ послѣдніе годы, сдѣлавшись аббатомъ, избравшій постояннымъ мѣстопребываніемъ своимъ Римъ, Листъ въ своихъ сочиненіяхъ соединилъ въ одно неразрывное цѣлое непосредственность, оригинальность и свѣжую остроту народнаго венгерскаго элемента (венгерскія рапсодіи, „Hungaria", „Венгерская коронаціонная месса"), ясность и изящество стиля французской школы, глубокомысліе нѣмецкой и страстность темперамента итальянской музыки. Изучая въ Римѣ произведенія Палестрины, Аллегри и другихъ композиторовъ церковной музыки, онъ воспринялъ преемственно особенности церковнаго католическаго стиля и создалъ въ своей церковной музыкѣ, которой посвя-

тилъ, главнымъ образомъ, послѣдніе годы своей жизни, нѣчто новое въ томъ же направленіи.

При всемъ разнообразіи поэтическихъ идей, настроеній и эмоцій, проникающихъ музыку Листа, въ ней господствуютъ два объединяющія психологическія начала: демонизмъ и религіозная мистика. Демонизмъ Листа, ярко сказывающійся въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Mephisto-Walzer“, „Мефистофель“, симфонія „Фаустъ“, „Дантовская симфонія“, представляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей его музыкальной индивидуальности. Ни одинъ композиторъ не достигалъ въ музыкѣ выраженія съ такой яркостью и силой ядовитаго сарказма, иронiи, уничтожающаго отрицанія. Здѣсь Листъ вполнѣ оригиналенъ.

Другое начало, которымъ Листъ былъ проникнутъ всегда и которое восторжествовало въ его личной жизни въ старости, когда онъ принялъ духовный санъ, не менѣе характерно для него; оно ярко выразилось въ его псалмахъ и ораторіяхъ—„Св. Елизавета“ и особенно „Христосъ“, въ которой музыка, по собственному признанію Листа, превратилась въ молитву.

Оба начала нерѣдко у Листа сопоставляются, напримѣръ въ эпизодахъ изъ „Фауста“ Ленау въ вальсѣ Мефистофеля, музыка котораго полна діавольскаго соблазна, въ „Ночномъ Шествіи“, построенномъ на церковной темѣ; они слышатся, чувствуются и въ замѣчательной по глубинѣ, по формѣ и по тематическому развитію единственной у Листа фортепіанной сонатѣ (h—moll); программность сонаты ясна, хотя композиторъ и не предпослалъ ей никакой программы.

Музыкальная эрудиція Листа, при необычайной быстротѣ и легкости, съ которой онъ читалъ сложнѣйшія печатныя партитуры и рукописи, была громадна. Но всѣ многочисленныя направленія, разнообразіе характеровъ и стилей, которыя не могли не вліять на него, претворились въ его собственной индивидуальности, властно заявляющей о себѣ даже въ перифразахъ и транскрипціяхъ чужихъ произведеній. Эта индивидуальность, объединившая собою различные элементы, возведшая національныя черты на высоту общечеловѣческаго, воспринявшая завѣты прошлаго и сообщившая новый импульсъ искусству будущаго, дѣлаетъ музыку Листа живой, близкой и дорогой до сихъ поръ для всякаго европейца, несмотря на то, что со времени Листа искусство успѣло сдѣлать новые шаги въ своей безконечной эволюціи.

Не одними сочиненіями Листъ обезсмертилъ себя въ исторіи искусства. Истинный жрецъ искусства, онъ служилъ ему всѣми своими силами. И если мы удивляемся Бетховену, презрѣвшему свои тѣлесныя страданія и создавшему среди нужды и страданій гимны высшему Духу, высшей Радости и Свободѣ, то еще болѣе должны мы удивляться

Листу, во всю свою долгую жизнь всегда готовому на самоотреченіе для торжества идеи. Какъ и Бетховенъ, онъ не достигъ личнаго счастья въ своей жизни, хотя и по другимъ причинамъ: его бракъ съ горячо любимой женщиной—княгиней Сайнъ-Витгенштейнъ—не могъ состояться и онъ, отрекшись отъ земного счастья, сдѣлался аббатомъ. Но Бетховенъ отдалился отъ людей и, замкнувшись въ себя, искалъ утѣшенія въ своемъ творчествѣ. Листъ, напротивъ, всегда шелъ навстрѣчу людямъ. Онъ всегда былъ готовъ служить имъ матеріально и, главное, духовно. Онъ ѣздитъ по Европѣ и даетъ концерты, чтобы собрать недостающую сумму на памятникъ Бетховену. Онъ даетъ многочисленные концерты съ благотворительной цѣлью. Онъ отказывается отъ колоссальныхъ матеріальныхъ выгодъ виртуозной карьеры, безплатно даетъ уроки многочисленнымъ ученикамъ и ученицамъ, пріѣзжавшимъ къ нему, всемірному авторитету, отовсюду. Онъ умираетъ неимущимъ. Но еще важнѣе духовная помощь, которую онъ не уставалъ оказывать всѣмъ обращавшимся къ нему музыкантамъ, а въ иныхъ случаяхъ, и по собственной иниціативѣ. Онъ умѣлъ понять и оцѣнить особенности всякаго таланта и готовъ былъ служить ему. „Le génie oblige“ — эти слова были его девизомъ. И онъ безъ всякой тѣни зависти къ чужому таланту старался быть его слугою: распространялъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами его сочиненія, дѣлалъ ихъ транскрипціи, исполнялъ ихъ самъ или содѣйствовалъ ихъ исполненію, писалъ о нихъ статьи, разъяснялъ ихъ значеніе, а о распространеніи своихъ собственныхъ сочиненій забывалъ. Чудный памятникъ воздвигъ онъ своему другу Шопену блестящей книгой о немъ, въ которой живѣйшее литературное участіе принимала княгиня Витгенштейнъ.

Обширнѣйшая переписка Листа краснорѣчиво говоритъ на каждой страницѣ о великой его личности. Особенно характерно его отношеніе къ Рихарду Вагнеру, бывшему, какъ мы узнаемъ изъ двухъ томовъ его переписки съ нимъ, въ значительной мѣрѣ его созданіемъ. Черной неблагодарностью платилъ ему Вагнеръ, но это не останавливало чисто отеческихъ попеченій Листа о своемъ духовномъ сынѣ, и онъ пріѣхалъ умереть въ Байрейтъ вблизи созданнаго Вагнеромъ храма искусства.

Русская музыка тоже не должна забывать услугъ, оказанныхъ ей Листомъ. Оцѣнивъ оригинальные таланты композиторовъ новой русской школы—Балакирева, Римскаго-Корсакова, Бородина, Мусоргскаго, Кюи,—онъ знакомилъ съ ними Европу, устраивая исполненіе ихъ сочиненій, и тѣмъ положилъ прочное основаніе всемірной извѣстности нашей музыки. Бородинъ въ своихъ талантливыхъ письмахъ къ женѣ и въ статьхъ, изданныхъ В. Стасовымъ, живо описываетъ свое посѣщеніе

Листа въ Веймарѣ. Это чуть ли не лучшій литературный портретъ великаго человѣка.

Великое сердце Листа возвышаетъ его дѣятельность до нравственнаго подвига и заставляетъ отвести ему мѣсто не только въ исторіи музыки, но и среди немногочисленныхъ геніевъ-героевъ человѣчества.

Григорій Тимофеевъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Въ послѣдней книжкѣ „Русской Мысли“ есть чуткая и художественно написанная статья Сергѣя Орловскаго „О религіозныхъ исканіяхъ Тургенева“. Горячей любовью къ великому писателю, спокойной убѣжденностью и благородной мыслью дышатъ эти прекрасныя страницы, выясняющія трагическую основу Тургеневскаго міропониманія, непримиримое противорѣчіе позитивной мысли и непосредственныхъ чаяній сердца. Строгая мысль обнаруживаетъ непреложность желѣзнаго закона природы, который утверждаетъ конечность, разрушаемость, смертность всего сущаго, въ томъ числѣ и личности. Непосредственное чувство ужасается передъ перспективой небытія, бунтуетъ и отрицаетъ жизнь, обреченную на смерть. Незыблемы и равнодушны законы природы, хотя человѣку и невозможно примириться съ ними. „Закономѣрное въ природѣ, передъ судомъ неповторяющейся личности оказывается безсмысленнымъ“,—и „невозможность путемъ мышленія разрѣшить ужасъ этого противорѣчія вызываетъ въ художникѣ скорбное недоумѣніе, стонъ страданія“. Передъ душой, поднявшейся до пониманія этого трагизма, открываются три пути: пессимиза, доходящаго до отчаянія, мужественнаго стоицизма, похожаго все же на „преждевременное умираніе“, и религіи. Чаще всего страстотерпческая душа поэта влеклась по двумъ первымъ путямъ, но иногда, въ минуты творческаго подъема, прозрѣвала она и утѣшительныя тайны третьяго пути.

Мнѣ кажется, что эта схема довольно точно намѣчаетъ основныя линіи метафизической драмы, переживавшейся Тургеневымъ. Хотѣлось бы только ввести эту драму въ историческую рамку, и еще конкретнѣе, чѣмъ то дѣлаетъ Орловскій, связать ее съ Тургеневскимъ художественнымъ творчествомъ. Такое добавленіе свело бы вопросъ съ высотъ внѣвременнаго и внѣпространственнаго, приблизило бы его къ намъ, сдѣлало бы роднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыло бы и

рядъ существенныхъ элементовъ въ произведеніяхъ Тургенева,—элементовъ, доселѣ, если не ошибаюсь, не отмѣченныхъ и, во всякомъ случаѣ, не оцѣненныхъ во всей изъ многозначительности.

Мучительныя противорѣчія, вскрываемыя Сергѣемъ Орловскимъ въ сознаніи и чувствѣ Тургенева, не могутъ считаться чѣмъ-то спеціально и исключительно характернымъ для этого писателя. Они нарождаются каждый разъ, когда личность человѣческая, въ своемъ естественномъ развитіи, переростаетъ рамки церковно-философскаго авторитета и вырывается изъ колодокъ смиреннаго, неразсуждающаго повиновенія на широкое поприще самостоятельнаго, свободнаго исканія и самоопредѣленія. У насъ пора этого духовнаго совершеннолѣтія получила яркое выраженіе уже въ поэзіи Пушкина, который, ставя вопросъ: „Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?“, не всегда находилъ на него отвѣтъ въ своемъ индивидуальномъ сознаніи, и въ такихъ случаяхъ доходилъ до утвержденія безсмысленной и мучительной томительности бытія, т.-е. до настоящаго пессимизма и отчаянія. Это были минуты душевнаго упадка, слѣпоты, холода сердечнаго. Но поэтъ переживалъ и другіе моменты, которые онъ называлъ любовью и вдохновеніемъ, опредѣляя вдохновеніе какъ „расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ“. Въ такіе моменты напряженной душевной зрячести поэтъ получалъ о природѣ, о людяхъ, о самомъ себѣ знаніе неизмѣримо болѣе полное, чѣмъ въ минуты „хлада“; при свѣтѣ этого знанія, „клеветою“ оказывались искушенія злобнаго демона скептицизма, міръ изъ безсмысленнаго хаоса превращался въ стройный космосъ, въ которомъ индивидуальность радостно и безъ труда находила свое мѣсто и назначеніе, вполнѣ согласное съ ея самыми сокровенными упованіями. Тогда поэтъ выходилъ изъ мрачнаго узилища безнадежной самозамкнутости, живо ощущалъ всѣмъ существомъ своимъ органическую связь личности съ народомъ, человѣчествомъ, міромъ, сознавалъ себя не какъ отрѣшенную единицу, затерянную въ безднѣ враждебнаго хаоса, а какъ силу, разумно и въ полной гармоніи со своими сокровеннѣйшими хотѣніями выполняющую нѣкоторую вѣчную зиждительную работу. Линію этого ощущенія и этой работы метафизическая мысль можетъ продолжить въ безконечность, и тогда получится идея о мистической цѣли мірозданія, о полномъ преображеніи міра въ концѣ всемірнаго процесса,—идея, къ которой, дѣйствительно, и приходитъ всякое послѣдовательное религіозное сознаніе. Но Пушкинъ не былъ теологомъ и мистическихъ системъ не строилъ. Зато онъ съ мощью и безошибочностью генія переживалъ и отражалъ конкретную основу всякаго синтетическаго міропониманія,—гармоническую сліянность жизни личной съ жизнью, развивающеюся за предѣлами данной личности.

Преемственнымъ трудомъ непрерывнаго ряда поколѣній творится идеалъ красоты, человѣчности и справедливости и среди жестокихъ бореній между отживающимъ и нарождающимся постепенно осуществляется въ жизни. Не данною личностью начался этотъ процессъ, не ею и завершится, но онъ движется впередъ именно усиліями отдѣльныхъ личностей, въ томъ числѣ и данной, которая только въ осуществленіи этого процесса и находитъ внутреннее оправданіе и смыслъ своего бытія. Мистическими туманами окутанная, религіозная вѣра въ конечное преображеніе міра являлась Пушкину въ конкретной формѣ вѣры въ преображеніе русской жизни, осуществляемое трудомъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ поколѣній. Отсюда его глубокій интересъ къ прошлому Россіи, въ частности къ великому ея Преобразователю-Преобразителю; отсюда спокойно-величавое признаніе значительности своего собственнаго жизненнаго подвига въ „Памятникѣ“. Въ связи съ этимъ и побѣда надъ ужасомъ смерти, просвѣтленно-элегическое настроеніе при мысли о ней, умягчаемое радостью передъ той могучей и непрерывной волной жизни, которая будетъ катиться и послѣ исчезновенія земной личности поэта: „у гробового входа младая будетъ жизнь играть“... Или:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! *Не я*
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. *Но пустъ мой внукъ...*

Новый методъ обрѣтенія незыблемой, мірообъемлющей истины, опирающейся не на внѣшній авторитетъ, а на внутреннее самосознаніе индивидуума, Пушкинымъ былъ открытъ въ геніальной интуиціи. Но уже среди младшихъ современниковъ великаго поэта нашлась группа „любомудровъ“, которые оправдали открытіе Пушкина философскими доводами романтическаго философа Шеллинга. Они провозгласили, что разрѣшеніе основныхъ вопросовъ человѣческаго духа и снятіе всѣхъ мучительныхъ противорѣчій и недоумѣній возможно только на почвѣ особо изощреннаго воспріятія природы, при наличности утонченной гибкости чувства и при способности къ пламеннымъ художническимъ вдохновеніямъ. Традиція нашихъ шеллингистовъ двадцатыхъ годовъ нашла прямое продолженіе и развитіе въ гегельянскомъ кружкѣ Станкевича, который, какъ извѣстно, оказалъ могущественнѣйшее вліяніе на умственный и нравственный складъ Тургенева въ годы его молодости. И если мы обратимся къ первой книгѣ, прославившей Тургенева, къ „Запискамъ Охотника“, то мы легко отыщемъ въ основѣ всей ея конструкціи указанный кругъ идей.

Общественное сознаніе справедливо увидѣло въ „Запискахъ Охот-

ника" яркое и талантливое выраженіе того народолюбія, которое, вскрывая въ крѣпостномъ мужикѣ человѣческую личность, не менѣе цѣнную, чѣмъ личность барина, воспитывало въ обществѣ острое чувство стыда и негодованія передъ рабствомъ и создавало психологическую неизбѣжность освобожденія крестьянъ. Какія же черты въ крестьянской психикѣ выдвигаетъ Тургеневъ, движимый сочувствіемъ и уваженіемъ къ человѣческому достоинству крѣпостного?

Въ массѣ разсказовъ охотника, особенно въ „Касьянѣ съ Красивой Мечи", „Бѣжинѣ лугѣ", „Живыхъ мощахъ", „Стучитъ" и др., авторъ съ яркостью живописуетъ сліянность крестьянской души съ жизнью природы, необыкновенную чуткость юродиваго Касьяна, ребятъ, умирающей Лукерьи, даже придурковатаго Фалалея къ красотѣ пейзажа, къ малѣйшимъ явленіямъ животнаго міра, ко всякому вообще зову стихіи. Рука объ руку съ этимъ идетъ способность крестьянъ, и особенно крестьянокъ, къ исключительной яркости и полноцѣнности сердечныхъ привязанностей: вспомните мельничиху, дѣвушку изъ „Свиданія" и столькихъ другихъ. На этой почвѣ чуткаго воспріятія міра и богатой жизни сердца выростаетъ могучій цвѣтъ настоящаго художественнаго творчества: міръ легендъ, наполняющій дѣтскую душу въ волнующей обстановкѣ ночного, задушевная музыка пѣсенъ Калиныча и деревенскихъ мейстерзингеровъ въ „Пѣвцахъ". На лицо всѣ элементы, отмѣченные пушкинскимъ творчествомъ и шеллингистскими теоріями. Но параллель идетъ и дальше. Посмотрите, какъ непосредственно изъ эстетическаго созерцанія природы выростаетъ у Касьяна стойкое и стройное этическое міровоззрѣніе, какъ на той же почвѣ расцвѣтаетъ религіозная мистика Лукерьи изъ „Живыхъ мощей", какимъ цѣлительнымъ, всепримиряющимъ мотивомъ вплетается въ музыку этой мистики традиціонно формулируемая, но глубоко индивидуально переживаемая идея о связи живущихъ съ умершими въ подвигѣ духовнаго просвѣтленія и очищенія, въ подвигѣ осуществленія какой-то высшей справедливости. Въ итогѣ, Тургеневъ, врядъ ли сознательно, рисуетъ крестьянина носителемъ того духовнаго богатства, которое господствовавшія въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка теоріи ставили какъ идеалъ передъ нашей интеллигенціей, какъ единственный путь къ разрѣшенію насущнѣйшихъ и глубочайшихъ вопросовъ. Помѣщики и вообще интеллигенты, наоборотъ, рисуются въ „Запискахъ охотника" какъ люди, лишенные, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, чуткости къ жизни и къ искусству, какъ существа сердечно тупыя,—и потому они либо остаются на стадіи первобытной грубости, либо, какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, доходятъ до вершинъ умственнаго развитія только для того, чтобы сознать, что „жизнь молчитъ передъ ними, голубушка", что,

значитъ, понять имъ въ ней ничего не дано, и остается имъ лишь влачить съ позоромъ ея безсмысленное бремя, завидуя одинаково и тѣмъ, кто умѣетъ любить и видѣть, и тѣмъ, кто не замѣчаетъ своей тупости и слѣпоты и наслаждается невозбранно въ тинѣ готтентотскаго эгоизма. Выводъ изъ исповѣди „Гамлета“ ясенъ: самая высокая образованность, самыя прекрасныя идеи—безсильны и прямо мертвы въ личности, скудной сердцемъ и впечатлительностью. А по наблюденіямъ Тургенева-художника какъ разъ этого-то основного субстрата и недостаетъ очень часто нашему идеализму.

Рудина Тургеневъ несомнѣнно казнитъ въ теченіе всего романа и только въ эпилогѣ плачетъ надъ нимъ. За что казнь? За то, что у Рудина нѣтъ уха для русской рѣчи, и онъ равнодушенъ къ ея искаженіямъ въ устахъ г-жи Ласунской. За то, что у него нѣтъ глаза для окружающей его дѣйствительности, и онъ, блестящій ораторъ-поэтъ, не умѣетъ найти красокъ для передачи хоть чего-нибудь изъ всего богатства своей заграничной жизни. За то, что у него нѣтъ сердца для подходящихъ къ нему людей, и онъ способенъ остаться холоднымъ рядомъ съ пламеннымъ чувствомъ Натальи и Басистова. Онъ талантливъ, благороденъ, даже добръ, но слѣпота душевная ставитъ его поступки въ систематическое противорѣчіе съ его идеями и превращаетъ его жизнь въ сплошную ошибку. По той же причинѣ, его идеи—не его: онѣ созданы не имъ, а, главнымъ образомъ, чуткой душою Покорскаго, онѣ станутъ дѣйственными и лучезарными въ душѣ Натальи или Басистова, но, чуждыя самому Рудину, дадутъ ему индивидуально только мракъ отчаянія, какъ Гамлету Щигровскаго уѣзда, и въ концѣ концовъ приведутъ его къ замаскированному самоубійству на парижскихъ баррикадахъ („отдамъ жизнь за дѣло, въ которое и вѣрить не буду“).

Другое дѣло—Лаврецкій. Его жестоко „вывихнули“ въ дѣтствѣ, всѣми способами душили и разбивали его врожденную впечатлительность и сердечность. Но здоровая *мужицкая* кровь, текущая въ его жилахъ, не дала свершиться психологическому убійству до конца. Только первая половина жизни Лаврецкаго оказалась смятой вдребезги. Истекая кровью, онъ подъ давленіемъ смутнаго, но вѣрнаго инстинкта ползетъ зализывать свою рану въ родную деревню. День, проведенный подъ окошкомъ стараго помѣщичьяго дома, возрождаетъ въ немъ чувство органической, почти физіологической связности его съ этой жизнью, медленно, но могуче текущей, „какъ вода по болотнымъ травамъ“; встрѣча съ Лизой, выросшей въ такомъ же старомъ гнѣздѣ, зажигаетъ его сердце путеводнымъ чувствомъ,—и на нашихъ глазахъ раны Лаврецкаго затягиваются, правильное кровообращеніе возстанавливается, онъ находитъ самого себя, свое жиз-

ненное направленіе и начинаетъ двигаться,—куда? Прямымъ путемъ къ религіозному міровоззрѣнію Лизы, точно воспроизводящему основы міровоззрѣнія Лукерьи изъ „Живыхъ мощей“. Онъ невольно опускается уже въ церкви на колѣни и шепчетъ горячую молитву. Злой рокъ разлучаетъ его съ Лизой. Усвоеніе ея символики обрывается на полудорогѣ. Но основа Лизиной вѣры уже усвоена Лаврецкимъ и даетъ его жизни прочное русло, грустное, въ силу крушенія личнаго счастья, но умиротворенное, ибо онъ подъемлетъ трудъ, освященный и осмысленный помыслами о грядущихъ поколѣніяхъ: „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы, жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить“. Своимъ трудомъ, своей мукой Лаврецкій и Лиза искупаютъ грѣхи свои и своихъ предковъ и снимаютъ проклятіе съ потомковъ. Имъ не удалось вкусить сладость преображенной жизни, но жизнь преобразится. „Не я увижу... но пусть мой внукъ“...

Подросли эти „молодыя силы“, о широкомъ пути для которыхъ мечталъ Лаврецкій-Тургеневъ, находя въ этой мечтѣ утоленіе скорби надъ своей неудавшейся жизнью и оправданіе жизни вообще. Но только новую скорбь, новое испытаніе вѣры стараго идеалиста принесли онѣ. Молодое поколѣніе не поняло и не приняло искупительной жертвы отцовъ, отвергло истину, выстраданную ими. Базаровы занесли руку на алтарь, гдѣ горѣлъ огонь Пушкина и его учениковъ, объявили культъ природы, любви и искусства гнилой романтикой и захотѣли основать жизнь на печномъ горшкѣ холоднаго разсудка, матеріальной полезности. Эта полемическая сторона новаго теченія естественно должна была особенно больно поразить Тургенева. Онъ зналъ, что эта программа, если только удастся ее осуществить, поведетъ не впередъ, а назадъ, къ новымъ бичамъ, темницамъ, топорамъ, что она толкнетъ молодую, непочатую силу на путь, гдѣ она будетъ смята и растрачена въ дебряхъ новыхъ ошибокъ, и когда сознаетъ святость и вѣчность боговъ, которымъ поклонялись старые идеалисты, то будетъ уже поздно, не хватитъ энергіи поворачивать жизнь и самихъ себя на вѣрную дорогу. Придется, значитъ, еще одному поколѣнію отойти изъ міра, не свершивъ урока.

И Тургеневъ захотѣлъ показать Базарову, что отрицаемая имъ жизнь сердца жива и могуча въ немъ самомъ, есть основная, несокрушимая пружина его подлинной, а не аскетически упорно навязываемой личности. Эта жизнь сердца ощутится имъ въ самой презрѣнной для него первичной формѣ—какъ индивидуальная влюбленность, противъ которой всякій бунтъ окажется безсильнымъ, о которую сломится желѣзная энергія „самолома“. А пробивъ эту маленькую брешь въ бронѣ Базаровскаго міровоззрѣнія, старая, вѣчная правда заставитъ его почувствовать подъ стогомъ, что есть привязанность

къ отцовскому дому и къ дереву, надъ нимъ склонившемуся, что безъ идеалистическихъ порывовъ нѣтъ оправданія и для борьбы за соціальную справедливость, что для послѣдовательнаго утилитариста вообще немыслимо никакое осмысленіе жизни. И все это, и многое другое вихремъ встанетъ въ самоувѣренной душѣ „нигилиста“, превратитъ ея математическое спокойствіе и самоувѣренность въ растерянность и хаосъ; потеряетъ Базаровъ свое самообладаніе и твердость, начнутся нелѣпые поступки, вродѣ покушенія на Феничку или дуэли съ Павломъ Кирсановымъ, станутъ забываться необходимые для работы инструменты, дрогнетъ привычная рука при вскрытіи трупа,— и смерть ворвется и сломитъ плохо защищенную жизнь. Но на могилу Базарова придутъ старикъ со старухой и прольютъ слезы. И эти слезы снова напомнятъ, что только любовь, святая, преданная любовь всесильна. А цвѣты на могилѣ снова нашепчутъ грезу о примиреніи и о жизни безконечной.

Такъ трагедія Базарова найдетъ разрѣшеніе все на той же почвѣ стараго идеализма и только вновь подтвердитъ его непреложность. „Жизнь безконечная“ сдѣлаетъ свое дѣло рано или поздно, очистится отъ горестныхъ противорѣчій, обрѣтетъ примиреніе въ преображеніи. Но пока—новая отсрочка, новыя могилы, новыя страданія. Слишкомъ много скорби, чтобы не угнетали душу частые приступы безсилія, тоски и отчаянія. Однако сила вѣры не сломлена же окончательно, въ заботѣ о свѣтломъ грядущемъ способенъ старый идеалистъ побѣждать ужаснѣйшія муки тѣлесныя и душевныя. Даже на смертномъ одрѣ, среди нечеловѣческихъ страданій онъ будетъ писать свое изумительное письмо Л. Н. Толстому и умолять его, чтобы не бросалъ онъ служенія тому Богу, котораго унаслѣдовалъ Тургеневъ отъ великихъ предковъ и которому служилъ всю жизнь. Этимъ предсмертнымъ порывомъ Тургеневъ побѣдилъ противорѣчіе между желѣзнымъ закономъ природы и требованіями человѣческаго сердца, побѣдилъ страхъ передъ смертью своего „я“ безмѣрной любовью къ тому, что больше всякаго „я“ и есть его единая истинная основа. Это ли не подлинное религіозное прозрѣніе и преображеніе?..

Опять почти все отведенное мнѣ мѣсто я занялъ мыслями о старыхъ нашихъ писателяхъ, а не о текущихъ явленіяхъ русской литературы. Но что же дѣлать, если „старики“ до сихъ поръ будятъ мысль и чувство, а современные беллетристы въ подавляющей своей массѣ будятъ только скуку. При такихъ обстоятельствахъ, пожалуй, и впрямь—говорить теперь о „старикахъ“ гораздо своевременнѣе и современнѣе, чѣмъ анализировать, напримѣръ, новое, весьма про-

странное созданіе г. Ив. Рукавишникова, романъ „Проклятый родъ“, тянувшійся въ „Современномъ Мірѣ“ съ января по августъ мѣсяцъ. На обложкѣ послѣдняго выпуска этого почтеннаго журнала мы увидали, рядомъ съ заглавіемъ Рукавишниковскаго романа, вожделѣнное слово: „окончаніе“. Вырвавшійся при этомъ у читателя вздохъ облегченія оказался, однако, преждевременнымъ, ибо подъ самымъ текстомъ романа пояснено, что это—окончаніе только второй части романа, и что, слѣдовательно, не исключена возможность части третьей, четвертой и т. д. Третья-то часть ужъ навѣрное будетъ, такъ какъ трудолюбивый авторъ успѣлъ въ двухъ частяхъ отправить на тотъ свѣтъ еще не всѣхъ представителей „Проклятаго рода“, явно и безжалостно обреченныхъ жестокой музой романиста на погибель среди лютыхъ мученій. Но нѣтъ ровно никакихъ надеждъ на то, чтобы послѣдующія части романа измѣнили впечатлѣніе, которое производятъ уже напечатанныя.

Впечатлѣніе это крайне тяжелое. Прежде всего написанъ романъ совершенно невыносимымъ стилемъ, вычурнымъ, кошмарнымъ, умышленно клочковато и невразумительно. Передъ читателемъ все время клубится какой-то зловѣщій туманъ, сквозь который мелькаютъ безсвязные обрывки предметовъ, лицъ, разговоровъ, событій. Ни концовъ, ни началъ, всѣ очертанія нарочно затушевываются, краски расплываются безформенными пятнами. Языкъ,—напряженный, вымученный, съ противуестественной разстановкой словъ, съ пристрастіемъ къ выдуманнымъ или малоизвѣстнымъ реченіямъ,—явно приспособленъ для усиленія хаотичности и кошмарности. И само содержаніе романа нарочито хаотично и кошмарно. Повѣствуется о разложеніи и гибели рода нѣкоего нижегородскаго купца-милліонера. Ни одного нормальнаго человѣка въ этой семейкѣ; все выродки, психопаты, преступники. Убійства, братоубійства и самоубійства, изнасилованія и кровосмѣшенія, манія величія и манія преслѣдованія, половое безсиліе и половое изступленіе—вотъ основныя темы г. Рукавишникова. Среди тѣхъ же клубовъ угнетающаго тумана мелькаютъ подъ конецъ и призраки недавней революціи, московскаго вооруженнаго возстанія, заговора и шпіонажа... И этотъ сплошной кошмаръ растянутъ на десятки листовъ. Естественно, что вмѣсто жути и ужаса, которыми авторъ очевидно хотѣлъ поразить душу читателя, въ концѣ концовъ получается только скука. А между тѣмъ у г. Рукавишникова было въ рукахъ, какъ и теперь можно догадываться, немало интереснаго психологическаго матеріала, и не гоняйся онъ за сугубыми эффектами, не оригинальничай онъ свыше всякой мѣры, могла бы получиться повѣсть положительно недюжинная. Но теперь все это перепуталось въ безобразный клубокъ, изъ котораго извлечь какую-нибудь нитку

можно было бы только при колоссальной настойчивости и неземномъ терпѣніи, и въ концѣ концовъ трудъ все-таки не окупился бы, потому что подлинныхъ откровеній въ романѣ г. Рукавишникова все-таки нѣтъ. Онъ не выходитъ изъ удушающей атмосферы угрюмаго кладбищенства, котораго такъ много развелось въ нашей литературѣ за послѣднее время, и которое успѣло уже выродиться въ манеру и порядкомъ надоѣсть.

Не довольно ли панихидъ? Не пора ли услышать бодрые зовы жизни? Вѣдь они есть, чуткая душа уловитъ ихъ даже среди обстоящихъ скорбей и сумѣетъ на нихъ откликнуться полнозвучнымъ, радостнымъ привѣтомъ. Прочитайте серію маленькихъ картинокъ г-жи Толмачевой, подъ общимъ заглавіемъ: „Свѣтлый ликъ“ („Русская Мысль“, іюнь). Она знаетъ, какъ „душа, полная тревоги, слѣпая, ощупью бредетъ въ непонятной, трудной жизни“. Знаетъ и минуты, когда „обгоняя другъ друга хлынутъ въ мозгъ назойливыя, нудныя заботы, на привычномъ мѣстѣ прочно гнѣздится старая боль, попрежнему неясна и печальна душа. И въ мутномъ мракѣ холоднаго утра тяжелымъ подъемомъ на крутую гору кажется жизнь, и чудится, что нѣтъ больше силъ идти дальше, и хочется забыться, уйти въ тишину и мракъ, куда ничто не доходитъ“... Но знаетъ г-жа Толмачева и то, что „счастливъ зрячій! Счастливъ тотъ, кто, залюбовавшись узоромъ вѣтвей на фонѣ неба, сумѣетъ забыть на минуту свой тяжкій трудъ, чье сердце дрогнетъ отвѣтно на сладкую сказку музыки, кто сможетъ улыбнуться ребенку, разгибая усталую спину“...

Г-жа Толмачева несомнѣнно принадлежитъ къ разряду „зрячихъ“. Она умѣетъ прозрѣвать „свѣтлый ликъ“ жизни въ самыхъ простыхъ явленіяхъ повседневности, мимо которыхъ менѣе чуткая впечатлительность проходитъ равнодушно. Она отмѣтитъ свѣтлый закатъ двухъ простыхъ старушекъ, которыя „добрались до снѣговыхъ вершинъ жизни и сумѣли оставить внизу темное, тягостное бремя“; остановится надъ умирающимъ озлобившимся старикомъ, когда неожиданная довѣрчивость ребенка разбудитъ хоть на минуту его закаменѣвшее сердце, и „голосъ сиплый, натруженный кашлемъ, отвыкшій отъ ласки, словно ощупью“ заговоритъ „неумѣло давно забытыя, казалось, слова“. Она заглядится на море, на кипарисы, на босоножекъ, читающихъ на улицѣ непонятныя имъ афиши, на собаченку, мерзнущую у захлопнутой двери магазина. Она пойметъ свѣтлую, экзальтированную влюбленность смѣшного учителя нѣмецкаго языка Карла-Готлиба Миллера. И не только она откликнется сердцемъ на все это и на многое другое, но и сумѣетъ разсказать про то, что увидѣла, простыми, краткими, но прочувствованными, своими и потому прямо въ душу идущими словами. Г-жа Толмачева—дебютантка, по крайней

мѣрѣ, мнѣ ея подпись до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалась. Если это такъ, то у ней есть будущее, потому что ея дебютъ свидѣтельствуетъ не объ одной зрячести чуткой натуры: на немъ видна и печать художественной одаренности.

С. Адріановъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Крымъ въ роли „всероссійской дачи“.—Равнодушіе центральной Россіи въ Крыму.—Крымская малокультурность, какъ слѣдствіе общероссійсской малокультурности.—Судьба крымскихъ татаръ.—Тормазы крымскаго прогресса.—Дѣятельность генерала Думбадзе и его помощниковъ.—Крымская электрическая желѣзная дорога.—Призваніе англійскихъ капиталистовъ.—Горные крымскіе курорты.—Успѣхи Крымскаго винодѣлія.—Будущее Крыма.

Странное чувство испытываешь на крымскихъ берегахъ, подъ ликующимъ южнымъ солнцемъ, около голубого моря. Какъ будто здѣсь не русская провинція, какъ будто Крымъ не кусокъ Россіи, плотно спаянный со всей страной. Несомнѣнно, Крымъ имѣетъ свои мѣстные интересы, свои нужды, но эти нужды, эти интересы какъ-то не сливаются съ общероссійскими, почти не обсуждаются въ общей прессѣ, остаются въ пренебреженіи. Этотъ праздничный уголокъ, обласканный южной природой, слишкомъ не гармонируетъ съ угрюмыми буднями внутренней Россіи. Крымъ—это всероссійская дача. А до того ли утомленной Россіи, чтобы думать о какой-то дачѣ, о свѣтломъ лѣтнемъ отдыхѣ, о солнечныхъ, праздничныхъ курортахъ? Все еще не добыты элементарныя условія спокойной гражданской жизни, не установлены основы правового быта. Голодный мечтаетъ не о пирожномъ, а о болѣе существенныхъ блюдахъ. И отсюда получается такая странность, что Россія, обладая такой жемчужиной, какъ Крымъ, почти не вспоминаетъ о немъ среди своихъ холодныхъ полей и лѣсовъ.

Даже больныхъ какъ будто мало въ Крыму, даже больныхъ своихъ Россія какъ будто не желаетъ слать въ эту благословенную страну. Ѣдутъ сюда представители сравнительно богатаго класса, люди болѣе или менѣе обезпеченные,—тѣ, кто-бы могъ и заграницу поѣхать, да почему-либо иной разъ рѣшаетъ провести лѣтніе или осенніе мѣсяцы на крымскомъ берегу. И Крымъ достаточно наполненъ этими людьми; „всероссійская дача“ не пустуетъ. Особенно въ послѣдніе два-три

года. Уже начинаются жалобы на переполненіе Крыма, на вздорожаніе здѣшней жизни, на тѣсноту и неудобства отъ чрезмѣрнаго количества публики. Выходитъ какъ будто противорѣчіе: съ одной стороны, Крымъ въ пренебреженіи, а съ другой стороны—онъ переполненъ. Противорѣчіе кажущееся. Переполнены два-три курорта, разсчитанные, по прежнему опыту, на горсточку пріѣзжихъ. И въ то-же время громадныя пространства въ Крыму совершенно пустынны, необитаемы, представляя безцѣнныя, неиспользованныя удобства для устройства курортовъ. Всѣмъ этимъ Россія въ ближайшемъ будущемъ воспользуется. Здѣсь будетъ подлинная „русская Ривьера“, а въ горахъ маленькая „русская Швейцарія“. Пока-же приходится съ недоумѣніемъ и досадой наблюдать здѣсь нашу малокультурность и непредпріимчивость.

Прежде всего новаго пріѣзжаго поражаетъ, что Крымъ отрѣзанъ отъ общей сѣти россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзная дорога обрывается въ Севастополѣ и Симферополѣ. Дальше надо ѣхать на пароходахъ, на лошадяхъ или на автомобиляхъ. Въ томъ, что до сихъ поръ нѣтъ крымской желѣзной дороги, выразительно сказалось и странное равнодушіе центральной Россіи къ южнымъ берегамъ Крыма, и россійская непредпріимчивость. Большіе пароходы, идущіе изъ Севастополя, плату взимаютъ невысокую, но на всемъ главномъ крымскомъ побережьѣ они заходятъ только въ Ялту. Для остальныхъ переѣздовъ остаются экипажи и автомобили. Это и дорого, и сопряжено съ неудобствами: пыльно, тряско, длительно. Для людей малоимущихъ или людей слабаго здоровья въѣздъ въ Крымъ оказывается довольно досаднымъ. Затѣмъ начинаются мытарства при поискахъ комнаты. Въ Алуштѣ, въ Гурзуфѣ, въ Мисхорѣ, въ Алупкѣ, въ Симеизѣ, во всѣхъ этихъ прибрежныхъ курортахъ и курортикахъ квартирныя условія одинаковы. Вездѣ мало-мальски сносная комната оцѣнивается отъ 80 до 120 рублей въ мѣсяцъ, да и въ этихъ „сносныхъ“ комнатахъ комфортъ минимальный и сомнительный. Есть, разумѣется, комнаты и дешевле, но здѣсь жильцы должны впередъ помириться съ отсутствіемъ многихъ элементарныхъ удобствъ: ломаная мебель, тѣснота, сырость, насѣкомыя, нечистота и т. д.

Отчасти по нуждѣ, отчасти изъ любопытства нынѣшнимъ сезономъ я обошелъ три курорта, разсматривая сдающіяся комнаты и подробно разспрашивая объ условіяхъ жизни. Впечатлѣніе получилось удручающее. Владѣльцы комнатъ съ бодрымъ, услужливымъ видомъ показывали свои владѣнія и, видимо, нисколько не замѣчали печальнаго ихъ вида. Грязный умывальникъ, продавленная кровать, хромой столъ, пыльные полы, разбитое окно, всѣ эти кричащіе изъяны нисколько ихъ не смущали и не огорчали.

— Прекрасная, удобная комната!—искренно говорилъ владѣлецъ, указывая на запущенную, полуразрушенную комнатушку,—вамъ очень будетъ удобно.

Наконецъ, оказался одинъ дачевладѣлецъ, который въ этомъ смыслѣ превозошелъ всѣхъ. Это было въ Алупкѣ. Года три назадъ мы жили на его дачѣ. Поэтому встрѣтилъ онъ насъ радостно, дружелюбно, какъ старыхъ знакомыхъ, съ искреннимъ доброжелательстомъ.

— Есть, есть комната!—весело и успокоительно говорилъ онъ,—пожалуйте! Будете довольны!

Онъ быстро повелъ насъ на задворки. Здѣсь надъ кухней приткнулась низенькая хибарка. Хозяинъ гостепріимно распахнулъ дверь. Мы вошли въ тѣсный, полутемный чуланчикъ. Въ немъ стояла простая желѣзная кровать, непокрытая, пустая, печально поблескивающая смятыми желѣзными прутьями. Больше въ чуланчикѣ совершенно ничего не было Ни стола, ни стульевъ, ни комода, ни вѣшалки. Голыя, пыльныя стѣны.

— Вотъ! — съ удовольствіемъ сказалъ хозяинъ, — устраивайтесь. Очень радъ. Все было занято, а вотъ эта вчера освободилась. Инспекторъ жилъ.

Я внимательно поглядѣлъ на него. Лицо его сіяло безмятежной привѣтливостью. Видимо, онъ радъ былъ оказать гостепріимство и не сомнѣвался, что комната достаточно привлекательна.

— Вотъ стульчика да столика нѣтъ,—сказалъ онъ, подумавъ,—ну, да зачѣмъ вамъ? Весь день у моря будете сидѣть. А кровать хорошая. Полтора мѣсяца инспекторъ жилъ. Вчера выѣхалъ.

Мы освѣдомились о цѣнѣ.

— Тридцать пять рублей. Сегодня переѣдете? Конечно, сейчасъ же и везите вещи. Чего напрасно деньги расходовать. Въ гостинницѣ, навѣрное, рубля три за номеръ платите.

Говорилъ онъ привѣтливо, дружески, нисколько не сомнѣваясь, что комнату мы беремъ и немедленно въ нее переѣзжаемъ. Онъ былъ огорченъ и остался въ искреннемъ недоумѣніи, когда мы ушли, осторожно отклонивши его комнату.

Были и мы въ недоумѣніи. Человѣкъ довольно интеллигентный, художникъ по профессіи, — почему же у него такія первобытныя, упрощенныя понятія о квартирномъ комфортѣ? Однако, повсюду наблюдали мы, если не такое, то сходное отношеніе къ обстановкѣ комнатъ. Есть комнаты получше, есть похуже, но вездѣ имѣются какіе-либо изъяны, и вездѣ сами хозяева добросовѣстно слѣпы къ этимъ недостаткамъ. Мы поняли тогда, что это общее явленіе, что это наша обиходная культура, нашъ общій бытовой уровень.

Тамъ же при обходѣ комнатъ мнѣ припомнился скромный отель

маленькаго швейцарскаго городка, гдѣ два года назадъ пришлось мнѣ прожить около мѣсяца. Въ этомъ швейцарскомъ отелѣ поражала дешевизна жизни и тщательная, продуманная культурность обстановки. За пять франковъ въ сутки пріѣзжій получалъ превосходную комнату съ балкономъ, съ полной обстановкой, съ постельнымъ бѣльемъ, съ полотенцами для умыванія, съ освѣщеніемъ, съ полнымъ пансіономъ. За пять франковъ съ жильца снимались всѣ заботы о жизни. Отдыхай, освѣжайся, поправляй здоровье правильнымъ питаньемъ, спокойной праздностью. Но болѣе всего поражало русскій глазъ обдуманное удобство комнатъ. Ничего дорогого и лишняго, но всѣ эти крючки на дверяхъ и окнахъ, рѣшетчатыя ставни, удобныя кровати и умывальники, краны холодной и горячей воды въ корридорѣ и прочія мелочи говорили о прочной привычкѣ къ удобствамъ культурнаго быта. Еще больше подивились мы, когда узнали, что хозяинъ нашего отеля простой поваръ. Онъ гдѣ-то служилъ на кухнѣ, скопилъ денегъ и вотъ построилъ этотъ отель. А владѣя имъ, продолжалъ работать на кухнѣ собственнаго отеля, въ то время какъ жена, погремливая ключами, исполняла тутъ же роль экономки.

Несомнѣнно, этотъ поваръ со своей женой нисколько сами по себѣ не культурнѣе тѣхъ интеллигентыхъ и полуинтеллигентныхъ владѣльцевъ дачъ, которые въ крымскихъ курортахъ сдаютъ непривлекательныя комнаты. Сущность дѣла въ культурѣ націи. Всѣ эти гвоздики, задвижки и обдуманныя удобства повседневной жизни завоеваны шагъ за шагомъ, постепенно созданы общимъ бытомъ страны. Поваръ, создававшій свой отеликъ, былъ только послушнымъ исполнителемъ общихъ требованій, которыя, такъ сказать, висѣли въ воздухѣ. Крымскія неудобства—прямое порожденіе общероссійскихъ неудобствъ. Это уровень бытовой культуры, до котораго мы успѣли подняться. И мелочи крымской жизни уже не кажутся пустыми, случайными пустяками, когда за ними чувствуешь національную основу. Болѣе понятной кажется и добродушная слѣпота крымскихъ дачевладѣльцевъ къ недостаткамъ своихъ комнатъ, когда вспомнишь, что въ сущности и пріѣзжіе, снимающіе эти комнаты, почти также благодушно-слѣпы къ ихъ неустройству. Кое-кто, конечно, жалуется и ворчитъ, но всѣ примиряются, живутъ, не протестуютъ. Вѣдь даже въ чуланчикѣ художника жилъ полтора мѣсяца какой-то добродушный инспекторъ! Примиряются или не замѣчаютъ неудобства потому, что каждый у себя, дома, наблюдаетъ изо дня въ день тотъ же низкій уровень бытовой культуры. Виной тому, съ одной стороны, наша матеріальная нищета, но, съ другой стороны, значительна и наша нищета культурныхъ навыковъ, недостатокъ привычекъ и требованій повышенной цивилизаціи. И если пока широкія политическія задачи за-

крываютъ въ Россіи эти мелкія нужды быта, то впослѣдствіи придется подумать о нихъ и поработать для нихъ.

Впрочемъ, привычки и навыки быта въ значительной степени пріобрѣтаются сами собой, привходя незамѣтно отъ сосѣднихъ культуръ и распространяясь путемъ подражанія. Разумѣется, и въ Крыму уже имѣются отели, поставленные совершенно на заграничную ногу. Вся разница пока лишь въ томъ, что въ Западной Европѣ этотъ комфортъ обыченъ, дешевъ, общедоступенъ, а въ Крыму за него приходится платить высокія деньги, и пользуются имъ единицы, а не тысячи людей.

Нѣкоторое значеніе, вѣроятно, имѣетъ и то обстоятельство, что Крымъ все еще довольно густо населенъ татарами. Русская культура, какъ она ни худосочна, все же оказалась значительно выше татарской. Унынiемъ вѣетъ отъ саклей и домишекъ татаръ, съ оголенными стѣнами, слѣпыми окнами, земляными (зачастую) полами. Между тѣмъ, многихъ пріѣзжихъ нужда заставляетъ жить въ этихъ лачугахъ, и отдыхъ или леченіе такихъ квартирантовъ конечно представляются весьма сомнительными. Рядомъ съ такими жилищами значительно блѣднѣютъ недостатки русскихъ комнатъ. Близость низшей культуры, можно допустить, нѣсколько ослабляетъ прогрессъ сосѣдняго высшаго быта.

Дальнѣйшая судьба татарскаго быта довольно печальна: ему, видимо, суждено отмереть. Все еще густы толпы татарскаго населенія, все еще звенитъ призывъ муэдзина съ вышки мечети, все еще кипятъ жизнью татарскіе базары и татарскія кофейни, но уже вокругъ густѣетъ и напираетъ чужая жизнь. Очень быстро растутъ русскіе дома и дачи, русскіе магазины, гостинницы, размножаются русскіе ремесленники, русскіе извозчики. Въ недалекомъ будущемъ татарскій элементъ растаетъ почти безслѣдно въ общерусскихъ струяхъ.

Если уже и теперь Крымъ заслуживаетъ названія „всероссійской дачи“, то въ дальнѣйшей своей жизни онъ будетъ все болѣе и болѣе оправдывать это названіе. Ходъ жизни Крыма будетъ направляться главнымъ образомъ по этой линіи. Въ разговорѣ съ однимъ изъ мѣстныхъ крупныхъ промышленниковъ я спросилъ его, какія въ Крыму главныя отрасли промышленности и каково ихъ будущее. Онъ отвѣтилъ:

— По береговой линіи никакая промышленность невозможна: ни виноградники, ни винодѣліе, ни табаководство. Вблизи моря земля продается квадратными саженями, и цѣны такъ уже вздуты, что здѣсь всѣ помыслы направлены на устройство дачъ и курортовъ. Все побережье обратится, въ концѣ-концовъ, въ сплошной курортъ.

Движенье жизни въ эту сторону весьма замѣтно. За послѣдніе

годы такіе курорты, какъ Алушта, Ялта, Алупка, Симеизъ, чрезвычайно выросли. Дачи, гостинницы, отели, магазины множатся въ числѣ съ каждымъ годомъ. Но всему побережью, однако, невозможно обратиться въ сплошной курортъ. Въ лучшей части южнаго Крыма, между Симеизомъ и Гурзуфомъ, т.-е. на протяженіи приблизительно тридцати верстъ, большее количество береговой полосы принадлежитъ удѣлу, двору и высокопоставленнымъ особамъ. Такъ напримѣръ, отъ Ялты къ Гурзуфу идутъ Верхняя и Нижняя Массандра, Никитскій садъ, Ай-Даниль. Отъ той же Ялты въ другую сторону, къ Алупкѣ, идутъ Ливадія, Ореанда, Ай-Тодоръ и пр. Ялта представляетъ какъ бы естественный центръ курортнаго Крыма. Она уже разрослась въ значительный городъ. Но перечисленныя земли заперли ея расширеніе вдоль моря; городу тѣсно въ этихъ предѣлахъ, и разростаться онъ принужденъ въ глубину горъ. Ранѣе жители и посѣтители Ялты могли, по крайней мѣрѣ, пользоваться прогулками въ Ливадіи, Массандрѣ и Ореандѣ. Эта возможность постепенно стѣсняется и отмѣняется. Сначала былъ прекращенъ доступъ въ Ливадію, затѣмъ была закрыта для публики Ореанда и, наконецъ, затрудненъ дѣлается доступъ и въ Массандру.

Въ Ливадіи построенъ новый грандіозный дворецъ. Въ настоящее время туда переѣзжаетъ дворъ. Въ Ялтѣ ходятъ слухи, что дворъ будетъ каждогодно пріѣзжать туда на нѣсколько мѣсяцевъ, и нѣкоторые ялтинскіе обитатели возлагаютъ на это большія надежды. Дворъ, по ихъ мнѣнію, будетъ привлекать въ Ялту много богатой и именитой публики. Можетъ быть и такъ. Но происходитъ и обратное. За время правленія ген. Думбадзе много всякаго рода лицъ выслано изъ Ялты. Главнымъ образомъ пострадали люди общественной и интеллигентной окраски. Нѣкоторые мѣстные желчные граждане прямо говорятъ:

— Ни одного порядочнаго человѣка въ Ялтѣ не осталось.

Такъ или не такъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Ялта значительно оскудѣла общественными и интеллигентными силами. Это замѣтно и въ земской жизни, и въ дѣятельности городского самоуправленія, и еще больше въ общей жизни города. Теперь высылка, передъ пріѣздомъ двора, приняла усиленный, массовый характеръ. Въ сущности не знали ужъ, кого и за что высылать, такъ какъ публика оставалась и пріѣзжала мирнаго, однороднаго характера, но не высылать, видимо, нельзя было: надо и энергію проявить, да и притомъ „мало ли что“. И дѣйствительно, если ужъ и среди охраны могутъ проявляться Богровы, то какое же вообще возможно довѣріе къ кому-либо? Въ Ялтѣ мнѣ разсказывали, что составлены наугадъ, по случайнымъ признакамъ и безъ всякихъ признаковъ, громадные списки лицъ, предназначенныхъ къ высылкѣ изъ Ялты. И затѣмъ

былъ придуманъ такой пріемъ: намѣченныхъ лицъ призывали въ полицію и говорили имъ:

— Вотъ что: уѣзжайте-ка вы немедленно изъ Ялты куда угодно. Мы это предлагаемъ вамъ частнымъ образомъ. Для васъ этакъ выгоднѣе. Когда дворъ уѣдетъ изъ Ливадіи, вы можете вернуться. Если же вы мирнаго совѣта не послушаете, то черезъ день, черезъ два мы васъ вышлемъ оффиціальнымъ порядкомъ. И тогда ужъ въѣздъ въ Ялту навсегда будетъ вамъ закрытъ. Выбирайте.

Конечно, какой ужъ тутъ выборъ. „Добровольные“ выселенцы толпами стали выѣзжать изъ Ялты. Невеселое настроеніе было и у остававшихся. Никто не зналъ, кого завтра осчастливитъ вниманіе начальства.

Несомнѣнно, и во всемъ городѣ настроеніе должно быть довольно странное, если жители и пріѣзжіе высылаются группами, и если начальство непритворно радуется не пріѣзжимъ, а всякому отъѣзду. Для развитія курорта уклонъ жизни невыгодный.

Переплетеніе интересовъ мѣстной жизни съ особыми условіями сказывается и въ другихъ дѣлахъ. Для всего крымскаго побережья чрезвычайно и давно уже нужна, напримѣръ, желѣзная дорога. Она сблизила бы Крымъ со всей Россіей, удешевила бы проѣздъ и тѣмъ самымъ быстро подвинула бы развитіе края. Проекты относительно этой дороги возникали неоднократно. Кончались они неудачей. И здѣсь склонны приписывать эту неудачу въ значительной степени тому обстоятельству, что дорогѣ пришлось бы пересѣкать особыя земли, а владѣльцы этихъ земель будто бы несклонны допускать вблизи себя дорогу.

Однако, въ нынѣшнемъ году г. Ушкову удалось всетаки получить утвержденіе проекта электрической дороги между Севастополемъ и Алуштой. Инженеры и техники уже ходятъ съ цѣпями и флажками по крымскимъ дорогамъ и виноградникамъ, дѣлая пробныя изысканія. Мѣстные жители смотрятъ на нихъ скептически.

— Уже видѣли мы этихъ техниковъ не разъ,—говорятъ они—походятъ, помѣряютъ да тѣмъ дѣло и закончится.

Главная бѣда теперь въ томъ, что у г. Ушкова, какъ оказывается, нѣтъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ русскихъ капиталистовъ и русскихъ акціонерныхъ компаній никто почему-то не желаетъ заинтересоваться постройкой крымской желѣзной дороги. Русская ли непредпріимчивость тому причиной, или есть иныя препятствія—неизвѣстно. Г. Ушковъ направился недавно въ поискахъ за средствами за границу и вошелъ въ переговоры съ англійскими капиталистами. Въ Англіи отнеслись къ русскому предпріятію довольно сочувственно, но еще болѣе заинтересовало англійскихъ дѣльцовъ другое предпріятіе. Кромѣ

желѣзной дороги г. Ушковъ добивается еще разрѣшенія на уставъ „крымскихъ курортовъ". Эти-то курорты и заинтересовали англійскихъ капиталистовъ. Они, оказывается, согласны дать денегъ на сооруженіе электрической дороги, но съ тѣмъ, чтобы и дѣло устройства новыхъ курортовъ попало въ ихъ руки.

Если это такъ, то, кажется, суть дѣла вѣрно понята англичанами. Ихъ дѣловое чутье даже на такомъ большомъ разстояніи и притомъ въ чужой странѣ правильно оцѣнило положеніе дѣла. И, можетъ быть, потомъ русскіе дѣльцы очень пожалѣютъ о своей оплошности, когда англичане проведутъ дорогу, настроятъ курортовъ и будутъ загребать русское золото.

Для курортовъ въ Крыму пока использована, и далеко не въ широкомъ масштабѣ, только прибрежная полоса. Между тѣмъ въ Крыму остаются горныя мѣстности, которыя въ этомъ отношеніи совершенно не затронуты. Надъ Ялтой, надъ Гурзуфомъ и надъ всѣми прибрежными курортами тянутся склоны лѣсистыхъ горъ. Мѣста прекрасныя, удивительныя по красотѣ пейзажа и по чистотѣ живительнаго воздуха. Хребетъ горъ почти вездѣ тянется на высотѣ 500—700 саженъ надъ уровнемъ моря. Всѣ склоны обращены къ югу и защищены отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ. Мѣста для горныхъ курортовъ чуть не идеальныя. И вотъ, такова русская непредпріимчивость: на всемъ громадномъ протяженіи этихъ горныхъ склоновъ нѣтъ ни только ни одного горнаго курорта, не имѣется даже ни одного отеля. Всѣ эти горные лѣса пустынны. У одного мѣстнаго помѣщика для дѣтей выписанъ гувернеръ-швейцарецъ. Онъ по альпійской, очевидно, привычкѣ немедленно началъ бродить по сосѣднимъ крымскимъ горамъ, и любопытно было видѣть, съ какимъ онъ недоумѣніемъ, расхваливая красоту горныхъ мѣстъ, говорилъ, что нигдѣ не могъ найти въ горахъ ни одного отеля. Ужъ конечно швейцарцы сумѣли бы унизать эти горы отелями, всякими кафе и электрическими или зубчатыми дорогами, и привлекали бы сюда сотни тысячъ туристовъ, наживая съ нихъ немалыя деньги.

— Да знаете ли,—говорилъ мнѣ крупный мѣстный винодѣлъ,—назрѣваетъ крупное дѣло: устройство горныхъ курортовъ. Очень хорошо можетъ дѣло пойти.

— Почему бы вамъ не взяться?—говорю я.

— О, нѣтъ!—отмахнулся онъ,—у меня свое крупное дѣло. А компанію бы ежели составить...

И такъ дѣло остается въ области мечты и предположеній. А когда же англичане возьмутся за это предпріятіе, будетъ, вѣроятно, среди мѣстныхъ дѣльцовъ воркотня и недовольство.

Горные крымскіе курорты, которымъ суждено рано или поздно воз-

никнуть, будутъ имѣть то преимущество предъ швейцарскими горными курортами, что здѣсь леченье или пользованье горнымъ воздухомъ можно совмѣстить съ пользованіемъ морскими купаньями. При электрическихъ дорогахъ или трамваямъ возможно будетъ въ какіе-нибудь полчаса спускаться къ морю и снова подниматься къ освѣжающей прохладѣ горнаго курорта.

Изъ мѣстной промышленности наиболѣе видное мѣсто занимаютъ винодѣліе и табаководство. Особенно значительно винодѣліе. Мнѣ пришлось продолжительно бесѣдовать съ крупными мѣстными винодѣлами, и отъ нихъ я узналъ, что Крымъ съ гордостью считаетъ за собой въ смыслѣ винодѣлія первое мѣсто въ Россіи.

— Особенно большіе успѣхи наше винодѣліе, — говорилъ одинъ изъ винодѣловъ,—сдѣлало за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Наши крѣпкія и дессертныя вина уже и заграницей начинаютъ цѣниться выше французскихъ. Суть въ томъ, что высокіе сорта крѣпкихъ винъ (портвейна, мадеры) и дессертныхъ винъ получаются отъ старыхъ лозъ. Между тѣмъ во Франціи почти всѣ виноградники повреждены филоксерой. Почти вездѣ тамъ старыя лозы погибли и замѣнены американской лозой. Крымскіе же виноградники были спасены отъ филоксеры. Ну, и наши винодѣлы, нужно признать, въ общемъ развитѣе и воспріимчивѣе французскихъ винодѣловъ. Тамъ рутина. Винодѣлы не любятъ даже изъ округа въ округъ переѣзжать. Всякій держится опыта собственнаго округа. А наши винодѣлы бываютъ и за границей, и здѣсь производятъ разные опыты. Наше винодѣліе сильно двинулось впередъ.

Нельзя было не повѣрить серьезному, солидному собесѣднику, и я порадовался успѣхамъ крымскаго винодѣлія. Можетъ быть, и курортное дѣло найдетъ, въ концѣ концовъ, талантливыхъ предпринимателей. И хотя теперь на Руси затянувшіеся сѣрые, тоскливые будни, при которыхъ какъ будто ничтожны и излишни заботы о какихъ-то курортахъ и „всероссійскихъ дачахъ“, но вѣдь Россіи предстоитъ жить не годъ и не два, и когда-нибудь страна оцѣнитъ, что подъ рукой у нея имѣется благодатный, теплый край, съ горячимъ южнымъ солнцемъ, морскимъ купаньемъ, горнымъ воздухомъ, и будетъ слать сюда больныхъ и усталыхъ. И совсѣмъ не плохо, если къ тому времени этотъ край благоустроится и покроется приморскими и горными курортами, съ удобными, дешевыми подъѣздными путями и съ выровненной, культурной, недорогой, упорядоченной жизнью.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Убійство П. А. Столыпина.—Требованіе массовыхъ репрессій.—„Преступная атмосфера“ и „вина общества“.—Цѣли и средства.—Націонализмъ, какъ лозунгъ минуты.—Отношеніе его къ чувству законности.—Гаданія о ближайшемъ будущемъ.—Эксцессы панегирическаго усердія.—Post-scriptum.

Нашему журналу нѣтъ надобности выяснять свое отношеніе къ политическому убійству: мы всегда осуждали его, всегда возставали противъ террористическихъ актовъ, откуда бы они ни шли и чѣмъ бы ни были вызваны. Терроръ не только идетъ въ разрѣзъ съ самыми простыми требованіями человѣчности: въ концѣ концовъ онъ всегда оказывается безплоднымъ—или приводящимъ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Доказательства этому можно найти въ исторіи самыхъ различныхъ временъ и самыхъ различныхъ народовъ. Мы приводили ихъ не разъ, говоря, напримѣръ, въ мартѣ 1880-го года—о взрывѣ въ зимнемъ дворцѣ, тринадцать мѣсяцевъ спустя—о цареубійствѣ 1-го марта. Такимъ же урокомъ могла послужить позднѣе смерть Боголѣпова и Сипягина. Одинъ лишь разъ удавшееся политическое убійство не прошло повидимому, безслѣдно—но только *повидимому*. Если вскорѣ послѣ 15-го іюля 1904-го года произошелъ поворотъ въ нашей государственной жизни, то, конечно, не потому, чтобы въ лицѣ Плеве была устранена единственная или главная опора стараго режима: перемѣна стала неизбѣжной, потому что къ длинному ряду ошибокъ въ внутренней политикѣ, игнорировавшей интересы народа и настроенія общества, присоединился рядъ тяжкихъ неудачъ въ легкомысленно предпринятой внѣшней войнѣ. Основываясь на опытѣ отдаленнаго и недавняго прошлаго, можно, слѣдовательно, поставить такую дилемму: или система, представителемъ которой служилъ П. А. Столыпинъ, отжила свое время (если допустить, что она когда-либо была своевременной), оказалась не соотвѣтствующею требованіямъ настоящаго, не ведущею къ лучшему будущему — или она еще сохраняла нѣкоторую силу, нѣкоторый престижъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, отъ кого зависѣло ея примѣненіе. Въ первомъ случаѣ она должна была пасть сама собою, нѣсколько раньше или нѣсколько позже, но неминуемо и неотвратимо; во второмъ случаѣ она можетъ найти продолженіе и продолжателей, какъ находились они послѣ смерти гр. Д. А. Толстого, послѣ увольненія И. Н. Дурново и И. Л. Горемыкина, послѣ убійства Д. С. Сипягина. Отсюда ясно, что въ

обоихъ случаяхъ къ посягательству на жизнь П. А. Столыпина одинаково приложимо извѣстное французское выраженіе: c'est plus qu'un crime—c'est une faute... Прежде чѣмъ высказать наше мнѣніе по существу дилеммы, посмотримъ, какъ отнеслись къ кончинѣ П. А. Столыпина наиболѣе родственныя ему общественныя группы, черезъ посредство вдохновляемыхъ ими органовъ печати.

Террористическіе акты, если они исходятъ не отъ организованной власти, вездѣ и всегда бываютъ дѣломъ отдѣльныхъ лицъ или малочисленныхъ, тѣсно сплоченныхъ группъ. Установить существованіе послѣднихъ и ихъ составъ—задача суда, руководимаго общими началами уголовнаго права и уголовнаго процесса, т.-е. вводящаго въ область разслѣдованія, обвиненія и осужденія одни лишь опредѣленныя дѣйствія, соединяющія въ себѣ признаки той или другой формы участія въ преступленіи (физической виновности, пособничества, подговора, укрывательства и т. п.). Только въ самыя худшія минуты государственной жизни, со стороны худшихъ общественныхъ элементовъ, дѣлаются попытки расширить эту область включеніемъ въ нее такъ называемаго моральнаго сообщничества (complicité morale)—понятія до безконечности растяжимаго, поддающагося самымъ произвольнымъ толкованіямъ, безусловно непригоднаго для правосудія, но чрезвычайно удобнаго для суммарной расправы. Именно его выдвигаетъ теперь та пресса, которая соединяетъ роль усердствующей плакальщицы съ потугами добровольческаго сыска. „Соціалъ-демократію и еврейство“—вопіетъ „Новое Время“—„Россія должна взять въ желѣзо; это обязанность ея правительства, объ этомъ нравственный крикъ (!) ея населенія. Здѣсь не должно быть ни пощады, ни компромиссовъ, ни послабленій... Пусть соціалъ-демократія и еврейство знаютъ, что Россія оскорблена и что на оскорбленіе она отвѣчаетъ съ военною быстротою и энергіей. Пусть злодѣи трепещутъ, пусть они попятятся“. Эта доморощенная парафраза стараго революціоннаго клича („que les méchants tremblent“!), съ ея напускнымъ негодованіемъ, съ ея эксцессомъ словъ, прикрывающимъ бѣдность мысли, стоитъ на рубежѣ между отвратительнымъ и смѣшнымъ: отвратительнымъ—потому что въ ней слышится призывъ къ грубому насилію, какъ къ вѣрнѣйшему средству политической борьбы, смѣшнымъ—потому что самая безпредѣльность объекта борьбы обращаетъ ее въ пустую фразу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ „взять въ желѣзо“ милліоны евреевъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ—мирныхъ, безобидныхъ гражданъ? Какъ распознать соціалъ-демократовъ, какъ провести демаркаціонную черту между всецѣло исповѣдующими соціалъ-демократическое ученіе и въ той или другой мѣрѣ сочувствующими ему, между соціалистами въ спеціально-партійномъ и въ болѣе общемъ смыслѣ этого слова? Какъ проникнуть

въ душевный міръ тѣхъ десятковъ или сотенъ тысячъ рабочихъ, которымъ не чужды соціалъ-демократическіе идеалы? И почему понадобилось объявленіе внѣ закона именно той изъ числа крайнихъ лѣвыхъ партій, которая всего менѣе прикосновенна къ проповѣди и практикѣ террора?.. Въ другое время, при другихъ условіяхъ, лучшимъ отвѣтомъ на словесную истерику газетныхъ кликушъ было бы презрительное молчаніе; но теперь она представляетъ опасность двоякаго рода. Проникая въ болѣзненно настроенную или фанатически возбужденную толпу, она можетъ вызвать стихійныя вспышки племенной или классовой вражды, постыдныя для нападающихъ, гибельныя для подвергающихся нападенію; гипнотизируя вліятельныя сферы, она можетъ показаться подлиннымъ, не фальсифицированнымъ „крикомъ населенія“, можетъ подготовить почву для новыхъ притѣсненій и праволишеній.

Расширяясь все больше и больше, схема моральнаго сообщничества захватываетъ собою не однихъ лишь евреевъ и соціалъ-демократовъ. На сцену выдвигается еще менѣе опредѣленное понятіе о *преступной атмосферѣ*, о такомъ „патологическомъ состояніи печати и общества“, при которомъ не могутъ не зарождаться политическія преступленія, о „гниломъ и пунцовомъ туманѣ, изъ котораго выползаютъ жабы террора“. Этотъ „туманъ“ ставится въ причинную связь съ критикой правительственныхъ дѣйствій. Изъ того, напримѣръ, что въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ раздались голоса въ защиту неприкосновенности Финляндіи, дѣлается выводъ, что эти изданія враждебны Россіи, а имъ, въ свою очередь, враждебна... Россія, подобно тому, какъ русскимъ враждебна Австрія! Отсюда только одинъ шагъ до провозглашенія „враговъ Россіи“ нравственно отвѣтственными за смерть русскаго министра. И на этотъ путь вступаетъ не только та пресса, которая, служа побѣдителямъ, давно уже перестала считать для себя обязательною элементарную справедливость къ побѣждаемымъ. Октябристскій „Голосъ Москвы“, въ статьѣ, озаглавленной: „Вина общества“, провозглашаетъ виновность „лѣвой печати и тѣхъ лѣвыхъ дѣятелей, которые такъ охотно выступаютъ на всѣхъ съѣздахъ, собраніяхъ, банкетахъ, и говорятъ не иначе, какъ отъ имени всего русскаго общества“. Дальше говорится о „зажигательныхъ рѣчахъ“, произносимыхъ кадетскими ораторами—и въ вину не-революціонно настроенному большинству ставится „преступное равнодушіе ко всякому подстрекательству“. Не отстаетъ отъ своего органа и центральный комитетъ союза 17-го октября. По словамъ изданной имъ декларації, *оппозиція* раздувала вражду къ П. А. Столыпину, не останавливаясь передъ ролью палача; „разжигая ненависть къ государственнымъ дѣятелямъ, она считала себя въ правѣ обращаться къ убійствамъ для достиже

нія своихъ цѣлей“ (!). И въ тоже самое время крайняя правая печать осыпаетъ аналогичными упреками самихъ октябристовъ. „Колоколъ“ напоминаетъ имъ оппозиціонныя выступленія бар. Мейендорфа, кн. Голицына, Годнева, Шидловскаго—выступленія, „клонившіяся къ удаленію изъ административной среды всѣхъ мѣшающихъ революціонной дѣятельности и, слѣдовательно, развязывавшія руки Богровымъ“.

Такова позиція, занятая, послѣ 5-го сентября, вліятельными органами русской печати и, слѣдовательно, нѣкоторою частью русскаго общества. Именно въ этой части—за исключеніемъ развѣ немногихъ крайнихъ правыхъ ея элементовъ—находила одобреніе и поддержку политика П. А. Столыпина. Если ея приверженцы, въ критическую минуту, не съумѣли придумать и указать другихъ способовъ дѣйствія, кромѣ давно испытанныхъ и очевидно не достигающихъ цѣли, то не явствуетъ ли отсюда, что приближалась къ крушенію самая система, независимо отъ личной участи ея главнаго представителя? Формы и виды репрессіи исчерпаны всѣ. Что новаго можно предпринять, въ этомъ направленіи, послѣ военно-полевыхъ и просто военныхъ судовъ, послѣ казней, исчислявшихся тысячами, послѣ военныхъ положеній и экстраординарныхъ охранъ, послѣ массовыхъ административныхъ ссылокъ, послѣ безпримѣрнаго, небывалаго переполненія тюремъ? Если съ помощью подобныхъ мѣръ не удалось положить конецъ революціонному броженію, то гдѣ причина думать, что оно будетъ подавлено ихъ продолженіемъ и обостреніемъ? Да и мыслимо ли ихъ обостреніе безъ рѣшительнаго поворота назадъ, къ осужденному исторіею старому строю—или даже при полномъ его возстановленіи, еслибы оно оказалось возможнымъ?... Источникъ зла видятъ, между прочимъ, въ соціализмѣ, въ соціалъ-демократіи. Какія же не испробованныя еще формы должна принять борьба съ ними? Закрытіе соціалистамъ вообще, или соціалъ-демократамъ въ частности, доступа въ Государственную Думу, лишеніе ихъ активнаго или пассивнаго избирательнаго права? Но образъ мыслей не такъ легко поддается опредѣленію, какъ возрастный или имущественный цензъ; не придумано еще средство, съ помощью котораго можно было бы исключать изъ числа избирателей тѣхъ или другихъ „несогласно мыслящихъ“. Нельзя привлечь всѣхъ соціалистовъ къ уголовному суду и этимъ путемъ ограничить ихъ правоспособность—нельзя какъ потому, что подсудимыхъ оказалось бы слишкомъ много, такъ и потому, что убѣжденіе, само по себѣ, нигдѣ и никогда не признавалось и не признается преступнымъ, уголовно-наказуемымъ; даже Щедринскій становой приставъ считалъ необходимымъ „ожидать поступковъ“. Столь же трудно изобрѣсти такой пріемъ, съ помощью котораго избирательная коллегія

была бы лишена возможности останавливать свой выборъ на соціалистѣ или соціалъ-демократѣ. Или, быть можетъ, слѣдуетъ обязать Госуд. Думу исключать изъ своей среды депутата, заподозрѣннаго въ исповѣданіи того или другого соціалистическаго ученія? Ни одно собраніе, сколько-нибудь уважающее свободу рѣчи и дорожащее своею честью, не согласится взять на себя такую обязанность. Пока существуетъ народное представительство, сколько-нибудь соотвѣтствующее этому имени и сколько-нибудь его достойное, до тѣхъ поръ неизбѣжно публичное выраженіе всѣхъ взглядовъ, у которыхъ есть приверженцы въ странѣ. Наложить запретъ на одинъ изъ нихъ, значило бы уничтожить самую сущность представительнаго устройства, отнюдь не прекративъ, едва ли даже затруднивъ распространеніе преслѣдуемой доктрины. Особенно крупные успѣхи соціалистическая пропаганда сдѣлала въ Россіи въ послѣдніе годы XIX-го и первые годы XX-го вѣка, т.-е. именно тогда, когда всѣ легальные пути были для нея безусловно закрыты.

Только героическими—и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно нецѣлесообразными—средствами можно было бы достигнуть и очищенія „преступной атмосферы“ или „оздоровленія оппозиціи“. Исполненіе задачъ народнаго представительства немыслимо безъ открытаго и свободнаго обсужденія правительственныхъ мѣръ, какъ проектируемыхъ, такъ и приводимыхъ или приведенныхъ въ дѣйствіе—а оно, въ свою очередь, немыслимо безъ критическаго, иногда безусловно отрицательнаго отношенія къ отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ. Смѣшивать критику съ призывомъ къ насилію, тѣмъ болѣе—къ убійству, не подобаетъ даже крайнимъ реакціонерамъ, по той простой причинѣ, что они не отступаютъ, когда имъ это выгодно или нужно, передъ самыми грубыми нападеніями на неугодныхъ или неугодившихъ имъ носителей власти; но еще менѣе это позволительно для тѣхъ, кто щеголяетъ либеральнымъ знаменемъ и прикрываетъ свое убожество манифестомъ, обѣщавшимъ свободы. Въ самомъ дѣлѣ, какая свобода совмѣстима съ трусливымъ ограниченіемъ критики, съ установленіемъ предѣловъ, за которые не должна выходить оппозиція? Отъ свободы рѣчи не осталась бы слѣда, еслибы предсѣдатель законодательнаго собранія былъ уполномоченъ—и обязанъ—останавливать оратора, какъ только въ его словахъ можетъ быть усмотрѣно недовѣріе къ министру или министерству. Во что обратилось бы тогда право запроса, смыслъ котораго заключается именно въ раскрытіи незаконныхъ дѣйствій власти? Во что обратилась бы равноправность думскихъ группъ, разъ что на ничѣмъ не сдерживаемыя выходки правыхъ лѣвые могли бы отвѣчать только въ полутонъ, взвѣшивая каждое слово и постоянно опасаясь перерыва?... Свобода печати еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ

теперь, стала бы привилегіей „благонамѣренныхъ“ писателей и послушныхъ изданій. Исчезли бы послѣдніе слѣды свободы обществъ и собраній; монополія коллективной критики сосредоточилась бы въ рукахъ Дубровиныхъ, Пуришкевичей и Иліодоровъ. Водворилось бы, однимъ словомъ, положеніе дѣлъ, очень близкое къ тому, которое Россія переживала въ послѣднія десятилѣтія до 1905-го года—и принесло бы плоды не лучшіе тогдашнихъ. Черезъ нѣсколько времени пришлось бы опять начать съ начала преобразовательную работу, при условіяхъ еще болѣе тяжелыхъ, въ виду еще большей ея запоздалости.

Какъ ни велико ожесточеніе, съ которымъ ведется походъ противъ оппозиціи вообще и соціалъ-демократіи въ особенности, еще больше злобы слышится въ требованіи рѣшительныхъ мѣръ противъ еврейства. Въ чемъ же, однако, должны заключаться эти мѣры? Въ еврейскихъ погромахъ? Быть можетъ, имъ и обрадовались бы многіе изъ нашихъ юдофобовъ; но даже и худшіе среди нихъ не могутъ не понимать, что истребленіемъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ евреевъ не разрѣшится еврейскій вопросъ. Въ одной изъ самыхъ рѣзкихъ антиеврейскихъ статей [1]), рядомъ съ увѣреніемъ, что „въ двухмилліонномъ Петербургѣ, въ сташестидесятимилліонной Россіи навѣрное подавляющее большинство хотѣло бы погрома“ — увѣреніемъ, по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ въ критическую минуту народной жизни, — встрѣчается указаніе на несправедливость стихійной расправы, жертвою которой могла бы стать ни въ чемъ неповинная еврейская масса. Но вотъ что мы читаемъ дальше въ той же статьѣ: „въ страшные дни не щадятъ ни стараго, ни малаго. *Не нужно доводить до этого* (курсивъ въ подлинникѣ). Государству, призваніе котораго миръ, оберегаемый хотя бы смертнымъ боемъ (!), не слѣдуетъ выпускать изъ рукъ иниціативу насилія: только въ его рукахъ насиліе можетъ быть закономѣрнымъ“. Выходомъ для народнаго чувства можетъ и должно послужить „ощутимое дѣйствіе“. „Такимъ дѣйствіемъ была бы послѣдовательная политика власти, клонящаяся къ очищенію Россіи отъ евреевъ... Чувство самосуда исчезаетъ, когда появляется законный судъ. Общественная самооборона охотно уступаетъ оборонѣ государственной, но необходимо, чтобы государство начало дѣйствовать“. Итакъ, *насиліе* по отношенію къ евреямъ признается необходимымъ и неизбѣжнымъ; весь вопросъ въ томъ, отъ кого оно будетъ исходить—отъ правительства или отъ народа. Альтернатива ставится такая: или еврейскіе погромы, или удаленіе евреевъ изъ Россіи. Намѣчаются и средства воздѣйствія на правительство: петиція съ милліономъ под-

[1]) См. № 12751 „Новаго Времени“.

писей, „громоподобный, оглушительный хоръ“ газетныхъ статей. Но что же именно должно, однако, предпринять правительство? Кто приступаетъ къ нему съ такими требованіями, тотъ нравственно обязанъ указать пути и способы къ ихъ осуществленію. Напрасно было бы искать такихъ указаній въ выкликаніяхъ реакціонной печати. Какъ заставить многомилліонное еврейское населеніе сдвинуться съ насиженнаго рядомъ поколѣній мѣста, откуда взять потребныя для того громадныя средства, куда направить эмиграціонный потокъ, какъ достигнуть соглашенія съ государствами, въ которыя онъ хлынетъ—объ этомъ не говорится ни слова. Предлагается нѣчто колоссально-чудовищное, въ сравненіи съ чѣмъ блѣднѣетъ исходъ мусульманъ изъ Испаніи или гугенотовъ изъ Франціи — предлагается съ такимъ „легкимъ сердцемъ“, съ такимъ отсутствіемъ мысли, какъ-будто дѣло идетъ о заурядной полицейской мѣрѣ изъ арсенала усиленной и чрезвычайной охраны. Упускается изъ виду не только цѣна, въ которую обошлось торжество фанатиковъ католицизма: упускается изъ виду, что со времени отмѣны нантскаго эдикта прошло болѣе двухъ столѣтій и радикально измѣнился взглядъ на правомочія правительства и задачи государства. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ возможность „очищенія Россіи отъ евреевъ“ не вѣрятъ сами иниціаторы этой мысли. Запрашивая у правительства больше, чѣмъ оно можетъ дать, они надѣятся провести рядъ новыхъ правоограниченій для евреевъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются подчеркнуть еще разъ пылкость и прямолинейность своего „націонализма“.

Націонализмъ! Немного найдется словъ, которыми бы въ послѣднее время больше и чаще злоупотребляли. Какой смыслъ вкладывалъ въ него покойный предсѣдатель совѣта министровъ, какое зданіе онъ хотѣлъ воздвигнуть на національной или націоналистической основѣ—объ этомъ мы пока говорить не будемъ; насъ интересуетъ теперь не прошедшее, а будущее націонализма, его требованія, его надежды и тревоги. Здѣсь, какъ и вездѣ, есть крайности, есть и средина. Находятся—въ особенности между нео-націоналистами, недавно и едва ли прочно обращенными въ новую вѣру,—люди, не удовлетворяющіеся уже сдѣланнымъ и выдвинутымъ на очередь. Покойный премьеръ, по ихъ словамъ, „довольно робко“ ставилъ національные вопросы и „подобно Сизифу, докативъ ихъ до верху—выпускалъ изъ рукъ“. Другіе—напр. проф. Филевичъ—считаютъ поднятое П. А. Столыпинымъ дѣло „Великой Россіи“ безповоротно выиграннымъ. Къ тому же взгляду склоняются, повидимому, вожди думскихъ націоналистовъ, настаивая на продолженіи начатой работы. Судя по слухамъ, очень близко подходятъ къ своимъ сосѣдямъ справа если не всѣ, то многіе, и притомъ вліятельные, октябристы. Особенное вниманіе возбудили

посвященныя тому же вопросу статьи оффиціозной газеты (заговорившей, въ послѣднее время, нѣсколько инымъ тономъ, болѣе сдержаннымъ и сдерживающимъ). „Идея политики Столыпина"—читаемъ мы въ „Россіи"—„идея, органически связанная съ жизнью русскаго государства и вытекающая изъ его потребностей, не можетъ умереть со смертію ея носителя. Послѣ успѣшно отраженныхъ попытокъ инородцевъ разорвать русское государственное единство, идея государственной централизаціи не можетъ быть уничтожена. Россія есть имперія, и имперія русская, вылившаяся изъ народнаго творчества русскаго народа. Поэтому охрана монархической идеи, правъ русскаго монарха и правъ русскаго народа была и будетъ задачей русскаго правительства... Національная политика покойнаго государственнаго дѣятеля не есть политика агресивная, а есть политика охранительная". Въ той же статьѣ заслугой третьей Думы признается предъявленное ею „требованіе уваженія къ имени русскаго народа". Въ другой статьѣ оффиціозная газета, провозглашая „необходимость широкаго и свободнаго развитія народной жизни", утверждаетъ, что „пути и способы этого развитія обозначились исторически... Ни одинъ народъ не идетъ сознательно противъ ближайшихъ своихъ интересовъ—а то, что рекомендуется носителями радикальныхъ идей, направлено именно противъ ближайшихъ интересовъ русскаго народа и русскаго государства, стремясь принудить русскій народъ къ отказу отъ его національнаго самосознанія".

Основнымъ недостаткомъ оффиціозной аргументаціи—на которой мы останавливаемся именно въ виду ея сравнительной умѣренности,—является намѣренная или невольная неясность мысли. Отождествляются ли понятія о русскомъ государствѣ и о русскомъ народѣ, или ставятся рядомъ, какъ цѣлое и часть? По видимому—ставятся рядомъ, потому что иначе не шла бы рѣчь о „національномъ самосознаніи" русскаго народа. Если такъ, то почему же подлежащими охранѣ признаются лишь *права русскаго народа*, а не права всѣхъ народностей, обитающихъ въ русскомъ государствѣ? Неужели права одной части населенія могутъ быть ограждены только въ ущербъ правамъ всѣхъ остальныхъ? Объектомъ правительственной заботы сама „Россія" признаетъ не только интересы русскаго народа, но и интересы русскаго государства—а развѣ послѣдніе не совпадаютъ съ интересами *всѣхъ* гражданъ государства, къ какой бы національности они ни принадлежали? Русская по своему происхожденію, по преобладающему племенному элементу, россійская имперія, какъ исторически сложившееся цѣлое, живетъ въ настоящее время не одними русскими и, слѣдовательно, должна жить не для однихъ русскихъ. Нарушеніе равновѣсія между національностями, во имя какихъ-то особыхъ правъ

господствующаго племени, неизбѣжно является агресивнымъ по отношенію ко всѣмъ другимъ. Агресивной была, безъ сомнѣнія, „національная политика“ послѣдняго времени; агресивнымъ будетъ и ея продолженіе, если оно проникнется тѣмъ же духомъ и будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли. И ошибочно думать, что мѣропріятія этого рода поднимаютъ „уваженіе къ имени русскаго народа“. Уваженіе—чувство свободное, возникающее само собою, а не вслѣдствіе какихъ-либо властныхъ требованій; въ государственной жизни прочной его основой можетъ быть только справедливость. Нѣтъ болѣе зловреднаго софизма, чѣмъ выдвигаемый въ печати выродками націонализма: *приравненіе*, въ области права, болѣе слабыхъ къ болѣе сильному они стараются выставить какъ *униженіе* послѣдняго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно его возвышаетъ, пріучаетъ его разсчитывать только на себя, не ища внѣшней поддержки. Признать за другими право на національное самосознаніе вовсе не значитъ поступиться имъ по отношенію къ самому себѣ... Государственную централизацію не слѣдуетъ смѣшивать съ привилегированнымъ положеніемъ господствующей національности. Централизація вполнѣ возможна при полной равноправности національностей, изъ которыхъ слагается государство. Скажемъ болѣе: *политическая* централизація—единственная, за которою можетъ быть признана дѣйствительная цѣнность—нисколько не исключаетъ *автономіи* тѣхъ или другихъ частей государства, въ томъ смыслѣ, въ какомъ теперь обычно употребляется это слово. Это слишкомъ часто упускается изъ виду, когда повторяются шаблонныя фразы о попыткахъ „разорвать русское государственное единство“.

Пробнымъ камнемъ для нашихъ политическихъ дѣятелей долженъ послужить, въ очень скоромъ времени, вопросъ о западномъ земствѣ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что при жизни П. А. Столыпина и Государственная Дума, и Государственный Совѣтъ остались бы вѣрными позиціи, которую они заняли по отношенію къ указу 14-го марта. Вслѣдъ за выстрѣломъ 1-го сентября, еще до кончины П. А. Столыпина, въ печати была высказана увѣренность, что противодѣйствіе указу, при вновь создавшейся конъюнктурѣ, должно пасть само собою. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и теперь этотъ взглядъ находитъ немало сторонниковъ. Намъ казалось и продолжаетъ казаться, что судьба реформы не должна зависѣть отъ судьбы ея иниціатора. Если указъ 14-го марта былъ изданъ съ нарушеніемъ основныхъ законовъ, то нарушеніемъ ихъ онъ остается и въ настоящее время, и законодательнымъ собраніямъ, протестовавшимъ противъ него полгода тому назадъ, едва ли подобаетъ утверждать его своею санкціей. Въ особенности это примѣнимо къ Государственному Совѣту. Большинство Государственной Думы можетъ разсуждать такъ: указъ 14-го марта

представляетъ собою буквально воспроизведеніе принятаго нами законопроекта; мы не могли, въ моментъ обнародованія указа, примириться съ формальными условіями, при которыхъ онъ состоялся—но теперь, когда такъ трагически сошелъ со сцены его вдохновитель, намъ нѣтъ надобности ломать порядокъ, являющійся, въ сущности, нашимъ собственнымъ дѣломъ. Это разсужденіе мы не можемъ назвать правильнымъ, но оно во всякомъ случаѣ понятно. Совершенно инымъ является положеніе верхней палаты: она отклонила, значительнымъ большинствомъ, сначала одну изъ самыхъ существенныхъ частей законопроекта о западномъ земствѣ, а затѣмъ и весь законопроектъ, вылившійся послѣ того въ форму указа 14-го марта и приведенный въ исполненіе не только безъ одобренія, но вопреки прямому неодобренію Государственнаго Совѣта. Принять, въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ, отвергнутое въ мартѣ, значило бы впасть въ прямое противорѣчіе съ самимъ собою, способствовать закрѣпленію мѣры, признанной нежелательною и нецѣлесообразною—и конечно не сдѣлавшейся иною вслѣдствіе поспѣшнаго введенія ея въ исполненіе. Безспорно, пріостановка дѣятельности западнаго земства была бы сопряжена съ нѣкоторыми неудобствами; но отвѣтственность за нихъ не могла бы упасть на Государственный Совѣтъ. Ихъ слѣдовало заранѣе предвидѣть—и предупредить внесеніемъ указа 14-го марта въ законодательныя учрежденія до закрытія весенней ихъ сессіи.

„Широкое и свободное развитіе народной жизни“, необходимость котораго, какъ мы видѣли, признаетъ оффиціозная газета, возможно только тогда, когда оно одинаково доступно для всѣхъ національностей, когда онѣ всѣ являются равноправными и полноправными частями народа. При отсутствіи этого условія неизбѣжны ограниченія, стѣсненія, тягостныя не только для тѣхъ, противъ кого они непосредственно направлены, но и для господствующей національности. Избытокъ исключеній ослабляетъ правило; запрещенное для „слабыхъ“ въ той или иной мѣрѣ оказывается недоступнымъ или трудно доступнымъ и для „сильныхъ“. Специфически національная, т.-е. націоналистическая политика неминуемо идетъ въ разрѣзъ съ требованіями свободы и права. Конечно, не въ одномъ только націонализмѣ, но, между прочимъ, и въ немъ лежитъ причина слабаго распространенія у насъ чувства законности, уваженія къ закону. А между тѣмъ, недостатокъ этого чувства именно теперь, при новомъ государственномъ строѣ, особенно тяжело отражается на государственной и народной жизни. Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, объ „охранномъ настроеніи“, всюду проникающемъ, всюду вносящемъ застой или регрессъ, уныніе или злобу. Освобожденіе отъ этого кошмара—первая и главная потребность Россіи.

Наступитъ ли оно, и если наступитъ, то когда именно и въ какой мѣрѣ—объ этомъ возможны только догадки. Ничто не указываетъ, покамѣсть, на близость желанной перемѣны—ничто, кромѣ обнаруживающейся все яснѣе и яснѣе недѣйствительности средствъ, съ помощью которыхъ до сихъ поръ предполагалось достигнуть успокоенія страны и подъема народныхъ силъ. Изъ среды вліятельныхъ общественныхъ группъ не раздалось, въ критическую минуту, ни одного голоса, зовущаго къ мирному, но рѣшительному и непрерывному движенію впередъ, къ творческой работѣ, наполняющей новымъ содержаніемъ новыя формы политической и соціальной жизни. Господа положенія — или тѣ, кто претендуетъ на эту роль, — не шли дальше угрожающаго размахиванья истертымъ флагомъ или, въ лучшемъ случаѣ, дальше повторенія общихъ мѣстъ традиціонной, давно устарѣвшей программы. Очень характерны, съ этой точки зрѣнія, тѣ едва скрытыя опасенія, съ которыми реакціонная пресса отнеслась къ первымъ слухамъ о наиболѣе вѣроятномъ преемникѣ П. А. Столыпина. Потомъ, когда эти слухи оправдались, замѣтны стали усилія faire bonne mine à mauvais jeu—но несомнѣннымъ, тѣмъ не менѣе, остается одно: чтобы пользоваться довѣріемъ извѣстныхъ сферъ, недостаточно даже имѣть за собою многолѣтнее участіе въ кабинетѣ П. А. Столыпина. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, если припомнить, что рѣзкимъ нападеніямъ со стороны крайнихъ правыхъ подвергался самъ покойный премьеръ—и до сихъ поръ подвергается его память... Мы знаемъ, что вполнѣ „объединеннымъ“ министерство П. А. Столыпина не было никогда; но солидарность между его членами, въ той или другой мѣрѣ, всетаки существовала—и это не позволяетъ намъ возлагать большія надежды на В. Н. Коковцова. Меньше всего, конечно, можно ожидать отъ него коренного измѣненія системы. Но даже въ ея предѣлахъ есть мѣры, которыя давно могли бы быть поставлены на очередь. Сюда относится, напримѣръ, отмѣна экстраординарныхъ охранъ и проведеніе новаго закона объ исключительномъ положеніи — закона, въ силу котораго это положеніе стало бы исключительнымъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и не угрожало бы уничтоженіемъ всѣхъ гарантій спокойнаго и свободнаго существованія (само собою разумѣется, что этимъ условіямъ не соотвѣтствуетъ законопроектъ, съ которымъ въ теченіе четырехъ лѣтъ никакъ не можетъ покончить Государственная Дума). Съ возстановленіемъ нормальнаго порядка прекратилось бы примѣненіе смертной казни, безсиліе которой, какъ средства предупрежденія и устрашенія, такъ ясно доказано опытомъ послѣднихъ лѣтъ; прекратилось бы безконечное расширеніе сферы дѣйствій военнаго суда, съ его упрощенной и сокращенной процедурой, неизбѣжно влекущей за собою учащеніе судебныхъ ошибокъ; насту-

пилъ бы конецъ административной ссылки, осужденной даже большинствомъ третьей Думы и всетаки получившей такое широкое и явно несправедливое примѣненіе къ учащейся молодежи; исчезла бы аномалія, въ силу которой печать, особенно провинціальная, оказывается зависимой отъ усмотрѣнія губернатора или градоначальника; ограниченъ былъ бы вообще произволъ мѣстныхъ властей, дошедшій въ послѣднее время до колоссальныхъ размѣровъ; обезпечена была бы хоть сколько-нибудь правильность выборовъ въ четвертую Государственную Думу. Все это необходимо для „широкаго и свободнаго развитія народной жизни", какъ необходимъ свѣжій воздухъ для жизни человѣка. И не къ однимъ только этимъ, непосредственнымъ результатамъ привела бы отмѣна положенія объ охранахъ: она освѣжила бы всю правительственную атмосферу, отразилась бы на всѣхъ отрасляхъ управленія, на дѣятельности суда, на ходѣ занятій въ высшей школѣ. Конечно, одна отмѣна охранъ не могла бы создать твердую почву для открытой, легальной дѣятельности тѣхъ партій, которыя теперь стоятъ какъ бы внѣ закона: для этого необходимъ пересмотръ уголовнаго уложенія, правилъ о собраніяхъ и обществахъ, узаконеній о печати—но невозможными стали бы, по меньшей мѣрѣ, такія ненормальныя явленія, какъ высылка изъ Петербурга, на два года, редактора „Современнаго Міра", мотивированная тѣмъ, что, *по агентурнымъ свѣдѣніямъ* департамента полиціи, Н. И. Іорданскій *раздѣляетъ взгляды* соціалъ-демократической партіи! Образъ мыслей, доказываемый агентурными свѣдѣніями и признаваемый достаточнымъ поводомъ для тяжкаго правоограниченія — болѣе яркой иллюстраціи положенія, обусловливаемаго продолжительнымъ дѣйствіемъ экстраординарныхъ охранъ, нельзя себѣ и представить! Послѣдствіемъ высылки изъ мѣста жительства легко можетъ оказаться потеря, на время, избирательнаго права. Ничто не мѣшаетъ администраціи, пока она облечена дискреціонной властью, пользоваться высылкою именно съ этою цѣлью, и случай съ Н. И. Іорданскимъ — безъ сомнѣнія не единственный, въ которомъ существованіе такой цѣли возможно и вѣроятно... Замѣтимъ, наконецъ, что экстраординарныя охраны играютъ немаловажную роль и въ сферѣ „національной политики". Не будь ихъ, не было бы, быть можетъ, и законопроекта объ отдѣленіи отъ великаго княжества финляндскаго двухъ приходовъ выборгской губерніи. Что касается до значенія охранъ, какъ средства предупрежденія террористическихъ актовъ, то истинную ихъ цѣну обнаружили съ слишкомъ достаточною ясностью обстоятельства, при которыхъ погибъ П. А. Столыпинъ [1]).

[1]) См. ниже, „Вопросы общественной жизни".

Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ не выходило, кажется, ни одной книжки нашего журнала, въ которой бы не было удѣлено мѣсто разбору дѣйствій кабинета П. А. Столыпина. Это освобождаетъ насъ, въ настоящую минуту, отъ необходимости ретроспективной ихъ оцѣнки. Всесторонней и по возможности безпристрастной такая оцѣнка можетъ быть только на извѣстномъ разстояніи отъ трагедіи 1-го сентября. Теперь слово принадлежитъ, прежде всего, приверженцамъ покойнаго министра. Подъ гнетомъ перваго впечатлѣнія естественны даже крупныя преувеличенія, явные эксцессы защиты, лишь бы только въ нихъ чувствовалось искренность, лишь бы похвала не переходила въ раболѣпство или кощунство и къ стремленію почтить память покойнаго не примѣшивалось нѣчто похожее на призывъ къ насилію или сыску. Къ сожалѣнію, въ массѣ газетнаго матеріала можно найти и то, и другое. Чѣмъ, напримѣръ, могутъ быть оправданы такія строки: „пуля еврея, направленная въ „спасителя“ Россіи“ (какимъ часто звали Столыпина), попала прежде всего въ крестъ Христовъ, въ крестъ имени св. Владиміра, сдѣлавшаго Россію христіанской. Судьба какъ бы хотѣла подчеркнуть этимъ дѣйствительную цѣль ополчившагося на Россію христоненавистническаго племени. Не въ Столыпинѣ вовсе тутъ дѣло, а въ крещеной Руси, на стражѣ которой онъ стоялъ. Еврейская пуля ранила крестъ Христовъ и омыла его еще разъ христіанскою кровью. Не совершилось чуда — крестъ не спасъ отъ смерти крестоносца, но вѣдь и Христу крестъ данъ былъ не для защиты отъ смерти, а именно для страданій смертныхъ. Если не распятый на крестѣ, то убитый подъ крестомъ Столыпинъ, какъ мученикъ, встрѣтилъ смерть свою за Россію“. Комментаріевъ эта по истинѣ невѣроятная тирада не требуетъ; смыслъ ея слишкомъ ясенъ. Въ сравненіи съ нею блѣднѣютъ даже параллели между Столыпинымъ и Цезаремъ, Сократомъ, кн. Пожарскимъ. О послѣдней мы упоминаемъ только потому, что она проведена въ письмѣ московскаго присяжнаго повѣреннаго, могущемъ служить образцомъ беззастѣнчивой эксплуатаціи трагическаго момента. Предлагая совѣту открыть въ средѣ сословія подписку на сооруженіе памятника П. А. Столыпину, авторъ письма приглашаетъ „поколѣнія живущихъ людей“ продолжать великое дѣло, начатое убитымъ, „пока русскіе въ своемъ государствѣ не сдѣлаются полными хозяевами, а всѣ инородцы—гостями, какъ было встарь, когда Богданъ Хмельницкій договоромъ съ Москвой лишилъ поляковъ и евреевъ даже права дышать воздухомъ Малой Россіи“. „А потому — читаемъ мы дальше,—если кто задумаетъ разрушить дѣло Столыпина—націонализацію Россіи, пусть помнитъ казацкую саблю и нагайку Богдана Хмельницкаго, который и въ XX-мъ вѣкѣ снова придетъ на защиту правъ народныхъ, какъ это и доказали казаки въ смуту 1905-го года.

На памятникъ предлагаю разрѣшить жертвовать не менѣе и не болѣе одного рубля, *дабы по числу рублей каждый зналъ, сколько среди присяжныхъ повѣренныхъ правоприсяжныхъ защитниковъ правъ русскаго народа*". Еслибы это предложеніе было принято, то любознательность его иниціатора и лицъ того же склада едва ли удовлетворилась бы знаніемъ *числа* жертвователей: потребовалось бы оглашеніе *именъ*, дабы ясно обозначилась демаркаціонная черта между благомыслящими и неблагомыслящими членами сословія. Нашлись бы затѣмъ, по всей вѣроятности, охотники примѣнить тотъ же пріемъ къ другимъ сословіямъ, классамъ и общественнымъ группамъ...

P. S. Въ печати появилось письмо, адресованное П. А. Столыпину, въ іюлѣ мѣсяцѣ, не безъизвѣстнымъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей", г. Львомъ Тихомировымъ. Утверждая, что на почвѣ основныхъ законовъ 1906-го года невозможно создать правильный государственный строй, авторъ письма убѣждалъ покойнаго министра посвятить хоть половину своихъ силъ на избавленіе Россіи отъ опасныхъ и вредныхъ послѣдствій неудачной конституціи. По мнѣнію г. Тихомирова, предлагаемое имъ „исправленіе" основныхъ законовъ „есть дѣло удобоисполнимое лишь тѣмъ самымъ императоромъ, который санкціонировалъ ихъ, такъ какъ преемникъ будетъ связанъ волею своего предшественника"... Опасаясь, что выраженные г. Тихомировымъ взгляды могутъ быть приписаны П. А. Столыпину, А. А. Столыпинъ приводитъ помѣтку, сдѣланную покойнымъ его братомъ на письмѣ редактора „Московскихъ Вѣдомостей": „всѣ эти прекрасныя теоретическія разсужденія на практикѣ оказались бы злостною провокаціею и началомъ новой революціи". Послѣдпія слова дѣлаютъ честь прозорливости покойнаго министра: но нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ находилъ разсужденія г. Тихомирова „прекрасными" въ теоріи. Не заслуживаетъ такого наименованія ученіе, отрицающее обязательность закона для самого законодателя. Оно не только фальшиво въ самомъ корнѣ: оно чрезвычайно опасно, постоянно грозя послужить исходной точкой для актовъ, несовмѣстныхъ съ природой государства. Послѣ крупнаго поворота въ государственой жизни всегда наступаетъ періодъ неустойчиваго равновѣсія, всегда носится въ воздухѣ идея регресса не только въ деталяхъ, но и въ цѣломъ. Допустить, хотя бы отвлеченно, правомѣрность такого регресса—значитъ увеличить шансы катастрофы. Прочная охрана однажды пріобрѣтеннаго требуетъ вѣры не только въ его необходимость или неизбѣжность, но и въ его справедливость. Если такой вѣры у П. А. Столыпина не было, этимъ объясняется многое въ исторіи его управленія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Воинственные планы Италіи.—Грозный ультиматумъ.—Положеніе марокканскаго кризиса.—Разсужденія нѣмецкихъ патріотовъ о войнѣ и мирѣ.—Партійный съѣздъ соціалъ-демократовъ въ Іенѣ и рѣчи о внѣшней политикѣ. — Заявленія Бебеля. — Французы и нѣмцы въ критическіе моменты марокканской распри. — Волненія изъ-за дороговизны и рабочія забастовки.

Послѣ долгихъ переговоровъ, медленный ходъ которыхъ волновалъ и утомлялъ общественное мнѣніе Европы, состоялось, наконецъ, принципіальное соглашеніе между Германіею и Франціею относительно Марокко; но одновременно съ этимъ началось другое, не менѣе рискованное предпріятіе, касающееся остальной части сѣверной Африки—Триполи. Алжиръ, Тунисъ и теперь Марокко заняты французами; Египетъ принадлежитъ англичанамъ; испанцы довольствуются нѣкоторыми пунктами марокканской территоріи [1]); остается еще „свободною“ обширная территорія, отдѣляющая Тунисъ отъ Египта и состоящая формально и фактически подъ турецкимъ владычествомъ, — и эту территорію готовится захватить Италія. Итальянцы давно намѣтили Триполи въ качествѣ своей законной добычи, въ видѣ компенсаціи за отошедшій къ французамъ Тунисъ; и тотчасъ послѣ того какъ опредѣлилась судьба Марокко, они рѣшили приступить къ исполненію своего завѣтнаго патріотическаго плана.

Съ точки зрѣнія національныхъ чувствъ образъ дѣйствій Италіи является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ Италія оставаться безучастною при раздѣлѣ сѣверо-африканскихъ земель между просвѣщенными европейскими націями? По своему географическому положенію, по своимъ историческимъ связямъ и традиціямъ, она гораздо ближе заинтересована въ судьбахъ Средиземнаго моря, чѣмъ Франція; она не могла, поэтому, равнодушно смотрѣть, какъ французы постепенно завладѣваютъ важнѣйшими прибрежными областями Африки, и выжидала лишь удобнаго момента для заявленія своихъ притязаній. Пока не возбужденъ былъ вопросъ о французскомъ протекторатѣ надъ Марокко, итальянцы сохраняли спокойствіе; но вмѣшательство Германіи сразу измѣнило положеніе дѣлъ, заставивъ Францію сойти съ почвы существующихъ международныхъ договоровъ и вступить на путь двусмысленныхъ компромиссовъ, которые

[1]) Отмѣтимъ кстати, что въ августовскомъ „Иностранномъ обозрѣніи“, на стр. 382, въ 23-ей строкѣ, по недосмотру ошибочно напечатано „восточной“, вмѣсто „западной“.

въ результатѣ должны были считаться неблагопріятными для Италіи. Франко-германская сдѣлка послужила тѣмъ толчкомъ, который вывелъ Италію изъ состоянія политическаго равновѣсія и поднялъ ее въ походъ на Триполи. Итальянцы оказались, однако, въ затрудненіи: съ одной стороны, въ Триполи не произошло никакихъ событій, которыя давали бы поводъ къ иностранному вмѣшательству, а съ другой — Триполи представляетъ собою не самостоятельное государство, а одну изъ провинцій Оттоманской имперіи. Такъ какъ намѣренія и стремленія итальянскихъ патріотовъ нисколько не скрывались ни отъ турокъ, ни отъ туземнаго населенія Триполи, то въ послѣднемъ обнаружилось неудовольствіе противъ Италіи, а это неудовольствіе могло привести къ посягательствамъ на безопасность мѣстныхъ итальянскихъ поселенцевъ; поэтому поводъ для вмѣшательства создался самъ собою. Италія стала безпокоиться объ участи своихъ подданныхъ, проживающихъ въ Триполи, и объ интересахъ своей торговли и промышленности; Турція же, при всемъ своемъ желаніи, не имѣетъ возможности оградить спокойствіе иностранцевъ въ отдаленномъ африканскомъ вилайетѣ. Правдоподобный предлогъ для военной экспедиціи къ берегамъ Триполи такимъ образомъ найденъ; успѣхъ обезпеченъ заранѣе, ибо турки не имѣютъ военнаго флота, способнаго соперничать съ итальянскими броненосцами. Въ Триполи находится около двадцати тысячъ турецкихъ солдатъ; туземное мусульманство можетъ организовать упорную партизанскую войну, и дѣйствительное занятіе и умиротвореніе страны едва ли будетъ по силамъ Италіи. Нынѣшняя конституціонная Турція не расположена къ добровольному униженію; она даромъ не отдастъ иностранцамъ никакой частицы своей территоріи. Между тѣмъ обстоятельства поощряютъ предпріимчивость Италіи и парализуютъ силу сопротивленія Турціи. Германія и Австро-Венгрія не могутъ возражать противъ самостоятельныхъ дѣйствій Италіи, потому что находятся съ нею въ союзѣ; Франція и Англія сознательно предоставляютъ итальянцамъ водвориться въ Триполи, въ видѣ вознагражденія за Марокко; Россія должна слѣдовать примѣру своей союзницы. Нигдѣ и ни въ комъ не найдетъ Турція защиты противъ Италіи въ современной Европѣ; напротивъ, въ случаѣ войны, она рискуетъ встрѣтить новыхъ и старыхъ враговъ, готовыхъ воспользоваться ея затрудненіями для своихъ цѣлей. Поднимется опять національное движеніе въ греческихъ областяхъ Турціи, на островѣ Критѣ, въ Македоніи, Албаніи; къ этимъ внутреннимъ врагамъ могутъ присоединиться внѣшніе—Греція, Болгарія, Сербія. Вотъ почему война съ Италіей изъ-за Триполи въ высшей степени нежелательна даже для воинственной турецкой партіи, руководимой военнымъ министромъ Махмудомъ-Шефкетомъ-пашой. Турецкая дипломатія стара-

лась на первыхъ порахъ избѣгнуть разрыва и удовлетворить или успокоить итальянцевъ безъ ущерба для авторитета Порты; итальянцы, съ своей стороны, имѣли въ виду предложить турецкому правительству денежный выкупъ или ежегодную арендную плату за уступку Триполи. Италія не имѣла разсчета дѣйствовать слишкомъ круто или прямолинейно; она все-таки была обязана считаться съ тѣмъ, что Германія дорожитъ сохраненіемъ своего престижа въ глазахъ Турціи и что вѣнскій кабинетъ желаетъ возстановить и поддержать съ нею прежнія дружескія связи. Но отказаться отъ мечты о Триполи итальянскіе патріоты не могли: всѣ партіи, отъ консервативныхъ до радикальныхъ, за исключеніемъ только крайнихъ соціалистическихъ группъ, сходились въ одномъ чувствѣ, которое громко выражается въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Государственные люди, парламентскіе и общественные дѣятели, публицисты,—всѣ требовали энергическихъ мѣръ для скорѣйшаго захвата Триполи. Правительство, съ министромъ-президентомъ Джолитти во главѣ, не противилось общему теченію,—и быть можетъ, оно не устояло бы, еслибы вздумало оказать отпоръ воинственнымъ порывамъ. Въ сущности, вся многолѣтняя политика Италіи, какъ великой державы, подверглась испытанію и провѣркѣ. Для чего итальянскій народъ приносилъ столько тяжелыхъ жертвъ для увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ, если эти силы не служатъ къ пріобрѣтенію новыхъ земель? Какой смыслъ имѣетъ для Италіи тройственный союзъ, если она не можетъ извлечь изъ него никакой для себя выгоды? Другія націи расширяютъ свои владѣнія; — Австро-Венгрія пріобрѣла двѣ турецкія провинціи, при дипломатической помощи Германіи; сама Германія пріобрѣтаетъ часть французскаго Конго, опираясь на свое положеніе во главѣ тройственнаго союза;—почему же Италія должна держаться пассивно и бездѣятельно? Итальянцы признаютъ себя также обязанными проявлять свое законное національное честолюбіе въ дѣлахъ международныхъ, и противъ этого сознанія было бы безполезно спорить.

Триполійскій вопросъ поставленъ, и онъ будетъ рѣшенъ такъ или иначе; но имѣетъ ли онъ для Италіи то значеніе, какое ему приписываютъ—это по меньшей мѣрѣ сомнительно. Нужно ли Триполи итальянцамъ, и справятся ли они съ принятою на себя обузою? Французы въ теченіе десятковъ лѣтъ устраивались кое-какъ въ своихъ африканскихъ колоніяхъ, помѣщая въ нихъ избытки своихъ капиталовъ; они связались и съ Марокко цѣлою сѣтью промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій, и въ этомъ направленіи они дѣйствуютъ въ силу преимуществъ своего національнаго богатства, которое ищетъ приложенія въ чужихъ краяхъ. Имѣются-ли подобныя условія у итальянцевъ? Сравнительно бѣдная страна, нуждающаяся еще въ очень

многомъ для упроченія своего благосостоянія, могла бы не дѣлать завоеваній, не тратить своихъ силъ и средствъ на разорительныя и безплодныя экспедиціи, и она только выиграла бы отъ разсчетливой сдержанности, соотвѣтствующей реальнымъ интересамъ народа. Итальянцы не страдаютъ, подобно французамъ или англичанамъ, отъ экономическаго перепроизводства, отъ чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ, для которыхъ приходится искать помѣщеніе заграницей или въ отдаленныхъ колоніяхъ. То, что составляетъ потребность для богатой промышленной націи, есть вредная роскошь для менѣе состоятельной,— и политика колоніальныхъ пріобрѣтеній въ такомъ широкомъ стилѣ, какъ она предполагается итальянскими патріотами, совершенно не подходитъ для Италіи. Непосильное для Италіи соперничество съ другими великими державами по части вооруженій тѣсно связано съ существованіемъ союза ея съ Германіею и Австро-Венгріею. Подъ гнетомъ этого союза Италія направляетъ главныя свои заботы на усиленіе арміи и флота, въ ущербъ жизненнымъ и культурнымъ потребностямъ населенія; а для оправданія дѣлаемыхъ затратъ на армію и флотъ выдвигаются воинственные завоевательные планы, не обѣщающіе ничего хорошаго въ будущемъ.

Рѣшеніе Италіи занять оба турецкихъ вилайета въ сѣверной Африкѣ — Триполи и Барку, или древнюю Киренаику, — выразилось въ формѣ ультиматума, переданнаго Портѣ 28 (15) сентября. Въ этомъ своеобразномъ дипломатическомъ документѣ итальянское правительство откровенно приписываетъ себѣ право заботиться о пользахъ и нуждахъ названныхъ турецкихъ областей, независимо отъ интересовъ своихъ подданныхъ; въ тоже время оно безъ всякихъ околичностей объявляетъ Портѣ, что ради „охраны своего достоинства и своихъ интересовъ“ оно рѣшило „приступить къ военной оккупаціи Триполи и Киренаики“. Непривычный для дипломатіи тонъ, принятый Италіею по отношенію къ Оттоманской имперіи, закрываетъ, къ сожалѣнію, путь для какихъ бы то ни было мирныхъ переговоровъ.

„Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ—говорится въ указанной нотѣ— итальянское правительство не переставало дѣлать Портѣ представленія, указывавшія на безусловную необходимость положить конецъ безпорядку и пренебреженію, въ которыхъ Турція оставляла Триполи и Киренаику, дабы эти области такъ-же, какъ и прочія части сѣверной Африки, стали причастными благамъ прогресса“. Съ своей стороны, турецкое правительство оставляло эти заявленія безъ вниманія и „только въ самое послѣднее время сообщило королевскому правительству о своей готовности предоставить ему всякія экономическія уступки, согласныя съ существующими трактатами и совмѣстимыя съ достоинствомъ и высшими интересами Турціи“. Но теперь слишкомъ

поздно: „королевское правительство не считаетъ болѣе возможнымъ вступать въ переговоры, безполезность которыхъ доказана въ прошломъ, и которые далеко не могутъ явиться гарантіею для будущаго, и служили бы лишь постояннымъ поводомъ къ треніямъ и конфликтамъ". Рѣшивъ прибѣгнуть къ военной силѣ для занятія турецкой территоріи, Италія вдобавокъ предлагаетъ Турціи добровольно облегчить итальянцамъ ихъ задачу. Оккупація—„это единственное рѣшеніе, на которомъ Италія можетъ остановиться, и королевское правительство надѣется, что императорское турецкое правительство соблаговолитъ отдать соотвѣтствующія приказанія, чтобы Италія не встрѣтила со стороны оттоманскихъ представителей никакого противодѣйствія, и чтобы мѣры, которыя явятся необходимыми, вслѣдствіе принятія этого рѣшенія, могли быть осуществлены безъ затрудненій".—Позднѣе—сказано далѣе—„между правительствами могли бы быть заключены соглашенія въ цѣляхъ окончательнаго урегулированія положенія, которое будетъ вызвано означеннымъ рѣшеніемъ. Королевскому посольству въ Константинополѣ отдано распоряженіе просить окончательнаго отвѣта оттоманскаго правительства по этому вопросу въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ съ момента врученія Портѣ настоящей ноты; въ противномъ случаѣ итальянское правительство сочтетъ себя вынужденнымъ приступить къ немедленному осуществленію мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью обезпечить оккупацію".

Содержаніе и самый способъ изложенія этого документа напоминаютъ одну изъ тѣхъ грозныхъ военно-дипломатическихъ нотъ, съ которыми Наполеонъ обращался къ побѣжденнымъ имъ правителямъ. Италія пока не имѣла основанія относиться къ Турціи съ такимъ презрительнымъ высокомѣріемъ, которое отчасти переходитъ въ издѣвательство. Для державы, желающей утвердить свою власть надъ мусульманами, подданными турецкаго султана, не было никакого разсчета заранѣе раздражать и оскорблять турецкаго султана и подвластныхъ ему мусульманъ. Во всякомъ случаѣ такъ не поступаетъ правительство, стремящееся облегчить для себя трудную задачу занятія и умиротворенія чужой страны; надо сознаться, что наоборотъ Италія какъ будто умышленно сдѣлала все возможное, чтобы возстановить противъ себя Турцію и все мусульманство, и принудить Порту къ открытой борьбѣ. Почему и съ какою цѣлью дѣйствуетъ въ этомъ духѣ конституціонная Италія, управляемая такимъ опытнымъ политическимъ дѣятелемъ, какъ Джолитти,—остается для насъ загадкою.

Односторонняя внѣшняя политика, вдохновляемая ложнымъ національнымъ самолюбіемъ, создаетъ особое настроеніе, при которомъ

требованія здраваго смысла исчезаютъ и самыя дикія идеи кажутся естественными. Сколько странныхъ нелѣпостей высказывалось, напримѣръ, въ нѣмецкой патріотической печати по поводу мароккскаго кризиса! Солидная „Кельнская газета“, въ статьѣ отъ 7-го сентября подъ заглавіемъ: „Война или миръ?“—доказываетъ, что война вполнѣ возможна и что эта возможность зависитъ лишь отъ образа дѣйствій Франціи и особенно Англіи. Германія вполнѣ миролюбива, и если только всѣ ея желанія будутъ исполнены, то войны не будетъ. По увѣренію газеты, „всѣ слои нѣмецкаго населенія проникнуты твердою рѣшимостью слѣдовать за дипломатіею до жестокаго, горькаго конца, и тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, войны не будетъ, ибо нужно надѣяться, что Франція не доведетъ дѣла до крайности и что французскій народъ, вопреки обольщеніямъ своихъ военныхъ оптимистовъ, будетъ въ концѣ концовъ руководиться сознаніемъ, что походъ въ Фецъ черезъ Берлинъ есть все-таки опасное путешествіе“. Перспектива войны—продолжаетъ газета—„едва ли покажется соблазнительною для нашихъ сосѣдей, даже при разсчетѣ на британскую помощь, и въ самомъ дѣлѣ остается несомнѣнной истиной то положеніе, что Франція и Германія будутъ бороться между собою безъ союзниковъ, и британская готовность ничего въ этомъ не измѣнитъ и даже, быть можетъ, не пожелаетъ измѣнить, такъ какъ взаимное обезсиленіе и истощеніе обѣихъ великихъ державъ материка вовсе не противорѣчило бы британскимъ интересамъ“. Впрочемъ, по словамъ „Кельнской газеты“, нѣмцы вполнѣ понимаютъ и цѣнятъ упорную настойчивость французской дипломатіи по отношенію къ Марокко, но они никогда не простятъ англичанамъ ихъ враждебнаго отношенія къ Германіи, ихъ явнаго желанія вредить германской политикѣ и германскому могуществу.

Эти разсужденія типичны для большинства патріотическихъ нѣмецкихъ газетъ. Нѣмцы имѣютъ только одну обязанность—неуклонно предъявлять и отстаивать свои притязанія, а французы обладаютъ только однимъ правомъ—принимать эти притязанія къ свѣдѣнію и исполненію, если не хотятъ довести дѣло до крайности, т.-е. до войны. Всякія попытки возражать противъ германскихъ требованій должны привести къ кровавому концу, и Франція имѣетъ передъ собою только одинъ способъ избѣжать роковой развязки—не предъявлять никакихъ возраженій. Наивный тонъ этой аргументаціи подчеркивается ссылкою на коварство Англіи, которая будто бы не станетъ помогать французамъ въ ихъ борьбѣ съ Германіею и которая, однако, сильно повредила и продолжаетъ вредить нѣмцамъ. Чѣмъ-же англичане причиняютъ вредъ Германіи? Именно своимъ категорическимъ формальнымъ заявленіемъ, что Англія солидарна съ Франціею и будетъ дѣй-

ствовать съ нею заодно въ случаѣ войны изъ-за Марокко. Это заявленіе, высказанное руководящими британскими министрами—Асквитомъ и Ллойдомъ-Джорджемъ,—вызвало громы нѣмецкой прессы противъ англичанъ, какъ нарушителей общаго мира. Англичане выставляются злѣйшими врагами Германіи именно потому, что они помѣшали ей пугать французовъ войною, такъ какъ каждый понимаетъ, что нѣмцы не могутъ воевать одновременно противъ Франціи и Англіи. Военныя угрозы потеряли всякую силу въ устахъ нѣмецкихъ патріотовъ, какъ только стало извѣстно, что англичане имѣютъ въ виду дѣйствовать совмѣстно съ Франціею. Этимъ своевременнымъ заявленіемъ Англія въ сущности оказала большую услугу дѣлу общаго мира и, косвенно, самимъ нѣмцамъ. Съ тѣхъ поръ переговоры между Берлиномъ и Парижемъ могли вестись въ спокойномъ дѣловитомъ духѣ, безъ раздражающихъ оффиціозныхъ намековъ на опасность разрыва. Старанія нѣмецкихъ патріотовъ уничтожить силу британскаго вмѣшательства или истолковать его значеніе въ смыслѣ простой враждебной демонстраціи разсчитаны очевидно на крайне довѣрчивую публику.

Любопытно, что даже знаменитый вождь германской соціалъ-демократіи, Августъ Бебель, допускаетъ какъ-будто мысль, что въ обостреніи марокканскаго кризиса виновата Англія, а не Германія. Въ своей вступительной рѣчи, на партійномъ съѣздѣ въ Іенѣ, онъ упомянулъ о томъ, что „оборотъ, принятый марокканскимъ кризисомъ—преимущественно результатъ вмѣшательства Англіи—совершенно измѣнилъ общее положеніе въ Европѣ". Однимъ ударомъ—говоритъ онъ—„какъ бы разсѣяна по вѣтру цѣлая серія идей и тенденцій, которыя въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ занимали насъ внутри и внѣ стѣнъ рейхстага. Вопросъ о разоруженіи и все, что съ нимъ связано, не будетъ уже разъединять насъ. Этотъ вопросъ отложенъ въ сторону. Не разоруженіе стоитъ теперь на очереди въ Европѣ, а усиленіе вооруженій, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ; и по моему убѣжденію, мы быстро идемъ къ такому положенію, которое не можетъ окончиться иначе какъ катастрофою". На засѣданіи 14-го сентября (нов. ст.), Бебель высказался болѣе подробно о марокканскомъ кризисѣ. „Я охотно допускаю—заявилъ онъ, между прочимъ,—что Марокко принадлежитъ къ числу странъ, способныхъ къ развитію при здравой политикѣ. Колонизація Марокко дала бы сильный толчокъ германской торговлѣ и принесла бы Германіи огромную пользу. Мы, соціалъ-демократы, относимся враждебно ко всей марокканской политикѣ; но мы требуемъ, чтобы германская торговля и промышленность были поставлены въ одинаковыя условія съ другими государствами. Ни одна нація не должна имѣть преимущества предъ другими. Во всякомъ случаѣ мы,

соціалисты, должны протестовать противъ возбужденія войны, такъ какъ въ дѣйствительности Марокко не стоитъ костей прусскаго гренадера. Нѣтъ надобности опровергать увѣреніе, что соціалъ-демократы, въ случаѣ войны, немедленно организовали бы политическую забастовку народныхъ массъ. Мы употребимъ всѣ усилія для того, чтобы предупредить войну. Но политическая забастовка была бы безцѣльна и противорѣчила бы взглядамъ нѣмецкаго народа". Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей обстоятельной рѣчи, при обзорѣ фактическаго хода переговоровъ по мароккекому вопросу, Бебель съ похвалой отзывался объ умиротворяющей роли императора Вильгельма; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма опредѣленно давалъ понять, что политическіе и промышленные интересы Германіи, въ томъ числѣ и мароккскіе, имѣютъ обязательное значеніе и для нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Въ заключеніе съѣздомъ была принята слѣдующая резолюція, предложенная комитетомъ партіи: „Съѣздъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Іенѣ самымъ энергическимъ образомъ протестуетъ противъ всякой попытки, направленной къ возбужденію убійственной войны между такими цивилизованными націями, какъ французы, англичане и нѣмцы. Эта война неизбѣжно сдѣлалась бы всеобщею и окончилась бы страшною катастрофою. Горсть капиталистовъ старается утвердиться въ Марокко, чтобы эксплуатировать его болѣе успѣшно, и пытается привлечь къ этому дѣлу руки и кровь нѣмецкаго народа, подъ тѣмъ предлогомъ, что этого требуютъ будто бы честь и интересы націи. Съѣздъ объявляетъ, что это — очевидная фальсификація фактовъ и наглое лицемѣріе. Единственные люди, которые съ обѣихъ сторонъ имѣютъ интересъ въ возбужденіи различныхъ цивилизованныхъ народовъ одного противъ другого, — это, сверхъ колоніальныхъ пиратовъ, шовинисты на сушѣ и на морѣ, готовящіеся къ войнѣ по профессіи и жаждущіе повышеній и отличій. Это также фабриканты и поставщики военныхъ припасовъ, мечтающіе о колоссальной наживѣ въ военное время, но не думающіе о томъ, что сотни тысячъ человѣкъ могутъ погибнуть въ битвахъ и милліоны подвергнутся нищетѣ. Эти подстрекательства къ войнѣ, возбуждаемыя въ теченіе ряда лѣтъ заинтересованными кружками, успѣли привести центръ и западъ Европы въ состояніе воинственной тревоги. Эти эксплуататоры старались навязать правительству имперіи роль послушнаго орудія, способнаго пожертвовать для ихъ пользы интересами націи. При видѣ того, насколько они успѣли въ этомъ, становится яснымъ, что современныя правительства суть только правительственные совѣты, представляющіе интересы владѣющихъ классовъ. Съѣздъ съ негодованіемъ отвергаетъ все, что хотятъ навязать нѣмецкому народу. Онъ надѣется, что нѣмецкій рабочій классъ употребитъ всѣ возможныя средства, чтобы помѣшать

всеобщей войнѣ. Съѣздъ требуетъ немедленнаго созыва рейхстага для того, чтобы представители народа имѣли случай высказать свое мнѣніе и оказать отпоръ стремленіямъ и интригамъ враговъ народа".

Резолюція съѣзда и особенно заявленія Бебеля удивили всѣхъ своею умѣренностью. Консервативная „Post" съ радостнымъ чувствомъ отмѣтила тотъ краснорѣчивый фактъ, что авторитетный предводитель соціалъ-демократической партіи подтверждаетъ справедливость германскихъ требованій въ Марокко. Передовыя либеральныя газеты нашли, что слова Бебеля о нѣмецкихъ интересахъ проникнуты истинно-національнымъ патріотическимъ духомъ и что отнынѣ падаетъ пограничная черта между прогрессистами и соціалъ-демократами, по крайней мѣрѣ въ области вопросовъ международной политики. Въ сущности резолюція Іенскаго съѣзда, какъ видно изъ ея мотивировки, осуждаетъ не всякую войну, а только, во-первыхъ, такую, которая возникаетъ между передовыми цивилизованными націями, и, во-вторыхъ, такую, которая искусственно подготовляется для пользы немногихъ промышленныхъ предпринимателей, безъ всякой связи съ общими интересами націи. Съ одной стороны, косвенно допускается война противъ менѣе цивилизованныхъ народовъ и государствъ,—въ томъ числѣ, быть можетъ, противъ Россіи,—и противъ совсѣмъ нецивилизованныхъ, какъ Марокко; съ другой стороны, не отрицается въ принципѣ право войны въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты реальные и общіе интересы отдѣльныхъ странъ. Въ резолюціи все-таки указывается на то обстоятельство, что опасный воинственный характеръ приданъ марокканскому вопросу не французами и не англичанами, а нѣмецкими аферистами и дѣйствующими по ихъ наущенію дипломатами. Въ рѣчи Бебеля совершенно уже затушевывается исключительная роль оффиціальной Германіи въ созданіи марокканскихъ осложненій, и весь кризисъ изображается какъ продуктъ незаконныхъ захватовъ и притязаній другихъ державъ, причемъ на долю нѣмцевъ выпадаютъ лишь болѣе или менѣе неумѣлыя попытки возстановить ихъ нарушенныя права. Признавая особые германскіе интересы и необходимость ихъ самостоятельнаго огражденія въ Марокко и въ другихъ мѣстахъ, Бебель очевидно отступаетъ отъ принципа солидарности трудящихся массъ различныхъ странъ и становится какъ будто на почву обычнаго буржуазно-промышленнаго пониманія существующихъ отношеній. Особенно удивительны замѣчанія Бебеля о личномъ смягчающемъ воздѣйствіи императора на германскую дипломатію. Всѣмъ хорошо извѣстно, что марокканскій вопросъ въ его острой международной формѣ всецѣло созданъ личной иниціативой Вильгельма II—его памятнымъ визитомъ въ Танжерѣ въ 1905-мъ году; недавняя посылка германскаго крейсера въ Агадиръ, вновь поставившая ребромъ тотъ-же вопросъ, который

казался уже разрѣшеннымъ,—была опять-таки личнымъ дѣломъ императора. Передвиженія военныхъ судовъ съ цѣлью политической демонстраціи никакъ не могутъ быть назначаемы и рѣшаемы кѣмъ бы то ни было, кромѣ императора. Въ дѣлахъ столь крупнаго значенія, отъ которыхъ зависитъ вопросъ о мирѣ и войнѣ, Вильгельмъ II едва ли могъ предоставить полную свободу дѣйствій такому второстепенному исполнительному чиновнику, какъ Кидерленъ-Вехтеръ, и легенда газеты „Post“ о патріотическихъ порывахъ этого канцелярскаго дипломата, сдерживаемыхъ будто-бы чрезмѣрнымъ миролюбіемъ императора, не имѣла, конечно, ничего общаго съ дѣйствительностью. Странно, что Бебель принимаетъ эту исторію за фактъ и дѣлаетъ изъ нея выводы, находящіеся въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными идеями соціалъ-демократической программы. Если это только политическій пріемъ, то смыслъ его не всѣмъ понятенъ.

Для характеристики той односторонности, съ какою ставился и обсуждался марокккскій вопросъ не только въ нѣмецкой прогрессивной печати, но отчасти и на іенскомъ соціалистическомъ съѣздѣ, представляется весьма важнымъ и поучительнымъ одно обстоятельство, обращавшее на себя общее вниманіе въ Европѣ. Опасность франко-германской войны, вопреки всѣмъ традиціямъ, вызывала панику не во Франціи, а въ Германіи. Въ промышленныхъ центрахъ страны и въ значительной части ея населенія обнаруживались признаки крайней тревоги; нѣмецкія газеты ежедневно сообщали о финансовомъ кризисѣ, объ упадкѣ курса процентныхъ бумагъ, о банкротствахъ частныхъ фирмъ, о массовыхъ требованіяхъ вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. Безпокойство овладѣло умами нѣмецкихъ обывателей, имѣющихъ свои сбереженія въ государственныхъ и общественныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ; оно проявлялось съ особенною силою въ приморскихъ и пограничныхъ городахъ, по сосѣдству съ Франціею. Нѣмецкая публика какъ-будто потеряла довѣріе къ прочности германскаго государственнаго кредита; она волновалась, повидимому, безъ достаточнаго основанія, не поддаваясь обычнымъ успокоительнымъ доводамъ оффиціозной печати,—между тѣмъ какъ во Франціи не замѣчалось ничего подобнаго. Французы сохраняли внѣшнее спокойствіе и довольно вяло, скорѣе съ чувствомъ скуки, чѣмъ со страхомъ, слѣдили за ходомъ дипломатическихъ переговоровъ относительно Марокко. Они несравненно больше волновались пропажею „Джоконды“ изъ Лувра, чѣмъ всѣми придирчивыми претензіями Берлина.

Чѣмъ объяснить эту разницу въ настроеніи Франціи и Германіи? Неужели нѣмцы стали больше бояться войны, чѣмъ французы? Очевидно, французское общественное мнѣніе руководствовалось твердою увѣренностью въ томъ, что война изъ-за Марокко невозможна по

здравому смыслу, при оффиціально установленной солидарности между Англіею и Франціею, а въ Германіи такой увѣренности не было, ибо тамъ возможны еще внезапныя рѣшенія, въ зависимости отъ случайныхъ личныхъ мотивовъ, къ которымъ непримѣнимы общепринятыя правила логики. Если внезапно, среди общаго мира, могъ быть посланъ военный корабль въ мароккскія воды, то столь же внезапно можетъ быть принята какая-либо другая воинственная мѣра, способная вызвать столкновеніе даже при явно невыгодной и опасной для Германіи обстановкѣ. Подобные порывы личнаго вдохновенія свойственны Вильгельму II главнымъ образомъ въ сферѣ международной предпріимчивости, и оттого въ критическіе моменты нѣмецкое общественное мнѣніе допускаетъ такія гипотезы, которыя казались бы мало вѣроятными при нормальныхъ условіяхъ. Предполагать, что это неустойчивость создается фантазерствомъ министровъ и притомъ даже не руководящихъ, а второстепенныхъ, — было бы слишкомъ оригинально. Еслибы въ самомъ дѣлѣ Вильгельмъ II имѣлъ умѣряющее вліяніе на политику, какъ думаетъ Бебель, то весь мароккскій конфликтъ не существовалъ бы, и прочное соглашеніе относительно Марокко было бы достигнуто уже во время подписанія алжесирасской конвенціи.

Въ Европѣ запахло порохомъ, хотя и не изъ-за Марокко, а изъ-за Триполи. Ужасная репетиція одной изъ возможныхъ картинъ будущей войны произошла въ гавани Тулона, 25-го сентября: броненосецъ „Liberté“ сдѣлался жертвою пожара и взрыва, раскололся на-двое и потонулъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями человѣкъ; пострадали почти всѣ другія суда трехъ эскадръ, стоявшихъ на рейдѣ; многіе изъ ихъ экипажей оказались убитыми и ранеными, хотя ихъ корабли находились на большомъ разстояніи отъ „Liberté“. Загорѣлись, вѣроятно, запасы угля, а затѣмъ огонь перешелъ въ склады пороха; стихійная сила взрывовъ была такъ велика, что спасшіеся люди и очевидцы ничего не могли сообразить и сдѣлались какъ бы полоумными на нѣкоторое время. Катастрофа представляла собою именно то, что̀ совершается на законномъ основаніи послѣ объявленія войны; это былъ образчикъ небольшого морского сраженія. Стальной гигантъ, предназначенный къ нанесенію сокрушительныхъ ударовъ непріятелю, въ одну минуту, отъ ничтожной случайной причины, превратился въ безсильную груду металла, погубивъ массу народа и причинивъ крупныя поврежденія многимъ сосѣднимъ кораблямъ. Можно было бы подумать, что французскому флоту нанесенъ сознательный ударъ какою-нибудь подводною миною, и что невидимый врагъ пожелалъ демонстрировать передъ просвѣщенными культурными націями разрушительное дѣйствіе новѣйшихъ усовершенствованныхъ орудій

военнаго искусства. Но ужасъ именно въ томъ, что здѣсь искусство разрушенія доведено до саморазрушенія, что порохъ воспламеняется самъ собою, что мины разносятъ смерть и гибель среди самихъ участниковъ будущей обороны. Быть можетъ, этотъ страшный наглядный урокъ побудитъ патріотовъ разныхъ странъ воздерживаться отъ легкомысленныхъ разговоровъ о дѣйствительной войнѣ.

Забастовка желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Англіи продолжалась недолго въ августѣ и достигла предположенной цѣли, благодаря образцовой дисциплинѣ и единодушію участниковъ. Рабочіе въ Ливерпулѣ, перевозчики и грузовщики, прекратили работу вслѣдствіе возникшихъ несогласій съ судовладѣльцами; послѣдніе отвѣтили роспускомъ или „локаутомъ“ 25-ти тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ мѣстныхъ докахъ; тогда союзъ рабочихъ по перевозкѣ объявилъ забастовку 75-ти тысячъ людей по всѣмъ отраслямъ труда въ ливерпульскомъ портѣ. Союзы родственныхъ категорій рабочихъ тотчасъ же приняли участіе въ движеніи; хозяева отказывались вступать въ переговоры съ этими союзами, какъ „посторонними“, и предлагали держаться установленной въ 1907 г. системы посредничества, результаты которой были, въ общемъ, неблагопріятны для рабочихъ. Такъ какъ хозяева упорно стояли на своемъ, то четыре могущественные союза желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ рѣшили объявить національную желѣзнодорожную забастовку, если хозяева не примутъ требованій рабочихъ въ двадцать четыре часа. Ультиматумъ возбудилъ понятное волненіе во всѣхъ классахъ общества, такъ какъ онъ грозилъ остановкою всей промышленной жизни страны; но компаніи стояли на своемъ правѣ, и предложеніе правительства назначить спеціальную „королевскую коммиссію“ для разбора конфликта было отклонено рабочими. Приняты были обширныя мѣры для обезпеченія желѣзнодорожнаго движенія средствами администраціи и войскъ. Правительство созвало представителей рабочихъ союзовъ на совѣщаніе; при дѣятельномъ участіи канцлера казначейства, Ллойда-Джорджа, состоялось съ компаніями, 19-го августа, соглашеніе, удовлетворившее обѣ стороны. Миръ возстановленъ, и рабочіе успокоились; спеціальная слѣдственная коммиссія, назначенная правительствомъ, старательно занялась выясненіемъ условій службы и спорныхъ претензій, выслушивая уполномоченныхъ рабочихъ, экспертовъ и свидѣтелей, съ цѣлью подготовить матеріалъ для выработки болѣе прочныхъ основаній примирительной и посреднической дѣятельности. Протоколы засѣданій этой коммиссіи, по обыкновенію, аккуратно печатаются въ газетахъ.

Сравнительно съ стройнымъ организованнымъ движеніемъ англій-

скихъ рабочихъ союзовъ, кажутся жалкими и безцѣльными тѣ шумныя, разрозненныя демонстраціи и волненія, къ которымъ прибѣгаютъ многія категоріи рабочихъ на материкѣ. Совершенно особый характеръ имѣютъ возстанія потребителей и особенно женщинъ противъ дороговизны цѣнъ на съѣстные припасы въ значительной части сѣверной Франціи и въ Австріи. Ожесточеніе бѣдняковъ доходило во многихъ мѣстахъ до отчаянной рѣшимости разгрома лавокъ и магазиновъ, нападеній на частные дома и на полицію. На улицахъ Вѣны, 17-го сентября, произошли кровавыя стычки съ войсками, причемъ жестоко пострадало около девяноста человѣкъ; пущено было въ ходъ огнестрѣльное оружіе противъ напора толпы — фактъ исключительный, какого не запомнятъ старожилы австрійской столицы за многіе годы. Французскіе либеральные публицисты отзываются съ ироніею о бунтѣ наивныхъ хозяекъ, пренебрегающихъ законами политической экономіи и мечтающихъ насильственно понизить цѣны товаровъ; они умалчиваютъ только о томъ, что высокія цѣны, непосильныя для массы нуждающихся потребителей, созданы искусственно и поддерживаются высокими таможенными пошлинами, устраняющими или сокращающими привозъ болѣе дешовыхъ продуктовъ изъ чужихъ и далекихъ странъ, и что, слѣдовательно, разорительная для бѣдняковъ дороговизна зависитъ преимущественно отъ государственной экономической политики, направленной къ односторонней защитѣ интересовъ промышленныхъ хозяевъ и капиталистовъ. Въ Австріи всѣ знаютъ, что дороговизна мяса и хлѣба вызывается аграрнымъ протекціонизмомъ, установленнымъ въ пользу крупнаго землевладѣнія при содѣйствіи вліятельной мнимо-народной антисемитической партіи, присвоившей себѣ ложное названіе христіанскихъ соціалистовъ. Волненія бѣдствующихъ потребителей заставили австрійскихъ министровъ и политическихъ дѣятелей придумать нѣкоторыя ограничительныя поправки къ дѣйствующей покровительственной системѣ: рѣшено нѣсколько расширить доступъ аргентинскаго мяса, сербскихъ свиней и балканскаго скота на австрійскіе рынки, но общее положеніе дѣлъ не измѣнится и не можетъ измѣниться, пока останется въ силѣ принципъ огражденія незаконныхъ выгодъ аграріевъ и промышленниковъ при помощи таможенныхъ пошлинъ, въ ущербъ интересамъ народныхъ массъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Твори Т. Шевченко з малюнками. Томъ I. „Кобзарь“. Изд. 2-ое. Цѣна 1 р. 10 коп. Томъ II, изд. 1-ое. Цѣна 1 р. 50 коп. Спб., 1911 г.

Среди юбилейныхъ изданій произведеній Шевченка, появившихся къ пятидесятилѣтію со дня его смерти, наибольшее вниманіе обращаетъ на себя собраніе его сочиненій, выпущенное въ свѣтъ В. Яковенкомъ въ Петербургѣ. Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первый томъ („Кобзарь“) вошли всѣ извѣстныя донынѣ украинскія стихотворенія Шевченка. Однако, эта полнота характерна лишь для перваго изданія перваго тома, которое нынѣ изъято изъ продажи; во второмъ изданіи пропущены цѣликомъ четырнадцать стихотвореній украинскаго поэта, среди которыхъ находится и большая поэма „Марія“; кромѣ того, многія стихотворенія напечатаны съ значительными пропусками. Объясненіе этимъ пропускамъ даетъ характерное для переживаемаго нами времени коротенькое предисловіе издателя, которое приводимъ въ переводѣ. „Не смотря на то—пишетъ В. Яковенко,—что на печатаніе полнаго „Кобзаря“ въ 1905-мъ году было получено разрѣшеніе петербургскаго цензурнаго комитета, дѣйствовавшаго по старому закону о цензурѣ, мое изданіе полнаго „Кобзаря“ было конфисковано, и я вынужденъ, до поры до времени, выпустить „Кобзаря“ съ пропущенными отдѣльными мѣстами и цѣлыми стихотвореніями, вызвавшими сомнѣнія съ точки зрѣнія современнаго уголовнаго права. Говорю: „до поры до времени“,—такъ какъ рѣшающее слово въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ суду, который, быть можетъ, исходя изъ принципа свободы печати, дарованной манифестомъ 17-го октября, не найдетъ никакого преступленія въ томъ, что было разрѣшено къ печати еще въ эпоху прежней цензуры“. Трудно раздѣлить проявленный издателемъ оптимизмъ; гораздо вѣроятнѣе, что на нѣкоторое время его изданіе украинскихъ произведеній Шевченко останется—въ смыслѣ исключенія „сомнительныхъ“ мѣстъ и цѣлыхъ стихотвореній—образцомъ и указаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ издателей „Кобзаря“.

Редакція текста „Кобзаря“ въ изданіи г. Яковенко принадлежитъ лучшему знатоку рукописей Шевченка, В. Доманицкому, нынѣ покойному. Молодымъ, талантливымъ изслѣдователемъ, такъ безвременно скончавшимся, провѣрена каждая строчка, сличено каждое слово текста „Кобзаря“ по собственноручнымъ рукописямъ поэта, по достовѣрнымъ спискамъ, по прижизненнымъ изданіямъ его произведеній. Для изданія дешеваго, разсчитаннаго на весьма широкія на-

родныя массы, изъ среды которыхъ выходитъ главный читатель „Кобзаря“, текстъ изданій В. Яковенка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ изданіи научномъ,—которое, кстати сказать, является потребностью времени, потому что настала уже пора издать произведенія Шевченка такъ, какъ вообще издаютъ классическихъ писателей, и приближающееся столѣтіе со дня его рожденія должно послужить стимуломъ въ этомъ направленіи,—пришлось бы, конечно, ко многимъ мѣстамъ добавить разночтенія, аргументировать принятые варіанты, быть можетъ — остановиться на другихъ „окончательныхъ“ текстахъ, которые такъ характерны для исторіи чтенія шевченковскихъ произведеній; но изданіе г. Яковенка преслѣдуетъ иныя цѣли, и ему нельзя, поэтому, поставить въ вину отсутствіе научнаго аппарата.

Въ вину издателю можно поставить другое, а именно иллюстраціи. Всѣхъ иллюстрацій въ „Кобзарѣ“ 53. Исполнены онѣ, видимо, безъ какого-либо плана, случайно, безъ выбора и подготовки, и къ тому же въ художественномъ отношеніи отнюдь не могутъ быть признаны удовлетворительными. Иллюстраціи эти, не придавъ интереса изданію, безъ всякой нужды удорожили его (прежнія полныя изданія „Кобзаря“, въ томъ числѣ и изданіе г. Яковенка, стоили 60 коп.), что, конечно, отразится на его распространеніи.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ „Кобзарь“ въ изданіи г. Яковенко заслуживаетъ всякаго одобренія; въ частности, къ достоинствамъ изданія слѣдуетъ отнести прекрасную, популярно написанную В. Доманицкимъ біографію украинскаго поэта, а также многочисленныя его примѣчанія біографическаго, историческаго и историко-литературнаго характера. Хорошъ также и приложенный къ „Кобзарю“ портретъ Шевченка.

Второй томъ „Творів“ Шевченка носитъ сборный и, видимо, случайный характеръ. Въ него вошли: „Назаръ Стодоля“—пьеса, написанная Шевченкомъ первоначально по-русски; двѣ русскія его поэмы („Слѣпая“ и „Безталанный“); „Передмова“ Шевченка ко второму изданію „Кобзаря“, автобіографическія его замѣтки (два варіанта), матеріалы по политическому дѣлу Шевченка, его дневникъ и 157 писемъ къ различнымъ лицамъ. Пропущены всѣ русскія повѣсти Шевченка, имѣющіяся еще въ продажѣ (изд. „Кіевской Старины“), которыя однѣ „составили бы цѣлый отдѣльный томъ“, какъ справедливо оговаривается издатель. Такимъ образомъ, о полнотѣ собранія сочиненій Шевченка говорить не приходится, что, очевидно, и не входило въ задачу новаго изданія.

Наиболѣе цѣннымъ во второмъ томѣ является включеніе въ его составъ шевченковскаго дневника и его писемъ. Дневникъ этотъ, обнимающій періодъ жизни поэта съ 12-го іюня 1857-го года по 20-е мая

1858-го года, важенъ не только для біографіи Шевченка; это, кромѣ того, человѣческій документъ высокаго значенія, поучительный и воспитывающій, имѣющій мало равныхъ себѣ въ литературѣ мемуаровъ по полной искренности, по грустной красотѣ переживаній. Дневникъ этотъ впервые изданъ вполнѣ, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ немногихъ мѣстъ, могущихъ вызвать „сомнѣнія съ точки зрѣнія современнаго уголовнаго права". Текстъ дневника провѣренъ по рукописи извѣстнымъ украинскимъ писателемъ М. М. Коцюбинскимъ. Высокій, преимущественно біографическій интересъ имѣютъ и письма Шевченка, впервые собранныя вмѣстѣ въ такомъ количествѣ. Изданіе этихъ писемъ, однако—какъ признаетъ и самъ издатель—„требуетъ еще дальнѣйшей работы", такъ какъ они не приведены въ систему, лишены комментаріевъ, не провѣрены по подлинникамъ. Къ тому же, къ сожалѣнію, въ изданіи г. Яковенка они набраны такимъ мелкимъ шрифтомъ, что многіе читатели физически лишены будутъ возможности прочесть ихъ. А между тѣмъ, по своему содержанію и по значенію для личности Шевченка, письма эти заслуживали лучшей участи.

Особнякомъ стоитъ во второмъ томѣ статья: „Матеріалы по политическому дѣлу Т. Г. Шевченки" (редакція Иг. П. Житецкаго). Это—краткое изложеніе, во первыхъ, извѣстнаго „дѣла" о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, закончившагося для украинскаго поэта десятилѣтнимъ изгнаніемъ и солдатской службой въ Закаспійской пустынѣ, и, во вторыхъ, „Слѣдственнаго дѣла надъ рядовымъ Тарасомъ Шевченкою о полученіи имъ отъ разныхъ лицъ писемъ, посылки отъ себя таковыхъ и о причинахъ неисполненія имъ воспрещенія писать и рисовать". Оба „дѣла" изложены г. Житецкимъ интересно и выразительно на основаніи, частью, подлинныхъ документовъ, находящихся въ его распоряженіи, но сама статья лишена связи съ общимъ содержаніемъ второго тома, который весь посвященъ не изслѣдованіямъ о Шевченкѣ, а его произведеніямъ.

Къ недостаткамъ второго тома принадлежитъ и высокая цѣна книжки, не соотвѣтствующая ея внѣшнимъ качествамъ. Впрочемъ, портретъ, приложенный и ко второму тому, не можетъ быть названъ плохимъ.

— Малюнки Тараса Шевченка. Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченка. Выпускъ I. СПБ., 1911 г. Цѣна 4 р.

Слава Шевченка, какъ поэта, заслонила его славу, какъ выдающагося художника своего времени, а между тѣмъ, по справедливому замѣчанію его біографа (Н. Сумцова), и въ этомъ отношеніи „Шевченко заслуживаетъ изученія, какъ сила, отразившая на себѣ настроеніе эпохи, какъ ученикъ опредѣленныхъ художественныхъ те-

ченій". Рисунки Шевченка имѣютъ огромное значеніе для уясненія его личности и его поэтическихъ произведеній; но они не лишены значенія и для исторіи искусства въ Россіи. „Кто пожелаетъ ознакомиться обстоятельно со школой Брюллова и выяснить его вліяніе, тотъ нѣкоторую долю отвѣта найдетъ въ рисункахъ и картинахъ Шевченка. Кто пожелаетъ изучить вліяніе въ Россіи Рембрандта, тотъ также не можетъ обойти Шевченка". Въ своихъ бытовыхъ картинахъ, въ малорусскихъ жанрахъ стараго времени Шевченко „является достойнымъ современникомъ Ѳедотова".

Но изученіе Шевченка, какъ художника, исполнено чрезвычайныхъ трудностей, прежде всего потому, что его произведенія разбросаны въ частныхъ собраніяхъ по всей Россіи, и рѣдко кому изъ изслѣдователей удавалось видѣть въ подлинникахъ сколько-нибудь значительное количество Шевченковскихъ рисунковъ и картинъ, а воспроизведенія ихъ издавались мало и случайно. „Исполняя свой долгъ передъ своимъ патрономъ", петербургское общество имени Т. Г. Шевченка взяло на себя собрать и издать произведенія кисти украинскаго поэта. Для перваго выпуска издатели ограничились почти исключительно тѣмъ, что можно было собрать въ Петербургѣ въ частныхъ собраніяхъ. Получилось тридцать воспроизведеній, среди которыхъ имѣются образцы портретовъ, картинъ, писанныхъ масляными красками и акварелью, рисунковъ карандашомъ, офортовъ. Кромѣ произведеній Шевченка, въ 1-мъ выпускѣ воспроизведенъ неизвѣстный ранѣе рисунокъ карандашомъ худ. П. Эйснера, изображающій Шевченка въ гробу (съ натуры), а также портретъ украинскаго поэта работы В. В. Матэ. Изданію предпослана опись рисунковъ; введеніемъ въ изученіе дѣятельности Шевченка, какъ художника, служитъ обстоятельная статья г. Сластьона: „Шевченко у мистецтві" („Шевченко въ искусствѣ").

Изданіе исполнено съ любовью и художественной тщательностью. Остается пожелать, чтобы „Общество имени Шевченка" не остановилось на первомъ выпускѣ и исполнило „свой долгъ передъ патрономъ" до конца, собравъ и издавъ все, что̀ принадлежитъ кисти великаго поэта-художника.—М. Славинскій.

— Политика Аристотеля. Переводъ С. А. Жебелева. (Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ VII-й). С.-Петербургъ, 1911 г.

Можно горячо привѣтствовать появленіе русскаго перевода классическаго произведенія греческой политической мысли. Врядъ ли надо много говорить объ исключительномъ значеніи трактата Аристотеля въ исторіи политическихъ ученій и государственныхъ теорій и о томъ непосредственно - живомъ интересѣ, который представляетъ онъ и

для историка, и для философа, и для государствовѣда, и для соціолога. Внимательное и вдумчивое изученіе Аристотеля многое даетъ и многому научаетъ. На русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было хорошаго перевода „Политики“; переводъ г. Скворцова спеціальной ученой критикой былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Перевести Аристотеля нелегко; отъ переводчика требуется и тонкое знаніе греческаго языка, и обширная освѣдомленность въ философіи, политикѣ и правѣ. И потому особенно крупной является заслуга проф. Жебелева, вполнѣ отвѣчающаго идеалу переводчика и стоящаго во всеоружіи необходимыхъ знаній. Тщательный, точный, въ то же время литературный и одухотворенный переводъ г. Жебелева приближаетъ Аристотеля къ намъ и насъ поднимаетъ къ Аристотелю. Искусно и умѣло подобранныя примѣчанія разъясняютъ темное, указываютъ на предшествующее или даютъ интересный сравнительный матеріалъ. Переводу сопутствуетъ прекрасная статья: „Греческая политическая литература и Политика Аристотеля“; авторъ въ сжатой по формѣ, но богатой по содержанію статьѣ характеризуетъ основные моменты развитія греческой политической мысли до Аристотеля и то мѣсто, какое заняла „Политика“. Всѣ опредѣленія и наблюденія автора весьма цѣнны; можно было бы только удѣлить болѣе мѣста политическимъ взглядамъ трагиковъ (объ Еврипидѣ говорится немного), нѣсколько подробнѣе остановиться на Псевдо-Ксенофонтовой Политіи и отмѣтить работу проф. Новгородцева: „Политическія ученія древняго міра“, гдѣ хорошо разработанъ отдѣлъ о софистахъ.—И. Бороздинъ.

— Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отчетъ с.-петербургскаго столичнаго мирового судьи Н. А. Окунева за 1910 г. Спб. 1911 г.

Болѣе полутора года въ Петербургѣ, дѣйствуетъ особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Свѣдѣнія, появлявшіяся о немъ въ общей печати, были отрывочны и неясны. Вышедшая недавно книга Н. А. Окунева, полное заглавіе которой приведено выше, представляется, поэтому, весьма интересной. Въ ней мы имѣемъ, прежде всего, исторію возникновенія особаго суда для малолѣтнихъ и очеркъ дѣятельности этого суда и состоящихъ при немъ особыхъ попечителей. Въ дѣятельности петербургскаго мирового суда дѣла о малолѣтнихъ давно уже были больнымъ мѣстомъ. Всѣ принимавшіяся въ этомъ отношеніи мировыми судьями рѣшенія: оправданіе, помѣщеніе въ исправительныя колоніи, отдача подъ надзоръ родителямъ, тюремное заключеніе—оказывались въ одинаковой мѣрѣ несостоятельными. Оправданіе, продиктованное чувствомъ жалости къ малолѣтнему и опасеніемъ, что въ тюремной обстановкѣ онъ еще болѣе развратится, приводило къ обратнымъ результатамъ. Малолѣтній уходилъ изъ суда

съ сознаніемъ своей безнаказанности. Помѣщеніе въ колоніи, въ виду постояннаго отсутствія свободныхъ вакансій, фактически замѣнялось или отдачей подъ надзоръ родителямъ, или тюремнымъ заключеніемъ. Отдача родителямъ, не сопровождавшаяся никакимъ контролемъ надъ ихъ дѣйствіями, понималась малолѣтними какъ оправданіе. Тюремная обстановка, общество товарищей по профессіи еще болѣе ихъ развращали. Выходъ изъ столь невозможнаго положенія былъ необходимъ. Починъ въ дѣлѣ образованія особаго суда для малолѣтнихъ принадлежалъ обществу патроната. Избранная имъ коммиссія составила подробныя правила, снабдивъ ихъ мотивами и ссылками на опытъ западныхъ судовъ. Эти правила легли, въ свою очередь, въ основу предложенія, внесеннаго въ городскую думу гласными: И. М. Тютрюмовымъ, И. Д. Зубаревымъ, М. М. Стасюлевичемъ, І. С. Китнеромъ, А. П. Голицинскимъ и А. Э. Бари. Одновременно аналогичный докладъ былъ представленъ мировому съѣзду его предсѣдателемъ, покойнымъ М. П. Глѣбовымъ. Въ результатѣ, въ сентябрѣ 1909-го г., городской думой было принято предложеніе гласныхъ Тютрюмова и другихъ и разрѣшены ассигновки на расходы, связанные съ введеніемъ дѣтскаго суда. Въ октябрѣ того же года мировымъ съѣздомъ было одобрено заключеніе избранной имъ коммиссіи, по докладу М. П. Глѣбова. 3-го декабря съѣздомъ былъ избранъ на должность особаго судьи по дѣламъ о малолѣтнихъ добавочный мировой судья Н. А. Окуневъ. Съ 1-го января 1910 г. дѣтскій судъ въ Петербургѣ открылъ свои дѣйствія.

Такимъ образомъ, особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ былъ введенъ въ предѣлахъ дѣйствующихъ законоположеній, помимо законодательнаго порядка. Съ этой стороны его природа представляется особенно любопытной. Первая особенность дѣтскаго суда заключается въ сосредоточеніи всѣхъ дѣлъ о малолѣтнихъ въ вѣдѣніи одного судьи. Путемъ назначенія на эту должность добавочнаго, а не участковаго судьи, удалось согласовать ее съ правилами подсудности, принятыми дѣйствующимъ правомъ. Компетенція участковаго судьи по прямому смыслу закона ограничивается предѣлами его участка. Компетенція добавочнаго, состоящаго въ распоряженіи съѣзда, распространяется на весь округъ послѣдняго. Благодаря порученію дѣлъ о малолѣтнихъ именно добавочному судьѣ остался ненарушеннымъ основной принципъ закона, устанавливающаго подсудность по мѣсту совершенія преступныхъ дѣяній. Вторая особенность дѣтскаго суда состоитъ въ обязательномъ разсмотрѣніи дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ. Законъ и ранѣе (ст. 89-я уст. уг. суд.) давалъ мировымъ судьямъ право закрывать двери засѣданій при разборѣ дѣлъ о малолѣтнихъ. Фактически, однако, въ виду тѣсноты помѣщенія, некуда было уда-

лять публику и свидѣтелей, ожидавшихъ разбора по другимъ дѣламъ, и судьи этимъ правомъ не пользовались. Съ передачей всѣхъ дѣлъ о малолѣтнихъ одному судьѣ и съ отводомъ ему спеціальной камеры эти препятствія были устранены. Нововведеніе выразилось лишь въ томъ, что разрѣшеніе закона было возведено въ обязательное правило. Послѣднюю и наиболѣе характерную особенность дѣтскаго суда представляетъ институтъ попечителей. Въ числѣ особыхъ мѣръ пресѣченія, предусмотрѣнныхъ въ ст. 77^{2}_{-} уст. уг. суд., для малолѣтнихъ имѣется, между прочимъ, отдача подъ отвѣтственный присмотръ благонадежныхъ лицъ, изъявившихъ на то согласіе. Попечители и являются такими благонадежными лицами. Дополненіе къ закону, созданное правилами о дѣтскомъ судѣ, заключается лишь въ томъ, что дѣятельность этихъ лицъ имѣетъ постоянный характеръ. Они утверждаются предсѣдателемъ съѣзда и получаютъ за свой трудъ жалованье изъ средствъ, ассигнованныхъ городской думой.

Приведенныя особенности дали возможность направить дѣло правосудія въ отношеніи малолѣтнихъ на новую, болѣе благотворную дорогу. Судя по названному отчету, оно идетъ слѣдующимъ, отличнымъ отъ общепринятаго, порядкомъ. Ранѣе назначенія дѣла къ слушанію, попечители знакомятся съ малолѣтними, которые попадутъ въ ихъ вѣдѣніе. Они посѣщаютъ самого малолѣтняго, особенно если онъ находится подъ стражей, собираютъ свѣдѣнія о немъ и о его родителяхъ. Затѣмъ попечитель присутствуетъ при разборѣ дѣла. Разборъ происходитъ, какъ сказано, при закрытыхъ дверяхъ. Малолѣтній не чувствуетъ наблюденія товарищей, обычно приходившихъ слѣдить за тѣмъ, какъ онъ себя держитъ. Торжественная обстановка, дававшая малолѣтнему поводъ думать, что онъ находится въ положеніи взрослаго, устранена. Дабы подчеркнуть противное, судья обязательно говоритъ ему „ты“. Во время перваго разсмотрѣнія, судья обычно не постановляетъ окончательнаго рѣшенія. Онъ ограничивается, на основаніи ст. 77^{2}_{-}, отдачей малолѣтняго подъ отвѣтственный присмотръ родителей или непосредственно попечителя. Въ теченіе времени присмотра родители подчиняются особымъ правиламъ, составленнымъ съѣздомъ. Сущность этихъ правилъ сводится къ слѣдующему. Родители обязываются найти малолѣтнему занятіе, или мѣсто. Мѣнять занятіе безъ разрѣшенія попечителя малолѣтній не можетъ. Если малолѣтній живетъ дома, онъ не долженъ отлучаться безъ разрѣшенія родителей и обязанъ возвращаться къ назначенному ими сроку. О случаяхъ дурного поведенія малолѣтняго родители должны немедленно увѣдомлять попечителя. При несоблюденіи этихъ правилъ малолѣтнимъ или его родителями, попечитель дѣлаетъ представленіе судьѣ, дабы тотъ могъ замѣнить отдачу подъ присмотръ заключеніемъ

подъ стражу. Кромѣ того, попечитель оказываетъ малолѣтнему, отданному подъ его присмотръ, разнообразную помощь: подыскиваетъ занятія, пріобрѣтаетъ, въ случаяхъ нужды, изъ имѣющихся въ его распоряженіи денегъ платье или инструменты. Затѣмъ попечитель слѣдитъ за поведеніемъ малолѣтняго, всячески воспитываетъ его волю, для чего или посѣщаетъ его въ мѣстѣ его жительства, или вызываетъ его къ себѣ. Свои наблюденія попечитель заноситъ въ особую книгу и представляетъ о нихъ судьѣ ежемѣсячные отчеты.

Приблизительно черезъ полгода послѣ перваго разбора, а если малолѣтній упорно не поддается исправленію, то и ранѣе, судья снова назначаетъ дѣло къ слушанію и постановляетъ уже окончательное рѣшеніе. Завершая собой рядъ воспитательныхъ дѣйствій, принятыхъ во время присмотра, это рѣшеніе не носитъ, какъ прежде, безнадежнаго характера. Судья назначаетъ отдачу подъ надзоръ родителей, будучи увѣренъ, на основаніи сообщеній попечителя, что этотъ надзоръ не будетъ фиктивнымъ. Въ случаяхъ крайнихъ, исчерпавъ всѣ мѣры воспитанія, судья съ болѣе спокойной совѣстью примѣняетъ тюремное заключеніе. Судопроизводство по дѣламъ о малолѣтнихъ проникнуто, такимъ образомъ, началами новой соціологической школы. Вниманіе суда сосредоточено на личности преступника, а не на преступленіи. Мѣры воздѣйствія строго индивидуализированы. Заключаются онѣ не столько въ воздаяніи за совершенное, сколько въ воздѣйствіи на волю, въ устраненіи причинъ, непосредственно вызвавшихъ преступленіе. Въ то же время создано и ведется это производство въ предѣлахъ стараго дѣйствующаго права. Новое содержаніе какъ бы влито въ старыя формы. Эта весьма цѣнная черта, дѣлаетъ несомнѣнную честь юридическому такту организаторовъ дѣтскаго суда.

Кромѣ приведенныхъ свѣдѣній, въ разбираемой книгѣ имѣется еще рядъ матеріаловъ по дѣтской преступности въ Петербургѣ. Статистическія данныя, въ виду кратковременности дѣйствія дѣтскаго суда, еще не даютъ основаній для обобщеній. Болѣе интересны данныя бытового характера, имѣющіяся въ статьяхъ попечителей: В. П. Семенова—бытовыя условія жизни мальчиковъ, Е. И. Чичаговой—бытовыя условія жизни дѣвочекъ, и въ особенности многочисленныя характеристики, взятыя изъ записей попечителей. Ограничимся однимъ указаніемъ. Ремесленники, нуждающіеся въ дѣтскомъ трудѣ, проводятъ рѣзкую разницу между уроженцами столицы и пріѣзжими. Найти работу „деревенскому“ мальчику относительно легко, „питерскому“—очень трудно. Зная это, родители нарочно выдаютъ своихъ дѣтей за „деревенскихъ“, но опытные наниматели распознаютъ обманъ при первомъ взглядѣ.—Д. К.

— Прив.-доц. П. Л. Кованько. Государственные расходы Россіи по предметамъ назначенія за 1903—1911 г. Кіевъ. 1911.

Къ числу тѣхъ статистическихъ работъ на тему государственныхъ расходовъ Россіи, о которыхъ сообщалось въ одной изъ предыдущихъ книжекъ нашего журнала, присоединилась новая работа, названная въ заголовкѣ этой замѣтки. Преимущественный интересъ современной научной литературы къ вопросу о государственныхъ расходахъ находитъ себѣ объясненіе прежде всего въ томъ обстоятельствѣ, что, вмѣстѣ съ учрежденіемъ Государственной Думы, старая форма росписи государственныхъ расходовъ, предназначавшаяся для бюрократіи и распредѣлявшая эти расходы по вѣдомствамъ ихъ выполненія, была дополнена группировкой по предметамъ назначенія, наглядно рисующей картину удовлетворенія государствомъ различныхъ потребностей страны—важнѣйшую сторону расходнаго бюджета и для представителей этой страны, и для науки, и для каждаго гражданина Россіи. Эта система составленія росписи государственныхъ расходовъ аналогична той, которая давно примѣняется у насъ къ государственнымъ доходамъ, распредѣляющимся въ росписи не только по вѣдомствамъ, ихъ взимающимъ, но и по источникамъ ихъ происхожденія — обстоятельство, крайне облегчающее систематическое научное изученіе финансовъ страны. Возможность такого изученія открыта нынѣ и для расходнаго бюджета. Другую причину преимущественнаго вниманія писателей къ государственнымъ расходамъ послѣднихъ лѣтъ слѣдуетъ искать въ томъ, что, каковъ бы ни былъ внѣшній исходъ русскаго освободительнаго движенія и отрицательное отношеніе къ послѣднему со стороны дирижирующихъ классовъ—оно заставило эти классы двинуться наконецъ навстрѣчу важнѣйшимъ потребностямъ русскаго народа—потребности въ образованіи и въ возвышеніи сельскаго хозяйства,—что можетъ быть разсматриваемо, какъ начало преобразованія государственнаго бюджета въ направленіи преимущественнаго вниманія къ культурно-хозяйственнымъ потребностямъ страны. Этотъ мотивъ побудилъ заняться даннымъ предметомъ автора разсматриваемаго нами труда, поставившаго себѣ задачей именно выяснить, „какимъ вышелъ нашъ государственный расходный бюджетъ изъ испытаній войны и революціи“. Выходъ рисуется не особенно блестящимъ: расходы обороны государства и поддержанія въ немъ порядка превышаютъ расходы культурно-хозяйственнаго характера почти въ четыре раза; но если принять во вниманіе, что немного лѣтъ тому назадъ отношеніе между тѣми и другими равнялось 5 : 1, то—хотя значительная доля приращенія расходовъ культурно-хозяйственнаго характера (26 мил. р. изъ 126 мил. р.) падаетъ на землеустройство, главнымъ мотивомъ котораго служатъ, пожалуй, политическія, а не

хозяйственныя цѣли—слѣдуетъ все-таки заключить, что нашъ расходный государственный бюджетъ сдвинулся съ мертвой точки. Картина этого движенія, равно какъ и другія измѣненія въ расходномъ бюджетѣ, вполнѣ общедоступно, несмотря на обиліе цифръ, нарисована въ интересной книжкѣ г. Кованько, снабженной многими поясните льными діаграммами.

— А. Финнъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи. Спб., 1911. Ц. 3 р. 50 к.

Книга г. Финнъ-Енотаевскаго заслуживаетъ вниманія читателя уже потому, что спеціально посвящена темѣ, не перестающей служить постояннымъ предметомъ обсужденія въ ученыхъ обществахъ, литературѣ и т. д. и предметомъ заботъ различныхъ правительственныхъ и частно-промышленныхъ учрежденій. Сама по себѣ книга эта интересна во многихъ отношеніяхъ. Авторъ не только сводитъ въ ней и разрабатываетъ данныя о различныхъ отдѣлахъ и отрасляхъ нашей экономической жизни, но и пытается освѣтить процессъ экономической эволюціи Россіи съ опредѣленной точки зрѣнія и выяснить „ближайшія перспективы нашего капитализма“ или—выражаясь общѣе—нашего экономическаго развитія.

Фактически исторія промышленнаго состоянія Россіи за двадцатилѣтіе, охватываемое авторомъ (1890—1910 гг.), сама по себѣ очень незамысловата и всѣмъ извѣстна; въ первое десятилѣтіе этого періода — подъ вліяніемъ усиленнаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ — индустрія сдѣлала значительный шагъ впередъ; во второе десятилѣтіе она находилась въ угнетенномъ состояніи. Въ такомъ видѣ рисуется эта исторія и въ разсматриваемомъ сочиненіи. Научное констатированіе этихъ явленій нетрудно, потому что крупная промышленность составляетъ предметъ вниманія правительственныхъ и промышленныхъ учрежденій, и главнѣйшія ея стороны подвергаются правильной оффиціальной регистраціи, а полученныя данныя—оффиціальной же сводкѣ и разработкѣ. Иное слѣдуетъ сказать о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, главнымъ дѣятелемъ котораго является милліоны мелкихъ производителей. Здѣсь переплетается множество разнообразныхъ, взаимно противорѣчивыхъ вліяній и процессовъ, не поддающихся сколько-нибудь полной регистраціи, а констатируемыхъ мѣстными, далеко не повсемѣстно произведенными и мало еще привлекающими вниманіе ученыхъ изслѣдованіями. Уже въ силу указанныхъ причинъ, авторъ сочиненія, подводящаго экономическіе итоги, склоненъ отдавать больше вниманія индустріи, а не сельскому хозяйству. Въ особенности это относится къ тому, кто, подобно г. Финну-Енотаевскому, обольщенъ успѣхами капитализма на Западѣ и, хотя не держится прежняго мнѣнія русскаго неомарксизма о быстромъ

развитіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ капиталистическихъ отношеній, но полагаетъ, что даже при полной реорганизаціи нашихъ поземельныхъ отношеній и созданіи „свободнаго, крѣпкаго массоваго крестьянскаго хозяйства“ будетъ „открытъ широкій путь для развитія капитализма... въ сельскомъ хозяйствѣ“ (стр. 420). Нечего, поэтому, удивляться, что авторъ разсматриваемаго труда удѣляетъ больше вниманія индустріи, чѣмъ сельскому хозяйству.

Что касается освѣщенія явленій нашей экономической жизни и „ближайшихъ перспективъ нашего капитализма“, то г. Финнъ-Енотаевскій утверждаетъ, что русское народное хозяйство заключаетъ въ себѣ два теченія: прогрессивное, капиталистическое въ области промышленности, и регрессивное, докапиталистическое—въ сельскомъ хозяйствѣ. Процессы, совершающіеся въ области сельскаго хозяйства, авторъ называетъ „докапиталистическими“ не только потому, что тамъ еще сохранилось многое отъ дореформенныхъ временъ, но и потому, что капиталъ въ деревнѣ „дѣйствуетъ преимущественно въ старыхъ докапиталистическихъ формахъ: купеческаго и ростовщическаго“ (стр. 512). Итакъ, наши, напр., коммерческіе банки, принимающіе такое живое участіе въ хлѣбной торговлѣ, низведены авторомъ на положеніе докапиталистическаго фактора; и эта операція продѣлывается для того, чтобы не компрометировать „настоящій“ промышленный нашъ капитализмъ явленіями упадка сельскаго хозяйства вообще, крестьянскаго хозяйства въ частности, развивавшимися параллельно успѣхамъ перваго, и получить благовидное объясненіе факту весьма слабаго движенія, если не полнаго застоя самой индустріи послѣ того, какъ правительство приопустило поддерживающую его руку. Застой этотъ приписывается авторомъ не худосочію русскаго капитализма самого по себѣ, а обѣднѣнію сельскаго населенія—за отсутствіемъ внѣшняго сбыта его продуктовъ, — составляющаго „важнѣйшій рынокъ для молодого промышленнаго капитализма“ (стр. 512). Этимъ замѣчаніемъ авторъ переноситъ насъ въ тотъ періодъ экономической исторіи, когда усовершенствованіе крупной индустріи достигалось на счетъ уничтоженія кустарныхъ промысловъ, приготовлявшихъ предметы внутренняго потребленія. Періодъ этотъ въ Западной Европѣ уже прошелъ, и преуспѣвающія капиталистическія націи раскинули свои сѣти на иностранныхъ потребителей, а „молодой промышленный капитализмъ“ Германіи сдѣлался даже опаснѣйшимъ соперникомъ на внѣшнихъ рынкахъ болѣе зрѣлыхъ его сосѣдей. Русскій капитализмъ освобождается г. Финнъ-Енотаевскимъ отъ такого шага, естественнаго послѣ того, какъ онъ разгромилъ мелкое производство внутри страны, а завоеваніе внѣшняго рынка возлагается имъ на крестьянское хозяйство (предварительно преобра-

зованное согласно рецепту того направленія, къ которому принадлежитъ авторъ), поднимающее — при помощи внѣшняго сбыта своихъ произведеній—благосостояніе сельскаго населенія, и создающее такимъ образомъ какъ-бы дополнительный „почтенный рынокъ для промышленнаго капитала“ (стр. 410). Примкнувъ этимъ предположеніемъ къ числу тѣхъ русскихъ экономистовъ, которые давно указывали на различіе въ условіяхъ, а черезъ то и въ результатахъ промышленнаго развитія Россіи и Западной Европы, и пытались отыскать цѣлесообразные пути прогрессивной экономической эволюціи нашей страны, авторъ, однако, ничего не сдѣлалъ для научнаго обоснованія своей конкретной мысли, не объяснилъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, возможно ли въ капиталистической странѣ, притомъ съ почвою, истощенной зерновой культурою, основать благосостояніе сельскаго населенія на дальнѣйшемъ развитіи зернового хозяйства (если авторъ ручается за обезпеченный для насъ экспортъ хлѣба); соотвѣтствуетъ ли даже условіямъ развитія товарнаго хозяйства преобладаніе зерновой культуры на почвахъ, плодородіе коихъ должно поддерживаться искусственно; таковы ли размѣры внѣшняго рынка для другихъ сельскохозяйственныхъ произведеній, чтобы на немъ можно было основать преобразованіе сельскаго хозяйства не крошечной Даніи, а обширной Россіи; и если внѣшній рынокъ для того достаточенъ, то какими средствами обладаетъ Россія для того, чтобы изгнать Данію съ маслянаго рынка, Канаду—съ сырнаго, Германію—съ сахарнаго и т. д. и использовать весь этотъ рынокъ въ интересахъ собственнаго хозяйства. Безъ опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы и безъ разъясненія вообще того, какими питательными источниками обезпечивается широкое распространеніе капиталистической промышленности въ Россіи, нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ наша страна въ экономическомъ, культурномъ и, пожалуй, даже политическомъ отношеніяхъ вдвинется въ ряды настоящихъ цивилизованныхъ государствъ міра. Будемъ надѣяться, что на разъясненіе этой именно стороны экономической эволюціи Россіи будетъ обращено должное вниманіе и г. Финнъ-Енотаевскаго, и другихъ русскихъ экономистовъ.—В. В.

— В. К. Дмитріевъ. Критическія изслѣдованія о потребленіи алкоголя въ Россіи. Съ предисловіемъ П. Б. Струве и 4-мя діаграммами. Ц. 3 руб. М., 1911 г.

Въ нашей общей повременной прессѣ и въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ ростъ душевого потребленія алкоголя неоднократно приписывался возрастанію народнаго благосостоянія, и самое колебаніе уровня потребленія объяснялось въ связи съ колебаніями урожайности и съ измѣненіемъ высоты акцизнаго обложенія спирт-

ныхъ напитковъ. Сторонники такого взгляда, считая деревенское населеніе главнымъ потребителемъ у насъ алкоголя, склонны—вмѣсто многихъ моментовъ, въ своей совокупности опредѣляющихъ размѣры потребленія,—выдвигать только тѣ измѣненія, которыя наблюдаются въ укладѣ деревенской жизни. Такое упрощенное воззрѣніе, считающееся лишь съ одной стороной народно-хозяйственной жизни страны, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Опроверженію его посвящена недавно вышедшая интересная книга г. Дмитріева.

Изслѣдованіе г. Дмитріева состоитъ изъ двухъ частей: критическаго разбора данныхъ нашей алкогольной статистики и объясненія динамики душевого потребленія алкоголя. Сопоставленіемъ данныхъ о движеніи душевого потребленія алкоголя съ данными о высотѣ урожайности авторъ доказываетъ, что неурожайные годы сплошь и рядомъ отражаются на размѣрахъ душевого потребленія алкоголя почти такъ же, какъ и годы особо урожайные. И даже болѣе того: въ годы недорода, при извѣстныхъ условіяхъ, потребленіе алкоголя нерѣдко усиливается еще болѣе интенсивно, чѣмъ въ высокоурожайное время. Не рискуя утверждать, что колебанія урожаевъ проходятъ совершенно безслѣдно для размѣровъ душевого потребленія спиртныхъ напитковъ, авторъ ограничивается формулированіемъ слѣдующаго тезиса: вліяніе высоты урожаевъ на размѣръ душевого потребленія алкоголя настолько незначительно по сравненію съ дѣйствіемъ другихъ существенныхъ факторовъ, что оно оказывается вполнѣ или почти вполнѣ парализованнымъ ими. Существенную поправку вноситъ авторъ также въ сужденіе о сдерживающемъ вліяніи, какое, будто бы, оказываетъ на размѣры потребленія алкоголя, повышеніе акцизнаго обложенія спирта. Нѣсколько преувеличивая значеніе своихъ выводовъ и порой впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, г. Дмитріевъ приходитъ даже къ отрицанію непосредственной зависимости цѣны алкоголя отъ спроса на него со стороны потребителей (стр. 129). Только *значительное* повышеніе акцизнаго обложенія,—полагаетъ авторъ,—взятое въ совокупности съ дѣйствіемъ цѣлаго ряда другихъ факторовъ, способно существенно отразиться на высотѣ потребленія; всякое же удорожаніе спиртныхъ продуктовъ, не превосходящее опредѣленной величины, остается безъ ощутительнаго вліянія на размѣры алкогольнаго спроса. Основнымъ моментомъ, вліяющимъ на размѣры потребленія алкоголя въ Россіи, г. Дмитріевъ считаетъ отнюдь не колебанія урожайности, а тѣ періодическія колебанія, которыя наблюдаются въ промышленной жизни страны. Увеличеніе душевого потребленія алкоголя находится въ непосредственной, прямой зависимости отъ роста промышленнаго капитализма; всякое усиленіе отлива деревенскаго населенія въ городскіе индустріальные центры неизбѣжно сопровождается повышеніемъ по-

требленія алкоголя. Это повышеніе наблюдается какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отливъ деревенскаго населенія въ города происходитъ одновременно съ возрастаніемъ платежныхъ силъ населенія, такъ и тогда, когда общій доходъ народа сокращается (напр. въ неурожайные годы). Основной выводъ своего изслѣдованія г. Дмитріевъ резюмируетъ слѣдующими словами: „Рѣшающимъ моментомъ, опредѣляющимъ у насъ уровень потребленія въ странѣ алкоголя, является не „Господинъ Урожай", а,—ужъ если употреблять образное выраженіе,—„Господинъ Капиталъ": всякое торжество капитала, всякое распространеніе его власти на новыя массы крестьянъ, вышедшихъ,—по своей ли волѣ, или въ силу необходимости,—изъ-подъ „власти земли", отражается на уровнѣ душевого потребленія алкоголя повышеніемъ этого уровня, *какъ бы при этомъ ни складывались прочія обстоятельства* (курсивъ автора),—въ томъ числѣ и результаты урожая; на оборотъ, всякая остановка въ поступательномъ движеніи капитализма, а тѣмъ болѣе попятное его движеніе,—хотя бы лишь временное, подъ вліяніемъ кризиса,—вызываетъ застой въ потребленіи алкоголя, или даже паденіе средняго уровня его потребленія въ странѣ" (стр. XII).

Предлагаемая авторомъ теорія, цѣнная какъ реакція противъ установившихся шаблонныхъ взглядовъ, въ свою очередь не свободна отъ крайностей и апріорныхъ сужденій. Авторъ доходитъ до „перегибанія палки" въ обратную сторону и ставитъ изслѣдуемое имъ явленіе въ зависимость *исключительно* отъ измѣненій, происходящихъ въ промышленно-капиталистической жизни. Внеся много цѣннаго въ изученіе вопроса о нашемъ „національномъ недугѣ", г. Дмитріевъ не далъ, однако, прямого, объективнаго объясненія колебаній спроса на алкоголь. Несмотря на указанные недостатки, книга г. Дмитріева, представляется весьма цѣнной и принадлежитъ къ числу лучшихъ трудовъ по данному вопросу.—З. Либманъ.

— Эбинезеръ Говардъ (Ebenezer Howard). Города будущаго. Перевелъ съ англійскаго А. Ю. Блохъ. С.-Петербургъ. 1911 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Ростъ большихъ городовъ, представляющій одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій XIX-го вѣка и продолжающійся безпрерывно и теперь, уже давно приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ изслѣдователей общественной жизни и внушаетъ серьезныя опасенія за будущія судьбы цивилизованнаго человѣчества. Къ чему можетъ привести скопленіе большихъ массъ населенія на ограниченномъ пространствѣ? Больше всего этотъ вопросъ озабочиваетъ англичанъ, съ ихъ быстро растущими городами и съ гигантомъ-Лондономъ, вмѣщающимъ теперь уже свыше 5 мил. людей. „Мысль о Лондонѣ,—сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей лордъ Розбери,—не вызываетъ во мнѣ никакой гордости...

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ замѣчательный англичанинъ, Коббетъ, назвалъ его наростомъ. Если онъ тогда уже былъ наростомъ, то чѣмъ онъ сталъ теперь? Проказою, всасывающею въ свое переполненное чрево половину жизни, крови и богатства деревенской части страны". „Наша страна, — говоритъ другой англичанинъ,—постепенно дѣлается страной большихъ городовъ... Говорятъ, что большіе города имѣютъ тенденцію превращаться въ могилы національной силы. Развѣ можно удивляться этому, когда мы видимъ, въ какомъ ужасномъ состояніи находятся дома, какъ они зловонны, плохо осушены, заброшены, грязны".

Большинству изслѣдователей тяготѣніе къ городамъ представляется явленіемъ неизбѣжнымъ, роковымъ; по ихъ мнѣнію остается только прилагать усилія къ тому, чтобы возможно лучше разрѣшить въ гигіеническомъ смыслѣ задачу размѣщенія большого количества людей на маленькомъ пространствѣ. Они полагаютъ, что, по сравненію съ деревней, городъ представляетъ такую притягательную силу во всѣхъ отношеніяхъ, что бороться противъ этого безполезно. Иначе смотритъ на дѣло авторъ разсматриваемой нами книги, которой предшествовала оставшаяся незамѣченной вышедшая въ 1896 г. въ Лейпцигѣ книга Т. Фритча: „Городъ будущаго". На англійскомъ языкѣ книга Гоуарда появилась впервые въ 1898 г.; второе и послѣднее ея изданіе вышло въ 1902 г. и съ тѣхъ поръ книга успѣла уже дать практическіе результаты. Городъ, по мнѣнію автора, можно разсматривать, какъ магнитъ, каждаго человѣка—какъ иглу. Каковы-бы ни были причины скопленія населенія въ городахъ, всѣ онѣ могутъ быть обобщены подъ названіемъ „силы притяженія" („attraction"). Съ этой точки зрѣнія очевидно, что естественное и здоровое перераспредѣленіе населенія можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если будутъ созданы новые магниты съ большею силой притяженія, чѣмъ притяженіе современныхъ городовъ. Городъ и деревня должны сочетаться воедино. Отъ этого радостнаго единенія—говоритъ авторъ—родятся новыя надежды, новая жизнь, новая цивилизація. Долженъ быть созданъ городъ-садъ, который соединитъ въ одно кажущееся несоединимымъ—городъ и деревню—и дастъ не только лучшія гигіеническія условія жизни, но и болѣе совершенныя соціальныя формы. Книга Гоуарда привлекла къ себѣ общественное вниманіе, чѣмъ авторъ воспользовался для дальнѣйшей агитаціи въ пользу своей идеи. Переводчикъ книги, личный другъ автора, въ предисловіи сообщаетъ о результатахъ, достигнутыхъ Гоуардомъ до настоящаго времени. Черезъ годъ послѣ появленія книги образовалось „общество городовъ-садовъ", занявшееся пропагандой идей Гоуарда и издающее свой ежемѣсячникъ. Далѣе образовалась акціонерная компанія подъ названіемъ „общество перваго

города-сада", выпустившая акціи. Получился акціонерный капиталъ въ 1.741.970 руб.; приблизительно такая-же сумма была собрана облигаціоннымъ и другими займами. Въ 1904 г. общество приступило къ закладкѣ перваго города-сада на 3.818 акрахъ земли, расположенной между Лондономъ и Кэмбриджемъ. Городъ Лечвортъ—такъ названъ первый городъ-садъ—построенъ по самымъ строгимъ требованіямъ современной санитаріи и гигіены и окруженъ обширнымъ сельско-хозяйственнымъ поясомъ, который не можетъ быть использованъ подъ городскія постройки. Городъ имѣетъ водо-и газопроводы, прекрасныя дороги и улицы, канализацію; разсчитанъ онъ на 30.000 жителей, и большее число жителей не должно быть допущено. Вся земля составляетъ общественную собственность и принадлежитъ акціонерной кампаніи. Къ 30-му сентября 1904-го года городъ имѣлъ 400 жителей, 36 построекъ на сумму 120.000 рублей, а 30-го сентября 1910-го года жителей было 7.000, построекъ, въ томъ числѣ фабрикъ и заводовъ, 1.334, на сумму 4.045.000 руб. Гоуардъ предусматриваетъ случай, когда населеніе города-сада перешагнетъ за намѣченную имъ цифру въ 30 тыс.: тогда надо приступить къ постройкѣ по близости, сохраняя однако сельско-хозяйственную черту, слѣдующаго города; надо создать группу городовъ-садовъ. Увлеченный идеей созданія городовъ-садовъ и уничтоженія „магнитовъ"—старыхъ большихъ городовъ, Гоуардъ не удѣляетъ въ своей книгѣ вниманія возникшему подъ вліяніемъ его проповѣди стремленію улучшать и оздоровлять существующіе города, устраивать пригороды-сады, отводить мѣсто въ городахъ подъ парки, дѣтскія площадки и т. д. Всѣ эти улучшенія способствуютъ укрѣпленію того, что, по его мнѣнію, должно быть уничтожено.

Подъ вліяніемъ идей Гоуарда возникло въ Германіи съ успѣхомъ дѣйствующее общество „Deutsche Gartenstadt-Gesellschaft", организующее ежегодныя поѣздки въ Англію для изученія успѣховъ жилищнаго дѣла.

Слишкомъ недавно возникло новое движеніе, созданное Гоуардомъ, чтобы можно было съ положительностью высказаться о томъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ новой соціальной утопіей или съ идеей, которой дѣйствительно суждено освободить человѣчество отъ ужасовъ нынѣшнихъ большихъ городовъ и ввести его въ царство гармоническаго единенія природы со всѣми пріобрѣтеніями современной культуры.

Во всякомъ случаѣ мысли Гоуарда заслуживаютъ всякаго вниманія, въ особенности у насъ, у которыхъ пока имѣется только незначительное число большихъ городовъ, почти совершенно уже, съ точки зрѣнія Гоуарда, испорченныхъ, и большое число такихъ поселеній, гдѣ идеи Гоуарда, могутъ найти приложеніе съ самаго начала, безъ

той ломки, которую придется рано или поздно пережить всѣмъ большимъ городамъ.—В. Б—ъ.

— Jacques Rambaud. Naples sous Joseph Bonaparte. Парижъ, 1911.

Жакъ Рамбо, сынъ извѣстнаго историка Альфреда Рамбо, сдѣлалъ предметомъ своего обширнаго труда исторію царствованія въ Неаполитанскомъ королевствѣ старшаго брата Наполеона I, Іосифа, переведеннаго впослѣдствіи съ неаполитанскаго престола на испанскій. Царствованіе это было недолгое, съ 1806 по 1808 г.; между тѣмъ его исторіи посвященъ очень объемистый томъ, что указываетъ на обстоятельность, съ какою Рамбо изслѣдовалъ свой предметъ. Авторъ превосходно овладѣлъ литературою по неаполитанской исторіи и по наполеоновской эпохѣ, которую онъ перечисляетъ на двухъ съ половиною десяткахъ страницъ; но кромѣ того онъ пользовался большимъ количествомъ источниковъ архивныхъ, неизданныхъ, причемъ въ его распоряженіи были сокровища архивовъ не только французскихъ, но и итальянскихъ и одного англійскаго. Онъ работалъ въ архивахъ, и въ Парижѣ, и въ Неаполѣ, и въ Палермо, и въ Римѣ и въ Лондонѣ. Такой трудъ, конечно, долженъ былъ писаться долгое время, и дѣйствительно предисловіе къ нему датировано двойной цифрой: 1903—1911. Это составляетъ восемь лѣтъ, т.-е. количество времени, превосходящее изученную авторомъ эпоху въ три-четыре раза.

Въ общемъ журналѣ не стоило бы отмѣчать появленіе этого спеціальнаго труда, который у насъ, конечно, возьмутъ въ руки лишь немногіе читатели, если бы онъ не представлялъ и общій интересъ. Наполеоновская эпоха есть особый періодъ времени не только въ исторіи Франціи, но и всей Европы въ началѣ XIX в., притомъ не только по отношенію къ международной политикѣ, но и по отношенію къ политикѣ внутренней. Для Западной Европы Наполеонъ I былъ продолжателемъ французской революціи на болѣе широкой аренѣ, и его эпоха не можетъ быть понята безъ детальнаго изученія тѣхъ перемѣнъ, которыя въ разныхъ странахъ происходили подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей и учрежденій наполеоновской эпохи, во многихъ отношеніяхъ бывшей продолженіемъ французской революціи. Одною изъ странъ, на исторіи которыхъ въ началѣ XIX в. можно прослѣдить внутреннюю эволюцію государства и общества въ эти годы, является Неаполитанское королевство. Рамбо не только разсказываетъ дипломатическую и военную исторію временъ перехода Неаполитанскаго королевства къ брату Наполеона и его тамъ царствованія, но излагаетъ также и внутреннія въ немъ перемѣны, посвящая цѣлыя главы финансовому положенію, административной ре-

формѣ, отмѣнѣ феодализма, экономическому состоянію народа, культурнымъ начинаніямъ, общественному настроенію и т. п. Это—полная картина внутренней жизни Южной Италіи въ первые годы владычества Наполеонидовъ и тѣхъ перемѣнъ, которыя за это время были въ ней произведены по французскому образцу. Отмѣчу еще желаніе автора быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ событій и отношеній, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи страны при дѣятельномъ участіи со стороны его собственной націи.

Другая причина, заставившая пишущаго эти строки обратить вниманія русскихъ читателей на книгу Рамбо, заключается въ томъ, что въ дипломатическихъ ея отдѣлахъ рѣчь нерѣдко заходитъ и о внѣшней политикѣ Россіи въ эту эпоху. Въ англо-русскомъ проектѣ коалиціи противъ Наполеона I, составленномъ въ 1805 г., Неаполю было отведено извѣстное мѣсто, но Россія потомъ предоставила это государство его собственной участи. Въ неаполитанскіе годы Іосифа Бонапарта разыгрались событія, приведшія къ Тильзиту; въ это же время Россія примкнула къ континентальной системѣ. Русскому историку внѣшней политики Александра I нельзя будетъ не справляться съ трудомъ Рамбо, въ которомъ многое основано на неизданныхъ источникахъ. Правда, непосредственныхъ отношеній между Россіей и Неаполемъ въ эти годы почти не существовало; но конечно, не одни только эти отношенія важны. Я отмѣчу, напримѣръ, враждебную Россіи турецкую политику Наполеона, въ которой Неаполитанское королевство, столь близкое къ Балканскому полуострову, играло особую роль („Les négociations dans ces Balkans avaient aussi des fils à Naples“).

Къ книгѣ Рамбо приложены большая карта Неаполитанскаго королевства и геліогравюрный портретъ короля Іосифа. Какъ обстоятеленъ авторъ, можно видѣть и изъ того, что болѣе пяти страницъ въ его книгѣ заняты перечисленіемъ относящихся къ его предмету картъ, плановъ, видовъ, портретовъ, медалей.—Н. Карѣевъ.

— Dr. Etienne Burnet. Microbes et Toxins. (Bibliothèque de philosophie scientifique publ. par G. Le Bon). Пред. проф. И. И. Мечникова. Парижъ, 1911. Ц. 3 фр. 50 сант.

Серія учебниковъ, издаваемыхъ подъ редакціей извѣстнаго ученаго G. Le Bon'a, давно уже пользуется извѣстностью среди широкихъ круговъ публики, представляя рядъ легко написанныхъ и въ тоже время строго научныхъ трактатовъ по всевозможнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Съ тѣмъ бо̀льшимъ интересамъ можно встрѣтить въ этомъ изданіи книгу Burnet'a, затрагивающую одну изъ самыхъ животрепещущихъ областей современной біологіи и меди-

цины, именно область изученія „низшихъ организмовъ", извѣстную подъ общимъ именемъ микробіологіи. Трудно указать другую отрасль знанія, въ которой за послѣднія 10—15 лѣтъ было бы достигнуто столько успѣховъ и которая привлекала бы къ себѣ такой общій интересъ, какъ въ прикладномъ, такъ и въ теоретическомъ и философскомъ отношеніяхъ. Главнымъ предметомъ изученія являются въ микробіологіи важнѣйшіе факторы экономіи природы: гніеніе, броженіе и зараза, въ частности—борьба съ болѣзнетворными началами. Немаловажнымъ препятствіемъ для бо̀льшей популяризаціи этой области знанія является разносторонность захватываемыхъ ею областей и вопросовъ и необходимость быть ознакомленнымъ съ самыми различными, на первый взглядъ имѣющими мало общаго другъ съ другомъ, науками, какъ ботаника, энтомологія, физіологія, медицина, химія, агрономія. Этимъ объясняется весьма незначительное количество руководствъ, пытающихся охватить болѣе или менѣе полно область всей микробіологіи и въ тоже время доступныхъ для неспеціалистовъ. Почти всѣ сочиненія или учебники этого рода или односторонни, или же не могутъ быть названы популярными. Такъ, весьма цѣнное руководство нашего проф. Омелянскаго—„Основы микробіологіи"—почти исключительно обращаетъ вниманіе на роль бактерій, нѣмецкій курсъ протозоологіи Daflein'a—лишь на простѣйшихъ (Protozoa), въ частности на патогенныхъ; такія же обширныя сочиненія, какъ напр. трактатъ объ иммунитетѣ Kraus'a и Levaditi, помимо чисто прикладнаго медицинскаго характера своего, являются уже совершенно недоступными для начинающихъ. Разсматриваемое сочиненіе французскаго автора отличается именно полнотой и въ тоже время доступностью для большого круга читателей. Въ книгѣ Burnet'a каждой затрагиваемой ею области предпосылается краткій историческій обзоръ, такъ что читателю легко разобраться въ разработкѣ и развитіи всякаго отдѣльнаго вопроса. Послѣ обзора всѣхъ „низшихъ организмовъ" вообще и спеціальнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ возбудителей инфекціонныхъ болѣзней, какъ изъ области бактеріологіи, такъ и изъ области протозоологіи, авторъ болѣе половины книги посвящаетъ особенно важной, но наименѣе знакомой широкой публикѣ области—ученію объ иммунитетѣ, о борьбѣ организма съ выдѣляемыми болѣзнетворными ядами или токсинами. Въ этой области, первоначально чисто медицинской, уже давно сдѣланы важныя открытія, истинное философское значеніе которыхъ стало ясно, однако, лишь за послѣднее десятилѣтіе, когда съ этими открытіями познакомились и біологи. Въ данномъ случаѣ авторъ, какъ ученикъ Пастёровскаго института, строго придерживается направленія, выработаннаго столпами этого учрежденія—Пастёромъ и Мечниковымъ, подробно излагая, опять-таки въ истори-

ческомъ порядкѣ, ученіе о фагоцитозѣ, о токсинахъ, о химическихъ и физическихъ теоріяхъ иммунитета. Меньше вниманія, поэтому, удѣлено имъ другой теоріи—„боковыхъ цѣпей“ Эрлиха, и всему тому направленію въ изученіи иммунитета, которое дается нѣмецкой теоріей. Болѣе конкретные факты, какъ вліяніе туберкулина, органическихъ ядовъ, понятіе о вакцинѣ, леченіе сыворотками и т. п., разсмотрѣны весьма подробно.

Интересъ минуты представляетъ, конечно, послѣдняя, пятнадцатая глава книги, такъ какъ она излагаетъ еще очень молодое направленіе въ медицинѣ и микробіологіи—химіотерапію, кульминаціоннымъ пунктомъ которой является столь скоро ставшій знаменитымъ препаратъ 606 Эрлиха.

Популярное изложеніе, хорошіе рисунки и весьма удачно составленный планъ трактата облегчаютъ чтеніе книги Burnet'a, предисловіе же такого ученаго, какъ Мечниковъ, служитъ достаточной гарантіей научныхъ ея достоинствъ.—А. Щ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги:

Анучинъ, В.—Разсказы сибиряка. Спб., 1911 г. Цѣна 15 коп.

Бергсонъ, Анри.—Матерія и память. Переводъ съ французскаго А. Баулеръ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бербенко, К.—Черна гора и черногорцитъ. София, 1911 г.

Бертинъ, М.—Жить нужно. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Бондарь, О. Д.—Адвентизмъ 7-го дня. Спб., 1911 г.

Бородинъ, Н. А.—Рыболовство и рыбоводство въ Россіи. Спб., 1911 г. Цѣна 25 коп.

Вагнеръ, Рихардъ.—Томъ I. Мемуары. Т. IV. Письма, дневники, обращеніе къ друзьямъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Л. Волынскаго. Спб., 1911 г.

Вересаевъ, В.—Живая жизнь. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Витмеръ, Александръ.—„Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ“. (Воспоминанія). Спб., 1910 г. Цѣна 45 коп.

Вѣтринскій, Ч.—Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ. Нижній Новгородъ, 1911 г. Цѣна 5 коп.

——— Л. Н. Толстой. Очеркъ жизни и дѣятельности. Изд. 4-е. Нижній-Новгородъ, 1911 г. Цѣна 5 коп.

Галеви, Даніэль.—Жизнь Фридриха Ницше. Пер. съ франц. А. Н. Ильинскаго, подъ ред. В. Н. Сперанскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Григорьевъ, Г.—Курсъ физики. Часть II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Джемсъ, У.—Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія. Пер. съ англ. Б. Осипова и О. Румера подъ ред. Г. Г. Шпета. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Джеромъ, К. *Джеромъ*.—Избранные разсказы. Книга первая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Дирофъ, Адольфъ.—Психологія въ общедоступномъ изложеніи. Пер. съ

нѣм. подъ ред. и съ предисловіемъ Н. Самсонова. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Дмитріевъ, В. К. — Критическія изслѣдованія о потребленіи алкоголя въ Россіи. Съ предисловіемъ П. Б. Струве. Москва, 1911 г. Цѣна 3 р.

Жиркевичъ, А. В. — Сонное царство великихъ начинаній. Вильна, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Закржевскій, Александръ.—Подполье. Психологическія параллели. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Закъ, Александръ Н. — Крестьянскій поземельный банкъ. 1883—1910. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Келтуяла, В. А.—Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть I. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Ковалевскій, П. И.—Отсталыя и нормальныя дѣти. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Коваленко, Олекса. — Спів соловья. III-й збірник поезій. Київ, 1911. Ціна 15 коп.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. — Заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Москва, 1911 г. Цѣна 3 р.

Коковцовъ, Д.—Вѣчный потокъ. Вторая книга стиховъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Кэтлэ. — Соціальная физика. Т. I. Переводъ подъ ред. А. Русова. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 2 р.

Лазаревскій, Борисъ.—Собраніе сочиненій. Т. II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Левинъ, Эмиль. — Новая теорія физическихъ явленій безъ электроновъ. Одесса, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Левитовъ, А. И.—Собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова. Томъ II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Лодыженскій, Ив. Н. — Сочиненія. Т. I. Слабый человѣкъ. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Лукьяновъ, П.—„Фабрикантъ-революціонеръ". Спб., 1911 г.

Максимовъ, И. Г.—Систематическое чтеніе по словесности. Опытъ библіографическаго указателя для юношества. Тифлисъ, 1911 г. Цѣна 90 коп.

Мачтетъ, Г. А. — Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Д. П. Сильчевскаго. Томъ II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Милюковъ, П. Н. — Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Михель, Робертъ. — Полковникъ Полетаевъ. Драматическій эпизодъ въ одномъ актѣ изъ русско-японской войны. Парижъ, 1911 г. Цѣна 1 франкъ 50 сант.

Мопассанъ-де, Гюи. — Полное собраніе сочиненій. Томъ XIV. Цѣна 1 р. 25 коп. Т. XX. Цѣна 1 р. Спб., 1911 г.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.—Собраніе сочиненій. Т. IV и V. Впередъ. Историческій романъ. Спб., 1911 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Неткачевъ, д-ръ мед. — Новый психологическій методъ лѣченія заиканія и его противники. Москва, 1911 г.

Нечаевъ, А. П.—Въ мірѣ брызгъ и пѣны. Спб., 1911 г. Цѣна 25 коп.

——— Пять дней въ лодкѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Никифоровъ, Н. И., *Рутковичъ*, Н. П. и *Евстафьевъ*, В. Н., студенты университета св. Владиміра.—Наказы третьяго сословія въ 1789 г. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Нольде, Б. Э., баронъ. — Очерки русскаго государственнаго права. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Петровъ, В.—Обязательность обученія. Москва, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Примуко-Прилуцкій, Н. Г.—Корифеи русскаго слова. Вып. I. Ломоносовъ, Жизнь и творчество. Варшава, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Ришпенъ, Жакъ.—Тина. Парижъ, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Ролланъ, Роменъ.—Жанъ-Кристофъ. II. Утро. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Рославлевъ, Александръ. — Разсказы. Книга 1-ая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Русовъ, Н. Н.—Отчій домъ. Романъ. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Сафиръ.—Избранные разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сетонъ-Томпсонъ, Э.—Кенгуровая крыса. Пер. съ англ. Спб., 1911 г. Цѣна 15 коп.

——— По слѣду оленя песочной горы. Пер. съ англ. Спб., 1911 г. Цѣна 18 коп.

——— Жизнь сѣраго медвѣдя. Пер. съ англ. Спб., 1911 г. Цѣна 35 коп.

Сибирскій, Всеволодъ.—Стихотворенія. Томскъ, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Томпсонъ, Э. С. — Жизнь гонимыхъ. Пер. съ англ. М. А. Орлова. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Тулубъ, Зинаида.—Völuspo. Изъ „Старшей Эдды". Съ древне-исландскаго. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 35 коп.

Туркельтаубъ, И. — Заступникъ. Разсказъ для юношества. Одесса, 1911 г. Цѣна 7 коп.

Турыгина, Л.—Величайшіе иностранные писатели. Для юношества и самообразованія. Вып. I. Данте и Мильтонъ. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Трусмани, Георгій.—Летто-славянскіе элементы въ этрусскихъ надписяхъ. Ревель, 1911 г. Цѣна 1 р.

Ульяновъ, Н. А.—Указатель журнальной литературы. Вып. I. Москва, 1912 г. Цѣна 90 коп.

Филиппъ, Жанъ и *Бонкуръ*, Г. Поль.—Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Перев. съ франц. И. А. Балашева, подъ ред. В. Е. Игнатьева. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чупринко, Грицько. — Білий чарт. V-й збірник поезій. Київ, 1911. Ціна 15 коп.

Шевченко, Т.—Творн. Т. II. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Швейцеръ, Р. Э.—Гигіена грудного ребенка. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Эренбургъ И.—Я живу. Стихи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Эфруси, Е.—Исторія Россіи. Учебникъ и книга для чтенія. Москва, 1911 г.. Цѣна 90 коп.

Өемелиди, А. М.—В. Гюго, его литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. Изд. 2-ое. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Г. Сенкевичъ, его литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. Изд. 2-ое. Спб. 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Библіотека Л. Н. Толстого. Подъ ред. П. И. Бирюкова. № 3. О послѣднихъ дняхъ Л. Н. Толстого. В. Черткова. Цѣна 5 коп. № 4. У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни. Дневникъ В. Ѳ. Булгакова. Цѣна 50 коп. Москва, 1911 г.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ III. Очерки исторіи театра въ Зап. Европѣ и въ Россіи. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— „Гамаюнъ". Литературный сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясеній въ Семирѣченской области. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Извѣстія общества Толстовскаго музея. № 1. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

— Изданія „Посредника“. № 12. В. Савихинъ. Кривая доля. № 100. Л. Н. Толстой. Три смерти. № 229. Ч. Робертсъ. На далекую родину. № 230. Крѣпостныя дѣти. Очеркъ С. Дурилина. № 232. Ч. Робертсъ. Спасенный орелъ. № 240. С. Т. Семеновъ. Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ. № 389. Л. Н. Толстой. Вѣрьте себѣ. № 401. Красота и смерть. Сборникъ. № 437. С. Орловскій. Сказаніе о трехъ лиліяхъ. № 456. В. Рахмановъ. Бесѣда о томъ, какая отрава въ водкѣ, винѣ и пивѣ. № 488. Ѳ. Горностаевъ. Учительница. № 528. А. Хирьяковъ. Праздникъ Апюты. № 546. Н. Степаненко Передѣлъ. № 569. Житіе св. Варвара. № 637. Ѳ. Поступаевъ. Не дошелъ. № 733. Г. Сенкевичъ. Янко-музыкантъ. № 751. О безсмертіи. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. № 836. Дитя стрѣлочника. № 841. С. Т. Аксаковъ. Буранъ. № 843. П. Хотымскій. Добытчикъ. № 849. Воровъ сынъ. По Лѣскову Л. Н. Толстой. № 859. Бѣдные люди. По Виктору Гюго Л. Н. Толстой. № 851. Л. Н. Толстой. Ассирійскій царь Ассарходонъ. № 852. Л. Н. Толстой. Три вопроса. № 857. Л. Н. Толстой. Царь и соколъ. № 861. Л. Н. Толстой. Филиппокъ. № 864. Л. Н. Толстой. Царскій сынъ и его товарищи. № 866. Л. Н. Толстой. Подкидышъ. № 867. Л. Н. Толстой. Праведный судья. № 868. Л. Н. Толстой. Липунюшка. № 869. Л. Н. Толстой. Отчего зло на свѣтѣ. № 870. Л. Н. Толстой. Эскимосы. № 871. Л. Н. Толстой. Какъ дѣлаютъ воздушные шары. № 872. Л. Н. Толстой. Лисица и журавль. № 879. Л. Н. Толстой. Бѣлка и волкъ. № 872. Л. Н. Толстой. Старый дѣдъ и внучекъ. № 895 и др. Л. Н. Толстой. Путь жизни. Вып. 13, 15, 26, 27, 28. 29, 30. № 917. Л. Н. Толстой. На бойнѣ. „Маякъ“. № 6. „Свободное воспитаніе“, № 10. „Кругомъ свѣта“. Географическая хрестоматія. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь“. Книжка 4-ая. Проф. Ив. Поповъ. О крестьянской рабочей лошади. Книжка 40-ая. Сельскій скотолѣчебникъ. Книжка 44-ая. Деревенскій кузнецъ. Библіотека новаго воспитанія и образованія. Вып. XLIV. Руководство къ обученію рукодѣлію. Составила Гульда Люндинъ.—Сочиненія Л. Н. Толстого. № 364. Смерть Ивана Ильича. № 654. Въ чемъ счастье. № 696. Религія и нравственность. № 910. Стыдно. № 911. Къ вопросу о свободѣ воли. № 912. Современная наука. № 913. Ручной трудъ и умственная дѣятельность. № 914. Три притчи. № 923. О переписи въ Москвѣ. № 936. Чьи мы? О вѣрахъ. № 943. Кто правъ? № 964. Поликушка. Библіотека для дѣтей и юношества. № 7. Рождественская звѣзда. № 212. Эшнеръ. Вокругъ насъ. № 236. Е. Фортунатова и Л. Шлегеръ. Первые шаги. Азбука и первое чтеніе. № 410. Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о воздухѣ. № 544. Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о томъ, какъ устроено и работаетъ наше тѣло. № 565. Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о невидимыхъ существахъ.—Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Книжка 18-ая. Какъ сдѣлаться огородникомъ. Книжка 24-ая. Обработка земли. Книжка 26-ая. Чѣмъ и какъ можно удобрять землю, кромѣ навоза.—Библіотека новаго воспитанія и образованія. Вып. 63. Первый годъ обученія въ начальной школѣ. Вып. 61. Проф. Л. Гурлиттъ. Творческое воспитаніе. Вып. 62. В. Шениленъ. Природовѣдѣніе въ американской школѣ. Вып. 64. А. Ферръеръ. О новой школѣ. Вып. 65. Опытъ новой школы. Объ одной швейцарской школѣ. Вып. 66. Воспитаніе нравственно испорченныхъ дѣтей. Вып. 67. Передовыя школы Европы и Америки. № 747. Л. Л. Заменгофъ. Основы международнаго языка „Эсперанто“.

— Иллюстрированный каталогъ по Рижскому взморью. Спб. 1911 г.

— Историческій очеркъ развитія всеобщаго обученія въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Нижній-Новгородъ, 1911 г.

— Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Вып. I. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

— Русскій библіографическій словарь. Шебановъ-Шютцъ. Спб., 1911 г. Цѣна 5 р.

— Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 134-ый и 135-ый. Спб., 1911 г. Цѣна каждаго тома 3 р.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1910 г. Спб., 1911 г.

— Справочныя свѣдѣнія о сельскохозяйственныхъ обществахъ. Годъ первый. Часть I. Подъ ред. В. В. Морачевскаго. Спб., 1911 г.

— Экономически-статистическій сборникъ Московской уѣздной земской управы. Выпускъ I. Поселковая жизнь въ 1910 г. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

— 19 февраля 1911 г. Банкетъ печати. Рѣчи. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

— Роспись на лекциитѣ за зимното полугодие на 1911—1912 учебна година. София, 1911.

— Bulletin de la Société de géographie de Finlande. I et II. Atlas de Finlande pour 1910. Helsingfors, 1910—1911.

— Mémoires sur le contact des races communiqués au premier congrès universel des races tenu à l'université de Londres du 26 au 29 Juillet 1911. Londres, 1911.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Убитъ министръ—умеръ человѣкъ —Еще и еще о провокаціи и „сотрудничествѣ“.—Политическое предательство и сыскъ.—Изувѣрство.—Возрожденіе „слова и дѣла“.—Сборы и подписки съ патріотической цѣлью. — Кулачная расправа въ войскахъ.—Дѣло лейтенанта Перковскаго.—М. И. Драгомировъ о „мордобойствѣ“.—Новыя выступленія о. Иліодора.—Двадцатилѣтіе со дня смерти И. А. Гончарова.

Смерть уравниваетъ всѣхъ людей: монарха и послѣдняго подданнаго, богача и нищаго, всѣмъ извѣстнаго государственнаго или политическаго дѣятеля, великаго мыслителя или геніальнаго художника и никому невѣдомаго обывателя. Кѣмъ бы человѣкъ ни былъ при жизни, въ моментъ смерти онъ только человѣкъ. „Упокой Господи, душу усопшаго *раба* Твоего!“ — одинаково за всѣхъ умершихъ взываетъ церковь. И въ этомъ единомъ моленіи раскрывается глубокій трагизмъ жизни тѣхъ, кого высоко поднимаютъ надъ людской массой рожденіе или исключительныя дарованія, случайно или сложными комбинаціями внѣшнихъ обстоятельствъ и индивидуальныхъ данныхъ достигнутое право властвованія.

Наиболѣе глубокъ вскрываемый смертью трагизмъ жизни госу-

дарственнаго дѣятеля. Пока онъ живъ и работаетъ, человѣка въ немъ не видятъ и не хотятъ видѣть. Современная государственность, столѣтіями сложившаяся въ такія формы, въ которыхъ безгранично царитъ принципъ принужденія, ему ежечасно повторяетъ, что быть человѣкомъ онъ не имѣетъ права. Никто не хочетъ знать его внутренняго міра. Его любятъ или ненавидятъ, его превозносятъ или унижаютъ, но кто онъ, какъ человѣкъ—знать это никому не нужно. Отъ него отнимаютъ право отдаваться порывамъ души, — особенно когда эти порывы подсказываются тѣми чувствами, слушаться голоса которыхъ христіанство возвело въ нравственный долгъ. Не будетъ грубымъ преувеличеніемъ сказать, что личность государственнаго дѣятеля оцѣнивается постольку, поскольку онъ превозмогъ въ себѣ и съумѣлъ вытравить изъ себя человѣка. Только въ канунъ смерти и въ тѣ дни, когда еще не закрыта крышка гроба, его образъ встаетъ, какъ образъ человѣка. Потомъ — человѣкъ въ немъ снова забывается...

Пять слишкомъ лѣтъ центромъ вниманія всей Россіи былъ П. А. Столыпинъ — первый министръ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы многомилліоннаго населенія страны. Въ Столыпина, перваго министра, былъ сдѣланъ въ Кіевѣ стоившій ему жизни выстрѣлъ. Столыпинъ-министръ отнынѣ сталъ достояніемъ исторіи, и длинный рядъ поколѣній будетъ знать, изучать и разбирать его государственную дѣятельность. Но смертельную рану, въ лицѣ Столыпина-министра, получилъ Столыпинъ-человѣкъ. Ушелъ „за грань земного“ — рабъ Божій Петръ. И когда Столыпинъ-человѣкъ лежалъ въ больницѣ, когда его человѣческій организмъ боролся со смертью, когда, побѣжденное смертью, лежало въ незакрытомъ гробу его тѣло,—въ этотъ моментъ перехода за грань земного умирающій и только что умершій человѣкъ затмѣвалъ уходившаго и ушедшаго съ поста министра. Вспоминался Столыпинъ, мужественно встрѣчавшій личную опасность, искренній въ словахъ и рѣшительный въ дѣйствіяхъ. Вспоминались тѣ его качества, которыя и политическихъ противниковъ заставляли относиться къ нему, какъ къ человѣку, съ уваженіемъ. Вспоминались его рѣчи въ первой и второй Думѣ—не по ихъ содержанію, а по достоинству, которое онъ неизмѣнно сохранялъ, стоя на каѳедрѣ передъ враждебно настроенными противъ него народными представителями. Изъ его государственнаго прошлаго особенно живо вставалъ въ памяти тотъ моментъ, когда покушеніе на Столыпина-министра поразило ударомъ Столыпина-отца...

12-то августа 1906-го года взрывъ на министерской дачѣ на Аптекарскомъ островѣ былъ произведенъ террористами, надѣвшими на себя форму жандармскихъ офицеровъ. Выстрѣлъ 1-го сентября, въ кіев-

скомъ театрѣ, произвелъ террористъ во фракѣ, имѣвшій билетъ „сотрудника“ охраны. Въ обоихъ случаяхъ былъ обманъ. Но въ первомъ—обманъ грубый, внѣшній, тотъ обманъ, который былъ нуженъ задумавшимъ покушеніе, чтобы передъ ними раскрылись запертыя двери. Во второмъ былъ обманъ сложный, созданный системою охраны,—обманъ, исходившій отъ представителей полицейской власти, которые намѣревались поймать въ сѣти обмана террористовъ. Для Богрова не было запертыхъ дверей. Для него—„сотрудника“-предателя—всегда всѣ двери обѣихъ борющихся сторонъ были открыты. Сама полиція раскрыла ему двери театральнаго зала, гдѣ шелъ парадный спектакль въ Высочайшемъ присутствіи. Полицейская власть намѣренно ввела Богрова въ театръ, зная, что вся его недолгая жизнь была сплошнымъ предательствомъ и обманомъ. Она его для предательства и привела въ театръ. Предатель остался вѣренъ своей профессіи. Онъ обманулъ, но не тѣхъ, кого желалъ обмануть начальникъ охраннаго отдѣленія.

Г. Кулябко оправдывается теперь тѣмъ, что Богровъ былъ испытанъ въ предательствѣ. Газеты передавали, что въ засѣданіи военнаго суда, ссылаясь на „секретную книгу“ и рядъ записей о дѣятельности Богрова по политическому сыску въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, г. Кулябко будто бы заявлялъ: „Работа Богрова видна, онъ далъ охранному отдѣленію много цѣннаго матеріала. Какъ же послѣ этого было ему не вѣрить? Не посылать же на парадный спектакль въ театръ переодѣтаго городового. Это скомпрометировало бы охранное отдѣленіе“. Богровъ „въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“ былъ предателемъ тѣхъ, кто считали себя связанными съ нимъ политическою и революціонною связью. Отсюда г. Кулябко, а вмѣстѣ съ нимъ, повидимому, и г. Курловъ, дѣлали выводъ, что онъ неспособенъ быть предателемъ тѣхъ, кто ему платили деньги. Они были настолько убѣжденны въ вѣрности этого вывода, что не допускали ни малѣйшихъ сомнѣній, дабы не скомпрометировать охранное отдѣленіе.

Гдѣ лежитъ корень „сотрудничества“ и „внутренняго наблюденія“, какъ основъ политическаго сыска и полицейской охраны? Самостоятельно ли государственные органы выработали эти пріемы или заимствовали ихъ, и откуда? Немало приходилось въ послѣдніе годы выслушивать аргументовъ въ пользу „сотрудничества“. Сущность ихъ можно формулировать коротко: иначе нельзя бороться съ революціей вообще и съ революціоннымъ терроромъ въ особенности. Этимъ „иначе нельзя“ аргументировалась въ Думѣ перваго созыва „невозможность“ отмѣны смертной казни, а въ Думѣ третьяго созыва — неизбѣжная „необходимость“ азефовщины. Пусть революція навсегда откажется отъ террористическихъ дѣйствій — тогда и государство перестанетъ

строить висѣлицы. Терроръ государственный—противъ террора революціоннаго. Такъ въ отношеніи смертной казни низводится государство на уровень равноправія въ борьбѣ съ преступными посягательствами. Такъ же точно, въ отношеніи всѣхъ средствъ борьбы, государство освобождаетъ себя отъ обязанности отличать пріемы допустимые отъ недопустимыхъ, ибо этого различія не дѣлаютъ революціонныя организаціи, которымъ, въ существѣ, уподобились наши охранныя отдѣленія. Революціонныя организаціи всегда стремились и стремятся, въ цѣляхъ борьбы, проникнуть „внутрь“ охраны. „Охрана“ отвѣчаетъ тѣмъ же. Но если революціонныя организаціи сильнѣе охранныхъ отдѣленій идейнымъ подъемомъ и убѣжденностью руководителей и политическимъ фанатизмомъ исполнителей революціонныхъ дѣйствій, то охранныя отдѣленія, конечно, неизмѣримо сильнѣе всѣмъ тѣмъ, на почвѣ чего пышно расцвѣтаетъ предательство. Говорятъ, что революціонныя организаціи обладаютъ деньгами и широко ихъ тратятъ. Могутъ ли, однако, деньги, добытыя и добываемыя революціей, идти въ сравненіе съ средствами государственной казны? Говорятъ, что революціонныя организаціи вербуютъ исполнителей террористическихъ актовъ и заставляютъ быть предателями бывшихъ революціонеровъ, перешедшихъ въ „сотрудники“, путемъ угрозъ. Но что реальнѣе и что проблематичнѣе: угроза революціонной организаціи, или исходящее отъ охраннаго отдѣленія обѣщаніе свободы тому, кто уже ощущаетъ на шеѣ веревку? Даже смѣшно дѣлать эти сопоставленія. А между тѣмъ ихъ дѣлаютъ и на нихъ строятъ формулу: „иначе нельзя“.

Въ дѣлѣ сыска этически недопустимые пріемы не только претятъ нравственному чувству. Они приносятъ неисчислимый вредъ, и посредственный, и непосредственный. Неужели этого не доказалъ опытъ? Не будемъ говорить о живыхъ и изъ умершихъ о близкихъ къ намъ по времени руководителяхъ русскаго политическаго сыска. Вспомнимъ Судейкина. Безчисленный рядъ статей и замѣтокъ въ „Быломъ“ даетъ право говорить о немъ на основаніи твердо установленныхъ фактовъ. Кѣмъ онъ былъ и на чью пользу онъ работалъ, то направляя дѣятельность предателей, съ Дегаевымъ во главѣ, то будучи самъ направляемъ предателями? Способствовалъ ли онъ, въ концѣ концовъ, подавленію или развитію революціи? Гдѣ кончалось его служеніе дѣлу охраны и гдѣ начинались личныя честолюбивыя мечты? А надо помнить, что на пути провокаціи Судейкинъ дѣлалъ только первые робкіе шаги. „Сотрудничество“ Азефа началось на много лѣтъ позднѣе...

Въ „Русскомъ Словѣ“ была помѣщена корреспонденція со словъ „одного лица, ближе, чѣмъ кто-либо, стоящаго къ г. Кулябко“,—т.-е., надо полагать, со словъ его самого. Въ корреспонденціи раз-

сказывалось, что въ 1910-мъ году Богровъ уѣхалъ въ Петербургъ, и кіевское охранное отдѣленіе его не видало и не слыхало о немъ ничего до 26-го августа 1911-го года. „Въ этотъ день онъ явился къ подполковнику Кулябко и сообщилъ ему, съ разными деталями и подробностями, что неизвѣстные Николай Яковлевичъ и Нина Александровна готовятъ покушеніе. Богровъ объяснилъ Кулябко, что, какъ онъ понялъ изъ словъ „Николая Яковлевича", идетъ рѣчь о покушеніи на П. А. Столыпина и министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо". Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней г. Кулябко не видалъ Богрова. Утромъ 31-го августа Богровъ по телефону сообщилъ ему, что „Николай Яковлевичъ" пріѣхалъ въ Кіевъ и остановился у него, Богрова, и что у „Николая Яковлевича" два револьвера, а у пріѣхавшей съ нимъ „Нины Александровны"—бомба. Что обязанъ былъ немедленно сдѣлать г. Кулябко, по должности начальника охраннаго отдѣленія, если Богровъ пользовался его довѣріемъ? Думаемъ, что ни у одного частнаго лица не можетъ быть никакого сомнѣнія въ единственномъ возможномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: г. Кулябко долженъ былъ приложить безотлагательно всѣ свои силы для предотвращенія дальнѣйшаго развитія преступнаго намѣренія „Николая Яковлевича" и „Нины Александровны", т.-е. задержать перваго и принять мѣры къ розыску и недопущенію въ купеческій садъ, а на другой день въ театръ—второй. Вмѣсто этого, онъ, послѣ доклада гг. Курлову и Веригину, совершаетъ слѣдующее. Вокругъ дома, гдѣ жилъ П. А. Столыпинъ, ставитъ наружную охрану. Снабжаетъ Богрова билетами и въ купеческій садъ, и въ театръ, дабы Богровъ „не провалился" въ глазахъ революціонеровъ, которымъ обѣщалъ „изучить" примѣты П. А. Столыпина. Далѣе передъ спектаклемъ г. Кулябко спрашиваетъ Богрова: „не перерѣшили ли они"? Во время антракта—посылаетъ съѣздить и посмотрѣть, дома ли „Николай Яковлевичъ". Всѣ эти непонятныя и загадочныя, на первый взглядъ, дѣйствія и заботы становятся совершенно ясными, если вспомнить Судейкина. Г. Кулябко, очевидно, не хотѣлъ предотвратить покушеніе въ такихъ условіяхъ, при которыхъ никто не прокричалъ бы о его заслугахъ. Ему нужно было покушеніе, предотвращенное въ послѣдній моментъ, къ тому же во время парадного спектакля, на глазахъ П. А. Столыпина и въ Высочайшемъ присутствіи. Собесѣдникъ корреспондента „Русскаго Слова" такъ прямо и говорилъ: „Богровъ былъ допущенъ въ театръ, не для охраны П. А. Столыпина, а въ цѣляхъ провокаціи и захвата террористовъ".

„Богровъ состоялъ съ 1900-го года (онъ былъ въ то время студентомъ второго курса) „секретнымъ сотрудникомъ" кіевскаго охраннаго отдѣленія. Работалъ онъ чудно. Онъ „шелъ по анархистамъ". Благодаря ему, въ Кіевѣ не было партійно-революціонной дѣятель-

ности, а были лишь единичныя выступленія. Активной работы Богровъ не несъ: онъ былъ теоретикъ, т.-е. его дѣятельность состояла въ доносахъ. Исключительно благодаря ему разгромлены партіи анархистовъ-индивидуалистовъ, южныхъ интернаціональныхъ анархистовъ, выданы полиціи звѣзды анархизма, разгромлена группа максималистовъ въ Кіевѣ, Воронежѣ и Борисоглѣбскѣ. Благодаря Богрову, найдены у нихъ лабораторіи бомбъ и снаряды. Благодаря ему, многіе теперь отбываютъ каторгу; нѣкоторые кончили жизнь на висѣлицѣ". Такъ аттестуетъ Богрова лицо, „стоящее ближе, чѣмъ кто-либо, къ г. Кулябко". Но какъ могъ г. Кулябко не задумываться надъ тѣмъ, что „чудная" работа предателя не можетъ не имѣть обратной стороны? Какъ могла не задаваться этимъ до наивности простымъ вопросомъ цѣлая цѣпь бывшаго и нынѣшняго начальства г. Кулябко,— цѣпь, „благодаря" которой провокація и предательство положены въ основу политическаго сыска?

Когда въ Думѣ обсуждался вопросъ объ Азефѣ, остались неопровергнутыми указанія на его участіе въ подготовленіи убійства Плеве и въ убійствѣ уфимскаго губернатора. А Азефъ былъ главою центральной организаціи террористовъ, — предатель съ многолѣтнимъ прошлымъ. И онъ, однако, для „чудной" работы на пользу охраны не могъ не „работать" на пользу революціоннаго террора. Богровъ же,— рядовой агентъ-провокаторъ, какихъ сотни, предатель, практиковавшій всего пять лѣтъ,—какъ могъ онъ приводить людей къ висѣлицѣ, если только подслушивалъ и доносилъ? Революціонныя организаціи дѣйствуютъ не менѣе конспиративно, чѣмъ охранныя отдѣленія. У нихъ тоже ведется „перекрестная слѣжка". Если для пріобрѣтенія довѣрія въ охранномъ отдѣленіи нужны не слова, не обѣщанія, а предательскія дѣйствія, то тѣмъ болѣе нужны не разговоры о сочувствіи, а совершенные террористическіе акты для пріобрѣтенія довѣрія среди террористовъ всѣхъ толковъ. Предатель не можетъ не имѣть двухъ формуляровъ, при чемъ въ каждомъ должны быть и „чудная" работа, и многократныя „благодаря". Пользующійся услугами политическаго предателя — не случайными услугами „штучника", а постояннымъ и систематическимъ содѣйствіемъ „сотрудника",—ставитъ ему дилемму: одновременно раскрывать и совершать преступленія—совершать одни въ цѣляхъ раскрытія другихъ. И руководитель сотрудника-провокатора не имѣетъ никакой возможности знать, что именно предатель въ данномъ случаѣ сдѣлаетъ: раскроетъ преступленіе или совершитъ. Такъ своими руками приготовили себѣ смерть Судейкинъ и Карповъ. Такъ жертвой системы провокаціи и вѣры въ нее пали великій князь Сергій Александровичъ и петербургскій градоначальникъ фонъ-деръ-Лауницъ, а теперь—П. А. Сто-

лыпинъ. Передавали, что Богровъ произвелъ выстрѣлъ въ П. А. Столыпина подъ вліяніемъ угрозы смертью со стороны революціонныхъ организацій, ибо его служба въ охранѣ была раскрыта. Центральная боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ это опровергаетъ. Не все ли равно? Стоитъ ли докапываться, какія побужденія заставили или вынудили Богрова, посланнаго для провокаціи, совершить террористическій актъ? Онъ былъ профессіональнымъ предателемъ еще со студенческой скамьи. Этого достаточно, чтобы ему никогда и ни въ чемъ нельзя было вѣрить.

Богровъ казненъ. Для разслѣдованія дѣйствій кіевскаго охраннаго отдѣленія назначена сенаторская ревизія. Что новаго можетъ раскрыть ревизія? Она, конечно, можетъ освѣтить детали,—поскольку г. Кулябко, по утвержденію „Новаго Времени“, былъ особенно „пылкимъ“ сторонникомъ провокаціи. И за эту „особенную пылкость“ г. Кулябко, вѣроятно, будутъ судить. Но суть дѣла не въ пылкости того или другого изъ начальниковъ охранныхъ отдѣленій, не въ большей или меньшей степени пользованія услугами „расколовшихся“ революціонеровъ. Суть дѣла въ азефовщинѣ, какъ системѣ, которая, какъ система, извѣстна и въ разслѣдованіи не нуждается. Если ревизія сведется на выясненіе деталей и личной виновности г. Кулябко, то ударъ придется не по системѣ, а по „пылкости“ отношенія къ ней. И правящая власть найдетъ обычное удовлетвореніе: виновата не система—виноватъ стрѣлочникъ.

Вокругъ покушенія, совершеннаго Богровымъ, разыгрались отвратительныя картины изувѣрства. Въ театрѣ Богрова избили. Элегантныя дамы бросали въ него бинокли. Начальникъ дворцовой охраны, полковникъ Спиридовичъ, выхватилъ шашку и сталъ его рубить. „По счастью,—писалъ въ „Новомъ Времени“ очевидецъ—шашка у жандармскаго офицера оказалась не отточенной, въ противномъ случаѣ личность преступника легко могла быть не выясненной“... Богровъ—еврей, и антисемиты дали полную волю своей ненависти къ еврейству. Правая печать открыто подсказывала низамъ населенія погромъ, возмущалась, что высшая власть приняла противъ погрома предупредительныя мѣры, и издѣвалась надъ евреями, торопившимися выѣхать изъ Кіева... Кіевскіе союзники и націоналисты потребовали, чтобы ихъ „представители“ были допущены на мѣсто казни, дабы эти представители „своими глазами“ видѣли, что смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе. И несмотря на категорическій запретъ закона, ихъ требованіе было исполнено. Мало того: когда Багрова вывели изъ кареты, товарищъ прокурора предложилъ „представителямъ“ его опознать. Въ отвѣтъ раздалось: „Какъ же! Онъ самый! Вѣдь я его въ театрѣ здорово побилъ. Онъ и въ томъ самомъ фракѣ, въ ко-

торомъ былъ въ театрѣ"... Послѣ казни союзники взяли „на память" куски веревки...

На ряду съ охраннымъ сыскомъ, столь же пышно расцвѣлъ въ послѣконституціонной Россіи сыскъ добровольческій. Русскій обыватель издавна былъ пріученъ держать языкъ за зубами и оглядываться по сторонамъ. Но въ годы свободы онъ языкъ развязалъ. Тогда довольно было собраться двоимъ или троимъ обывателямъ,—въ частной квартирѣ или въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, въ театральномъ фойе или въ пріемной присутственнаго мѣста, — чтобы сейчасъ же начался страстный политическій разговоръ. Ни въ обнаруженіи „преступныхъ" симпатій и мыслей, ни въ формѣ ихъ обнаруженія въ то время не стѣснялись. Къ моменту „укрѣпленія" обновленнаго строя не всѣ освободились отъ созданной тогда привычки. Кое-кто, случается, продолжаетъ говорить, забывая, что возвѣщенная свобода печатнаго и устнаго слова дана лишь для обнаруженія мыслей, идущихъ отъ праваго политическаго полюса. Для этихъ мыслей нѣтъ никакихъ ограниченій, что бы ни пропагандировалось. И носители ихъ широко пользуются своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Себя не стѣсняютъ, а оппонентовъ тащатъ въ участокъ. Возродилось стародавнее „слово и дѣло". Сказываютъ „слово и дѣло" вездѣ и повсюду. Съ особеннымъ усердіемъ—представители вовлеченнаго въ круговоротъ политики православнаго духовенства. Дошло до того, что при видѣ священнической рясы обыватели замолкаютъ не менѣе поспѣшно, чѣмъ при видѣ мундира урядника, околоточнаго или жандармскаго офицера.

Недавно одна изъ судебныхъ палатъ разсматривала слѣдующее характерное дѣло. Въ женской гимназіи захолустнаго города происходила выдача жалованья. Учителя входили въ кабинетъ начальницы, получали деньги, расписывались и уходили. На столѣ лежалъ подписной листъ для взноса пожертвованій на сооруженіе памятника въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Начальница предлагала листъ вниманію каждаго учителя. Она предложила сдѣлать пожертвованіе и учителю Х. Онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказался. Въ этотъ моментъ въ кабинетѣ, кромѣ начальницы, была классная дама, стоявшая въ сторонѣ отъ стола, у окна, и въ дверь входилъ законоучитель, до слуха котораго долетѣла сказанная Х. фраза. Никакого обмѣна мнѣній между начальницей, классной дамой и законоучителемъ тутъ же не произошло. И сказавшій рѣзкую фразу, и свидѣтельницы „преступленія" эпизодъ забыли. Но черезъ мѣсяцъ имъ пришлось его вспомнить. Въ гимназію явилось окружное начальство, а вслѣдъ за нимъ жандармскій офицеръ и прокуроръ. Оказа-

лось, что законоучитель, „потрясенный“ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, написалъ доносъ. Доносъ былъ полонъ лирическихъ изліяній. Авторъ доноса, сообщая о возмутившемъ его „преступленіи“, противополагалъ „преступнику“ и „укрывательницѣ“-начальницѣ себя—опору трона. Онъ не съумѣлъ скрыть, какія мечты, надежды и желанія продиктовали ему доносъ. Х. немедленно былъ арестованъ и уволенъ отъ службы. Начальница гимназіи арестована не была, но тоже подверглась увольненію. Для Х. началось томительное и мучительное дознаніе. По счастью еще, его недолго держали въ предварительномъ заключеніи. Черезъ годъ онъ предсталъ передъ палатой по обвиненію въ дѣяніи, влекущемъ каторгу. Палата измѣнила квалификацію обвинительнаго акта и, вмѣсто каторги, назначила шесть мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости. Показаніе законоучителя на судѣ дышало гордостью „сказавшаго слово и дѣло“ добровольца-сыщика...

Дѣло учителя Х. заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи. Помнится, лѣтъ двадцать назадъ были запрещены юбилейныя и т. п. „добровольныя“ подписки среди чиновниковъ. Но вскорѣ запретъ былъ не отмѣненъ, а забытъ. И безъ подписокъ нелегко жить чиновнику! Подписка же, вродѣ той, которая дала поводъ учителю Х. сказать рѣзкую фразу, есть, въ сущности ничто иное, какъ замаскированный политическій сыскъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на подписки тѣ, кому предлагается урѣзать тощій мѣсячный бюджетъ и изъ скуднаго жалованья „добровольно“ пожертвовать нѣсколько рублей. И могутъ ли они смотрѣть иначе? Кто изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, самъ, по собственной иниціативѣ, желаетъ сдѣлать пожертвованіе, тому не нуженъ подписной листъ. Онъ и безъ подписного листа найдетъ мѣсто, куда послать деньги. Листъ, лежащій на столѣ, гдѣ расписываются въ полученіи жалованья, нуженъ тому, кто думаетъ не о пожертвованіи, а о томъ, чтобы обратить на себя вниманіе или выдѣлиться изъ среды сослуживцевъ. Подписные листы на сборы съ патріотической цѣлью—контроль благонадежности чиновниковъ и служебнаго усердія ихъ начальства...

„Въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ дерутся“—писалъ, въ извѣстномъ приказѣ по войскамъ кіевскаго военнаго округа, М. И. Драгомировъ. Во второй половинѣ приказа знаменитый военный авторитетъ рекомендовалъ любителямъ кулачной расправы помнить, что нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ есть преступное дѣяніе, влекущее преданіе суду и отвѣтственности по закону. Съ тѣхъ поръ прошло полтора десятка лѣтъ. Въ войскахъ отмѣнено тѣлесное наказаніе. Армія пережила японскую войну и революціонный взрывъ, а „мордобойство“,

такъ называлъ кулачную расправу М. И. Драгомировъ, не искореняется. Если оно не процвѣтаетъ, то, во всякомъ случаѣ, существуетъ. И существуетъ, какъ фактъ общеизвѣстный. Въ то короткое время, когда не только наша правая, но и лѣвая печать была свободна, читать о „мордобойствѣ“ приходилось буквально ежедневно. Теперь свѣдѣнія, раскрывающія оборотную сторону казарменной жизни, вообще проникаютъ изъ-за стѣнъ казармъ очень рѣдко. Все же, однако, проникаютъ и даютъ право съ положительностью утверждать, что въ войскахъ „дерутся“. Но въ судебной хроникѣ нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ, особенно со стороны офицеровъ, отмѣчается не часто. До нѣкоторой степени это объясняется тѣмъ, что въ военныхъ судахъ широко примѣняется закрытіе дверей засѣданія по воинскимъ преступнымъ дѣяніямъ. Главная же причина коренится въ болѣе чѣмъ своеобразной постановкѣ въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ отвѣтственности офицеровъ за нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ. Эта постановка такова, что дѣяніе отнюдь не обязательно влечетъ наказаніе по суду: какъ бы грубо ни было совершенное насиліе, отвѣтственность можетъ быть ликвидирована въ дисциплинарномъ, т.-е., такъ сказать, домашнемъ порядкѣ.

На основаніи опредѣленій воинскаго устава о наказаніяхъ (ст. 185 и 186), за нанесеніе ударовъ и побоевъ нижнимъ чинамъ офицеры подвергаются содержанію на гауптвахтѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ или взысканію дисциплинарному и только въ случаѣ повторенія—исключенію изъ службы или отставленію; унтеръ-офицеры и вообще начальствующіе изъ нижнихъ чиновъ, независимо отъ повторенія дѣянія, подлежатъ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны, одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ или тоже взысканію дисциплинарному. По правиламъ военнаго процесса, если за данное преступное дѣяніе въ законѣ, въ ряду другихъ наказаній, положено дисциплинарное взысканіе, то преданіе виновнаго суду или разрѣшеніе дѣла въ дисциплинарномъ порядкѣ всецѣло предоставляется усмотрѣнію начальства. И, наконецъ, по правиламъ устава дисциплинарнаго, налагающій дисциплинарное взысканіе начальникъ въ мѣрѣ взысканія ничѣмъ не стѣсненъ, т.-е. можетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ ограничиться низшей мѣрой—арестомъ на сутки или даже выговоромъ. Такимъ образомъ, та „отвѣтственность по закону“, которую М. И. Драгомировъ рекомендовалъ вниманію „мордобойцевъ“, весьма и весьма условна. Если начальникъ соотвѣтственной степени держится того распространеннаго въ войскахъ взгляда, что „съ нашимъ солдатомъ безъ ругани и тычка не обойдешься“, то ни одинъ его подчиненный никогда за „мордобойство“ подъ судъ не попадетъ. По буквѣ закона, офицеръ обязательно подлежитъ наказанію по суду только при повторномъ со-

вершеніи дѣяній. Но и тутъ къ услугамъ практиковъ и теоретиковъ „мордобойства“ есть цѣлый рядъ кассаціонныхъ разъясненій, на основаніи которыхъ для наличности повторенія, требуется, чтобы виновный ранѣе понесъ наказаніе не въ дисциплинарномъ порядкѣ, а по судебному приговору. Слѣдовательно, офицеръ можетъ быть десятки разъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію за нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ и всетаки останется неуязвимымъ для суда, а при преданіи суду—неуязвимымъ для наказанія, влекущаго потерю права носить военный мундиръ и быть офицеромъ русской арміи.

Карательныя ставки имѣютъ въ уголовномъ законѣ двоякое значеніе. Во-первыхъ, онѣ говорятъ суду, какое онъ обязанъ или имѣетъ право назначить виновному наказаніе. Во-вторыхъ, въ нихъ выражается воззрѣніе законодателя на данное правонарушеніе и на сравнительную его тяжесть. Карательныя ставки общаго кодекса говорятъ населенію о той мѣрѣ энергіи, съ которой законодатель рѣшилъ бороться съ даннымъ преступнымъ дѣяніемъ, какъ съ соціальнымъ явленіемъ, и о томъ масштабѣ недопустимости, который онъ къ этому явленію прилагаетъ. Карательныя ставки спеціальнаго военнаго кодекса говорятъ тоже самое чинамъ арміи, распредѣляя по категоріямъ и группамъ тѣ явленія военной жизни, которыя заключаютъ въ себѣ посягательства на нормы, регулирующія установленныя въ войскѣ правоотношенія. Что же говорятъ карательныя ставки за нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ? Что говорятъ онѣ тѣмъ, которые бьютъ, и тѣмъ, которыхъ бьютъ? Болѣе, чѣмъ ясно, карательныя ставки и особенно условія ихъ назначенія объявляютъ „мордобойство“ фактомъ войсковой жизни, едва переступающимъ грань между терпимымъ и нетерпимымъ. И такое воззрѣніе усвоено нашимъ дѣйствующимъ военно-уголовнымъ законодательствомъ не случайно. Напротивъ, имѣются документальныя свидѣтельства, что иное воззрѣніе было предметомъ законодательнаго обсужденія и только въ конечной законодательной инстанціи не получило признанія.

Въ 1874-мъ году главный военный прокуроръ, В. Д. Философовъ, въ своемъ заявленіи по пересмотру воинскаго устава о наказаніяхъ, писалъ соединенному собранію главныхъ военнаго и военно-морского судовъ: „Въ ст. 190 и 191 (по нумераціи устава изд. 1868 г.) опредѣлены наказанія за нанесеніе ударовъ или побоевъ нижнимъ чинамъ. При этомъ, въ числѣ другихъ, упомянуты и дисциплинарныя взысканія. Остановясь на этихъ статьяхъ, мы находимъ, что существовавшее прежде въ войскахъ обыкновеніе наносить побои нижнимъ чинамъ, какъ обнаруживаетъ судебная практика, не искоренилось еще и въ настоящее время, и теперь не только унтеръ-офицеры, но и офицеры прибѣгаютъ къ подобной расправѣ. Даже нѣкоторые полковые коман-

диры не чужды того убѣжденія, что безъ побоевъ нельзя поддержать дисциплины. Поэтому на практикѣ виновные въ такомъ обращеніи рѣдко подвергаются законной отвѣтственности. Въ прежнія времена, при иныхъ условіяхъ военнаго быта, нижніе чины смотрѣли на побои, какъ на установленное закономъ наказаніе, и потому переносили ихъ безропотно. Нынѣ же, когда всѣмъ извѣстно, что законъ не допускаетъ такого способа взысканія, когда развитіе нижнихъ чиновъ стало значительно выше, на подобные побои со стороны подчиненныхъ стали появляться протесты, въ видѣ возраженій, несогласныхъ съ военной дисциплиной, а иногда въ видѣ болѣе дерзкихъ проступковъ. Посему, и имѣя въ виду, что со введеніемъ положенія объ общей военной повинности въ рядахъ арміи будетъ значительный процентъ нижнихъ чиновъ болѣе образованныхъ и, слѣдовательно, болѣе чувствительныхъ къ наносимымъ имъ оскорбленіямъ, я полагалъ бы дисциплинарныя взысканія изъ ст. 190 и 191 исключить, дабы угрозою наказанія, налагаемаго не иначе какъ по суду, удержать ближайшихъ начальниковъ и въ особенности унтеръ-офицеровъ отъ нанесенія побоевъ нижнимъ чинамъ". Большинство членовъ соединеннаго собранія вполнѣ согласилось съ предложеніемъ главнаго военнаго прекурора. А меньшинство (5 членовъ) признало, „что если исключеніе дисциплинарныхъ взысканій изъ числа наказаній, опредѣляемыхъ офицерамъ за нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ, вполнѣ своевременно, то этого нельзя сказать по отношенію къ начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ. Воспитанные, такъ сказать, на службѣ, подъ вліяніемъ прежнихъ обычаевъ, они, при сравнительно недостаточной сдержанности, могутъ скорѣе, чѣмъ офицеры, выйти изъ границъ самообладанія и, ревнуя о пользахъ службы, поднять руку на подчиненаго".

Такимъ образомъ, въ глазахъ соединеннаго собранія, спорнымъ представлялся лишь вопросъ о сохраненіи дисциплинарныхъ взысканій въ ряду наказаній, положенныхъ за кулачную расправу начальствующимъ изъ нижнихъ чиновъ. Но ни мнѣніе большинства, ни мнѣніе меньшинства силы закона не получили. Законъ былъ оставленъ безъ измѣненія. Осталось и „обыкновеніе наносить побои нижнимъ чинамъ", какъ, дипломатично выражаясь, писалъ В. Д. Философовъ. „Обыкновеніе" осталось и дожило до нашихъ дней, когда уже давнымъ давно нѣтъ въ арміи ни одного офицера и ни одного солдата, „воспитаннаго подъ вліяніемъ прежнихъ обычаевъ", — когда главный контингентъ арміи составляютъ не сыновья даже, а внуки крѣпостниковъ.

Не знаемъ, почему, но не было окончено въ дисциплинарномъ порядкѣ дѣло о старшемъ лейтенантѣ Церковскомъ. Тоже не знаемъ почему, но временный военно-морской судъ въ Либавѣ, разсматри-

вавшій недавно его дѣло, не закрылъ дверей засѣданія. Эти два, нарушившія „обыкновеніе“ изъятія сдѣлали достояніемъ гласности систематическое „мордобойство“, которое практиковалъ лейтенантъ Перковскій. Онъ билъ праваго и виноватаго, билъ во фронтѣ, вышибалъ зубы, трясъ матросовъ за носъ, дралъ имъ уши. О ругани, которою онъ сопровождалъ побои, конечно, говорить не приходится. Одного изъ подчиненныхъ ему матросовъ лейт. Перковскій обычно называлъ „сознательной сволочью“. По показанію свидѣтелей-сослуживцевъ, онъ проявлялъ особенную „строгость“ въ отношеніи той части команды, которую считалъ завѣдомо „сознательной“. Такъ вытравлялъ лейт. Перковскій воспоминаніе о прошлой революціи. Судовой священникъ показывалъ на слѣдствіи, „что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ лейт. Перковскій ударилъ на суднѣ фельдшера Евсѣева, и, что, имѣя постоянное сношеніе съ нижними чинами транспорта и бесѣдуя съ ними, пришелъ къ убѣжденію, что настроеніе у нижнихъ чиновъ очень возбужденное“. Судъ приговорилъ Перковскаго къ содержанію на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ безъ всякихъ правоограниченій. Судъ могъ назначить гауптвахту на шесть мѣсяцевъ, но могъ и ограничиться выговоромъ. Суть не въ этомъ. Суть въ томъ, что судъ не могъ назначить такого наказанія, въ связи съ которымъ офицерская служба для Перковскаго была бы навсегда и безповоротно закрыта. Пройдетъ мѣсяцъ и снова тѣ же самые матросы будутъ отданы во власть его „обыкновенію“ и темпераменту. Законъ бережетъ для службы „мордобойцевъ“, пока они во второй разъ не предстанутъ передъ судомъ.

М. И. Драгомировъ, въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, многократно возвращался къ вопросу о кулачной расправѣ. Въ 1905 г., незадолго до смерти, онъ снова посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ „Развѣдчикѣ“ [1]). „Есть—писалъ Драгомировъ—у насъ въ войскахъ болячки нестерпимыя и вывода на свѣтъ Божій настоятельно требующія. На нихъ бы стоило обратить вниманіе охотникамъ до гражданскихъ мотивовъ, по поводу ихъ возмущаться и кричать — хоть съ крышъ, но не знаю почему, сказанныя болячки не привлекаютъ, къ сожалѣнію, ничьего, или почти ничьего вниманія. Мы ихъ не скроемъ; ужъ каяться, такъ каяться: это такъ называемыя вольныя работы, пусканіе солдатъ по улицамъ грязными оборвышами, мордобойство и воровство; и всѣ эти грязныя болячки представляютъ отрыжки крѣпостного права“... „При крѣпостномъ строѣ дворянинъ поступалъ въ войска офицеромъ, а крестьянинъ солдатомъ, и ихъ отношенія переходили цѣликомъ въ военную службу, т.-е. и въ оной первый разумѣлъ себя бариномъ со всѣми общеизвѣстными послѣдствіями, а второй

[1]) См. М. Драгомировъ, „Одиннадцать лѣтъ“. Спб. 1909. Кн. II, стр. 475 и слѣд.

разумѣлъ себя его крестьяниномъ, правильнѣе сказать рабомъ, съ которымъ господинъ офицеръ можетъ сдѣлать, что хочетъ. Съ эмансипаціей эти отношенія измѣнились de jure, но de facto далеко еще нѣтъ, на что есть даже внѣшнія указанія хотя бы въ родѣ того, что до сихъ поръ солдаты всегда говорятъ о компаніи офицеровъ „господа“, т.-е. баре. Съ своей стороны, и многіе господа офицеры не словомъ, а дѣломъ зачастую показываютъ, что новые законы, опредѣляющіе ихъ отношеніе къ солдату, для нихъ пока не писаны“.

„Право бить по мордѣ, не получая, конечно,—за крайне рѣдкими исключеніями, — сдачи, составляло при крѣпостномъ режимѣ одну изъ высшихъ привилегій такъ называемаго благороднаго человѣка. Какой же онъ былъ бы и благородный, не имѣя объекта, которому могъ бы безнаказанно заѣзжать въ образъ и подобіе Божіе при надобности, а то и такъ, за здорово живешь—безъ всякой надобности, по взволнованному состоянію чувствъ“... „Это завидное право съ офицеромъ-бариномъ перешло въ войска и практиковалось на солдатѣ въ обширныхъ размѣрахъ, вплоть до членовредительства. Кто не дрался, считался слабымъ и безхарактернымъ“...

„Уже давно извѣстно, что рабство гораздо болѣе развращаетъ рабовладѣльца, нежели раба. Оно совершенно извращаетъ всѣ его нравственныя понятія. Позорное становится чуть не почетнымъ, сѣкачи и мордобои величаются своимъ искусствомъ, а не стыдятся его; сотратники ихъ по этимъ спеціальностямъ награждаютъ уваженіемъ тѣхъ, которые въ нихъ являются виртуозами. И рѣшительны-то они, и энергичны, и характерны, и на нихъ можно положиться въ важныхъ случаяхъ; все это совершенная ложь, такъ какъ всѣ подобныя качества познаются только изъ борьбы, а какая же тутъ борьба, когда одинъ хлещетъ въ усъ и въ рыло, а другой передъ нимъ стоитъ неподвижно руки по швамъ?..“ „И какъ не приходитъ въ голову этимъ господамъ, что ихъ морда слѣплена изъ той же самой глины, что и солдатская, и что если солдатъ объ этомъ догадается, то не хорошо будетъ“...

Къ приведеннымъ образнымъ цитатамъ можно прибавить развѣ одно. Драгомировъ правъ исторически, считая кулачную расправу въ войскахъ и существующее къ ней отношеніе „отрыжкой“ крѣпостного права. На этой же почвѣ трактовалъ вопросъ въ 1874 г. В. Д. Философовъ. Но если взять явленіе въ его современной обрисовкѣ и безотносительно къ исторіи, то придется признать, что оно есть результатъ не крѣпостного права, въ смыслѣ дѣленія людей на бѣлую и черную кость, а того права безграничнаго властвованія человѣка надъ человѣкомъ, которое было присуще крѣпостному праву и все еще считается въ войскахъ неизбѣжнымъ и необходимымъ элементомъ принципа воинскаго повиновенія. Современный офицеръ не потому

баринъ въ глазахъ солдата, что онъ дворянинъ по рожденію или по полученному чину, а потому, что солдатъ долженъ ему слѣпо и безпрекословно повиноваться, не разбирая что̀ и зачѣмъ приказывается. Офицеръ, въ отношеніи солдата, не потому даетъ волю рукамъ, что солдатъ крестьянинъ или мѣщанинъ, а потому, что онъ разумѣетъ свой начальническій долгъ какъ власть, предѣлы которой очерчены едва замѣтными штрихами. Въ практикѣ военнаго быта все еще уродливо, по фридриховски, понимается идея воинской дисциплины. И въ такомъ ея пониманіи немалая доля вины падаетъ на М. И. Драгомирова, ибо ему принадлежитъ введенный въ программу обученія войскъ афоризмъ, прямо противорѣчащій закону: „всякое приказаніе начальника исполняй, только противъ Государя—не моги“. Въ отношеніяхъ между людьми, когда на одной сторонѣ право безграничнаго подавленія личности человѣка и воли, а на другой—одна голая обязанность повиновенія,—не можетъ не быть эксцессовъ. „Дерутся“ въ войскахъ, „дерутся“ въ тюрьмахъ—дерутся вездѣ, гдѣ право силы царитъ надъ силою права.

Смиренный инокъ Иліодоръ не даетъ забыть о себѣ. Полиціи онъ объявилъ формальную войну. „Вчера—телеграфировалъ корреспондентъ „Русскаго Слова“ 9 сентября изъ Царицына—Иліодоръ служилъ всенощную. Несмотря на запрещеніе (!) и бдительный надзоръ со стороны иліодоровцевъ, въ храмъ прошла полиція. Увидѣвъ полицейскіе мундиры, Иліодоръ, совершавшій миропомазаніе, остановился и неистово закричалъ: „Полиція, убирайся! Чего безобразничаете? Сниму сейчасъ ризу. Православные, выведите ихъ изъ храма, боюсь ихъ, боюсь!“ И съ этими словами ушелъ въ алтарь. Иліодоровцы силой удалили чиновъ полиціи. Тогда прерванная служба возобновилась“... Служить панихиду по П. А. Столыпинѣ Иліодоръ отказался. „Столыпинъ—заявилъ онъ у себя въ монастырѣ—намъ ни родня, ни знакомый; никакого добра онъ не дѣлалъ“... По поводу пріобрѣтенія московской городской думой дома, въ которомъ жилъ Л. Н. Толстой, Иліодоръ прислалъ Н. И. Гучкову такую полную цинизма и площадной ругани телеграмму, что городской голова отказался ее огласить... Кажется пора перестать возмущаться Иліодоромъ, ибо надо соболѣзновать о несчастномъ, лишившемся разсудка; но не пора ли принять по отношенію къ нему соотвѣтствующія мѣры?

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцать лѣтъ со дня смерти Ивана Александровича Гончарова. Память его особенно дорога для „Вѣстника Европы“, въ которомъ онъ помѣстилъ одно изъ трехъ

главныхъ своихъ произведеній („Обрывъ"), превосходную критическую статью („Милліонъ терзаній") и воспоминанія о первыхъ годахъ его самостоятельной жизни; но его знаютъ и цѣнятъ всѣ, кому близка русская литература. Если „Обыкновенная исторія", въ цѣломъ, представляетъ преимущественно историческій интересъ, вводя читателей въ существенно измѣнившіяся съ тѣхъ поръ условія русскихъ провинціальныхъ и столичныхъ нравовъ, то не потеряли своей прелести страницы, посвященныя изображенію первой юношеской любви и первыхъ разочарованій. „Сонъ Обломова" остается до сихъ поръ лучшей картиной идиллической, лицевой стороны до-реформеннаго помѣщичьяго быта, оборотная сторона котораго увѣковѣчена „Пошехонской стариной" Салтыкова, а самъ Обломовъ продолжаетъ занимать выдающееся мѣсто въ портретной галлереѣ, созданной мастерами русскаго слова. Слово „Обломовщина" вошло въ обиходъ русскаго языка—и означаемое имъ понятіе не исчезло изъ русской дѣйствительности. Не для однихъ только подростающихъ поколѣній сохраняетъ свою привлекательность „Фрегатъ Паллада". И хотя Гончаровъ, по трактуемымъ имъ темамъ и по своему отношенію къ нимъ является писателемъ специфически русскимъ, хотя значительною частью своей славы онъ обязанъ своему своеобразному стилистическому искусству, но его извѣстность не ограничивается предѣлами Россіи: она не только не уменьшается, но растетъ и за границей. Превосходный знатокъ русской житейской обстановки, онъ умѣлъ глубоко проникать въ общечеловѣческую психологію сердца.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ второго Менделѣевскаго Съѣзда.

Второй Менделѣевскій Съѣздъ по общей и прикладной химіи и физикѣ, устраиваемый Русскимъ Физико-Химическимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, на основаніи разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, будетъ происходить въ Университетѣ съ 21 по 28 декабря сего 1911 года. Организаціей съѣзда завѣдуетъ Распорядительный Комитетъ, Почетнымъ Предсѣдателемъ котораго состоитъ академикъ Н. Н. Бекетовъ, предсѣдателемъ проф. И. И. Боргманъ, товарищемъ предсѣдателя проф. А. Е. Фаворскій, дѣлопроизводителями: по химіи проф. В. Н. Ипатьевъ, по физикѣ А. П. Аѳанасьевъ, казначеемъ Н. Н. Соковнинъ. Членами съѣзда могутъ быть лица, интересующіяся успѣхами химіи и физики въ Россіи.

Въ программу съѣзда входятъ не только вопросы по общей химіи и общей физикѣ, но и вопросы по всѣмъ приложеніямъ химіи и физики въ другихъ областяхъ какъ чисто научныхъ, такъ и техническихъ: въ біологіи, гигіенѣ, агрономіи, сейсмологіи, метеорологіи, астрофизикѣ, аэродинамикѣ, металлургіи, химической технологіи, телеграфіи безъ проводовъ и др. Кромѣ того, на съѣздѣ будетъ особый отдѣлъ по вопросамъ преподаванія физики и химіи въ высшей и средней школѣ.

Собранія на съѣздѣ предполагаются троякаго рода: 1) частныя по отдѣльнымъ спеціальностямъ; 2) соединенныя для докладовъ болѣе общаго характера, и 3) общія.

По просьбѣ Распорядительнаго Комитета рядъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, взяли на себя трудъ прочесть на съѣздѣ обзоры по новѣйшимъ успѣхамъ въ области химіи и физики.

Будутъ демонстрированы нѣкоторые опыты, а также устроены экскурсіи для осмотра различныхъ научныхъ, учебныхъ и техническихъ учрежденій.

При съѣздѣ предполагается также устройство выставки научныхъ и школьныхъ приборовъ.

Заявленіе о желаніи вступить въ члены съѣзда вмѣстѣ съ членскимъ взносомъ (5 рублей) направляется на имя казначея Н. Н. Соковнина (Спб., Университетъ, Химическая Лабораторія).

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.—ОКТЯБРЬ.

Англійскія геліогравюры: И. С. НИКИТИНЪ и ФРАНЦЪ ЛИСТЪ.

СТРАН.

I. МОЯ ДОЧЬ. — Изъ повѣсти дней моихъ. — **Мих. Осоргина (Ильина)** 3

II. ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ. — Кустари-крестьяне и фабричные рабочіе наканунѣ революціи. — **Максима Ковалевскаго** 51

III. ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОМЪ МІРѢ. — I. Новая служебная перемѣна. — II. Правленская сфера. — III. Желѣзнодорожная линія. — **Ѳ. Воропонова** 77

IV. У ВОДЫ.—Повѣсть.—I-XIV.—**Н. Осиповича** 110

V. ХИМЕРЫ.—Стихотвореніе **Рубакина** 150

VI. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ. . . 152

VII. БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.—Повѣсть Арнольда Беннета (Arnold Bennett: „A great man“).—I-XII. — Пер. съ англ. **М. Славинской** 183

VIII. Хроника. — КЪ ПЕРЕСМОТРУ ТОРГОВАГО ДОГОВОРА СЪ ГЕРМАНІЕЙ.—**В. П. Дроздова** 244

IX. СОВРЕМЕННЫЯ ВУЛКАНИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ. — **В. Агафонова** 264

X. ТРАГИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. — Письмо изъ Парижа.—**Бѣлоруссова** 286

XI. ВЪ СТРАНѢ НЕГУСА. — Окончаніе. — **Екатерины Малиновской** 301

XII. ЛИТЕРАТУРА О БИСМАРКѢ.—**Л. З. Слонимскаго** . . 315

XIII. КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ СМЕРТИ И. С. НИКИТИНА. — † 16 октября 1861 г.—**Ч. Вѣтринскаго** 322

XIV. ТРИ НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА.—**Н. И. Карѣева** 329

XV. ФРАНЦЪ ЛИСТЪ.—Къ столѣтію со дня его рожденія. 1811-1911.—**Григорія Тимофеева** 333

XVI. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 340

СТРАН.

XVII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Крымъ въ роли „всероссійской дачи".—Равнодушіе центральной Россіи къ Крыму.—Крымская малокультурность, какъ слѣдствіе общероссійской малокультурности.—Судьба крымскихъ татаръ.—Тормазы крымскаго прогресса.—Дѣятельность генерала Думбадзе и его помощниковъ.—Крымская электрическая желѣзная дорога.—Призваніе англійскихъ капиталистовъ.—Горные крымскіе курорты.—Успѣхи крымскаго винодѣлія.—Будущее Крыма.—**И. В. Жилкина** 349

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Убійство П. А. Столыпина.—Требованіе массовыхъ репрессій.—„Преступная атмосфера" и „вина общества".—Цѣли и средства.—Націонализмъ, какъ лозунгъ минуты.—Отношеніе его къ чувству законности.—Гаданія о ближайшемъ будущемъ.—Эксцессы панегирическаго усердія.—Postscriptum. . . . . ,358

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Воинственные планы Италіи.—Грозный ультиматумъ.—Положеніе марокканскаго кризиса.—Разсужденія нѣмецкихъ патріотовъ о войнѣ и мирѣ.—Партійный съѣздъ соціалъ-демократовъ въ Іенѣ и рѣчи о внѣшней политикѣ.—Заявленія Бебеля.—Французы и нѣмцы въ критическіе моменты марокканской распри.—Волненія изъ-за дороговизны и рабочія забастовки 372

XX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Твори Т. Шевченко з малюнками, т. I, „Кобзарь". изд. 2-е; т. II, изд. 1-е.—Малюнки Тараса Шевченка, изд. Общ. им. Т. Г. Шевченка, вып. I.—**М. Славинскаго.**—Политика Аристотеля, перев. С. А. Жебелева. (Труды С.-Пет. Фил. Общ., вып. VII-й).—**И. Бороздина.**—Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отч. с.-пет. стол. мир. судьи Н. А. Окунева.—**Д. К.**—Прив. доц. П. Л. Кованько. Госуд. расходы Россіи по предметамъ назначенія за 1903—1911 г.—А. Финнъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи.—**В. В.**—В. К. Дмитріевъ. Крит. изслѣд. о потребленіи алкоголя въ Россіи, съ пред. П. Б. Струве и 4-мя діаграммами.—**З. Либмана.**—Эбинезеръ Гоуардъ (Ebenezer Howard). Города будущаго, перев. съ англ. А. Ю. Блохъ.—**В. Б—ъ.**—Jacques Rambaud. Naples sous Jos. Bonaparte.—**Н. Карѣева.**—Dr. Etienne Burnet. Microbes et Toxins. (Bibliothèque de philosophie scientifique publ. G. Le Bon.), пред. проф. И. И. Мечникова.—**А. Щ.**—Новыя книги и брошюры 385

XXI. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Убитъ министръ—умеръ человѣкъ.—Еще и еще о провокаціи и „сотрудничествѣ".—Политическое предательство и сыскъ.—Изувѣрство.—Возрожденіе „слова и дѣла".—Сборы и подписки съ патріотической цѣлью.—Кулачная расправа въ войскахъ.—Дѣло лейтенанта Перковскаго.—М. И. Драгомировъ о „мордобойствѣ".—Новыя выступленія о. Иліодора.—Двадцатилѣтіе со дня смерти И. А. Гончарова. . 408

XXII. ИЗВѢЩЕНІЕ 424

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 427

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

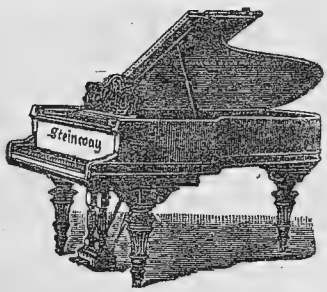
Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

РОЯЛИ и ПІАНИНО

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ:



СТЕЙНВЭЙ и С-вья
Рояли въ 1500, 1800, 2100, 2500, 3000 и 3500 р. Піанино въ 850, 1050 и 1250 р.

БЛЮТНЕРЪ
Рояли въ 1100, 1150, 1200, 1400, 1600 и 2000 р. Піанино въ 700, 800 и 900 р.

ШИДМАЙЕРЪ
Рояли въ 900, 1000, 1100, 1200 р. и дорже. Піанино въ 650, 700, 750 р. и дороже.

ФИДЛЕРЪ
Рояли въ 800, 900, 1000 р. и дороже. Піанино въ 500, 550, 575, 600, 650 р. и дороже.

И ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ФАБРИКЪ.

Рояли отъ 600 р. Піанино отъ 375 р. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ СТИЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

С.-Петербургъ, Морская, 34.—Москва, Кузнецкій мостъ.—Рига, Сарайная, 15.

Жюръ и Жерилизъ.

МОСКВА, Петровка, 2.

Вышелъ изъ печати ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА СЕЗОНЪ ОСЕНИ И ЗИМЫ 1911-1912 г., который разсылается, по требованію, всѣмъ иногороднимъ БЕЗПЛАТНО.

Книжный складъ Т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ С.-Петербургъ, Невскій, 40, кв. 43.

НОВЫЯ КНИГИ:

Гольдебаевъ. Разсказы, т. III. 1 р.

Гоуардъ. Города будущаго, съ 5 діагр. 1 р.

Рославлевъ. А. Разсказы. I-я книга 1 р. 25 к.

Нагродская. Гнѣвъ Діониса. Изд. 4-е. 1 р. 50 к.

— Аня. изд. 2-е. 1 р.

Русское воздухоплаваніе. Исторія и успѣхи. Подъ ред. воен. инж. Найденова и проф. Рынина. Богато иллюстрир. изданіе, выходитъ по подпискѣ. Подробные проспекты высылаются безплатно. Вышелъ вып. I-ый. 2 р. 50 к.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Мартова, Маслова и Потресова. Т. IV-й. Кн. II-я. 3 р. Ранѣе вышли т. I. Ц. 5 р. Т. II. Ц. 5 р. Т. IV. кн. I, ц. 2 р. Печатается III т.

Лаговъ, Н. Парижъ и его обычаи и порядки. Изд. 3-е. 2 р.

Джибсонъ. Современныя научныя теоріи. 75 к.

Кольраушъ. Введеніе въ дифференціальное и интегральное исчисленіе. 2 р

Д-ръ **Поль Дюбуа.** Самовоспитаніе. Пер. съ 3-го фр. изд. 1 р.

Извѣстія общества Толстовскаго музея. № 1, іюль, 1911 г. 50 к.

Изданія комиссіи по организаціи образовательныхъ экскурсій.

Вѣна. Путеводитель, въ пер. 1 р. 50 к.

Берлинъ. Путеводитель, въ пер. 1 р. 25 к.

— **Римъ.** Международная выставка 1911 г.—60 к.

Шпицеръ. С. Повѣсти и разсказы, т. II. 1 р.

Бяликъ. Пѣсни и поэмы. Перев. Жаботинскаго. 2 р.

М. Оду. Мари-Клеръ. Романъ съ пред. Октава Мирбо. 80 к.

Тагѣевъ-Рустамъ-Бекъ. За океанъ на Филиппины, съ иллюстрац. въ роскош. пер. 1 р. 40 к.

Здоровый столъ. Кулинарная книга подъ редакціей д-ра Кащенко. Въ изящ. пер. 3 р. 75 к.

Матте. Роспускъ парламента на Западѣ 2 р.

Бывшій Богословъ. Необходима ли религія, главнымъ образомъ христіанство для нравственности. 2 р.

Желѣзновъ. Уральцы. Въ 3-хъ томахъ, ц. 4 р. Василій Струняшевъ, ц. 25 к. Картины казачьей жизни, ц. 15 к.

Гомперцъ. Греческіе мыслители. 2 р. 75 к.

Пелла. Іонизація газовъ. Корпускулы, ц. 1 р.

Тотоміанцъ. Сельско-хозяйственная кооперація. 2 р.

Эренбургъ. Я живу. Стихотворенія. 1 р.

Ражо. Ученые и философія. ц. 1 р.

Маргуліесъ, Д-ръ. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. 1 р.

Финнъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи (1890—1910 г.) 3 р. 50 к.

Карениинъ, В. Муся. (романъ). 1 р. 50 к.

Бурже, д-ръ. Нѣкоторыя заблужденія и обманы въ модной медицинской наукѣ. 1 р.

Ягодовскій, К. Лѣтнія работы по естествознанію. 1 р. 40 к.

Эббингаузъ, Г. проф. Берлин. универс. Основы психологіи. Пер. съ 2-го нѣм. изд. Г. Котляра, подъ редакціей проф. Серебренникова и Радлова, т. 1-й, в. I-й 3 р., в. II—2 р. 50 к.

Петръ Струве. Patriotica. Политика. культура, религія. Сборн. статей за 5 лѣтъ. 3 р.

Рони-Старшій. Борьба за огонь. Доистор. романъ. 1 р.

Блохъ, И., д-ръ. Половая жизнь нашего времени и ея отношеніе къ современной культурѣ. Изд. 2-е. 2 р. 50 к.

АРКАДІЙ ВЕЛЬСКІЙ. ЗАПИСКИ ПЕДАГОГА. Съ вступительнымъ письмомъ проф. **П. Ф. Лесгафта.** Ц. 1 р.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ. Составляетъ новыя и пополняетъ существующія библіотеки общественныя, публичныя, школьныя, сельскія и т. д. Заказы высылаются наложеннымъ платежемъ быстро и аккуратно. Каталоги по требованію БЕЗПЛАТНО.

Журнальный фонд Областной Библиотеки

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на собраніе неизданныхъ

художественныхъ произведеній

Л. Н. Толстого.

ИЗДАНІЕ АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Слѣдуя указаніямъ, даннымъ ЛЬВОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ТОЛСТЫМЪ, дочь его, Александра Львовна, предприняла изданіе оставшихся послѣ него, еще не бывшихъ въ печати, его художественныхъ произведеній.

Чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ издательницей согласно волѣ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА.

Въ это изданіе войдутъ слѣдующія повѣсти, драмы и неоконченныя произведенія:

Хаджи-Муратъ.—Отецъ Сергій.—Дьяволъ.—Фальшивый купонъ.—Послѣ бала.—Что я видѣлъ во снѣ?—Алеша Горшокъ.—Живой трупъ.—Ходынка.—Отъ ней всѣ качества. — Записки сумасшедшаго. — Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ.—Кто убійцы?—Записки Ѳедора Кузьмича. — Вступленіе къ исторіи матери.—Дѣтская мудрость. — Отецъ Василій **И НѢКОТОРЫЯ ДРУГІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.**

Изданіе это выйдетъ въ свѣтъ по подпискѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпл., и будетъ состоять изъ трехъ изящныхъ томовъ большого формата, на лучшей бумагѣ, съ портретами и автографами Л. Н. Толстого.

I томъ выйдетъ 7 ноября 1911 года, **II**—2 декабря 1911 года и **III**—5 января 1912 года.

ЦѢНА ЗА ТРИ ТОМА ШЕСТЬ руб., съ пересылкой 6 руб. 50 коп.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3** руб. и при полученіи I тома—остальные **3** руб.

Подписка принимается: МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ кн. Гагарина, кв. 5, контора изданій А. Л. Толстой, и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книжный Складъ
М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

(Спб., Вас. остр., 5-я линія, собств. домъ № 28).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Д. И. БАГАЛѢЙ, проф. Очерки изъ русской исторіи—томъ I. Статьи по исторіи просвѣщенія. 1911 г., цѣна 3 руб.

Н. БАРСУКОВЪ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Тома 1—21, цѣна каждаго 2 руб. 50 коп.

Его-же. Тоже, т. 22-й, съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ 22 томамъ. Спб., 1910 г., цѣна 3 руб.

Сочиненіе, дважды увѣнчанное Императорскою Академіею Наукъ полною Уваровскою премією.

Г. ДЖАНШІЕВЪ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 10-ое, дополненное. Спб., 1907 г., цѣна 2 р. 50 к.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ. Собраніе сочиненій (Историческія монографіи и изслѣдованія). Спб., 1903—06 гг., цѣна всѣхъ 8 книгъ—25 руб. въ 8 коленкоровыхъ переплетахъ съ золототисненіемъ 31 руб.

Н. П. ПАВЛОВЪ-СИЛЬВАНСКІЙ. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. (Сочиненія, т. I).

Его-же. Очерки по русской исторіи XVIII и XIX вв. («Сочиненія», т. II). Спб., 1910 г., цѣна 1 руб. 50 коп.

Его-же. Феодализмъ въ Удѣльной Руси. 1) Община и боярщина. 2) Феодальныя учрежденія. Изслѣдованіе. Съ приложеніемъ біографіи и портрета автора («Сочиненія», т. III). Спб., 1910 г., цѣна 2 р. 50 к.

А. Н. ПЫПИНЪ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 4-ое. Спб., 1908 г., цѣна 3 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисн. 3 руб. 55 коп.

М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ. Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Три тома, цѣна 8 руб.

Н. И. КАРѢЕВЪ, проф. Исторія Западной Европы въ новое время. Въ шести томахъ. Цѣна 23 руб. 50 коп. 5 том. въ 4-хъ коленкоровыхъ переплетахъ съ золототисненіемъ 19 р. 70 к.

и многія другія.

Подробности въ каталогѣ, который высылается безплатно, на пересылку—7 коп. марку.

Открыта подписка на
ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
Толстовскаго Музея

ВЫХОДИТЪ 10 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

С.-Петербургъ, Толстовскій Музей, Вас. Остр., 1 линія, д. № 24, кв. 8.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Россіи съ пересылкой на	годъ . . .	4 р. — к.
„ „ „ „ „	полгода . .	2 „ — „
Заграницей „ „ „	годъ . . .	5 „ — „
„ „ „ „	полгода . .	2 „ 50 „

За отдѣльный номеръ 50 коп. За перемѣну адреса 20 коп.

Въ журналѣ, помимо оффиціальныхъ документовъ, исходящихъ отъ общихъ собраній, коммиссій и совѣта общества, знакомящихъ съ ходомъ работъ Музея, по мѣрѣ возможности будутъ печататься еще до сего времени не опубликованныя произведенія Л. Н. Толстого, а также статьи, воспоминанія, дневники и пр., такъ или иначе связанные съ личностью и дѣятельностью Л. Н. Толстого. Кромѣ того, въ „Извѣстіяхъ“ возможно полно будетъ зарегистровываться текущая, русская и иностранная, библіографія, касающаяся Л. Н. Толстого. Каждый номеръ „Извѣстій“ будетъ иллюстрированъ нѣсколькими снимками.

Только что вышелъ №. 1 (Іюль) „Извѣстій“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.—Письма (13) **Л. Н. Толстого къ М. В. Алехину.**—Предисловіе и примѣчанія къ нимъ **Влад. Бончъ-Бруевича.**—Толстовскій Музей (Докладъ, прочитанный на первомъ общемъ собраніи Московскаго отдѣленія Общества Толстовскаго Музея) **П. И. Бирюкова.**—Четыре фотографическихъ снимка двухъ залъ Музея.—Къ рисункамъ. — Памяти Владимира Михайловича Воинова, **Мих. Стаховича.** — Письмо **В. М. Воинова** къ Л. О. Пастернаку. — Портретъ В. М. Воинова. — Къ портрету В. М. Воинова.—Опись книгъ, портретовъ и разныхъ вещей, переданныхъ въ даръ Толстовскому Музею Владимиромъ и Олегомъ Воиновыми.—Хроника.—Свѣдѣнія для отправляющихся въ Ясную Поляну отъ московскаго отдѣленія Общества Толстовскаго музея.—Библіографія.—Книги, поступившія въ редакцію.—Уставъ О-ва Толстовскаго Музея. — Протоколъ общаго собранія Общества Толстовскаго Музея 27-го марта 1911 г. — Отчетъ Совѣта Общества Толстовскаго Музея Годичному Общему Собранію 1 мая 1911 года о дѣятельности Общества за 1910 — 11 г. — Отчетъ казначея за 1910 — 11 годъ. — Смѣта Общества Толстовскаго Музея за 1911—12 г.—Докладъ Ревизіонной Комиссіи.—Отчетъ Ревизіонной Комиссіи.—Списокъ пріобрѣтеннаго Музеемъ къ дню его открытія 1 мая 1911 г. Списокъ пожертвованій, поступившихъ къ открытію Музея до 1 мая 1911 г.—Списокъ членовъ Общества.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ „Извѣстій Общества Толстовскаго Музея“. С.-Петербургъ, Толстовскій Музей, Вас. Остр., 1 линія, д. № 24, кв. 8 и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель: **О-во Толстовскаго Музея.** Редакторъ: **Влад. Бончъ-Бруевичъ.**

Поставщикъ Двора
Его Императорскаго Величества

К. М. Шредеръ.

ПЕРВАЯ РОССІЙСКАЯ ПАРОВАЯ ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА

основ. въ 1818 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 52.

Рояли и піанино новой модели осени 1911 г.

Инструменты фабрики **К. М. Шредеръ** рекомендуются извѣстнѣйшими піанистами, какъ **Гофманъ**, Годовскій, Грюнфельдъ, Генъ, Зауеръ, Сафоновъ, Сенъ-Сансъ и друг.

ІОСИФЪ ГОФМАНЪ пишетъ: Рояли **Шредера** по своимъ качествамъ не только **лучшіе** въ Россіи, но могутъ быть достойно приравнены къ лучшимъ издѣліямъ Германіи, Австріи, Франціи и Америки.

К. Сенъ-Сансъ пишетъ: «Богатый полный тонъ звука, легкость, съ которой достигается остальная нюансировка—всѣ эти качества Вашихъ инструментовъ, говоря правду, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ № 11 безплатно.

НОВОСТЬ

духи, о-де-колонъ

Адорабль

пріятный нѣжный и стойкій запахъ.

Т-ВО парф. фабр. С. И. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С-ми.

МОСКВА.